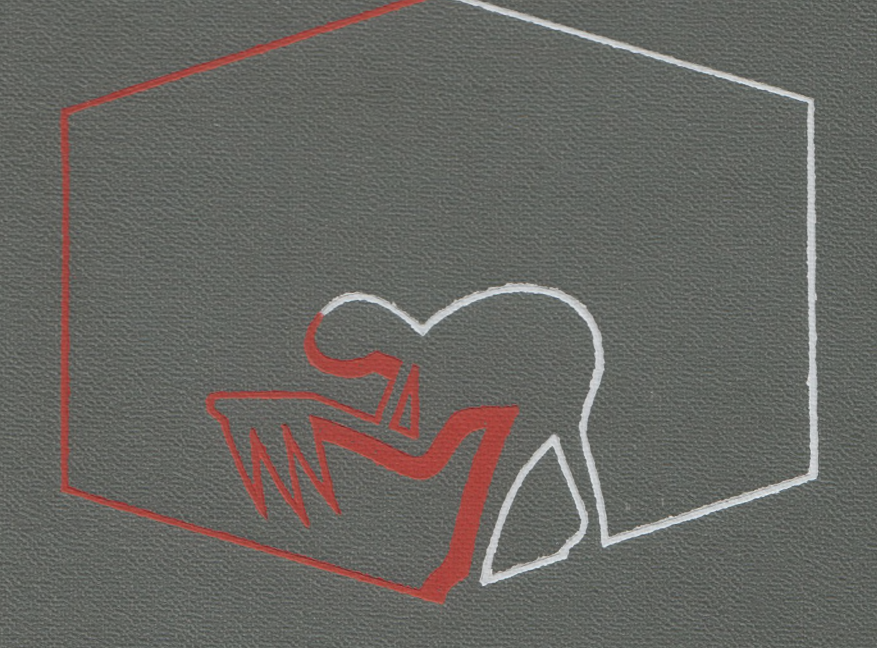
РАБСТВО В СТРАНАХ ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РАБСТВО В СТРАНАХ ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Р13

Ответственные редакторы
О. Г. БОЛЬШАКОВ, Е. И. КЫЧАНОВ

Сборник посвящен важной теме — формам бытования, месту и роли в общественной жизни рабовладельческого уклада в странах средневекового Востока. Во многих странах Востока рабство сохранялось практически до XX в., оказывая влияние на социальные структуры и общественное сознание. Материалы сборника показывают, что, несмотря на специфику форм бытования рабства в странах и регионах Востока в средние века, могут быть прослежены и общие закономерности. Исследования важны и в плане изучения комплекса причин социально-экономической отсталости Востока в новое время.

Р $\frac{0504020000\text{-}159}{013(02)\text{-}86}$ 198-86

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «Рабство в странах Востока в средние века» составлен по рекомендации покойного академика Е. М. Жукова, который всегда придавал большое значение изучению докапиталистических формаций. Составление сборника было поручено Ленинградскому отделению Ордена Трудового Красного Знамени Института востоковедения Академии наук СССР. Данный сборник — первый опыт работы такого рода. Он, к сожалению, не охватывает полностью все регионы средневекового Востока. Очевидным недостатком данной книги является отсутствие статей о рабстве в средневековой Индии. Авторы статей не всегда придерживаются одинаковой точки зрения на положение рабов, характер и роль рабства в обществах средневекового Востока. Тем не менее представляется, что предлагаемое вниманию читателей исследование впервые в советском востоковедении дает наиболее полное представление о рабстве в странах Востока в средние века.

Вступление к сборнику написано д. и. н. Е. И. Кычановым, заключение д. и. н. О. Г. Большаковым.

ВВЕДЕНИЕ

После разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу рабство, будучи первой, самой откровенной и неприкрытой формой эксплуатации человека человеком, в течение тысячелетий прослеживается в истории практически почти всех обществ, сопровождая все три великие эпохи цивилизации — древность, средние века и новое время. «Рабство,— писал Ф. Энгельс, — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трех великих эпох цивилизации; открытое, а с недавних пор замаскированное рабство всегда ее сопровождает» [1, с. 175]. Рабство как форма порабощения и эксплуатации сопровождает все цивилизации древности и средневековья во всех без исключения странах Востока. И в средние века оно отчетливо выявляется как одна из форм эксплуатации и форм социальных отношений в восточных обществах.

В ряде стран Востока рабство, пусть даже в его пережиточных формах, благополучно просуществовало до XX в. В 1926 г., находясь в одной из провинций Китая — Синьцзяне, Н. К. Рерих писал: «Еще в Хотане нам серьезно предлагали вместо найма прислуги купить несколько слуг и девушек, уверяя, что это гораздо удобнее и обходится гораздо дешевле. Хорошая девушка продается за 25 сар, т. е. менее 20 долл. Конюха можно было купить за 30 сар, а дети — те совсем дешевы, от 2 сар до 5. В Токсуне семипалатинская казачка, вышедшая замуж за китайца, показывала нам девушку киргизку, купленную ею за 3 сары» [8, с. 122].

И в наши дни еще встала необходимость ввести специальную (4-ю) Всеобщую декларацию прав человека, принятую ООН в 1948 г., и объявить запрет рабства и работорговли во всех их видах.

Рабство существовало тысячелетия, а как социальное явление изучено пока недостаточно. Объясняется это многими причинами, главными из которых являются ограниченность источников и трудность разработки проблемы, ввиду того что, как справедливо отмечено акад. М. А. Коростовцевым, «история представляет чуть ли не бесконечный спектр различных форм рабства и типов рабской зависимости» [3, с. 300]. Не существует и выработанного марксистской исторической наукой единого понятия «раб». Его нет ни в БСЭ, ни в СИЭ. Это не озна-

чает, что в прошлом в правовых документах и правосознании людей такого понятия не было выработано. Еще античными юристами было дано довольно четкое определение понятия «раб»: раб — это «тот, право на которого принадлежит господину»; «тот, право на которого принадлежит господину, называется рабом, а тот, право на которого не принадлежит его господину, не называется рабом». По нашему мнению, раб — это человек, который является собственностью другого лица, или группы лиц, или государства. Во многих случаях раба трудно отличить от крепостного, поскольку два основных признака рабского и крепостного состояния, а именно, то, что это люди, являющиеся собственностью другого человека, или группы людей (например, монастыря), или государства, люди, утратившие право собственности на свою личность, «право распоряжаться собою в пределах действующих в обществе правовых установлений, по своему усмотрению и в своем интересе», люди, подвергающиеся эксплуатации путем внеэкономического принуждения, — признаки характерные как для раба, так и для крепостного. Разделение рабов и крепостных по их отношению к средствам производства (раб лишен их полностью, а крепостной лишь частично) не является надежным критерием, во всяком случае, для стран Востока, где нередко рабы имели и семью и собственность. Ограничение объема права собственности хозяина на лично-несвободного, различие в объеме этих прав также не могут служить надежным критерием для определения того или иного лично-несвободного — раб он или крепостной. Некоторые авторы этого сборника, пользуясь этим критерием, в своих статьях употребляют термины «раб», «крепостной» или «холоп». Между тем понятие крепостного состояния в марксистской науке относилось прежде всего к крестьянам, прикрепленным к земле феодала. «Основной признак крепостного права, — писал В. И. Ленин, — тот, что крестьянство... считалось прикрепленным к земле» [2, с. 75—76]. Возможно, лишь прай луанг в Сиаме — люди, принадлежавшие королю и «посаженные» специально на землю, по своему состоянию отвечают понятию крепостных. В странах Дальнего Востока в определенные периоды китайской истории на рабов выдавался земельный надел. Общей тенденцией в первом тысячелетии нашей эры было сокращение доли рабского труда в сельском хозяйстве. Смотреть на раба как на вещь, как на «говорящее орудие» также не было характерно как для дальневосточного, так и ближневосточного права. Различие между рабами, а также людьми, близкими им по правовому статусу, и их хозяевами — это различие между хозяевами и их собственностью, между лично-несвободными и лично-свободными людьми и между ними право Востока, в частности Дальнего, проводило резкий водораздел. Восток «засвидетельствовал» большую дробность статусов лично-несвободных людей, определявших различие объема прав собственности на них со стороны отдельных лиц, коллективов и государства. Приведен-

ные в сборнике материалы, особенно по Китаю и Японии, хорошо показывают это.

В средние века сложилось идеологическое оправдание рабства, прежде всего в мировых религиях. Буддизм объяснял рабское положение человека его кармой, христианство — наказанием за грехи, ислам рассматривал рабство «как проявление воли Аллаха, который может вознести или уничтожить человека». В иудаизме рабство рассматривалось как проявление воли божьей: верующий иудаист до сих пор в своей молитве благодарит бога за то, что тот не создал его рабом. Все мировые религии в отдельных случаях допускали осуждение рабства, но это не меняло сути дела — в глазах адептов всех мировых религий рабское состояние было проявлением воли божьей. Конфуцианство, которое нельзя рассматривать как мировую религию, делило людей на тех, кто работает физически, и тех, кто работает умственно; те, кто работал физически, «напрягал свои мускулы», естественно, был во власти и под управлением тех, «кто напрягал свой ум» [4, с. 160]. В Китае в средние века была распространена теория уголовного происхождения рабства, согласно которой рабы были потомками лиц, осужденных ранее за уголовные преступления, т. е. людьми недостойными, презираемыми.

Средневековый Китай, если мы таковым (традиционно для нашей науки) будем считать Китай с III в. н. э., после гибели династии Хань (220 г. н. э.), унаследовал рабство от древнего Китая. К этой эпохе для обозначения государственных и частных рабов сложились термины: «ну» — «раб-мужчина» и «би» — «рабыня», собирательный «нуби» — «мужчины-рабы и женщины-рабыни». Эти термины наряду со множеством других, отражавших конкретные названия различных групп лично-несвободных людей разных профессий и правовых статусов, были основными. В силу большого влияния китайского права, социальных институтов и культуры Китая в средние века на соседние народы они были восприняты в Корее: «но» — «раб-мужчина», «би» — «рабыня», «ноби» — «рабы»; в Японии: «ну» — «раб-мужчина», «хи» — «рабыня», «нухи» — «рабы». Разные названия для раба-мужчины и рабыни были характерны для многих народов. Сасанидское право различало термины: «раб-мужчина — «abda» и «рабыня» — «amta». У ряда народов названия для рабов различались по источнику их порабощения.

На протяжении всей истории человечества и всюду в странах средневекового Востока основным источником пополнения числа рабов были военнопленные. Вряд ли можно сомневаться в том, что плен, захват человека силой на войне или в результате разбойничьего набега были первым источником рабского порабощения вообще, когда появилась возможность не только съесть пленника или убить его как соперника или врага, но и заставить работать на себя, но так, чтобы плодов его труда оказалось достаточно для поддержания его жизнедеятельности

и трудоспособности и для того, чтобы присваивать часть их для себя. Здоровые мужчины и женщины использовались для работы, красивые молодые женщины — для удовлетворения сексуальных потребностей победителей; отсюда, видимо, и различие в названии для рабов и рабынь. Китайское слово «би» («рабыня») является омонимом наименования «vulva».

Плен остался основным источником рабства и тогда, когда начали порабощать и соплеменников. Человек, взятый на войне в плен, рассматривался как законная добыча, как захваченное имущество и на основании права силы, захвата считался рабом. Взятый в плен иноплеменник был «не свой», «чужой» человек, что позволяло приравнивать его захват к захвату скота и прочего имущества и обращать в рабство. Акт захвата, став нормой права, приобрел юридическую силу. По римскому праву, захват в плен был юридическим основанием для возникновения рабского состояния. Раб — пленный чужеземец и раб-соплеменник могли различаться терминологически. Если прав И. Я. Фроянов, то так было, например, в Киевской Руси, где рабы терминологически различались по источнику их закабаления. Рабы из числа пленных именовались челядью, рабы из местного населения именовались холопами [9, с. 86]. Древние иудеи различали рабов-иудеев и рабов-инородцев. Рабы-инородцы были рабами в собственном смысле этого слова. Древние иранцы также терминологически различали раба-чужеземца и раба-иранца. Противопоставление рабов-сиамцев и рабов-иноземцев было известно и в Сиаме. Как показывают публикуемые материалы, во всех странах Востока в средние века война (пиратство, похищение людей с целью продажи и порабощения можно рассматривать как частный случай захвата людей в ходе военных действий) была основным источником пополнения числа рабов. Примеры этого, приводимые во всех без исключения статьях сборника, многочисленны и красноречивы.

Вторым равноправным по значимости источником пополнения числа рабов в странах средневекового Востока было их естественное воспроизводство. Рабское состояние было наследственным. Потомок рабов мог стать только рабом. Хозяева заботились о воспроизводстве рабов так же, как заботились о размножении скота. Приравнивание положения рабов, в особенности рабынь, к положению скота — характерная черта рабовладения и его оформления в праве в странах средневекового Востока. В одном из сиамских кодексов было сказано: «Дети, рожденные от брака рабов, принадлежащих различным хозяевам, будут все принадлежать хозяину матери, подобно тому как телята все принадлежат владельцу коровы». В Китае закон требовал, чтобы рабы и рабыни и все другие лично-несвободные люди «образовывали пары» в соответствии со своим статусом и имели потомство, которое рассматривалось как приплод. В Киевской Руси, судя по тексту «Пространной Правды», ребенок от рабыни, «плод от челяди», приравнивался к плоду от скота.

«Челядь тем только и отличается от скота, что может лишь говорить» [9, с. 91, 92]. Почти во всех спорных случаях «приплод» считался собственностью хозяина рабыни. Исключение составлял тот случай, когда затрагивались интересы государства и ребенок от рабыни, принадлежавшей частному лицу, и раба, принадлежавшего государству, отходил в казну. Дети от смешанных браков чаще всего также рассматривались как «приплод». Достаточно было того, чтобы один из родителей был лично-несвободным, и его ребенок приобретал статус лично-несвободного (цзянь). На Ближнем Востоке дети от брака раба со свободной рассматривались как рабы. По китайскому праву, женщина, вышедшая замуж за раба, сама становилась рабыней, а ее дети — рабами. Закон не одобрял такие браки. (На Ближнем Востоке женщина, вышедшая замуж за раба, становилась рабыней, если не внимала троекратным предостережениям хозяина этого раба.) По китайскому праву, брак свободной женщины с рабом запрещался, ребенок от такой связи отходил в казну и становился казенным рабом. Свободная женщина могла стать женой буцюй, но такой брак означал для нее потерю личной свободы и переход в сословие «буцюй». Рабыня могла стать женой хозяина, только получив свободу и нередко пройдя соответствующие религиозные обряды, как это было у тангутов в Си Ся.

Ту же картину мы наблюдаем и на Ближнем Востоке, где хозяин, прежде чем сделать свою рабыню своей законной женой, должен был дать ей личную свободу и заявить, что он берет ее в жены, в присутствии священников. В Таиланде же, известно, что свободная женщина, вышедшая замуж за раба, не становилась рабыней.

В Китае рабы и другие категории лично-несвободного населения могли быть освобождены по старости или инвалидности. Такое освобождение не прерывало естественного прироста лиц рабского состояния; освобождались уже те, кто не мог дать «приплода». Не было это и актом конфуцианской гуманности, как пишут авторы некоторых статей. Казна просто освобождалась от нетрудоспособных нахлебников.

Для Дальнего Востока одним из источников пополнения числа рабов была продажа в рабство детей и младших членов семьи главой дома в голодные годы. Продажа отцом детей в рабство была известна и на Ближнем Востоке, она отмечена в Сасанидском судебнике. В Китае по императорскому указу проданные в рабство младшие члены семьи могли быть позднее выкуплены. Дальний Восток, по-видимому, почти не знал самопродажи в рабство. Самопродажа была распространена в основном на Ближнем Востоке. Сирийский судебник допускал ее, например, для мужчин в возрасте 20—25 лет; сделка считалась законной, особенно в тех случаях, когда проданный лично получал часть покупной цены. В Китае закон требовал установления статуса найденного человека, особенно ребенка. На Ближ-

нем Востоке найденные беспризорные дети могли стать рабами или свободными в зависимости от воли их воспитателя.

Долговое рабство, превращение заемщика за неуплату долга в раба на Дальнем Востоке не было известно, хотя члены семьи должника или сам должник (это допускалось только в крайнем случае) отрабатывали долг и в период работы на заимодавца терпели во взаимоотношениях с ним известное поражение в правах. Судя по материалам, приводимым в статье М. В. Воробьева и Ю. В. Ванина, долговое рабство, возможно, было у чжурчжэней (указ 1138 г.) и в Корее, однако, это не соответствует общим установкам средневекового китайского права, и вопрос, очевидно, нуждается в доисследовании на новых материалах. Этим дальневосточное право отличалось от правовых систем Ближнего Востока, где, например, допускалось, чтобы человек, не уплативший подушной подати, становился рабом того человека, который платил за него эту подать.

И на Дальнем и на Ближнем Востоке рабы, лично-несвободные, входили в обычные перечни собственности наряду со скотом, землей, движимым и недвижимым имуществом. Раб считался собственностью другого человека или казны и входил в число лиц несвободного состояния. Жизнь раба протекала в сфере правового регулирования, и его правовой статус и статус различных групп населения, относящихся к числу лично-несвободных, был определен законом. Что отличало раба от свободного помимо того главного, что он был собственностью того или иного лица, от человека лично-свободного, например, в Китае? Прежде всего раб не имел фамилии, только кличку. Фамилию он мог получить после освобождения по усмотрению хозяина. Во всяком случае, казенным рабам ставились клейма на локте, с них снимали отпечатки пальцев, а в списках рабов указывались их особые приметы. Они носили одежды особого цвета и покроя. Раб не мог получить образование или стать монахом только по своему волеизъявлению. Если разорившегося знатного вельможу (гуй) можно было похоронить как «презираемого» (цзянь), то «презираемого» (цзянь), даже если он был состоятелен, нельзя было хоронить по тому же обряду, что и знатного (гуй). Рабы не учитывались как свободное население, а заносились в списки со своими хозяевами, казенные рабы брались на учет в том ведомстве, где трудились. Рабы не подлежали наказанию каторжными работами: во-первых, их жизнь и так мало отличалась от каторги, а во-вторых, отправляя раба на каторгу, государство лишало хозяина его собственности. Рабы, несмотря на то что они приравнивались в ряде правовых норм к младшим членам семьи хозяина, не считались членами таковой, так как не привлекались к ответственности на основании принципа «общесемейной ответственности» («юаньцзо»). Наоборот, как имущество преступника они подлежали конфискации.

Китайские юристы, пользуясь словами проф. Г. Пуллиблэнка, «не делали логического вывода из того, что если раб есть

собственность, то он вещь, а не человеческое существо» [13, с. 214]. Рабы рассматривались именно как собственность, как движимое и недвижимое имущество и скот. В кодексе династии Тан «Тан люй шу и» о них говорится: они «то же самое, что и имущество», «то же самое, что скот и имущество», «можно сравнить их с имуществом» и т. п. В арабском языке торговец скотом и торговец рабами назывались одинаково — наххас.

В дальневосточном праве по своей дееспособности и правоспособности рабы нередко рассматривались как младшие члены семьи (право на донос на хозяина и главу семьи, право дачи свидетельских показаний в ходе следствия по делу хозяина и главы семьи; обязанность носить траур по смерти хозяина и главы семьи и т. п.). Рабы приравнивались в ряде случаев к младшим членым семьи и на Ближнем Востоке. Неповиновение жены и детей главе семьи расценивалось как неповиновение рабов своему хозяину. Однако, как справедливо подчеркивает в своей статье Е. М. Козина, рабы лишь приравнивались юридически в вышеперечисленных случаях к младшим членам семьи хозяина. Как мы уже говорили, на них не распространялся принцип «общесемейной ответственности» («юаньцзо»), рабы, убитые преступником, не учитывались как члены семьи для привлечения виновного к ответственности по одному из «десяти тяжких преступлений» («бу дао»), когда убийца трех (и более) членов одной семьи уже не просто наказывался за убийство, а обвинялся по группе преступлений «бу дао», нарушающих принципы человечности, и подлежал смертной казни, а семья его — «общесемейной ответственности»; за это преступление не допускались помилование и амнистия. Раб рассматривался как человеческое существо, когда он давал свидетельские показания или же был жертвой нападения в ночное время, когда из-за темноты невозможно было знать, свободный ли человек перед преступником или раб. В «Син тун фу», юридическом трактате в стихах, относящемся к династии Сун, говорится: «Рабы презираемы и порабощены. Трудно классифицировать их как людей. Будучи убиты или ранены ночью или давая свидетельские показания, только в качестве исключения в этих двух случаях они временно рассматриваются как человеческие существа; в прочих же случаях, когда дело касается их, применимы правила о собственности (имуществе)» [13, с. 214]. Право средневековых стран Востока несомненно видело в рабе человеческое существо и тогда, когда не признавало за хозяином его прав над жизнью и смертью раба, т. е. не наделяло его правом уничтожения своей собственности по своему волеизъявлению и в своем интересе. В Китае хозяин не мог самовольно безнаказанно убить раба. Если он считал, что раб заслуживает наказания и казни, он должен был действовать через органы власти. Не мог хозяин убить раба и в странах Ближнего Востока. Сделать это могли только власти. А в Сиаме хозяин за убийство раба наказывался так же, как и за убийство лично-свободного.

Но и раб не имел права поднять руку на хозяина. Наказанием за такой проступок всегда и везде была смертная казнь. С хозяином раба связывали особые узы — отношение собственности к ее владельцу. Но рабы, лично-несвободные, везде во всех обществах средневекового Востока строго карались за любое покушение словом и делом на любого лично-свободного человека. В Китае раб не имел права поднять руку на свободного даже в целях защиты хозяина. Если он знал, что люди, избивающие его хозяина, — лично-свободные, он был обязан ограничиться только разниманием дерущихся.

Везде на средневековом Востоке рабы имели семьи и имущество. В Китае раб мог откупиться от наказания. В ряде случаев хозяева не отвечали своей собственностью за проступки своей собственности — своих рабов. И раб, собственность своего хозяина, не отвечал своей собственностью за некоторые проступки своего хозяина, например, если тот расплачивался за поджог. В странах Ближнего Востока раб имел на правах собственности вещи, подаренные ему прежним хозяином, до продажи его новому хозяину. Рабы в Сирии могли владеть определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни общества; рабы могли получать свободное время для работы на себя. В Сиаме рабы имели имущество отдельно от имущества их хозяина и распоряжались этим имуществом по своему усмотрению. Вместе с тем, утверждая эти факты как бесспорные, авторы практически всех статей сборника отмечают, что по этому важнейшему вопросу нет или почти нет материалов, которые позволили бы исследовать его более детально. Имеющиеся правовые документы также чаще всего лишь касаются этих проблем в связи с теми или иными нормами действовавшего законодательства и не содержат конкретных законов, определявших имущественные отношения хозяина и раба. Таких законов и не было и не могло быть. Закон признавал право раба на семью и имущество. Объективная действительность и практика эксплуатации раба рабовладельцем были таковыми, что хозяину раба часто было выгоднее и удобнее, когда его раб имел свое имущество. Но признать во всех случаях и безоговорочно собственность раба исключительно его собственностью закон не мог. Во всяком случае, вряд ли вслед за В. С. Илюшечкиным можно думать, что «главная линия водораздела» между рабом и крепостным «определялась степенью их действительной хозяйственной самостоятельности» [6, с. 53]. О собственности рабов, видимо, следует говорить как о разделенной собственности. Исследование проблем, связанных с наличием у рабов на Востоке собственности, несомненно должно быть продолжено как в плане выяснения правового регулирования положения рабской собственности, прав раба как собственника в отношении к своему хозяину, так и в плане привлечения конкретных материалов, позволяющих понять практическое осуществление рабом его прав собственника. При изучении рабства в средние века вооб-

ще нельзя отрывать и рассматривать изолированно только юридическую или только экономическую стороны проблемы. Раб как понятие юридическое и раб как лицо в структуре социально-экономических отношений в данном обществе (понятие экономическое) всегда и во всех обществах составлял единое целое.

Точно так же требует еще дополнительного изучения вопрос о семьях рабов. Рабы на Востоке практически везде имели семьи. В своей семье раб нередко выступал как глава семьи, например, его мнение наряду с мнением хозяина играло роль при выдаче замуж женщин семьи раба. И в Китае и на Ближнем Востоке общественной моралью не одобрялись те случаи, когда хозяин силой разлучал своих рабов — мужа и жену или родителей и детей. Во всяком случае, в действующих законодательных актах во многих странах средневекового Востока (кроме Таиланда) не было нормы, которая бы четко провозглашала право хозяина продать членов семьи своего раба поодиночке по своему усмотрению.

Во всех странах Востока рабы привлекались к обслуживанию армии или даже непосредственно к военной службе. Соответствующие материалы есть в большинстве статей сборника. За заслуги в боевых действиях раб мог получить свободу и награды. В ряде стран Ближнего Востока военные формирования из рабов (гулямы) превратились в грозную силу, оказывавшую существенное влияние на политическую обстановку в этих странах.

Рабы повсюду были объектом купли-продажи (вариантом таковой была и «передача» буцюй в Китае); практически везде договор купли-продажи раба оформлялся письменно в соответствии с действующим законодательством. Рабы передавались по наследству. Ближний Восток знал запрет продажи рабов одной с хозяином веры иноверцам. В Китае, по-видимому, хозяин не мог бросить на произвол судьбы старого или тяжело больного раба. Мы не находим ни соответствующего запрета, ни позволения на подобные действия. Это, видимо, не одобрялось моралью и правом стран Ближнего и Дальнего Востока. Во всяком случае, есть материалы, свидетельствующие о том, что хозяин мог бросить старого и больного раба только в том случае, если сам находился в крайней нужде. В арабских странах, если хозяин не мог содержать раба, он был обязан его продать.

И на Дальнем и на Ближнем Востоке для освобождения раба требовалось официальное утверждение этого акта. Для стран Дальнего Востока в этом деле первенствующую роль играла местная администрация, на Ближнем Востоке, в частности в христианской среде, освобождение раба производилось в присутствии представителей церкви. Учитывая то обстоятельство, что рабы во многих странах средневекового Востока были важной составной частью имущества семьи, закон требовал (например, в Китае) согласия взрослых членов семьи на осво-

вождение раба, а на Ближнем Востоке устанавливал нормы освобождения рабов. Глава семьи, например, не мог по завещанию освободить всех своих рабов, если его действия затрагивали интересы наследников.

Отпущенный на свободу раб сохранял особые отношения со своим бывшим хозяином. Это хорошо показано в ряде статей сборника. В Корее закон допускал даже случаи повторного порабощения.

Любопытные возможности смены хозяина или приобретения рабом свободы были в Сиаме. Раб, подвергавшийся дурному обращению, мог сам подыскать себе другого хозяина, согласного его перекупить. Если раб имел средства и трижды предлагал хозяину выкуп, а тот не соглашался, раб мог обратиться в суд, и, если хозяин в течение месяца в суд не являлся, раб вносил выкуп в королевскую казну и получал свободу.

Теория уголовного происхождения рабства в Китае сложилась еще в последние века до нашей эры, при династии Хань. Как свидетельствует исследовавший этот вопрос Цзюй Тунцзу, большинство видных ханьских идеологов — Чжэн Сюань, Сюй Шэнь, Ин Шао, Ли Цзи — придерживались того мнения, что в древности нарушение закона было единственным источником порабощения и что все рабы и рабыни были преступниками [11, с. 135]. Возможно, как внутренний источник порабощения уголовное рабство в древнем Китае и существовало, но не являлось единственным источником пополнения числа рабов. Материалы китайского средневековья хорошо демонстрируют различные пути формирования групп людей лично-несвободных. Массовое обращение в рабство за уголовные преступления было редким явлением. Таковое имело место, например, в 10 г. н. э., когда в наказание за незаконную отливку монеты обращали в рабство не только семью преступника, но и все пять семей, связанные с ней круговой порукой.

Уже в ханьском Китае рабы делились на государственных и частных. В 44 г. до н. э. в собственности ханьского государства было более 100 тыс. рабов. Они обслуживали двор, все административные учреждения, исполняли должности мелких клерков, пасли казенные стада, добывали и обрабатывали железо, вели ремесленные работы [11, с. 142—144].

Число частных рабов неизвестно, но оно было велико. При императоре У-ди (140—86 гг. до н. э.) только у торговцев было конфисковано 10 млн. рабов и рабынь [11, с. 137]. В 7 г. до н. э. был внесен проект ограничения частного рабовладения, предлагалось князьям первой степени (ванам)иметь не более 200 рабов, князьям второй степени (хоу) и принцессам — не более 100, чиновникам и простолюдинам — не более 30 рабов. Однако проект не был принят. В руках отдельных рабовладельцев находилось до 10 тыс. рабов [11, с. 147—148]. Труд частных рабов использовался не только в сфере обслуживания, но и в ремесле и в сельском хозяйстве. Именно со времени правления династии

Хань вошла в обиход пословица: «Посоветовался бы, как заниматься сельским хозяйством, со своим рабом-мужчиной, посоветовался бы, как заниматься ткачеством, со своими рабынями» [11, с. 149—150]. Богатые люди нередко имели вооруженную охрану, состоящую из рабов.

В ханьском Китае были выработаны следующие нормы права, которые затем сохранились и в средние века: запрещение для хозяина убивать раба, освобождение казенных рабов по старости, существование понятий «рабы по рождению», «потомки рабов», приравнивание рабов к скоту.

При Хань большое развитие получила клиентела. Так называемые гости — бинькэ и кэ — оказывали своему патрону разные услуги: многие люди, «прилепившиеся» к богатому человеку, входили в его личные военные отряды буцюй. И после смерти хозяина его бинькэ и буцюй продолжали служить его наследникам. С начала нашей эры социальный статус бинькэ и буцюй стал понижаться; они смешивались со слугами и рабами хозяина и после падения династии Хань постепенно попали в число лично-несвободных людей средневекового Китая [11, с. 127—134]. Этот процесс частично отражен в статье Е. М. Козиной.

До VII в. н. э., до времени правления династии Тан (618—907 гг.), рабы в Китае шире использовались в различных сферах производства, например в сельском хозяйстве. В частности, казенные рабы классифицировались не по своему правовому статусу, как при Тан, а по профессии, по выполняемой ими работе. До того как начала править династия Тан, рабы в Китае получали земельные наделы, в разное время разные: от полного надела свободного до половины и трети его. Точнее, землю получали хозяева на своих рабов. Раб работал на земле и платил государству $^1/_4$ или иную долю налога свободного. Остальная часть плодов его труда шла его хозяину и в его личное потребление. Казенные рабы получали от казны одежду и пищу и работали на земле, пасли скот, были ремесленниками. Использовались рабы и в торговле. Делались попытки ограничить число рабов в одних руках. По закону 280 г., один человек мог иметь от 5 до 40 семей рабов. По указу 564 г. — от 60 до 300 рабов. Во многих странах Востока часть рабов работала на земле. Но это не дает основания, как это делают корейские авторы и вслед за ними Ю. В. Ванин, безоговорочно характеризовать их как крепостных крестьян. Статус всего сословия ноби в целом, до XIX в. не отличавшийся от положения рабов в Китае, не позволяет согласиться с таким утверждением.

Юристы династии Тан классифицировали рабов и близких к ним по социальному статусу лично-несвободных людей по семи сословиям: 1) рабы, 2) гуаньху, 3) цзаху, 4) гунъюе, 5) тайчаниньшэнжэнь, 6) буцюй, 7) кэнюй. Рабы — казенные и частные — составляли одно сословие. Два сословия казенных лично-несвободных — гуаньху и цзаху — различались между собой по объему повинностей, которые они несли на казну. Гунъ-

юе и тайчаниньшэнжэнь — казенные мастеровые и музыканты — в известной мере были выделены по профессиональному признаку. Частные лично-несвободные более высокого социального статуса, чем рабы, — буцюй и кэнюй — в далеком прошлом ханьские кэ (гости) и вооруженная охрана богатых людей, клиенты; различались прежде всего по полу (хотя жены буцюй считались также буцюй) и имели один с мужьями социальный статус, образуя и одно сословие. Поскольку к кэнюй относились и дочери буцюй, мы имеем любопытный пример «дробления» социального статуса не только по полу, но и по поколению (мать — буцюй, дочь — кэнюй).

В танском Китае рабы не получали надела, но и казенные лично-несвободные, и частные трудились не только в сфере обслуживания и развлечений, но и в сферах сельскохозяйственного производства и ремесла.

В современной танскому Китаю Японии рабы — и казенные (каннухи), и частные (синухи) — имели земельные наделы. Частные рабы получали $^{1}/_{3}$ надела лично-свободного, платили налог, но не несли трудовой повинности. Японцы, заимствовав из Китая дробность статусов лично-несвободных и даже их многие названия, тем не менее в ряде случаев определили эти статусы по-своему; они отличались от соответствующих китайских. Казенные рабы в Японии в отличие от танских казенных рабов имели земельный надел и правовые привилегии, которыми в Китае пользовались гуаньху. В Китае цзаху входили в класс лично-несвободных цзяньжэнь, в Японии дзакко были лично-свободными людьми, частью простого народа (комин). По оценке М. В. Воробьева, рабы в Японии VIII—XI вв. составляли 10—15% населения страны. М. В. Воробьев показывает, что рабский труд был малопроизводительным и применение его в сельском хозяйстве постепенно сокращалось. Возможно, те же процессы происходили и в Китае при династии Сун. Укрепившиеся арендные отношения в значительной степени сократили применение рабского труда в земледелии. Однако Китай знал по меньшей мере еще два периода увеличения роли рабства в экономике страны — после монгольского завоевания и завоевания страны маньчжурами. Труд рабов в сельском хозяйстве в некоторых странах Ближнего Востока прослеживается довольно длительное время, где он также стимулировался завоевательными войнами: в Иране до XV в. включительно, в Средней Азии до XIX в., в Турции до XVIII в. Войны питали рабство. «Работорговля в конечном счете зависела от войн», — совершенно верно замечает И. П. Петрушевский [7, с. 9].

Вне зависимости от численности рабов во всех странах средневекового Востока рабовладельческие отношения накладывали свой отпечаток на все стороны жизни общества. «Общепризнано, — писал И. П. Петрушевский, — широкое развитие рабства в странах Передней и Средней Азии в средние века. Источники свидетельствуют, что рабы использовались не только в качест-

ве домашних слуг, но и в земледелии, скотоводстве, ремесле, на рудниках, что позволяет говорить о существовании рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии» [7, с. 1]. А. С. Мартынов прямо утверждает, что «рабовладение было не случайным явлением и не реликтом в недрах китайского феодального общества, а его структурно необходимым элементом. Порабощение одной группы земледельцев оказывалось... как бы расплатой за относительную свободу остального крестьянства» [1]. Приводимые в публикуемом сборнике статей материалы позволяют говорить о существовании рабовладельческого уклада во всех странах средневекового Дальнего и Ближнего Востока. Как в этом может убедиться читатель, хотя материалы сборника охватывают не все регионы средневекового Востока и не во всех странах рабство прослеживается авторами статей на протяжении всего средневековья, в положении рабов средневекового Востока мы обнаруживаем много общего. Во всех государствах Востока раб рассматривается как собственность, но не как вещь, как «говорящее орудие», в нем в той или иной степени усматривается его человеческое начало. В правовых материалах рабы приравнивались к скоту и младшим членам семьи. Они имели (пусть ограниченную) дееспособность, владели в той или иной степени собственностью и имели семьи. Прямым следствием того, что раб повсеместно в странах средневекового Востока рассматривался как собственность, но не как вещь, было ограничение на него прав собственника-хозяина. Он не мог распоряжаться своей собственностью вплоть до ее уничтожения, не имел права убить раба. Рабский труд всюду применялся в сферах обслуживания, сельскохозяйственного производства, ремесленного производства. Видимо, справедливо, что, несмотря на некоторые отклонения в ряде стран в определенные отрезки времени, основной тенденцией было сокращение применения рабского труда в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и одновременно — возрастание степени использования рабского труда в сфере обслуживания. Но совершенно очевидно для Дальнего Востока, да и для других стран Востока, что применение рабского труда должно стать еще одной из центральных тем дополнительных исследований. Именно от результатов этих исследований в конечном счете будут зависеть и обоснованные выводы о роли рабства и близких ему форм личной несвободы в экономике и социальной жизни стран средневекового Востока.

Если экономический эффект рабского труда в целом для средневекового общества той или иной страны мог быть и незначительным, исключительно велико социальное значение рабства, его влияние на идеологию общества. Право Дальнего Востока четко делило всех членов общества либо на лично-свободных (лян жэнь), либо на лично-несвободных (цзянь жэнь), прямо воспроизводя на китайской почве важнейшее положение римского и византийского права, что «важнейшее деление в

праве лиц состоит в том, что все люди суть либо свободные, либо рабы» [5, с. 36]. Можно только согласиться с мнением Е. Э. Липшиц, что, «хотя... позднее... было издано немало различных законов, изменивших в той или иной мере положение рабов, основное классовое деление общества на свободных и рабов осталось нерушимым» [5, с. 37]. Это абсолютно справедливо для всего раннесредневекового Дальнего Востока, а в ряде случаев и не только раннесредневекового Востока.

Именно из-за того что существовало рабство и были лично-несвободные, находившиеся в чьей-то собственности, «презираемые», «подлые», в противовес им в сознание общества вошло понятие людей «добропорядочных», лично-свободных, не являвшихся чьей-либо собственностью. Нередко говорят и пишут об отсутствии понятия «свободы» в средневековых обществах вообще. «Никакой концепции позитивной свободы, — пишет Э. Г. Пуллиблэнк, — не могло существовать в организованном обществе, в котором положение каждого человека было определено его социальными и родственными отношениями; он был связан не определенными правами и ограничениями и соответствующими обязанностями, но моральными обязательствами к высшим — правителю, отцу, старшему брату, мужу, отношениями, являвшимися по своей природе абсолютными и неограниченными. Это было больше различие между рабом (нуби), который был „подлым", „низким" (цзянь), и простым человеком (шужэнь), который был „хорошим", „добрым" (лян)» [13, с. 205].

Действительно, средневековый Восток не знал равенства, как его понимали идеологи буржуазного права, но в рамках общества иерархически организованного при наличии рабства люди делились на тех, кто был собственностью, и тех, кто имел в собственности других людей. Люди, владевшие другими людьми, были в отношении к тем людям, которыми они владели, равны между собой, были людьми, не являвшимися собственностью, людьми «добрыми», людьми лично-свободными. Известный историк дальневосточного права Ниида Нобору указывал, что, как бы ни было зависимо положение арендаторов (дяньху), между ними и людьми лично-несвободными — рабами и буцюй (он подчеркивает, что буцюй не могут считаться крепостными и относятся к категории рабов [12, с. 65]) — была та существенная разница, что «для того, чтобы освободить нубэй и буцюй, требовалась установленная законом процедура, в то время как в случае с дяньху такая процедура не являлась необходимой» [12, с. 66]. Раб или буцюй, подчеркивает Ниида Нобору, мог оставаться таковым даже без хозяина. Арендатор (дяньху) без хозяина не существовал [12, с. 66]. Хорошо известно, что лишь при династии Сун (960—1279) с развитием поместной системы и арендных отношений появились тенденции закрепощения крестьян-арендаторов [2]. В период южной Сун (с XII в.) и при династии Юань (1280—1367) юридически было

закреплено правовое превосходство хозяина, землевладельца (чжу) над крестьянами, арендовавшими его землю, вплоть до появления арендаторов (суй тянь дянькэ), которые были прикреплены к земле и продавались вместе с ней. Однако позднее эти тенденции закрепощения арендаторов не получили должного развития.

Общей тенденцией развития рабства в странах Востока в средние века было перемещение центра тяжести использования рабов в сферу услуг, в том числе и военных. Судьбы рабства были неодинаковы в разных странах, но почти повсеместно оно просуществовало до нового времени и стало угасать лишь с началом активного утверждения буржуазных отношений в странах Востока. Не играя принципиально существенной хозяйственной роли, рабство безусловно способствовало сохранению в обществах стран средневекового Востока отсталых социальных отношений и консервативных взглядов в идеологической сфере, будучи, очевидно, одной из многих причин застойных явлений в обществах стран Востока накануне колониальной экспансии европейских держав и в первые ее столетия. В отличие от Европы Восток никогда не формулировал положения о том, что раб это только вещь, «говорящее орудие», и никогда не выдвигал идей о естественном праве всех людей быть равными, идей, свойственных европейской цивилизации с древности [5, с. 37].

[1] См.: *А. С. Мартынов.* Рабство в Китае при династии Цин.

[2] Мы считаем излишне прямолинейными выводы о том, что в условиях надельной системы в Китае государство выступало верховным собственником земли, крестьяне (байсин) стали крепостными, прикрепленными к земле, а уплачиваемые ими налоги — феодальной земельной рентой (см.: *А. Ю. Тюрин.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае III—VIII вв. М., 1980).

1. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
2. *В. И. Ленин.* Полное Собрание сочинений. Т. 39.
3. Большая Советская Энциклопедия. Т. 25, 1975.
4. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1974.
5. *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
6. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
7. *Петрушевский И. П.* Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (к проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средний Азии). XXV Международный конгресс востоковедов. М., 1960.
8. *Рерих Н. К.* Избранное. М., 1979.
9. *Фроянов И. Я.* О рабстве в Киевской Руси.— Вестник Ленинградского университета. Т. 12. Вып. 1, 1965.
10. Шие нгу во нгон (Море значений, установленных святыми). [Б. м.], 1183. Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Танг. 32, инв. № 145.
11. *Ch'u T'ung-tsu.* Han Social Structure. Seatle and London, 1972.
12. *Niida Noboru.* The State Power and Serfdom in China.— Acta Asiatica. T. 9. Tokyo, 1965.
13. *Pulleyblank E. G.* Origins and Nature of Chattel Slavery in China.— Journal of Economic and Social History of the Orient. Vol. 1, 1958, April.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Е. М. Козина

КАЗЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ РАБЫ И ДРУГИЕ КАТЕГОРИИ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ В КИТАЕ ПРИ ДИНАСТИЯХ ЦЗИНЬ И СЕВЕРНАЯ ВЭЙ (III—VI вв.)

После периода раздробленности Китая, вошедшего в историю под названием Троецарствия, страна была объединена на непродолжительное время династией Западная Цзинь (265—317). С начала IV столетия Китай подвергся вторжению кочевников. Территория государства Цзинь передвинулась на юг, и оно стало именоваться Восточная Цзинь (317—420). Раздел страны на северную и южную части закрепился также образованием на Севере Китая сяньбийской династии Северная Вэй (Тоба Вэй, 386—543), взявшей под свою власть северные районы, и продолжался около двух столетий, вплоть до полного объединения Китая династией Суй в 589 г.

Изучение этого периода представляет определенную трудность для исследования, поскольку экономическая история Китая во время раннего средневековья изучена пока недостаточно, что обусловило спорность оценок явлений, о которых далее пойдет речь. Впервые в советском китаеведении краткий исторический очерк данного периода сделан во вступительной статье к сборнику переводов разделов «Ши хо чжи» («О продовольствии и торговле») из династийных историй, написанной А. А. Бокщаниным [1].

Основными источниками для изучения экономики Китая в III—VI вв. являются династийные истории, в частности разделы «Ши хо чжи». Однако они не содержат в себе достаточных сведений для суждений о системах зависимости, существовавших в китайском обществе. Системы зависимости, как и некоторые другие общественные институты, лишь только складывались. Завершение этого процесса относится ко времени династии Тан, когда сформировавшиеся категории зависимого населения были закреплены юридически. В данной статье мы попытались проследить процесс образования различных категорий зависимого населения, проходивший на фоне основных экономических мер администрации.

Казенные рабы и люди, находящиеся в зависимости у государства

После образования династии Цзинь государство предприняло ряд вынужденных мер для преодоления трудностей, вызванных постоянными набегами кочевников и междоусобными войнами. Одной из таких мер явилось расширение системы военно-земледельческих поселений — «тунь тянь», известных еще с эпохи Троецарствия. Эти поселения создавались как в пограничных районах, так и внутри страны для того, чтобы обживать заброшенные земли, строить и ремонтировать ирригационные сооружения, предотвращать внешние вторжения.

Военно-земледельческие поселения представляли собой довольно крупные воинские подразделения, состоящие из свободных земледельцев или рабов (казенных и частных), по 50 человек в каждом. Поселенцы несли двойную повинность: военную службу и обработку государственной или частной земли с выплатой подати, которая отличалась от налогов со свободных людей, получавших наделы от государства.

Система земледельческих поселений «тунь тянь» получила наибольшее развитие при императоре У (Цао Цао — основатель династии Вэй). В это время даже в периоды военных действий вооруженные солдаты посылались на сельскохозяйственные работы [7, цз. 26, с. 238]. Традиция военно-земледельческих поселений была воспринята династией Цзинь. В указе, датируемом первым годом девиза правления Сянь-нин (275 г.), говорилось: «Несмотря на то что еще с древних времен для людей было обычным делом уходить на войну и возвращаться для обработки земли, хотя битва еще не закончена, нельзя не подумать о воинах. Сейчас необходимо, чтобы казенные рабы из Е [1], подчиненные сигуань [2], обосновались в Синьчэне [3] на смену военнопоселенцам (тянь бин), выращивающим рис. 50 (казенных) рабов — мужчин или женщин — составляют один отряд (тунь), который возглавляется чиновником (сы ма). Все должны следовать закону о военно-земледельческих поселениях (тунь тянь)» [7, цз. 26, с. 237].

В разделе «Ши хо чжи» имеется также сообщение об организации военно-земледельческих поселений в Янчжоу (северная и центральная части современной провинции Аньхой) после 220 г. Эти работы велись под руководством губернатора округа (цы ши) по имени Лю Фу, который разрешил систему военно-земледельческих поселений и провел значительные ирригационные работы для орошения рисовых полей [7, цз. 26, с. 236].

Организация военно-земледельческих поселений проводилась параллельно с прикреплением свободных земледельцев к земле. В тот период государство располагало огромными массивами свободных земель, оставшихся заброшенными, — результат войн с кочевниками на Севере, — либо ранее не обработанных на вновь заселенном Юге страны. Одной из основных задач было

увеличение размеров распаханных полей и одновременно предотвращение увеличения размеров частных наделов, принадлежавших крупным землевладельцам, с тем чтобы гарантировать крестьянам минимальный уровень жизни, позволивший им не искать покровительства «влиятельных семей». Наряду с этим центральная власть была озабочена сохранением и возможным увеличением количества налогоплательщиков.

Одной из первых мер, осуществленных династией Цзинь в этом направлении, было стимулирование распашки пустошей за счет регулярных трудовых повинностей. «Сейчас, [когда династия Цзинь получила Небесный мандат (шоу мин)], сокращается [объем] трудовых повинностей и [люди] занимаются основным делом (т. е. сельским хозяйством. — *Е. К.*). Все силы направлены на обработку заброшенных земель» [7, цз. 26, с. 237].

В других районах наблюдалась обратная картина: рабочие руки были в избытке, а земли — непригодны для обработки из-за разрушения ирригационных систем. На северо-западе современной провинции Аньхой в одном из округов насчитывалось 2600 крестьян-арендаторов казенной земли, что было совсем немного, но и они не могли «полностью приложить свои силы из-за нехватки орошаемой земли» [7, цз. 26, с. 238].

Упадок земледелия являлся предметом неоднократных обсуждений при дворе. Одним из примеров может послужить доклад, поданный чиновником по имени Ин Чжань: «Если только один человек не распахивает землю, в Поднебесной непременно кто-то будет голодать. С начала военных действий были сделаны большие затраты на военные походы, транспортировку, императорский двор, храмы предков императора и на чиновников, что привело к уменьшению благополучия. Людей более низких категорий, ремесленников, торговцев, переселенцев, обосновавшихся на чужбине, зависимых слуг ту и пу, которые не занимаются земледелием и не выращивают тутовых деревьев, а потребляют продовольствие, насчитывается сотни тысяч. Мудрено надеяться на процветание страны и живущих в достатке людей, не думая о достижении выгоды» [7, цз. 26, с. 238].

Далее Ин Чжань предлагал ряд конкретных мер, целью которых было восстановление сельского хозяйства: «Плодородные поля к западу от Янцзы уже давно заброшены. Довольно легко будет обрабатывать землю, выжигая кустарник, орошать, используя мотыгу. Для [этих работ] следует отобрать бродяг и снова назначить чиновников, ведающих сельскохозяйственными делами (нун гуань). Награды за заслуги будут выдаваться по обычаю династии Вэй: в первый год крестьянам предоставляется бай син (т. е. они освобождаются от выплаты налогов. — *Е. К.*), во второй год они платят часть налога (фэнь шуй), в третий год они облагаются полными налогами» [7, цз. 26, с. 238—239].

Однако большинство мер, принятых центральной властью по подъему сельского хозяйства, оставались на бумаге. Как сооб-

щается в династийной истории, «после императора Хуэй-ди (290 г.) система правления и просвещение стали приходить в упадок. Начиная с периода Юн-цзя (307—312) широко распространились беспорядки и смуты. К востоку от Юнчжоу (современная провинция Шэньси. — *Е. К.*) множество людей [страдало] от голода и нищеты, продавали друг друга [в рабство]. Тех, кто стал бродягами или переселенцами, невозможно было сосчитать... Восемь или девять чиновников из десяти становились бродягами» [7, цз. 26, с. 238].

Династия Цзинь продолжила политику ограничения размеров частных земельных владений династии Хань и ввела надельную систему. Эта политика государства обсуждалась при дворе; дискуссия состоялась примерно в 277—290 гг. — о размерах дозволенных земельных владений и количестве частных рабов, принадлежащих знати [7, цз. 46, с. 396]. Но обсуждение вопроса при дворе осталось безрезультатным, и политика ограничений проводилась весьма мягко. В противовес частному землевладению государство пыталось всемерно увеличить число зависимых крестьян, обрабатывавших казенные земли, сажая на них переселенцев, бродяг и прочее неорганизованное население. В династийной истории имеются сведения о том, что землепашцев выделяли из числа гражданских и военных чинов, медиков, гадателей, но не из свободных земледельцев [7, цз. 70, с. 570], чтобы постепенно увеличить количество населения, вовлеченного в сельскохозяйственное производство.

Согласно исследованию Ян Ляньшэна, при династии Цзинь казна получала значительное количество зерна за счет сбора налога с землепашцев, посаженных на казенную землю, находящихся в зависимости от государства. Военные и гражданские землепашцы выплачивали казне от 50 до 60% урожая в качестве платы за данную им землю [11, с. 129; 7, цз. 47, с. 400]. Содержание казны за счет этой категории землепашцев свидетельствует о распространенности данной системы и ее особом значении для государства.

В нашем распоряжении имеются крайне скудные сведения о казенных рабах и других зависимых от государства людях при династии Цзинь. Казенные зависимые рабы и землепашцы использовались центральной властью при проведении самых насущных экономических акций: создании военно-земледельческих поселений, освоении заброшенных земель, что явилось характерной особенностью исследуемого периода истории Китая.

Частные рабы и люди, находящиеся в зависимости от хозяина

Одной из характерных особенностей средневекового китайского общества было существование сильных кланов, роль которых возрастала в периоды децентрализации. Их ядро состав-

ляли собственно члены семьи — свободные люди, объединенные родственными отношениями. Вместе с ними одним двором (ху) жили семьи земледельцев, находящихся в частичной зависимости от этой фамилии, называемые кэху.

Зависимые (кэ) существовали еще при династии Хань [9, с. 166—177]. Во времена войн, неурожаев, наводнений, когда свободные земледельцы разорялись и не могли выплатить государству необходимые налоги, они переходили под «защиту» влиятельных семей, теряя при этом личную свободу, и становились зависимыми (кэ) (букв. «гость»). Взамен они освобождались от выплаты государству налогов и отработки трудовых повинностей, что являлось потерей налогоплательщиков для казны. Частные зависимые (кэ) при переписи населения записывались в одном списке с семьей, в зависимости от которой они находились [6, цз. 24, с. 223]. Они рассматривались как собственность семьи, передаваемая по наследству. Основное отличие кэ от рабов заключалось в том, что они не подлежали купле-продаже, а передавались как подарки с выплатой компенсации за израсходованную на них одежду и пищу.

В периоды Троецарствия и династии Цзинь, характеризующиеся слабостью центральной власти, количество свободных земледельцев, переходящих под защиту влиятельных семей, значительно возросло [11, с. 116]. Закрепление прав хозяев на проживающих под их покровительством кэ впервые было осуществлено при династии Вэй, когда знати было дано официальное право владения определенным количеством кэ в зависимости от звания и занимаемой должности. «При династии Вэй было дозволено содержать [государственных] быков и кэху в количествах, различных для князей (гун), сановников (цин) и людей, имеющих другие, более низкие звания. С той поры простые люди, уклоняющиеся от трудовых повинностей, все с радостью становились [кэху]. Благородные и влиятельные семьи обычно имели 100 [кэху]. В провинции Тайюань варваров из племени [сюнну] обращали в тянькэ, и их количество достигало нескольких тысяч» [7, цз. 93, с. 745].

При династии Западная Цзинь также существовал порядок владения частными зависимыми (кэ) согласно должности, занимаемой хозяином, о чем свидетельствует фрагмент из «Ши хо чжи», в котором перечисляются привилегии, распространяющиеся на чиновников. «Чиновникам шестого ранга и выше позволяется иметь по три ишикэ, чиновникам седьмого и восьмого ранга — по два [ишикэ], чиновникам девятого ранга, а также носильщикам императорского трона, стражникам, герольдам, искусным стрелкам, лучникам... и другим служащим при дворе позволяется иметь по одному [ишикэ]. Что касается тех, кому позволено держать тянь кэ [4], то чиновникам первого и второго рангов можно иметь не более 50 семей тянькэ (традиционно считалось, что семья в среднем состоит из пяти человек, т. е. можно было содержать не более 250 человек. — *Е. К.*), для чи-

новников третьего ранга — 10 семей, для чиновников четвертого ранга — 7 семей, для чиновников пятого ранга — 5 семей, для чиновников шестого ранга — 3 семьи, для чиновников седьмого ранга — 2 семьи, для чиновников восьмого и девятого ранга по одной семье [тянькэ]» [7, цз. 26, с. 238].

Эта часть закона, принятого в 280 г., по всей вероятности, имела особое значение, так как была полностью повторена и при династии Восточная Цзинь (317—420), правда с некоторыми изменениями: «Все аристократы, имеющие звания ван и гун, могут иметь [казенных] тянькэ и ишикэ... Чиновники первого и второго ранга [могут иметь] не более 40 семей тянькэ, третьего ранга — 35 семей, четвертого ранга — 30 семей, пятого ранга — 25 семей, шестого ранга — 20 семей, седьмого ранга — 15 семей, восьмого ранга — 10 семей, девятого ранга — пять семей тянькэ.

Чиновникам первого и второго рангов [позволяется иметь] по три [человека], третьего и четвертого рангов — по два [человека], пятого и шестого рангов, а также служащим при дворе — по одному [человеку] — все [эти люди] из числа тянькэ. Чиновникам шестого ранга и выше [позволяется иметь] трех ишикэ, чиновникам седьмого и восьмого рангов — двух, чиновникам девятого ранга... и другим служащим при дворе — по одному [ишикэ]» [6, цз. 26, с. 223—224].

Как явствует из приведенных текстов, при династии Восточная Цзинь количество дозволенных зависимых (кэ) было явно увеличено по сравнению с предыдущими династиями. По предположению Ян Ляньшэна, такая мера имела целью регистрацию неучтенных бродяг как частных зависимых [11, с. 117].

Однако закрепленные законом имущественные права влиятельных семей далеко не всегда соблюдались. В случае крайней необходимости государство оставляло за собой право распоряжаться частными зависимыми по надобности. В периоды ведения войн согласно императорским декретам неоднократно проводились освобождения частных рабов и зависимых (кэ), которых затем посылали на военную службу либо на дорожные работы, несмотря на противодействие этому их бывших хозяев [5]. Так, при императоре Му-ди (345—361) было приказано выделить по одному человеку из каждых 13 семей, принадлежащих ванам, гунам и другим, для транспортировки продовольствия [7, цз. 26, с. 239].

Подводя итоги имеющимся у нас сведениям о частных рабах и зависимых при династии Цзинь, представляется необходимым выделить следующие моменты. Частное рабовладение было довольно широко распространено в это время. Государство проводило весьма мягкую политику ограничения количества частных рабов, находящихся в распоряжении отдельных влиятельных семей. Другой особенностью данного периода был массовый переход свободных земледельцев под «защиту» влиятельных семей с потерей для них личной свободы. Аналогичные тенденции

проявляло и государство, за счет чего количество свободных земледельцев сокращалось. Особый интерес представляет оформление в тот период прав и привилегий аристократии и чиновников, в том числе и распределение между ними частных зависимых согласно званию и занимаемой ими должности.

После падения династии Западная Цзинь в 317 г. начался период, характеризующийся раздробленностью страны, длившейся до 589 г., когда Китай был объединен династией Суй.

В конце IV — начале V в. Северный Китай покорили кочевые сяньбийские племена Тоба, основавшие династию Северная Вэй (386—535). Ее правление явилось как бы логическим продолжением правления китайской династии Цзинь. Северной Вэй было воспринято китайское уголовное законодательство, законы, регулирующие права чиновников (иерархическая система девяти рангов), а также возродилась та форма землевладения и землепользования, которая начала устанавливаться в конце III в. Наличие в государстве Северная Вэй относительно прочной центральной власти создало основу для введения государственной надельной системы (системы «равных полей» — «цзюнь тянь»), суть которой заключена в указах 477—485 гг. [2], согласно им свободные земледельцы, обрабатывающие казенные земли, законодательно закреплялись за своими наделами.

В частных хозяйствах огромную роль по-прежнему играли влиятельные семьи, в чьих руках находились обширные земли, обрабатываемые частными рабами или зависимыми людьми. В этот период рабовладельческий уклад явно расширился, труд частных рабов применялся в основной сфере производства — обработке земли.

С конца V в., когда прекратили завоевательные походы, доля рабского труда в экономике страны значительно уменьшилась, стали проводиться массовые освобождения от рабства военнопленных и казенных рабов.

Рабство в Китае существовало в двух формах: казенное и частное. Социальный статус казенных и частных рабов был одинаково низок; они составляли самое последнее звено в иерархической цепи средневекового китайского общества — закон приравнивал их к скоту и имуществу. Однако порабощение, а также порядок освобождения казенных и частных рабов существенно отличались друг от друга: различными были также и сферы использования их труда.

Источники казенного и частного рабства

Основными источниками пополнения казенных рабов были завоевательные походы, которые вела династия Северная Вэй вплоть до конца V в. Из походов пригонялось огромное количество военнопленных, а также мирное население. Военноплен-

ные обращались в рабство, из них создавались соединения, которые вливались в армию победителей. Для обживания вновь приобретенных земель также использовались военнопленные, которых сажали на казенные земли. Обращенных в рабов военнопленных государство раздавало и в качестве вознаграждения отличившимся военным и гражданским чиновникам, даже солдатам, проявившим в бою героизм [5, цз. 61, с. 443, цз. 66, с. 479].

Примером подобного массового обращения в рабство населения могут послужить события 468 г., когда государство Северная Вэй осуществило вторжение в пределы государства Сун, находящегося к северу от Хуайхэ [5, цз. 43, с. 319], и 554 г., когда войска государства Чжоу нанесли поражение государству Лян и сам правитель и все придворные были взяты в плен: было порабощено более 100 тыс. человек. Некоторые впоследствии были освобождены, но большая часть пленных так и осталась на положении рабов [8, цз. 2, с. 18; 6, цз. 22, с. 206].

Государство приобретало казенных рабов и за счет обращения в рабство жителей пограничных с Китаем земель. Чаще всего обращению в рабство подвергались люди из племени ляо, населявшие северную часть территории современной провинции Сычуань [10, с. 307—308].

Особым источником казенного рабства являлось порабощение членов семьи преступника, совершившего одно из десяти тяжких, не прощаемых преступлений из раздела «ши э», самым тяжким преступлением считалась государственная измена. Согласно закону, все члены семьи несли «общесемейную ответственность» («юаньцзо») за преступления главы семьи или кого-то из родственников. По этому закону, члены семьи преступника, совершившего антигосударственное преступление, а также частные рабы и зависимые, принадлежащие данной семье, передавались в казну (пэй мо), а виновный подлежал смертной казни. Иногда число людей, разделяющих ответственность с преступником, доходило до нескольких тысяч человек, как об этом свидетельствует история о человеке по имени Цуй Хао, изложенная в истории династии Вэй [5, цз. 48, с. 354]. Обращение в рабство по закону об «общесемейной ответственности» было довольно распространенным явлением, о чем сообщают многочисленные примеры из династийных историй, собранные в исследовании Ван Идуна [10, с. 308—309].

Помимо наказания родственников преступника, совершившего антигосударственное преступление, такому же наказанию подлежали братья и сыновья вора, приговоренного к смертной казни [5, цз. 41, с. 307]. Таким образом, обращение в рабство было своеобразной формой уголовного наказания, более легкой по сравнению со смертной казнью.

Частные зависимые, обращенные в казенных рабов, обычно сохраняли этот статус на всю жизнь. При династии Северная Вэй в Лояне существовало специальное учреждение — цзо бу

[1, цз. 45, с. 443], ведавшее делами казенных зависимых. Женщины, попавшие по закону «юаньцзо» в казну, передавались под надзор чиновнику, именуемому си гуань, имеющему пятый ранг [5, цз. 13, с. 113]. Жены, наложницы и дочери осужденного преступника, как и мужчины из этой семьи, должны были подневольно трудиться. Отличие заключалось в том, что женщины выполняли более легкие работы. Иногда они прислуживали во дворце и даже становились наложницами императора [10, с. 310].

В частных хозяйствах существовали как легальные, так и нелегальные источники приобретения частных рабов. Как уже говорилось, рабы приравнивались к имуществу семьи, владевшей ими, и были объектом купли-продажи. Их можно было приобрести в частную собственность на специальных рынках как обычный товар. На рынки поступали военнопленные и гражданские люди, захваченные во время походов, а также в периоды неурожаев и голода младшие члены семей, проданные в рабство за неуплату долгов [12, с. 273—312; 10, с. 313, 317]. Продажа свободных людей в рабство всегда рассматривалась как противозаконная акция, поскольку свободный человек (лян) изменял свой статус, становясь зависимым (цзянь). При покупке раба необходимо было установить его изначальную принадлежность к зависимым или свободным людям, чтобы исконно свободный человек (лян) имел возможность выкупа и возвращения в свой первоначальный статус [5, цз. 111, с. 895—896]. Однако, как известно, запрет продажи свободных людей, имевший силу закона, на деле не соблюдался, и продажа свободных в рабство была довольно распространенным явлением.

В период междоусобных войн и политической нестабильности нередко практиковались разбойничьи захваты людей в рабство и кража малолетних детей [10, с. 311—312]. Несмотря на то что закон династии Северная Вэй определял наказание для виновных в порабощении свободных людей путем захвата или обмана, он выполнялся крайне небрежно.

Иногда сильные кланы захватывали казенных рабов и обращали их в частных зависимых. Это также являлось нарушением закона, поскольку казна теряла своих работников. Но подобные акции в основном осуществлялись семьями, пользующимися особым расположением монарха, поэтому и никаких серьезных мер не принималось [10, с. 312].

Довольно часто императоры передавали казенных рабов в дар крупным сановникам и чиновникам, отличившимся на службе. При этом казенные рабы, как правило, бывшие военнопленные, становились частными. Эти пожалования исчислялись десятками и сотнями рабов; их подробное перечисление содержится в отдельной таблице, приводимой Ван Идуном [10, с. 315—317]. При династии Северная Вэй существовали особые пожалования рабов, которые назывались зависимыми дворами (лиху). В одном из источников о них говорится, что этот термин

относился исключительно к людям племени силян, которые были порабощены и выполняли подневольные работы на востоке страны [10, с. 318].

И наконец, постоянным источником приобретения частных рабов, правда опять противозаконным (поскольку свободный человек менял свой статус), был переход разорившихся свободных мелких землевладельцев под «покровительство» влиятельных семей — процесс, имевший место при династии Цзинь и в более раннее время. Как было сказано выше, при династии Цзинь в 280 г. был издан закон, ставший вехой в истории частного рабства в Китае, согласно которому юридически закреплялись права хозяев на проживающих под их «покровительством» частно-зависимых, а также устанавливалось максимально допустимое количество зависимых — 50 семей, или 250 человек.

При династии Северная Вэй допустимое количество частных рабов не устанавливалось, так как, по всей вероятности, наблюдалось явное расширение масштабов частного рабовладения. Основной закон, определяющий особенности частного рабовладения при династии Северная Вэй, был принят в 485 г. (Собственно, этот закон о равных земельных наделах «цзюнь тянь», в котором говорится как о свободных, так и о рабах, т. е. всех людях Поднебесной.)

«Девятый год [девиз правления — Тай-хэ (477—499)]. Согласно декрету императора, все люди (минь) в Поднебесной в равной степени (цзюнь) наделяются землей. Все мужчины в возрасте 15 лет и старше получают по 40 му пахотной земли. Женщины — по 20 му. Рабы и рабыни [получают землю] по нормам, определенным для свободных налогоплательщиков (дин)» [5, цз. 110, с. 888].

Согласно этому закону, частные рабы наделялись землей по тем же нормам, что и свободные люди, из чего следовало, что семьи с бо́льшим количеством рабов получали соответственно и бо́льшие земельные наделы, т. е. государство стимулировало содержание большого количества частных рабов.

Как явствует из текста закона, наделы получали не сами рабы, а их хозяева. В законе говорится: «Если имеются рабы и быки, то на них дается земля. Если их [уже] нет, то их земля подлежит возвращению... если кто-то, получив поле, умирает, продает или покупает рабов или быков, то новый раздел [земли] все равно может быть произведен лишь в течение первого месяца следующего года» [5, цз. 110, с. 888]. Кроме того, согласно этому закону, подати с рабов взимались в меньшем размере (в 4 раза), чем со свободных. Очевидно, разница при этом поступала в распоряжение хозяев рабов [2].

Аналогичный закон о надельной системе, только в несколько измененном виде, был принят в 564 г. в государстве Северное Ци (549—579). По этому закону хозяева также получали на рабов наделы, равные по размерам их собственным, но с рабов взималось вдвое меньше податей. В это время было введе-

но новое ограничение допустимого количества частных рабов для знати и чиновников на государственной службе — они имели право содержать от 60 до 300 человек в зависимости от титула, ранга и занимаемой должности [6, цз. 24, с. 223—224].

При династии Северная Чжоу (557—583) количество земли, выданное на частных рабов, было уменьшено вдвое по сравнению с наделом, установленным для свободного человека, а при династиях Суй и Тан наделы на частных рабов вообще не выделялись. По сообщению источников, в 605 г. император Ян Гуан освободил рабов от податей, а, как известно, податями облагались лишь те, кто получал земельные наделы. При династии Тан рабы считались уже не податными (букэ); это впрямую было связано с тем, что их перестали наделять землей. Лишь став свободными земледельцами, бывшие рабы приобретали право на получение надела.

Юридический статус рабов и других групп зависимого населения

Юридический и социальный статус рабов был самым низким по сравнению со всеми членами средневекового китайского общества. Они принадлежали к обширной социальной группе зависимых людей, именуемых общим термином «цзянь» («низкие», «подлые»), противопоставляемой свободным людям, именуемым термином «лян» («благородные», «добрые»). Внутри группы зависимых людей (цзянь) также существовало строгое распределение по отдельным категориям в соответствии со степенью зависимости от казны или отдельного хозяина, и рабы оказались самыми зависимыми среди них, поскольку закон приравнивал их к скоту и имуществу, а также определял их как объект купли-продажи. Так, рабы перечисляются наравне с имуществом в уже известном нам законе о несении «общесемейной ответственности» — «юаньцзо». Они предлагались в качестве взятки при судебном разбирательстве либо подносились в качестве подарка [10, с. 319—320]. Рабами обменивались, передавая их как обычное имущество. При продаже или передаче рабы содержались в кандалах.

Самым ярким проявлением бесправного рабского положения было то, что хозяин имел право распоряжаться самой жизнью рабов. Жизнь раба не охранялась законом, безопасность не гарантировалась, и хозяин мог его бесконтрольно эксплуатировать [10, с. 321—324].

Существовали оговоренные законом ограничения и запреты, регламентирующие жизнь рабов. При династии Вэй рабам позволялось носить только хлопчатобумажные ткани и запрещалось носить золотые украшения [5, цз. 21, с. 185]. Однако строго это правило не соблюдалось; при династии Северная Ци рабы продолжали носить украшения из золота и нефрита.

Еще один запрет, определяющий поведение рабов, касался

монастырей. В отличие от свободных людей зависимые люди не имели права покинуть мирскую жизнь и уйти в монастырь. Закон 517 г. предписывал возвращение из монастырей тех зависимых, которые нарушали этот запрет, а монахи, принявшие рабов, подвергались наказанию ссылкой на расстояние 500 ли [5, цз. 114, с. 944]. Эта мера, естественно, была направлена на сохранение рабочей силы у государства, так как монастыри, как правило, освобождались от налогообложения и трудовых повинностей, установленных государством.

По желанию хозяева могли нанести на лица рабов татуировку либо обрить им головы для более легкого распознавания; устанавливалось также качество употребляемой для одежды ткани. При династии Северная Вэй эти правила мало соблюдались. Но при династии Северная Ци им следовали строго [9, с. 324, 325]. Мальчиков-рабов подвергали кастрации и затем использовали как евнухов при дворах императора и знати.

На рабов распространялись и другие запреты, относящиеся к представителям самых низких слоев общества. Они не имели права поступать на обучение в школы и не могли сами их организовать. Этот запрет устанавливался для того, чтобы рабы, получившие образование, не попали на государственную службу. Рабы должны были неукоснительно соблюдать свой первоначальный статус, не изменять его, поэтому им самым строжайшим образом запрещалось заключать браки с людьми, занимающими более высокое социальное положение. Согласно закону, рабы также не имели права повышать свой статус, приобретать те или иные знания или овладевать навыками ремесла, хотя и засвидетельствованы случаи, когда они достигали небывалых высот в общественном положении [10, с. 327—328].

Источники практически не дают возможности проследить, насколько прочно, на протяжении каких поколений закреплялся статус раба. По мнению Ван Идуна, многие данные свидетельствуют о том, что рабское положение не являлось неизменным как для самого человека, так и для его потомков, и это считается отличительной чертой китайского рабства [10, с. 330]. Мы не склонны делать столь категоричное заявление, и многочисленные примеры об изменении статуса рабов, приведенные ученым (здесь имеются в виду регулярные освобождения), скорее составляли исключение из правила. Что касается закона, то в более позднем кодексе империи Тан (первый кодекс, дошедший до нас) сохранение исконного статуса было основным, незыблемым правилом, определяющим жизнь всего китайского общества, и в первую очередь оно относилось к зависимым людям, называемым «низкими», «подлыми».

Социальный состав «подлого» населения в период Северных династий был неоднороден. Согласно исследованию, сделанному Ван Идуном, люди, находящиеся в частичной зависимости от казны, назывались цзаху; сюда входили следующие категории зависимых:

1. Линху. Их обязанность состояла в том, чтобы следить за усыпальницами императоров. Отбирали их из числа казенных рабов. Всего при династии Вэй насчитывалось около 500 дворов линху. Считается, что эта категория зависимых просуществовала до конца династии.

2. Муху. Пастухи, которые пасли казенный скот. Предполагается, что эта категория была весьма многочисленной.

3. Юэху. Казенные музыканты. Их обязанности не ограничивались только исполнением музыки: при династии Северная Вэй они служили и в армии. В порядке наказания свободных людей иногда обращали в юэху, это практиковалось вплоть до времени правления династии Суй.

4. Инху. Зависимые, находящиеся на военной службе; они должны были в любой момент по первому приказу быть готовыми выступить в поход. Ими становились военнопленные-чужеземцы либо преступники, совершившие серьезные преступления.

5. Яньху — по своему положению приравнивалась к инху. Эта категория зависимых существовала только в Хэдуне (современная провинция Шаньси) в течение непродолжительного времени.

6. Сыи. Люди, работавшие на барщине, слуги. Их положение приближалось к рабскому, но было несколько более легким, чем у рабов; конкретные их функции остаются неясными [10, с. 344—347].

Как явствует из этого перечисления, классификация зависимых от казны людей осуществлялась в основном по профессиональному признаку, а не по их юридическому положению, что будет сделано значительно позже, при династии Тан.

При династии Северная Вэй существовала еще одна группа казенных зависимых земледельцев, обрабатывающих казенные земли. Согласно документу, датированному 488 г., государство выделяло $^{1}/_{10}$ из числа свободных земледельцев и обращало их в казенных землепашцев (тунь минь). Они получали от казны домашний скот, их освобождали от регулярных налогов, повинностей и службы в армии. За это каждый из них выплачивал государству 60 ху урожая (50—60%) ежегодно [5, цз. 110, с. 889].

Социальный состав частных зависимых людей был также неоднороден. Как уже говорилось выше, помимо частных рабов выделялась категория так называемых частично зависимых от хозяина людей, живущих с ним одним двором, — кэ либо мэнькэ и цзякэ («домашние» и «семейные» гости), чей статус также был очень низок.

Еще более низкий статус имели нукэ («рабы-гости») — солдаты частных армий. Более независимое положение занимали бинкэ, которые жили отдельно от хозяина. Еще одной группой частных зависимых были мэнь шэн («частные ученики»), известные еще с периода Хань. Они составляли особую категорию зависимых, принадлежавших влиятельным семьям, и свидетельст-

вовали об их престиже и власти. Положение мэнь шэн напоминало положение рабов. И наконец, к последней группе частных зависимых относились известные нам по периоду Тан буцюй. Ими были солдаты частных армий, чей род занятий постепенно изменялся, пока они не стали просто слугами, выполнявшими различную работу по хозяйству [10, с. 348—358].

Итак, статус людей, находящихся в частичной зависимости, был неодинаков; существовало большое количество различных категорий. Список категорий, выделенных Ван Идуном, несомненно можно еще продолжить, поскольку, как нам известно, в то время еще не существовало юридически оформленных категорий, различающихся между собой статусами. Многообразие и юридическая неоформленность положения категорий зависимых свидетельствуют о том, что они находились еще в процессе складывания.

Использование труда казенных и частных зависимых. Их освобождение от зависимого состояния

В нашем распоряжении имеются весьма незначительные сведения об использовании труда казенных рабов и других категорий казенного зависимого населения. Известно, что в это время казенные зависимые обрабатывали государственные земли, пасли скот, использовались при строительстве дворцовых комплексов и создании ирригационных сооружений, обслуживали нужды двора. Доля труда зависимых в сельском хозяйстве, составлявшем основу экономики, была высока. О других направлениях использования труда казенных можно судить по выделенным категориям людей, находящихся в зависимости от государства.

Частные зависимые, так же как и казенные, широко использовались в производственной и непроизводственной сферах. Частные рабы были основной рабочей силой, обрабатывающей земли, принадлежащие влиятельным фамилиям. Как уже говорилось, в тот период, когда государства Северного Китая вели постоянные войны, в результате которых захватывалось огромное количество пленных, императоры щедро раздавали знати, военачальникам и крупным чиновникам большие земельные наделы и рабов для их обработки. Примерами тому могут служить многочисленные факты передачи сотен рабов и обширных земельных наделов, собранные в статье Ван Идуна (см. [10, с. 335—336]).

Несмотря на то что земледелие оттеснило животноводство на второе место, оно продолжало играть значительную роль в экономике бывших кочевых племен, большое количество частных рабов было занято уходом за скотом, его выпасом [10, с. 337—338]. Значительное количество своих рабов хозяева посылали на разработки соли и железа, отправляли по коммерче-

ским делам. Особо активно торговля велась на юго-западе Китая [10, с. 338—339].

В непроизводственной сфере частные рабы использовались крайне широко как домашняя прислуга, они также исполняли особо важные поручения хозяев. Для влиятельных семей рабы были свидетельством их могущества и обеспеченности, из них составлялись частные армии. Под влиянием времени частные рабы нередко принимали участие совместно с хозяевами в ограблениях, убийствах и даже в государственных переворотах. В связи с этим центральные власти вынуждены были принимать серьезные меры против влияния знатных семей, располагающих значительным количеством рабов [10, с. 340—344].

Порядок освобождения казенных и частных рабов и других зависимых отличался между собой коренным образом: казенные люди освобождались от зависимого состояния посредством императорских декретов; частных зависимых отпускал по своему усмотрению хозяин, давая им вольную.

Известны многочисленные случаи освобождения казенных женщин, так называемых гун жэнь, прислуживающих при дворе либо работавших в казенных мастерских, которые попадали в зависимость по закону о несении «общесемейной ответственности» («юаньцзо»). Их освобождения проводились специальными императорскими декретами, изданными в 478, 481, 487, 489, 560 и 589 гг. [10, с. 359]. Иногда этих женщин выдавали замуж за бедняков. Подобные внеочередные освобождения проводились по случаю восшествия на престол императора или других важных государственных событий, а также тогда, когда казна пустела и для государства было непосильно содержание большого количества зависимых.

Казне могли принадлежать только трудоспособные зависимые люди, работавшие на благо государства. По старости лет либо при потере трудоспособности казенные люди освобождались от зависимости и становились свободными; такие освобождения проводились регулярно. Пожилой нетрудоспособный, бывший зависимый, переходил на обеспечение своей семьи. Казенные зависимые женщины признавались нетрудоспособными и получали свободу в возрасте 60 лет (при Северной Чжоу этот возраст составлял 65 лет); мужчины, как правило, подлежали освобождению в 70 лет, реже — в 65 лет [10, с. 359—360].

Нередко освобождения проводились не только центральной властью, но и военачальниками, генералами и чиновниками, занимающими высокие посты, и приказы, изданные на их территории, имели силу закона [10, с. 360].

Согласно императорскому декрету, освобождались не только казенные, но иногда и частные рабы, к которым относились порабощенные военнопленные либо проданные в рабство свободные люди. Рабы могли получить освобождение, если им удавалось доказать, что они были порабощены незаконным путем [10, с. 361—362].

3 Зак. 255

В виде исключения рабы могли стать свободными, если они оказывали особые услуги государству [10, с. 362]. Еще одним легальным способом освобождения от зависимого состояния был выкуп людей, попадавших в казну. Это в первую очередь относилось к военнопленным, родственники которых нередко их выкупали [10, с. 362—364]. С объединением страны под властью династии Суй междоусобные войны прекратились, массовое порабощение свободных людей (военнопленных) закончилось, и выкуп зависимых проводился в исключительных случаях.

В нашем распоряжении нет сведений об освобождении частных зависимых, можно предположить, что оно проводилось по процедуре, известной для периода династии Тан, когда хозяин, отпускавший раба, составлял вольную, скрепленную своей подписью и подписями всех членов семьи, свидетелей и ответственного чиновника.

Итак, в III—VI вв., характеризующихся политической раздробленностью, возвышением влиятельных семей, внутри китайского общества происходили важные перемены. Междоусобные войны послужили причиной повышения государственных налогов, вследствие чего население стало уклоняться от налогообложения, уходя под покровительство «сильных домов». Появились многочисленные категории зависимых земледельцев, труд которых использовался в частных хозяйствах крупных землевладельцев. Процесс потери личной свободы усилился начиная с конца II—III вв., когда сложились такие категории частного зависимого населения, как бинькэ, ишикэ, буцюй, тянькэ.

Потеря государством значительного числа налогоплательщиков заставила изыскивать новые средства пополнения доходов казны. Начала складываться и активно проводиться в жизнь система военно-земледельческих поселений. Поселенцы, относившиеся к военному сословию, превращались в государственных тяглых, прикрепленных к земле, чье положение нередко по своей тяжести не отличалось от рабского.

Система военно-земледельческих поселений, при которой заинтересованность работника в труде была сведена до минимума, в более позднее время сменилась надельной системой (государство Цзинь, 280 г.), возродившей широкий слой государственных налогоплательщиков. В Китае III—VI вв. параллельно существовали крупная земельная собственность и декларированная надельная система, по которой все земли объявлялись государственными. Согласно системе «равных полей» (государство Северная Вэй, 485 г.), которая явилась развитием надельной системы, пахотные поля стали выделяться на рабов и волов. Официально она просуществовала до 780 г. (династия Тан).

Эти важные события оказали большое влияние на все сферы жизни Китая, «и к новой стабилизации страна пришла совершенно иной, чем была в период длительного существования централизованного государства Хань» [1, с. 14].

[1]. Е — древний город, расположенный в Северной Хэнани.

[2] Сигуань — учреждение, ведающее казенными рабами, подчиненное «Шаофу» (казенные мастерские), одному из девяти министерств.

[3] Синьчэн — город, расположенный к югу от Лояна, центральная часть провинции Хэнань.

[4] Можно предположить, что ишикэ выполняли функции личных слуг, а тянькэ обрабатывали землю, выданную в кормление.

[5] Подобное освобождение было проведено в 302 г., незадолго до падения Лояна [7, цз. 4, с. 39]; 10 тыс. рабов и кэ в Южной Цзянсу были освобождены в 321 г. [7, цз. 6, с. 53—54, цз. 69, с. 566]. В 343 г. были освобождены рабы в провинции Хубэй [7, цз. 73, с. 594, цз. 77, с. 624]. В 399 г. в Северном Чжэцзяне были освобождены рабы, чей статус повысился до кэ [7, цз. 64, с. 530].

1. Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Ши хо чжи» из династийных историй). М., 1980.
2. *Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980.
3. Бэй ци шу (История династии Северная Ци). Сер. «Сыбу бэйяо».
4. Бэй ши (История Северных династий). Сер. «Сыбу бэйяо».
5. Вэй шу (История династии Северная Вэй). Сер. «Сыбу бэйяо».
6. Суй шу (История династии Суй). Сер. «Сыбу бэйяо».
7. Цзинь шу (История династии Цзинь). Сер. «Сыбу бэйяо».
8. Чжоу шу (История династии Северное Чжоу). Сер. «Сыбу бэйяо».
9. *C. M Wilbur.* Slavery in China during the Former Han Dynasty. Chicago, 1943.
10. *Wang Yi-t'ung.* Slaves & other Comparable Social Groups during the Northern Dynasties (386—618).— HJAS, 16 (1953).
11. *Yang Lien-sheng.* Notes on the Economic History of the Chin Dynasty.— Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 9, 1946, № 2, June.
12. *Yao Shan-yu.* The Chronological & Seasonal Distribution of Floods & Droughts in Chinese History. 206 BC—AD 1911.— HJAS, 6(1942).

Е. М. Козина

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ В КИТАЕ ПРИ ДИНАСТИИ ТАН (618—907 гг.)

Династия Тан объединила страну после многовекового распада. Древние общественные институты, складывавшиеся в недрах китайского общества, получили свое дальнейшее развитие в централизованном государстве. Характерной чертой этой эпохи была строгая система учета и регламентации всех категорий населения. Все подданные Поднебесной имели свое место в обществе, определенное как статус, закон охранял соблюдение установленной общественной иерархии.

Вскоре после основания династии при дворе было создано Историографическое бюро, в задачи которого входили сбор и обработка исторических трудов и материалов для дальнейшего составления династийных историй. Следствием этого явилось большое количество письменных источников, сохранившихся до наших дней, что в значительной мере облегчает изучение данного периода. Наибольший интерес представляют династийные истории, содержащие бесценные сведения о различных сторонах жизни танского Китая. Особое значение для исследования социальной структуры средневекового китайского общества представляет первый дошедший до нас свод законов — Кодекс династии Тан («Тан люй шу и») [1]. Эти важные письменные источники дают возможность составить четкое представление о формах зависимости, существовавших в танском обществе.

В Китае с давних времен все население страны традиционно делилось по своему происхождению на свободных, «добрых людей» (лян жэнь) и зависимых, «подлых людей» (цзянь жэнь), что нашло свое отражение в Кодексе династии Тан. Каждая из этих двух больших групп подразделялась на отдельные социальные группы (сословия), имеющие строго соблюдаемый, неизменный статус. В некоторых случаях свободных людей подразделяли на чиновников, ученых (ши) и крестьян, ремесленников и купцов (шу) [6, с. 7—8].

В источниках периода Тан свободные люди различались также по видам их деятельности: «В Поднебесной — четыре [сословия] людей (минь). Их дело — управление или физический труд. Овладевшие знаниями в гуманитарной или военной области называются ши. Занимающиеся физическим трудом на поле или

выращивающие тутовые деревья называются нун. Производящие товары называются гун. Мясники и кабатчики, а также занимающиеся мелкой торговлей называются шан. Люди из семейств ремесленников (гун) и торговцев (шан) не должны иметь отношений с людьми из чиновничьих фамилий (ши)» ([10, цз. 3, с. 13; см. также 7, с. 244]).

Вполне очевидно, что существовавшая в официальной историографии классификация средневекового общества четко не выделяла классы и сословия империи Тан. Однако и в наше время проблема сословно-классового анализа китайского общества эпохи Тан представляет значительную трудность. Согласно последним исследованиям можно выделить десять сословий: лично-свободные — 1) имеющие ранги, чиновничество, члены императорского рода, члены аристократических кланов и т. п.; 2) простые люди (бай син), не имеющие ранга, должности и титула и связанных с ними привилегий; 3) монахи; лично-несвободные — 4) тайчан иньшэн жэнь (музыканты Палаты императорских жертвоприношений); 5) буцюй и кэнюй; 6) чан чжу; 7) гун и юэ; 8) цзаху; 9) гуаньху; 10) рабы (казенные и частные) [2, с. 16—17].

Согласно закону, представители первого сословия в случае правонарушения пользовались следующими привилегиями.

1. Привилегия «восьми суждений» (ба и), суть которой состояла в неподсудности обладавших ею лиц. Привилегия действовала в случае совершения любых преступлений, кроме государственных из разряда «ши э».

2. Привилегия подачи прошений на Высочайшее имя при совершении большинства преступлений; исключения оговаривались особо.

3. Привилегия автоматического уменьшения меры наказания на одну степень (при совершении преступлений, наказуемых ссылкой и ниже).

4. Привилегия откупа от наказания. Ею обладали все чиновники девяти основных рангов (при наказании ссылкой и ниже) [3, с. 194—196].

Согласно Кодексу династии Тан, к группе лиц, на которых распространялась первая привилегия «восьми суждений», относилась высшая аристократия и чиновники, имеющие 1-й и 3-й ранги: 1) члены императорской фамилии (цинь); 2) заслуженные ветераны (гу); 3) мудрецы (сянь); 4) способные (нэн); 5) заслуженные (гун); 6) аристократы (гуй); 7) усердные (цинь); 8) гости (потомки бывших правящих фамилий, бинь) [11, цз. 1, с. 25—26; 14, цз. 50, с. 631].

Вторая привилегия распространялась на чиновников 5-го ранга и выше и на всех тех, кто пользовался первой привилегией. Третьей привилегией пользовались все, кто обладал предыдущими привилегиями, а также все чиновники 7-го ранга и выше. Четвертая привилегия распространялась на всех чиновников без исключения [11, цз. 2, с. 32—33; 3, с. 195—196].

Закон предусматривал значительные привилегии представителям первого сословия — родовитой аристократии и чиновникам, имеющим ранги, что накладывало на них особые обязательства перед обществом — они являлись хранителями и носителями его вековой морали, становясь предметом подражания для остальных его членов. Чиновник, нарушивший нормы поведения своего сословия (например, совершивший прелюбодеяние с рабыней либо воспользовавшийся служебным положением в корыстных целях), нес гораздо бо́льшую ответственность, чем человек, не имеющий ранга, совершивший аналогичное преступление.

Таким образом, согласно Кодексу династии Тан, все свободное население Поднебесной делилось на людей, имеющих ранги и не имеющих их. (Монахи, составлявшие отдельное сословие, были крайне немногочисленны.) «Закон юридически признавал огромную дистанцию, отделявшую массу простых людей от высокообразованной прослойки ученых-чиновников» [15, с. 135].

Ко второму, самому многочисленному сословию относились простые свободные люди, не имеющие рангов. Единообразная юридическая характеристика этого сословия в Кодексе отсутствует. «Простой человек, лично-свободный, был нулевой точкой отсчета, объектом применения стандартной меры наказания за большинство уголовных преступлений, за которой начиналось применение наказания со знаком плюс, отягощения его,— для лично-несвободных и со знаком минус, облегчения его,— для людей, состоящих на службе и имеющих „гуань“ — должность, ранг, титул, или их родственников, пользующихся правом „тени“ („инь“), защиты — всем объемом прав, связанных с „гуань“ их родственника» [2, с. 5].

Для обозначения людей этого сословия в Кодексе употребляются различные термины, имеющие разные оттенки в зависимости от контекста. Наиболее распространенными из них являются «бай син» и «бай жэнь» — свободные налогоплательщики, наделенные участками земли по существовавшему в стране закону о земле; на них и было ориентировано большинство статей Кодекса.

Свободным людям (лян жэнь) Кодекс династии Тан противопоставлял людей зависимых, называемых общим термином «цзянь жэнь» («подлые люди»), занимавших самое низкое положение в танском обществе.

История происхождения термина «цзянь жэнь» доподлинно неизвестна. Кодекс династии Тан унаследовал его от предыдущих законодательств, не дошедших до нас. В «Тан люй шу и» содержится лишь краткое описание происхождения отдельных сословий зависимых людей, и традиционное толкование термина «подлые люди» сводится к тому, что все они имеют позорное происхождение: их предки когда-то совершили преступление, за которое попали в зависимость, и их статус из поколения в поколение оставался низким.

Подобное толкование термина «подлые люди» в танском Китае позволяет нам провести параллель со средневековой Европой, где существовало убеждение в том, что моральные признаки наследуются, т. е. ум, честность и т. д. — принадлежность знати (ср. в Китае — «добрые люди»), а низменные черты свойственны несвободным и низкорожденным (в Китае — «подлые люди»). «Правовой статус был неотделим от его носителя, являлся его существеннейшим атрибутом. Люди высокого статуса были „благородными“, „лучшими“, люди низкого статуса считались „меньшими“, „худшими“, „подлыми“. Правовой статус индивида характеризовал его и с нравственной стороны, поэтому правовое состояние человека получало моральную окраску, отражало и его личные качества и вместе с тем определяло их» [1, с. 146].

Это сравнение с аналогичным разделением общества на «добрых» и «подлых» в современной Китаю средневековой Европе позволяет судить об общности социальных представлений, характерных для человечества на определенном этапе его развития. Близость этих понятий, характеризующих ранние социальные различия в обществе, очевидна. Однако далее они развивались разными путями.

Выделяемая в особую группу зависимая часть населения, называемая общим термином «подлые» («цзянь»), состояла из людей, зависимых либо от казны, либо от частного лица, т. е. принадлежащих хозяину и не имевших личной свободы. Вот почему по сути своей термин «цзянь жэнь» можно перевести не только как «подлые», но и как несвободные люди.

Правовое положение «подлых людей» нашло полное отражение в 86 статьях (из 501) Кодекса династии Тан («Тан люй шу и»), что позволяет сделать косвенные выводы о месте «подлых» в структуре китайского общества при династии Тан. Другие источники также содержат дополнительные данные об использовании труда зависимых людей.

В период Тан лично-несвободные, зависимые цзянь жэнь делились на семь основных сословий, строго закрепленных законодательно: 1) рабы — ну би (мужчины ну и женщины би — казенные и частные); 2) гуаньху — государственные зависимые, своего рода казенные крепостные; 3) цзаху — государственные зависимые, степень зависимости которых была меньше по сравнению с гуаньху; 4) гун юэ — мастеровые и музыканты, юридическое положение которых приравнивалось к гуаньху; 5) тайчан иньшэн жэнь — музыканты палаты императорских жертвоприношений; их статус был самый высокий, находились в казенной зависимости. 6) буцюй — частные рабы, степень зависимости которых была меньшей, чем у рабов; 7) кэнюй — дочери буцюй либо частные рабыни.

Две формы зависимости, казенная и частная, являлись следствием двух форм собственности, существовавших в Китае. Первой формой была государственная (казенная) собственность.

Согласно закону, государство было верховным владельцем земли и наделяло пахотными участками всех жителей Поднебесной по единым нормам[2] [10, цз. 3, с. 13—13(а)]. В распоряжении государства находились также многочисленные казенные мастерские, разбросанные по всему Китаю. Существовали обширные земельные угодья и мастерские, обслуживающие только императора и членов его семьи, однако все, что принадлежало императору, считалось собственностью государства.

Второй формой была частная собственность. К ней, как правило, относились постройки, скот, домашнее имущество, принадлежащее семье или отдельному лицу. Таким имуществом располагали простые свободные люди (бай син). Наряду с этим в стране имелся господствующий класс, состоящий из членов императорской фамилии, аристократов, крупных чиновников и землевладельцев, в руках которых находились огромные частные земельные владения, сотни и тысячи частных рабов. Существовала также и монастырская собственность, т. е. коллективное владение ценностями, принадлежащими монастырям, которую можно рассматривать как особый вид частной собственности.

Рабы и зависимые люди наряду с землей, недвижимостью, имуществом также разделялись на казенных и частных в зависимости от того, чьей собственностью они являлись.

Для периода Тан характерна особая дробность сословных делений лично-несвободных. Как показывают исследования, и в период Северных династий (386—618), и в более позднее время, вплоть до Цин, количество сословий, именуемых общим термином «цзянь жэнь» (имеются в виду основные сословия, выделяемые в законодательстве), оказывается значительно меньшим по сравнению с интересующим нас периодом [20, с. 343—358; 15, с. 33—34].

Попытаемся объяснить это следующим образом. Как принято считать, расцвет частного рабства относится к периоду Хань (правда, и тогда рабы составляли только 1% всего населения Китая) [21, с. 177]. Форм частичной зависимости тогда практически не существовало [17, с. 187, 205]. Различные сословия зависимого населения появляются значительно позднее, в IV—VI вв. н. э. При династии Тан после распада надельной системы (VIII в.) выделяются сословия, находящиеся в частичной зависимости от крупных землевладельцев, утратившие свою экономическую независимость. Наряду с этим бывшие казенные рабы через амнистии получают свободу и становятся зависимыми земледельцами [5, с. 106], что свидетельствует о повышении их статуса. Следует отметить, что причина подобной неоднородности социального состава цзянь жэнь, наиболее ярко проявившейся при династии Тан, требует еще дальнейшего изучения.

Социальная стратификация китайского общества при династии Тан, отраженная в кодексе «Тан люй шу и», проявилась в

его основном принципе, имевшем непреложное отношение к каждому члену общества: «Всегда [при разборе любого дела] надо исходить из первоначального, исконного (бэнь) статуса человека» [11, цз. 12, с. 279].

Итак, в средневековом Китае деление общества на лично-свободных, «добрых людей», и лично-несвободных, «подлых людей», было основным социальным, зафиксированным в общественном сознании и праве делением общества. Закрепленные юридически, социальные границы проходили между теми, кто служил и имел ранги, и простыми, не имевшими рангов людьми, между лично-свободными и лично-несвободными, между старшими и младшими по поколению родственниками.

Представители правящего класса, согласно закону, имели гарантированные привилегии, если же преступление совершалось человеком из сословия цзянь жэнь, то наказание усиливалось: для зависимых людей на одну степень, а для рабов — на две степени (имеются в виду самые общие законы). Это юридическое неравенство «подлых людей» определяло весь характер их существования. Они должны были строжайшим образом соблюдать свой исконный статус, выполнять предписанные им обязанности и вести подобающий им образ жизни. Последнее включало в себя ношение одежды только указанных цветов, сшитой из определенной ткани, запрещение пользоваться экипажами и т. д.

Казенные зависимые люди

1. Казенные (государственные) рабы — гуань нуби — были самой многочисленной и бесправной группой населения, относящегося к разряду «подлых людей». Кодекс «Тан люй шу и» регламентировал отношение к ним чиновников, определял «правила эксплуатации», их правовое положение. Закон определял жизнь рабов со дня их рождения до смерти. На протяжении всей жизни они несли постоянные, бессрочные трудовые повинности.

Чиновникам, надзирающим за работой казенных рабов, вменялась в обязанность забота об их здоровье, что делалось ради сохранения трудоспособности людей. «Если к кому-то из... казенных рабов в случае заболевания старший чиновник, отвечающий за них, не проявит внимания и не даст лекарства для спасения больного, то он подлежит наказанию в размере 40 ударов тонкими палками. Если следствием [невнимания] будет смерть [больного], то виновный подлежит наказанию каторжными работами сроком на один год» [11, цз. 26, с. 609].

Чиновникам, находящимся на государственной службе, строжайше запрещалось использовать казенных рабов, находящихся у них в подчинении, в личных целях. Наказание виновного чиновника определялось в зависимости от количества «присвоен-

ного имущества». Минимальное наказание за одного присвоенного казенного раба устанавливалось в размере 50 ударов тонкими палками [11, цз. 15, с. 336—337].

«Чиновник, имеющий в распоряжении какое-то имущество и использующий его в личных целях,— это тот, кто воспользовался рабами и рабынями, коровами и лошадьми, верблюдами, мулами и ослами, телегами и лодками, каменными катками для зерна, жерновами, постройками, лавками и т. п. [В этом случае] каждый раз нужно учитывать количество присвоенного и исходить из того имущества и предметов, находившихся в его распоряжении, которыми он воспользовался» [11, цз. 11, с. 240].

«Чиновником, имеющим в распоряжении какое-то имущество и в корыстных, личных целях воспользовавшимся вверенными ему казенными рабами, а также скотом и имуществом, называется тот, кто взял что-то для себя и воспользовался этим» [11, цз. 15, с. 336] [3].

Особо оговаривалась ситуация, при которой чиновник совершал прелюбодеяние с вверенной ему казенной рабыней или другой зависимой женщиной.

«Если чиновник вступит в противозаконную связь с подчиненной [ему] женщиной... то за это чиновник, имеющий звание фу хао и ниже, совершивший подобное преступление, обязательно подлежит отстранению от занимаемой должности» [11, цз. 3, с. 51].

Подобное поведение со стороны чиновника рассматривалось как уголовное, поскольку ущерб одновременно наносился «казенному имуществу» (рабыне) и, что особенно важно, чести чиновника.

Очень строго наказывались чиновники, виновные в бегстве казенных рабов за пределы означенного для их проживания уезда. Наказание в этом случае определялось в размере двух лет каторжных работ [11, цз. 28, с. 681].

Аналогичному наказанию подлежали чиновники, осмелившиеся самовольно изменить статус казенного раба на частного: «Если кто-то взял казенного раба и присвоил его себе, то это рассматривается как кража» [11, цз. 25, с. 584—585]. Преступление в данном случае совершено двойное: изменяется исконный статус зависимого человека, и, что является самым важным, казна лишается работника. Вот почему это преступление приравнивается к краже.

Ряд статей законодательства определяет меры наказания для казенных рабов в случае совершения ими преступлений. Основным законом этого типа был закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой, который распространялся на всех казенных зависимых людей.

«Если... [казенные] рабы совершат преступление, наказуемое ссылкой, то они подлежат наказанию 200 ударами толстых палок» [11, цз. 5, с. 93].

Вполне понятно, что этот закон определялся потребностью со-

хранения рабочей силы при несении трудовых повинностей. Гораздо целесообразнее было оставить виновного на месте, наказав поркой, чем ссылать в отдаленные места, отрывая от работы. Заботой о сохранении трудоспособности рабов был продиктован и следующий за этим закон — о недопустимости превышения наказания, несмотря на тяжесть преступления [11, цз. 30, с. 711—713].

Закон определял меру наказания в случае побега казенного раба с места несения трудовых повинностей.

«Если кто-то из... казенных рабов совершит побег, то за один день [в бегах] виновный подлежит наказанию 60 ударами толстых палок. За каждые три дня наказание увеличивается еще на одну степень, но оно не должно превышать наказания в размере 200 ударов толстыми палками» [11, цз. 28, с. 678—679]. Этот закон, как и предыдущий, распространялся на всех зависимых людей.

Если у казенных рабов, пасущих государственные стада, пропадали животные, то пастухи наказывались поркой. Возможно, это объяснялось отсутствием имущества у казенных рабов (у цай), которые не могли заплатить за пропавший скот [10, цз. 17, с. 13(а)].

Самые строгие меры наказания применялись к казенным людям в случае покушения на жизнь управляющего ими чиновника.

«Если преступник, [казенный раб], нанес телесное повреждение своему начальнику, он подлежит казни через удавление. Если было совершено убийство, то, согласно закону о главарях и пособниках, все виновные в равной степени подлежат смертной казни через обезглавливание» [11, цз. 17, с. 400].

Это преступление рассматривалось как самое тяжелое, приравнивалось к разряду преступлений «моу фань» или «да ни» — первые три преступления из разряда «десять зол» («ши э»), т. е. преступления против устоев государства. Если это преступление совершал свободный человек, то по закону о несении «общесемейной ответственности» («юаньцзо») все члены его семьи передавались в казну, а преступник подлежал смертной казни. Однако этот закон распространялся только на свободных людей. Что касается зависимых, то распространение этого закона на некоторые категории «подлых людей» свидетельствовало об их сравнительно более свободном положении, чем у рабов, чья зависимость была абсолютной. Закон о несении «общесемейной ответственности» на рабов (казенных и частных) не распространялся. Казенный раб, поднявший руку на надзирающего за ним чиновника, нес ответственность сам, а его родственики наказанию не подвергались [11, цз. 17, ст. 395].

Китайское право соблюдало неравенство зависимых (цзянь жэнь) и свободных (лян жэнь) людей. Как один из примеров этому — закон о нанесении взаимных побоев.

«Если раб или рабыня побьют свободного человека, то на-

казание увеличивается на две степени [по сравнению с аналогичным наказанием, определенным для свободного человека]. Если в процессе драки они нанесут телесные повреждения свободному человеку, то подлежат удавлению... Если имело место сознательное избиение свободного человека, то наказание [для рабов] усиливается, вплоть до смертной казни. За нанесение побоев, приведших к гибели избиваемого, виновный [раб] подлежит наказанию — казни через обезглавливание». Однако: «Если свободный человек побьет, нанесет телесные повреждения рабу или убьет его, то наказание уменьшается на две степени [по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным по отношению к свободному человеку]. За убийство [раба] в процессе драки — три года каторги; за тяжкие телесные повреждения — два года каторги. За преднамеренное убийство раба или рабыни определяется наказание ссылкой на расстояние 3 тыс. ли» [11, цз. 22, с. 496—497].

Особенно ярко проявляется зависимое положение «подлых людей», в частности казенных рабов, на примере законов о семье и браке.

«[Все зависимые люди из сословий] гун юэ, цзаху, гуаньху, буцюй, кэнюй, казенные и частные рабы и рабыни должны заключать браки согласно своему сословию» [7, с. 258].

Этот закон является основным при регламентации семейных отношений всех зависимых людей, кроме музыкантов палаты императорских жертвоприношений.

Администрации вменялось в обязанность следить за тем, чтобы по достижении совершеннолетия юноши и девушки из казенных зависимых «образовывали пары» согласно своему социальному положению [10, цз. 6, с. 16 (а), цз. 19, с. 9].

При передаче императором казенных рабов высокопоставленным чиновникам или военачальникам в виде пожалований рабы передавались вместе с их семьями: «Если [казенные рабы и гуаньху] передаются в виде пожалований, то им позволяется брать с собой своих жен и детей» [10, цз. 19, с. 9].

Возможно, что при пожаловании казенных рабов характер их зависимости изменялся на частную, однако прямых указаний на это в источниках не имеется. Можно также предположить, что казенные рабы выдавались чиновникам, как и земельные наделы, во временное пользование — пока чиновник находился на службе.

При передаче казенных рабов в качестве пожалования люди перемещались с одного места на другое, теряя свои связи с родственниками, и уезжали далеко от могил предков. Это обстоятельство даже для казенных рабов считалось недопустимой жестокостью. Один из указов 779 г. гласил :«Пожалованные в департамент Юнфу рабы и рабыни вынуждены были расстаться с деревнями своих отцов и матерей. Они оторваны от любви кровных родственников. Это негуманно, и следует положить конец [подобному положению]» [12, цз. 86, с. 1570].

Как уже говорилось, рабы должны были заключать браки только внутри своего сословия. Если по недосмотру чиновника казенный раб вопреки закону женился на свободной женщине, то подобный брак считался противозаконным: «Противозаконными браками называются такие, которые, согласно закону, не могут быть заключены. [Эти браки] подлежат расторжению... и обе стороны возвращаются в свое первоначальное положение» [11, цз. 14, с. 305].

Если в результате брака между свободным и зависимым человеком рождается ребенок (в число зависимых входят и казенные рабы), то в случае, «когда [о незаконности брака] не было известно, ребенок записывался как свободный, а если было известно, [что кто-то из родителей] — раб или рабыня, то [ребенок] записывался как зависимый (цзянь)» [7, с. 262].

Закон определял и дальнейшее место проживания ребенка, родившегося в результате противозаконной связи: «Если двое свободных людей вступят в противозаконную связь, то родившийся мальчик или девочка остается у отца. Если в противозаконную связь вступят зависимые люди либо на казенной или частной рабыне [женится свободный человек], то родившиеся мальчик или девочка всегда остаются у матери» [7, с. 263]. Ребенок, родившийся от такого союза, законом рассматривался как «приплод» и наследовал статус матери, становясь казенным или частным рабом. Таким образом, закон защищал интересы хозяина; если рабыня была казенная — интересы государства.

Неравенство зависимых по отношению к «добрым людям» (лян) сохранялось даже после смерти. Далеко не всегда зависимые люди были неимущими, но деньги не обеспечивали им равенство со свободными. Имелся специальный закон, соблюдавший различия в ритуале захоронения зависимых людей: «Если нет материальной возможности похоронить [умершего] соответственно его положению, то почитаемых (гуй) позволяется хоронить как презираемых (цзянь), но презираемых нельзя хоронить как почитаемых» [6, с. 840].

Перечисленные выше статьи кодекса «Тан люй шу и» дают исчерпывающую характеристику юридического положения казенных рабов как самого бесправного сословия среди казенных зависимых людей. Предметом дальнейшего рассмотрения будет использование труда казенных рабов и виды их деятельности.

В средневековом Китае свободные совершеннолетние налогоплательщики (дин) заносились в списки населения, составляемые по округам и уездам. Казенные рабы в эти списки не заносились, а согласно роду своих занятий приписывались к различным ведомствам (сы). Государство вело строгий учет казенных людей.

«Согласно закону, во всех ведомствах в первый месяц каждого года составлять списки казенных рабов и рабынь в двух экземплярах. Первый экземпляр отправляется в шаншу [4], а второй остается в соответствующем ведомстве. [Помимо этого]

каждый год надо составлять реестры, в которых следует отмечать особые приметы облика [рабов]. После [этой процедуры] они получают в цзиньцанбу[5] одежду и провиант» [12, цз. 86, с. 1570].

В период Тан учет казенных рабов велся следующим образом.

Во-первых, составлялись списки казенного населения цзи (этот иероглиф употреблялся также и для обозначения списков свободных людей), которые направлялись в Государственный департамент (шаншу); второй экземпляр списков оставался в ведомстве, к которому были приписаны казенные рабы.

Во-вторых, на казенных рабов составлялись особые реестры — бу (реестры бу на свободных людей не составлялись). При помощи реестров — бу — велся учет возрастного состава казенных рабов.

«Каждый год во второй месяц зимы производится постатейная запись прироста населения. Проверяется наличие престарелых и несовершеннолетних и вносятся [соответствующие] исправления в реестры. В 10-й месяц каждого года в ведомствах детям и людям старшего возраста [из казенных рабов] ставятся клейма на локоть и берутся отпечатки пальцев» [10, цз. 6, с. 16 (а); 8, цз. 46, с. 352].

Проверки осуществлялись для выявления нетрудоспособных людей. Законом предусматривалось освобождение от казенной зависимости калек, больных хроническими заболеваниями и стариков в возрасте от 70 лет и старше, поскольку польза от них была невелика, а содержание обходилось дорого.

Государство регулярно снабжало казенных рабов одеждой и провиантом: «Весенняя одежда выдается один раз ежегодно. Зимняя одежда выдается раз в два года. Весной раб-дин[6] получал: один головной платок, холщовые рубаху и штаны, одну пару кожаной обуви, а также войлок [для подстилки]. Казенная рабыня весной получает юбку и кофту, одно шелковое платье и две пары обуви; зимой ей выдают телогрейку, платье на подкладке и штаны, а также одну пару кожаной обуви и войлок.

Мальчик-раб в возрасте 17 лет и моложе весной получал одну холщовую рубаху и пару обуви. Девочка-рабыня получала холщовую рубаху, юбку и пару обуви. Зимой мальчики и девочки получали по одной телогрейке, по паре кожаной обуви и чулок» [10, цз. 6, с. 16, цз. 27, с. 7; 7, с. 858].

«Все государственные рабы получают казенный провиант... Этот провиант выдается один раз в сезон. Тяглому [рабу] дин в день выдается 2 шэна [провианта], молодым (от 11 до 20 лет) выдается 1 шэн и 5 хэ [провианта]. Детям (от 4 до 11 лет) выдается 6 хэ провианта [10, цз. 3, с.23, цз. 6, с. 16, цз. 27, с. 7; 7, с. 695][7].

Казенные рабы несли постоянные трудовые повинности (и), однако законом предусматривались дни, когда они имели право на отдых. «Казенные рабы в первый день Нового года, во

время Зимнего солнцестояния, а также во время двухдневного поста перед весенним праздником (Ханьши) получают три выходных дня. После рождения ребенка, в случае смерти отца или матери либо в случае женитьбы получают отпуск на один месяц, а в случае смерти кровных родственников — отпуск на семь дней» [10, цз. 6, с. 16(а); 7, с. 858].

Основная масса казенных рабов была приписана к сельскохозяйственному ведомству. Значительную их часть составляли члены семей преступников, совершивших антигосударственные преступления из разряда «ши э», не имеющие определенных трудовых навыков.

«Все переданные в казну при наличии каких-либо навыков распределяются по соответствующим ведомствам согласно своим данным. Женщины, искусные в ремеслах, направляются в Етин [8]. Остальные [люди], не имеющие никаких навыков, приписываются к сельскохозяйственному ведомству» [10, цз. 6, с. 15 (а); 8, цз. 56, с. 418; 10, цз. 19, с. 9].

Сельскохозяйственное ведомство было постоянным источником рабочей силы при проведении таких массовых работ, как строительство ирригационных сооружений, дворцовых комплексов и т. п. Для казенных рабов, несущих трудовые повинности по месту жительства, устанавливались определенные нормы: «Три раба-дина должны отрабатывать две трудовые повинности (и). Два молодых раба (с 16 до 20 лет) и две рабыни-дин должны отрабатывать одну трудовую повинность (и). Три молодые рабыни (с 16 до 20 лет) должны отрабатывать одну трудовую повинность (и)» [9] [10, цз. 6, с. 16 (а); 8, цз. 46, с. 352].

Казенные рабы, приписанные к сельскохозяйственному ведомству, не имевшие квалификации, направлялись на огородные работы, а рабыни занимались приготовлением пищи и изготовлением гончарных изделий [10, цз. 6, с. 16]. Рабы также поурочно вскармливали домашних животных и птиц для императорского стола [8, цз. 48, с. 368; 10, цз. 19, с. 11 (а)]. Все нужды императорской фамилии и его приближенных обеспечивались за счет труда казенных рабов и других категорий зависимого населения.

Как известно, при династии Тан среди казенных рабов было довольно много иноземцев. В сфере услуг в основном использовался труд рабов-китайцев, которые лучше справлялись с поручениями. Рабы-иноземцы в основном использовались как музыканты (тюрки, корейцы). Военнопленные кочевники направлялись на работы в конюшни либо зачислялись ездовыми при экипажах [10].

Труд казенных рабов использовался и при обработке государственных земель и земель, выданных в кормление чиновникам, находящимся на государственной службе, а также при выпасе скота [8, цз. 46, с. 352; 10, цз. 6, с. 16]. Казенные рабы, обученные ремеслам, трудились вместе с другими зависимыми в государственных мастерских.

При всем разнообразии использования труда казенных рабов основной являлась сфера услуг. В источниках имеются неоднократные упоминания о 10 тыс. казенных музыкантах [12, цз. 33, с. 611], 3 тыс. женщин из Етина и т. п. [14, цз. 2, с. 37; 10, цз. 19, с. 9; 12, цз. 86, с. 1570]. Нередко содержание такого количества рабов, не занятых в сфере производства, становилось тяжким бременем для казны. Тогда издавались императорские декреты, согласно которым тысячи казенных рабов отпускались на волю.

Осуществлялось также регулярное освобождение государственных рабов от зависимого состояния, попавших в казну по закону о несении «общесемейной ответственности» («юаньцзо»). Оно проводилось в три стадии: сначала рабы становились фаньху (гуаньху), затем — цзаху и только затем — свободными людьми [10, цз. 6, с. 15 (а); 14, цз. 188, с. 1539; 8, цз. 46, с. 353]. В случае амнистии рабы получали свободу сразу, не проходя эти три стадии.

Наследственные казенные рабы освобождались от зависимости в следующем порядке: с 60 лет они становились фаньху, а с 70 лет — свободными людьми [7, с. 260; 12, цз. 86, с. 1572]. В особых случаях допускалась возможность приобретения свободы путем откупа [7, с. 263], что делалось в виде исключения, в награду за заслуги.

В период Тан выделяются три основных источника приобретения казенных рабов: военнопленные, наследственные рабы (естественное воспроизводство) и «уголовные» рабы (передача в казну преступников и членов их семей в наказание за совершенное преступление).

Как сообщает династийная история, военнопленные вносились в списки рабов (ли) [8, цз. 46, с. 352]. В 645 г., во время похода против Когурё, было взято в плен и обращено в рабство 14 тыс. [18, с. 40].

В период расцвета династии захват пленных приобрел значительные масштабы. В источниках имеются многочисленные свидетельства о рабах-иноземцах, взятых в плен либо присланных в виде дани вассальными государствами.

Одной из самых многочисленных этнических групп среди пленных-рабов были тюрки. Из императорского указа 701 г. явствует, что рабы-тюрки представляли собой потенциальную угрозу для северо-западных границ Китая, так как их скопление в пограничных округах и уездах было крайне велико [12, цз. 86, с. 1569].

Указ 851 г. предписывал начальникам пограничных крепостей посылать внутрь страны туфаньских (тибетских) и уйгурских пленных-рабов во избежание возможных смут на границе [12, цз. 86, с. 1513].

Военнопленных обращали в казенных рабов: в период ведения военных действий они нередко вливались в китайскую армию, ими заселяли пограничные (вновь захваченные) районы.

Обычным явлением была передача казенных рабов (бывших военнопленных) в качестве пожалований чиновникам или военачальникам, отличившимся на государственной службе [20, с. 302].

Казенные рабы, находящиеся в пожизненном рабстве, обеспечивали естественное воспроизводство зависимого населения. По достижении совершеннолетия молодые казенные рабы (юноши и девушки) обязаны были «образовывать пары» согласно своему социальному положению, т. е. создавать семьи для продолжения рода.

Передача в казну преступников и членов их семей была специфическим источником пополнения числа казенных рабов. На основании принципа «общесемейной ответственности» («юань-цзо») все члены семей преступников, совершивших преступление против устоев государства («фань ни»), а также все их имущество, включая частных рабов и буцюй, принадлежащих этой семье, передавались в казну; члены семей становились государственными рабами, а сам виновный подлежал смертной казни [11, цз. 2, с. 44—46; цз. 4, с. 76; цз. 17, с. 395; 8, цз. 46, с. 352, цз. 56, с. 418; 12, цз. 86, с. 1569; 7, с. 259].

Исключение составляли лишь люди в возрасте 70 лет и старше, а также родственники, не проживающие с преступником одной семьей. Эти вновь приобретенные казной рабы либо приписывались к сельскохозяйственному ведомству, либо направлялись в южные провинции страны, где становились городскими рабами (чэн ну) [10, цз. 6, с. 15 (а)].

«Согласно закону о разбое и грабеже, сыновья людей, совершивших преступление из разряда „моу фань" или „да ни" (антигосударственные преступления из разряда „ши э"), в возрасте 15 лет и моложе, а также матери, дочери, жены, наложницы, жены и наложницы сыновей, деды, внуки, старшие и младшие братья и сестры — все они передаются в казну. Мужчины в возрасте 80 лет (и старше), больные и калеки, а также женщины в возрасте 60 лет (и старше), [просто] больные и больные хроническими заболеваниями в казну не передаются. Ушедшие из-под родительского крова и проживающие отдельно, а также невесты, чье сватовство еще не завершено, не несут ответственности» [11, цз. 30, с. 716].

Передача в казну на основании закона о несении «общесемейной ответственности» была довольно распространенным явлением, затрагивавшим, как правило, верхние слои китайского общества. Антигосударственные преступления совершались обычно крупными чиновниками и знатью.

Условно-рабами (на определенное время) считались и преступники, осужденные на каторжные работы сроком от одного до трех лет: «Каторжники — это рабы» [11, цз. 1, с. 14]. Однако юридическое и фактическое положение каторжников было совсем иным. Они должны были искупать свою вину самым тяжким, изнурительным трудом и находились в условиях, не-

сравнимо более трудных, чем казенные рабы. Статус осужденных на каторжные работы свободных не менялся, и по истечении срока наказания они возвращались к своей обычной жизни.

В источниках зафиксированы случаи, когда в рабство обращали преступников и их родственников за совершение менее тяжких преступлений, чем антигосударственные. В некоторые периоды такому наказанию подвергались фальшивомонетчики [8, цз. 54, с. 406; 14, цз. 48, с. 617—618; цз. 7, с. 72].

Обращению в рабство подлежали лица, виновные во взяточничестве, нарушившие правила ношения оружия, знаков отличия, подделавшие императорскую печать [11, цз. 4, с. 75; цз. 6, с. 117—118].

В периоды активизации военных действий в казну передавались члены семей тех, кто совершил побег с места воинской службы или при охране границы [11, цз. 28, с. 674; 14, цз. 86, с. 850]. Казенными рабынями становились жены и дочери чиновников от 5-го ранга и выше, осмелившиеся вступить в противозаконную связь [13, с. 181], что было связано с особыми требованиями, предъявляемыми к людям этого сословия. Казенными рабами становились также дети, родившиеся от незаконных связей свободных мужчин с казенными зависимыми женщинами [7, с. 262]. Дети, появившиеся в результате незаконной связи частных зависимых с членами семьи хозяина, всегда передавались в казну [7, с. 263].

2. К следующей группе зависимых от казны людей относились гуаньху. Их зависимость от казны не была полной, как у нуби. Статус гуаньху был на степень выше.

Согласно определению, содержащемуся в Кодексе династии Тан, «людьми из сословия гуаньху называются те, кто из поколения в поколение с момента своего рождения был приписан к казне либо оказался переданным в казну во время правления данной династии» [11, цз. 3, с. 51].

Как явствует из другой статьи Кодекса, гуаньху — «это люди, приписанные к сельскохозяйственному ведомству. Изначально они не были внесены в окружные и уездные списки населения» [11, цз. 6, с. 114—115].

В Кодексе содержится относительно небольшое число статей, регламентирующих положение гуаньху: как правило, они перечисляются параллельно с другими категориями зависимых людей. В статьях, посвященных правилам эксплуатации казенных людей, гуаньху зачастую фигурируют с гуань нуби, так как нередко их повинности совпадали по своему характеру, отличаясь лишь по срокам.

По своему юридическому положению гуаньху нередко приравнивались к частным зависимым сословия буцюй, с той разницей, что гуаньху принадлежали казне, а буцюй — отдельному хозяину.

В статьях Кодекса, имеющих отношение к зависимым (в частности, гуаньху), предписывалось строжайшее соблюдение и

сохранение исконного статуса «подлых людей». Ответственность возлагалась на надзирающего за ними чиновника.

Так, категорически запрещалось менять статус гуаньху на частного зависимого при составлении списков казенных людей. Предусматривались наказания для недобросовестных чиновников, использовавших в частном порядке труд гуаньху, вычеркивавших из списков казенных зависимых, объявлявших живых умершими и т. п.

Эти законы, известные нам в связи с гуань нуби, аналогичным образом распространялись и на гуаньху, которые также были приписаны к сельскохозяйственному ведомству. В статьях этой группы гуань нуби и гуаньху перечисляются в одном контексте, и повторять их не представляется необходимым.

Все казенные зависимые люди должны были нести причитающиеся им трудовые повинности по месту приписки. Произвольное изменение места или характера работы категорически запрещалось. Как говорилось в процитированном выше законе, виновный в побеге с места несения повинности казенный человек подлежал наказанию 60 ударами толстых палок. Ответственность за побег нес надзирающий чиновник.

На гуаньху, как и на всех казенных зависимых, распространялся закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой, которая не должна была превышать 200 ударов толстыми палками. Самым тяжким преступлением для гуаньху, как и для гуань нуби, было покушение на жизнь управляющего ими чиновника; виновный непременно подлежал смертной казни, а само преступление приравнивалось к разряду «ши э» — самых тяжких, непрощаемых преступлений.

Гуаньху были приписаны к сельскохозяйственному ведомству, следовательно, их имена не были внесены в окружные и уездные списки населения. Поэтому на людей данной категории закон о несении «общесемейной ответственности» («юаньцзо») не распространялся, что свидетельствует об их низком социальном положении и низкой правовой дееспособности. В китайском праве обе эти категории являлись основными при определении положения зависимого человека внутри группы «подлых» (цзянь).

Совершенно очевидно, что подобное положение продиктовано той же необходимостью сохранения рабочей силы, что и закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой. Если зависимый человек совершал антигосударственное преступление, то он подлежал наказанию — смертной казни, а его родственники, принадлежащие казне, продолжали нести свои повинности в пользу государства.

Значительная часть законов, направленных на сохранение статуса зависимых гуаньху, затрагивала семейно-брачные отношения людей этого сословия. Гуаньху, так же как и все «подлые люди», должны были заключать браки внутри своего сословия. Как и в случае с гуань нуби, чиновникам вменялось в обя-

занность следить за тем, чтобы совершеннолетние гуаньху создавали семьи для продолжения своего рода.

Гуаньху, как и гуань нуби, передавали чиновникам в виде пожалований, при этом семьи сохранялись. Если свободный мужчина вступал в противозаконную связь с женщиной-гуаньху, то ребенок рассматривался как «приплод» и оставался с матерью, т. е. становился казенным зависимым. Если мужчина-гуаньху вступал в противозаконную связь со свободной женщиной, то ребенка разрешалось записать как свободного [7, с. 263] (что исключалось для рабов).

Свободным людям запрещалось усыновлять детей из сословия гуаньху, поскольку казна теряла потенциального работника, а «подлый человек» становился сыном и наследником свободного человека. Усыновивший мальчика из гуаньху подлежал наказанию до двух лет каторжных работ; за удочерение девочки наказание определялось в размере года каторги [11, цз. 12, с. 279].

Если мужчина-гуаньху женился на свободной женщине, то подлежал наказанию в размере 100 ударов тонкими палками. Если же свободный человек женился на женщине из гуаньху, то подлежал наказанию на две степени выше, т. е. полтора года каторги [11, цз. 14, с. 303—304]. В первом случае статус свободной женщины незаконно понижался, поскольку на жену распространялось общественное положение мужа. Во втором случае, когда свободный женился на зависимой женщине, помимо того, что нарушались общественные нормы казна теряла работницу. В обоих случаях подобные противозаконные браки расторгались.

Последним в группе законов, определяющих правовое положение гуаньху, является закон о нанесении взаимных побоев, устанавливающий неравенство между зависимыми и свободными людьми. Если гуаньху поднимал руку на свободного человека, то наказание увеличивалось на одну степень (для нуби — на две) по сравнению с наказанием за аналогичное преступление, совершенное свободным. И наоборот, за избиение гуаньху свободным человеком наказание уменьшалось на одну степень (за нуби — на две) по сравнению с наказанием за подобное преступление, совершенное против свободного [11, цз. 22, с. 496—497].

Итак, общая группа законов определяла правила эксплуатации зависимых, приписанных к сельскохозяйственному ведомству, — гуань нуби и гуаньху. Зависимые этих категорий, как, впрочем, и другие казенные люди, не имели права произвольно изменять место и характер повинностей. На всех зависимых распространялся и закон о заключении браков внутри одного сословия.

Однако в юридическом отношении зависимые гуаньху имели более высокий статус, чем гуань нуби. Это проявилось в их отношении со свободными людьми, где, согласно закону о нане-

сении взаимных побоев, наказание для гуаньху определялось на степень ниже, чем им.

Основные отличия гуаньху от гуань нуби затрагивали порядок и срок несения повинностей.

Гуаньху подлежали тому же строгому учету и регистрации, что и гуань нуби. Из гуаньху выделялись нетрудоспособные и престарелые в возрасте 70 лет и старше, которые полностью освобождались (за ненадобностью) от зависимого состояния и лишались государственного содержания.

В отличие от казенных рабов трудовые повинности гуаньху были строго регламентированы: «Все гуаньху в своих ведомствах распределены на очереди для несения повинностей» [10, цз. 6, с. 16]. Повинности в течение одного года распределялись на три очереди (фань) — каждая очередь занимала один месяц [10, цз. 6, с. 16; 8, цз. 46, с. 352; 14, цз. 188, с. 1539; 12, цз. 86, с. 1569].

Все гуаньху, несущие регулярные трудовые повинности, наделялись казенным провиантом по общим, установленным государством нормам, единым как для гуань нуби, так и для других зависимых людей в аналогичной ситуации [10, цз. 3, с. 23; цз. 6, с. 16; 7, с. 695]. Если несение повинностей по необходимости затягивалось на срок, превышающий установленные нормы, то гуаньху наравне с казенными рабами получали и одежду. В дни, определенные для отпусков, гуаньху, так же как и гуань нуби, получали выходные.

Одним из основных занятий гуаньху была обработка земли: из всех зависимых от казны людей только гуаньху наделялись пахотными землями (тянь) — половиной нормы, определенной для свободных бай син (что составляло один цин) [10, цз. 3, с. 13 (а); 7, с. 639]. Приусадебные участки получали все без исключения зависимые люди в размере 1 му земли на пять человек (для свободных 1 му земли выдавался на трех человек) [10, цз. 3, с. 13 (а); 7, с. 628].

Все свободное от несения обязательных повинностей время гуаньху тратили на себя, обрабатывая пахотные земли, обеспечивая тем самым свое существование. Избыточный продукт продавали и получали деньги. Гуаньху имели право откупиться деньгами от несения трудовых повинностей, что свидетельствовало об их более высоком общественном положении по сравнению с рабами [8, цз. 46, с. 352]. Сумма откупа в год определялась в размере 1,5 тыс. медных монет.

Источники свидетельствуют о том, что принадлежность к той или иной категории зависимых не определяла характер их деятельности. Большинство гуаньху были приписаны к сельскохозяйственному ведомству, но если выяснялось наличие у них определенных навыков, то их распределяли по соответствующим ведомствам [8, цз. 48, с. 368; 10, цз. 6, с. 15 (а)].

Если среди молодых гуаньху и гуань нуби были молодые люди, способные к музыке, то их направляли в дайюэ, где они

проходили обучение и становились профессиональными музыкантами [12, цз. 33, с. 611; 10, цз. 6, с. 16].

Если среди юношей-гуаньху обнаруживались способные к ремеслам, то их направляли в шаофу (государственные мастерские) для обучения. По мере надобности гуаньху направлялись на работы, осуществляемые ирригационным ведомством, либо несли повинности по перевозке грузов на большие расстояния.

Гуаньху, как и все зависимые люди, служили также при дворе. Казенные рабы за свою службу никаких отличий не имели, а зависимые гун юэ, цзаху и гуаньху наряду со свободными людьми «получали звания в одну очередь и награждались вещественными подарками в три этапа» [9, цз. 66, с. 374]. Однако остается неясным, о каких званиях шла речь. Особо отличившимся гуаньху в виде исключения даровалась свобода.

В источниках периода Тан встречается другое обозначение этой категории — фаньху. Оно появляется в цитированном выше описании порядка освобождения казенных рабов, проводимого в три этапа. Термин «фаньху» — исторически сложившееся название гуаньху, известный по крайней мере с периода Суй. Он возник как характеристика гуаньху: казенные зависимые распределялись для несения повинностей по «очереди» (фань), что и составило термин «фаньху».

Система поэтапного повышения статуса казенных рабов, попавших в рабство по принципу «общесемейной ответственности», при которой рабы после первого помилования становились фаньху, а затем цзаху, явилась причиной появления сословий, находящихся в частичной зависимости от казны и занимающих промежуточное положение между рабами и свободными людьми.

Итак, гуаньху являлись зависимыми от казны людьми, приписанными к сельскохозяйственному ведомству. Их статус был на степень выше, чем у гуань нуби. Зависимость гуаньху выражалась главным образом в том, что три месяца в году они несли трудовые повинности в пользу государства; все остальное время трудились на свою семью, а также имели право откупиться от повинностей, внеся определенную сумму денег, что свидетельствует об их относительной экономической независимости.

В юридическом отношении основные регламентации связаны с прикреплением этих людей к месту несения повинностей; закон соблюдал особые отношения между ответственными чиновниками и вверенными им казенными людьми. В отношениях между гуаньху и свободными людьми также соблюдалось неравенство.

3. Еще одной групой казенных людей были гун юэ (ремесленники и музыканты). Степень их зависимости от казны можно сравнить с зависимостью гуаньху, по роду своих занятий и уровню квалификации — с цзаху.

Кодекс «Тан люй шу и» следующим образом определял положение людей этого сословия. «Ремесленники (гун) — это лю-

ди, приписанные к императорским мастерским шаофу. Музыканты (юэ) — это люди, приписанные к Палате императорских жертвоприношений (Тай чан). Они не занесены в окружные и уездные списки населения» [11, цз. 3, с. 65—66, цз. 17, с. 400, цз. 18, с. 413—414].

Основная группа законов, определяющая юридическое положение людей сословия гун юэ, была направлена на соблюдение исконного статуса и сохранение рода занятий, которым были обучены ремесленники и музыканты, что являлось характерным для всех казенных работников, имеющих квалификацию, — цзаху, гун юэ и музыкантов Палаты императорских жертвоприношений (тайчан иньшэн жэнь).

Если человек категорий «гун юэ» и «цзаху» обманным путем выходил из своего сословия, то он подлежал наказанию каторжными работами сроком на два года [11, цз. 25, с. 580—587], что свидетельствует о высокой юридической ответственности каждого лица за сохранение своего ремесла.

Всем работающим в государственных мастерских запрещалось самовольно покидать место несения повинности, причем это распространялось как на свободных людей, несущих регулярные трудовые повинности, так и на зависимых гун юэ, цзаху и музыкантов Палаты императорских жертвоприношений, которые подлежали равному наказанию за побег: «За один день нахождения в бегах [виновный подлежит наказанию в размере] 30 ударов тонкими палками. За каждые десять дней наказание увеличивается на одну степень, но при этом оно не должно превышать каторжных работ сроком на три года» [11, цз. 28, с. 677—678].

Если казенные мастеровые или музыканты осмеливались изменить род своих занятий, то Кодекс определял их как «уклоняющихся от исконного дела» (пи бэнь е). Их непременно надо было вернуть к исполнению обязанностей [11, цз. 4, с. 84]. Смена профессии не допускалась.

На гун юэ, как и на всех казенных людей, распространялся закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой, направленный на сохранение рабочей силы и своевременное выполнение повинностей. Однако этот закон не распространялся на те случаи, когда зависимый гун юэ (так же как и нуби, и гуаньху) поднимал руку на надзирающего за его работой чиновника; это являлось тягчайшим преступлением.

«Если человек сословия гун юэ задумает убийство чиновника из тайчан или шаофу... или побьет или обругает чиновника из своего управления 5-го ранга и выше, то подлежит наказанию ссылкой за 2 тыс. ли. За нанесение телесных повреждений он подлежит казни через удавление, а за убийство [чиновника] — обезглавливанию» [11, цз. 17, с. 399—400].

Ремесленники (гун) и музыканты (юэ) наряду со всеми «подлыми людьми» должны были заключать браки внутри своего сословия. «Все люди из сословий гун юэ, цзаху и гуаньху,

согласно закону, должны заключать браки с людьми из своих сословий. Если брак заключат люди разных сословий, то это является нарушением закона. Если скроют свой истинный статус, то виновного надо непременно в него вернуть» [11, цз. 17, с. 397—398]. Браки, заключенные между людьми разных сословий, считались противозаконными и расторгались.

Последняя, крайне важная характеристика юридического положения гун юэ — это закон о несении общесемейной ответственности. Имена казенных ремесленников и музыкантов не были занесены в окружные и уездные списки населения, они были приписаны к тайчан и шаофу. Если кто-то из гун юэ совершал антигосударственное преступление, то на них, как и на гуаньху, этот закон не распространялся. Преступник всю ответственность нес сам.

Казенные ремесленники и музыканты гун юэ, так же как нуби и гуаньху, подлежали ежегодной регистрации, но в отличие от гуаньху сроки несения их повинностей не регламентировались, и даже в преклонные годы они не освобождались от зависимого состояния, что, однако, не свидетельствовало об их более низком общественном положении, а, скорее, определялось характером повинностей.

Ремесленники (гун) и музыканты (юэ) проходили долгосрочный курс обучения мастерству, после чего приступали к выполнению своих обязанностей.

«Мастеровые (гун), музыканты (юэ), а также музыканты Палаты императорских жертвоприношений проходят обучение мастерству в своих ведомствах. Затем, согласно правилам, все они подвергаются испытаниям. Когда курс обучения пройден, они должны усердно заниматься своим делом» [11, цз. 3, с. 66].

Мы не располагаем сведениями, более подробно характеризующими юридическое положение гун юэ, степень зависимости которых приравнивалась к зависимости гуаньху, а характер их деятельности, как это явствует из самого названия — «ремесленники и музыканты», — был совсем иной.

4. Следующей по степени зависимости от казны группой населения являлись цзаху. В кодексе «Тан люй шу и» их статус определялся следующим образом: «Цзаху» называются такие люди, [чьи предки] в далеком прошлом попали в казенную зависимость в наказание за совершенное преступление. Они были распределены по ведомствам и получили должности цюй ши (посыльные). Их имена были внесены в окружные и уездные списки населения. Порядок выплаты налогов и несения трудовых повинностей [для цзаху] отличается [от порядка, установленного для] свободных налогоплательщиков» [11, цз. 12, с. 279].

«Цзаху называются люди, которые с давних времен были распределены и приписаны [к различным] ведомствам. Они были обязаны платить налоги и нести трудовые повинности. Они не равны с простыми свободными людьми. Согласно закону

(лин), люди, относящиеся к сословию цзаху, по достижении старости переставали выплачивать налоги и наделялись землей по нормам, определенным для свободных бай син, что осуществлялось ведомством, к которому они были приписаны» [11, цз. 3, с. 51; цз. 3, с. 65].

Из этих определений следует, что мы имеем дело с сословием, находящимся в значительно меньшей зависимости, чем три предыдущие категории казенных людей. Основным отличительным признаком, характеризующим их качественно иное положение, является занесение имен цзаху в окружные и уездные списки населения. Из этого следует, что они могли иметь признанную законом семью, т. е. составляли ху — отдельный список всех членов семьи с указанием главы семьи.

«Люди, относящиеся к сословиям цзаху и тайчан иньшэн жэнь (музыканты Палаты императорских жертвоприношений), занесены в окружные и уездные списки населения. Однако все они приписаны к своим ведомствам, в округах и уездах не платят налоги и не несут трудовые повинности» [11, цз. 18, с. 413—414]. Система выплаты налогов и несения трудовых повинностей у них была особая, отличная от системы, установленной для свободных налогоплательщиков.

Для цзаху порядок несения повинностей был следующим: пять очередей (фань) в течение двух лет. Каждая очередь длилась один месяц [10, цз. 6, с. 16; 8, цз. 46, с. 352]. Для свободных длительность повинности составляла 20 дней в году.

Основным правилом, определяющим жизнь цзаху, было служение делу (е), которому их обучали, т. е. на протяжении всей жизни они должны были работать по специальности, полученной в процессе обучения: «Уклоняющимися от исконного дела (ши бэнь е) называются такие люди из сословий гун юэ, цзаху и тайчан иньшэн жэнь, которые, имея свое исконное дело, уклоняются от него и изменяют род занятий» [11, цз. 4, с. 84]. Виновный в выходе обманным путем из своего сословия подлежал наказанию каторжными работами сроком на два года. Этот запрет распространялся и на музыкантов Палаты императорских жертвоприношений, т. е. на всех без исключения казенных зависимых людей, получивших определенную специальность. Строгому наказанию подлежали казенные зависимые, самовольно покинувшие место несения повинностей (за день в бегах виновный подлежал наказанию в размере 30 ударов тонкими палками, за каждые десять дней наказание увеличивалось на одну степень, но оно не должно было превышать наказания каторгой сроком на три года).

Цзаху, как и все зависимые цзянь жэнь, должны были заключать браки внутри своего сословия. «Цзаху — это люди, распределенные и приписанные к различным ведомствам, и они не равны со свободными людьми. Они могут заключать браки только с людьми своего сословия, со свободными же людьми они вступать в брак не могут. Тот, кто вопреки закону заключил

брак [с человеком из другого сословия], подлежит наказанию в размере 100 ударов толстыми палками» [11, цз. 14, с. 304].

Если подобный брак вопреки закону заключался, то он подлежал немедленному расторжению, зависимым людям возвращали их первоначальный статус. Брак между цзаху и свободным человеком определялся в Кодексе как противозаконный и расторгался [11, цз. 14, с. 305]. Если женщина-цзаху вступала в противозаконную связь со свободным мужчиной, то ребенок рассматривался как «приплод» и оставался с матерью. Ребенка, родившегося от связи мужчины-цзаху со свободной женщиной, разрешалось записывать как свободного [7, цз. 263].

Следствием того, что имена цзаху были занесены в окружные и уездные списки населения, являлось распространение на них закона о несении «общесемейной ответственности». «Цзаху и музыканты Палаты императорских жертвоприношений (тайчан иньшэн жэнь) занесены в уездные списки населения. Когда по старости лет они перестают быть налогоплательщиками (дин), их наделяют [пахотной] землей наравне со свободными людьми. Если кто-то из них совершит антигосударственное преступление («фань ни»), то на их родственников распространяется закон о несении «общесемейной ответственности» («юаньцзо»), так же как и у свободных людей (бай син)» [11, цз. 17, с. 398].

Имеющиеся у нас сведения о характере использования труда людей сословия цзаху крайне ограниченны.

Согласно закону, цзаху наделялись приусадебными участками (юань чжай) в размере 1 му на пять человек, предназначаемыми для огородов и жилых построек. Подушные наделы цзаху получали только с 60 лет, когда переставали выплачивать налоги в качестве налогоплательщиков (дин). Налогами облагались результаты труда цзаху, которые в свободное от несения обязательных повинностей время (напомним, что их повинности всего составляли пять месяцев за два года) работали на себя. Они были ремесленниками, изготовленная ими продукция шла на рынок. Земля не служила для них средством существования.

В источниках неоднократно упоминаются казенные рабы и гуаньху, не имеющие определенной квалификации и направляемые в распоряжение сельскохозяйственного ведомства. Цзаху в этом контексте ни разу не упоминаются. Если же речь идет о необходимости «служения делу», здесь упоминаются только цзаху, гун юэ и музыканты Палаты императорских жертвоприношений.

Таким образом, цзаху были ремесленниками, трудившимися в казенных мастерских, подчиненных различным ведомствам. В период династии Тан особое распространение получили казенные мастерские, в которых работали как зависимые, так и свободные ремесленники [4, с. 249—274], снабжавшие императорский двор предметами роскоши и всем необходимым.

Все виды ремесленного производства, подчиненного казне, были распределены по пяти управлениям (шу), которые назывались: Среднее управление (чжуншан), Левое управление (цзошан), Правое управление (юшан), Ткацкое и красильное управление (чжижань) и Металлоплавильное управление (чжанъе).

Среднее управление поставляло императорскому двору экипажи, оружие, предметы роскоши, одежду, гравированные украшения, пестротканый шелк, жемчуг и т. п. Левое управление снабжало наследника престола различными экипажами и повозками, а также веерами и расписными зонтами. Правое управление обеспечивало уход за государственными лошадьми, их упряжью и сбруями, за боевыми шатрами, а также различными видами холодного оружия. Ткацкое и красильное управление занималось изготовлением головных уборов для наследника престола и государственных чиновников. Металлоплавильное управление снабжало государство различными металлами: чугуном, медью, железом и т. д. [10, цз. 22, с. 7, сл. 8 (а) — 12а].

В интересах максимального использования труда казенных ремесленников принимался во внимание характер производимых ими работ. На основе учета тяжести работы вырабатывался критерий оценки той или иной операции: «Для всех людей, обученных различным ремеслам, учитывается характер работы: [производилась она] группой [людей] либо в одиночестве, [каков был ее характер], трудная или легкая, и [исходя из этого] вырабатывается общий критерий. Если [человек] работал много и [работа] была трудной, [то ее срок] ограничивался четырьмя годами. По прошествии трех лет в следующие два года [можно было выполнять подобную работу] не дольше чем в течение 10 дней. После того как работа сделана, дается другое задание. Для всех людей, обученных [следующим видам] различных работ: по золоту, серебру, меди, железу, чугуну, [а также] сверлению, гравировке, инкрустации, изготовлению наконечников для стрел, называемых общим термином „ремесленники" („гун фу"), срок выполнения этих работ определен в четыре года, для прочих — три года. Для монотонной работы устанавливается срок два года. Имеются различные работы сроком на полтора года, на один год, девять месяцев, три месяца, 50 дней и 40 дней» [10, цз. 22, с. 7 (а)].

Цзаху нередко направлялись на общественные работы, такие, как перевозка грузов на большие расстояния, работы, проводимые ирригационным ведомством. Если трудовые повинности затягивались на продолжительное время, то цзаху получали казенный провиант по нормам, определенным для гуаньху, а иногда и большим. «Гуаньху, несущие продолжительные трудовые повинности, наделяются провиантом. Один дин в день получает два шэна [зерна]. [Юноша с 11 до 20 лет] получает 1 шэн и 5 хэ [зерна]. [Ребенок от 4 до 10 лет] получает 6 хэ

[зерна]. Все дворы (ху — к ним относились и цзаху), оставленные для несения продолжительных трудовых повинностей, [наделяются провиантом по следующим нормам]: один дин (с 20 до 60 лет) в день получает 3 шэна и 5 хэ [зерна], юноша получает 2 шэна» [10, цз. 6, с. 16].

Во время несения повинностей цзаху получали от казны одежду по сезону: «Все казенные рабы ху ну би, фаньху и цзаху наделяются провиантом, а также весенней и зимней одеждой в количестве, установленном сельскохозяйственным ведомством» [10, цз. 27, с. 7].

За службу при дворе цзаху, как и все казенные зависимые (кроме рабов), получали звания в одну очередь и вещественные подарки в три этапа.

В заключение несколько слов о самом термине «цзаху». Иероглиф «цза» (разные) указывает на неоднородность состава этой группы, т. е. в нее входили люди, обладавшие различными специальностями, выполнявшие различные работы, — достаточно вспомнить список предметов, изготовляемых в казенных мастерских. Об этом свидетельствует и состав сословия цзаху еще в период Северных и Южных династий (386—618), когда к нему относились люди шести отдельных категорий, исполнявших различные функции [20, с. 344—347].

Предки цзаху, так же как и гуаньху, по всей вероятности, были людьми, попавшими в рабство по закону о несении общесемейной ответственности. Затем они прошли известный путь от казенных рабов, которые после первого помилования становились фаньху, а после второго помилования — цзаху.

5. К последней категории казенных зависимых относились музыканты Палаты императорских жертвоприношений.

При династии Тан музыканты не были однородной в социальном отношении группой. Среди них были как свободные, так и зависимые люди. Зависимые музыканты относились к двум сословиям: юэ, входившие в группу казенных людей гун юэ (ремесленники и музыканты), и тайчан иньшэн жэнь — музыканты Палаты императорских жертвоприношений.

Кодекс «Тан люй шу и» определял положение музыкантов тайчан иньшэн жэнь следующим образом: «Музыкантами Палаты императорских жертвоприношений называются люди, которые исполняют музыку в Палате императорских жертвоприношений. Первоначально они не отличались от людей сословия гун юэ (мастеровые и музыканты). Они также были распределены и приписаны к ведомствам, не были занесены в окружные и уездные списки населения, а были приписаны к Палате императорских жертвоприношений. С периода И-нин (617 г.) их имена были дополнительно внесены в окружные и уездные списки населения. Согласно их бывшей принадлежности к Палате императорских жертвоприношений их еще называют иньшэн жэнь — музыкантами из Палаты императорских жертвоприношений» [11, цз. 3, с. 65—67].

В «Тан хуэй яо» дается следующее описание положения музыкантов этого сословия: «Музыканты Палаты императорских жертвоприношений — это люди, которые были изначально наказаны за какое-то преступление и переданы в казну. По своему мастерству они могут сравниться с искусством свободных артистов, служащих при дворе. С давних времен они передавали друг другу по наследству свое искусство, а также одежду и головные уборы (т. е. костюмы, являющиеся принадлежностью данного сословия. — *Е. К.*). Дети и внуки князей и сановников благосклонно относились к людям этого сословия. Так шло много веков без изменений. Они могли заключать браки с людьми из служилого сословия (ши) и с простолюдинами (шу). Их имена заносились в особые списки населения. Состояние [этих музыкантов] было глубоко постыдным, и свободные люди могли испытывать к ним чувство сострадания. Те старые музыканты, которые давно уже в тайюэ играли на духовых или ударных инструментах, передавая свое искусство из поколения в поколение, освобождались от несения своих повинностей и приравнивались, согласно закону, ко всем свободным людям... Начиная с первого года периода У-дэ (618 г.) этот закон не распространялся на тех, кто направлялся для выполнения работ в качестве музыкантов» [12, цз. 34, с. 623].

Один из основных моментов, характеризующий юридическое положение музыкантов Палаты императорских жертвоприношений,— занесение их имен в окружные и уездные списки населения, датируется 617—618 гг. До этого времени они были приписаны к тайчан — Палате императорских жертвоприношений.

Еще одна черта, свидетельствующая об особом положении музыкантов (тайчан иньшэн жэнь) среди других казенных зависимых — это возможность заключать браки без социальных ограничений. Это подчеркивается особо, так как ни один зависимый человек, кроме музыкантов Палаты императорских жертвоприношений, не имел права заключать браки со свободными людьми [7, с. 258, 259].

«Музыканты из Палаты императорских жертвоприношений, согласно закону (лин), могут вступать в браки со свободными людьми. Они имеют право на заключение смешанных браков и приравниваются [в этом праве] к свободным людям» [11, цз. 14, с. 303—304].

На музыкантов (тайчан иньшэн жэнь), так же как и на людей из сословия цзаху, распространялся закон о несении «общесемейной ответственности», вытекающей из факта занесения их имен в окружные и уездные списки населения. Если музыкант (тайчан иньшэн жэнь) совершал антигосударственное преступление, то наказание распространялось не только на самого виновного, но и на его родственников.

Группа законов устанавливала обязанности музыкантов палаты императорских жертвоприношений, вызванные практической необходимостью. Несмотря на возможность свободного за-

ключения браков, они должны были строжайшим образом сохранять свой социальный статус. За произвольное изменение сословия или уклонение от повинностей виновный казенный человек подлежал наказанию до двух лет каторжных работ. Категорически запрещалось изменять род занятий, т. е. музыкант должен был пожизненно заниматься своим делом. На это сословие распространялся также закон, определяющий наказание за побег с места несения повинностей, а также закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой.

Основная группа законов, связанная с музыкантами Палаты императорских жертвоприношений, имела своей целью прикрепление этих людей к ремеслу, что характерно для всех зависимых, получивших профессию за счет казны (цзаху, гун юэ). В остальном статус музыкантов Палаты императорских жертвоприношений приближался к юридическому положению свободных.

Тайчан иньшэн жэнь, как и цзаху, были одновременно приписаны к своим ведомствам, которые их распределяли для несения повинностей, и были занесены в уездные списки населения. Система налогообложения и несения трудовых повинностей для них отличалась от системы, установленной для свободных. После 60 лет люди сословия тайчан иньшэн жэнь переставали выплачивать установленные для них налоги и получали подушные наделы по нормам, установленным для свободных [11, цз. 17, с. 398].

Помимо двух вышеперечисленных категорий зависимых музыкантов в текстах встречаются и другие термины, относящиеся как к свободным, так и к зависимым людям. Так, например, термины «юэху» и «юэжэнь», характеризующие, как правило, свободных людей, владеющих специальностью музыканта, в отдельных случаях относились к музыкантам Палаты императорских жертвоприношений [12, цз. 33, с. 611].

«В период расцвета династии Тан все музыканты юэ жэнь, иньшэн жэнь, юэ ху из тайчан и их ученики — [все они] приписаны к тайчан, а также те, кто играет на духовых и ударных инструментах, [все они] распределены на очереди для несения повинностей, называются общим термином „иньшэн жэнь“, и их количество достигает 10 тыс. человек» [8, цз. 22, с. 158]. Видимо, различия в социальной принадлежности не отражались на порядке несения повинностей, распределение на очереди проходило без учета сословия, к которому принадлежал музыкант.

Музыканты, несущие постоянные повинности при дворе, полностью освобождались от трудовых повинностей, но за это платили денежный откуп: «Те, кто несет постоянную службу при дворе, освобождаются от трудовой повинности. Для музыкантов иньшэн жэнь сумма откупа в год составляла 2 тыс. медных монет» [8, цз. 48, с. 368].

Несмотря на то что в кодексе «Тан люй шу и» выделены две группы зависимых музыкантов — юэ и тайчан иньшэн

жэнь, — на самом деле их было значительно больше. В текстах данного периода далеко не всегда проводятся четкие разграничения категорий. Социальные различия не всегда принимаются во внимание, а многообразие терминов свидетельствует о профессиональных различиях. Повинности устанавливались без учета социального положения музыканта, т. е. зависимые музыканты не несли более тяжелой повинности, чем их свободные коллеги.

По всей стране огромное количество музыкантов — свободных, зависимых и рабов, мужчин и женщин — несло свои повинности при дворе, а также в округах и уездах. Имеются многочисленные свидетельства о количестве музыкантов при династии Тан: «Количество музыкантов при тайчан было огромным. Только на барабанах играет 20 тыс. человек» [8, цз. 123, с. 1081]. Известен случай, когда сразу стали обучать музыке казенных рабов (ху ну) в количестве 10 тыс. человек [14, с. 791, цз. 76]. Когда казна пустела, объявлялся массовый роспуск музыкантов, прокормить которых не представлялось возможным. Подобные акции также совершались и по восшествии нового императора на престол.

Все потомственные музыканты (т. е. приписанные к Палате императорских жертвоприношений — тайчан) либо одаренные юноши из казенных рабов и гуаньху (приписанные к сельскохозяйственному ведомству) проходили обучение музыке в тайюэ. «Мальчиков в возрасте 13—15 лет с хорошей внешностью и способностями направляют в тайюэ. Когда обучение закончено, они согласно правилам приступают к несению повинностей. Разрешается передача мастерства по наследству» [10, цз. 6, с. 16].

Обучение в среднем длилось десять лет. Каждый год ученики подвергались испытаниям, на которых определялась степень подготовленности: высшая (шан), средняя (чжун) и низшая (ся). Если ученик не справлялся вовремя с программой, то срок обучения продлевался еще на пять лет [10, цз. 14, с. 20(а); 11, цз. 3, с. 65—67].

После прохождения обучения музыканты несли свои повинности согласно очередности. Их имена заносились в реестры (бу цзи). Как обычно, проводилась проверка их численности, а затем распределение на очереди для несения повинностей. За службу при дворе музыканты юэ наряду с другими казенными людьми получали звание в одну очередь, а вещественные подарки в три этапа. Музыкантам тайчан иньшэн жэнь пожалования званий проводились в две очереди [9, цз. 66, с. 371]. Те из музыкантов иньшэн жэнь, которые получали звания от 5-го ранга [11] и выше, что случалось во время карательных походов, вычеркивались из списков цзянь, т. е. становились свободными людьми [12, цз. 34, с. 629—630].

Специфической чертой, характеризующей положение зависимых музыкантов, было несколько отличное отношение к ним со стороны свободных людей. Музыканты были любимцами ари-

стократов, и без них не обходилось ни одно событие в столице или в провинции. Особой популярностью при танском дворе пользовалась музыка, исполняемая музыкантами из Центральной Азии.

Благосклонное отношение распространялось не только на самих музыкантов, но и на их престарелых родственников: «Если у музыкантов иньшэн жэнь или юэху бабка или дед старые, больные и за ними требуется уход, то для этой цели выделяется умелый юноша из числа членов семьи либо совершеннолетний мужчина (дин) и выполняет эти обязанности. Если же в семье нет своего юноши или мужчины, то эту роль по уходу [за стариками] должны исполнять преподаватели либо ученики из музыкального управления своего ведомства. В первую очередь [для этой цели] отбирают людей из числа членов семьи (ху), а также близких родственников, чтобы они [могли] выполнять обязанности [по уходу за престарелыми членами семьи]» [12, цз. 34, с. 628].

Итак, при династии Тан существовало два сословия зависимых музыкантов: музыканты юэ и музыканты тайчан иньшэн жэнь. Изначально они имели одинаковый статус, но с 617—618 гг. правовое положение тайчан иньшэн жэнь было значительно повышено, их имена были внесены в окружные и уездные списки населения, они имели право заключать браки со свободными людьми, на них распространялся закон о несении общесемейной ответственности. Эти признаки позволяют выделить музыкантов тайчан иньшэн жэнь как наименее зависимых людей из всех цзянь жэнь. Одновременно закон обязывал людей этого сословия неукоснительно выполнять свои обязанности, что в равной мере касалось как свободных, так и зависимых людей, обученных ремеслам за счет казны. Музыкантам Палаты императорских жертвоприношений, несмотря на их особое положение среди зависимых, строжайше запрещалось изменять сословие или уклоняться от повинностей, которые распределялись на очереди. После 60 лет музыканты тайчан иньшэн жэнь получали освобождение от зависимого состояния и наделялись подушными наделами по нормам, установленным для свободных.

Частные зависимые люди

6. Понятие «цзянь жэнь» включало не только зависимых от казны, но и людей, являющихся частной собственностью семьи или отдельного лица. К ним относились частные рабы (сынуби), а также своего рода домашние зависимые (буцюй и кэнюй), чья степень зависимости от хозяев была меньшей. Правовое положение частных рабов нашло наиболее полное отражение в кодексе «Тан люй шу и», в котором число статей, посвященных частным рабам, примерно в 2 раза превосходит число статей о казенных рабах. В этом проявилось особое отноше-

ние общества и государства к семье, основанное на конфуцианской морали.

Юридическое понятие «семья» («цзя»), в средневековом Китае означало группу людей, живущих одним двором, т. е. занесенных в один подворный список («цзи»), связанных родственными узами (ци цинь), которые определялись порядком ношения траура пяти степеней, общим имуществом и средствами к существованию [11, цз. 17, с. 404—405, цз. 20, с. 439].

Главой семьи и верховным владельцем семейной собственности был старший мужчина. При жизни родителей дети не имели своей отдельной собственности. Каждый младший член семьи, который без разрешения главы семьи пользовался семейной собственностью в частных целях, подлежал наказанию от 10 до 100 ударов толстыми палками [11, цз. 12, с. 281—282]. Сын или внук не имел права продавать или отдавать в залог семейное имущество без разрешения главы семейства. При жизни отца или деда сын и внук не имели права создавать свою отдельную семью, на которую бы составлялся отдельный подворный список (цзи) [11, цз. 12, с. 277]. Это рассматривалось как нарушение сыновней почтительности.

Общая собственность на средства существования была одним из основных признаков принадлежности к семье. Если кровные родственники владели имуществом раздельно, то это были разные семьи; при совершении кем-то из них антигосударственного преступления в казну по закону о несении «общесемейной ответственности» передавались только те, кто жил под одной крышей с преступником.

Принцип общей собственности выражался в том, что хозяевами (чжу), согласно закону, считались все члены семьи, занесенные в списки (цзи) и имеющие общую долю в хозяйстве [11, цз. 17, с. 401]. Права на долю лишались наложницы, не имеющие сына, а также рабы, буцюй и кэнюй [11, цз. 17, с. 404—405]. Рабы рассматривались как имущество семьи [11, цз. 20, с. 435—436].

Во всех аспектах, не связанных с экономическими отношениями, обязанности частных рабов и буцюй перед хозяевами приравнивались к обязанностям самых младших членов семьи по отношению к старшим. Имена частных рабов, буцюй и кэнюй заносились в подворные списки их хозяев. В условном смысле они входили в семью как самые младшие и бесправные члены. Это обстоятельство и определяло их особое положение. С одной стороны, правовая дееспособность частных зависимых ограничивалась положением самых младших членов семьи. Они не имели права доносить о преступлениях, совершенных хозяином (кроме первых трех преступлений из разряда «ши э»), и давать свидетельские показания. Строжайшим образом им запрещалось вступление в связь с женщинами из своей семьи; на них распространялось положение о ношении траура. В случае совершения ими кражи из имущества хозяина это рассматривалось

как внутрисемейное дело, а не присвоение чужого имущества. Наконец, тягчайшим преступлением считалось покушение на жизнь или убийство хозяина либо кого-либо из членов семьи.

С другой стороны, частные рабы приравнивались по положению к имуществу и скоту и являлись объектом купли-продажи. Однако частные рабы (так же как и казенные) имели свою семью и имущество, могли откупиться за совершенные преступления и даже выкупить себя и стать свободными людьми. Власть хозяина над рабом не была полной; он не имел права самовольно убить раба, а должен был в конфликтном случае подать докладную в государственное учреждение, что свидетельствует о юридической защите раба. Однако следует отметить, что в случае убийства хозяином своего раба наказание определялось только в размере одного года каторги [11, цз. 22, с. 497—498]. Избиение хозяином раба рассматривалось как легкое преступление [11, цз. 6, с. 116]. Аналогичным образом уменьшалось и наказание родственникам хозяина за избиение раба, принадлежащего данной семье [11, цз. 22, с. 499—500]. Отношения между свободными членами семьи строились по нормам, отличным от отношений между чужими людьми: место человека в семье определялось согласно системе родства, и старший мог избить младшего почти безнаказанно.

Самым тяжким преступлением для частного раба считалось поднятие руки на своего хозяина. Это преступление приписывалось к разряду «э ни» (тягчайшие, непрощаемые преступления), и виновный безусловно подлежал смертной казни через обезглавливание. Смертный приговор по подобным делам выносился в любое время и приводился в исполнение даже в запретные для казней дни, обжалованию и пересмотру не подлежал [11, цз. 30, с. 715; 718; 6, с. 761, 765].

Смертной казни подлежали рабы, виновные не только в убийстве, но и в нанесении телесных повреждений хозяину [11, цз. 17, с. 401]. За убийство хозяина по ошибке виновный раб подлежал казни через удавление. Смертной казни подлежал бывший раб, выкупившийся за деньги, если он осмеливался поднять руку на своего прежнего хозяина [11, цз. 17, с. 401—402], что свидетельствует об особых отношениях между бывшим рабом и хозяином, даже в случае повышения его статуса.

Об этом также свидетельствует и закон о наказании за нанесение оскорблений прежнему хозяину: «Всякий буцюй, раб или рабыня, нанесший оскорбление своему прежнему хозяину, подлежит наказанию каторжными работами сроком на два года. За нанесение побоев — ссылка за 2 тыс. ли. За нанесение телесных повреждений — казнь через удавление. За убийство — все виновные подлежат смертной казни через обезглавливание» [11, цз. 23, с. 513—514]. Эти наказания — значительно более суровые, чем мера ответственности, определенная за преступление, совершенное одним свободным человеком против другого свободного.

Согласно закону, виновный в избиении бывшего раба нес более легкое наказание, чем за аналогичное преступление против свободного человека. Только при совершении кражи бывшие рабы и буцюй несли то же наказание, что и свободные, совершившие подобное преступление. Стержнем этих законов является отношение раба к хозяину, основанное на всемерном почитании и повиновении последнему.

Ряд законов был направлен на ограничение правовой дееспособности частных рабов. Основным законом этой группы является закон об обязательном укрывании преступлений хозяина его рабами (этот закон распространялся также на всех младших членов семьи, которые должны были соблюдать тайну в случае совершения преступления главой семьи), т. е. они не только могли, но и обязаны были скрывать поступки своего хозяина. За донос на хозяина (кроме первых трех антигосударственных преступлений из разряда «ши э») раб подлежал смертной казни через удавление [11, цз. 23, с. 519, цз. 24, с. 525—526, цз. 29, с. 702]. Строжайшее наказание следовало также за донос раба на родственников хозяина или на чужих свободных людей. Максимальное наказание за это преступление определялось в виде ссылки [11, цз. 23, с. 517].

Согласно закону об укрывательстве хозяина, рабы и буцюй приравнивались к его детям и внукам [11, цз. 17, с. 406, цз. 18, с. 413], которые также должны были укрывать преступления, совершенные их старшим родственником, и не имели права доносить на него. Сам хозяин не должен был укрывать преступления своих рабов [11, цз. 6, с. 113]. Если рабы осмеливались сделать донос на хозяина, то, согласно закону, подлежали наказанию как соучастники преступления [11, цз. 5, с. 88—90]. Даже если раб совершал донос на хозяина по принуждению, он не освобождался от ответственности, а подстрекатель подлежал наказанию на степень ниже, чем доносчик [11, цз. 24, с. 532—533]. Арест хозяина рабом приравнивался к самоличному аресту [11, цз. 28, с. 673].

На рабов и буцюй распространялись правила поведения самых младших членов семьи (укрывательство преступлений хозяина, ношение траура в случае смерти хозяина или его родственников и т. п.), но никаких прав они как родственники не имели. Во всех вопросах, связанных с имуществом, а также в делах, выносимых за пределы семьи, рабы родственниками не считались. Например, если на улице чужие свободные люди избивали хозяина, то рабы имели право лишь разнять дерущихся, но не бить обидчика (раб ни при каких условиях не имел права поднять руку на свободного человека, даже в целях защиты хозяина) [11, цз. 23, с. 512].

Одним из преступлений, относящихся к разряду «ши э», являлось пятое по счету преступление, называемое «бу дао» (бесчеловечный поступок), которое заключалось в том, что в одной семье убивали сразу трех или более человек. Если в число уби-

тых одновременно входили рабы или буцюй, то они в расчет не принимались, поскольку не включались в число членов семьи [11, цз. 17, с. 404—405].

Родственники человека, совершившего антигосударственное преступление, по закону о несении «общесемейной ответственности» подлежали обращению в казенных рабов. За менее тяжкое преступление родственники подлежали ссылке, но рабов и буцюй в ссылку за преступление, совершенное хозяином, не отправляли, поскольку они рассматривались не как члены семьи, а как ее имущество [11, цз. 18, с. 411].

Во всех внутрисемейных делах судьба рабов и буцюй находилась в руках хозяина. Если же хозяин со своим рабом совершали преступления антигосударственного порядка, то ответственность несли оба преступника; раб, исполняющий хозяйскую волю и нарушающий законы государства, не имел никаких снисхождений. Если хозяин посылал раба или буцюй на кражу, то по закону он рассматривался как главарь, а раб — как соучастник [11, цз. 20, с. 442—443]. При сокрытии рабом преступника с ведома хозяина последний являлся соучастником [11, цз. 28, с. 682—684]. Если хозяин приказывал своему рабу или буцюй убить преступника, осужденного на смертную казнь и ожидающего исполнения приговора в тюрьме, то совершившие убийство частные зависимые люди подлежали смертной казни [11, цз. 29, с. 699]. За передачу рабом оружия своему хозяину, находившемуся под арестом, рабам никакого снисхождения не было [11, цз. 29, с. 698].

Связь раба с хозяином, проявление к нему особого отношения продолжались и после его смерти. Отношение раба к останкам своего хозяина должно быть таким, как и к живому господину. Искалечивание трупа хозяина приравнивалось к убийству при драке. За повреждение могилы хозяина наказание определялось вплоть до удавления, в зависимости от тяжести преступления. В этих статьях отношения сына и внука к отцу и деду приравнивались к отношению раба или буцюй к своему хозяину [11, цз. 18, с. 415—416].

Зависимое положение частных рабов проявилось в их отношениях с чужими свободными людьми. При нанесении свободным человеком побоев рабу наказание определялось на две степени ниже по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным против свободного человека. И наоборот, раб, поднявший руку на чужого свободного человека, подлежал наказанию на две степени выше, чем простой свободный человек [11, цз. 21, с. 493, цз. 22, с. 496—497]. За убийство свободным чужого раба наказание снижалось на две степени по сравнению с убийством другого свободного человека. Если убийство было совершено при ограблении, то виновный подлежал казни вне зависимости от того, убил он раба или свободного человека [11, цз. 18, с. 417, цз. 19, с. 427].

Следующая группа законов, регламентирующая правовое

положение частных рабов, — это законы о семье и браке. Основным для частных рабов было строжайшее сохранение их статуса: они имели право заключать браки только с людьми своего сословия и ни в коем случае не могли жениться на свободных. Если рабыня вступала в незаконную связь со свободным мужчиной, то этот союз расторгался, дети рассматривались как «приплод», оставались с матерью и становились собственностью хозяина. Если раб вступал в незаконную связь с родственницей хозяина, то дети передавались в казну (потомки «подлого» человека не могли быть полноправными членами семьи свободных людей), а сам раб подлежал смертной казни через удавление [7, с. 263]. Хозяин, способствовавший женитьбе раба на свободной женщине, подлежал наказанию в размере полутора лет каторжных работ, противозаконный брак расторгался [11, цз. 14, с. 303].

Частные рабы имели свои семьи, которые заносились в общий список семьи хозяина. Хозяева давали своим рабам имена-прозвища, фамилий они не имели. Если хозяин отпускал раба на свободу, то давал ему фамилию по своему усмотрению.

Частные рабы имели личное имущество и сбережения. Они по мере надобности одалживали деньги у хозяина. Если поручение выходило за рамки обычных обязанностей, то хозяин нередко отдельно оплачивал его. Рабы также получали от хозяев деньги в виде подарков.

Частные рабы и буцюй рассматривались по закону как собственность семьи и передавались в случае смерти одинокого хозяина по наследству его родственникам. Рабы, попавшие в семью в качестве приданого, после смерти женщины оставались в этой семье [7, с. 245].

Частные рабы могли быть отпущены по воле хозяина на свободу. Раб мог выкупиться и стать буцюй [7, с. 261; 12, цз. 86, с. 1569]. По желанию хозяина раб мог сразу стать свободным человеком. Существовал определенный порядок освобождения частного раба: хозяин выдавал отпущенному рабу собственноручное свидетельство о его освобождении, на котором ставили свои подписи все члены семьи, имеющие долю в общем имуществе, поскольку раб приравнивался к имуществу семьи, владение которым было коллективное. Затем документ заверялся в соответствующем ведомстве, только после этого он был действителен [7, с. 261].

Все рабы, отпущенные хозяевами на свободу, освобождались от государственных налогов сроком на три года [7, с. 682—683]. Однако экономические связи бывшего раба с хозяином до конца жизни отпущенного не прерывались. Он должен был не только оказывать своему прежнему хозяину особое почтение, но и помогать вести хозяйство по первому его требованию.

Частными рабами владела родовая аристократия, чиновники и простые свободные люди. Военачальники и чиновники получали рабов в виде пожалований за особые заслуги. Крупные ра-

бовладельцы имели десятки и даже сотни частных рабов. Имеются данные о пожаловании рабов в количестве десяти человек; о посмертной раздаче рабов наследникам — по 15 рабов каждому; о пожаловании 130 рабов за ратные подвиги [12, цз. 86, с. 1569]. При пожалованиях рабов передавали семьями.

Количество рабов соответствовало титулу владельца. Источники свидетельствуют о том, что частные армии крупных землевладельцев, составленные из частных рабов, насчитывали более тысячи человек [12, цз. 86, с. 1569].

Простые свободные люди редко имели рабов, и то лишь небольшое число. Мы не располагаем даже самыми приблизительными данными о количестве рабов при Тан. В материалах из Дуньхуана отмечается ярко выраженное различие (в некоторых округах) между крестьянским населением, не имеющим в своем хозяйстве рабов, и более обеспеченными людьми, держащими в своих хозяйствах десятки рабов. Количество рабов в процентном отношении увеличивалось по мере удаления округов от собственно Китая: в округе Шачжоу количество рабов было незначительным, а в более отдаленном округе — Сичжоу зависимое население составляло около 20% [16, с. 138]. Наиболее распространенное количество рабов в хозяйствах свободных землевладельцев составляло два человека — муж и жена; поодиночке рабов держали значительно реже.

Как уже не раз подчеркивалось, основным законом, определяющим положение любого члена китайского общества, было сохранение его исконного статуса («кэ цунь бэнь сэ» — «каждый следует исконному статусу») [11, цз. 12, с. 279]. В первую очередь это правило распространялось на «подлых людей», чье прошлое было сопряжено с преступлениями, совершенными их предками. Единственным законным путем обращения в рабство была передача в казну преступников и их родственников. В источниках засвидетельствованы случаи массового обращения в рабов военнопленных, но затем нередко объявлялись амнистии, и отпущенные на свободу военнопленные возвращались к своим семьям [20, с. 302; 18, с. 40].

В связи с этим вполне закономерным было строжайшее запрещение продажи свободных людей в рабство. Подобные случаи имели место в периоды неурожаев, наводнений, засухи и прочих стихийных бедствий. Особенно часто в рабство продавали младших членов семьи; виновный в этом подлежал наказанию тремя годами каторги [11, цз. 20, с. 439—440]. За обращение свободного человека в раба наказанием являлась смертная казнь [11, цз. 20, с. 436—438], а за отдачу свободного в залог — наказание на три степени ниже, чем за продажу человека [11, цз. 26, с. 610—611]. Запрещалось также и порабощение отпущенного на свободу раба, виновный подлежал наказанию каторгой сроком от года до двух лет [11, цз. 12, с. 280—281].

Законом также запрещалось произвольное изменение статуса казенных рабов на частных, сманивание частных рабов. От-

ветственность несли купившие чужого раба и продавшие его. Эти законы обеспечивали хозяевам сохранность их собственности — рабов.

В источниках содержатся редкие сведения о характере труда частных рабов, что вполне понятно: государство регламентировало труд казенных людей, а частные рабы и другие зависимые от хозяина были частной собственностью, которой хозяева распоряжались по своему усмотрению. Наиболее широкое применение труда частных рабов было связано с различными видами домашних работ. Частные рабы, буцюй и кэнюй занимались обработкой собранного зерна, уходом за скотом, приготовлением пищи, доставкой топлива, изготовлением тканей, керамических изделий и т. п. В незначительных масштабах частные рабы занимались обработкой земли, однако использование рабов в земледелии заметно сократилось при династии Тан, о чем свидетельствует отсутствие в указах положений о раздаче дополнительных земельных участков на рабов, что предусматривалось указом 485 г. при династии Северная Вэй.

В непроизводственной сфере выделяется использование частных рабов крупными феодалами или чиновниками как орудия власти. Наличие частных армий у аристократов всегда оказывалось угрозой для императорской власти. В 689 г. государственной армией был разбит некий Юэ Ванчжэнь, личная армия которого насчитывала тысячу человек. После этого события был опубликован императорский указ, согласно которому количество частных рабов строго регламентировалось в соответствии с общественным положением рабовладельца [12, цз. 86, с. 1569].

В случае особой государственной надобности государство имело право призвать молодых мужчин из числа частных рабов на воинскую службу. В указе 696—697 гг. говорится: «Если среди молодых рабов, принадлежащих ученым (ши) или простым людям (шу), имеются мужественные юноши, то их надо направить в дар казне и по приказу отправить на борьбу с киданями» [12, цз. 86, с. 1569]. При этом частные зависимые, бывшие собственностью частного лица, оказывались в казенной зависимости.

Для аристократов и крупных сановников рабы были свидетельством благосостояния, своеобразным предметом роскоши, служили для развлечения и увеселения хозяев. Это в основном относится к рабам-музыкантам, рабыням-танцовщицам, развлекавшим хозяина и его гостей. Частные рабы нередко использовались для выполнения особо доверительных поручений.

Рабыни нередко становились возлюбленными своих хозяев. Если у рабыни рождался сын, то хозяин мог повысить ее статус, отпустив женщину на свободу и сделав ее своей наложницей [11, цз. 13, с. 292—293].

Итак, положение частных рабов в значительной мере отличалось от положения казенных рабов. Оно определялось двумя факторами: отношением хозяина к рабу как к имуществу, кото-

рое подлежит купле-продаже, передается по наследству, а также отношением к рабу как к самому младшему члену семьи, не имеющему права на долю семейного имущества, на которого распространялись такие правила, как укрывательство преступлений хозяина, ношение траура по нему и членам семьи. Оба эти фактора, характеризующие правовое и социальное положение частных рабов, являлись следствием «подлого» происхождения этих людей. Права хозяина, которые не распространялись лишь на жизнь раба, основывались не столько на праве собственности, сколько на низком положении этого человека как члена общества и как самого младшего члена семьи.

7. К частным зависимым, являющимся собственностью семьи или отдельного лица, относились не только рабы — сынуби, но и люди, чья степень зависимости от хозяина была меньшей, своего рода домашние крепостные, называемые буцюй и кэнюй.

Термин «буцюй» впервые появляется в документах, относящихся к периоду Хань. Для этого времени понятие «буцюй» означало военную единицу. Постепенно его значение изменилось. В период Северных династий (386—618) термин «буцюй» применялся только для обозначения частной армии, принадлежащей отдельной влиятельной семье. Право командования этими армиями передавалось по наследству, а солдаты рассматривались как собственность семьи, т. е. находились в зависимом состоянии [20, с. 352—358].

Со временем роль частных армий значительно понизилась, и при династии Тан род занятий бывших воинов-буцюй стал сугубо мирным. В это время буцюй уже был частным зависимым человеком, причем буцюй назывались как мужчины, так и женщины — их жены. Кодекс «Тан люй шу и» следующим образом определял положение людей сословия буцюй: «Буцюй называются люди, являющиеся частной собственностью отдельной семьи. Женщины, на которых они женятся, [могут быть] из свободных, кэнюй или рабынь» [11, цз. 6, с. 114—115].

По определению китайского историка Ван Юаньляна, буцюй назывался такой человек, который должен был «с малых лет не возвращаться домой, беззаветно служить, [получая за это] одежду и пищу, быть для своего хозяина как раб или домашний скот; когда же он становится взрослым и женится, то его заносят в списки населения вместе с хозяином, отдельно его семья не подлежит переписи. Если все соблюдается таким образом, то этот человек и называется буцюй» [13, с. 91].

Кэнюй назывались дочери буцюй либо частные рабыни, чей статус повысился до кэнюй [11, цз. 13, с. 293]. Юридическое положение кэнюй полностью соответствовало положению буцюй, таким образом, все законы, касающиеся буцюй, в равной степени относятся и к кэнюй [11, цз. 6, с. 114, цз. 17, с. 395].

Люди сословий буцюй и кэнюй находились в том же юридическом положении, что и казенные зависимые гуаньху [12], однако их принадлежность к частным зависимым обусловила тот факт,

что в Кодексе они рассматривались наряду с частными рабами (сыпуби), где также экономическая зависимость от хозяина подкреплялась отношением к нему как к старшему родственнику. Основой низкого положения буцюй и кэнюй являлась их принадлежность к сословию «подлых».

Основным признаком, отличающим положение буцюй и кэнюй от частных рабов, было то, что люди этих категорий, согласно закону, не являлись предметом купли-продажи: «Рабы — это люди, которые имеют цену. Буцюй переходит [от одного хозяина к другому], и цена на него не устанавливается [11, цз. 25, с. 584—585]. Поскольку буцюй и кэнюй были людьми, на которых цена не устанавливалась, то в отличие от частных рабов они не приравнивались к имуществу семьи [11, цз. 17, с. 395].

Так же как и частные рабы, буцюй и кэнюй в условном смысле слова входили в семью хозяина как младшие ее члены, что ограничивало их правовую дееспособность. Закон обязывал зависимых людей укрывать хозяина и его родственников.

«В мире, освещенном Солнцем и Луной, не может не быть правителей и подчиненных. Всякий буцюй, раб или рабыня, которые донесут на своего хозяина, подлежат смертной казни через удавление, кроме тех случаев, когда хозяин совершил одно из трех антигосударственных преступлений: „моу фань“, „моу да ни“ и „моу пань“ из разряда „ши э“. Доносчик рассматривается как главарь. За донос на родственников хозяина, по которым он носит траур, а также на деда и бабку хозяина по линии матери виновные подвергаются наказанию ссылкой. За донос на родственников степени ношения траура „да гун“ и ниже — каторжные работы сроком на один год» [11, цз. 24, с. 525—526].

На буцюй и кэнюй распространялись все без исключения законы, определяющие их положение в семье хозяина. Основой этих законов было почтительное отношение к хозяину: «Буцюй и рабы — домашние слуги. Они прислуживают хозяину и должны относиться к нему с почтением» [11, цз. 22, с. 499].

Буцюй с согласия хозяина мог выкупиться и стать свободным человеком, но, так же как и в случае с рабами, особые отношения между бывшим зависимым и его хозяином сохранялись: «Если хозяин изобьет прежнего буцюй, раба или рабыню и при этом будут иметь место переломы костей, телесные повреждения и более тяжкие травмы, то за избиение [прежнего] буцюй наказание уменьшается на две степени по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным против чужих людей. За один выбитый зуб виновный подлежит наказанию 90 ударами толстых палок. За избиение раба или рабыни наказание уменьшается еще на две степени, т. е. определяется в размере 70 ударов толстыми палками» [11, цз. 23, с. 513—514, цз. 17, с. 401—402]. Соответственно при совершении прежним буцюй преступления против бывшего хозяина действовал закон об увеличении наказания.

Власть хозяина над зависимыми людьми была полной, исключение составляло только право на их жизнь: «Если хозяин изобьет буцюй до смерти, то он подлежит наказанию каторжными работами сроком на один год. За преднамеренное убийство наказание увеличивается на одну степень, т. е. определяется в размере полутора лет каторжных работ» [11, цз. 22, с. 498]. (За убийство раба — каторжные работы сроком на один год.)

Уменьшалось наказание и за избиение буцюй родственниками хозяина: «Если при избиении буцюй родственниками хозяина степени срока ношения траура „сы ма“ и „сяо гун“ имели место переломы, нанесение телесных повреждений и более серьезные увечья, то всякий раз наказание виновному уменьшается на две степени по сравнению с убийством и нанесением телесных повреждений буцюй чужих людей, т. е. в общей сложности уменьшается на четыре степени, и наказание определяется в размере 70 ударов толстыми палками. (За избиение раба или рабыни, принадлежащих родственникам, наказание определялось в размере 60 ударов толстыми палками, т. е. еще на одну степень ниже» [11, цз. 2, с. 499—500]).

Во всех аспектах, связанных с имуществом семьи и правом коллективного владения им, буцюй, как и частные рабы, не считались членами семьи, хотя в отличие от рабов они не приравнивались к имуществу семьи, в зависимости от которой они находились. Это положение нашло отражение в группе законов, имеющих равное отношение как к частным рабам, так и к зависимым людям.

При совершении частными зависимыми преступления против чужого свободного человека исходили из закона об увеличении меры наказания. Если преступление было совершено буцюй или кэнюй, то мера наказания определялась на одну степень выше по сравнению с подобным преступлением, совершенным свободным (для раба мера наказания определялась на две степени выше). При совершении свободным человеком преступления против зависимого действовал закон об уменьшении меры наказания. За преступление против буцюй наказание определялось на степень ниже, чем за преступление, совершенное против свободного человека (против раба — на две степени ниже) [11, цз. 6, с. 124, цз. 21, с. 493].

Убийство чужого частного зависимого являлось тяжким преступлением, посягательством на жизнь человека и имущество хозяина, которому этот человек принадлежит. За убийство буцюй виновный подлежал казни через удавление, а за убийство раба — на степень ниже, т. е. ссылке на расстояние 3 тыс. ли [11, цз. 4, с. 725, цз. 22, с. 496—497].

Если преступление было совершено одним зависимым человеком против другого, то закон об уменьшении или увеличении наказания в зависимости от социальной принадлежности не действовал: если буцюй убивал раба, то дело рассматривалось по закону об избиении буцюй свободного человека: виновный бу-

цюи подлежал казни через удавление. Преступление против людей своего сословия приравнивалось к преступлению, совершенному свободным против свободного, закон об увеличении наказания не действовал.

На частных зависимых, совершивших преступление, также распространялся закон о замене наказания ссылкой наказанием поркой или закон о дополнительном наказании.

«За преступление, наказуемое каторжными работами сроком на один год, определяется дополнительное наказание в размере 120 ударов толстыми палками. Каждая степень [наказания] соответствует увеличению на 20 ударов. За каторжные работы сроком на три года дается дополнительное наказание в размере 200 ударов толстыми палками. При этом мера наказания за преступления, наказуемые тремя степенями ссылки, тоже не должна превышать 200 ударов толстыми палками... [С виновных] позволяется взимать откуп [в размере] двух цзиней за каждые десять дополнительных ударов толстыми палками... Решение [этого дела] полностью передается казне или хозяину» [11, цз. 6, с. 114—115].

Законом ограничивалась правовая дееспособность зависимых людей не только в отношении хозяина и членов его семьи, но и в отношении к чужим свободным людям. Если частный зависимый подавал жалобу на свободного человека, то он подлежал наказанию каторжными работами сроком на три года. Даже если факты, содержащиеся в доносе, подтверждались, то доносчик подлежал наказанию в размере 200 ударов толстыми палками [11, цз. 23, с. 517, цз. 24, с. 525].

При совершении чужим свободным человеком преступления против бывшего буцюй или раба продолжал действовать закон об уменьшении наказания. Только при ограблении зависимых или получивших свободу наказание для преступника не снижалось, оно определялось в той же мере, что и за ограбление свободных людей [11, цз. 2, с. 44—46].

Буцюй-мужчина имел право жениться на зависимых женщинах и на дочерях свободных людей. Теоретически это не одобрялось, но, по всей вероятности, это было настолько распространенным явлением, что не смогло не найти отражение в Кодексе: «Жены буцюй могут быть свободными [женщинами] или кэнюй. Жена буцюй — это дочь свободного человека, на которой женился буцюй» [11, цз. 3, с. 61, цз. 22, с. 495].

Как известно, все зависимые люди, кроме музыкантов Палаты императорских жертвоприношений, должны были заключать браки внутри своих сословий. Возможно, подобное исключение из правила, сделанное для буцюй, объясняется тем, что в происхождении людей этого сословия не было ничего позорного, их зависимость носила экономический характер в отличие от остальных цзянь жэнь, предки которых потеряли свободу в наказание за совершенное преступление.

Закона, разрешающего заключение смешанных браков для

буцюй, нет. Для свободной женщины считалось недостойным выходить замуж за буцюй. «Каждый человек имеет пару, и они должны быть равными по статусу. Свободные и зависимые отличаются друг от друга. Как же они могут сочетаться браком»? [11, цз. 14, с. 303]. Свободная женщина, вышедшая замуж за буцюй, также причисляется к сословию буцюй, и дети их записывались как буцюй: «Все сыновья и внуки, которые рождаются у буцюй, по наследству становятся буцюй» [7, с. 261].

Следствием закона о сохранении исконного статуса зависимых был ряд ограничений, распространявшихся на семейно-брачные отношения. Женщина-буцюй не должна была выходить замуж за казенного раба, поскольку человек из частной зависимости переходил в казенную и, что самое основное, ее статус понижался на одну степень [11, цз. 25, с. 584—585]. За обращение свободного человека в буцюй или буцюй в раба виновный подлежал наказанию ссылкой на расстояние 3 тыс. ли [11, цз. 20, с. 436—438]. Свободные люди не должны были усыновлять детей зависимых, поскольку они не могли входить в семьи свободных. Наказанию подлежал также свободный человек, который, отпустив однажды буцюй, вторично порабощал его и делал зависимым человеком. За вторичное порабощение буцюй наказание определялось в размере двух лет каторжных работ [11, цз. 12, с. 280—281]. Вторичное порабощение женщины не рассматривалось как преступление. Свободному человеку запрещалось жениться на кэнюй: «Всякий, кто наложницу и кэнюй сделает женой или рабыню сделает наложницей, подлежит наказанию каторжными работами сроком на полтора года, и каждый возвращается в свое прежнее состояние» [11, цз. 13, с. 292—293]. Виновные в заключении браков между частными рабами и кэнюй подлежали наказанию в размере одного года каторги (за женитьбу раба на свободной женщине — полтора года каторги) [11, цз. 14, с. 303]. По этой же причине частным зависимым строжайше запрещалось скрывать свой исконный статус при заключении брака, а также вступать в незаконные связи с людьми других сословий.

Правовое положение буцюй и кэнюй, как и частных рабов, характеризовалось двумя основными моментами: экономической зависимостью от хозяина и включением их в семью как младших членов, не имеющих права на собственность семьи, которые сами являлись собственностью, передаваемой по наследству. Частные зависимые не подлежали переписи населения, налогами они не облагались и не несли трудовые повинности в пользу государства. Следствием этого было нераспространение на буцюй и кэнюй закона о несении «общесемейной ответственности», что обеспечивало сохранение рабочей силы для хозяина.

В отличие от частных рабов буцюй и кэнюй, согласно закону, не были объектом купли-продажи, что являлось их основным отличительным признаком. Их статус был на одну степень выше, чем у рабов. Хозяин не продавал, а передавал буцюй и

кэнюй другому человеку, и за это «перемещение» старый хозяин получал компенсацию «за израсходованные на зависимого пропитание и одежду» [11, цз. 13, с. 292; 6, с. 262]. Определенной цены на буцюй не существовало, но наименьшая стоимость возмещения указывалась. «В законе говорится: в случае, когда буцюй перемещается [от одного хозяина к другому, то старый хозяин] может получить компенсацию за одежду и пищу в виде [натуральной платы, т. е.] одежды и пищи. При этом их стоимость не должна быть ниже, чем один пи» [13] [11, цз. 2, с. 46]. Подобное положение можно расценить как скрытую форму продажи частных зависимых буцюй и кэнюй, однако юридически это была качественно иная процедура. Рабы продавались на рынке вместе со скотом, буцюй и кэнюй передавались с рук на руки, скрепляя акцию договором.

Частные зависимые буцюй и кэнюй принадлежали сановникам, простым свободным людям, а также буддийским и даосским монастырям. По данным профессора Ниида Нобору, в период Тан всего насчитывалось более 10 тыс. семей буцюй [6, с. 9]. То, что буцюй принадлежали князьям, принцессам и чиновникам, следует из указа, запрещающего им заниматься частным предпринимательством через посредничество своих рабов и буцюй [7, с. 857]. Буцюй и рабы, принадлежащие буддийским монастырям, находились в той же системе зависимости, что и частные зависимые люди. Буцюй и рабы скитов и государственных храмов подчиняются «трем опорам» («сань ган»), которые приравниваются к кровным родственникам хозяина [11, цз. 6, с. 125—126].

Сведения об использовании труда буцюй и кэнюй практически отсутствуют: закон соблюдал интересы хозяина, направление деятельности буцюй и кэнюй определялось каждым хозяином в отдельности — в зависимости от нужд семьи. Буцюй занимались обработкой земли, принадлежащей семье хозяина; труд буцюй и кэнюй использовался в сфере домашних услуг, хозяин мог послать вместо себя буцюй для несения регулярных трудовых повинностей.

Законом признавалось право буцюй иметь свою семью, которая не записывалась отдельно, а вносилась в общий список хозяина; все дети буцюй записывались как буцюй. В отличие от рабов буцюй имели свои фамилии. Они имели право на частную собственность, что явствует из закона о взимании откупов с самих буцюй в случае, если они совершат преступление против людей своего сословия.

Законом предусматривалась возможность отпуска буцюй и кэнюй на свободу с разрешения хозяина в том же порядке, что и частных рабов, отпущенные буцюй также освобождались от несения повинностей и выплаты налогов сроком на три года. Таким образом, несмотря на строжайшее соблюдение исконного статуса «подлого», закон в отдельных случаях предусматривал возможность изменения положения частных зависимых.

Отпуск частных зависимых на свободу был выгоден для государства, поскольку таким образом увеличивалось число свободных налогоплательщиков. Это было серьезной проблемой для государства, поскольку количество налогоплательщиков было сравнительно невелико: из 53 млн. населения при династии Тан налогами было обложено только 8 млн. 200 тыс. человек, что составляло 17% всего населения страны [19, с. 34, 246].

В средневековом Китае существовал определенный порядок ношения одежды в зависимости от социального происхождения человека. Частным зависимым предписывалось следующее: «Буцюй, кэнюй, рабы и рабыни [носят] платья из шелка типа „то", „чоу", „цзюань" и холста (бу). Цвет общепринятый — желтый и белый. Украшения [изготовляются] из меди и железа. Кэнюй и рабыням позволяется [носить] платья голубого и зеленого цветов наравне со свободными» [12, цз. 31, с. 575]. Как явствует из текста, ограничения в одежде для частных зависимых не были очень строгими.

В заключение следует особо подчеркнуть, что подробная классификация категорий зависимого населения стала возможной именно для данного периода, поскольку Кодекс династии Тан содержит в себе четкие характеристики групп зависимых, свидетельствующие об их оформлении и юридическом закреплении.

[1] Кодекс династии Тан является первым полностью дошедшим до нашего времени юридическим памятником средневекового Китая. В основу его было положено законодательство династии Суй. Работа по составлению кодекса началась в 618 г. Первое издание датируется 624 г. В 50-х годах VII в. была организована специальная комиссия, которую возглавил Чжансунь У-цзи; в ее задачу входил пересмотр существовавшего законодательства. Работа была завершена в 653 г. Ее результатом был известный нам текст Кодекса, состоящий из статей, комментария и дополнений к ним. Окончательный вариант «Тан люй шу и» вышел в 737 г. Работа над ним осуществлялась под руководством Ли Линь-фу, но традиционно редактором Кодекса считается Чжансунь У-цзи.

[2] Этот закон о равных полях (цзюнь тянь) существовал скорее на бумаге, чем в действительности.

[3] Следует обратить внимание на то, что в тексте Кодекса рабы перечисляются наравне с животными и другим имуществом, что подчеркивает низкое положение раба.

[4] Шаншушэн — Государственный департамент — верховный исполнительный орган империи Тан. В его подчинении находились шесть палат (министерств) (бу).

[5] Одной из шести палат в шаншушэн была Палата государственных налогов, или Палата финансов (хубу). В ее подчинении находилось четыре отдела: отдел финансов, отдел государственных налогов, государственное казначейство и государственное зернохранилище. Цзиньцанбу — это два последних отдела — государственное казначейство (цзиньбу) и государственное зернохранилище (цанбу), см. [19].

[6] «Дин» — термин, обычно употребляемый для обозначения совершеннолетнего (с 21 г.) свободного налогоплательщика, чье имя внесено в подворные списки (цзи). Здесь термин дополнительно характеризует обязанности казенного раба.

[7] При Тан 1 шэн=10 хэ=0,594 л.

[8] Етин — боковые флигели дворцовых построек, отведенные для жен и наложниц императора.

[9] В период Тан выделялись следующие возрастные категории населения: «Все мальчики и девочки со дня рождения называются желторотыми (хуан). С четырех лет — малолетними (сяо), с 16 лет — молодыми (чжун), с 21 года — совершеннолетними (дин). С 60 лет — престарелыми (лао)» [10, цз. 3, с. 12(а)].

[10] Подробно о рабах-иноземцах при танском дворе см. [18].

[11] По-видимому, здесь речь идет об особой системе рангов, установленной для зависимых людей, находящихся на государственной службе.

[12] Здесь речь идет о самых общих статьях, рассматривающих преступления против личности, при этом мера ответственности определялась согласно статусу виновного и потерпевшего.

[13] Для периода Тан один пи составлял кусок шелка длиной в 11,4 м.

1. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
2. *Кычанов Е. И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII—X вв.) — доклад, прочитанный на XV сессии ЛО ИВ АН.
3. *Рыбаков В. М.* О правовых привилегиях чиновничества в Китае при династии Тан.— Тезисы конференции аспирантов и младших научных сотрудников. Т. 2. История. Ч. 2. М., 1978.
4. *Свистунова И. П.* Казенное ремесло танского периода (VII—X вв.). Структура, сырье, рабочая сила.— История и культура Китая. М., 1974.
5. *Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII веках. М., 1980.
6. *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй-си кэнкю (Изучение истории китайского права). Токио, 1962.
7. *Ниида Нобору.* Торэй сюи (Сборник законов типа «лин)». Токё, 1964.
8. Синь тан шу (Новая истории династии Тан). Сер. «Сыбу бэйяо».
9. Тан да чжаолин цзи (Собрание эдиктов династии Тан). Пекин. 1959.
10. Тан лю дянь (Свод административных уложений династии Тан). [Б. м.], 1804.
11. Тан люй шу и (Свод законов династии Тан). Сер. «Цуншу цзичэн». Т. 1—6.
12. Тан хуэй яо (Важнейшие сведения о династии Тан). Сер. «Цуншу цзичэн».
13. *Хамагути Сигэкуни.* То о тё-но сэнмин сэйдо (Институт «подлых людей» при династии Тан). Киото, 1966.
14. Цзю тан шу (Старая история династии Тан). Сер. «Сыбу бэйяо».
15. *D. Bodde, C. Morris.* Law in Imperial China. Cambridge (Mass.), 1967.
16. *Ikeda On.* T'ang Household Registers and Related Documents. Perspectives on the T'ang. L., 1973.
17. *Pulleyblank E. G.* The Origins & Nature of Chattel Slavery in China.— Journal of the Economic & Social History of the Orient. Vol. 1, 1958, april.
18. *Schafer E. H.* The Golden Peaches of Samarkand. Berkeley — Los Angeles, 1963.
19. *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. L., 1963.
20. *Wang Yi-t'ung.* Slaves & other Comparable Social Groups during the Northern Dynasties (386—616).— Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 16. 1953, № 3—4.
21. *Wilbur M.* Slavery in China during the Former Han Dynasty (206 B. C.— A. D. 25). Anthropological series. Field Museum of Natural History. Chicago. 1943.

Л. И. Чугуевский

ДУНЬХУАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ VIII—X вв. О КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯНАХ ПРИ КИТАЙСКИХ БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЯХ

В Дуньхуане, как, очевидно, и во многих других местах собственно Китая, буддийские монастыри являли собой еще и довольно богатые поместья [23; 26; 28; 29]. Представление о разнообразии и масштабах монастырских хозяйств мы можем получить из дошедших до нас первоисточников, из многочисленных, хотя и часто фрагментарных документов практического назначения. Это различные сводки, приходо-расходные записи и отчеты, а также всякого рода письменные обязательства и контракты, отражающие быт и организацию хозяйственной жизни местных монастырей.

Формуляры дошедших до нас хозяйственных документов [3; 4; 5; 9] свидетельствуют о хорошо налаженной системе учета, где фиксировалась любая хозяйственная операция. В зависимости от практических надобностей за определенные промежутки времени (за неделю, месяц, год) составлялись различного рода сводные ведомости, списки или отчеты, отражавшие как движение материальных ценностей, так и причастность определенных лиц к их производству и потреблению. На должную высоту соответственно была поднята и ответственность за имущество буддийской общины (чанчжу сэнъу) [1].

Трафаретность приходо-расходных записей и шаблонные формуляры хозяйственных документов, свидетельствуя об устойчивой практике ведения монастырской хозяйственной отчетности, создают вместе с тем объективные возможности статистической обработки содержащихся в них сведений. Мы можем, например, получить достаточно четкое представление о материальных ресурсах, которыми располагали монастыри, создавая запасы пшеницы, проса, бобов, растительного масла, муки, тканей и т. п. Отдельные записи или даже целые документы содержат богатейший материал, позволяющий судить, хотя бы в общих чертах, о характере взаимоотношений непосредственных производителей с монастырями [3; 6; 7; 8; 9].

В настоящей статье мы остановимся на некоторых конкретных документах, свидетельствующих о том, что среди непосредственных производителей, занятых в монастырских хозяйствах Дуньхуана, была категория зависимых, которых в период гос-

подства здесь тибетцев (781—848) называли сыху — монастырские, монастырские дворы, а в так называемый период Гуйицзюнь (850—1035), когда этим районом управляли цзедуши[2], их называли чанчжу байсин — «постоянно проживающие крестьяне».

В дуньхуанском фонде Пекинской библиотеки (под литерой «сяньцзы-59») хранится свиток из шести документов, в каждом из которых содержится просьба одного из местных буддийских монастырей отпустить взаймы соответствующее количество зерна для своих сыху [11, с. 397—402; 13, с. 42—47; 15, с. 53—57]. Все шесть документов датированы 2-м месяцем года «чоу», что должно соответствовать 806 или 818 г. н. э. На каждом прошении стоит резолюция должностного лица по имени Чжэнцинь[3]. Его подписи датированы 13, 14 и 17-м числами 2-го месяца. В трех случаях из шести должники обязуются возвратить долг в двойном размере, если они нарушат срок возврата, а в остальных — эти условия подразумеваются. Ходатайство, поданное от сыху монастыря Лунсинсы, подписано четырьмя старшинами групп (туаньтоу)[4].

Чтобы полнее судить о содержании названных документов, приведем в качестве примера текст одного из них [11, с. 398—399; 13, с. 45—46; 15, с. 55—56] в нашем переводе.

«От монастыря Аньгосы
Ходатайство
с просьбой отпустить взаймы из склада дусыцан[5] 30 то[6] пшеницы.

Упомянутые Фэн-ши и [другие] жэньху[7] в связи с приближением сева и отсутствием [у них] семян обращаются с просьбой одолжить взаймы вышеназванное количество зерна. [Зерно] будет возвращено осенью, [сразу же после сбора урожая]. Если нарушат срок, то возвратят [долг] в двойном размере.

Надеясь на Ваше [благоприятное] решение, просят дать распоряжение.
Обстоятельства дела таковы, как они изложены в ходатайстве.
В ... день 2-го месяца года „чоу“
сыху Фань Фэн-ши и другие обращаются с прошением:
двор Фань Дань-ну,
двор Фань Ди-ди,
двор Кан Цзяо-ну,
двор Чжао Сяо-цзюнь,
двор Чжан Шэн-чао,
двор Сунь Тай-пин,

Резолюция:

Четверым: Кан Цзяо-ну и [троим] следующим за ним отпустить каждому по 5 то; остальным — каждому по одному тобаню[8]. 14-й день (2-го месяца), [подпись] Чжэн-цинь».

Как видим, просьба семи монастырских крестьян (сыху) изложена от их имени монастырем Аньгосы. В пяти других документах с аналогичным ходатайством за своих сыху выступают монастыри Лунсинсы, Кайюаньсы, Баоэньсы, Цзиньгуанминсы и Линсюсы[9]. Поддерживая просьбу своих сыху, монастыри как бы подтверждают их бедственное положение: отсутствие или недостаток у них семян для посева или зерна на пропитание. Одновременно, выступая как бы в роли гаранта, монастыри заве-

ряют, что сыху возвратят долг сразу же после сбора урожая, а в случае неуплаты его в срок обязуются вернуть ссуду в двойном размере.

Коснувшись вышеприведенной формы отношений сыху с монастырем, нельзя не привести и второй тип документа, которым оформлялось предоставление ссуды буддийской общиной. Это долговые обязательства, оформленные в виде контрактов с каждым заемщиком в отдельности. Если первый тип приведенного нами документа представляет собой всего лишь одну из разновидностей форм хозяйственного учета и дает нам в основном лишь общее представление об условиях и сроках займа, то второй — довольно полно раскрывает паразитическую сущность ростовщичества, показывая, как эта форма кредита опутывала держателей мелких земельных участков.

Долговые обязательства-контракты, оформлявшие получение зерна взаймы, как и все частноправовые документы о сделках, начинаются с фиксации даты сделки и заканчиваются подписями должника и поручителя, а также перечислением свидетелей, присутствовавших при свершении юридического акта. Характерной чертой документов этого типа является то, что заключались они, как правило, в первой половине года, чаще всего ранней весной. Срок возврата ссуды, как и в хронологических записях о выдаче зерна [3], обычно формулировался выражением «чжи цю», т. е. с «наступлением осени, после сбора урожая», но иногда еще и указывался конкретный месяц — «восьмой» и даже день — «30-й». Как правило, в начале контрактов указывалось, для чего бралось зерно (на семена, на пропитание). Затем следовало перечисление тех кабальных условий, которые предусматривали, в каком объеме заемщик должен возвратить ссуду в случае просрочки долга. Здесь обычно кредитору (в нашем случае — монастырю) предоставлялись такие права, которые позволяли ему с лихвой компенсировать предоставленный заем. С точки зрения оформления долговые обязательства имели почти всегда неукоснительно соблюдаемую форму с уже выработанными не только отдельными терминами, но и целыми выражениями. Приведем в качестве примера текст контракта, подписанного одним из шачжоуских (дуньхуанских) сыху, обратившихся к монастырю за ссудой в индивидуальном порядке. Текст его обязательства сохранился среди 13 аналогичных документов, зафиксированных ныне в коллекции А. Стейна под шифром S-1475 (1-11) [11, с. 385—394; 14, с. 702—711].

«В 15-й день 4-го месяца... года... Янь Цзюнь-цзюнь, сыху области Шачжоу, испытывая нужду в зерне [в связи] с поездкой в качестве гонца, взял взаимообразно из фачжансо (кладовой) монастыря Линтусы 3 даня пшеницы в ханьском (китайском) измерении. Эту пшеницу полностью верну после сбора урожая, (не позднее) конца 8-го месяца. Если нарушу срок (возврата) и не верну это (количество пшеницы), то [долг] считать возросшим вдвое. [Монастырь] по данному обязательству может ...?... забрать любую вещь [из моего] домашнего имущества, чтобы полностью возместить стоимость [взятой мной] пшеницы. Если я исчезну, то тогда пусть возместят по-

ручители. Боясь, что люди не поверят, что [мы] заключили такое соглашение, в удостоверение этого и составили бумагу:

Подписи:

Заемщик пшеницы Янь Цзюнь-цзюнь, 30 лет
Поручитель Лю Гуй-цзы, 20 лет
Поручитель
Свидетель Ван-инь, монах
Свидетель Тан, настоятель монастыря
Свидетель Чжи-юань».

Хотя и нельзя сказать определенно, насколько широко были распространены приведенные выше типы письменных обязательств, тем не менее уже сам факт их существования свидетельствует о том, что состояние личного хозяйства сыху в значительной степени зависело от монастыря-кредитора. Более того, безотносительно к тому, какие формы зависимости вытекали из таких контрактов, уже сам факт существования термина «сыху» («монастырский») свидетельствует, по-видимому, о юридическом закреплении определенной группы крестьян за монастырями. В данном случае форма зависимости, видимо, была близка к крепостному состоянию и характеризовалась частичным порабощением производителя.

Что же представляли собой сыху? Крестьянские дворы, находившиеся в зависимости от буддийских монастырей? Подчеркнем сразу, что оригинальных источников по данному вопросу нет. Сведения же, встречающиеся о сыху в дуньхуанских документах, весьма ограниченны. Наиболее важным документом, дающим возможность уяснить в какой-то степени правовое положение сыху, а также их место в системе общественного производства, может служить, пожалуй, хранящаяся в Британском музее рукопись S-542 [11, с. 261—274; 12, с. 523—535]. Содержание ее рассмотрено в статье Тикуса Масааки [16, с. 710—720]. Это огромный, почти тридцатифутовый свиток, содержащий в числе других рукописей два интересующих нас документа. Один из них (конец документа утрачен) сохранил 196 строк текста, которому предпослан такой заголовок: «Журнал [регистрации] повинностей, [выполняемых] в монастырях взрослыми сыху („монастырскими людьми“) и рабочим скотом. [Начат] 18-го дня 6-го месяца года „сюй“». Записи, сделанные в этой рукописи, как удалось установить Тикуса М., относятся к 818—823 гг.

«Журнал» сохранил имена и фамилии 190 мужчин, занятых на тех или иных работах в хозяйстве 13 монастырей, которые были расположены на территории Дуньхуана и в его окрестностях. Виды выполнявшихся монастырскими зависимыми работ (часто с указанием их продолжительности или объема) или их специальности раскрыты в пометках, сопровождающих каждую внесенную в список фамилию.

Проиллюстрируем журнальную запись на примере монастыря Линтусы, в котором значилось 15 взрослых сыху мужского пола (S-542; см. [11, с. 268—269; 12, с. 529—530; 16, с. 712]).

«111. Чжан Цзинь-юй — чэтоу; пять дней охранял заключенных.

112. Чжан Ну-цзы — пять дней работал на ремонте [статуи] Будды; сопровождал сичжоуских (турфанских) сыху на Восток.

113. Ван Хай-цзы — пять дней охранял заключенных; пять дней работал на казенных полях; в 1-м месяце (прошедшего) года «цзы» четыре дня был на охране заключенных.

114. Хоу Дин-чжи — пять дней охранял заключенных; пять дней — на ремонте склада.

115. Со Мань-ну — чэтоу; занимался обрушиванием риса, [сделано] 1 тобань.

116. Ван Пань-цзы — пять дней работал на ремонте склада.

117. Чжу Ну-цзы — прислужник при цзяошоу Чжае.

118. Ши Бо-хэ — теян? (пока не установленный характер работы, связанной с овцеводством.— *Л. И.*).

119. Ши Тун-цзы — чабан.

120. Хэ Юн-син — умер.

121. Куй Цао-ба — мастер по изготовлению бумаги.

122. Хоу Си-си — пять дней охранял заключенных; занимался обрушиванием риса, вместо несения охраны [сделано] 1 тобань.

123. Чжан Цзинь-гуан — смотритель мельницы (каньвэй).

124. Ши Фэнь-сянь — один раз сопровождал [отвозил] отборный рис для цзеду [ши] в Гуачжоу.

125. Сянь-ху — В 6-м месяце пять дней работал на ремонте склада; пять дней — на охране заключенных; [еще] пять дней — на ремонте склада».

В строке 162 этого же журнала среди зависимых женского монастыря Пугуансы мы находим запись о туаньтоу Янь Цзюнь-цзюне. Вне всяких сомнений, это тот самый Янь Цзюнь-цзюнь, обязательство которого мы привели выше, иллюстрируя один из типов контрактов. Такие же обязательства монастырю Линтусы были даны двумя его зависимыми, а именно Со Мань-ну и Ши-Фэн-сянем, которые в извлеченной нами выдержке зарегистрированы в строках 115 и 124. Кстати, из обязательства Ши Фэн-сяня (S-1475-7) [11, с. 390—391; 14, с. 708—709] мы узнаем, что ему было 40 лет, а в качестве поручителя выступает Шэн-цзы, его 14-летний сын. В рассматриваемом же журнале имени Шэн-цзы (явно по малолетству) мы не находим. В случае неуплаты долга в срок он, как малолетний член семьи, по-видимому, должен был пойти в услужение. Натуральное возмещение процентов по долгу либо частью урожая, либо отработкой в условиях Дуньхуана практиковалось довольно широко.

Реестру мужской половины трудоспособных сыху предшествовал список зависимых женского пола, тоже только совершеннолетних и трудоспособных. Начало и конец этого списка утрачены. Сохранилось 112 строк текста, где зарегистрировано 220 женщин, причем третья часть их (79) — это жены сыху, а остальные — их дочери либо одинокие женщины, родственники (мать, тетка, жена сына). Любопытно отметить, что учет жен сопровождался всего лишь фиксацией их имен. В одном случае (строка 69) вместо имени зависимой стоит термин «туцюе», что

явно указывает на ее принадлежность к какому-то тюркскому племени. Дважды (строки 31, 32) перед именами, видимо, безродных женщин стоит термин «бэй», что свидетельствует об их рабском состоянии. Чьей собственностью были эти рабыни, ответить затруднительно. Скорее всего — собственностью монастыря, поскольку как «журнал повинностей», так и данный список женщин, являющийся, несомненно, его продолжением, берут на учет всего лишь «живой инвентарь», который никак не рассматривался как держатель собственного имущества. Люди, работающие в хозяйстве монастыря, интересовали его только с одной стороны — как носители тягла. Этим определялась и форма записи, с которой мы можем познакомиться на примере того же монастыря Линтусы (см. [11, с. 278; 12, с. 537]):

54. (Монастырь Лин) ту (сы).
Жена (Ши) Бо-хэ; Мэй-мэй.
55. Жена (Со) Мань-ну; Жунь-жунь.
56. Жена (Ван) Хай-цзы; жена (Ван) Пань-цзы.
57. Чжао Ба-нян; Лян Ши-и, напряла шерсти 0,5 цзиня.
58. Ян Сян-нюй; жена (Хоу) Дин-чжи.
59. Жена (Куй) Цао-ба; жена Хоу Си-(си).
60. Жена Сянь-ху; жена Хэ Да-юнь, напряла шерсти 0,5 цзиня.

Во всем списке пометки о прядении шерсти сделаны только против 19 имен. Текст записей шаблонный. Лишь в одном случае приведено уточнение: «для цзяошоу». Норма задания одна и та же. Никаких других дополнительных сведений нет.

Если мы сопоставим приведенную часть женского списка с данными о мужском населении монастырских зависимых, то увидим, что большинство сыху имело свои семьи. Во всяком случае, выбранный нами для иллюстрации монастырь Линтусы обслуживался, как минимум, десятью крестьянскими дворами. В их числе был, конечно, и Ши Фэн-сянь, который, как нам известно из упоминавшегося выше контракта, также имел свою семью. По всей вероятности, число сыху при монастырях определялось не численностью в нем монахов, а потребностями монастырского хозяйства. Общая картина распределения монастырских крестьян на соответствующий рассматриваемым документам период характеризуется данными табл. 1.

Возвращаясь к содержанию «журнала повинностей», заметим, что перечень занятий сыху дает возможность установить среди них существование специалистов-ремесленников: мастеров по выделке кожи, бумаги, войлока, лепщиков, плотников, садоводов и т. п. Были среди них и специалисты по мукомольному делу, производству растительного масла и вин. Правда, эти группы весьма немногочисленны, а это, в свою очередь, позволяет предположить, что ремесленники обслуживали не только тот монастырь, к которому они были прикреплены, а нужды всей дуньхуанской духовной общины в целом.

Носители фамилий, против которых в реестре нет указаний на их постоянную обязанность или специальность, выполняли,

Таблица 1

Распределение монастырских крестьян

Название монастыря	Количество монахов в 788 г. и 823—835 гг.	Взрослых сыху (мужчин)	Из них на должности		Взрослых женщин (жен, дочерей или одиноких)	Всего совершеннолетних
			туаньтоу	чэтоу		
1. Лунсинсы	28/23	43	3	2	34+x*	77+x
2. Даюньсы	16/15	23	2	1	30	53
3. Ляньтайсы	10/10	12	1	1	15	27
4. Кайюаньсы	13/21	12	1	1	14	26
5. Аньгосы	—/29	8	1	0	14	22
6. Юнъаньсы	11/17	9	1	1	18	27
7. Цяньюаньсы	19/?	7	1	0	12	19
8. Линтусы	17/37	15	0	2	14	29
9. Цзиньгуанминсы	16/26	8	1	1	12	20
10. Баоэньсы	9/31	8	0	1	9	17
11. Синшаньсы	?	4	—	1	?	4+x
12. Линсюсы	67/55	14	1	1	15	29
13. Пугуансы	47/57	14	1	1	17	31
14. Дачэнсы	44/61	13	1	1	16+x	29+x
Всего	297/382	190	14	14	220	410+x

* «x» означает неизвестное число.

как правило, различные хозяйственные работы: направлялись на прополку огородов, на уборку помещений, помогали при ремонте складских помещений, реставрации статуй будд или посылались с отдельными поручениями в монастырские загородные угодья или даже в другие города. Так, например, отдельные дуньхуанские сыху должны были «доставить турфанских (сичжоуских) сыху в Гуачжоу» и даже дальше — «на восток». Нельзя не заметить, что некоторые записи говорят о том, что монастырские зависимые временно могли быть направлены в распоряжение других монастырей. Так, например, некоторые сыху, закрепленные за монастырем Лунсинсы, по пять дней были заняты на охране заключенных, размещенных в монастыре Пугуансы (чэтоу Чжан Май-дэ, пастух Чжан Цзинь-чао, звонарь Со Цзай-шэн и др.), в монастырь Юнъаньсы был направлен садовник Се Гуй-ну. Плотник Ши Ин-цзинь и Сунь Чэн-тай по пять дней работали на строительстве храма в монастыре Аньгосы. Зафиксирован ряд фактов, свидетельствующих о переводе сыху поодиночке или группами из одного монастыря в другой. Так, при ликвидации монастыря Синшаньсы его сыху были переданы монастырю Кайюаньсы, а оттуда, в свою очередь, вновь созданному монастырю Аньгосы было выделено пять семей, 22 трудоспособных человека, причем это были не случайные люди, а организованный производственный коллектив во главе со старшиной группы.

Организационно, как это можно видеть из приведенной вы-

ше таблицы, сыху были объединены в небольшие производственные группы численностью в 8—12 человек. Возглавлялись они старостой группы — туаньтоу, непосредственной обязанностью которого, по-видимому, были организация и контроль за выполнением повинностей членами его коллектива. Если обратить внимание на то, что против фамилий туаньтоу только в двух случаях из четырнадцати сделана запись об исполнении ими какой-то конкретной работы, то можно думать, что чаще они осуществляли только общее руководство. Некоторый свет на функции туаньтоу проливает распоряжение главы дуньхуанской общины (хранится в коллекции Пелльо под шифром P-3100 [17, с. 165—166]) в связи с предстоящим размещением монахов на летний период — на период медитации. В нем, в частности, говорится, что наведением чистоты в монастырских помещениях и их ремонтом займутся танцзы (букв. «обслуживающие помещение»), назначаемые туаньтоу. Контроль же над туаньтоу возлагался на сыцина [10], который, в свою очередь, был подотчетен духовному руководству общины в лице саньган [11], осуществлявшему общее управление монастырем и его хозяйством.

При первом знакомстве с записями «журнала повинностей» создается впечатление, что работы, которые выполнялись сыху в монастырских хозяйствах, регламентировались какими-то нормами, предусматривавшими их продолжительность или объем. К такой мысли приводит методика учета работ, выполнявшихся, например, во время ремонта складских помещений и при обработке зерна. В первом случае мелкие хозяйственные работы, видимо не всегда поддающиеся учету, измерялись по фактически проработанному времени, а во втором — по объему. Однако пока остается загадкой, как учитывался труд специалистов-ремесленников, а также тех, кто отправлялся, например, с грузами в Гуачжоу или сопровождал в более далекие поездки духовное начальство. Вообще разовый срок привлечения на работы составлял, как правило, пять дней. Видимо, это было нормой. В коллекции Стейна (S-2228; см. [19, с. 249]) сохранился список групп китайского городского населения Дуньхуана, которых тибетские власти привлекали поочередно на пять дней на ремонт городской стены. Кстати, рассматриваемый «журнал повинностей» содержит сведения об исполнении «монастырскими людьми» работ в пользу казны, причем если свободный люд в таких случаях привлекался со своими инструментами, то сыху, похоже, пользовались монастырским имуществом и инвентарем.

По-видимому, для монастырских зависимых, так же как и для свободного люда, привлекавшегося к государственной трудовой повинности, существовал возрастной ценз. Так, например, в четырех случаях против названных в журнале фамилий (строки 92, 94, 99 и 101) стоят пометки «лао» — «стар». Такая пометка явно освобождала от основных повинностей, но, видимо, не исключала из списка. Исключение могло быть вызвано только

смертью либо получением вольной [2]. Так, в строке 74 записано: «Ши Вэнь-хань освобожден по старости [и отпущен] в Сучжоу», очевидно, на родину. Правда, эта запись единственная. В списке женского населения сыху (строка 52) зарегистрирована жена вышеназванного Ши Вэнь-ханя, но, похоже, на ее судьбе освобождение мужа никак не отразилось. Каких-либо пометок об изменении ее положения нет.

Что касается статуса зависимых крестьян, работавших в монастырских хозяйствах Дуньхуана в послетибетский период, т. е. в период Гуйицзюнь, то их юридическое положение, на наш взгляд, довольно четко отражено в декларации, обнародованной одним из местных правителей Дуньхуана.

Текст этого документа, хранящегося ныне в Национальной библиотеке в Париже под шифром P-2187 [13, с. 35—36; 15, с. 88—89; 18, с. 96—98; 26, с. 102—103], гласит:

«Ныне в пределах подведомственной [нам] территории (Гуйицзюнь) наступило полное спокойствие. „Дальние" пришли в [нашу] ставку через „врата из копий" [12]». [Наши] добрые дела и способности принудили дерзких к покорности. [Племя] лунцзя сдало оружие (буквально „сняв пояса, амуницию".— *Л. Ч.*) и покорилось полностью, данасы же пришли [к нам] сами, без зова. Прежде [все они] были [нашими] жестокими (букв. с волчьим сердцем.— *Л. Ч.*) врагами, а ныне пребывают в услужении у [нашего] народа (байсин). Зная [причины своего теперешнего состояния и] как велики Саньбао и Сыван, могущество которых невозможно [ни с чем] сопоставить, [этим племенам] следует еще больше проявлять повиновение и уважение [к законам Будды], денно и нощно стремиться постичь их всем сердцем. Неужели можно, [будучи проникнутым такой мыслью], предаваться лености и быть нерадивым [к судьбе своей]?

В последнее время люди [этих] двух племен обращаются с жалобами в [наше] управление. В [своих] жалобах, обращаясь к цзедуши (шичжу), они в мельчайших подробностях излагают истоки (корни?) [своего] предопределения. Посмев не подчиниться воле народа, [они] загромождают [делопроизводство] цзедуши (в тексте ши) рассмотрением дел, каждое из которых тщательно рассматривается и получает (соответствующую) резолюцию (букв. „проставляется печать и делается указание".— *Л. Ч.*). [В итоге все эти] бумаги подшиваются вместе и остаются в делах управления как [документальное] подтверждение того, что [их нынешнее состояние] должно быть неизменно вовеки.

Все строения монастырей, которые находятся в нашей округе, были либо сооружены на основании декретов прежних императоров, либо построены добродетельными (сяньчжэ — мудрый, образованный) людьми. Жилища и [все другие] постройки [при монастырях, а также] поля и усадьбы, [находящиеся] как внутри, так и вне [их территории], поступили [от прихожан] в качестве побужденных верой подношений и предназначены для обеспечения монахов пищей и имуществом. Соответственно и хукоу (дворы), которых [вместе] с их домочадцами (цзяжэнь) благоговейно преподнесли [монастырям] прихожане, должны быть навечно поселены в монастырских жилищах и заниматься хозяйством. Подношения светских людей [монастырям] достойны восхваления, и [подносимое] не должно подвергаться отчуждению или разрушениям. Наоборот, следует стремиться увеличивать их, содействуя их доходности и совершенствованию, а не разорять и не разрушать. [Поэтому-то] все это называется чанчжу (постоянное, постоянно прикрепленное).

В возникающих [ныне] конфликтах [в отношении чанчжу] следует поступать только в соответствии с прежними издревле существующими обычаями, кои незыблемы и подобны горе, которую нельзя передвинуть. Лишь за исключением тех, кому [ныне] покойный тайбао (Чжан Ичао.— *Л. Ч.*), об-

ладатель [многих] должностей и званий, еще при своей жизни дал грамоты об освобождении, все остальное [закрепленное за монастырями] население используется в находящихся в ведении монастырей имениях, на водяных мельницах и масловыжимальных прессах. [Монастыри], как это было и в прошлом, распоряжаются [ими] по своему усмотрению свободно.

Отныне и впредь все то, что являет собой предмет чанчжу, начиная с иголки и кончая травинкой, включая сюда и людей (женьху), от стариков до младенцев, не разрешается никому [ни под каким предлогом], прикрываясь даже чьей-либо властью или авторитетом, отчуждать, а также брать [или отдавать] в залог или продавать. Если найдутся такие, кто не будет следовать этим правилам, и по этой причине поступит заявление органам власти, то виновные будут подвергнуты суровому наказанию, а [сами] предметы, которые являют собой чанчжу, будут возвращены монастырю. Стоимость же, выплаченная [за них], пусть [составит убытки того, кто взял на себя обязанности хозяина].

При породнении чанчжу байсины должны исходить из соблюдения Пяти ритуальных обрядов (цинь у ли), а потому им разрешается заключать браки только в своем роду, [им] запрещается вступать в связь с сянсы байсинами (крестьянами, подпадающими под юрисдикцию гражданской администрации.— *Л. Ч.*). Если найдутся такие, кто нарушит этот закон, и мужчина, [находящийся на положении] чанчжу, вступит в любовную связь с сянсы нюйжэнь (с женщиной, находящейся под юрисдикцией гражданской администрации.— *Л. Ч.*), то дети, которые родятся у них, будут оприходованы как „постоянное имущество" и будут навечно превращены в жэньху, и из поколения в поколение будут находиться в услужении. [Для них всякая] попытка избавиться [от своего состояния] выходит за пределы [возможного]. Все взрослые мужчины, их (совершеннолетние) сыновья (нань эр динкоу) должны нести натуральную и трудовую повинности, устанавливаемые монастырями. Само(вольное...?) древних правил не разрешается».

В научную литературу этот документ был введен Наба Тосисада еще в довоенное время [13, с. 35—36] и был назван им «Декларация в поддержку особой привилегии монастырей». Ниида Нобору [15, с. 72—82, 88—89], возражая против интерпретации текста, которую сделал Наба Тосисада, принимает толкование Фудзиэда Акира [18, с. 96—98]. В европейской литературе попытка дать смысловой перевод этого документа была сделана Жэрнэ в его работе, посвященной экономике буддийских монастырей в Китае в V—X вв. [26, с. 102—103]. Считаем, что, повторяя своих предшественников, Жэрнэ неверно толкует преамбулу «декларации». В частности, где речь идет об эрбу дачжун [о двух группах населения], которые обращаются к цзедуши с жалобами на свое положение, нужно подразумевать не монахов и монахинь, а племена лунцзя и данасы. Кстати, термин «данасы» никем из упомянутых авторов не раскрыт. Полагаем, что это название рода или племени, которое, как мы понимаем из контекста, в отличие от лунцзя, покоренного силой оружия, «к покорности пришло само».

Что касается времени, когда происходили события, породившие появление этой декларации, то определить его нам помогает упоминание о тайбао — посмертный титул Чжан И-чао, местного управителя, умершего в 872 г. в Чанъани; т. е. этот документ, вне всяких сомнений, относится к раннему периоду правления в Дуньхуане рода Чжанов. Что же касается освобождения какой-то части рабов, о которой говорится в документе,

то оно могло иметь место до 865—866 гг., когда Чжан И-чао переехал на жительство в столицу. Кстати, в династийных хрониках массовое освобождение рабов после изгнания из хэсиского района тибетцев зафиксировано под 862 г.

Содержание декларации в целом, как это нетрудно заметить, составлено с позиций буддийской морали, оправдывающей социальное неравенство, которое якобы существовало извечно и будет всегда. Здесь красной нитью проходит мысль о том, что существование в этом мире на низшей социальной ступени объясняется кармой, т. е. воздаянием за грехи, совершенные в прошлых перерождениях.

Декларация недвусмысленно подтверждает полное и безраздельное право монастырей на все монастырское имущество, включая и зависимых, статус которых в этом документе определен более чем четко. Нам неизвестны обстоятельства, породившие создание этого документа, однако он явно не мог быть обнародован раньше 873—875 гг. Вряд ли толчком к массовому стремлению добиться освобождения могли быть отголоски событий более чем десятилетней давности. Несомненно одно, поток жалоб, а возможно, и притязания на монастырское имущество поставили буддийскую духовную общину в такое положение, когда она была вынуждена просить у властей слова в защиту принадлежавшего ей имущества, т. е. получить гарантию его неприкосновенности.

Одними из тех, кто мог хотя бы косвенно ущемить монастырские интересы, могли быть и бывшие их зависимые. Свидетельством такого посягательства может служить документ, сохранившийся в фонде Пелльо под шифром Р-2222:

[Заявление]

от крестьянина Дуньхуанской волости Чжан Ци-саня. О 60 му земли монаха Цы-жуна, находящейся в верхнем течении канала Баобицюй.

[Я], вышеупомянутый [Чжан] Ци-сань, в соответствии с утвержденным сыкуном Чжан И-чао[13] декретом получил освобождение и перешел в ведение волостной администрации, но еще не имею земли и воды.

Названный [в данном заявлении] монах Цы-жун является держателем земли, с которой не взимается (не поступает) налог.

С надеждой уповаю на то, что Ваше превосходительство (Чжан Хуайшэн)[14] благосклонно рассмотрит мою просьбу и пожалует [мне] указанный выше земельный участок.

Представляя [данное заявление] на Ваше усмотрение, ожидаю надлежащего решения.

Обстоятельства просьбы таковы, как они изложены в [настоящем] ходатайстве.

...дня 1-го месяца 6-го года «сянь-тун» (865 г.)

с почтением байсин
Чжан Ци-сань

Для полноты характеристики юридического и экономического положения монастырских зависимых в Дуньхуане нельзя не указать на найденный экспедицией А. Стейна и пока единственно известный текст контракта о продаже служанки-рабы-

ни (S-1946; см. [11, с. 318—319, илл. 5; 15, с. 76—77, илл. 2; 14, с. 364—365, 695—697; 25, с. 36—38; 27, № 7521]), которую чанчжу байсин Чжу Юань-сун, зависимый одного из дуньхуанских монастырей, купил у яя [15] Хань Юань-дина, одного из мелких чиновников местной администрации.

«12-й день 11-й луны 2-го года [эры правления] Чунь-хуа, в год, [соответствующий циклу] синь-мао (991 г.— *Л. Ч.*), составлен договор о том, что яя Хань Юань-дин, испытывая крайнюю нужду в средствах, вследствие задолженности и (?) отсутствия ткани ныне имеющуюся в его семье рабыню по имени Сянь-шэн, в возрасте примерно 28 лет, продал чанчжу байсину Чжу Юань-суну, его жене и сыновьям. Стоимость женщины-рабыни [стороны] определили в 5 пи (кусков) [16] шелка-сырца и лощеного шелка. В этот же день (в счет уплаты) внесены 3 пи шелка-сырца. [Остальные] 2 пи лощеного шелка и полное погашение стоимости [рабыни] должны быть уплачены не позднее конца 5-го месяца следующего года. Эти — человек (т. е. рабыня.— *Л. Ч.*) и равноценный [товар] — взаимно переданы друг другу.

С момента продажи [она, Сянь-шэн], поступает в вечное — семьи Чжу и его наследников, сыновей и дочерей — полное владение. Если в этот промежуток времени (т. е. пока будет жива Сянь-шэн.— *Л. Ч.*) объявятся родственники по прямой или боковой линии, которые опознают ее своей, то пусть тогда Хань Юань-дин и его жена отдадут [Чжу Юань-суну] свою седьмую дочь, которая признается подходящей заменой. Если случится, что будет объявлено эньшэ [17], то оно не сможет стать поводом для пересмотра условий контракта.

Обе стороны, встретившись лицом к лицу, обоюдно согласились считать решение окончательным. В соответствии с существующими правилами нельзя аннулировать [соглашение]. Если одна из сторон захочет его аннулировать, то уплатит противной стороне неустойку в один пи ткани сорта лоулин [18] и двух взрослых баранов [19].

Боясь, что люди не поверят, [мы] составили настоящий договор, чтобы в будущем иметь [его в качестве] доказательства.

Каждому [из заключивших этот договор] дается десять дней на раздумье, по прошествии их никакие отказы не будут приняты [во внимание].

Покупаемая женщина Сянь-шэн (подпись)

Продаваемой женщины госпожа-хозяйка, седьмая дочь (подпись)

Продаваемой женщины хозяин Хань Юань-дин (подпись)

Участвовавший в соглашении условий Юань Фу-шэн (подпись)

Свидетель, монах монастыря Баоэньсы Чоу-да (подпись)

Свидетель, фалюй монастыря Лунсинсы Юэ Шань-ань (подпись)

Приписка (очевидно, результат десятидневных размышлений.— *Л. Ч.*): Один пи лощеного шелка согласились заменить на 12 дуаней [20] ткани [другого сорта] — шестью дуанями хэ и шестью дуанями байхэ [21]. Каждый из них длиной по 1,2 чжана [22]. Должны быть уплачены не позднее конца пятого месяца».

Как видим, яя Хань Юань-дин, оказавшись в тяжелом материальном положении, был вынужден продать свою служанку в дом чанчжу байсина. Получается, что последние, сами зависимые от монастырей, могли иметь своих рабов. Следовательно, они обладали довольно прочной самостоятельностью, а в экономическом отношении могли быть нисколько не беднее мелких чиновников. С точки зрения закона оба партнера — и монастырский зависимый (чанчжу байсин), и чиновное лицо (яя) — выступают здесь как равные стороны.

В коллекции С. Ф. Ольденбурга есть документ об аренде зе-

мельных участков, из которого видно, что рабы сдавали их в аренду свободным [1, док. № 24, илл. 23].

Из содержания вышеприведенных документов мы видим, что сыху и чанчжу байсины, хотя и вели свое хозяйство, были прикреплены к буддийской общине и были ограничены в правах гражданской дееспособности: они были лишены права на свободный выбор места жительства, права на свободное заключение браков и т. п., т. е. они, по существу, были на положении крепостных. Вообще сейчас еще довольно трудно дать четкую социально-экономическую характеристику этих монастырских зависимых, поскольку сохранившаяся в документах терминология, отражающая их производственные отношения с монастырями, не всегда достаточно ясна и требует дальнейшего тщательного изучения, подборки убедительных фактов. Так, например, документы периода Гуйицзюнь наряду с упоминанием чанчжу байсинов изобилуют такими терминами, как вэйху, лянху и цзюху, — новой категорией непосредственных производителей, занятых в монастырском хозяйстве и связанных с ним, похоже, какими-то договорными отношениями [5; 6].

Известно, что для установления личной зависимости немалую роль играло и ростовщичество. Похоже, что в Дуньхуане к этой форме закабаления прибегали и буддийские монастыри. Основанием для такого предположения может служить хорошо сохранившийся текст парижской рукописи Р-3150. Из ее содержания видно, что один из трех братьев должен был пойти к монаху Со в качестве «слуги за долги» [15, с. 73—74]. Поскольку в названном документе монах Со выступает не просто под своей фамилией, а как должностное лицо (сэнчжэн) конкретного монастыря, то вполне, как считает Ниида Нобору, можно допустить, что он выступает от имени монастыря, который за предоставленную ссуду берет заложника и отдает его в дом сэнчжэна для услужения.

Хотя приведенные нами источники лишь в общих чертах освещают правовое положение монастырских зависимых и их место в системе общественного производства, мы, видимо, все же можем считать, что эти материалы характеризуют положение, существовавшее не только в Дуньхуане, но и в других районах Китая. Так, например, ссылки той же декларации на существующие издревле обычаи или традиции явно указывают на общие истоки правовых норм, регулировавших положение этой категории зависимых.

В Китае люди, прикрепленные к буддийской общине, известны по крайней мере с V в. Так, после больших гонений на буддизм в 446 г. при династии Северная Вэй очередной порыв покровительства властей привел вскоре к созданию групп людей разного статуса, которые работали на общину. Это так называемые фотуху — «монастырские семьи, дворы» и сэнциху — «семьи общины, сангхи».

Последние являли собой категорию крестьянских дворов,

обязанных поставлять ежегодно по 60 доу сэнцису (проса сангхи) на нужды буддийской общины. В отличие от дуньхуанских сыху они не были закреплены непосредственно за монастырями, а сдавали зерно в распоряжение сэнцао, местного органа, ведавшего делами монахов и монастырей. Это их резко отличало от фотуху, которые были прикреплены к монастырям непосредственно и находились на положении гуаньну — «казенных рабов». Сэнцаху по своему положению приближались скорее всего к крестьянству [22, с. 355; 24, с. 165—215; 26, с. 96—99].

Проводя параллель между «монастырскими семьями» (сыху) периода тибетского господства в Дуньхуане и «постоянно прикрепленными крестьянами» (чанчжу байсинами) времени правления цзедуши, нетрудно заметить, что те и другие, находясь в личной зависимости от монастырей, обладали известной экономической самостоятельностью, ведя свое собственное хозяйство. Что же касается терминологии, когда монастырских зависимых в Дуньхуане вместо сыху стали называть чанчжу байсинами, то это, возможно, связано было с какой-то новой, несколько видоизмененной формой монастырской зависимости, которая применительно к буддийским понятиям соответственно была названа новым термином, содержание которого раскрыто в одном из приведенных здесь документов.

[1] Чанчжу сэнъу — все монастырское имущество, составлявшее собственность буддийских общин, собирательно обозначалось термином «сань бао у»— «три драгоценности, вещи трех драгоценностей». Это понятие включало в себя все то, что могло составить материальную основу для проповедования буддийского учения:

— «фо у» — «вещи Будды», имущество от пагод и статуй Будды до разнообразных предметов, составлявших убранство мест совершения служб и ритуальных жертвоприношений;

— «фа у» — вещи буддийского учения, предметы, необходимые для проповедования учения Будды, от текстов буддийских произведений до одеяния монахов и различной утвари;

— «сэнъ у» — «вещи монахов». В противоположность предметам, предназначавшимся для отправления исключительно культовой стороны буддизма, в понятие «сэнъ у» входят, в частности, продукты и средства производства, которые необходимы для обеспечения жизненных условий монахов, т. е. жилые помещения, различная хозяйственная утварь, поля и сады, зерно и скот, включая обслуживавших монастыри и их хозяйства слуг. У китайских буддистов все это имущество обозначалось термином «чанчжу у» — «постоянные вещи». Отсюда и такие термины, как: «чанчжу тянь» — пахотные поля, «чанчжу бу» — материал, ткани, «чанчжу ну» — рабы, слуги, «чанчжу ню» — скот, «чанчжу байсин» — монастырские крестьяне, «чанчжу сэнъ у» — постоянные вещи монахов и т. д. и т. п.

[2] История Дуньхуана конца VIII — начала IX в. подразделяется на три периода:

— период династии Тан, до 80-х годов VIII в., когда Дуньхуан, являясь административным центром области Шачжоу, входил в состав Танской империи;

— период тибетского господства в Дуньхуане, когда после восстания Ань Лушаня тибетцы, овладев районами Лунъю, Хэси и Аньси (в пределах нынешних провинций Ганьсу и Синьцзян), почти на 70 лет оккупировали область Шачжоу. Тибетская администрация располагалась в соседнем Гуачжоу;

— период Гуйицзюнь (по названию созданного здесь в 851 г. специаль-

ного военного округа), когда (в 848 г. вплоть до занятия этого района тангутами, около 1036 г.) территория Дуньхуанского района (Шачжоу) вместе с соседней областью Гуачжоу оказались оторванными от собственно Китая и превратились в вотчину правивших здесь цзедуши, сначала представителей рода Чжан, а позднее — Цао.

[3] Чжэн-цинь — это цзяошоу Сун Чжэн-цинь, один из руководителей дуньхуанской духовной общины в период тибетского завоевания. Его фамилия встречается в документах 788 г. (S-2729; см. [17, с. 148, 191, сн. 56; 20, с. 293, илл. 1]) и 815 г. (S-3920; см. [17, с. 148, 191, сн. 57]).

[4] Все взрослые трудоспособные сыху были объединены в производственные группы — туань, которые возглавлялись туаньтоу (об их функциях см. ниже). По групповому принципу были организованы также и монахи, занимавшиеся хозяйственными работами. При управлении духовной общины существовало несколько отделов, задачей которых было обеспечение хозяйственных нужд культовой жизни общины. Для осуществления этих функций придавалось какое-то число монахов. Во главе их стоял туаньтоу.

[5] Общемонастырский склад, находившийся в ведении дусы, управления дуньхуанской духовной общины.

[6] То — скорее всего название емкости либо китайская транскрипция тибетской меры веса, см. примеч. 8.

[7] Явно собирательный термин для сыху, сокращенное от сыжэньху. В одном из ходатайств сказано: дансы жэньху — жэньху нашего монастыря.

[8] По предположению Фудзиэда Акира [21, с. 15], это китайская транскрипция тибетской меры веса.

[9] В начале VIII в. в Дуньхуане насчитывалось 17 монастырей, в которых проживало 1086 монахов и монахинь [26, с. 8]. В конце VIII в., т. е. после прихода тибетцев в Дуньхуан, судя по хранящемуся в коллекции Стейна списку монахов, датированному 788 г. (S-2729; с. [20, с. 293—295]), там действовало по крайней мере 13 монастырей. В другом документе из той же коллекции, который в нашей статье назван «журналом повинностей», сохранились названия 14 монастырей. Десять из них были мужскими, а четыре (Аньгосы, Линсюсы, Дачэнсы и Пугуансы) — женскими.

Что касается количества монастырей в послетибетский период, то, согласно списку, составленному в 869 г., т. е. вскоре после образования округа Гуйицзюнь, в Дуньхуане уже было 17 монастырей — мужские: Баоэньсы (в 788 г.— девять монахов, в 823—835 гг.— 31, в 895 — 47 монахов), Даюньсы (соответственно 15, 15, 31), Кайюаньсы (13, 21, 48), Линтусы (17, 37, ?), Лунсинсы (28, 35, 50), Ляньтайсы (10, 10, 27), Саньцзесы (—, —, 22), Цзиньгуанминсы (16, 26, ?, в 925 г.— 62), Цзинтусы (—, —, 22), Цяньминсы (—, —, ?), Цяньюансы (19, ?, 27), Юнъансы (11, 17, ?, в 806 — 36); женские: Аньгосы (—, 29, 139), Дачэнсы (44, 61, 173; в 865 г.— 209), Линсюсы (67, 55, 143), Пугуансы (45, 57, 189; в 806 г.— 127) и Шэнгуансы (—, 7, 49; в 865 г.— 79). Это же количество монастырей (без перечисления их названий) приводится во фрагменте P-2879 [20, с. 313], составленном почти столетие спустя, около 960 г.

Один из сохранившихся списков монахов (S-2614; см. [20, с. 297—302]), подытоживая их общее количество, сообщает: «Монахов и монахинь всего одна тысяча... сот (или сто?) сорок... человек». В другом документе (P-2638, 936 г., см. [17, с. 169; 20, с. 316; 26, с. 85—87, илл. 2]) названо 969 человек (519 монахов и 450 монахинь).

[10] Сыцин — этот термин зарегистрирован в дуньхуанских документах, относящихся только к периоду тибетского господства в Дуньхуане. Приглашался, похоже, из мирян для руководства хозяйственными делами. Связи его с монастырскими сыху не совсем ясны [17, с. 175—178].

[11] Саньган — букв. «три руководящих начала», «треугольник», составлявший правление монастыря: шанцзо — старейшина, председатель, староста; сычжу — начальник монастыря, осуществлявший надзор за мирскими деяниями монашеской братии, и вэйна — третье должностное лицо, направлявшее духовную жизнь монахов.

[12] В тексте — цзи мэнь, букв. «ворота из трезубцев», почетный караул телохранителей. Украшение из копий было знаком достоинства высокопостав-

ленных военачальников, копьями украшали их резиденции, а также присутственные места. Прохождение через «врата из копий» — здесь, очевидно, подразумеваются те, кто сдался и покорился своей участи, согласился служить противной стороне.

[13] Сыкун — название одного из высших почетных титулов, нечто вроде советника императора. Этот титул Чжан И-чао получил после освобождения в 861 г. Лянчжоу от тибетцев.

[14] В тексте — цзянцзюнь, генерал. Официально до 872 г. правителем округа считался цзедуши Чжан И-чао, но фактически всеми делами занимался его племянник Чжан Хуай-шэн.

[15] Яя — при династии Тан младший командный состав воинских подразделений, а в период Пяти династий (907—959) и в начале Сун (960—1126) военно-полицейские чины, основные функции которых были связаны с охраной казенного имущества, мест расположения административных учреждений и т. п.

[16] Пи — единица измерения тканей, кусок. Его установленные стандартные размеры составляли 4 чжана (40 чи)×1,8 чи (см. примеч. 22). По дуньхуанским документам, размеры пи колебались от 36 до 40 чи, при ширине от 1,8—1,9 до 2—2,6 чи, причем пи служил единицей измерения для всех видов тканей, кроме хэ (см. примеч. 21). Куски (пи) хлопчатобумажных тканей (де) были значительно меньше — от 25 до 27 чи.

[17] Эньшэ — специальные указы, издававшиеся императором при вступлении на престол или при провозглашении новой эры правления, а иногда вследствие стихийных бедствий. Они могли предусматривать смягчение мер наказания для осужденных или смягчение бремени определенной категории недоимщиков, а также задолжников по казенным и частным ссудам и различного рода сделкам, которые могли быть опротестованы. Подробнее об этом см. [14, с. 751—755].

[18] Лоулин — название ткани. В словарях не зафиксировано Очевидно, сокращенное от лоуцзилин — местного названия ткани, изготовленной на ярусном ткацком станке.

[19] В тексте — цзеян (валух). Обратим внимание, что первый знак этого термина (цзе) был принят для обозначения «северных варваров», населявших во II—IV вв. район современной провинции Шаньси. С названием этого племени, видимо, связано и появление в Танском Китае цзегу — цзеских барабанов.

[20] Дуань — отрез, кусок, единица измерения грубых, некачественных сортов ткани. Ни в одном из известных нам контрактов о займе тканей величины дуаня (в отличие от пи, см. примеч. 16) ничего не указано.

[21] Хэ — сорт грубой шерстяной ткани, дерюжка. Байхэ — очевидно, сокращенное от байчоухэ, белая (неокрашенная) ткань, выработанная из некачественной пряжи, из очесов.

[22] Чжан — мера длины, равная 10 чи. При династиях Тан и У-дай чи равнялся 31,1 см.

1. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. М., 1983.
2. *Чугуевский Л. И.* Фрагмент фаншу из дуньхуанского фонда ИНА АН СССР.— ПП и ПИКНВ, IV. Л., 1968.
3. *Чугуевский Л. И.* Китайские документы о выдаче зерна под проценты в эпоху династии Тан (Из дуньхуанского фонда ЛО ИВ СССР).— ПП и ПИКНВ, V. Л., 1969.
4. *Чугуевский Л. И.* Заемные документы из Дуньхуана.— ПП и ПИКНВ, VII. Л., 1971.
5. *Чугуевский Л. И.* Хозяйственные документы буддийских монастырей в Дуньхуане.— ПП и ПИКНВ, VIII. М., 1972.
6. *Чугуевский Л. И.* Материалы к характеристике непосредственных производителей, работавших в монастырских хозяйствах в Дуньхуане.— ПП и ПИКНВ, IX. М., 1973.
7. *Чугуевский Л. И.* К вопросу о формах личной зависимости в Дуньхуане.— ПП и ПИКНВ, XI. М., 1975.

8. *Чугуевский Л. И.* О крепостных крестьянах при буддийских монастырях в Дуньхуане (VIII—X вв.).— Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1976.
9. *Чугуевский Л. И.* Китайские юридические документы из Дуньхуана (Заемные документы).— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974. М., 1981.
10. *Чугуевский Л. И.* Мирские объединения шэ при буддийских монастырях в Дуньхуане.— Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982.
11. Дуньхуан цзыляо (Материалы из Дуньхуана). Вып. 1. Пекин, 1961.
12. *Икэда Он.* Тюгоку кодай сэкитё кэнкю. Гайкан, рокубун (Древнекитайские регистровые записи. Общий обзор. Тексты).— Токио дайгаку тоё бунка кэнкюдзё хококу. Токио, 1979.
13. *Наба Тосисада.* Рёко ко (К изучению лянху).— Сина буккё сигаку. Т. 2. 1938, № 4.
14. *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэйси кэнкю. Тотихо. Торихикихо (Исследования по истории китайского законодательства. Земельное право. Торговое право). Токио. 1960.
15. *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэйси кэнкю. Дорэй нодохо. Кадзоку сонракухо (Исследования по истории китайского законодательства. Рабство и крепостничество. Семейная и сельская община). Токио, 1962.
16. *Тикуса Масааки.* Тонко-но дзико-ни цуйтэ (О дуньхуанских сыху).— Сирин. Т. 44. 1961, № 5.
17. *Тикуса Масааки.* Тонко-но сокан сэйдо (Система монастырской иерархии в Дуньхуане).— Тохо гакухо. Киото. Т. 31. 1961.
18. *Фудзиэда Акира.* Сасю кикигун сэцудоси симацу (История шачжоуских цзедуши).— Тохо гакухо. Токио. Т. 13. 1943, № 2.
19. *Фудзиэда Акира.* Тобан сихайки-но Тонко (Дуньхуан в период тибетского завоевания).— Тохо гакухо. Киото. Т. 31. 1961.
20. *Фудзиэда Акира.* Тонко-но сони сэки (Списки буддийских монахов и монахинь в Дуньхуане).— Тохо гакухо. Киото. Т. 29. 1959.
21. *Фудзиэда Акира.* Тонко хаккэн-но тибэттого бунсё сисяку (Интерпретация документов на тибетском языке, найденных в Дуньхуане). Юбоку сякай си танкю. 1963, № 23.
22. *Хори Тосикадзу.* Киндэнсэй-но кэнкю. Тюгоку кодай кокка-но тоти сэйсаку то тоти сёюсэй (Исследования по системе «равных полей». Аграрная политика древнекитайских империй и земельная собственность). Токио, 1975.
23. *Цзинь Юйфу.* Цун Юйлиньку бихуа гэнцзоту таньдао сыюань цзинцзи (Монастырские хозяйства периода династии Тан в настенной росписи пещерного комплекса Юйлиньку).— Каогу сюёэбао. 1957, № 2 (16).
24. *Цукамото Дзэнрю.* Сина буккёси кэнкю. Хокуги хэн (Исследования по истории буддизма в Китае. Период династии Северная Вэй). Токио, 1969.
25. Čuguevskii L. I. Touen-houang du VIII-e- au X-e siècle.— Ecole pratique des hautes études. Paris. Sect. 4. Hautes études orientales. 17 (Nouvelles contributions aus études de Touen-houang). Genève, 1981.
26. *Gernet J.* Les aspects économiques du Bouddhisme dans la société Chinoise du V-e au X-e siécle.— Publications de l'école Française d'extrême-orient. T. 39. Saigon, 1956.
27. *Giles L.* Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tun-huang in the British Museum. L., 1957.
28. *Twitchett D. C.* Monastic Estates in T'ang China.— Asia Major. N. S., 1956, vol. 5.
29. *Twitchett D. C.* Monasteries and China Economy in Medieval times.— Bulletin of the School of Orient and African Studies, 1957, vol. 19.

М. В. Воробьев

РАБЫ В КОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ С ДРЕВНОСТИ И ДО X в. (КАТЕГОРИИ НОБИ, КУ, СЭНКУ)

Предлагаемая тема представляет, на наш взгляд, определенный интерес, несмотря на сознательное ограничение ее указанными категориями населения и на досадные скудность, отрывочность и противоречивость данных по этому вопросу. Безусловно, представление о целой категории населения (или хотя бы ее костяке) на протяжении многовекового периода небесполезно для историка само по себе, и интерес к этому только возрастает, когда встает вопрос о том, к какой формации или исторической эпохе отнести этот длительный период: к рабовладельческой или феодальной, — в этой ситуации проблема рабства, естественно, приобретает ключевое значение.

Вопрос этот заинтересовал ученых еще в конце прошлого века [39] и имеет свою историю. Мы не будем излагать ее здесь подробно, поскольку историография по этому вопросу хорошо освещена в советском корееведении [12, с. 90—142]. Необходимо здесь лишь напомнить о следующем. Когда вскоре после освобождения Кореи от японских захватчиков в научной литературе КНДР прозвучало утверждение о существовании в далеком прошлом Кореи рабовладельческой эпохи [18], оно строилось на более ранних высказываниях видного корейского ученого Пэк Намъуна и некоторых других историков марксистского направления [20] уже тогда, в 30-х годах. После появления в КНДР историков нового поколения (50-е годы XX в.) началась оживленная и длительная дискуссия о формационной принадлежности древней и средневековой истории страны, а именно трех государств — Когурё, Пэкче и Силла, породившая многочисленные публикации на эту тему. Здесь мы упомянем лишь один, наиболее важный сборник статей [22], а также рассмотрим отклики и критику на эти публикации за пределами КНДР, в том числе в СССР [10; 13]. Отстаивавшие тезис о существовании рабовладельческой формации в период Трех государств основывались на идее обязательности прохождения любого общества через все формации. Этот тезис был принят как официальная концепция в исторической литературе КНДР. Он нашел воплощение в главнейших, сводных работах по истории Кореи

[6, с. 55, 61, 67; 7; 30, с. 14]. Критика этой концепции в СССР и в некоторых других странах в специальных работах, а также в рецензиях на корейские труды [6, предисл.; 8], в монографиях по истории Кореи, в которых на обширном и разнообразном материале создавалась иная, более объективная и обоснованная фактами картина корейского прошлого, не оказала заметного влияния на эту официальную точку зрения в КНДР [3; 5; 12].

Разумеется, историки других стран, в частности Южной Кореи [17; 26, с. 238—245], Японии [25; 23], США [34], также приняли участие в обсуждении этого вопроса. Однако, хотя их работы избежали указанных крайностей, достигнуто это было дорогой ценой — отказом от марксистского подхода к изучению исторических процессов.

Поскольку сторонники и противники упомянутой концепции работают на одном и том же материале, полезно рассмотреть этот материал (точнее, его основную часть) вне зависимости от той или иной концепции. Это возможно проделать с историческими категориями, довольно четко оформленными и стабильными. Таковыми и являются рабы в собственном смысле этого слова (ноби, нобок), невольники (ку), иноземные рабы-пленники (сэнку) и т. д. Во всех средневековых дальневосточных источниках они сохраняют сущностное свое значение. Раб (ноби) всегда был рабом — в античном ли, средневековом, американском плантаторском, современном ли арабском («домашнем») значениях этого слова. В самой Корее категория «ноби», например, существовала на протяжении всей истории страны [14; 15], вплоть до нового времени, когда отчетливо оценивалась современниками как рабская [24; 33]. По этой же причине мы сейчас исключили из рассмотрения другие категории населения средневековой Кореи разной степени зависимости, даже по типу рабской, например категории «низших дворов» («хахо»), о которой «Вэй чжи» в разделе о пуё (кит. «фуюй») говорит: «В селениях живут богатые люди, а те, которые называются низшими дворами (хахо), сплошь являются подневольными (нобок)» [11, с. 117], т. е. по принятому и более точному значению термина — рабскими (так и перевел это слово Н. В. Кюнер).

Рассмотрение этих категорий древнего и средневекового населения Кореи в особой статье (кстати, насколько можно судить, первой, специально посвященной этому вопросу) нам представляется целесообразным и по такой причине. В пылу дискуссии вольно или невольно значение и характер этих категорий иногда искажаются, часто видоизменяются. Сторонники рабовладельческой концепции легко записывают в рабы всех подаренных знати, отданных в «кормление», принесенных в дань, пленных и преступников, а рабов — непременно в производственники, в землепашцы. Противники этой концепции иногда склонны считать ноби просто зависимыми, крепостными земледельцами. В словаре корейских терминов, приложенных к «Истории Кореи» (т. 1), этот термин получил двоякий перевод:

«раб», «крепостной» [5, с. 444], в тексте же он переводится и объясняется по-разному [5, с. 47, с. 50, 55, 90], но значение «крепостной» он приобретает в этом труде лишь начиная с X в. [5, с. 118]. В некоторых работах довольно категорически ноби рассматриваются и в значении рабов, и в значении крепостных, связываются (прежде всего) с земледелием, но именно эти утверждения лишены ссылок на конкретный материал, подкрепляющий такие утверждения [12, с. 167, 213].

В основу нашей статьи мы положили материал «Самгук саги» — древнейшего из сохранившихся корейских исторических источников [8; 21]. Поступая таким образом, мы считаем, что, хотя этот источник авторский (составлен Ким Бусиком около 1145 г.) по своему характеру, он обладает сравнительно высоким уровнем нарративной репрезентативности [32]. Кроме того, мы использовали материалы из специальных разделов — цзюаней — китайских летописей: «Ши цзи», цз. 115; «Хоу хань шу», цз. 115; «Вэй чжи», цз. 30 (часть «Сань го чжи»); «Цзинь шу», цз. 97; «Чжоу шу», цз. 49; «Лян шу», цз. 54; «Нань ши», цз. 79; «Бэй ши», цз. 94; «Цзю Тан шу», цз. 199; «Синь Тан шу», цз. 220 — в оригинале (такие источники помещены в разделе «Литература») или в переводах Н. Я. Бичурина [1], Н. В. Кюнера [9], М. Н. Пака [11], при необходимости проверенных по оригиналам. Значительная часть интересующих нас материалов в этих китайских источниках не датирована сколько-нибудь точно. Более подробные сведения об этих китайских источниках можно отыскать и во введениях к упомянутым русским переводам (ср. [37; 38]).

Одной из ранних форм порабощения на Дальнем Востоке признается превращение преступников в рабов. В среде народности древняя чосон, жившей в Восточной Маньчжурии и северных пределах Кореи еще до нашей эры, по «Ши цзи», из «трех запретительных статей», введенных легендарным Киджа [1, с. 14], одна утверждает, что вор, не внесший пеню, становится рабом в доме потерпевшего [2]. Несколько позднее у пуё, обитавших в Северо-Восточной Маньчжурии и в Северной Корее, как утверждает «Вэй чжи», «убийца наказывается смертью, а его семейство обращается в ноби» [11, с. 117], т. е. в рабство. По тому же источнику, у когурё, живших южнее пуё, «преступников, обсудив [их дело], тотчас убивают. Отдают жену и сыновей (детей) в рабство» [9, с. 232]. Как можно судить по несколько более позднему источнику — «Нань ши», речь идет о казенном рабстве. У когурё «важного преступника немедленно предают смерти, а семейство его берут в казну» [1, с. 38]. Правда, неясно, кого в последнем случае считают важным преступником. На этот вопрос, возможно, отвечает еще более поздний источник — «Синь Тан шу»: у когурё «законы строги, и потому мало мятежников. Их жарят на огне и потом отрубают им головы, а семейства их отписывают в казну. Укравший быка или лошадь берется в невольники» [1, с. 100], т. е. ноби, или рабы.

«Чжоу шу» содержит интересный вариант сообщения о порабощении за неуплату долга, но не простого, а пеней: в Когурё «за покраденное платят вдесятеро; если по бедности не могут возместить... их детей и жену делают рабами и тем покрывают их долг» [29, с. 251]. О положении в Пэкче сведения схожие, но несколько оригинальные. Судя по «Бэй ши», в Пэкче (юго-западная часть полуострова) «жена за прелюбодеяние делается в мужнем доме невольницей» [1, с. 64], точнее, рабыней. Вероятно, такому наказанию сопутствовал развод. Правда, это имело какой-то смысл лишь в состоятельной, рабовладельческой семье и было бессмысленно в семье бедной. Порабощение за другие преступления и, безусловно, за убийство в Пэкче также существовало, как и возможность откупиться от полагающегося порабощения. Согласно «Синь Тан шу», в Пэкче «по их законам бунтовщикам — смертная казнь и опись семейства в казну; убийца откупался от наказания предоставлением трех невольниц» [1, с. 124], точнее, рабынь. Прямых сведений о порабощении за преступления в Силла нет, но вряд ли страна избежала этой формы порабощения.

На основании процитированных отрывков можно сделать заключение о том, что в Корее существовало порабощение за серьезные преступления: бунт, убийство, грабеж, измену мужу, причем только в случае с бунтом и убийством можно твердо говорить о порабощении всего семейства виновного (жены и детей); уже за грабеж и измену мужу порабощали только непосредственного виновника или виновную. Что еще подразумевалось под «важными преступлениями», как уже говорилось, точно неизвестно. Но, судя по тому, что в этом (и только в этом) случае речь идет о казенном порабощении, имеются в виду преступления, важные с точки зрения общества или государства (ср. «десять зол» китайского права). Неизвестно, куда попадали порабощаемые семьи убийц — в казну или в семью потерпевшего. Последняя идея наиболее откровенно воплотилась в наказании за супружескую измену. Следующее по очереди, но не по важности замечание необходимо сделать по поводу пени за убийство в Пэкче. Именно на подобных цитатах строятся теории рабовладельческой формации в Корее. Всеобщность такой пени, конечно, предполагает развитое рабовладение, однако оно, как мы увидим дальше, не обнаруживается в иных ситуациях, весьма благоприятных с точки зрения возможности его обнаружения. Поэтому в данном случае подразумевался, видимо, только такой убийца, который имел рабов.

Пожалуй, столь же древней формой порабощения в Корее оказалось превращение в рабов пленных и военнопленных. Точно зафиксированных случаев такого порабощения, однако, не так уж и много. На стеле, прославляющей деяния когурёского Квангэтхо-вана, можно прочесть, что он в 396 г. захватил в столице государства Пэкче тысячу пленных-рабов (сэнку) [4, с. 57]. Зафиксировано, что веком раньше, на рубеже нашей эры, среди

обитавших на юге Корейского полуострова ханей (точнее, чинханей) жили китайцы, «которые говорили», что их 1,5 тыс. и что они подверглись нападению ханей, когда рубили строевой лес, и были взяты в плен. «Всем обрезали волосы, и всех сделали рабами. Уже прошло три года» [9, с. 239]. Когда же некий китаец вывел тысячу (из 1,5 тыс.) китайцев в Лолан — китайскую префектуру в Корее, власти потребовали остальных 500 человек. Правитель же ханей заявил, что те умерли, но ему пришлось за них выдать 15 тыс. ханей и 15 тыс. кусков полотна, т. е. более чем десятикратную пеню.

В 4 г., по традиционной хронологии, пэкческий военачальник разбил народность мохэ (кор. мальгаль) в Маньчжурии, «захватил в плен пленников-рабов (сэнку) и раздарил офицерам и солдатам» [21, XXIII, с. 317]. Значительно позднее, в 668 г., правители Силла, расположенного на юго-востоке Корейского полуострова, жаловались, что Пэкче «захватывало [их] поля, заманивало и уводило [их] ноби и подданных, которых скрывали во внутренних районах и отказывались возвращать, несмотря на неоднократные требования» [8, VII, с. 190]. В примечаниях к этой цитате М. Н. Пак объясняет, что термин «ноби» может быть переведен и как «раб», и как «крепостной»; он, правда, склонялся к последнему переводу, поскольку эта категория населения называлась вместе с подданными [8, с. 324, примеч. 43]. Для нас рабское состояние этого контингента определяется как его терминологическим оформлением, так и свободным «уводом» людей с земли. Если же принять трактовку М. Н. Пака, то требуется разъяснить социальную принадлежность «подданных», что не сделано.

«Самгук саги» пестрят сообщениями о стычках, войнах и пленных. Часто судьба этих пленных не раскрывается. Но известно, что в 302 г. когурёсцы «вторглись в префектуру Сюаньду, взяли в плен 8 тыс. человек, переселили их под Пхеньян» [21, XVII, с. 240]. Если здесь имеется в виду китайская префектура в Корее, то в 642 г. пэкчесцы при осаде силлаского города «захватили живыми тысячу с лишним мужчин и женщин; расселили их по округам и уездам и в западной части страны» [21, XXVIII, с. 368]. Социальный статус расселенных неизвестен. В 369 г. пэкческие войска «захватили 5 тысяч с лишним [когурёсцев]. Пленных распределили в дар между офицерами и солдатами» [21, XXXV, с. 335]. Как и в случае с раздачей пленных в 4 г., положение раздариваемых не определено.

Вместе с тем известно, что пленным часто ничего не угрожало. Так, в 661 г. при переправе через р. Ялу (Амноккан) когурёсцы убили 30 тыс. китайцев и их союзников, а остальных взяли в плен. Немногих мужчин отпустили [21, XXII, с. 305]. Часто отпускали не безвозмездно. По «Хоу Хань шу», племя емэк (кит. вэймо), заселявшее центральные районы страны, отдавало пленных китайцев (ханьцев) за выкуп: за тяглового взрослого мужчину брали 40 кусков шелка, за детей — по

20 кусков шелка [1, с. 28]. Иногда возвращение таких пленных следовало после ответного набега. В 167 г. «пэкчесцы взяли в плен тысячу человек народа и ушли... [после ответного похода] Пэкче возвратило взятых в плен мужчин и женщин...» [8, II, с. 92]. Случалось, пленным солдатам отрубали головы, как это было в Силла в 660 г. [8, V, с. 162] или в Когурё в 246 г. [21, XVII, с. 236]. Чин Хвон, правитель Ху Пэкче (Позднего Пэкче), напал на лагерь вана Силла. Приближенные последнего «на коленях умоляли [врагов] взять [их] в рабы (нобок), но не избежали [смерти]» [8, XII, с. 289, 927 г.].

Мы не пожалели примеров, чтобы показать, что пленение не всегда завершалось порабощением, причем вариантов судьбы таких пленных несколько. А между тем в любом сколько-нибудь развитом рабовладельческом обществе порабощение военнопленных служило одним из важнейших источников пополнения контингента рабов. Только ради этого часто и велись войны.

Сходное положение можно наблюдать в вопросе о судьбе голодающих, обездоленных и бродяг — обитателей Корейского полуострова — потенциальных кандидатов в порабощаемые. В Пэкче в 382 г. «народ голодал; дошло до того, что продавали детей; Ван выкупил их казенным зерном» [21, XXV, с. 336]. В Силла в 420 г. «весной и летом (стояла) сильная засуха... поэтому народ голодал, и некоторые люди продавали своих детей» [8, III, с. 115]; в 628 г. «осенью и зимой народ голодал, некоторые продавали своих детей» [8, IV, с. 143]; еще через 200 лет, в 821 г., «весной народ голодал, и [многие] продавали детей, чтобы прожить самим» [8, X, с. 254].

Известна интересная история о самопродаже в рабство в классическом конфуцианском духе. В биографии «преданной дочери Чиын», жившей в Силла при Хёгонъ-ване (897—911), рассказывается о том, как Чиын, лишившись отца, в течение многих лет содержала свою мать. Когда стало нечем ее кормить, она стала просить милостыню. Наконец, когда положение стало безвыходным, «богатая семья предложила ей продать себя в рабство; [она] получила 10 с лишним соков зерна (свыше 1800 л по современному значению меры. — *М. В.*); в нужде отбывала повинность в этой семье». Однажды ее увидел на прогулке сын Хёгонъ-вана, «упросил родителей послать семье 100 соков проса (18 тыс. л.— *М. В.*) и пожаловать им одежды, тем самым возместив хозяину покупку и освободив ее» [21, XLVIII, с. 688]. Обратим внимание на то, что и в этом случае, как в эпизоде с пленными китайцами-рабами из Лолана, речь идет о десятикратном возмещении.

Разумеется, случаи самопродажи могли быть повсеместны, хотя и относительно периодичны, постоянны, но локальны. Применительно ко всем зафиксированным «Самгук саги» неурожаям и голодовкам упоминаний о самопродаже сравнительно немного. В отдельных случаях на помощь приходило правительство. Например, в Когурё в 180 г., по традиционной хронологии,

«народ голодал, тогда открыли казенные амбары и оказали помощь» [21, XVI, с. 230]. В Пэкче в 247 г. во время голода открыли государственные житницы, отложили на год уплату налогов и податей [21, XXIV, с. 329]. В Силла в 786 г. «в ванском городе народ голодал, поэтому для оказания ему помощи было выдано 33 240 соков зерна (проса)» [8, X, с. 242]. Разумеется, не всегда, а скорее в порядке исключения правительство помогало голодающим. Так, известно, что в Пэкче в 208 г. осенью напала саранча, хлеб не вырос, разбойники умножились и ван усмирял их [21, XXIII, с. 325]. В том же государстве в 447 г. «хлеба́ не вызрели, народ голодал, во множестве убегал в Силла» [21, XXV, с. 343]. Против разбойников, беглых, а по-видимому, и просто голодающих в разных государствах полуострова принимались одинаково жестокие меры. Так, в Когурё в 300 г. во время голода «люди поедали друг друга». Народ изголодался, измучился от повинностей и пустился в бега. «Великий ван без раздумья превращал голодающих в невольников (ку)» [21, XVII, с. 244]. В Пэкче в 507 г. «превратили в невольников (ку) бродяг и нищих повсеместно и вернули к землепашеству» [21, XXVI, с. 356].

Из приведенных примеров ясно, что проблема беглых и голодающих от неурожаев, стихийных бедствий, войн разрешалась разными путями. И только один из них, причем не самый частый в источниках, вел либо к продаже детей в рабство, либо к казенному порабощению. Случаев подлинной самопродажи зафиксировано меньше, и это могло происходить в особых ситуациях, но о том, что такие факты наблюдались, равно как и случаи продажи в рабство жен, свидетельствует и следующая история, случившаяся в Силла. Когда в 755 г. «весной зерно вздорожало и народ голодал, бедняк Хяндок, не имея пищи, чтобы накормить своего отца, отрезал кусок мяса от своей ноги, но не продал себя или жену и детей в неволю» [8, IX, с. 228]. Следовательно, иногда такая продажа осуществлялась.

Любопытно сочетание казенного порабощения нищих в Пэкче и Когурё с казенным же выкупом в 382 г. в Пэкче проданных в рабство детей. Кажущееся противоречие, вероятно, снимается тем, что казна выкупала из частного рабства нетрудоспособных детей (при этом, очевидно, имели место и определенные этические соображения) и порабощала работоспособных нищих и бродяг. Однако при всем этом в нарисованной выше картине не ощущается разгул кабального рабства, казенного или частного, свойственного рабовладельческим обществам в аналогичных ситуациях (неурожаи, голод, война).

Наконец, существовала еще одна форма порабощения — долговое рабство. По «Бэй ши», в Когурё «ежели кто по бедности не в состоянии заплатить казенный или частный долг, то для уплаты продают обоего пола детей в неволю» [1, с. 58]. По «Чжоу шу», это порабощение распространялось и на не уплативших пеню за воровство. На юге страны, в Силла, согласно

«Синь Тан шу», «не заплативший долга отдается в неволю» [1, с. 130]. В приведенных примерах недостаточно ясно, о каком «казенном долге» идет речь. Заманчиво считать, что подразумеваются недоимки, но этому противоречит многовековая практика во всем дальневосточном ареале. Вероятно, имеется в виду конкретный долг, возможно пеня за преступление.

О положении рабов и их численности, об использовании их труда в интересующее нас время в Корее известно досадно мало. Об использовании труда рабов в производстве не говорится почти ничего. Лишь эпизод, происшедший в Пэкче в 507 г., свидетельствует об использовании труда невольников в землепашестве. В прочих случаях говорится о применении труда рабов в домашнем обиходе, причем, как правило, на непроизводственных занятиях. По-видимому, пережитком старого обычая явилось использование труда рабов в поминальном культе. Как утверждает «Цзинь шу», у пуё «с умершими хоронились живые люди» [9, с. 254]. Такая практика, похоже, была повсеместной и держалась долго. В «Самгук саги» в разделе о Силла под 502 г. рассказывается: «Если раньше умирал правитель государства, то убивали по пять мужчин и женщин для захоронения [вместе с ним], но отныне это запрещено» [8, IV, с. 125]. Стремление видеть в этом факте непременно рост производственного значения рабов, «сберегаемых» таким образом [6, с. 66], по нашему мнению, ничем существенным не подкрепляется. В равной мере в этом факте можно видеть проявление определенной зрелости моральных представлений, связанных с распространением буддизма и конфуцианства.

Рабы часто исполняли (а иногда отказывались исполнять!) довольно щекотливые поручения своих хозяев. Так, в 102 г., по традиционной хронологии, силлаский ван Суро «приказал рабу Танхари убить правителя... раб убежал и скрылся в доме [другого] правителя... ван потребовал [выдачи] этого раба, но [тот] не выдал; ван разгневался и двинул войска» [8, I, с. 84]. Неизвестно, чем кончилась схватка из-за раба, но «Самгук саги» не обходит вниманием примеры верности и доблести рабов. Около 685 г. пленные пэкчесцы стали домашними рабами силласца Им Ча. Рабы по разрешению хозяина посещали Пэкче и извещали Им Ча о положении в этой стране. Последний, в свою очередь, делился этими сведениями с вышестоящими лицами. Когда поинтересовались источником и достоверностью этой информации, он ответил: «Рабы сами говорили, что считают себя людьми [нашей] страны» [21, XLII, с. 621]. В этом примере летописец уверяет нас в необычайной привязанности иноземцев-рабов к своим хозяевам, превосходившей тягу к собственной родине, которую они утратили. В 20-е годы VII в. силлаский Нулчхви имел очень сильного слугу-раба, хорошо стрелявшего из лука. Окружающие говорили хозяину: «Маленький человек, а обладает необычайным талантом. [Пока] молод и не стал вредным — следует удалить его». Нулчхви не послушался. «Когда же город

пал и ворвались разбойники, раб натянул лук и наставил стрелу. Встал перед Нулчхви и стрелял без промаха. Разбойники в страхе не смели продвинуться. Только один разбойник выскочил [вперед], топором ударил Нулчхви и повалил. Раб сразился с ними и всех убил» [21, XLVII, с. 675].

Изменения в положении неполноправных людей не всегда кончались порабощением, как таковым, хотя, если не считать факта освобождения, эти изменения носили относительно частный характер. Рабы могли сменить хозяина не по своей воле. В Силла в 662 г. «при определении наград поровну делили сокровища, земельные угодья и рабов (нобок) дворца Понпхи» [8, VI, с. 167]. Рабы, по-видимому, могли переходить, также не по своей воле, из казны в частное владение. В 919 г. Тхэчжо — правитель государства Корё — своему полководцу за победу «пожаловал в кормление город Янчжу, а также подарил золотую парчу, иноземные украшения, рабов и рабынь — по 40 душ каждых, десять коней из дворцовой конюшни» [21, L, с. 712]. Поскольку в этом крупном пожаловании отсутствует земля, это до известной степени предопределяет назначение рабов (кстати, их не слишком много по сравнению с населением целого города, отданного в кормление полководцу). Зато в следующем примере есть пожалование землей, но как будто нет рабов: в 563 г., награждая полководца Садахама за победу над государством Кара, силлаский «ван дал [ему] в награду добротные земли и 200 пленных». Садахам трижды отказывался от дара, а потом отпустил пленных на свободу [8, IV, с. 134]. Поскольку от земель Садахам не отказался, он явно выразил свое отрицательное отношение к рабам как к возможным земледельцам.

Рабы служили объектом купли-продажи. В источнике рассказывается, как некий когурёский князь, живший при Пхёнъвонване (559—590), «продал золотые браслеты, купил поле и дом, рабов и рабынь, коров и лошадей, а также утварь» [21, XLV, с. 660—661] и при этом еще предостерегал других от покупки на рынке коров и людей, которые могут оказаться негодными.

Наконец, существовала еще одна обширная область применения рабов — это отправка их по инициативе племен, вождей и государей в качестве подарка или дани другому государю или народности. В этом случае общественная власть на любом уровне своего развития выступала уже не только как инициатор такой отправки, но и как владелец контингента рабов. Известно всего несколько случаев посылки такой дани и за пределы Корейского полуострова, хотя таких случаев вполне могло быть больше. В первые века нашей эры, по «Вэй чжи», племя окчо (кит. воцзюй), жившее на северо-востоке полуострова, должно было «отправлять красивых девушек, которых [в Когурё] превращали в наложниц и обходились с ними как с нобок» [11, с. 124], т. е. как с рабынями. В этом случае, правда, рабское состояние наложниц охарактеризовано косвенно. Судя по со-

держанию надписи на стеле Квангэтхо-вана, этот когурёский правитель в 396 г. заставил уплатить короля Пэкче дань — тысячу рабов обоего пола: «Ван [страны] Пэкча (т. е. Пэкче.— *М. В.*)... принес в дар пленников-рабов (сэнку), мужчин и женщин, тысячу человек» [4, с. 78]. По сообщению «Нихонги», в легендарном 200 году... правитель Силла обещал правительнице страны Ямато: «Ежегодно... будем посылать мужчин и женщин в дань» [36, IX, 10].

В вышеприведенных случаях дань рабами выступает как вынужденная повинность народности или правителя в результате их военного поражения или иного давления. Однако порабощение корейцев осуществлялось победителями и непосредственно. Согласно «Цзинь шу», сяньбийцы из рода муюн, жившие в Маньчжурии, в III в. нападали на государя народа пуё (кит. фуюй), «его соплеменников продавали в Срединное царство. [Китайский] император жалел их, издал повеление на казенный счет выкупать и возвращать их, поселял в двух областях (Сы и Цзи: в Шаньси и Хэнани.— *Н. К.*), запретил торговать фуюйскими рабами» [9, с. 252]. В пограничных стычках между Когурё и китайским государством Ци (480—502) цисцы в течение долгого времени «убивают и калечат наших людей (когурёсцев. — *М. В.*), берут в плен крепких и здоровых и обезглавливают их, захватывают в плен юных и малых и заставляют их служить рабами» [21, XLII, с. 625—626]. В этом случае заранее предусматривалось будущее использование порабощаемых для услуг по дому, а не для производственных, полевых работ, для которых больше подходили «крепкие и здоровые». Танские войска, по «Цзю Тан шу», при взятии Ляочжоу (Ляодунчэна) в 645 г. «захватили и распределили 14 тыс. рабов» [28, с. 1663]. По приказу танского императора их, однако, выкупили на свободу за счет казны. В «Синь Тан шу» этот эпизод выглядит несколько иначе: «Сдавшиеся в Ляо-чжоу 14 тыс. человек должны были пойти в неволю» [1, с. 116] с последующим выкупом тканями. В обеих версиях выступает явная незаинтересованность в рабах со стороны верховной власти, но не китайских солдат и офицеров.

В других случаях речь идет о дани-подарках, куда могли входить рабы, но чаще не входили. Несмотря на значительное число посольств, отправляемых корейскими народностями и государствами в Китай и Японию на протяжении столетий, рабы, да и вообще люди, как правило, отсутствовали в перечне подарков, часто обширном [35; 31]. В 637 г. из Пэкче в Танскую империю отправилось посольство, но в перечне подарков нет рабов [21, XXVII, с. 367]. В 869 г. Силла отправила танскому императору подарки. В подробном перечне (свыше 30 названий) рабы также не упомянуты [8, XI, с. 365].

Мы коснулись лишь случаев, когда летописи сохранили большие перечни посольских подарков, и то выборочно.

Однако известно, что в 424—453 гг., по «Лян шу», пэкческий

ван преподнес двору династии Лю Сун рабов-пленников (сэнку) [19, с. 269]. В 723 г. силлаский «ван отправил к тан[скому императору] посла, чтобы преподнести двух красивых девушек... когда же отправили их, снабдив, согласно обычаю, одеждой, посудой, ноби, а также лошадьми и повозками», китайский император вернул девушек как «находящихся в родстве с ваном» [8, VIII, с. 215]. В примечании к переводу М. Н. Пак раскрывает значение «ноби» в тексте как «крепостная прислуга», хотя терминологически речь идет о рабах. В данном случае обращает на себя внимание двусословный состав даримых в Китай людей: знатных девушек, а также рабов и рабынь. Возврат девушек (но не их сопровождения!) выглядит как своеобразная любезность (возможно, по этой причине случай и попал в «Самгук саги»), не нарушавшая заведенного обычая. Во всяком случае, в 839 г. силлаский посол «преподнес наместнику Цзицына (китайскому.— *М. В.*) ноби (невольников.— *М. В.*), но, когда об этом узнал император [Тан], он пожалел людей из дальних пределов и своим указом велел возвратить их [на родину]» [8, X, с. 262]. И этот случай зафиксирован в источнике, очевидно, по сходной причине — отказа от дара.

Для нас же важно одно: поскольку вообще существовал такой факт — отправка даров, — постольку мы и можем предположить, что когда-то их и принимали.

В ходе сношений корейских государств с Японией (Ямато) в эту страну попало некоторое число рабов-корейцев и некорейцев [35, с. 486—510, 1049—1059]. В 300 г. ван Силла послал в Ямато корабельщиков, из которых была сформирована там корпорация несвободных под названием Вина [36, X, 18]. В 543 г. ван Пэкче подарил царю Ямато двух рабов [36, XIX, 14]. В 550 г. ван Пэкче преподнес царю Ямато шесть рабов-когурёсцев [36, XIX, 32]. В 554 г. ван Пэкче подарил царю Ямато двух мужчин и пять женщин, взятых им в плен при падении города, людей «столь незначительной ценности, что он даже боится вспомнить о них» [36, XIX, 43]. В 660 г. министр государства Пэкче послал в дар японской императрице свыше 100 китайских пленных-рабов [36, XXVI, 21]. Перечень можно было бы несколько расширить, но и предложенные примеры иллюстрируют главные черты таких даров: выбор для отправки в дар предпочтительно пленных-рабов из иноземцев, причем в весьма ограниченном количестве, хотя, возможно, и отличающихся какими-то особыми качествами, нам, однако, неизвестными.

Корейскими рабами и зависимыми владело и окружение царей Ямато, правда, условия появления у них таких рабов неизвестны. В 465 г. один из приближенных правителя Ямато подарил другому шесть рабов-корейцев, которые были приписаны к корпорации несвободных слуг — якэбито-бэ [36, XIV, 30]. Присылка из Кореи зависимых людей, по всей вероятности, не была редкостью для Японии той эпохи. Недаром в 463 г. некий искусный мастер из окружения правителя Ямато заявил: «В Ко-

рее есть много более искусных мастеров, чем твой раб. Повели, чтобы их прислали служить тебе» [36, XIV, 20—21].

Положение и судьба попавших в рабство или в неволю, отношение к ним государства, общества, хозяев, их собственное отношение к неволе — это все вопросы, на которые невозможно дать исчерпывающие ответы, основанные на конкретном материале. Не приходится сомневаться, что в целом и на ранних этапах развития корейского общества положение рабов могло быть и было тяжелым, позднее эта форма зависимости обнаружила тенденцию к сближению с другими. Именно на ранних этапах в обычном праве широко применялось порабощение за преступления, а в обиходе время от времени использовали рабов в поминальном культе. Немалое значение для положения рабов имели форма и условия порабощения. Преступники-рабы попадали в условия, в которых им могли дать почувствовать всю тяжесть содеянных ими преступлений. Несостоятельных должников могли заставить отработать долг и проценты с лихвой. Но все это предположения. Безусловно, в тяжелом положении находились пленные, захваченные в большом числе, часто из-за «нераспорядительности» тех, в чьем ведении оказывались такие рабы, а это чаще всего были правитель, казна. Пример с 1,5 тыс. порабощенных пленных китайцев из Лолана, из которых за три года умерло 500 — впечатляющий факт. И вместе с тем в источнике не упоминается, что они надрывались на тяжелой работе, и, наоборот, говорится о том, как они сравнительно легко были «выведены» из рабства. Неудивительно, что именно к ранней поре рассматриваемого периода относятся сообщения о стремлении рабов любыми средствами обрести свободу. По «Вэй чжи», у ханей «в отдаленных местах вместе собираются ссыльные и рабы» [9, с. 241]. Если мы вспомним, что в начале нашей эры хани занимали южную оконечность Корейского полуострова, то тем более эту фразу трудно понять иначе как указание на бегство преступников и подневольных рабов в глухие, необжитые места страны. Не лучшим было положение корейских рабов и даже, по-видимому, подневольного корейского простонародья вне страны, например в Китае. Силласец Чэн Боко (Бао-гао) по возвращении из Китая, где он служил в войсках, на родине говорил: «Во всем Срединном государстве синьлосцев (силласцев) содержат невольниками» [1, с. 135]. Эту фразу из «Синь Тан шу» повторяет автор «Самгук саги» в биографии героя [21, XLIV, с. 646]. В Японии рабы, прибывшие из Кореи, оставались там рабами пожизненно. Даже лица зависимого статуса или простые переселенцы попадали в Японии в корпорации несвободных (бэ), и их положение было полурабским, во всяком случае, до середины VII в. [35, с. 205—211].

Примеры рабской верности и доблести, приводимые в «Самгук саги» и процитированные выше, не меняют общей картины, даже если они не приукрашены. Верные рабы и крепостные, готовые положить голову за господина, существовали и в самые

жестокие эпохи гнета. В одном из таких случаев, происшедшем с рабами Им Ча, наводит на размышление следующая фраза: «Рабы сами говорили, что считают себя людьми страны [хозяина]». В ее сути, возможно, скрывается объяснение своеобразия положения таких рабов: переселенные достаточно давно, возможно, в составе своих семей или целых деревень, не обладая по условиям этнического развития стойким этническим самосознанием, они вполне могли найти новую родину, если к тому же хозяин не выступал как слишком жестокий эксплуататор, а общая тенденция форм эксплуатации развивалась не в сторону рабской.

Однако в целом рабства боялись, рабство презирали и даже осуждали. Но если в боязни и презрении было много от непосредственного наблюдения и эмоционального отвращения к рабскому состоянию, то в его осуждении немало от расхожих рассуждений, облеченных в конфуцианскую оболочку. Бедняк Хяндок якобы предпочел вырезать из своей ноги кусок мяса и накормить им отца, но не продал в рабство ни себя, ни членов своей семьи. Поступок этот — не столько реальное разрешение проблемы голода, сколько ритуально-символическая дань сыновнему пиетету в конфуцианском духе. И хотя из страха перед смертью приближенные незадачливого вана Силла в 927 г. просили своих врагов взять их в рабы, другие поступали в аналогичных случаях иначе. В биографии пэкческого Кэбэка рассказывается, как в 660 г., отразив нападение армии Силла и убив 5 тыс. силласцев, он сетовал: «Люди одного государства противостоят огромной армии Тан и Силла. И невозможно предугадать, устоит или погибнет государство [Пэкче]. Боюсь, моих жену и детей заберут в рабы. Чем жить в позоре, лучше уж [им] умереть. И вслед за этим убил их» [21, XLVII, с. 683]. Правда, мы не знаем, как он распорядился своей жизнью, но отношение к порабощению близких он выразил предельно ясно. Косвенное презрение к рабскому состоянию в широких слоях населения выражено в обряде сватовства. Когурёсцы «в брачных обрядах не берут денег; если кто возьмет ценности, говорят, что он купил рабыню», — утверждает «Чжоу шу» [29, с. 251].

Не приходится удивляться, что осуждение рабства иногда звучало на официальном уровне. В 461 г. правитель Пэкче, раздраженный сожжением женщины, ранее посланной в услужение правителю Ямато, заявил: «Старый обычай отправки в дань женщин в услужение противен церемониям и роняет репутацию нашей страны. Впредь не посылать женщин в дань» [36, XIV, 16]. Но отправка рабов в Японию в качестве даров продолжалась и после этого заявления. Напомним, что аналогичные речи вели китайские императоры в тех случаях, когда они возвращали людей, посланных из Кореи в дар, или освобождали от порабощения пленных. Хотя в основе этих рассуждений лежит конфуцианское учение, тем не менее повторение таких речей свидетельствует о своеобразной «аболиционистской» на-

строенности в определенных кругах. Такая настроенность, по-видимому, не мешала рабству существовать, в том числе и в самом Китае, но она «срывала с него покров естественности» [24].

При всем этом рабство в Корее держалось стойко, возможно, потому, что не было столь широко распространено, чтобы вопрос о нем был поднят вообще. В источниках зафиксировано очень немного случаев освобождения рабов. Если не считать обмен пленными, возвращение китайских пленников-рабов из корейской неволи под угрозой применения силы или за выкуп, то можно говорить лишь о фактах выкупа ваном «преданной дочери Чиын» за 100 соков проса, выкупа казной продавших себя в рабство из-за голода, да еще о неясном факте, когда в Силла в 822 г. после разгрома Хочхана были казнены его родственники и единомышленники, «а их люди отпущены на волю» [8, X, с. 285]. По мнению М. Н. Пака, они были освобождены от крепостной зависимости [8, с. 336—337, примеч. 42], но с такой же долей вероятности можно предположить и освобождение от рабской или какой-нибудь иной зависимости.

Мы не знаем, сколь многочисленны и насколько богаты были корейские рабовладельцы. Единственное прямое свидетельство тому содержится в «Синь Тан шу»: «...в Силла в доме министра... молодых невольников (пажей) 3 тыс.» [1, с. 130]. Оно порождает споры терминологического характера [12, с. 229]. В оригинале использован термин «нодон». Его переводят как «паж» (Н. Я. Бичурин) или «латник» (М. Н. Пак). Отпущенные на волю 200 рабов из королевского пожалования могут служить лишь косвенным свидетельством возможного существования сравнительно крупных рабовладельческих контингентов у одного владельца. 1,5 тыс. пленных-рабов из Лолана также, по всей вероятности, находились в одних руках. Все другие группы рабов (пожалования, дань, пленные), о которых упоминают источники (разумеется, за исключением порабощенных китайцами или японцами), сравнительно малочисленны.

О цене рабов сведения единичные и случайные. Мы знаем лишь о трех случаях их оценки: 1) народность емэк брала в счет выкупа за раба-китайца 40 кусков шелка, за ребенка — 20 кусков (II—III вв.); 2) за 500 человек, умерших в рабстве у ханей, китайцев, выплачена пеня: 15 тыс. человек и 15 тыс. кусков полотна (до начала III в.); 3) «преданная матери Чиын» продала себя в рабство за 10 соков проса, а была выкуплена за 100 соков (рубеж X в.). Цены в первом и третьем случаях в целом укладываются в рамки цен на рабов, существовавших на Дальнем Востоке в течение столь длительного времени. Выкуп Чиын (за 100 соков) — королевский, поэтому о соразмерности его цены за рабыню говорить не приходится. Цена за рабов во втором примере нетипична. Ее необычайная величина, по-видимому, объясняется давлением со стороны властей Лолана.

Рассмотренные факты не дают возможности составить сколько-нибудь надежное и полное представление о месте ра

бов в хозяйстве страны до X в. За исключением единственного, очень краткого и неопределенного сообщения, ни одно свидетельство, в котором фигурирует та или иная категория корейских рабов, не связывает их с земледелием, да и вообще с производством. Одни данные, косвенные и негативные, говорят о непроизводственном назначении труда многих рабов (в разное время и в разных случаях; это и дарение, и принесение в дань в другие страны, и изъятие у одних собственников и передача другим без упоминания о земле, и отсутствие прямых упоминаний о развитом казенном или королевском хозяйстве, в котором бы использовались рабы). Другие данные, прямые и позитивные, настойчиво твердят о применении рабов для разного рода личных услуг в широком значении этого понятия. Общие же представления о хозяйстве эпохи связаны с относительно мелким землевладением, а не с обширными латифундиями, где был выгоден рабский труд [34], с дворцовыми мастерскими, где свободных ремесленников было больше, чем рабов [26, с. 244].

При всех недомолвках источников заметная роль рабов в жизни корейского общества с древности и до X в. несомненна. Однако эти недомолвки таковы, что делают невозможным установление сущностной роли этих рабов (на основании позитивных данных источников о самих рабах) в общественном производстве. Это означает, что для решения вопроса о существовании в Корее в указанный период рабовладельческой эпохи или формации нет достаточного материала.

1. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950.
2. *Бутин Ю. М.* Три статьи из законодательства древнего Чосона.— Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск. Вып. 1. 1978, № 1.
3. *Воробьев М. В.* Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961.
4. *Джарылгасинова Р. Ш.* Этногенез и этническая история корейцев по данным этнографии («Стела Квангэтхо-вана»). М., 1979.
5. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.
6. История Кореи. Т. 1. М., 1960.
7. Исторический очерк Кореи (до августа 1945 г.). Пхеньян, 1978.
8. *Ким Бусик.* Самгук саги. Издание текста, перевод, вступление и комментарии М. Н. Пака. М., 1959.
9. *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
10. *Пак М. Н.* Дискуссия по проблемам феодализма в Корее.— Советское востоковедение. 1958, № 2.
11. *Пак М. Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньгочжи»).— Народы Азии и Африки. 1961, № 1.
12. *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979.
13. *Хан Чан Хо.* Дискуссия о рабовладельческом строе в Корее.— Вопросы истории. 1957, № 5.
14. *Ким Джонъгук.* 15 сеги-ый конъноби «тхонъджебоп»-э тэхаё (Относительно «Закона о контроле» над казенными ноби в XV в.).— Ёкса квахак. 1967, № 2.
15. *Ким Сокхён.* Чосон-ый ноби: чуро нонъминин ноби-э тэхаё (Ноби в Ко-

рее: главным образом о превращении крестьян в ноби).— Ёкса квахак. 1956, № 4.
16. Корё са (История Корё). Пхеньян, 1962—1963 (цз. 84).
17. *Ли Банхван.* Хангук-ый кодэ сахве хва понъгонче-э тэхан кочхаль (Размышление о древнем обществе и феодальном строе в Корее).— Чонбук тэхаккё нонмунджип. 1960, № 3.
18. *Ли Ынсу.* Чосон ное сидэ са ёнгу (Исследование истории рабовладельческой эпохи в Корее).— Ёкса чемундже. 1949, № 9—11.
19. Лян шу (История Лян). Цз. 54. Сер. «Сыбу бэйяо». Т. 62. Шанхай, 1936.
20. *Пэк Намун.* Тёсэн сякай кэйдзай си (Социально-экономическая история Кореи). Токио, 1933.
21. Самгук саги (История Трех государств). Кэйдзё (Сеул), 1909.
22. Самгук саги-ый сахве кёндже кусон-э кванхан тхорон джип (Дискуссия о социально-экономическом строе периода Трех государств). Пхеньян, 1958.
23. *Тагава Кодзо.* Дорэйсэй-то хокэнсэй (Рабство и феодализм).— Тёсэнси нюмон (Введение в историю Кореи). Токио, 1966.
24. *Тамаи Корэхиро.* То дзидай-но гайкокудо (току-ни Синрадони цуитэ) [Рабы из зарубежных стран при династии Тан (в частности, о рабах из Силла)].— Ода сэнсэй сёдзю кинэн Тёсэн ронсю (Корейский сборник: по случаю юбилея проф. Ода). Кэйдзё (Сеул). 1934.
25. Тёсэн кодай си-ни окэру дорэйсэй-но сёмондай (Вопросы рабовладельческого строя в древней истории Кореи). Токио, 1960.
26. Хангукса. Т. 2: Кодэ: Минджок-ый сонъджанъ (История Кореи. Т. 2. Древность. Становление народности). Сеул, 1984.
27. *Хираки Минору.* Сипчхильсе-э иссосо-ый ноби чонъян (Рабы-ноби в XVII в. на пути к освобождению).— Хангукса ёнгу. 1963, № 3.
28. Цзю Тан шу (Древняя история Тан). Цз. 199. Сер. «Сыбу бэйяо». Т. 74. Шанхай, 1936.
29. Чжоу шу (История Чжоу). Цз. 49. Сер. «Сыбу бэйяо». Т. 67. Шанхай, 1936.
30. Чосон кодэса (Древняя история Кореи). Пхеньян. 1952.
31. *Courant M.* La Corée jusqu'au IX siècle.— T'oung Pao. Leiden, 1898. T. 9.
32. *Gardiner K. H. J.* The Samguk-sagi and its Sources.— Papers on Far Eastern History. Canberra. 1970. № 2.
33. *Hiraki Minoru.* On the Offer of Nobi in 17-th and 18-th Century Korea.— The Han, 1972, vol. 1, № 11.
34. *Kim Chong Sun.* Slavery in Silla and its Sociological and Economic Implications.— Traditional Korea. Theory and Practice. Kalamazoo, 1974.
35. *Nachod O.* Geschichte von Japan. Zweiter Band. Leipzig, 1929—1930.
36. *Nihongi.* Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697. Tr. by W. G. Aston. Ruthland—Tokyo, 1973.
37. *Pfizmaier A.* Nachrichten von den alter Bewohner des heutigen Corea.— Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaft in Wien. Phil-hist. Classe. Wien. 1867. Bd LVII, H. 2.
38. *Rosny L. de.* Les peuples de la Corée connus des anciens chinois.— Actes de la société d'ethnographie. T. 7. Paris, 1873.
39. *Vinton C. C.* Slavery and Feudalism in Korea.— The Korean Repository. 1895. vol. 2, № 10.

М. В. Воробьев

РАБСТВО В ЯПОНИИ В VIII—XI вв.

Три, даже четыре столетия — с VIII по X или даже по XI в.— приходятся в Японии на период существования так называемого правового государства (рицурё кокка), строительство которого было начато еще в 645 г. реформами Тайка и юридически оформлено в начале VIII в. кодексами «Тайхо рицурё» в 702 г. и «Ёро рицурё» в 718 г. Термин «рицурё» (кит. «люйлин») [1], который означает «уголовные и гражданские законы», уже в современную эпоху стал служить для обозначения государства, условно переводимый как «правовое». Укрепившись на этой основе, централизованная монархия Японии, однако, пережила лишь краткий расцвет. Кризис в полной мере стал ощущаться уже в IX в., а в X—XI вв. мы можем говорить лишь о формальном существовании «правового государства» как определенной политической системы.

«Правовое государство» Японии отличалось иерархически сложной общественной структурой, во многом противоречивой и, возможно, поэтому быстро меняющей свою суть, но не форму. В настоящей статье нас интересует лишь одна сторона этой структуры: отношение рабства и полурабства (т. е. промежуточных форм личной зависимости по типу рабства).

Проблема рабства уже давно изучалась японскими учеными как сама по себе (см., например, [49]), так и в связи с характеристикой социально-экономического строя «правового государства» соответствующей или близкой ему хронологической эпохи — древности, раннего средневековья [41; 56]. Рабство как особая система, наблюдаемая на протяжении ряда периодов истории страны, изучена во многих работах, посвященных специально этому явлению. Для нашей статьи существенное значение имеют две из них. В первой по времени появления книге, считающейся в Японии классической, Абэ Хиродзо рассматривает рабство на всем протяжении японской истории; при этом автор широко использует первоисточники [17]. Абэ Хиродзо полагал, что происхождение рабства коренится в обычаях седой древности и что разного рода изменения в этих обычаях определили эволюцию рабства в Японии. Само понятие «рабство» он толковал очень широко, включая в число рабов нищих, париев и другие общественные группы низкого статуса. Вторая книга написана Такигава Масадзиро — одним из ведущих историков

Японии [34]. Ее первая часть посвящена систематическому рассмотрению проблемы рабства в Японии с глубокой древности до развитого средневековья (XI—XII вв.). Вторая часть содержит подборку тематических статей, более углубленно разбирающих отдельные проблемы рабства в Японии. Книга методологически выгодно отличается от работы предшественника четкостью поставленных перед исследованием вопросов, глубиной исследовательской мысли; видно, что автор знаком с основными взглядами буржуазных ученых Запада и США на проблему рабства и критически к ним относится. Поэтому для нашей работы книга приобретает особую ценность.

Основные этапы и итоги исследования японскими учеными проблемы рабства в Японии сводятся к следующему (см. [25; 36]).

В качестве самостоятельного уклада, как признают все ученые, рабство существовало даже в средневековую, феодальную эпохи, а также в колониях в начале капитализма, но только в древности оно составляло основу общества. Все также согласны с тем, что в Японии с глубокой древности и до конца так называемой древней эпохи (X в.) жили рабы. Но изучение их положения с историко-экономических позиций начал лишь в 1919 г. Такэкоси Ёсабуро в своей «Экономической истории Японии» («Нихон кэйдзай си»), он назвал время с глубокой древности до X—XI вв. периодом господства рабской экономики. Однако он оговаривал, что наряду с рабами в это же время существовали полурабы, крепостные и «граждане» (комин). Эта точка зрения получила широкое распространение, но в дальнейшем выяснилось, что в древней Японии «настоящие» рабы не играли в производстве большой роли. Вскоре появилось несколько новых теорий. Такигава Масадзиро назвал эпоху древности в стране рабовладельческим обществом. Хаякава Дзиро относил VII в. и особенно период реформ Тайка к рабовладельческому этапу, а эпоху Нара (VIII в.) — к феодальному. Ватанабэ Ёсимити связывал этап, предшествующий реформам Тайка, с господством корпораций (бэ) рабского типа, а «правовое государство» — с рабовладельческим обществом, основанным на государственном объединении корпораций. Мория Кокки и Ито Кофу видели в японской древности господство азиатского способа производства. Все эти теории основывались на положении рабов, корпорантов (бэмин) и «граждан» (комин). Позднее, после изучения подворных реестров эпохи Нара (VIII в.), Исимода Сё и Тома Сэйта заявили, что утверждение рабовладельческой системы произошло после краха клановой общины (сидзоку кёдотай). Мацумото Симпатиро видел признаки этого краха в распространении так называемых именных полей (мёдэн), которыми владели крестьянские дворы на началах частной собственности в период установления поместной системы (сёэн). Он писал об укреплении рабовладельческих отношений в хозяйствах держателей «именных полей». Одновременно с этим окрепла

тенденция к омолаживанию рабовладельческого общества в Японии. Некоторые ученые, в их числе Арасиро Нориаки, продлевали его существование до XIV—XVI вв. Переход от рабовладельческого общества к феодальному в Японии, по мнению большинства японских ученых, не носил революционного характера, как в Западной Европе, где он совершился под влиянием вторжения германцев, а произошел в ходе самостоятельного развития страны. С одной стороны, после второй мировой войны среди японских ученых окрепло мнение (со ссылкой на марксистские теории), что основой японской древности стало объединение общин, или система всеобщего рабства под властью деспота. Так как такая структура полностью не укладывалась в «правовую» систему, возникло мнение, что последняя относится к феодализму. Это мнение основывалось на сопоставлении характера корпораций дореформенной Японии (до середины VII в.) и сословия «граждан» (комин) «правового государства». Последние, как стали утверждать, находились на стадии превращения в крепостных средневековья [2]. Однако теоретики феодализма как в Японии, так и на Западе и в США (а в двух последних ареалах теория существования рабовладельческого строя в древней и раннесредневековой Японии не пользуется популярностью) обычно не склонны распространять это понятие на «правовое государство». Мацуока Хидэо называет его азиатской деспотией [8, с. 2], Сиодзава Кимио — формой проявления азиатского способа производства [51, с. 72]. Исии Рюноскэ соглашается признать появление в Японии в VIII в. лишь зародыша феодализма — поместий (сёэнов) [43, с. 5]. Дж. Холл и Л. Фредерик связывают утверждение феодализма в стране с возникновением сёгуната [39, с. 520; 40, с. 39].

Приходится согласиться с мнением, что и поныне наиболее спорным в японской истории остается вопрос о генезисе феодализма, о времени его утверждения, равно как и о характере предшествующей формации, и что наше японоведение не проделало достаточно конкретных исследований, чтобы окончательно решить эти проблемы [9] [3].

Перейдем теперь непосредственно к нашей теме.

Еще в манифесте о реформах Тайка в 646 г. простое население страны получило статус комин. Этот термин этимологически расшифровывается как нечастновладельческий, неклanообязанный, государев или государственный народ. Термин встречался в «Нихонги» уже применительно к первой четверти VII в. и тогда, по всей вероятности, служил для обозначения населения как свободного, так и несвободного, но подчиненного непосредственно царскому дому. На практике чаще всего это были земледельцы, крестьяне. По-видимому, сочетание значений «неклановый» и «царскоподданный» (не без влияния заморского примера) определило стремление реформаторов придать этому термину универсальный смысл, столь выгодный новому режиму. Однако именно размытость границ смыслового наполнения термина и

появление в последующие десятилетия понятий, несущих более конкретный социально-иерархический смысл, превратили его в полисемантическое понятие: «граждане», подданные, казенный люд. В результате первое значение превратилось в современное словарное, а последнее по смыслу более подходит к интересующей нас эпохе.

К VIII в. население, по-видимому рядовое (кроме императорского дома, аристократии, чиновничества и духовенства), было разделено на две большие категории: рёминов и сэмминов. Первый термин буквально означает «добрый люд», второй — «подлый люд», или в соответствии с нашей терминологией — свободные и несвободные, хотя это противопоставление весьма условно, и мы будем его избегать в нашей статье. Различие между этими двумя категориями было далеко не однозначно и характеризовалось, как мы это увидим дальше, значительной сложностью [33, с. 33].

Согласно «Тайхо-Ёро рё», к «доброму люду», или к личносвободным, принадлежали: казенный люд (комин), государственные корпоранты-ремесленники (томобэ) и «разные дворы» (дзакко). К «подлому люду», или к лично-несвободным, были отнесены дворы при мавзолеях (рёко), казенные дворы (канко), слуги, или холопы (кэнин), казенные рабы (каннухи) и частные рабы (синухи). Таковы основные социальные категории и группы рядового населения эпохи, в число которых мы не включаем мелкие подразделения, да еще такие, которые остались в наследство от прежней эпохи и сравнительно скоро влились в ту или другую из названных групп (ср. [57, с. 167, 169]).

Что же представляли собой эти социальные группы с позиций современной исторической науки? Исторический материализм выделяет четыре основных признака раба: 1) принадлежность собственнику-рабовладельцу [1, с. 433]; 2) отстранение от средств производства [2, с. 86]; 3) труд в условиях внеэкономического принуждения [4, с. 348—349]; 4) непринадлежность к гражданскому обществу [3, с. 325]. Первые три признака относятся к категории базисных.

Казенные люди, или казенные крестьяне, считались личносвободными. Они были записаны в государственный реестр, получали от государства наделы и несли повинности, характер и размер которых четко определялись кодексами. Повинности подразделялись на налоговую, податную, отработочную, гужевую и некоторые другие, в том числе и воинскую. Государственный характер этой категории населения юридически фиксировался кодексом «Тайхо-Ёро рицурё» — только этой категории рядового населения посвящены целые группы статей и даже целые главы «Тайхо-Ёро рё» (например, главы VIII, X). В условиях классового общества средневековой Японии из всего простонародья именно казенный люд обладал максимальной личной свободой и статусом «граждан».

Этимология названия следующей социальной группы — томо-

бэ — сложна, и в данном контексте нет смысла в нее углубляться. Термин унаследован от дотайковской эпохи, когда прилагался к полусвободным членам ремесленных корпораций, принадлежавших правителям Ямато (государевы корпоранты). В ходе реформ они получили формальное освобождение, попали в категорию «доброго люда», их положение стало определяться соответствующими статьями кодекса. В этом обновленном статусе они оставались закрепленными (иногда временно) за казенными мастерскими разных министерств и ведомств [46].

«Разные дворы» (дзакко) также сохранили свое название с дотайковской эпохи. По составу и по назначению в новых условиях они почти не поддаются разграничению с государевыми корпорантами (томобэ). Некоторые ученые полагают, что понятие «разные дворы» распространялось только на хозяйства потомков пришлых из других стран, тогда как «государевы корпоранты» по своему происхождению — японцы. Однако эта точка зрения не доказана. Первоначально (и по «Тайхо-Ёро рё») «государевы корпоранты» были многочисленны, но в последующие десятилетия категория «разных дворов» росла быстрее за счет включения в нее ремесленников и мастеровых из провинций, что и привело к вытеснению самого термина «государевы корпоранты» термином «разные дворы». Социальный статус последних был ниже, чем первых. Характерно, что одноименная социальная группа в танском Китае относилась к «доброму люду». По закону «государевы корпоранты» и «разные дворы» не несли особых общегосударственных повинностей, так как всецело были заняты на профессиональных работах в учреждениях министерства двора и других [37].

Дворы при мавзолеях (рёко) занимали наиболее высокое положение в категории «подлый люд». В сущности, это были крестьяне и входили в «подлое сословие» лишь вследствие их рода занятий, считавшегося у буддистов нечистым: в их ведении находились устройство и охрана мавзолеев императоров и высшей аристократии, обработка земельных участков, доход с которых шел на содержание мавзолеев и обслуживающего персонала. Они имели право на собственное хозяйство. Признаком их среднего положения между сословиями «доброго» и «подлого» люда служило условное право членов этих дворов вступать в брак с выходцами из сословия «доброго люда» [55].

Ниже дворов при мавзолеях по социальному положению находились казенные дворы (канко), которые первоначально состояли из членов бывших корпораций, позднее — из преступников, не лишенных гражданских прав, из потомков смешанных браков лиц свободного и рабского состояния. В эту категорию переводили казенных рабов, достигших 66 лет, и из нее исключали лиц, которым исполнилось 76 лет. Члены казенных дворов, таким образом, не были навсегда прикреплены к своей социальной группе. Им разрешалось покидать ее в глубокой старости, а также заводить семьи. Они либо являлись слугами (разного

разряда) при правительственных учреждениях, либо обрабатывали императорские земли, либо получали государственные наделы наравне со свободными. Однако урожай с этих наделов поступал в казну, которая уже от себя выдавала содержание этим дворам. В старинных источниках эта группа не всегда четко отделена от казенных рабов [53, с. 35].

Домовые слуги, или холопы (кэнин, или якэбито), — также старая дореформенная социальная группа. В ходе реформ Тайка холопы так и не получили подлинной свободы. Из перечисленных выше групп это первая настоящая зависимая частновладельческая группа. Несмотря на это, холопы получали от государства $1/3$ надела казенного крестьянина, имели право на собственное хозяйство и на семью. Холопы не подлежали ни продаже, ни покупке, а их владельцу запрещалось эксплуатировать труд всех членов холопской семьи одновременно [19].

Казенные рабы (каннухи) в зависимости от происхождения делились на две подгруппы. Члены первой, более старой подгруппы, позднее получившие название «традиционные рабы» (дзёнухи), либо сами, либо их предки были еще рабами царского дома до 645 г. При новом режиме они были объявлены казенными, жили в земледельческих поселках, выращивая рис, или при дворцах и синтоистских храмах, исполняя самую разнообразную работу. Примером деятельности этой подгруппы рабов может служить хозяйство при дворце Симаномия, о котором речь пойдет ниже. После обнародования кодекса «Тайхорё» сложилась подгруппа так называемых нынешних рабов (коннухи). Эта последняя подгруппа комплектовалась из преступников, лишенных гражданских прав. Они были приписаны к императорскому дворцовому управлению, к различным учреждениям и исполняли черную и тяжелую работу. Несмотря на их рабское состояние, закон определял за ними право на один выходной в десять дней, на отпуск в 30 дней в случае смерти отца или матери, на отпуск в 15 дней после родов, на более легкую работу при беременности, на необходимую пищу и одежду, на полный подушный надел, не облагаемый налогами, на перевод в категорию казенных дворов по достижении 66 лет и в сословие «доброго люда» по достижении 77 лет [45].

Частные рабы (синухи) занимали самую низкую ступень в общественной иерархии той эпохи. Они принадлежали своим хозяевам на правах частной собственности. Кодекс приравнивал их к имуществу: их разрешалось продавать и покупать, передавать и получать по наследству, отдавать в залог и дарить. Это были потомственные, наследственные рабы. Ни они сами, ни их дети не могли выйти из этой категории рабов, и именно поэтому им особенно строго запрещался брак с представителями всех прочих социальных групп. Они лишались права на собственное хозяйство — двор. И при всем этом кодекс защищал их жизнь, признавал за ними право создавать семьи (в своей социальной группе), получать от государства $1/3$ надела казенного крестья-

нина, освобождаться от трудовой повинности, но не от налога с надела. Правда, многие из этих установлений издавались не столько ради самих рабов, сколько в интересах государственного правопорядка (запрещение хозяину произвольно убивать рабов) или самих рабовладельцев (рабские наделы в итоге увеличивали владения рабовладельцев) [47].

После того как мы дали общую предварительную характеристику всех основных социальных групп простонародья, входящих в категории «доброго» и «подлого» люда, интересно узнать, как обстоит дело с наличием у этих групп признаков рабского состояния — всех или некоторых.

Принадлежность собственнику-рабовладельцу могла реализоваться в ряде специфических форм: в праве на эксплуатацию, на присвоение произведенного продукта, на отчуждение самого раба.

Право на эксплуатацию, как таковую, создавалось уже самим формированием упомянутых групп. Пределы этой эксплуатации рисуются весьма широкими и неодинаковыми для разных групп. Ограничения же выглядят весьма относительными и условными, если иметь в виду их юридическое оформление. К последним можно отнести право казенных рабов на выходные дни, на отпуска при определенных условиях, запрет одновременно эксплуатировать всех членов холопской семьи и т. п. Присвоение производимого продукта осуществлялось либо полностью, либо в подавляющей своей части, причем без оговоренных законом условий. К таким оговоркам по смыслу лишь приближаются положения кодекса об освобождении (часто частичном) наделов «подлого люда» от налогов и повинностей. Полученный в этих условиях продукт целиком поглощался рабовладельцем, казенным или частным. Присвоение реализовалось даже в такой специфической сфере, как естественное, физическое воспроизводство рабов. Судя по примечанию к должностным уголовным законам, холопов и рабов можно было отдавать в аренду и за это получать плату. Если рабыня, отданная в аренду в чужой дом, рожала там, ребенок принадлежал основному хозяину рабыни независимо от того, кто являлся отцом ребенка [28, с. 98].

Право на отчуждение реализовалось в форме купли-продажи, обмена, дарения, отдачи в заклад, оставления на произвол судьбы в голодные годы или при неспособности несвободного к труду, в членовредительстве. «Тайхо-Ёро рё» довольно подробно повествует о купле-продаже [26, XXVII, 16]. Выясняется, что рабов разрешалось продавать свободно, тогда как «добрый люд» продавать категорически запрещалось. Это считалось уголовным преступлением. Продавать запрещалось и холопов, и казенные дворы, хотя холопы наряду с частными рабами, приусадебными участками, имуществом подлежали разделу между наследниками [26, VIII, 23]. В перечне имущества храма Хорюдзи за 747 г. кроме скота и орошаемых полей упомянуты 123 холо-

па. Таким образом, казенные дворы и холопы также считались имуществом, но неотделимым от недвижимости [34, с. 64].

Обмен в ту эпоху приравнивался к купле-продаже. Для такого «обмена» рабами требовался контракт. Холопов, по-видимому, обменивать запрещалось (хотя их подушные наделы менять разрешалось). Любопытно, что обмен чиновниками частных «плохих» рабов на «хороших» казенных считался преступлением [28, с. 73].

Дарение в ту пору чаще всего было «связано» с буддийскими храмами. При дарении рабов также требовалось и письменное оформление дара. В хранилище Сёсоин сохранились такие дарственные. Судя по описаниям-историям храмов Хокодзи и Кара-Хорюдзи, императорское семейство неоднократно дарило этим храмам казенных рабов. Согласно «Хокодзи энги», в 572—645 гг. имело место не менее шести таких дарений — в общей сложности 120 рабов и рабынь [34, с. 65].

Так как запрещалось закладывать казенные наделы, крестьяне нередко отдавали в залог женщин — членов семьи [52, с. 39]. По меткому выражению источника этой эпохи «Нихон рёи ки», «должник подобен рабу» [34, с. 108], и с заложниками часто обращались как с рабами.

В самом кодексе «Тайхо-Ёро рё» ничего не говорится об оставлении на произвол судьбы зависимых из сословия «подлого люда», но существует указ (датированный июнем 813 г.) о запрещении подобной практики [29, XIX, с. 991]. В указе речь идет о немощных и больных холопах и рабах, покидаемых на произвол судьбы своими хозяевами, как только те становятся нетрудоспособными.

Закон категорически не запрещал убийство рабов и холопов, а лишь ставил такие действия под контроль государства как существенные с точки зрения сохранения общественного спокойствия и моральных устоев. Закон требовал обязательного предварительного разрешения на такое убийство от соответствующего учреждения, которое могло быть дано в случае совершения рабом или холопом тяжкого проступка [28, с. 137]. Справедливости ради следует отметить, что случаи реализации такой процедуры были крайне редки и почти неизвестны. Существование закона обусловлено тем, что по многим проступкам и преступлениям рабы и холопы, как имущество хозяина, не подлежали уголовному преследованию.

Частный рабовладелец и особенно казна могли освободить представителя «подлого люда», повысив его в общественной иерархии, или вовсе перевести в сословие «доброго люда». По закону требовался постепенный перевод зависимого с низшей ступени сословия «подлого люда» в следующую по значению и уже из самой высокой — в сословие «доброго люда». Однако на практике, особенно через десятилетия после обнародования кодекса «Тайхо-Ёро рё», освобождение чаще всего бывало непосредственным и полным. При этом освобождение могло осуще-

ствляться на основе выкупа или самовыкупа, и тогда оно рассматривалось как вариант купли-продажи, или безвозмездно, и тогда оно рассматривалось как дар [30, с. 763]. Но независимо от вида освобождения вольная являлась выражением прав рабовладельца на отчуждение-освобождение раба [34, с. 68].

Если хозяин раба или холопа хотел отдать его в монастырь в служки, дабы замолить грех и снискать себе «божью милость», он был обязан прежде перевести такого человека в сословие «доброго люда», т. е. освободить его. Только представители этого сословия считались достойными занимать посты, даже самые низкие, в монастырской иерархии. Причем отдача в служки не означала пострижения в монахи. По кодексу «Тайхо-Ёро рё», такое предварительное освобождение требовалось для того, чтобы рабы не могли самовольно проникать в монашеское сословие с целью освобождения от зависимости [26, VII, 22].

Право собственности предусматривало наследование, поэтому холопы, рабы и их потомство рассматривались как наследственное имущество и после смерти владельца подлежали разделу между наследниками. Лишь так называемые клановые подлые (сисэн) не делились, а все переходили к новому главе двора. При разделе холопов или рабов между наследниками ориентировались на их рыночную стоимость [26, VIII, 23].

В случае похищения холопов или рабов их собственник имел право преследовать похитителя и вернуть украденных рабов или холопов вместе с их имуществом [28, с. 75, 97]. Бежавший раб приравнивался к потерявшейся вещи, и поэтому владелец мог его искать, но по закону он прежде должен был заявить о пропаже в соответствующее ведомство, которое также занималось розыском и преследованием беглеца. После поимки в соответствии с приказом о розыске беглого возвращали хозяину. Человек, в хозяйстве или доме которого оказался беглый, обязан был в пятидневный срок доложить об этом властям — в противном случае ему грозило обвинение в укрывательстве [26, XXVIII, 8]. Объявление о розыске имело целью упорядочить сам поиск и оградить свободных от умышленного или неумышленного захвата их как рабов. Оно не исключало и других форм поиска беглых. Так, закон предусматривал случай, когда частное лицо задерживало раба и само передавало его владельцу — за это поимщику полагалась награда [26, XXVIII, 7]. Но в некоторых случаях поимщик не получал награды: если раб после поимки, но еще до передачи его хозяину умирал; если беглый совершал преступление, караемое смертью, или намеревался обвинить представителя «доброго люда». В случае, когда хозяин не знал о факте поимки раба, ведомство его вызывало, но, если по истечении срока хозяин не объявлялся, казна сама выдавала награду, которую потом компенсировала при передаче беглого владельцу. Детальная разработка правил поимки и возвращения беглых холопов и рабов, осуществляемых под контролем государства, свидетельствует о отчуждении зависимых.

Отстранение от средств производства осуществлялось в разной мере. Дворы при мавзолеях, например, по-видимому, сохраняли какие-то права на средства производства, поскольку обрабатывали земельные участки, урожай с которых частично шел на их содержание. Казенные рабы работали не только на императорских землях, но и на выделенных им наделах. Холопы сохраняли право на собственное хозяйство и, значит, на какие-то средства производства. Возможность у рабов (казенных и частных) распоряжаться средствами производства оказывалась минимальной: выделяемые им наделы использовались рабовладельцами; вероятно, им же принадлежали основные орудия и средства производства. Все вышесказанное, как мы видим, относится к земледельческим работам. Как обстояло дело у ремесленников, известно мало. Очевидно, зависимые, трудившиеся непосредственно в казенных, храмовых и т. п. мастерских, обладали самым минимумом средств производства, «вольные» и наемные ремесленники — большей долей.

Внеэкономическое принуждение в максимальной мере распространялось на частных, а также на казенных рабов, которые обязаны были выполнять любую порученную им работу, независимо от их экономической заинтересованности. Холопы, имевшие собственное хозяйство и определенную, хотя и нечеткую, профессиональную ориентацию (домашние слуги), внеэкономическому принуждению подвергались лишь частично. То же самое (даже в большей степени) можно сказать и о дворах при мавзолеях и казенных дворах.

Непринадлежность к гражданскому обществу, разумеется, не сводилась к невключению этих групп в категорию «граждан» (комин). Скорее ее можно оценивать с позиции правового положения каждой общественной группы, определенного кодексом «Тайхо-Ёро рицурё». Дворы при мавзолеях обладали максимумом гражданских прав, присущих сословию «подлого люда». Эти люди могли (при определенных условиях) даже вступать в брак с выходцами из «доброго люда». Члены казенных дворов могли иметь свои семьи и надеяться на то, что когда-нибудь смогут выйти из своего рабского состояния. Холопы были прочнее прикреплены к частным собственникам. Казенные рабы имели мало гражданских прав, а частные еще меньше, даже когда такие права провозглашались. Их записывали в подворный реестр наряду с казенным людом, но рабы не могли создавать собственное хозяйство — двор. За ними признавалось право на личное имущество, но сами они безоговорочно принадлежали владельцам. Закон фиксировал их право на семью, на родственные отношения, но распоряжались членами таких семей рабовладельцы (вплоть до продажи своих рабов порознь). Закон считал рабов субъектами права по ряду уголовных дел, но сильно ужесточал им наказание в случае их обвинения. Кодекс запрещал самовольное убийство раба владельцем, но предусматривал возможность выдачи санкции на такое действие хо-

зяину. Что касается освобождения рабов, то оно допускалось: 1) по воле рабовладельца, частного или казенного; 2) по решению суда, если раб мог доказать незаконность его порабощения; 3) в случае вымирания всего семейства рабовладельца; 4) по достижении 66 лет (для казенных рабов) и 76 лет (для казенных дворов) [52, с. 53—54].

К сказанному выше можно добавить любопытное высказывание «Рё-но гигэ». По утверждению этого источника, зависимость «подлого люда», принадлежавшего казне (т. е. дворов при мавзолеях, казенных рабов и казенных дворов), — легкая, а принадлежащих частным лицам (холопов, частных рабов) — тяжелая [26, VIII, 35]. Поэтому в общих чертах все сословие «подлого люда», т. е. лично-несвободных, в условиях Японии VIII—XI вв. можно охарактеризовать в значительной степени как рабское, но «настоящими» рабами выглядят лишь так называемые казенные и частные рабы (каннухи и синухи); казенные дворы (канко), а также слуги, или холопы (кэнин), по своему положению стоят ближе к полурабам.

Как же использовались эти группы «подлого люда» в Японии в интересующую нас пору? В VIII—XI вв., на которые приходится время существования так называемого правового государства, земледелие занимало важнейшее место в хозяйстве. Корпоранты (какибэ) и клановые рабы (удзияцуко синухи) часто именуются мотыжниками (куваёборо), т. е. земледельцами [48, XVIII, 4, 6].

После реформ Тайка эти корпоранты были превращены в «граждан» или холопов, но их хозяйственные обязанности мало изменились; они получили казенные земельные наделы. Многие из казенных дворов и рабов по распоряжению конторы казенных рабов и губернаторов провинций трудились на общественных и казенных землях. Такие категории зависимых, как «подлый люд богов» (син-сэн), находящиеся на службе у синтоистских храмов, храмовые рабы буддийских монастырей, холопы и рабы, принадлежавшие крупным и мелким рабовладельцам, обрабатывали поля храмов всех религий и категорий, служебные, ранговые, частновладельческие земли, подушные наделы и целину. В «Манъёсю» можно прочесть стихотворение, из которого явствует, что даже рядовой рабовладелец посылал своих рабов на земледельческие работы [7, № 1275].

— В Суминоэ
Жнец, что жнешь поля,
Разве нету у тебя раба?—
— Раб-то есть, но это ни к чему,—
Поле собственное
Я для милой жну!

Среди рабов, использовавшихся в земледелии, выделялись две категории: 1) работавшие только на полях; 2) работавшие на полях и по дому. Первые принадлежали, как правило, храмам и аристократии, содержавшим крупные хозяйства; вторые —

рядовому населению, владевшему мелкими участками и ведшему сравнительно скромное хозяйство. Рабы первой категории играли более существенную роль в развитии экономики страны: именно на их труде начали расти крупные хозяйства — аристократии, чиновничества и местных заправил. Таких рабов по приказу хозяев семьями посылали на поля. Поскольку их семьи были либо большими, либо небольшими, но их было много, непосредственный контроль за их деятельностью был затруднен. В стране не создавалось ничего похожего на рабские латифундии, и в этих условиях мелкому рабовладельцу куда легче было наладить нужный надзор, так как немногочисленные его рабы обычно работали бок о бок с членами семьи хозяина. Поэтому большинство крупных рабовладельцев (крупных по японским масштабам) ограничивались взиманием со своих рабов определенного оброка. Судя по одному документу (датированному 29 октября 893 г.), представитель придворной аристократии получал от своих холопов и рабов подобного рода ежегодный оброк [29, с. 338]. Такие владения постепенно превращались в сёэны.

Хотя в земледелии в основном были заняты рабы-мужчины, рабынь также не миновал земледельческий труд: они занимались высадкой рисовой рассады, прополкой, обдиркой зерна и прочими относительно легкими и вспомогательными работами. В «Тайхо-Ёро рё» содержится прямое указание на то, что рабыни использовались для обдирки зерна [26, X, 17].

Ремесленное производство особенно интенсивно развивалось во владениях монарха, т. е. в личном хозяйстве императорского дома, аристократии и храмов. В дореформенной Японии существовали особые корпорации ремесленников, составленные из лично-зависимых мастеров и подмастерьев (томобэ и какибэ), что не исключало существования свободных ремесленников — членов клана. После реформ Тайка корпоранты высшей категории (портные, винокуры, зеркальщики, каретники) обрели свободу; корпоранты низшего ранга (кузнецы, литейщики, красильщики, изготовители стрел) под именем государевых корпорантов и «разных дворов» оказались приписанными к различным ведомствам преимущественно министерства двора. В то время существовало две категории таких зависимых: 1) рабы-ремесленники, принадлежавшие двору, храмам, аристократии, и 2) рабы-ремесленники, которых заставляли работать подмастерьями у свободных ремесленников.

К министерству двора и его учреждениям причислялись государевы корпоранты, разные дворы и часть казенных дворов. Первые две группы считались лично-свободными — входили в состав «доброго люда»; последняя же принадлежала к «подлому люду». Те из них, которые не занимались сельским хозяйством, чаще всего использовались в казенных мастерских в качестве ремесленников [26, VIII, 36].

Документы, хранящиеся в государственной (императорской)

сокровищнице Сёсоин, рассказывают о деятельности рабов-ремесленников во владениях храмов и монастырей. В «Тодайдзи ёроку» («Важнейшей хронике храма Тодайдзи») приводится документ (датированный 15 июня 734 г.), в котором перечислены рабы разных специальностей: медники, железники, красильщики (всего 297) и указано, что на их прокормление израсходовано 1 коку 1 то 8 сё 8 го зерна, т. е. по 4 го (1 го=0,72 л) на человека [32, VII, с. 36]. Это не единственный документ такого рода. Другие документы дополняют наши сведения о специальностях рабов-ремесленников этого храма: бумажники, красильщики, швеи покрывал для священных ковчегов и т. п. Храм выдавал за изделия своих мастерских также продукцию свободных ремесленников [18, с. 36—46].

Конкретные сведения о характере деятельности рабов-ремесленников во владениях аристократов в эту эпоху отсутствуют.

Существуют примеры использования рабов-ремесленников второй категории в качестве подмастерьев у свободных ремесленников. Этот вариант оговорен в кодексе «Тайхо-Ёро рё»: «Выкупленные рабы не остаются за прежним учреждением... а в зависимости от профессии принимают фамилию своего мастера» [26, XXVI, 17]. Судя по ревизской сказке из «правого сектора» столицы Хэйдзё (Нара) от 733 г., мастерской при храме Якусидзи провинции Симоцукэ заведовал глава двора в высоком ранге — 6-м полном. В его дворе числилось четыре раба и одна рабыня. Этот двор ежегодно сдавал казне 19 лаковых изделий.

Поскольку в таких семьях свободных ремесленников работали рабы-подмастерья и наемные работники, открывалась широкая возможность для использования труда беглых рабов.

Профессиональные рабы-ремесленники оставались достаточно малочисленной группой по сравнению с контингентом рабов и рабынь, втянутых частично в простейшее ремесло. Поскольку свободные держатели наделов вносили подать продуктами домашнего ремесла, ткачество, шитье оставались важнейшими занятиями рабынь. В документе (датированном 30 марта 771 г.) упоминается о 99 храмовых рабынях-швеях. Судя по характеру упоминания, они вряд ли трудились в храмовой мастерской, а скорее шили на дому, вырабатывая продукцию для взноса упомянутой подати [34, с. 93—94].

Отмечено оживление в торговле в VIII—XI вв. по сравнению с предыдущим периодом. На столичных, провинциальных рынках торговцы совершали сделки от своего имени и как агенты. В последнем случае роль агентов часто выполняли рабы. Эта их функция выросла из сословных ограничений нового государства: высшей аристократии — носителям высших дворцовых и иных рангов, храмам любое участие в торговых сделках категорически запрещалось. Лишь носителям пятого ранга разрешалось торговать через своих агентов [26, XXX, 24].

Существовала еще одна, довольно обширная сфера применения труда рабов — в качестве заместителей лиц, обязанных нести личные повинности, тяжелые или неприятные: трудовую, ямскую, гужевую и т. п. [26, X, 4]. Наиболее часто в этой сфере подвизались рабы рядовых рабовладельцев, потому что богатые и знатные рабовладельцы, как правило, от таких повинностей вообще были освобождены.

До реформ Тайка существовали особые корпорации коневодов, коровников, свиноводов, птицеводов, занимавших самую низкую ступень в системе корпораций. После реформ положение мало изменилось, за тем существенным исключением, что с распространением и упрочением буддизма, запрещавшего убивать все живое, многие сферы занятий, такие, как рыболовство, охота, оказались под запретом. В «Сёку Нихонги» («Продолжение Нихонги», или «Летописи Японии») под рубрикой 7 апреля 844 г. можно прочесть фразу: «Запрещается убивать все живое; холопам и рабам — ловить рыбу» [31, XIV, с. 351].

Что касается непроизводственного использования рабов, то аристократы в VIII—XI вв. содержали в своих дворцах по нескольку десятков, даже сотен рабов. Эти цифры подтверждаются как размерами и убранством самих дворцов, требовавших для своего содержания многочисленной прислуги, так и циклом художественных иллюстраций к классическому роману той эпохи — «Гэндзи моногатари» («Гэндзи э-маки»).

Кодекс «Тайхо-Ёро рё» выделяет конкретные случаи, при которых надлежало использовать непременно рабов. В примечании к статье, посвященной деятельности красильного управления, говорится, что при управлении нет обычных работников, а их функции исполняют казенные рабы [26, II, 57]. По «Запискам о прошлых и нынешних делах храма Хокодзи» («Хокодзи кокин энги») мы узнаем, что при хранилище сутр храма числилось 80 рабов, при хранилище буддийского закона, трапезной, пагоде — 40 рабов [34, с. 103].

В хозяйстве казенных крестьян рабы также занимались домашними делами. В «Тайхо-Ёро рё» содержится интересная статья, имеющая отношение к этой (да и не только к этой) проблеме. Если свободная женщина совершит убийство, то ее ребенок передается на воспитание кому-нибудь из родственников, соседей или просто желающих [26, XXIX, 23]. В комментарии к статье говорится, что, хотя такого приемыша и зовут холопом или рабом, он на одном положении со «ртом семьи». Очевидно, что такой подрастающий воспитанник использовался в частном доме в услужении, что и создавало ситуацию, угрожавшую ему порабощением.

В сфере развлечений и увеселений рабы использовались в Японии еще и раньше. Начальник царского владения в Сидзики при правителе Кэндзо в 484 г. приказал двум рабам танцевать на празднестве [48, XV, 9—10]. По штатному расписанию «Тайхо-Ёро рё» музыкальному управлению министерства граж-

данской администрации (дзибусё), военно-музыкальному управлению при военном министерстве полагались корпоранты (томобэ) из дворов танцоров и музыкантов [26, II, 17, 27]. Среди храмовых дворов также числились танцоры и музыканты, хотя, разумеется, речь шла о религиозных представлениях. По «Сёку Нихонги», 25 февраля 767 г. при выходе из храма Сангайдзи играла музыка и пяти рабам были присвоены разные (низкие) ранги [31, XXVIII, с. 472].

Такигава Масадзиро в строгих наказаниях за связь с чужой рабыней видит не просто охрану собственности рабовладельца, а охрану особых, «развлекательных» (музыкальных, плясовых) качеств этой рабыни [34, с. 108]. Действительно, такие рабыни ценились дорого.

Рабы использовались также как телохранители и воины. Пленных айнов во время набегов использовали как охранников в войсках, полицейских, носильщиков и прислугу. Одно место в «Тайхо-Ёро рё» позволяет предположить, что казенные дворы, холопы, казенные и частные рабы пытались, назвавшись свободными, поступить на военную службу. Кодекс требовал удаления таких лиц из армии [26, XVII, 36]. Но тот же кодекс разрешал свободным, призванным на военную службу, выставлять вместо себя своих рабов [26, XVII, 47—48]. Неясно, оставались ли они в качестве заместителей рабами или становились свободными, как при поступлении в храмовые служки. Или же речь идет о воле рабовладельца.

В свете только что сказанного естественно возникает вопрос о конкретной цене на рабов в интересующую нас эпоху. Она, понятно, зависела от многих обстоятельств, да и, кроме того, речь может идти о довольно различных понятиях — стандартная, узаконенная, рыночная, средняя и т. д. За стандартную цену мы принимаем узаконенную и среднюю рыночную цену. Узаконенная цена выступает в различных правительственных и нормативных актах. Она, естественно, не совпадала с рыночной.

Узаконенная цена определена в «Рё-но сюгэ» и основана на указе от 19 мая 715 г.: за раба — 600 монет, за рабыню — 400 [27, XIII, с. 425]. В другом источнике того же времени, в примечаниях к статье о купле-продаже казенного имущества, приведены несколько иные данные, к сожалению, трудно сопоставимые с первыми: речь идет об обмене (незаконном) частного раба стоимостью в 20 тан ткани на казенного, оцениваемого в 70 тан [28, с. 73]. Эти последние данные лишь с натяжкой можно принять за официальную, узаконенную цену.

По девяти документам середины VIII в. удается установить рыночную цену 33 человек рабского состояния и, пользуясь этими данными, высчитать среднюю рыночную цену:

1) По налоговому документу из провинции Тамба от 737 г., раб стоит 1 тыс. снопов [32, II, с. 64].

2) По донесению из управления провинции Оми от 746 г.,

пять рабов (четверо мужчин и одна женщина) стоили все вместе 5 тыс. снопов, раб-каретник 39 лет оценен в 1,4 тыс. снопов, раб 25 лет — в 1 тыс. снопов, раб 20 лет — в 1 тыс. снопов, раб 11 лет — в 600 снопов, рабыня 25 лет — в 1 тыс. снопов [32, IX, с. 254].

3) По документу о купле-продаже в донесении уездного управления Сакада провинции Оми от 760 г., две рабыни 33 и 11 лет проданы храму Тодайдзи за 1,2 тыс. снопов [32, IX, с. 642].

4) По документу о купле-продаже от 748 г., три рабыни (33, 8 и 5 лет) и раб 4 лет были проданы храму Тодайдзи за 20 связок монет [32, III, с. 126].

5) По документу от 749 г., рабыня 28 лет продана за 10 связок монет [32, III, с. 321].

6) По документу из провинции Танго от 749 г., четыре раба (два раба 27 и 26 лет и две рабыни 20 и 26 лет) проданы по цене 1 тыс. снопов за каждого [32, III, с. 344].

7) По документу из управления провинции Тамба от 750 г., пять рабов проданы за 4,55 тыс. снопов: раб 24 лет — за 900 снопов, раб 24 лет — за 900 снопов, раб 15 лет — за 800 снопов, рабыня 19 лет — за 1000 снопов, рабыня 17 лет — за 950 снопов [32, III, с. 355].

8) По документу из провинции Мино от 751 г., шесть рабов проданы за 4,9 тыс. снопов: раб 34 лет — за 1,0 тыс. снопов, раб 24 лет — за 1 тыс. снопов, раб 15 лет — за 700 снопов, рабыня 22 лет — за 800 снопов, рабыня 20 лет — за 800 снопов, рабыня 15 лет — за 600 снопов [32, III, с. 389].

9) По запродажной рабов храма Каннондзи от 758 г., пять рабов были проданы за 4,6 тыс. снопов: раб 38 лет — за 1,2 тыс. снопов, раб 17 лет — за 900 снопов, раб 15 лет — за 900, рабыня 36 лет — за 1 тыс. снопов, рабыня 7 лет — за 600 снопов, что соответствовало 30, 20, 20, 25, 15 рё серебром [32, XIV, с. 268].

Все сделки приходятся на период в 22 года — с 737 по 758 г., а территориально — на столицу Хэйдзё и провинции Оми, Мино, Танго, Тамба, Этидзэн. По имеющимся сведениям о стоимости 33 проданных рабов обоего пола и разного возраста, средняя рыночная цена раба с известными оговорками может быть принята за стандартную цену раба в указанное время.

Для того чтобы ее высчитать, необходимо произвести некоторые расчеты. Во всех перечисленных случаях, за двумя исключениями, цены указаны в снопах, а в упомянутых двух исключениях — в связках монет (1 связка = 1 тыс. монет). Естественно возникает вопрос о содержании риса в снопе и о ценах на рис в те годы.

Документы, хранящиеся в Сёсоин, содержат довольно много цен на разные сорта риса в интересующее нас время: на необдирный рис — 13, на обдирной — 7, на рис без указания сорта — 5. Цены, естественно, колеблются даже в пределах одного

сорта риса. Средняя рыночная цена необдирного риса составляла 700 монет, обдирного — 835 монет за коку. Поскольку основная документация принадлежит храмам Тодайдзи и Исиямадэра, эти цифры могут быть принятыми за средние рыночные для области Кинай (пристоличной) в 762—763 гг.

Деликатной проблемой является установление соотношения мер и весов той эпохи, а тем более — их абсолютного значения. По «Сюгай-сё», 6 сю = 1 фуну, 4 фуна = 1 рё , 12 рё = 1 тону, 16 рё = 1 малому кину, 3 малых кина = 1 большому кину (или 48 рё), 10 больших кинов = 1 снопу (1 сноп = 1 то) необдирного риса = 5 сё обдирного [34, с. 131]. Итак, сноп риса содержал по весу примерно 30 кинов риса в колосе, по объему же — белого, обдирного риса на 5 сё. Последняя цифра подтверждается и другими документами.

Абсолютное значение одного сё для той эпохи — величина, не твердо установленная. По Савада Гоити, 1 сё той эпохи равнялся примерно 4 нынешним хо. Если это так, тогда обдирного риса в одном снопе было примерно на 2 нынешних сё, т. е. 3,6 л. По цене 1 сноп риса соответствовал 5 сё обдирного риса, и, следовательно, если верить приведенным документам, 1 сноп риса стоил от 35 монов 6 фэнов 5 ри до 41 мона 7 фэнов 5 ри, т. е. 34—41 монет [34, с. 132].

Однако данные о стоимости рабов и о ценах на рис разделены 13 годами. В течение этого промежутка, в 760 г., были отлиты новые монеты, и цены на продукты претерпели значительные колебания. Поэтому возможно надежнее опираться на данны 759 г., по которым 1 сё риса стоил 5 монет, а один сноп риса — 25 монет [32, XII, с. 18]. В 738 г. рис стоил 4 монеты за 1 сё и 20 монет за 1 сноп риса [34, с. 132]. Поскольку речь идет об утвержденных ценах, стандартные рыночные цены могли быть несколько выше.

Исходя из сказанного можно предположить, что в середине VIII в. стандартная цена взрослого раба средних качеств составляла 800 снопов риса, или 20 связок монет, а взрослой рабыни — 600 снопов, или 15 связок монет (или 40 и 30 коку риса соответственно).

В связи со сказанным выше встает вопрос о покупательной способности суммы, в которую оценивался раб, т. е. об имущественной цене раба. По материалам старых документов, опубликованных в 1—17-м томах «Дай Нихон кобунсё», можно произвести подборку цен на продукцию той эпохи: на зерно, ткани, недвижимость, драгоценности, напитки, ель, масло, сою, скот и земледельческие орудия, оружие и изделия из кожи, строительные материалы, топливо, дикие травы, морские травы и водоросли, домашнюю утварь и обстановку. Судя по этим данным, цена 800 снопов риса, или 20 связок (т. е. их покупательная способность), соответствовала стоимости 16 рё серебра (здесь и далее по современным значениям мер — 600 г.), 370 кинов высокосортной меди (= 222 кг), 80 танов ткани из Тамба (= 30,4 м),

30 с лишним хики полушелка (=714 м), 3 тё 6 тан с лишним целины в Ига (=3,6 га); двух коней среднего качества из Суруга, 266 железных заступов, 400 железных серпов, 57 коку молодого вина из Бунго (=10,26 тыс. л), 16 коку соли из Этидзэн (=2880 л); 26 коку 6 то соевого масла из Ито (=4800 л), 8 панцирей, 54 конских шкур, 588 досок толщиной 2,5 сун, 5 тыс. связок соломы, 2,222 тыс. связок хвороста, 60 тыс. кинов древесного угля (36 т), 80 тыс. когтей, 100 коку с лишним баклажанов (18 тыс. л) [34, с. 150].

Как видим, имущественная ценность раба в ту эпоху была высокой. Раб считался самым ценным движимым имуществом в хозяйстве. Даже среди прочих, преимущественно домашних предметов движимости и недвижимости раб выделялся высокой стоимостью. За исключением недвижимости, почти нет такого имущества, продукции, единица которых стоила бы дороже раба. Следовательно, раб в ту пору занимал очень важное место среди имущественных ценностей.

Этот вывод подтверждают и законы той эпохи. При изложении правил раздела наследства холопы и рабы названы отдельно как особые группы из четырех перечисленных: холопы, рабы, приусадебный участок, движимое имущество. При совершении сделок на рабов закон требовал соблюдения таких же строгих правил, как при поземельных сделках.

По указу от 19 мая 715 г., все имущество самого бедного двора оценивалось в сумму, начиная с одной связки монет [31, VI, с. 89.] Но по закону раб оценивался в 600 монет, а рабыня — в 400 монет, цена четы рабов приближалась к стоимости всего имущества такого двора. Рабов, как ценное имущество, старались накопить; прибавлению рабов радовались как хорошему урожаю. В «Ходзи кокин энги» помещено следующее сообщение. Существовал особый обряд зарывания в яму ритуального сосуда (баопин), служившего оберегом храмовых земель. Над этой ямой устанавливали пять плит, одна из которых должна была обеспечить храму изобилие рабов [34, с. 151]. Уменьшение числа рабов считалось признаком упадка дома, хозяйства. В «Нихон рёи ки» есть место, где об упадке хозяйства говорится в таких словах: «Рабы разбежались, скот передох, имущество пропало, и дом обеднел» [24, с. 77].

В описях имущества храмов, особенно храма Хорюдзи, холопы и рабы занимают более важное место, нежели скот. В календаре той эпохи на 756 г. («Гутюрэки») заполучение раба в дом оценивалось как доброе предзнаменование хозяину (в записи от 15 января) [34, с. 153].

Все это свидетельствует о высокой потребности в рабах. И действительно, как сам характер хозяйства, так и государственные мероприятия подтверждают эту мысль. В VIII в. в стране интенсивно увеличиваются посевные площади. Указ 722 г. говорит об одном миллионе тё распаханной плодородной земли. В указе 723 г. говорится о передаче в пожизненное владение

заброшенной земли тому, кто ее обрабатывает; во владение, почти потомственное (на срок до трех поколений), целины тому, кто ее подымет и обеспечит орошение. В 744 г. вышел закон о передаче в вечное владение распаханной целины [34, с. 155—156]. Аристократы и храмы, а также другие лица наперебой стремились завладеть землей. Но подъем целины, а тем более налаживание оросительной системы поглощали массу человеческого труда. Храмовое и дворцовое строительство, отливка гигантских статуй Будды, разведение и поддержание в хорошем состоянии садов — все это требовало огромных расходов и прежде всего многих человеческих рук. Дороговизна рабской силы по сравнению с ценами на товары и предметы обихода является яркой иллюстрацией этого спроса.

На основании изучения почти двух десятков документов той эпохи выясняется, что жалованье работника зависело от его силы, возраста, умения и т. п. Средний работник, не обладавший особой профессиональной подготовкой, получал в день 10 монет, работница — 5 монет (на хозяйских харчах). Харчи, в свою очередь, обходились хозяину примерно в 15 монет в день на человека [34, с. 167—168].

Общий спрос на рабочую силу, естественно, распространялся на рабов. Но потребность в рабах определялась не только спросом на рабочую силу, но и желанием хозяев расширить свои земли за счет казенных наделов на рабов и холопов. И те и другие получали $^1/_3$ надела свободного, но доход с этих рабских наделов, как уже говорилось выше, попадал в руки хозяина за вычетом налогов. Хотя и с рабских наделов полагалось платить поземельный налог, последний не превышал (во всяком случае, в начале эпохи) 3% урожая, подать же и прочие повинности не распространялись на такие наделы. Полагающиеся из казны наделы повышали имущественную ценность рабов.

Поскольку подушный надел крестьянского двора, по некоторым данным, обеспечивал около $^3/_5$ потребности семьи в пище [34, с. 169], такому двору оставалось на выбор: или подавать неверные сведения о составе двора, или скрывать лишнюю землю, или приобретать дополнительные наделы, или заполучать льготную целину, или хотя бы распахивать заброшенные земли. В этой ситуации рабы с их наделами и с их способностью трудиться и расширять запашку становились желанны и необходимы для крестьянского двора.

По закону владелец мог посылать своих холопов и рабов вместо себя для выполнения трудовой повинности. Эта льгота оказывалась привлекательной прежде всего для податного сословия, т. е. для казенного крестьянства и других, кто не освобождался от привлечения к трудовой повинности. На практике такие рабовладельцы, принадлежавшие к «среднему» классу, освобождались от несения личной государственной трудовой повинности, тяжелой и обременительной.

В условиях высокой потребности в рабах остро стояла проб-

лема получения рабов. Источники пополнения контингента рабов могут быть внутренними и внешними. Для Японии того периода к первым следует отнести естественное воспроизводство уже имеющихся рабов, порабощение преступников, должников, похищение свободных, продажу в рабство родителями своих детей. Ко вторым, внешним источникам принадлежит порабощение военнопленных и инородцев, покупка.

Уровень естественного воспроизводства рабов зависел от условий их жизни. Дурное содержание и изнурительная работа повышали уровень смертности рабов и понижали рождаемость в их среде. В Японии в VIII—XI вв. рабов, по всей видимости, не эксплуатировали на износ. Но одно только естественное воспроизводство рабов никак не могло удовлетворить спрос на них.

Случаи продажи родителями своего потомства наблюдались довольно часто, особенно в голодные годы, но часть проданных в этих условиях впоследствии освобождалась правительством или семьями [48, XXX, 21]. По кодексу, такая продажа каралась годом каторги [28, с. 76].

Порабощение преступников предусматривалось кодексами, но в Японии оно не стало массовым (например, после подавления мятежей и восстаний народных масс). К тому же такое порабощение пополняло лишь контингент казенных рабов и дворов.

Документы, свидетельствующие о развитии долгового рабства, для этой эпохи немногочисленны, но, судя по указу 691 г. [48, XXX, 21] и по «Тайхо-Ёро рё» [26, XXX, 21], оно существовало: должник, не могущий платить законных процентов, или самого долга, или и того и другого, обращался в раба на срок отработки задолженности.

Распространенными, хотя и незаконными формами порабощения являлись прямое похищение и скрытое порабощение. Так, в 703 г. в провинции Ангё было захвачено и превращено в рабов более 200 человек; они были освобождены правительством [31, III, с. 27]. Такое похищение считалось, однако, уголовным преступлением и подлежало наказанию [28, с. 74].

Для восполнения равновесия между спросом и предложением на рабскую силу в мировой истории чаще всего использовали внешний источник пополнения контингента рабов: порабощение военнопленных, инородцев и покупку рабов. В середине VII в. Ямато получало с континента довольно большое количество военнопленных, которых превращало в зависимых или даже рабов. Интересно отметить, что некий Са Хун-кэ, принимавший участие в составлении кодекса «Тайхо рицурё», был по происхождению китайцем, взятым в плен полководцем Пэкче и подаренным правителю Ямато [34, с. 176]. Но начиная с VIII в. заморский источник пополнения рабов закрылся, да и из числа покоренных айнов немногие становились рабами, тем более частными. В «Сёку Нихонги» под датой 20 января 776 г. рассказывается о том, как 358 пленных из провинции Дэва (т. е.

айны) были распределены между Государственным советом и провинцией Сануки. Из них 78 были пожалованы департаментам и приписаны к «подлому люду» [31, XXXIV, с. 598]. Однако частное порабощение айнов, как прямое (включая куплю-продажу), так и косвенное (путем превращения в наложниц или усыновления), каралось каторгой [52, с. 53]. Хотя натурализовавшиеся иммигранты независимо от прежнего состояния считались в Японии свободными, но если по каким-то причинам они продолжали вести «рабское существование», то их вновь прибывшие родичи-рабы сохраняли прежний статус и в Японии [29, VIII, с. 44]. Отношения со странами континента, а главное, то положение, которое существовало в Корее и в Китае, не благоприятствовало закупкам там рабов для Японии.

Бегство рабов и их освобождение являлись дополнительными факторами, обострявшими проблему пополнения числа рабов. Первое выросло из стихийной реакции самих рабов на свое порабощение и на тяжелое положение, второе являлось сознательной политикой центрального правительства, которое было заинтересовано не в росте числа «настоящих» рабов, тем более частных, а в увеличении контингента податного населения — свободного и полусвободного.

Естественно, что в этих условиях потребность в рабах превышала возможности их поступления, что поддерживало цену на рабов на высоком уровне. Высокая в целом цена на рабов не исключала разницы в цене отдельных групп рабов. В одно и то же время и в одном и том же месте существовала разная цена на рабов. Важнейшие обстоятельства, определявшие рыночную цену на раба, — условия применения его труда и его «качество».

Что касается разницы в цене рабов в зависимости от условий применения их труда, то (как уже говорилось выше) из всех профессиональных категорий рабов наиболее дорогостоящими были категории рабов специального назначения, а именно рабы для зрелищных и иных развлечений (актеры, певицы, танцоры и т. п.). Они продавались по цене самой дорогой лошади. За ними по стоимости шли мастеровые, лишь немногим уступая первым. Такигава Масадзиро даже уверяет, что если обычные рабы стоили примерно одинаково в древнем Риме и в древней Японии, то японские рабы из категории зрелищных далеко уступали римским по цене [34, с. 178].

Скудность сведений (всего 33 случая упоминания цен на рабов) не позволяет сделать определенный вывод. Но можно сослаться на случай продажи в Тамба двух 24-летних рабов по 900 снопов за каждого, 19-летней рабыни — за 1000 снопов и 17-летней — за 950 снопов [34, с. 178]. По-видимому, рабыни отличались красотой, если стоили дороже молодого раба-работника. Из всех рабов, цена которых нам известна, самым дорогим оказался раб-каретник: за него уплатили 1,4 тыс. снопов. Рабы-земледельцы и рабы-мастеровые стоили дорого, домашние

рабы — дешевле всех. Но следует помнить, что и эти последние в страду работали на полях.

На разницу в цене влияли возраст, пол, здоровье, внешний вид, характер, профессиональная подготовка рабов и рабынь.

Как и свободные, рабы делились по возрасту на шесть групп: 1) дети — четырех лет и моложе; 2) подростки — пяти—15 лет, 3) молодые — 16—20 лет; 4) взрослые — 21—60 лет; 5) старые — 61—65 лет; 6) дряхлые — 66 лет и старше. Смысл такого деления не вполне ясен. Являлось ли оно чисто бюрократической мерой? Имело ли то же значение, что и для казенных крестьян? Или же лишь частично совпадало с последним, а частично таило в себе другие цели? Взрослые казенные крестьяне считались трудоспособными (и тягловыми) 1-го разряда; старые — 2-го, молодые — 3-го разряда. Если такое деление переносилось на рабов и полурабов, то только казенных. Оно, безусловно, имело значение при переводе из одного разряда «подлого люда» в другой, более высокий. Самыми дорогостоящими были взрослые рабы, а самыми дешевыми — дряхлые и дети. Средняя цена взрослых рабов обоего пола (по приведенным данным) равнялась 971 снопу риса за человека, молодых — 925 снопов, подростков — 720 снопов. Точные сведения о цене на рабов-детей, стариков и дряхлых отсутствуют, и само это отсутствие показывает, что они не котировались на рынке рабов и либо вообще не находили покупателя (старики, дряхлые), либо давались в придачу (дети).

Принадлежность к мужскому или женскому полу служила важным критерием цены. Раб, как правило, стоил дороже рабыни. Хотя наемный работник получал примерно в 2 раза больше работницы, средняя цена (16 из 33) раба составляла 996 снопов риса, а рабыни (13 из 33) — 796 снопов, т. е. обе цены соотносились одна к другой как 5 : 4. Узаконенные, т. е. официальные, цены соотносились как 3 : 2 соответственно.

Больные и калеки оценивались дешево. В ряде случаев продавцы стремились скрыть физические дефекты продаваемых рабов. Кодекс «Тайхо-Ёро рицу» особо оговаривал случай, когда после совершения купчей в течение трех дней у раба обнаруживалась старая болезнь, о которой не было объявлено при продаже. За сокрытие такой болезни продавцу полагалось 30 палок [28, с. 161]. По указу от 18 августа 766 г., если провинциальный государственный храм «по ошибке купит плохих рабов или рабынь, он может вернуть их прежнему владельцу в течение трех лет» [29, III, с. 454].

Такая черта характера рабов, как строптивость, не нашла четкого отражения в японской документации. И тем не менее известен случай, когда некий раб 24 лет был продан частным лицом из провинции Тадзима в казну в 750 г. и потом стал рабом храма Тодайдзи. Этот раб бежал, скрылся в провинции Тадзима, был схвачен, возвращен первоначальному владельцу, который переправил его в храм. Через несколько месяцев раб

снова бежал, и все повторилось сначала, за тем исключением, что храм отказался принять его обратно и потребовал у казны заменить строптивого раба послушным. Этот инцидент вызвал переписку между губернским управлением и храмом [34, с. 186—188].

Наличие профессиональной подготовки раба или рабыни и ее качество сделались важными критериями, определявшими цену рабов. В документе от 762 г., посвященном строительству в храме Исиямадэра, предусмотрено три ставки оплаты в зависимости от мастерства работника: 20, 19, 16—18 монет [34, с. 189]. Хотя эти ставки касались наемных рабочих, они распространялись и на рабов в тех случаях, когда эти рабы отдавались храму своими владельцами в аренду для выполнения тех или иных работ.

Цена рабов зависела и от «сопровождения», т. е. прежде всего от имеющейся у него одежды, также размера и качества его надела. В «Тайхо-Ёро рицу» разобран случай, когда раб похищался вместе с одеждой или другими ценностями. В первом случае считалось, что одежда неотъемлема от раба, поэтому похититель карался только за кражу раба; во втором случае вора могли привлечь и за кражу ценностей [34, с. 192]. Из этого видно, что хотя одежда не определяла цену раба, она влияла на нее.

Особым видом «сопровождения» оказывались земельные наделы рабов и рабынь. Если надел был хороший, цена раба повышалась. А когда в 792 г. холопы и рабы в пристоличной области Кинай перестали получать наделы, цены на них упали. Впрочем, сказанное отнюдь не означает, что рабов всегда продавали с их наделами. Хотя невозможно установить в каждом известном случае продажи факт наличия у проданного раба такого «сопровождения», очевидна невозможность такой сделки в большинстве случаев. Поскольку раб как движимое имущество продавался в другое место, он вряд ли мог захватить с собой недвижимость. По-видимому, он сохранял за собой лишь право на такой надел, причем реализация такого права на новом месте зависела от ряда условий. Прежний же его надел при очередной ревизии у старого владельца изымался.

Для выяснения места рабства в японском обществе VIII—XI вв. определение числа рабов приобретает особое значение. Выяснение отношения числа рабов ко всему населению страны превращается в одну из сторон проблемы. Такую работу пытались проделать японские ученые: Ёкояма Ёсикиё и Конакамура Киёнори в «Сёкка сиряку», Такэкоси Ёсабуро в «Экономической истории Японии» («Нихон кэйдзай си»). В первом сочинении использованы дворовые описи эпохи Нара (VIII в.), хранящиеся в Сёсоин, и число рабов определено в 5% населения, попавшего в описи. Второй труд, основанный на этом же материале, дает цифру 3,9%. Такигава Масадзиро, проведя собственные расчеты только по тем документам, которые сохранили ясные

фамилии и имена, получил цифру 5,64% [34, с. 197]. На деле он использовал 20 дворовых описей за период с 702 по 733 г. из провинций Мино, Тикудзэн, Бидзэн, Бинго, Симоса, Рикуо, Хитати, Сануки, Инаба, Ямасиро и правого сектора столицы Хэйдзё (Нара). Всего населения по этим описям числилось 5435 человек, из них рабов — 307 [34, с. 196—198].

Такэкоси Ёсабуро, который высчитал цифру 3,9% по этим же описям, добавляет, что учреждения, храмы, аристократия и кланы имели много рабов, по-видимому до 15% всего населения. Но эти учреждения, организации и лица не подавали дворовых описей, а сохранившиеся описи не могли принадлежать богачам [52, с. 61]. Такигава Масадзиро считает, что казенное, храмовое, дворцовое рабовладение распространялось не менее чем на половину всего контингента рабов, находившегося в распоряжении мелких и средних рабовладельцев, подававших дворовые описи. Поэтому общую долю рабов во всем населении страны он склонен повысить по крайней мере до 10% [34, с. 199].

Установление общего количества рабов в абсолютных числах возможно лишь на материале численности всего населения страны в ту пору. Такая работа была проделана Савада Гоити в его статье «Экономика населения эпохи Нара в цифрах», которую мы используем в пересказе Такигава Масадзиро [34, с. 201—202]. В 747 г. вышло правительственное постановление, требующее, чтобы в каждом дворе числилось 5—6 мужчин взрослых тягловых и один молодой, полутягловый, в поселке же — 280 взрослых тягловых мужчин и 50 молодых [31, XVII, с. 271]. Учитывая процентное соотношение групп, входящих в дворы, вычисленное по описям, получается, что всего в таком поселке должно было быть 637 мужчин и 737 женщин, а в среднем — 1399 человек. По «Вамёсё», в стране числилось 4041 тыс. поселков с населением более 5 млн. 600 тыс. человек. По «Энгисики» (используя соотношение между указанной в источнике численностью тягловых и прочих), в 810—922 гг. насчитывалось примерно 5 млн. 586,2 тыс. человек. Поскольку цифры получены независимыми путями, следует считать справедливым вывод Савада Гоити и признать, что в VIII в. в Японии жило 5—6 млн. человек [34, с. 203].

Если предположить, что процент рабского контингента был приблизительно равен 10—15, то это составит 500—600 тыс.—750—900 тыс. рабов [34, с. 204].

Эффективность этого рабского контингента как производственного, вспомогательного или обслуживающего зависела от его концентрации. Территориальное распределение рабов можно выяснить исходя из того, что их плотность в целом соответствовала плотности прочего населения (кроме столицы). Савада Гоити приводит число податных (и полагающихся с них налогов в снопах) и всего населения по провинциям, кроме провинций области Кинай, на 815 г. В области Кинай подати были снижены

наполовину, и, основываясь на этом, можно подсчитать и число податных в Кинай [34, с. 207—212].

Зная средний процент рабов по стране (10—15%), легко подсчитать процент рабов в общем количестве населения каждой из областей. Он самый высокий в Токайдо и Тосандо, затем следуют Сайкайдо и Санъёдо и, наконец, — Нанкайдо. Хокурикудо, Кинай. Но если иметь в виду концентрацию рабов в расчете на единицу площади, то Кинай сразу выдвинется на первое место, затем Сайкайдо и Санъёдо, и уже потом — Токайдо и Тосандо.

Если ориентироваться на число населения, попавшего в дворовые списки, то первое место по плотности концентрации рабского населения займет Кинай, затем Тосандо и Токайдо и далее — Санъёдо и Сайкайдо [34, с. 215—224].

Итоги всех трех подсчетов, в общем, совпадают. По абсолютной численности рабов области Токайдо и Тосандо, имеющие обширную площадь, выдвигаются на первое место, вслед за ними идут Сайкайдо и Санъёдо и, наконец, Кинай. По плотности рабского населения первое место бесспорно принадлежало области Кинай, а затем уже Сайкайдо, Санъёдо и потом уже — Токайдо и Тосандо. Итак, территориальная концентрация рабов по стране в целом пропорциональна «обжитости и богатству» области.

Поскольку рабы представляли собой значительную ценность, их распространение должно было находиться и находилось в прямой зависимости от богатства рабовладельцев. Самым богатым был, безусловно, в ту пору императорский дом, за ним стояли храмы, дома аристократов и, наконец, дома провинциальной знати. Богатство последних в XI в. превысило состоятельность придворных аристократов. Но в VIII в. богатство еще, как правило, сочеталось с высоким социальным положением.

Рабовладение императорской семьи упрочилось вскоре после реформ Тайка и приняло вид казенного. Так, рабы при дворце Симаномия принца Кусакабэ являлись потомками рабов царской семьи дореформенной поры; теперь они считались казенными. В последней четверти VII в. число рабов в этом дворце достигало нескольких сотен. Если к ним прибавить 800 дворов крестьян, данных казной принцу «в кормление», то здесь налицо уже крупное имение. После смерти принца в 688 г. бóльшая часть рабов отошла в казну. К 750 г. их число в этом дворце снизилось до 100; впоследствии 83 раба из этого числа были переданы храму Тодайдзи [53, с. 39—41].

В VIII в. императорский дом, государство, казна еще составляли до известной степени единую общность. И рабы, принадлежавшие императорскому дому или дворцу, как и рабы учреждений и ведомств, одинаково назывались казенными. Сколько насчитывалось таких рабов и холопов — источники умалчивают. Косвенные свидетельства отличаются отрывочным и противоречивым характером. В 750 г. император Сёму подарил храму

Тодайдзи 200 казенных рабов, причем сохранился подробный список с характеристикой каждого раба и с указанием на их прежнюю принадлежность [34, с. 228—234]. Судя по этому списку, казенные рабовладельческие учреждения выдали 200 казенных рабов для храма Тодайдзи из контингента рабов, проживающих в окрестностях столицы Хэйдзё. Поскольку соответствующее учреждение собирало этих рабов из разных мест, сомнительно, чтобы вокруг столицы жило от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч рабов. Одновременное изъятие 200 рабов могло оказать известное влияние на «нормальный» ход казенного производства и обслуживания. А поскольку были собраны рабы в возрасте от двух до 62 лет, то, по-видимому, рабов не выбирали по качеству или по возрасту, а брали всех подряд из тех, которые оказывались под рукой. Правда, на выбор могли оказывать влияние и заинтересованные учреждения, удерживая здоровых и молодых рабов. Как бы то ни было, эпизод с набором 200 казенных рабов в дар храму обнаруживает известные затруднения при внезапном изъятии даже 200 рабов, а это говорит о том, что казенных рабов (в провинциях области Кинай) было не бесчисленное множество и что все имеющиеся рабы были заняты делом [42].

Этот вывод косвенно подтверждают и налоговые списки провинции Ямато за 730 г. В этих списках по уездам приведены суммарные данные о количестве зерна, отпускаемого на питание казенных рабов в течение года; в уезде Хэгури — 23 коку 7 сё, в уезде Ямабэ — 108 коку 2 то 8 сё 8 го. Дневной рацион казенного раба, как это видно, составлял 1 сё 7 го 5 сяку зерна, а рабыни — 1 сё 2 го. Поскольку в лунном году считалось 355 дней, можно подсчитать число рабов в разных уездах провинции Ямато. В уезде Хэгури могло быть 3,71 рабов или 5,41 рабынь, в уезде Ямабэ — 17,43 рабов или 25,42 рабынь. Итак, казенных рабов в двух уездах могло находиться в пределах трех десятков. Во всех же 15 уездах провинции могло быть около 225 рабов. Рабы при казенных учреждениях служили не в одной провинции Ямато. Они обнаруживаются даже в сравнительно отдаленной провинции Сагами. Но без большой ошибки можно предположить, что в каждой из этих провинций казенных рабов числилось меньше, чем в провинции Ямато. Общая цифра казенных рабов по стране, по-видимому, не сильно отдалялась от 5—6 тыс. [34, с. 236—237].

Исторические источники Японии свидетельствуют о том, что значительная часть рабов той эпохи принадлежала храмам, причем буддийским. Сохранился реестр рабов храма Тодайдзи за 772 г. В нем числилось 202 раба, а в наличии оказалось только 188, остальные 14 находились в бегах. Но еще у храма имелось 153 незарегистрированных раба, т. е. всего примерно 350. В храме Хорюдзи в 747 г. числилось 533 раба, т. е. за исключением группы «спорных» (25 человек) и холопов (123); всего же «настоящих» рабов насчитывалось 385. В храме Хокодзи число

рабов оказалось наивысшим — 1,713 тыс., но среди них и процент «спорных» рабов оказался самым высоким — 724; число беглых также было значительно — 327. «Настоящих» же рабов в наличии зафиксировано 662 [34, с. 239—244]. Прочие крупные храмы обладали, примерно таким же числом рабов.

Провинциальные государственные храмы владели, как правило, небольшим количеством рабов (по положению — по шесть человек в каждом).

О числе рабов в синтоистских храмах сведений почти нет. Впрочем, известно, что в храме Кагосима-мия в 758 г. имелось 218 рабов [31, XXI, с. 359].

Итак, храмовое рабовладение в Японии в VIII—XI вв. представляется сравнительно развитым. Хотя общее число храмовых рабов той поры не поддается учету, оно, по всей вероятности, значительно превышало количество дворцовых рабов.

Рабовладение в японских храмах с начала VIII в. и по крайней мере на протяжении всего этого века неуклонно росло. Так, если в течение первой половины VIII в. количество рабов в храме Тодайдзи колебалось между 6 и 54, то в течение второй половины VIII в. — уже между 260—280. Контингент рабов увеличивался за счет правительственных пожалований и покупок: только в 749 г. казна передала храму 200 рабов. Рабы трудились в различных ремесленных мастерских храма, в самом храме, а также в усадьбах и на полях этого храма. Характерно, что рабы-ремесленники храмом ценились особо; мастерские храма Тодайдзи работали на рынок [18].

Количество рабов, принадлежавших аристократии, носителям придворных рангов, составляло внушительную цифру. Еще в 587 г. у Мононобэ Мория и его клана находилось в рабстве 500 человек. После падения Мория 273 раба отошли к храму [48, XXI, 8—10]. Впрочем, значительность цифры такого рабского владения вызывает некоторые сомнения. И тем не менее в том же источнике содержатся сведения, подтверждающие, что в древности рабов было немало. Так, сообщается, что в 689 г. некий Комаро отпустил на волю 600 рабов [48, XXX, 14]. В 745 г. придворный Натэймаро освободил 203 раба [31, XVI, с. 261]. В 757 г. некий аристократ лично от себя или от своего клана подарил храму Тодайдзи 61 раба.

По подворному списку села Катаката уезда Ката провинции Мино от 702 г., у одного богача, не имевшего ни ранга, ни чина, оказалось 59 рабов [34, с. 256].

Некоторые усредненные, ориентировочные данные о числе рабов и холопов у аристократов высшего ранга можно почерпнуть в ряде разделов «Тайхо-Ёро рё»: в разделе о штатах и должностях, в разделе о войсках. В них зафиксировано количество холопов и рабов, положенное тому или иному высокому рангу, точнее, его носителю. Так, согласно разделу о штатах сановники 5-го ранга и выше могли иметь по 300 лично-зависимых — сидзин, по разделу о войсках офицеры 5-го ранга и вы-

Таблица 2

Количество крестьянских дворов рабовладельцев в общем количестве дворов

Количество дворов	Категория дворов			
	6-я	7-я	8-я	9-я
Общее	2	4	17	90
Рабовладельцев	2	2	9	7
Процентное соотношение	100	50	53	8

ше — 20—100. Правда точное значение этого термина, который условно можно перевести как ординарцы, неясно [26, XVII, 48—49].

Рабы, принадлежавшие мелким рабовладельцам, концентрировались несколько иначе. Как уже говорилось выше, рабы составляли по меньшей мере $^1/_{20}$ часть всего населения страны. Но каково было распределение рабов по дворам в среде рядового населения в зависимости от состоятельности этих дворов? В целом распределение рабов по дворам находилось в прямой зависимости от отнесения конкретного двора к одному из девяти разрядов дворов. В «Тайхо-Ёро рё» эта иерархия дворов разработана в связи с определением размера взноса риса в казенные амбары-запасники на случай неурожая [26, XI, 6].

В генеральных реестрах населения, хранящихся в Сёсоин, находятся и подворные описи провинции Мино за 702 г. В них все дворы разделены на девять категорий. К сожалению, дворы не поделены на богатые и бедные; точнее, богатых и состоятельных (категории 1—5-я) не зафиксировано, и мы не знаем размер имущества дворов каждой категории в абсолютных цифрах. Но если рассматривать эти дворы с учетом числа имеющихся у них рабов, то окажется, что среди дворов 6—7-й категорий сравнительно много дворов рабовладельцев, а среди дворов 8—9-й категорий — мало [34, с. 262—263] (табл. 2).

Таблица 3

Распределение рабов по четырем низшим категориям дворов в сравнении с числом рабов, приходящихся на один двор

Число рабов	Категория дворов			
	6-я	7-я	8-я	9-я
Общее	72	14	18	16
Среднее на один двор	36	3,5	1,05	0,17
Максимальное на один двор	59	13	4	3

Если же сопоставить число всех рабов, приходящихся на каждую категорию дворов, с числом рабов, приходящихся на

Таблица 4

Распределение дворов провинций Этидзэн и Ава по категориям

Провинция	Категория дворов									Вне категории
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я	
Этидзэн	1	4	4	4	5	8	11	13	45	920
Ава	—	—	—	—	2	2	3	11	69	327
Итого	1	4	4	4	7	10	14	24	114	1247

один двор, то получится следующая картина [34, с. 264—265] (см. табл. 3).

Кроме того, в Сёсоин сохранилось два интересных для нас документа. В одном, реестре амбара провинции Ава, датированном 730 г., а фактически относящемся к 750 г., даются сведения о количестве дворов по категориям; в другом — 750 г. — приводятся аналогичные данные по провинции Этидзэн [34, с. 265—268] (табл. 4).

Исходя из того, что мы определили число рабов в дворах 6-й категории приблизительно в 50—60, в дворах более высокой категории их могло бы быть от нескольких десятков до нескольких сотен. А поскольку в дворах 9-й категории рабов было мало, то в дворах, по бедности стоящих вне категорий, их, видимо, вообще не было. В VIII в. рядовые, бедные дворы редко владели рабами. По переписи села Кумоками провинции Ямасиро от 726 г., из 52 рабов 22 принадлежали одному богатому двору. Из аналогичной переписи дворов села Кавабэ провинции Тикудзэн за 702 г. явствует, что из 42 рабов 37 принадлежало одному богатому двору [34, с. 268].

Из сказанного следует, что если область Кинай с ее многочисленными храмами и усадьбами аристократов и богачей занимала первое место по концентрации рабов, то в отдаленных провинциях рабов было меньше. Неравномерность распределения рабов между категориями населения империи явилась одной из причин быстро увеличивавшегося разрыва между богатыми и бедными той эпохи.

Жизнь рабов, во всяком случае казенных, подвергалась правительственной регламентации. «Тайхо-Ёро рё» описывает одежду — летнюю и зимнюю, — которой снабжались казенные рабы старше трех лет ежегодно. Она состояла из верхней рубашки и шаровар (для мужчин и женщин), которые носили круглый год. Кроме того, полагалась куртка — мужская и женская. Всего перечислено четыре предмета одежды на лето и три — на зиму [26, XXX, 33]. Исподняя одежда шилась из полотна, чаще всего некрашеного; верхняя — преимущественно черного цвета. Последняя одежда часто обыгрывается в «Манъёсю» — в нее рядились искатели приключений, стремившиеся скрыть свой общественный, обычно высокий, статус.

Наиболее распространенной пищей рабов были рис и вооб-

ще зерновые. Часто это составляло весь рацион раба. Дополнительными продуктами питания служили бобовые, соя, овощи, дикие и морские травы, рыба.

Разумеется, образ жизни привилегированных рабов, т. е. занимавших сравнительно важные должности в доме (любимые и личные слуги, певицы, музыканты) и в учреждениях (служки), выделяющихся особыми профессиональными достоинствами, отличался от образа жизни рядового раба. Соответственно менялось и отношение к ним со стороны окружающих. Простые, рядовые рабы презирались [7, № 3828]:

К пагоде святой,
Где воскуряют ароматы,
Ты не приближайся, грязная раба,
Что съедаешь рыбные отбросы
У речных отхожих мест.

Итак, можно сказать, что «подлый люд» Японии в VIII—XI вв. трудился во многих сферах, как в производственных, так и в непроизводственных. Его труд использовался в земледелии, в ремесленном производстве, на строительстве дорог, вообще в строительстве, при перевозке грузов, в дорожном хозяйстве, в развлекательно-зрелищных мероприятиях, в сфере услуг, даже в военном деле. Но наиболее важными сферами применения труда рабов были земледелие, ремесло, домашнее хозяйство во всем его объеме. Во всех производственных сферах, кроме одной, превалировал труд мужчин-рабов, но в одной, в домашнем хозяйстве, — труд рабынь, которые занимались ткачеством, уходом за садом и огородом, обдиркой зерновых. В развлекательно-зрелищных мероприятиях рабыни трудились наравне с мужчинами-рабами.

Земледелие в тогдашней Японии было важнейшей отраслью хозяйства, и, естественно, труд рабов в основном использовался там. Более того, на рабов в то время полагались государственные наделы: на дворы при мавзолеях, на казенные дворы и на казенных рабов — по полной норме для казенных крестьян, т. е. по 2 тана (0,24 га) мужчине и $1^1/_3$ тана (0,16 га) женщине; на холопов и частных рабов — в размере $^1/_3$ полного надела казенного крестьянина, т. е. $^2/_3$ тана (0,08 га) мужчине и $^4/_9$ тана (0,05 га) женщине. Однако закон предусматривал многозначительную оговорку: наделы «подлому люду» выделялись лишь при наличии свободных земель в данном месте после всех прочих земельных выдач. А так как в густонаселенных районах, где концентрация рабов, в свою очередь, была наиболее высокой, уже в момент введения надельной системы ощущалась нехватка земли, то наделение «подлого люда» землей представляется проблематичным. Естественно, место рабовладельца в общественной иерархии оказывало сильное влияние при решении вопроса о наделении землей конкретных рабов. Казенные дворы и рабы, жившие в Кинай, по указу 792 г. официально утратили право на наделы. Все это значительно ограничивало участие

«подлого люда» в земледелии работой на полях их хозяев и приводило к другим важным последствиям, о которых будет сказано ниже.

Участие рабов в других сферах производства также имело свои особенности. Широкая, казалось бы, возможность применения труда рабов в строительстве, как в государственном, так и в имеющем государственное значение, реализовалась удивительно мало. Возведение столицы в Хэйдзё, постройка главного в стране буддийского храма Тодайдзи, отливка и установка гигантской статуи будды (дайбуцу), наконец, строительство государственных храмов и присутственных мест — все это осуществлялось руками казенных крестьян, работавших в порядке выполнения трудовой повинности. На строительство новой столицы, Нагаока, в 785 г. было мобилизовано 314 тыс. крестьян, и списки строительства не показывают, что на эту работу были привлечены рабы. Причины подобного явления многообразны. По-видимому, производительность труда крестьян считалась выше; вероятно, при существующей административной системе их легче было привлечь к работам, чем рабов, прочно закрепленных за учреждениями, храмами, частными рабовладельцами; возможно, этот контингент проще подвергался надзору на всех ступенях выполнения ими трудовой повинности; немалое значение имело и частичное самообеспечение крестьян, выполнявших трудовую повинность, орудиями труда, одеждой, питанием. По всей вероятности, во всех подобных случаях общая невысокая численность контингента рабов и закрепленность их за определенным учреждением или лицом не допускали свободного формирования сколько-нибудь многочисленных «рабочих бригад». Это, разумеется, не исключало участия казенных рабов и дворов в более или менее мелком текущем строительстве и в ремонтных работах, а холопов и частных рабов — и в крупном строительстве, но в качестве заместителей своих хозяев.

Таким образом, рабы в ту пору составляли ценное имущество, но, вероятно, не самое ценное и не столько просто ценное, сколько редкое. Поскольку земледелие являлось наиболее важным производством, более ценным имуществом считалась земля — орошаемая и неорошаемая. Для казенных крестьян, которые рабов почти не имели, самым ценным имуществом стали их наделы и приусадебные участки. Для храмов и аристократов, владевших многочисленными рабами, различные категории земель — привилегированные и непривилегированные — представляли собой в конечном счете более ценное имущество, чем рабы. Опись имущества храма Хорюдзи за 747 г. говорит о том, что храм имел: 533 холопа и раба, 3 коня, 9 волов, 2326 тё 2 тана 88 бу пахотной земли, 1929 тё 9 танов 76 бу земли, занятой огородами, лесами, горами, 1260 коку 8 то риса, 800 приписанных дворов крестьян и пр. Наиболее ценная часть владения храма — это пахотная земля (2326 тё) и приписанные дворы, принадлежащие государству, но обязанные часть налогов отда-

вать храму (800 дворов). И только следующей по ценности статьей оказались 533 раба [34, с. 395].

Если мы вспомним, что в среднем раб оценивался в 3 тё 6 танов целины, то по совокупной ценности эти 533 раба соответствовали 1920 тё целины. Перед нами выбор: к какому из двух видов земельных владений храма Хорюдзи отнести эту цифру? По смыслу (целина!) она скорее сопоставима со второй группой земельных владений — с огородами и лесами, что, безусловно, заметно понижает материальную ценность рабов, тогда как сравнение с пахотными землями делает рабов если не первостепенной, то второстепенной ценностью — после приписанных крестьянских дворов.

По всей вероятности, в ту эпоху богатство человека оценивалось по площади земельных владений и числу приписанных крестьянских дворов, или дворов в кормление (дзикифу), а не по числу рабов. Это подтверждает и кодекс «Тайхо-Ёро рё», который уделяет «подлому люду» как имущественной ценности ничтожно мало внимания по сравнению с землей.

По подворным спискам VIII в., количество рабов в крестьянских дворах не превышало 5% всего состава двора. Но, поскольку дворы, о которых идет речь, обладали средним и низким достатком, а также небольшим количеством рабов, необходимо также учитывать хозяйства богатых слоев населения и организаций. Цифра повысится примерно до 10%, а по некоторым данным — до 15% всего населения [52, с. 61], в храмах и поместьях — до 30%. В древнем же обществе, которое почти совсем не знало применения в хозяйствах механизмов, в производственном труде участвовало 70—80% населения [34, с. 396]. Общее же количество рабов в Японии в VIII—XI вв. в цифровом отношении не достигало (причем основательно) общего числа непроизводственных (составлявших 30—20% населения), и уже по одному этому рабы не могли выполнять функции ведущего слоя работников в сельскохозяйственном производстве.

Этот вывод приобретает еще большую убедительность, если принять во внимание особенности концентрации рабов по социальным группам рабовладельцев и по районам. В VIII в. — в столетие расцвета надельной системы и рабства — ведущей формой хозяйства оставались дворы казенного крестьянства. Однако концентрация рабов отмечена в пристоличных провинциях, в министерстве двора и других учреждениях, в храмах, у аристократов и богачей. Простонародье имело рабов редко и в ограниченных количествах. По подсчетам Такэкоси Ёсабуро, перепись 702 г. зафиксировала у рядового населения одной из деревень провинции Мино полурабов и рабов 3% всего населения, в храме Тодайдзи — 3,9, зато у представителей местной знати — 25—30% всего населения [6, с. 93]. По переписи дворов в 721 г., в деревне Одзи провинции Симоса почти не числилось рабовладельцев [35, с. 293].

Дворцовое, храмовое, аристократическое рабовладение тер-

риториально превалировало в области Кинай. Поскольку лишь достаточно плотная концентрация рабов допускала дифференциацию их труда, эффективность его применения повышалась лишь при достаточно плотной концентрации рабов. Это, в свою очередь, способствовало дифференциации самого производства и позволило части аристократов и богачей захватить некоторые отрасли производства той эпохи, но меньше всего земледельческого.

Поразительно, но факт остается фактом, что самый крупный и могущественный рабовладелец эпохи — японский монарх в лице своего министерства двора при обработке правительственных участков разного рода рассчитывал отнюдь не на казенные дворы или на казенных рабов, а на привлекаемых к исполнению трудовой повинности казенных крестьян. Специальная статья кодекса «Тайхо-Ёро рё» гласит: «Министерство двора ежегодно вперед определяет, согласно правилам, потребное количество рабочей силы на предстоящий год соответственно видам засеваемых культур и количеству танов (т. е. площади в танах.— *М. В.*), ставит об этом в известность власти и ведает этой рабочей силой» [26, VIII, 37].

Как мы видели выше, хотя храмы получали в дар рабов от казны, частных лиц и сами покупали их, они эксплуатировали рабов не только в земледелии и не столько в земледелии. Интерес храмов к рабам определялся во многом тем, что по правилам храмы не получали от казны кормовых пожалований (дзикифу), т. е. приписанных крестьян [26, XV, 14]. Храмам также запрещалось принимать в дар земли [26, VIII, 26].

Аристократы и богачи, используя рабов, захватывали пустоши, а часто и общинные горы, болота, выгоны, а нередко и крестьянские земли (под предлогом, что устроенное ими орошение распространяется и на эти поля), чем способствовали разорению крестьянского хозяйства и превращению крестьян в нищих и беглых. Однако усадьбы аристократов не приобрели значения рабовладельческих латифундий, так как аристократы и чиновники — все числились на государственной службе, за которую получали земли на разных условиях, приписные крестьянские дворы (кормовые пожалования) и жалованье натурой, но отнюдь не рабов. Если правительство при этом исходило из принципа, что все виды жалованья выдаются лишь за службу и до тех пор, пока чиновник служит, то и придворное, или служилое, сословие на этот срок (а фактически в той или иной мере — постоянно) получало экономические ресурсы более выгодные, чем рабская сила. Тем более что очень скоро, в конце VIII в., правительство перестало выделять на рабов землю, следовательно, рабовладельцы должны были содержать рабов целиком за свой счет или за счет продукции, произведенной рабами. Правда, рабов можно было использовать при обработке пустоши, которая становилась частной собственностью, но и в этих условиях стало выгоднее сажать разоренных казенных аренда-

торов или таких же рабов на землю на оброк, что в корне меняло характер труда этих рабов.

Итак, рабский труд оказался всего лишь одной из разновидностей форм труда «правового государства».

В Японии в VIII—XI вв. существовали такие лично-свободные трудовые коллективы, как арендаторы — казенные крестьяне, работники по найму, или по контракту, батраки (юхи); такие полусвободные, как члены корпораций (томобэ, дзакко); наконец, такие несвободные, как рабы, холопы, каторжники и пр. Рабы были лишь одним из несвободных трудовых коллективов, но из них — самым важным. Гораздо большую роль в производстве играли казенные крестьяне, лично-свободные, составлявшие большинство гражданского населения страны. С IX в. рабы сохранялись лишь в качестве слуг в казенных учреждениях, в домах знати или подсобных работников у мелких рабовладельцев.

Само рабство, как система, не оставалось неизменным на протяжении всего времени существования «правового государства» в VIII—XI вв. Рабство эволюционировало, причем особенно большое значение для судьбы политической системы приобрела эволюция казенного рабства и полурабства. Возникнув еще в дотайковское время как рабство клановое и царское, оно приобрело размах в ходе реформ Тайка и особенно после проведения в жизнь положений кодекса «Тайхо-Ёро рицурё [47, с. 26]. Не случайно эпоха Нара, т. е. период нахождения столицы в г. Хэйдзё (Нара), приходящийся на VIII в., оказалась кульминацией государственного рабства как системы в раннесредневековой Японии. Именно в то время были четко оформлены и поставлены на службу центрального правительства такие категории лично-несвободных, как дворы при мавзолеях, казенные дворы и казенные рабы и некоторые другие. Каждая из этих категорий на первых порах довольно хорошо увязывалась с дотайковскими традициями и с новыми возможностями. Все они в совокупности служили узкой, но непосредственной опорой нового режима, обслуживая двор, центральный аппарат управления личным трудом — безотказно или с некоторыми ограничениями. Широкой опорой, доставлявшей правительству средства — материальные и людские (для государственного строительства) — стал казенный люд. Однако по мере роста государственного аппарата и государственных расходов усиливалась государственная же эксплуатация подневольного люда. Очень скоро появились недоимщики и беглые, но, что характерно, правительство и не думало обращать их в рабов за государственные долги, хотя долговое рабство несостоятельных должников на срок до выплаты долга допускалось кодексом «Тайхо-Ёро рё».

Весьма скоро, в 792 г., казенные рабы перестали получать наделы — их стало не хватать и для казенных крестьян. Это возложило на правительство обязанность содержать казенных

рабов и полурабов за счет каких-то посторонних средств. Но эти посторонние средства не только не возрастали, но и, наоборот, уменьшались, так как уменьшался слой основных налогоплательщиков — казенных крестьян и, напротив, увеличивался слой вельмож и чиновников, на содержание которого требовались дополнительные материальные и людские ресурсы. Усиление эксплуатации вызвало бегство рабов и сопротивление казенных дворов. Последнее поддерживалось укреплением семей этих зависимых. Ища выход из создавшегося положения, правительство стало освобождать казенные дворы и казенных рабов. Такие освобожденные стали именоваться «нынешним добрым [людом]» (конрё). Однако они сохраняли производственные связи с дворцовым управлением [54]. Так, освобожденным в 749 г. казенным ремесленникам велено было не оставлять своих занятий [52, с. 57].

В IX в. правительство пыталось смягчить сопротивление казенных рабов путем фиксации их трудовых обязанностей и содержания, но без особого успеха. Существенным фактором, определившим кризис сословия казенных рабов и дворов, явилось освобождение их от налогов и повинностей по закону. Поэтому перевод казенных рабов в «добрый люд» — в категорию казенного крестьянства — превращал их в податное сословие.

Сходные же процессы происходили в среде частных холопов и рабов. Аристократы и храмы усиливали их эксплуатацию в погоне за новыми пашнями и пытаясь расширить производство; мелкие рабовладельцы, постепенно разоряясь на казенных наделах, бо́льшую часть тягот также перекладывали на своих зависимых. Именно в частновладельческой среде существовало долговое рабство, не получившее, однако, широкого распространения [47, с. 26].

Рабы, естественно, оказывали сопротивление своим хозяевам. Японские источники не зафиксировали массовых и активных форм протеста — восстаний и войн. Однако они часто сообщают о такой типичной форме протеста, как создание шаек разбойников. Наиболее резкой формой индивидуального протеста стало убийство хозяина рабом. По кодексу «Тайхо-Ёро рицу», убийство хозяина каралось обезглавливанием раба или холопа; убийство родственника хозяина — удавлением; нанесение раны хозяину или оскорбление его — ссылкой. Обвиненный и осужденный по этим статьям не мог рассчитывать на смягчение наказания или на амнистию. Характерно, что кодекс в этих случаях даже не обсуждал мотивов, которыми могли руководствоваться рабы или холопы, совершая такие поступки. Закон предусматривал суровое наказание бывшему рабу за месть своему прежнему хозяину [28].

Наиболее распространенной формой протеста стало бегство рабов и холопов, как казенных, так и частных. Такое бегство выросло в государственную проблему. По одному из списков, подаваемых дворами, от 726 г., в бегах числилось 45% рабов и

18% рабынь [35, с. 296]. Некоторые источники утверждают, что в отдельных случаях процент беглого «подлого люда» подскакивал до 78%, но, что самое главное, всегда держался на значительно более высоком уровне, чем процент беглых казенных крестьян [15, с. 73]. Такая ситуация способствовала тенденции освобождать рабов и холопов и превращать их в «добрый люд» — в казенных крестьян. В таблицах 5 и 6 представлены 40 известных случаев таких освобождений, которые коснулись 6140 человек, включая крупные — освобождение 3920 беглых в 770 г., 500 казенных рабов в 750 г., 218 храмовых рабов в 750 г., 303 рабов в 745 г. В большинстве случаев освобождение распространялось на «разные дворы» и на казенных рабов. Но с 744 по 766 г. известно всего о двух случаях освобождения «разных дворов» и казенных ремесленников (томобэ) и о пяти случаях освобождения казенных рабов [35, с. 296—298].

Тенденция к постепенному, нарастающему освобождению лиц рабской категории прослеживается в законах и положениях, касающихся смешанных браков. Уже в указе 645 г. говорилось: «Дети, рожденные от „добрых" (свободных. — *М. В.*), принадлежат отцу; если свободный вступит в связь с рабыней — дети останутся с матерью; если свободная сойдется с рабом — дети останутся с рабом; если супруги-рабы принадлежат разным хозяевам — дети остаются с матерью» [48, XXV, 9]. По указу 691 г., «если младший брат из простонародья продан старшим братом, он считается свободным („добрым". — *М. В.*); если ребенок продан родителями — он считается „подлым"; если кто-нибудь попал в „подлые" за долги — он считается свободным; его дети, рожденные от брака с рабыней, считаются свободными» [48, XXX, 21]. По «Тайхо-Ёро рё», если «добрые» или холопы, попав в зависимость более тяжелую, чем их прежнее состояние, вступят в брак с рабыней, родят детей, а потом вернутся в исконное состояние, то их дети останутся с ними — как «добрые», или холопы [26, VIII, 37]. Если представитель «подлого люда» вступит по незнанию в брак с представителем «доброго люда», то дети от этого брака считаются «добрым людом» [26, VIII, 42]. Дети от холопов и «членов дома» хозяина передаются в казенные дворы [26, VIII, 43]. С 798 г. дети от смешанных браков «доброго» и «подлого» люда стали признаваться свободными во всех случаях.

В результате в 902 г. правительство опубликовало указ о широком освобождении рабов [15, с. 74]. В соответствии с пониманием категорий рабства в то время указ коснулся частных и казенных рабов и холопов, которые были переведены в сословие «доброго люда», причислены к казенному крестьянству, что и явилось важной целью указа. Указ почти не коснулся казенных дворов — мастеровых дворцового ведомства, или, точнее, министерства двора.

Чем все же можно объяснить, что рабство в Японии, возникнув как уклад еще в дотайковскую пору и достигнув своего

Таблица 5

Распределение освобождений по десятилетиям VIII в.

Период	Число случаев
701—710 гг.	4
711—720 гг.	11
721—730 гг.	2
731—740 гг.	—
741—750 гг.	7
751—760 гг.	7
761—770 гг.	6
771—780 гг.	2
Итого . . .	39

Таблица 6

Распределение освобождений по категориям несвободных

Категории несвободных	Число случаев
Казенные ремесленники	2
Разные дворы	12
Казенные дворы	1
Дворы при мавзолеях	1
Казенные рабы	6
Подлый люд богов	4
Частные рабы	5
Рабы (без уточнения)	7
Прочие несвободные	2
Итого . .	40

расцвета в VIII в., не сыграло ведущей роли в общественной и экономической жизни страны и тем более не оформилось в формацию, а испытало вскоре глубокий упадок, хотя в пережиточном виде продлилось до XIX в.? Исторический материализм указывает на общие, основные условия превращения рабства в социально-экономическую систему, в формацию.

Рабский труд должен быть дешевым, самым дешевым в данную эпоху и, следовательно, давать наивысшую норму прибыли по сравнению с любым другим трудом. Для эффективного функционирования экономики страны требуется много, очень много рабов (и уже поэтому их труд будет дешев), и эта их многочисленность должна непрерывно поддерживаться (обычно за счет внешних источников пополнения рабского контингента). Необходимо, чтобы труд раба в хозяйстве был настолько производительным, чтобы вполне оправдывалось его содержание, в приемлемые сроки окупалась стоимость раба и, главное, создавался

прибавочный продукт, желательно бóльший, чем при других способах производства. Последнее условие не всегда обязательно. Так, если в конкретную эпоху существует более производительный труд, но широкому и эффективному его использованию поставлен предел, то это не препятствует победе рабского труда, относительно низкая производительность которого компенсируется его дешевизной. Наконец, для судьбы рабской системы имеет значение и характер внутриполитических и социальных противоречий, ведущих к разрушению производительных сил как самих рабов, так и мелких свободных хозяев. Но каково было значение этих (или иных) процессов в японской действительности той эпохи?

По государственной оценке, в начале VIII в. раб стоил 600 монет, а рабыня — 400 монет. На рынке же в середине VIII в. (а вероятно, и раньше) раб продавался за 800 снопов, или за 20 связок (20 тыс. монет), а рабыня — за 600 снопов, или за 15 связок (15 тыс.) монет, в среднем. Таким образом, рыночная цена примерно в 35 раз превышала официальную. Отчасти это объяснялось (равно как и рост рыночных цен на другие товары против официальных) инфляцией, возникшей сразу же после введения монетной системы, но в основном — это следствие занижения цены государством и роста потребности в рабочей силе. Выше мы отмечали, что раб считался самым дорогим движимым имуществом. Все состояние крестьянского двора низшей категории оценивалось государством в стоимость четы рабов; на деле же рыночной стоимости этой четы соответствовало состояние двора 3—4-й категорий [52, с. 61—62].

По любым меркам контингент японских рабов в ту эпоху не может считаться многочисленным. Более того, условия пополнения этого контингента, о которых говорилось довольно подробно, не обеспечивали ни постоянного притока новых рабов, ни поддержания их численности на прежнем уровне.

Во сколько же обходилось содержание раба? Казенный раб должен был получать в день на прокормление 1 сё 7 го 5 сяку рису, а рабыня — 1 сё 2 го [34, с. 236]. Современное значение этих мер: 3,17 л и 2,16 л соответственно (по другим данным, эти цифры надо сократить примерно вдвое). Храм Тодайдзи расходовал на пропитание рабов около 4 го (0,72 л) в день на человека [34, с. 526]. Во что обходилась пища рабов в мелких хозяйствах — точно неизвестно. Для сравнения напомним, что на еду наемному работнику в день отпускалось 4—5 горстей риса (4—5 сяку, т. е. 0,072 л) или 10 монет [34, с. 168]. Значительная разница в цифрах объясняется для казенных рабов их относительно привилегированным положением среди прочих несвободных и номинальным, а не фактическим характером этой нормы; для наемных рабочих — наличием платы за труд и собственного подкорма. Весьма вероятно, что рацион казенного раба предназначался и для неработающих членов его семьи.

Поскольку казенный раб получал до поры до времени пол-

ный надел тяглового казенного крестьянина, т. е. 2 тана, максимальный урожай с этого участка мог достигать: 50 снопов×2 тана = 100 снопов. На пропитание же он получал в день 1,75 сё зерна, в год из 355 дней — 621 сё, т.е. 124 снопа [34, с. 236]. Таким образом, максимальный урожай с рабского надела покрывал лишь 4/5 официальной годовой нормы казенного рациона. Не менее 1/5 потребности в зерне по этой норме ему должна была выдавать казна. А после того как в 723 г. из наделения землей исключили детей казенных рабов, а с 792 г. — всех казенных рабов, их содержание легло на государство. Это особенно остро поставило вопрос о содержании непроизводственных рабов; содержание рабов производственных могло окупаться производимым ими продуктом.

Владельцы частных рабов могли рассчитывать на дополнительные 1/3 надела свободного соответствующего пола: на взрослого раба полагался участок в 2/3 тана, который при хорошем урожае мог принести до 33 снопов. По некоторым данным, казенному крестьянину в год требовалось на прокормление в среднем 62—63 снопа [23, с. 224]. По этой норме урожай с рабского надела еле дотягивал до половины требуемого. Разумеется, питание раба должно было быть скуднее, чем хозяина, но не намного. Очевидно одно, рабский надел далеко не обеспечивал даже скромного содержания раба в крестьянском дворе. Такой раб питался в основном за счет урожая с надела хозяина, в который он, конечно, вкладывал свой труд.

Если верить данным, храмы выдавали своему рабу в день около 4 го зерна (0,4 сё), что давало в год: 0,4 сё×355 дней = = 142 сё, или 28 снопов. При такой норме питания хорошего урожая с надела могло только-только хватить, так как владелец частного раба платил за него еще налог казне, минимум — 3%, т. е. 1—2 снопа. Однако нет уверенности, что названные цифры выражали весь рацион раба.

Во всех трех вариантах рабовладения — казенного, мелкого и храмового — проглядывает одна тенденция: содержание рабов обходилось недешево и не обеспечивалось казенными наделами даже при условии, что такие наделы действительно выделялись, причем полностью и удовлетворительного качества, и урожаи с них оказывались неизменно высокими.

Все сказанное подводит нас к оценке окупаемости раба. Рассмотрим ее с учетом быстроты окупаемости раба-мужчины в сельском хозяйстве на двух примерах.

Как мы отмечали, стоимость раба-мужчины соответствовала стоимости участка земли в 3 тё 6 танов (36 танов), еще не паханной. Потенциальный урожай с такого участка мог достичь 1800 снопов, т. е. стоимость одного раба могла окупиться 1/3 годового урожая. Впрочем, это чисто умозрительные расчеты, которые пригодны лишь для того, чтобы показать относительную выгодность применения труда рабов в больших имениях по сравнению с рядовыми крестьянскими хозяйствами.

В самом деле, по подсчетам Такигава Масадзиро, в ту эпоху средняя крестьянская семья состояла из десяти человек (трое мужчин, пять женщин, двое детей). Она могла иметь казенный надел площадью 1 тё 2 тана 240 бу и снять урожай в 398 снопов [23, с. 223]. Если одним из десяти членов такого двора оказывался раб, то на его долю как работника приходилось около 40 снопов, т. е. $^1/_{20}$ его рыночной стоимости. Разумеется, в более богатой семье и в более многоземельном и урожайном хозяйстве доля годового продукта на такого раба могла повыситься до $^1/_8$—$^1/_5$ его стоимости.

Причины относительно медленной окупаемости раба в решающей отрасли производства страны заключались как в дороговизне самого раба (о чем уже говорилось), так и в невысокой производительности его труда, в общем положении на рынке рабочей силы (об этом речь пойдет ниже).

Прямые данные о производительности труда рабов, да еще в земледелии — ведущей отрасли производства, в нашем распоряжении отсутствуют. Можно лишь предполагать, причем без особой уверенности, что при определении нормы земельного надела правительство учитывало и физическую способность наделяемого обрабатывать участок. Если это так, тогда производительность казенного раба (как и казенного арендатора) ограничивалась способностью обработать 2 тана земли, а производительность частного раба — способностью обработать $^2/_3$ тана после выполнения всех прочих заданий (как раба). Разумеется, это лишь допущение, так как положением предусматривалось удвоение нормы надела при плохой земле [26, VIII, 3], следовательно, потенциальная возможность обрабатывать более обширный участок.

Косвенные сравнительные данные о производительности труда рабов в то время можно найти за пределами рабского состояния. По подсчетам японских экономистов, в 820 г. (в современных мерках) с одного тё заливного поля «первого сорта» собирали 8 коку риса, с поля «второго сорта» — 6 коку, с поля «третьего сорта» — 5 коку, с поля «четвертого сорта» — 2 коку. Для сравнения экономисты сообщают, что урожай в XVII — первой половине XIX в. с поливных полей составлял (также в среднем) 15, 13, 11, 9 коку риса соответственно [23, с. 159]. Из этого сравнения видно, что урожай в IX в. был примерно в 2 раза хуже, чем через 800—1000 лет, причем особенно низкой держалась урожайность на плохих землях.

По частично уже приведенным расчетам Такигава Масадзиро, семья казенного арендатора, состоящая из десяти человек, вполне могла располагать наделом площадью 1 тё 2 тан 240 бу (1,45 га). При среднем урожае в 30 снопов с одного тана весь урожай с такого семейного надела достигал 398 снопов (соку). Из этого урожая двор должен был отложить в семенной фонд 25 соку 3 сяку 3 фун, т. е. 25 снопов и 3 горсти с небольшим. Остаток 372 соку 6 сяку 7 фун в переводе на меры сыпучих тел

составлял 18 коку 6 то 3 го 5 сяку (или, по подсчетам Савада Гоити, в современных мерах — 7 коку 5 то 2 сё 8 го). Такигава Масадзиро считает, что для семьи в десять человек в год на питание требовалось по крайней мере 627 снопов 8 горстей риса (или 627 соку 8 сяку). Хотя в источнике, которым и мы пользовались, последняя цифра не раскрывается (несомненно, учитывалась ежедневная норма, разная для разных членов семьи: мужчин, женщин, детей и пр.), на круг на одного человека в день приходится неполные две горсти (сяку) зерна, что меньше любых известных выдач провианта несвободным и зависимым. И при этой норме такая семья обеспечивала не более $^3/_5$ своих потребностей в зерне, или в пище [23, с. 223]. Причем из этого урожая еще не вычтены налоги.

Упоминание о семенном фонде позволяет приблизительно определить урожайность как сам-16.

Такое хозяйство и по меркам той эпохи считалось самым бедным — 9-й категории (с доходом до 20 коку риса), но подобных хозяйств среди крестьянских было большинство (об этом свидетельствует анализ подворных описей). По урожайности полей, по суммарному доходу на двор (тем более — на человека), не обеспечивающему даже прожиточный минимум, такое хозяйство никак нельзя считать производительным, даже самоокупающимся. Естественно, что этот вывод в еще большей степени приложим и к труду несвободных членов таких дворов.

Ориентируясь на «Правила обработки казенных земель для провинций Дадзайфу» от 22 февраля 823 г., в которых все три вида поступивших налогов выражены в снопах, Такэкоси Ёсабуро определяет потенциальную или, лучше сказать, номинальную производительность труда взрослого мужчины-земледельца в 2 то необмолоченного риса в день, т. е. в один сноп. Однако реальный доход (да и производительность) сильно отставали от этой цифры. По тому же исследованию, полный надел взрослого крестьянина — 2 тана — мог дать самое большое 100 снопов, которые содержали 500 старых, или 290 современных, сё зерна (2,9 коку). За вычетом налогов (4 снопа = 12,8 сё) у крестьянина оставалось на один день из 365 — 7,5 сяку (горстей), а у крестьянки с ее надела в $1^1/_3$ тана — 5,1 сяку (не считая детей и престарелых) [52, с. 116—117].

Судя по документу из провинции Этидзэн от 757 г., 70 наемных земледельцев обработали за семь дней поле площадью 4 тё 9 танов. Каждый заработал в день по снопу (т. е. примерно по 5 сё риса, или по 25 монет) и получал от нанимателя на пропитание по 4 горсти (сяку) риса в день. Таким образом, один человек мог обработать в день около 0,7 тана, т. е. 0,024 га [34, с. 160—161]. Мы не знаем точно, что подразумевалось под словом «обработать». Судя по иероглифам, речь идет о подъеме целины, а по времени вспашки — и о посеве. Неизвестно также, кем были эти наемные землепашцы. Впрочем, ими вполне могли быть и арендованные у рабовладельца рабы (тогда жа-

лованье, но не кормовые, досталось рабовладельцу). Скупые сведения документа позволяют все же сделать некоторые выводы. При такой рабочей норме казенному рабу для обработки (аналогичной описанной в документе) своего надела требовалось не менее 20 дней, а частному — 15—16 дней. Но важнее другое: если весь урожай по максимальной мере (50 снопов с одного тана) мог достичь 2450 снопов, а жалованье и прокормление работников только за часть годового цикла работы составили 686 снопов $\left(1\times70\times7+\frac{4\times70\times7}{10}\right)$, то это означает, что одна вспашка и посев поглотили 28% самого высокого урожая. И действительно, землепашцам было заплачено в 2 с лишним раза выше, чем стоил средний неквалифицированный наемный труд, в который, по-видимому, не входил или не всегда входил труд землепашца. При этом 40% затрат хозяина поля составило питание земледельцев. Это, конечно, говорит о невысокой производительности труда земледельца, как, впрочем, и о дороговизне рабочей силы, питания и пр. Причем здесь мы ориентировались на «нормальные» цены, но цены на рис постоянно росли и особенно резко подскакивали при неурожаях или стихийных бедствиях. Так, например, в 764 г. 1 коку риса (100 сё, или 180 л) *подскочило* в цене до 1 тыс. монет. В этих случаях хозяину либо было нечем кормить рабов (или рабочих), либо он стремился рассчитаться с ними монетами по твердому, официальному курсу. В любом случае указанное соотношение между всем урожаем и стоимостью рабочей силы и ее прокормления нарушалось еще резче.

Напомним, что даже средняя рыночная цена на рис в 762—763 гг. держалась на уровне 700 монет за 1 коку (180 л) необдирного и 835 монет за 1 коку обдирного риса при официальной цене 711 г. в 17 монет (1 монета за 6 сё, 1 коку = 100 сё).

Кроме того, в стране действовали (по крайней мере в начале VIII в.) твердые официальные цены — цена одного рабочего дня, усредненная как в отношении его характера, так и профессионализма, но в целом включающая в себя плату за сравнительно простой физический труд. Эти цены распространялись на государственные строительно-ремонтные работы, осуществляемые по найму [26, XXIX, 52], а также на все виды работ в порядке выполнения трудовой повинности [26, X, 1]. Во всех случаях, кроме первого, когда ставка предстает в трех вариантах, незначительно отличающихся в зависимости от длины светового дня, эта ставка одна и та же — 2 сяку 6 сун ткани (при ширине 2 сяку 4 сун) в день взрослому мужчине (т. е. 1 дан ткани), которые приравнивались к одному снопу риса, к 0,1 кинов меди, т. е. к 20—25 монетам. В двух первых случаях работник трудился на хозяйских харчах, в третьем — на своих.

Мы уже упоминали, что при работе по соглашению, а не по твердой ставке взрослый мужчина зарабатывал в день в среднем 10—15 монет, а взрослая женщина — 5 монет, да еще око-

ло 10 монет в день такой работник стоил своему хозяину, обязанному его кормить. Таким образом, рабочий день по вольному найму оценивался примерно в ту же сумму — 20—25 монет.

Следовательно, для VIII в. стало типичным положением, когда при сравнительно высокой официальной оценке стоимости рабочего дня на непосредственное воспроизводство рабочей силы (питание) требовалось до 50% этой суммы-оценки.

В этих условиях, т. е. при общей относительно низкой производительности труда, труд раба, несомненно еще менее производительный, хотя, возможно, и не очень намного, но зато ощутимо дорогой, оказывался малопривлекательным для хозяина. В приведенном примере с запашкой руками наемных земледельцев норма прибыли довольно низкая.

Но чтобы окончательно подтвердить эту мысль, необходимо вкратце рассмотреть положение в основном трудовом лагере эпохи — в лагере казенного крестьянства.

Следует указать на тот, казалось бы, парадоксальный факт, что расцвет рабства в раннесредневековой Японии совпал со временем господства труда «вольных» казенных крестьян как производителей. В конкретных условиях Японии того времени это господство жестко сузило возможности комплектования фонда рабов, определило их невысокую численность и дороговизну, а следовательно, и концентрацию их в казне, в храмах, у аристократов. Применение труда полурабов и рабов, в том числе в производстве, оказывалось рентабельным лишь при достаточно эффективном функционировании основной экономической системы. Ее же составляло хозяйство крупное (храмовое, аристократическое, дворцовое) и мелкое (казенное крестьянское). Аристократия, теряя власть и сопряженные с ней пожалования, уступала место провинциальным магнатам — держателям поместий (сёэнов) и богачам — обладателям «именных полей». Дольше держалось храмовое хозяйство, но и оно переходило на новые формы. Однако ключевые перемены происходили именно в мелком хозяйстве, потому что именно оно должно было кормить не только своих владельцев, но и весь аппарат централизованного государства, что от него в конечном счете в созданной системе зависело хозяйство казенное, храмовое, аристократическое.

Дворы казенных крестьян в начале эпохи также владели малым количеством рабов. По плану государственных деятелей страны, всесторонне разработанному в кодексе «Тайхо-Ёро рицурё», казалось бы, обеспечивалась незыблемость сословия казенного крестьянства. Однако кризис наступил тотчас же.

С момента издания манифеста о реформах в 645 г. и кодексов «Тайхо-Ёро рицурё» в 702 и 718 гг. налоги и повинности постепенно утяжелялись. Поземельный налог в 646 г. составил 22 и 15 снопов с 1 тана земли в зависимости от ее качества (как считают, около 3% среднего урожая), в 718 г. — 22 снопа. Поскольку в 833 г. один тан земли производил самое большее 50 снопов, уже тогда налог составлял не менее 4,4% урожая.

По «Энгисики», в 926 г. уже признавали четыре сорта полей, чья урожайность составляла 50, 40, 30, 15 снопов, причем для плохой земли налог уже возрастал до 15% урожая. В указе 823 г. приводятся унифицированные цифры налога, подати к трудовой повинности, выраженные в снопах: 15, 20, 15. Итоговый подбор в 45 снопов с 10 танов (при урожайности в 40 снопов с 1 тана) достигал 11% всего урожая и, по-видимому, являлся лишь декларацией [29, с. 814—818]. К 926 г. размеры подати и трудовой повинности возросли непомерно [38, с. 306—309]. Особенно неконтролируемо росли побочные сборы и повинности: обязательные взносы зерна в государственные запасники, платежи и проценты по государственным ссудам семян (иногда навязываемым), «подарки» императору, трудовая повинность — основная (10 дней), чрезвычайная (до 30 дней), местная (до 60 дней — только по закону), а также новые формы и случаи поборов, вводимые властями сверху без реального ощущения возможности или невозможности их осуществления, но всегда неожиданные для тягловых.

По некоторым подсчетам, казенный крестьянский двор отрабатывал государству непосредственно или в переводе налогов и податей на рабочие дни до 80 дней только по основной триаде повинностей. Дополнительные повинности съедали у него еще до 60 дней. После этого двор тратил оставшееся время, чтобы обеспечить мужчине 7,5 сяку, а женщине 5,1 сяку в день при высоком урожае на хорошем поле [52, с. 118] и при среднем урожае на плохом поле — на круг на человека около 2 сяку (горстей) в день [23, с. 223].

Какие-либо возможности коренных улучшений в ведении хозяйства при существующей структуре общества оказались уже исчерпанными. Это и понятно, так как усовершенствование агротехники шло именно по линии повышения урожайности скудных и неполивных полей, а это требовало не только значительного приложения физического труда, но и сложных, разносторонних навыков в земледелии, применения более совершенных земледельческих орудий, например плугов на лошадиной или бычьей тяге. Однако эффективное осуществление этих и ряда других мер было возможно лишь при таком социальном положении земледельца, которое отличалось от положения казенного арендатора, а тем более от рабского состояния.

Крестьянам, положению которых наносили удары и казенная система землепользования, и частновладельческие хозяйства, и само рабство, оставалось лишь покидать свои наделы и становиться бродягами. Их положение тогда вполне могло приравняться к положению рабов, и вместе с ними они организовывали разбойничьи шайки (как, например, в 917 г.) или поднимали бунты, в том числе и в самой столице — в 982 г. В 901—922 гг. крестьянские дворы уже и юридически освободились от рабов. Система «доброго» и «подлого» люда, «граждан» стала фикцией. И те, и другие искали пристанища и находили его во

владениях местных феодалов, храмов, обладавших иммунитетом от налогов, а иногда и от самой центральной власти в лице ее представителей на местах, где и создавали новые хозяйства, но уже в иных социальных и экономических условиях (на первых порах платя лишь один низкий поземельный налог-ренту). К XII в. в провинции Осуми, например, из 3070 тё обрабатываемой земли лишь 250 тё принадлежало государству и облагалось налогами [52, с. 122—123].

Итак, в Японии VIII—XI вв. рабство, достигшее внешнего расцвета в VIII в., доказало свою неэффективность. Рабов было мало, и они были дороги, а труд их еще менее производителен, чем даже труд казенных крестьян, также не отличавшийся высокой производительностью. При низкой производительности труда и невысокой урожайности в определяющей отрасли хозяйства — в земледелии — удавалось получать лишь скудный и дорогой по цене урожай. Этот последний либо едва обеспечивал простое воспроизводство, либо давал настолько низкий прибавочный продукт, что это ограничивало возможности расширения производства, т. е. мешало шире использовать тот же самый труд рабов.

Даже в VIII в. рабство могло поддерживаться и внешне процветать лишь в интересах централизованного управления, двора, храмов и аристократии, которые оно непосредственно обслуживало, и либо прямо на средства, собираемые с казенных крестьян, либо косвенно, за счет всей экономической и финансовой системы в целом. Упадок этой системы привел к полному краху и рабство как особую социальную организацию.

Мы не повторяли здесь общеизвестные принципиальные соображения о причинах упадка рабства, как такового, в теоретическом плане, а охарактеризовали лишь конкретные процессы и формы этого кризиса, приведшего к изменению сущностного характера разных групп несвободных [19], даже когда внешне они сохранились в последующую эпоху [44], вплоть до нового времени [20].

Хотя в начале этой статьи мы упомянули, что речь пойдет о рабстве в так называемом «правовом государстве» Японии VIII—XI вв., это обстоятельство никак не накладывает на нас обязанности дать обоснованную социально-экономическую характеристику этого государства, определить его формационную принадлежность. По меткому замечанию Н. И. Конрада, «история показывает, что отнюдь не рабство как таковое является определяющим признаком рабовладельческой формации» [6, с. 201], а (добавим мы) весь комплекс социально-экономических отношений в их взаимосвязи, который в статье не рассматривался. Только дискуссионность проблемы формационной принадлежности «правового государства» Японии в VIII—XI вв. в зарубежной историографии вынуждает нас высказать и свое отношение к ней.

Прежде всего сам термин «правовое государство» может

быть приложим (если уж допускать в литературу этот термин) только к одной, юридической стороне государственного строительства. Он означает лишь период существования кодекса «Тайхо-Ёро рицурё» до появления в XII в. законоположений, явно противоречащих ему (формально кодекс никогда не отменялся). Но и до издания таких законоположений в экономике страны были отмечены решающие перемены, например появились частные поместья — сёэны, которые, однако, не фиксировались законом. Это говорит о том, что социально-экономическая структура так называемого «правового государства» неоднородна. Если иметь в виду раннюю стадию существования этого «правового государства», к которой в значительной степени и относится та характеристика положения с рабством, о которой мы говорили выше, то сказанное Н. И. Конрадом, на наш взгляд, верно определяет ситуацию в целом: «Государство в Японии в полной мере сформировалось в VII в., и оно было построено не на рабовладельческой, а на феодальной основе, хотя рабство в предшествующей истории японского народа существовало и рабский труд занимал важное место в хозяйственной жизни» [6, с. 201]. Мнение о феодальном характере этой эпохи в истории Японии разделяется и другими нашими японоведами [5, с. 15; 16, с. 14—15]. К этому можно добавить, что рабство как уклад сохранило важное место и в последующие 100—200 лет уже в условиях централизованной феодальной монархии.

[1] Многие из таких терминов попали в Японию из танского Китая (некоторые через Корею), но явления, которые они стали выражать в Японии, далеко не всегда тождественны танским (ср. [22, с. 539—541; 50, с. 33—37, 56, 64—67]) или корейским (ср. [21, с. 160]).

[2] Критический разбор других точек зрения и работ японских ученых можно найти в ряде статей, опубликованных в советских журналах (см., например, [10; 11; 12; 13; 14]).

[3] Поскольку настоящая статья является продолжением другой — «Некоторые формы зависимости в древней Японии» (Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984), мы не повторяем здесь историографию вопроса, критику ряда концепций, а также некоторые общетеоретические предпосылки проблемы в целом. Интересующихся этими вопросами мы отсылаем к указанной статье.

1. *Маркс К.* Наемный труд и капитал.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е.— Т. 6.
2. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Т. 46. Ч. 2.
3. *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма.— Т. 4.
4. *Энгельс Ф.* Рабочее движение в Америке.— Т. 21.
5. *Жуков Е.* История Японии. Краткий очерк. М., 1939.
6. *Конрад Н. И.* Избранные труды. История. М., 1974.
7. Манъёсю (Собрание мириада листьев). Пер. с яп. А. Е. Глускиной. М., 1971—1972.
8. *Мацуока Хисао.* Особенности японского феодализма. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук).
9. *Пак М. Н.* Общественный срок средневековых государств Кореи и Японии

(историография проблемы).— Типология развитого феодализма в странах Востока. Тезисы докладов и сообщений. М., 1975.
10. *Поздняков И. Г.* Прогрессивная японская историография о характере феодализма в Японии.— Народы Азии и Африки. 1962, № 3.
11. *Сырицын И. М.* Современная японская историография о формировании и социальной структуре древнего государства.— Вестник Московского университета. Сер. XIV. Востоковедение. 1970, № 2.
12. *Сырицын И. М.* Реформы Тайка и проблемы общины в освещении послевоенной японской историографии.— Вестник Московского университета. Сер. XIV. Востоковедение. 1973, № 2.
13. *Сырицын И. М.* Современная историография генезиса японского феодализма.— Историография стран Востока. М., 1977.
14. *Тихвинский С. Л.* Некоторые вопросы истории Японии в современной советской историографии.— Вопросы истории. 1967, № 4.
15. *Ханин З. Я.* Социальные группы японских париев (Очерк истории до XVII в.). М., 1973.
16. *Эйдус Х. Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968.
17. *Абэ Хиродзо.* Нихон дорэй си (История японского рабства). Токио, 1926.
18. *Дзинно Киёкадзу.* Тодайдзи-но нухи-но ёто-ни цуитэ (Об использовании рабов в храме Тодайдзи).— Нихон рэкиси. 1966, № 209.
19. *Исимура Юкио.* Нихон кодай-но нухи-ни цуитэ (кэнин-тэки кэйтай-то сираситэ) [О рабах японской древности (о холопах как особой форме)].— Рэкиси хёрон. 1973, № 3.
20. *Када Садаёси.* Кинсэй-мадэ ходзай сэрарэта кэнин нухи сэйдо (Система холопов и рабов, сохранившаяся до 1867 г.).— Миндзоку-то рэкиси (Сякайси кэнкю). 1920, т. 2, № 4.
21. *Лим Гонсан.* Чосон-ый пукок-чее кванхан ёнгу (Система [частно]-зависимых в Корее). Пхеньян, 1963.
22. *Лян Цичао.* Чжунго нули чжиду (Система рабства в Китае.).— Цинхуа сюебао. 1925, т. 2, № 2.
23. *Накамура Китидзи.* Нихон кэйдзай си (История японской экономики). Т. 1. Токио, 1955.
24. Нихон рёи ки (Чудесные предания Японии). Токио, 1973.
25. Нихон-но сотэн (Спорные вопросы истории Японии). Токио, 1963.
26. Рё-но гигэ (Комментированное издание «Тайхо-Ёро рё»).— Кокуси тайкэй. Т. 12. Токио, 1900.
27. Рё-но сигэ (Дополнение к «Комментированному изданию „Тайхо-Ёро рё“»). Токио, 1972.
28. Рицу (Уголовные законы).— Кокуси тайкэй. Токио, 1973.
29. Руйдзю сандай каку (Собранные и расклассифицированные указы трех правлений).— Кокуси тайкэй. Т. 12, 1900.
30. Сайбан сиё сё (Важнейшие положения о наказаниях).— Гунсёку руйсю. Вып. 6. Токио, 1980.
31. Сёку Нихонги (Продолжение «Нихонги», или «Летописей Японии»).— Кокуси тайкэй. Т. 2, 1897.
32. Сёсоин бунсё (Собрание документов из «Сёсоин»).— Дай Нихон кобунсё. Т. 2, 3, 7, 9, 12, 14. Токио, 1901.
33. *Такигава Масадзиро.* Дорэй сэммин рон (Рабы и «подлый люд»).— Син Нихон си кодза. Т. 3, кн. 4. Токио, 1957.
34. *Такигава Масадзиро.* Нихон дорэй кэйдзай си (История рабской экономики в Японии). Токио, 1956.
35. *Уэда Масааки.* Нихон кодай кокка сэйрицуси-но кэнкю (История создания древнего государства в Японии). Токио, 1959.
36. *Фудзитани Тосио.* Дорэйсэй (Система рабства).— Нихон рэкиси дайдзитэн. Т. 7. Токио, 1981.
37. *Хафуримия Сидзу.* Рицурё-ни ёру дзакко, рёко-но хико (Сравнение «разных дворов» и «дворов при мавзолеях» по «Тайхо-Ёро рицурё»).— Кокугакуин дзасси. Т. 35, 1929, № 12.
38. *Asakawa K.* The Early Institutional Life of Japan. A Study in the Reform of 645 A. D. N. Y., 1963.

39. *Frédéric Lois.* Pré-féodalité et féodalité au Japon: quatre siècles de transformation sociales et politiques (XII—XVII siècles).— Cahiers d'histoire mondiale. Vol. 11. 1968, № 3.
40. *Hall J. H.* Feudalism in Japan — a Reassessment.— Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. 1962, № 1.
41. *Inoue M.* The Ritsuryo System in Japan.— Acta Asiatica. 1977, № 31.
42. *Ishigami Eiichi.* On kan-nuhi.— Shigaku zasshi. Vol. 80. 1971, № 10.
43. *Ishii Ryosuke.* Japanese Feudalism.— Acta Asiatica. 1978, № 35.
44. *Isogai F.* A Basic Study on the Slave Law in Medieval Japan.— Rekishigaku Kenkyu. 1975, № 424.
45. *Jinno Kiyokazu.* A Treatise on the System of Government-owned Nuhi Servants of the Ancient Japan.— Palaeologia. Vol. 16. 1969, № 1.
46. *Kitayama Bunji.* An Essay on the Policy of the Government towards Be-no Tami in the Period Following the Taika Reform.— The Annual Reports on Cultural Science. 1957, № 6.
47. *Miyahara T.* The Structure of the Nu-hi in Ancient Japan.— Rekishigaku Kenkyu. 1966, № 312.
48. *Nihongi.* Chronicles of Japan from the Earliest Times to A. D. 697. Ruthland—Tokyo, 1973.
49. *Ota Hidemichi.* Slavery and Slave society.— Rekishigaku kenkyu. 1977, № 447.
50. *Pippon T.* Beitrag zum chinesischen Sklavensystem, nebst einer Übersetzung des «Chung kuo nu pei chi tu» (Das Sklavensystem Chinas) von Wang Shin-chien. Eine juristisch-soziologische Darstellung. Tokyo, 1936 (Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Bd. 29. Teil B).
51. *Shiozawa Kimio.* Les historiens japonais et le mode de production asiatique.— La pensée. 1965, № 122.
52. *Takekoshi Yosaburo.* The Economic Aspects of History of Civilisation of Japan. Vol. 1. L., 1930.
53. *Takigawa Masajiro.* Research on the Nuhi Servants under the Codex System since the Postwar. After Reading Kiyokazu Jinno's «A Treatise on the System of Government-owned Servants of Ancient Japan».— Palaeologia. Vol. 17. 1970, № 1.
54. *Takigawa M.* Erörterung über Imaro.— Shigaku zasshi. Vol. 42. 1931, № 2.
55. *Takigawa M.* Erörterung über Ryoko.— Shigaku zasshi. Vol. 43. 1932, № 3.
56. *Toma S.* On the Study of Slavery Age of Japan.—Rekishigaku Kenkyu. 1955, № 187.
57. *Vargö, Lars.* Social and Economic Conditions for the Formations of the Early Japanese State. Stockholm, 1982.

Г. Я. Смолин

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ X—XIII вв. О ЧАСТНЫХ СЕЛЬСКИХ РАБАХ В ИМПЕРИИ СУН (к проблеме рабовладельческого уклада в Китае времени развитого феодализма)

Наличие рабства и сходных с ним институтов и обычаев, их значительная роль в жизни китайского общества и государства не только на раннесредневековом этапе, но и в пору расцвета феодальных отношений, а также на стадии позднего средневековья давно уже принимаются в нашей литературе как факт бесспорный, общепризнанный. В разное время в той или иной связи он эпизодически привлекал к себе внимание отдельных советских авторов (см. [6, с. 112—117; 8, с. 8, 13, 17, 21, 22, 26, 157; 9, с. 7, 23, 30, 156; 10, с. 43, 53, 59—60, 65, 66, 69; 13, с. 356—357]), однако, за буквально единичными исключениями (как, например, [11 с. 94—96, 99—100; 15]), они ограничивались лишь общей его констатацией. Это относится и к хронологическому отрезку времени — с середины X до последней четверти XIII в., периоду существования империи Сун (960—1279), — когда в Срединном государстве полностью и окончательно возобладали все основные атрибуты зрелого феодального строя. Специальной разработке проблемы рабства как социального института в сунском Китае пока еще не подвергались. Между тем указанный период заслуживает особого внимания, хотя бы уже потому, что хронологически он непосредственно предшествовал установлению в Китае мрачного господства монгольских захватчиков, надолго задержавшего и существенно нарушившего развитие страны как в экономическом, политическом и культурном отношениях, так и в социальной сфере; в частности, рабство получило при монголах невиданно широкое распространение, особенно на Севере; как никогда раньше, оно стало играть в юаньском Китае заметную роль в общественном производстве и социально-политической жизни [5, с. 32—34; 7, с. 313—317; 12, с. 48—52, 113].

Крайне разрозненные, но довольно многочисленные, а нередко и весьма обстоятельные фактические сведения законодательных и документальных памятников, нарративных и прочих исторических, а также литературных источников X—XIII вв., равно как и достаточно выразительные оценочные суждения современников — государственных и политических деятелей, писателей,

историков, публицистов, мыслителей, — позволяют сравнительно полно и отчетливо представить картину рабства в Сунской империи в его экономическом, правовом и бытовом аспектах[1] Из большой совокупности конкретного фактического материала по широкой, многоплановой теме рабства как социального института в Срединном государстве указанных столетий в настоящей статье рассматривается преимущественно лишь тот, который относится к частному рабству на селе, поскольку этот вопрос изучен пока наиболее слабо[2], а между тем (и это главное) он имеет исключительную значимость для разработки общей проблемы рабовладельческого уклада в Китае времени расцвета феодальных отношений. Остальные аспекты этой темы, каждый из которых по-своему, несомненно, очень важен, нуждаются в дополнительных специальных исследованиях.

Сельские частные рабы, а равно и прочие категории рабов, вместе с другими группами лично-несвободного населения сунской империи (домашними крепостными буцюй, кэнюй и др.), имевшими, однако, несколько более высокий общественный статус [11], принадлежали, как было и раньше, к тому слою социальной иерархии, который традиционо обозначался общим термином «подлый люд» («цзянь минь», «цзянь жэнь» или «цзянь коу»)[3] и который в законодательстве, правовом мышлении, правовой практике и обыденном сознании того времени неизменно противопоставлялся лично-свободному «доброму люду» (термины «лян минь», «лян жэнь» или «лян коу»)[4] — земледельцам, ремесленникам, торговцам, учено-служилому люду и некоторым другим прослойкам. Качественное различие между «добрым людом», с одной стороны, и «подлым», в особенности рабами, — с другой, всегда резко подчеркивалось и нисколько не стерлось ни в правовых документах X—XIII вв., ни в повседневных представлениях современников. Так, в толковании к одной из статей «Уголовного кодекса [династии] Сун» (963 г.), первого сунского свода законов, сказано: «Добрые люди (лян жэнь) и рабы (нубэй) — категории по своему естеству различные» ([30, цз. 26, с. 12б], см. также [цз. 14, с. 8б]). Коренная разница между «добрыми людьми» и рабами подчеркивалась и таким установлением этого уголовного кодекса: «Раб (нубэй), выдающий себя за доброго человека (лян жэнь), наказывается двумя годами каторжных работ» [29, цз. 26, с. 12а—б]. Современник, Ло Юань (1136—1184), в официальном документе писал: «Издревле считается, что у „добрых“ и „подлых“ абсолютно ничего общего. „Добрые“ — это почтенные люди, а все „подлые“ — это [люди] преступные. В нынешние времена так называют рабов» [24, цз. 5, с. 56].

О крайней правовой ущемленности рабов говорят и многие другие факты. Так, согласно закону за физическое насилие над хозяином или его родней — действия, которые расценивались как бесчестье для представителя «добропорядочного люда», — раба высылали либо даже приговаривали к смерти, а за убий-

ство, пусть и непредумышленное, — удавливали. Зато хозяин, лишивший жизни безвинного раба, осуждался всего лишь на год каторги. Точно так же если раб наносил «доброму человеку» увечье, он подлежал удушению, а в случае смертельного исхода — повешению. Если же, напротив, «добрый человек» причинял серьезные телесные повреждения неповинному рабу, который принадлежал другому лицу, ему следовало (как морально-юридическое возмещение нанесенного ущерба) наказание на две и более степени мягче, а если в результате увечья раб умирал, «доброго человека» по тем же мотивам только высылали за 3 тыс. ли [29, цз. 22, с. 2б—5б] [5]. Иными словами, раб в сунской империи по закону был существенно ограничен в юридических правах самозащиты и выступал обычно лишь как объект права.

Слово «человек» в приложении к рабам, как правило, не употреблялось; в лучшем случае их называли «малыми», или «ничтожными», людьми (сяо жэнь). Они приравнивались к вещам, имуществу, скоту, и ими пользовались по личному усмотрению их господина. Это отождествление рабов с имуществом и скотом не раз прямо фиксируется в «Уголовном кодексе [династии] Сун» [29, цз. 4, с. 7б, цз. 6, с. 7б, цз. 18, с. 3а, цз. 20, с. 3а]. В уложении о торговле они фигурируют наравне с лошадьми, коровами, верблюдами, мулами и ослами [29, цз. 26, с. 26а—б], а в одном из комментариев к кодексу дети, рожденные от рабыни, называются в одном ряду с жеребятами от кобылицы [29, цз. 4, с. 8а]. Примечательна в этом отношении и заметка Юань Цая (р. ок. 1140 — ум. ок. 1190), озаглавленная «Всякой вещи — свое место»: рабы (бэйпу) перечисляются в ней как бы «через запятую», в общем перечне с коровами, лошадьми, свиньями, кошками, собаками, курами и утками [43, цз. 3, с. 54]. Все это в полной мере соответствует ленинской характеристике рабства как правового института: «Основным было то, что рабы не считались людьми; не только не считались гражданами, но и людьми... рабы были вещью по закону» [4, с. 74—75].

О крайне дискриминированном положении рабов, об отсутствии у них правоспособности свидетельствует и такой факт: в Китае X—XIII вв. было чрезвычайно развито поощрение за доносы на преступников, а также на их соучастников и укрывателей; оно вменялось в обязанность властям, было возведено в ранг государственной политики [14, с. 46] [6]. Однако рабы не имели права доносить о преступлениях своего хозяина (кроме первых трех из «десяти злодеяний»: попытка свержения императора, попытка разрушить государственные храмы, императорские дворцы и т. п., попытка измены); в противном случае они приговаривались к смертной казни через удавление, а за донос на родственников и близких хозяина — к ссылке [29, цз. 24, с. 4б—5а] [7].

Предельно приниженный социально-юридический статус ра-

бов сплошь и рядом подчеркивается в источниках самого различного свойства. В одном из них, носящем заголовок «Свод уголовного законодательства в стихах» («Син тун фу»), — своеобразном произведении литературного характера, написанном Фу Линем (ум. ок. 1180 г.) как краткое рифмическое переложение первого сунского уголовного кодекса,— сказано, например: «Рабы низки и презренны. Их нельзя равнять с людьми. Только в двух случаях — убийстве либо ранении ночью и при даче свидетельских показаний — их считают людьми, во всех же остальных рассматривают по категории имущества» (цит. по [45, с. 214]). Эта выдержка из беллетризированной версии государственно-правового памятника (с какой бы степенью достоверности она ни воспроизводила ее первоисточник) наверняка точно запечатлела главное: юридически зафиксированное общее бесправное положение рабов в Китае X—XIII вв.

Таким образом, при всей размытости сословных граней, столь характерной вообще для феодального Китая, не исключая и период X—XIII вв., к статусу рабов в сунской империи вполне приложимы слова В. И. Ленина: «Различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса» [1, с. 311].

Будучи приравненными к имуществу, а точнее, сами являясь одним из видов имущества или одним из его слагаемых, частные рабы могли выступать как товар, становиться объектом купли-продажи и заклада. Упоминания о работорговле нередки в источниках X—XIII вв. Так, в одной из книг Хун Мая (1124—1203) сообщается, например, о покупке неким Яо Хуном рабыни (це), а Чжу Банли — молодой рабыни (сяо бэй), которую хозяин нарек Чжан Эрцзе [36, т. 4, цз. 16, с. 125; 32, с. 112]. На многочисленность случаев торговли рабами (нубэй и тунну) указывал Ло Юань [24, цз. 5, с. 56]. А его старший современник Ши Хао (1106—1194), основываясь на собственных наблюдениях, в официальном представлении правительству отмечал: «Если у знатных и богатых семей в округе Цзяньнин (совр. Цзяньоу), областях Наньцзянь (совр. Наньпин) и Тинчжоу (совр. Чантин) и в военном округе Шаоу (все в провинции Фуцзянь. — *Г. С.*) нет рабов, они вынуждены при удобном случае покупать [невольников] в других областях. А цена [на рабов] высокая, и потому люди, что их перепродают и похищают, день ото дня процветают [все больше]» (цит. по [32, с. 107]).

Купля-продажа раба как вещи наряду с движимостью (лошадьми, коровами и прочими домашними животными) прямо предусматривалась законами, регламентировавшими торговлю [29, цз. 26, с. 26а—б], что можно расценивать как доказательство того, что в Китае X—XIII вв. существовала достаточно сильная заинтересованность в приобретении рабов.

Есть и документальное свидетельство распространенности такой кодифицированной практики в сунской империи. Среди хра-

нящихся в Британском музее, в коллекции А. Стейна (1862—1943), материалов из Дуньхуана имеется хорошо сохранившийся подлинник акта от 12-го числа 11-го лунного месяца 2-го года эры царствования Чунь-хуа (16 декабря 991 г.) о продаже низшим военно-полицейским чином (стражником при ямыне) Хань Юаньдином и его женой Фуюань 28-летней домашней рабыни (цзяни) по имени Гань Шэн. Приобрела ее семья «простолюдина» (байсин) Чжу Юаньсуна, которая, как сказано в купчей, «навечно во всех поколениях мужчин и женщин дома Чжу становится владельцем» купленной рабыни. В документе зафиксирована цена, по которой Гань Шэн переходила в тот день от одного частного лица к другому: 5 штук шелка, из коих 3 (в виде сырца) выплачивались немедленно по совершении купли-продажи, а остальные 2 (готовой тканью оговоренных контрагентами размеров и цвета) — спустя полгода. Как предусматривалось актом, в случае, если в течение десяти дней обнаружится, что у Гань Шэн имеются те или иные дефекты, которые затрудняют либо вообще не позволяют новым владельцам использовать ее в качестве домашней рабыни, сделка расторгается, а виновная сторона обязуется выплатить штраф (куском атласной ткани и двумя большими баранами) [8]. Документ скреплен подписями самой Гань Шэн, ее бывшего и нового владельцев, а также одного посредника и двух свидетелей — служителей буддийских монастырей [9].

Взгляд на частных рабов как на вещь, имущество получил настолько значительное распространение, что, вопреки существовавшим официальным запретам, их продавали и людям из соседних государств, таких, как тангутское Си Ся (982—1227) и киданьское Ляо (907—1125). Об этом прямо говорится, например, в императорских указах 991 и 1019 гг. [19, цз. 11, с. 121]. Власти не были заинтересованы в такой торговле, расценивавшейся как нанесение ущерба престижу и имуществу Срединного государства, и декрет Чжао Гуанъи (Тай-цзуна, 976—997), второго сунского императора, датированный 991 г., в частности, предписывал специальным уполномоченным правительства вместе с должностными лицами соответствующих округов на выделявшиеся казной с этой целью средства выкупать проданных тангутам невольников, а затем возвращать семьям [19, цз. 11, с. 121]. Сунский двор ввел чрезвычайно жесткие меры в отношении тех, кто нарушал официальный запрет продавать рабов в другие страны. Так, виновные в продаже невольников киданям приговаривались к смертной казни, а их соучастники — к наказанию палками, татуированию и высылке [19, цз. 11, с. 121]. Тем не менее уже сам по себе факт появления подобных рескриптов свидетельствует, несомненно, о значительном размахе контрабандной продажи рабов в сопредельные с сунской империей государства.

Широкое распространение купли-продажи и заклада рабов побудило Юань Цая настоятельно высказаться по поводу необ-

ходимости упорядочить некоторые стороны процедуры соответствующих сделок [43, цз. 3, с. 55—56].

Согласия рабов на их продажу или заклад не спрашивалось, и акты торговли невольниками, обычно совершавшиеся с участием посредников, не считались незаконными, даже если производились вопреки желанию продаваемого. Имея в виду как раз факты такого рода, тот же Юань Цай, придерживавшийся по сему поводу особого мнения, в одной из своих заметок, озаглавленной «При покупке рабыни (бэйце) надлежит выяснить, за она или против», настаивал: «Когда покупают рабыню, надо спрашивать, согласна она быть заложенной либо проданной или не согласна. Если не согласна, нельзя заключать контракт» [43, цз. 3, с. 56]. В другой заметке, снабженной заголовком «При покупке рабыни следует осведомляться о ее прошлом», Юань Цай подчеркивал: «Заключая контракт на покупку рабыни, необходимо тщательно выяснять ее происхождение. Ведь может оказаться, что она была дочерью „добрых людей", которую кто-то обманом похитил. Если дело обстоит именно так, надлежит незамедлительно уведомить об этом администрацию» [43, цз. 3, с. 55].

Действительно, факты обращения в рабов «добрых людей», большей частью из числа обездоленных крестьян, их детей и жен, имели место. Характерен в этом отношении приведенный в книге Шэнь Ко (1031—1095) и в «Истории [династии] Сун» рассказ о некоем Ду Шэне (односельчане звали его Ду Уланом) из уезда Янди (провинция Хэнань): когда-то он имел участок земли размером 50 му [10], который обрабатывал сообща со своим старшим братом, но затем разорился, и его сын из «человека» (жэнь) превратился в «деревенского раба» (цунь тун) [31, цз. 458, с. 5357; 41, цз. 9, с. 351—352].

Нередкими были случаи насильственного захвата и превращения «добрых людей» в рабов. Законом подобные действия категорически запрещались; существовала детально разработанная шкала наказаний (вплоть до смертной кары через удавление) для тех, кто эти запреты нарушал [29, цз. 20, с. 4б — 10а]. Иначе говоря, государство не склонно было в таких случаях мириться с посягательствами на «добрых людей» с целью их порабощения и «злонамеренного» удержания в рабстве. Однако пресечь этот «промысел» власти оказывались не в состоянии. «Простолюдины, — говорится в жизнеописании Чжоу Чжаня из „образцовой истории" династии Сун, — похищают добрых людей и продают за хребтом [11] в качестве рабов». Будучи судебным чиновником в провинции Гуаннаньдун (совр. Гуандун), Чжоу Чжань вознамерился освободить проданных невольников, и, как сказано в источнике, «2600 мужчин и женщин получили питье и пропитание, [а затем] их возвратили семьям» [31, цз. 300, с. 3712]. Осуществляя данную акцию, Чжоу Чжань имел возможность опереться на соответствующие установления верховных властей, касавшиеся как раз провинций «за хребтом», в

частности на декрет основателя династии Сун — Чжао Куанъиня (Тай-цзу, 960—976) от 971 г., в котором отмечалось: «Семьи простолюдинов в округах [провинции] Гуаннань (совр. Гуандун и Гуанси) покупают мужчин и женщин в качестве рабов... Отныне и впредь повелевается освобождать [их], а тех, кто осмелится не последовать [данному] указу, приговаривать к наказанию палками и ссылке» [19, цз. 11, с. 120—121]. Судя, однако, по свидетельствам различных источников, положение после появления этого императорского декрета заметно не изменилось. Об этом, например, поведал Су Сун (1020—1101), основываясь на собственных наблюдениях в уезде Бофэн (пров. Цзянси), где «издавна похищают у „доброго люда" в больших количествах детей и продают в качестве рабов. [Однако] найти концы невозможно, так как повсюду покрывают один другого» (цит. по [32, с. 102]). Ло Юань тоже указывал, что рабы «все первоначально были выходцами из добропорядочных семей (лян цзя), [но], принужденные голодом и холодом либо оказавшись похищенными, в конечном итоге попадали в положение „подлого" [люда]». Далее, делясь своими наблюдениями о пребывании в Ганьчжоу (провинция Цзянси), Эчжоу (совр. Учан, провинция Хубэй) и некоторых других областях, Ло Юань конкретными примерами иллюстрирует свое суждение и приходит к следующему выводу: «Подобных [явлений] повсеместно много» [24, цз. 5, с. 56—57].

Распространенность фактов похищения «добрых людей» с целью последующей продажи в рабство — свидетельство тому, что спрос на рабов в сунском Китае был весьма значительным, поддерживал и стимулировал такого рода «промысел».

В сунской империи имели место и факты принудительного либо добровольного порабощения на тот или иной срок за долги и недоимки. Не будучи в состоянии справиться с налоговыми обязательствами перед государством и частнособственниками-феодалами, постоянно пребывая в задолженности и не находя иных возможностей выпутаться из долговых сетей, многие крестьяне, пользуясь своим положением и правами главы семьи, закладывали либо продавали в рабство собственных детей и жен; нередкими были и случаи самопродажи в рабство. Красноречивое свидетельство тому — эдикт Чжао Гуанъи от 996 г., в котором, в частности, говорится: «В областях и военных округах [провинций] Цзяннань (совр. Цзянси, Цзянсу и Аньхой), Лянчжэ (совр. Чжэцзян) и Фуцзянь бедняки, не имея возможности вернуть богатеям долги с процентами, на какой-то срок отдают в рабство [детей] обоего пола». Указ предписывал в каждом таком случае производить расследование, а затем возвращать невольников родителям. «Тех же, кто осмелится утаивать [рабов], подвергать наказанию» [19, цз. 11, с. 121]. Спустя два года, при преемнике Чжао Гуанъи Чжао Хэне (Чжэнь-цзуне, 997—1022), был обнародован аналогичный декрет, касающийся уже другой части страны, провинций Сычуань и Шэньси, где также получила распространение продажа людей в рабство

за неуплату долгов. Опять-таки сунский двор объявил запрет на такого рода действия [19, цз. 11, с. 121]. Вероятно, все эти указы имели какой-то эффект, но навсегда пресечь продажу людей в рабство за долги и на сей раз оказалось для властей не под силу. Не случайно в 1011 г. вышел еще один указ верховного правителя страны, в котором вновь отмечались факты обращения в рабов (тунну) детей, проданных родителями за недоимки по налоговым обязательствам, в тех же самых провинциях (декрет 996 г.) [23, цз. 76, с. 2а—б]. Аналогичный указ Чжао Шоуи (Жэнь-цзуна, 1022—1063), относящийся в данном случае к ряду областей на территории современной провинции Хэбэй, вышел в 1048 г. Интересен он, помимо всего прочего, тем, что содержит сведения о цене в денежном выражении, по какой в год недорода и массового голода «многие простолюдины продают детей», — 20 тыс. связок монет [23, цз. 163, с. 3б]. Этот императорский декрет также не возымел действия, и Тэн Юаньфа (1020—1090) писал: «Простонародье, изведенное податями и повинностями, продает мужчин и женщин в качестве рабов другим людям на условиях погашения долгов за один год» (цит. по [32, с. 102]). По существу, все эти и многие подобные им факты свидетельствуют об одном: верховная государственная власть, несмотря на свои как будто бы решительные намерения не допустить порабощения «почтенного люда», раз за разом оказывалась вынужденной признавать, что в действительности статус «добрых людей» непрочен, что он де-факто может в корне изменяться.

За неуплату долгов и недоимок «добрых людей» на какое-то время обращали в частных рабов также путем залога. Вот один из типичных примеров, приведенный в книге Вэй Сяна (935—997): «[Уроженку уезда] Юйхан (пров. Чжэцзян) девицу Юань из бедной и презренной семьи отдали (букв. продали) рабыней (бэй) в заклад на восемь лет в дом Чжао... Ее понудили услуживать [хозяевам], выполнять [их] распоряжения» (цит. по [32, с. 104]).

Подобно продаже в рабство недоимщиков, самих «добрых людей», а чаще членов их семей, заклад неоплатных должников имел в Китае X—XIII вв. явно немалое распространение, если попадал в поле зрения многих литераторов, таких, как Ся Сун (984—1050), Су Ши (1036—1101) и др., авторов и составителей исторических трудов (см. [32, с. 104]); он нашел отражение и в памятниках сунского законодательства. Например, в хронике Ли Дао (1115—1184) в одной из записей от мая 972 г. сказано: «В Линнани[12] некоторые уездные чиновники и [богатеи]-поглотители (цзяньбинчжицзя) вносят долги за простолюдинов, имеющих недоимки, и те отдают своих жен и дочерей в залог. О таких деяниях уведомил в представлении трону начальник области Жунчжоу (совр. Жунсянь, пров. Гуанси) Му Шоусу. В день цзя-шэнь (10 мая 972 г.) вышел императорский указ, [по которому] строго запрещались подобные [действия]» [23,

цз. 13, с. 4б]. В «Своде законов, [составленном в годы] Цинъюань», и других документах юридического характера определялась ответственность и совокупность санкций (наказание палками, ссылка и пр.) в отношении тех, кто за неуплату долга брал себе в заклад «добрых людей» в качестве рабов (см., например, [38, цз. 80, с. 2а]).

Действующим законодательством сунской империи частным рабам, в том числе и сельским, не запрещалось вступать в брак и обзаводиться детьми. В основе здесь, несомненно, лежало особое, традиционное отношение к семье в Китае. Вместе с тем на законодательство, бесспорно, влияло и сугубо практическое соображение — заинтересованность правящего класса и его государственной организации в увеличении рождаемости рабов, в их воспроизводстве. Дети частных рабов наследовали статус родителей и являлись собственностью хозяина последних; кроме того, семейного раба легче было накрепко привязать к владельцу, удержать от побега и других нежелательных хозяину действий[13], да и утилитарная ценность такого раба была выше — в своей семье он оказывался для владельца более полезным работником.

Однако свобода выбора партнера по браку для рабов ограничивалась. Так, согласно действовавшим правовым нормам, раб не имел возможности выдать дочь замуж по собственной воле — решающее слово принадлежало хозяину [29, цз. 14, с. 7б]. А главное, рабам супружество дозволялось только с себе подобными по социальной принадлежности и не дозволялось с «добрыми людьми». Точно так же «почтенным людям» в интересах сохранения «чистоты» их общественно-правового положения категорически воспрещалось вступать в брак с «подлыми». Характерен в этом отношении декрет Чжао Шоуи от 4 ноября 1054 г., возбранявший учено-служилому люду (ши) и простолюдинам (шу) образовывать супружеские пары с рабами и предписывавший «разлучать тех, кто нарушит [данный запрет]» [23, цз. 177, с. 6а; 31, цз. 12, с. 164]. По закону хозяин нес уголовную ответственность (наказывался сотней палочных ударов) за женитьбу своего раба на дочери свободного [29, цз. 14, с. 6б]. Частно-зависимому рабу, взявшему в жены девушку из семьи «добрых людей», грозили полтора года каторжных работ, «неравный брак» расторгался, женщина, дерзнувшая стать женой «подлого человека», заносилась в списки как рабыня (бэй) и высылалась за 3 тыс. ли. В случае, если раб при вступлении в брак с представительницей «доброго люда» объявлял себя за свободного и супружество выдавалось за семейный союз «почтенных людей», следовало наказание двумя годами каторжных работ. Дети «доброй» женщины, родившиеся от раба, считались «подлыми людьми» [29, цз. 14, с. 8а—10а].

Как бы то ни было, существование узаконенных браков между рабами объясняет наличие в сунской империи значительной массы потомственных рабов, что говорит о возможности естест-

венного прироста рабского контингента за счет «внутренних резервов». И это нельзя расценивать иначе, как одно из проявлений определенно сохранившейся в китайском обществе X—XIII вв. *активной рабовладельческой тенденции.*

Во всех случаях, когда считалось, что частный раб совершил то или иное уголовное преступление, а зачастую просто в знак его принадлежности к низшему слою «подлого люда», ему татуировали лицо. Тем самым рабов как бы отлучали от «доброго люда», вообще от человеческой среды, представляя людьми отверженными, нравственно осужденными обществом. Иначе говоря, татуирование лица выступает в качестве тяжелой моральной кары. Не случайно оно как наказание обычно упоминается в источниках наряду с экзекуцией и лишением рабов жизни. Хотя власть хозяина над рабом не была абсолютной (по не раз подтверждавшимся законодательным установлениям сунского императорского дома право убивать рабов по своему произволу, существовавшее у их владельцев в период Пяти династий и десяти царств — 891—979 гг.,— было отменено), тем не менее хозяева могли фактически безнаказанно бить и увечить рабов и даже самочинно лишать их жизни. «Хозяева могут, не зная меры, избивать рабов», — указывал Юань Цай, и далее в заметке «Рабов нельзя по своему произволу бить плетьми» писал: «Если рабы совершили небольшой проступок, нельзя самочинно бить их плетьми. В пылу внезапно нахлынувшей ярости наносят несчетное число ударов. Надлежит же... количество ударов определять в зависимости от тяжести проступка». В качестве «образцово-показательного» примера «добропорядочного» обращения с рабами Юань Цай упоминает семью некоего Ху из уезда Шоучан (провинция Чжэцзян), в которой «детям не разрешается самочинно бить рабов (пули), а жене — рабынь (бэйце); если же рабы совершили [какой-либо] проступок, об этом уведомляют главу дома», который и определяет, какое наказание им нести. И далее: «Если жена самочинно ударит-таки рабыню, то учиняют порку детям. Таковы обычаи в этом добродетельном доме», — заключает Юань Цай [43, цз. 3, с. 52].

Сунский двор неоднократно пытался запретительными мерами пресечь или хотя бы ввести в определенные рамки стародавнюю практику самоуправства хозяев в обращении с рабами, что, конечно же, само по себе примечательно. «В соответствии с законами,— провозглашалось в одном из заявлений Верховного департамента правосудия (далисы), — хозяева, которые, не испросив [дозволения] официальных инстанций, убивают своих рабов, совершивших преступление, наказываются сотней ударов палками, а если убивают при отсутствии преступления, — двумя годами каторжных работ» [19, цз. 11, с. 121]. Однако, по свидетельству как частных, так и официальных источников, факты жестокого самоуправства в отношении рабов по-прежнему имели место. Впрочем, правительство вовсе и не предполагало вообще пресечь подобные действия, а стремилось лишь сде-

лать наказание рабов всецело прерогативой верховной власти. Вот что по сему поводу писал, например, Ван Юн (ум. ок. 1227 г.): «При Пяти династиях... хозяева позволяли себе убивать своих рабов (нупу). Тай-цзу, когда основал ныне царствующую династию, первым делом предостерег подданных, что не дозволяется самочинно убивать. В день цзи-сы 3-го лунного месяца 3-го года [эры царствования] Цзянь-лун (18 апреля 962 г.) был издан императорский декрет, согласно которому власть в стране над жизнью и смертью принадлежит верховному владыке» [18, цз. 3, с. 25]. Семь лет спустя вышел новый декрет того же Чжао Куанъиня, в соответствии с которым, «если раб доведен до смерти беспричинно, незамедлительно произвести дознание» и по его результатам принять в отношении хозяина надлежащие меры. «Если же смерть наступила от болезни, учинять дознания не следует» [19, цз. 11, с. 120].

Небезынтересно и такое сообщение «образцовой истории» династии Сун, датированное 989 г.: «Согласно прежним установлениям[14], если раб (тунпу) совершал преступление, дозволялось самочинно татуировать ему лицо... [В этом году] вышел императорский декрет, [предписывавший] присвоившего господское имущество раба бить палками по спине, [либо] татуировать лицо, [либо] подвергать высылке, либо заточать в тюрьму. Самовольно же татуировать не разрешается. [Если стоимость похищенного] превышает 10 связок монет, высылать за 500 ли, а если 20 связок — докладывать императору на [его] рассмотрение» [31, цз. 201, с. 2305]. Через 14 лет, при следующем императоре Чжао Хэне, «в день гуй-ю 4-го лунного месяца 6-го года [эры царствования] Сянь-пин (5 мая 1003 г.)» был издан декрет: «Согласно прежним установлениям, если раб (тунпу) совершал преступление, учено-служилые люди (ши) и простолюдины (шу) могли самочинно татуировать ему лицо... Если раб украдет у хозяина имущество [стоимостью] свыше 5 связок монет, бить палками по спине, татуировать лицо и [либо] подвергать высылке, либо заточать в тюрьму, а свыше 10 связок — докладывать императору на [его] рассмотрение. Самовольно же татуировать не разрешается» [23, цз. 54, с. 13а—б][15].

Примечательно, что указом 1003 г. устанавливались такие же наказания, какие предусматривались декретом 989 г. за вдвое большие преступления, — налицо ужесточение уголовной ответственности рабов за правонарушения перед хозяевами.

Совершенно очевидно, что факты «самочинного татуирования» рабам лица, о запрещении которого говорится в указах 962, 989 и 1003 гг., имели довольно широкое распространение; в противном случае вряд ли понадобилось бы вообще обнародовать такие указы, да еще трижды за сравнительно короткий срок. Однако все подобного рода меры не возымели действия, и рабам продолжали «самочинно татуировать» лицо, нещадно, вплоть до убийства, обращаться с ними, так что много позднее Ван Юн имел более чем достаточные основания констатировать:

«Тем не менее хозяева по-прежнему татуировали лицо рабам (нупу) и находили удовлетворение в жестокой расправе с ними» [18, цз. 3, с. 25].

Приводившимися выше терминами «нубэй», «нупу», «тунпу», «бэйпу», «тунну», «пули» и др. отнюдь не исчерпываются обозначения рабского состояния, которыми пользовались в Китае в X—XIII вв. Как, впрочем, и раньше, еще с древних времен, эти обозначения были довольно многочисленными, и далеко не каждый такой термин имел стабильный смысл, связанный с общественно-правовым статусом рабов, с различиями между ними по полу и возрасту, с источниками и способами их приобретения (казной или частными лицами), с принадлежностью представителям той или иной социальной группы, с характером и видом работ, на которых применялся их труд. Объясняется это скорее всего общей неотработанностью социальной терминологии в Китае, а также различиями в обозначениях людей из данного слоя несвободного населения в разных районах обширного Срединного государства. Более или менее четкой и определенной номенклатура «рабских» терминов предстает в законодательных памятниках — в силу самого существа и назначения этих источников — и гораздо более пестрой и многозначной в нарративных произведениях, особенно литературных.

В текстах юридического содержания чаще других встречается термин «нубэй» [16]. Употребляется он сплошь и рядом в качестве общего названия как казенных, так и частных рабов независимо от пола и возраста. Впрочем, составляющие это слово иероглифы использовались для передачи понятия «раб» и сами по себе: «ну» — обычно как раб-мужчина, а «бэй» — рабыня, и не всегда легко, а порой и просто невозможно установить, являются ли иероглифы в словосочетании «нубэй» раздельными терминами или составной формой [17]. В подобной «нубэй» функции (как обозначение рабов вообще) употреблялись равнозначные и взаимозаменяемые слова «нупу», а также «ли» и «пу» либо их комбинация («пули»), и наконец, «тун» — опять-таки самостоятельно либо в сочетании с тем же «пу» («тунпу») или «ну» («тунну»).

Для различения рабов по полу и возрасту в текстах того времени к общим («видовым») терминам могли добавляться в качестве определения слова: «сяо», если речь шла о молодых рабах (например, сяо тун) [18], «нань» — о рабах-мужчинах (наньпу, наньли и т. д.), «нюй» — о рабынях (нюйпу, нюйтун и т. п.); в последнем значении употреблялись помимо «бэй» термины «це» и «бэйце».

Кроме перечисленных общих по их содержанию и широко распространенных обозначений рабского состояния в сунской империи имели хождение, как в случае с упоминавшейся «домашней рабыней» (цзяни) Гань Шэн, термины, конкретно раскрывающие характер и сферы использования труда лично-несвободных людей из данного социального слоя, их функциональную

роль в хозяйственной деятельности. Чаще всего такие термины встречаются в нарративных произведениях, и в этом отношении последние оказываются поистине незаменимым источником. Наиболее простые примеры подобного рода — «профессиональные» термины типа «раб-садовник» («юаньпу»), «раб-грядочник» («сипу») и т. п. По всей вероятности, их употребляли в тех случаях, когда за рабами закреплялись какие-то совершенно определенные, более или менее постоянные хозяйственные обязанности.

Фигурируют эти и им подобные термины в сведениях о частнофеодальных поместьях, самыми употребительными названиями которых были «чжуан» и «юань» либо комбинация из них («чжуанъюань»), а также «чжуантянь», «чжуанчжай» и некоторые другие. Имеются в виду как сравнительно крупные, так и (гораздо чаще) небольшие поселения, входившие в имение того или иного феодала. У крупных землевладельцев могло быть одновременно несколько поместий, разбросанных по самым различным провинциям и уездам. Размеры таких поселений колебались весьма значительно. Известно, например, об имении в гористой местности Чжунтяошань (провинция Шаньси) площадью свыше 10 ли по периметру, принадлежавшем некоему Ван Гуаньгу. Ему, как писал Чжан Цзи (933—997), принадлежало несколько цин земель, отличавшихся высокой плодородностью (см. [22, с. 147]). Чуть меньшим, судя по сообщению Вэй Тая (ум. ок. 1107 г.), было имение (тоже с тучными землями), находившееся в уезде Фаньшуй (совр. Чэнгао, провинция Хэнань) в собственности влиятельного чиновника Ли Чэна [22, с. 147]. Существовали и частные поместья площадью до 100 и более цинов. Так, по сведениям Лю Цзая (1166—1239), некий Чжан «создал чжуан, купив несколько тысяч му превосходной земли», а в двух поместьях («восточном» и «западном») на территории одного из уездов округа Чжэньцзян (провинция Цзянсу), принадлежавших одному феодалу, насчитывалось, согласно данным местного историко-географического описания, 7614 му см. [32, с. 86; 40, с. 181]).

В пределах имений или рядом с ними помимо жилых построек, включая усадьбу владельца, находились сады с деревьями, кустами и цветами продовольственного, технического, лекарственного и декоративного назначения [19], огороды, пахотные участки, занятые под зерновые культуры, выпасы и прочие угодья, а также помещения для домашнего скота и птицы, мельницы и крупорушки, мастерские по изготовлению и ремонту сельскохозяйственного инвентаря и средств передвижения, амбары и другие складские строения [20].

В центральной, «внутренней» части каждого такого поселения, отделенной от «внешней» высокой оградой (зачастую глинобитным валом или кирпичной стеной с большими и прочными воротами), а нередко окруженной и рвом, располагалась усадьба владельца. Рабы, как правило, жили во «внешней» час-

ти, где у них были отдельный колодец, мыльня и отхожее место. Свобода передвижения для рабов в пределах поселения крайне ограничивалась. Рабам-мужчинам, поскольку они «занимались делами во внешней части», покидать эту территорию без особой надобности не разрешалось. Рабыням же из числа домашней челяди бóльшую часть дня приходилось находиться, наоборот, во «внутренней» части поселения, поскольку они обычно именно там занимались делами, а если уж переступали ее границы засветло по какой-либо необходимости, то непременно прикрывая лицо рукавом халата [43, цз. 3, с. 49—50] [21]. Связь между «внутренней» и «внешней» частями имения, между «внутренними» и «внешними» рабами осуществлялась через стражников-синеповязочников (лин-ся цан-тоу) — также людей лично-несвободных [22].

Что касается использования труда «внутренних» и «внешних» рабов в таких частнофеодальных поместьях, то источники чаще всего упоминают о самых разнообразных обязанностях, выполнявшихся ими по обслуживанию домашнего хозяйства и семьи своего владельца, его близких, гостей и приживалов. Это были большей частью неквалифицированные, вспомогательные, черновые работы по дому: подметание и уборка жилых и подсобных помещений, служебных комнат и залов, благоустройство усадьбы, приготовление питья и пищи, обслуживание во время трапез, мытье посуды, стирка белья, починка одежды и обуви, заготовка воды и топлива, ношение тяжестей и множество других дел. Можно полагать, что рабами делалась бóльшая часть домашней работы.

Представление о конкретной роли рабов в качестве домашних слуг может дать ознакомление с типичными случаями, приведенными, например, в книге Хун Мая. «Яо Хун из [уезда] Гуйцзи (совр. Шаосин, провинция Чжэцзян), — писал Хун Май, — купил одну рабыню (це). Добродетельная женщина искусно вела кухню» [36, т. 4, цз. 16, с. 124]. В дом некоего Чэня из селения Гося (уезд Синьгань, провинция Цзянси), рассказывается в другой заметке того же автора, однажды на исходе 60-х годов XII в. «старуха-мать... привела с собой двух рабов (рабынь? — тун), чтобы подавали еду» [36, т. 8, цз. 19, с. 149]. «Старшая дочь Линь Сяньмо... послала рабыню (бэй) набрать овощей на огородике, что [находился] за главным домом усадьбы]» [36, т. 7, цз. 7, с. 49]. А «в доме Ван Бэня... обязали раба (пу) приносить дрова» (цит. по [32, с. 113]). В имении другого феодала рабыне (бэй) «постоянно давали распоряжение готовить еду, шить и штопать» [36, т. 7, цз. 2, с. 9]. Еще один пример из книги Хун Мая: «Чжу Банли из [уезда] Сяпэй (совр. Пэйсянь, провинция Цзянсу)... купил молоденькую рабыню (сяо бэй) и назвал ее Чжан Эрцзе. Хотя ничем серьезным [она] не хворала, была, однако же, костлява, и кожа на ее теле была вся в мелких морщинках, отчего вызывала омерзение. И тогда на время вменили [ей] в обязанность подавать еду, стряпать, об-

дирать зерно и доставать воду из колодца. Так прошло шесть-семь лет» (цит. по [32, с. 112]) [23].

Подобных примеров в различных источниках X—XIII вв. довольно много, что может свидетельствовать о весьма значительном распространении в Китае того времени использования рабов как домашних слуг сельских феодалов.

В книге Сыма Гуана «Обычаи дома в Сушуй» довольно подробно описываются повседневные занятия «рабской челяди» в его родовом имении: «С первым криком петухов все — и „внутренние", и „внешние" рабы (пуце) встают, расчесывают гребнем волосы и стягивают в пучок, прополаскивают рот и умываются, облачаются в одежду. Мужчины-рабы (наньпу) обрызгивают водой и подметают [полы] служебных помещений и дворы, а «стражники-синеповязочники» — внутриусадебные комнаты. Рабыни (нюйпу) обрызгивают водой и подметают [полы] в [остальных] залах и комнатах, расставляют стулья и столы, приводят в порядок [господские] принадлежности для умывания и для расчесывания волос, а как только встают хозяин и хозяйка, — убирают постели и складывают одеяла. Слуги [всегда] поблизости [от хозяев] и готовы исполнить любое повеление. Если и уходят, то только для того, чтобы приготовить питье и еду, а выдастся время, стирают, шьют и штопают — вначале хозяйское и лишь потом — свое. К ночи опять раскладывают [господские] постели и одеяла. Так в течение целого дня все „внутренние" и „внешние" рабы заняты только выполнением распоряжений хозяина и все делают для него» (цит. по [32, с. 89]).

Наряду с домашней работой рабы выполняли и другую: ткачество, прядение, обработка зерна, строительство и отделка жилых и хозяйственных помещений, возведение и ремонт ограды, рвов и пр. Так, в книге Лю Кэчжуана (1187—1269) рассказывается, как в доме одного феодала «рабыни (бэй) разматывали шелк с коконов» [27, цз. 3, с. 24]. В имении упоминавшегося Ван Бэня по его распоряжению «рабы (пу)... обнесли сад изгородью» (цит по [32, с. 113]); в поместье Ли Цзинжана рабы (тунпу) отремонтировали окружавшую усадьбу стену [39, цз. 2, с. 51], а для некоего Цзюй Юэ «искусные рабы (пу) возводили жилой дом» (цит. по [32, с. 112]).

Частнопоместные рабы использовались не только в сфере домашнего хозяйства и личного услужения, но и непосредственно в производстве, хотя в целом их экономическое значение было ничтожно мало. Так, в источниках, преимущественно в неофициальных повествовательных произведениях, имеются достаточно конкретные и убедительные свидетельства применения рабского труда на сельскохозяйственных работах в крупных и средних по размерам поместьях, имевших замкнутый, натуральный, сугубо потребительский характер. Рабы были заняты, в частности, в животноводстве — содержали и пасли домашний скот и птицу. Например, в книге Хун Мая сообщается, что

семья Бао из уезда Поян (провинция Цзянси) «купила коня и поручила своему рабу (пу) Чэн Саню кормить [его] и присматривать [за ним]»; обязанность пасти скот возложили на раба (пу) и в семье Вана (см. [32, с. 113]), а в записи под 1136 г. рассказывается, как в деревне Юйгань пастух-раб (мутун) обслуживал хлев с 50 коровами, принадлежавшими местному богатею Чжану [36, т. 6, цз. 11, с. 85].

Труд рабов как непосредственных производителей применялся также в огородничестве и садоводстве. Так, Вэй Сян наблюдал, как в одном поместье «вырастили прекрасный сад, а чтобы поливать его, каждый раз скликали рабов (тун)» (цит. по [32, с. 114]). По распоряжению некоего Ина его раб (ну) Цзы Дай, писал Хун Май, «прежде всего был обязан поливать водой овощи» (цит. по [32, с. 92]). Принадлежавший «У Чжоуфу раб — поливальщик огорода (гуаньпу-чжипу) по имени Цао Цюань трудится, как сообщает тот же Хун Май, изо всех сил, ни днем ни ночью не позволяя себе бездельничать» (цит. по [32, с. 92]).

Феодально-поместные рабы могли «специализироваться» на работах, относящихся к огородничеству и садоводству, и не случайно наряду с только что упомянутым термином «раб — поливальщик огорода» у Хун Мая, Сюй Чжао (ум. в 1211 г.) и других авторов X—XIII вв. встречаются такие термины, как «раб-садовник» («юаньпу»), «раб-огородник» («пупу»), «раб-грядочник» («сипу») и т. п. (см. [32, с. 92]). Некий Цю Цэнь, как писал с его слов Хун Май, какое-то время гостил в имении одного богатея и не раз наблюдал, что «рабам-садовникам (юаньпу), жившим на краю [поместья], по утрам и вечерам приносили еду и питье» (цит. по [32, с. 92]). «Профессиональные» огородники и садовники из числа частнопоместных рабов занимались отнюдь не только поливом, но и распашкой земли под овощные, плодовые и ягодные культуры, цветы и другие садово-декоративные, а также лекарственные растения, посадкой семян, обработкой посевов, наконец, уборкой урожая.

У самых разных авторов, в сочинениях которых имеются сведения о применении рабского труда в сельском хозяйстве, сплошь и рядом фигурирует в приложении к частнопоместным рабам термин «ко» (букв. «урок», «урочный»). Вот несколько примеров: 1) Го Инь (род. ок. 1086 — ум. ок. 1166): «Урочный раб (кону) усердно поливал [бамбуковые посадки]» [20, цз. 7, с. 11б]; 2) Чжан Пу (ум. ок. 1170 г.): «Урочный раб (копу) привел в порядок заброшенные грядки» (цит. по [32, с. 92]; 3) Ван Шипэн (1112—1171): «Урочные рабы (котунпу) выращивали на грядках овощи» [17, цз. 7, с. 302]; 4) Лу Ю (1125—1210): «Раб (тунну), отбывая урок (ко), вскапывал почву под овощи» [26, цз. 29, с. 322]; «Овощные грядки полностью заросли бы травой, да снова [взялись за них] урочные рабы (котунну)» [26, цз. 46, с. 480]; «урочный раб (котунну), пропалывавший огород» [26, цз. 44, с. 465]; 5) Лю Цзай: «Огород в 30 му давно уже за-

рос сорняком... и урочный раб (котунпу) срезал траву и прополол его» (цит. по [32, с. 92]); 6) Ван Май (1184—1248): «Урочный раб (копу) привел в порядок огород» [16, цз. 12, с. 40а]; 7) Юань Хаовэнь (1190—1257): «Отбывая урок (ко), рабы (тунпу) собирали [барбарис]» [42, цз. 1, с. 34]. По всей вероятности, в приведенных и в других аналогичных случаях имеется в виду эксплуатация какой-то части феодально-поместных рабов в форме заданной им в определенном объеме и на определенный срок работы.

Практика «урочных работ» распространялась, как убеждают источники, не только на тех рабов, которые были заняты огородничеством и садоводством в имениях своих хозяев, и не случайно термины «урок», «урочный» встречаются также в сведениях о рабах-хлебопашцах в феодальных поместьях. «К югу от усадьбы Гу, — писал Лю Цзай, — имелось несколько десятков му земли, за долгие годы заросшей сорной травой. Поникшие плети вековых деревьев переплелись с густыми зарослями бамбука и закрыли ее от солнца. [Гу] вознамерился выкорчевать [там деревья] и выполоть траву, дабы пустить землю под распашку. И тогда урочные рабы (копули) стали орудовать топорами, мотыгами и лопатами» (цит. по [32, с. 112—113]). Чэнь Цзао тоже упоминал «урочных рабов» (кону), которые «занимались прополкой и возделыванием земли», «сеяли злаки» (цит. по [32, с. 90]).

Прямых указаний о применении в Китае X—XIII вв. рабского труда в земледелии (не обязательно на началах «урока») в источниках того времени немало. Для Сун Ци (998—1061), например, такое явление, когда «рабы (ну) обрабатывают землю», представлялось довольно обычным [30, цз. 3, с. 20]. Подобные суждения высказывали также Юань Цай, сообщавший как о рабынях (бэй), занимающихся «сучением пряжи», так и о рабах (пу), которые «возделывают и засевают землю» [43, цз. 3, с. 54], и Фан Хуэй (1227 — ум. ок. 1306), засвидетельствовавший, что рабы (ну, тунпу), «отбывая урок», распахивали землю «сохой и мотыгой», а «рабыни (бэй) изготовляли ткани» [33, цз. 14, с. 4б; цз. 20, с. 5б]. Упоминание о распашке земли и прополке посевов рабами (ну) встречается также в книге Лу Дяня (1042—1102) [25, цз. 3, с. 30].

Помимо этих общих наблюдений имеются и конкретные сведения очевидцев о земледельческих занятиях рабов в тех или иных поместьях сунских феодалов. Так, Хань Юаньцзи (1118 — ум. ок. 1178) сообщал, что в родовом имении Шэнь Дуаньфу, располагавшемся в уезде Уси (провинция Цзянсу), «рабы (ну) обрабатывают землю, а рабыни (бэй) стряпают на кухне» [33, цз. 20, с. 38б]. У Хун Мая под 1136 г. рассказывается, как в поместье Юй Баогуана, находившемся в южном предместье города Иу (провинция Чжэцзян), «раб (ну) Цзян Лу получил повеление возделывать землю» [36, т. 3, цз. 10, с. 75]. В подробном описании одного из родовых имений клана Лю, располо-

женного в уезде Дучан (провинция Цзянси), Цао Яньюэ (1157—1228) поведал, что десять с лишним семей рабов (пу) обрабатывали 100 му земли под рис, просо, пшеницу и прочие злаки [37, цз. 7, с. 21а].

У некоторых сунских авторов феодально-поместные рабы, занятые хлебопашеством, обозначаются термином «раб-земледелец» («тяньпу»). В книге Хун Мая, например, он фигурирует в повествовании об имении Чжу Яньцая в области Синьчжоу (совр. Шаосин, провинция Чжэцзян). Здесь упоминаются 20 «рабов-земледельцев». В заметке о поместье Шао Бодая в области Янчжоу (провинция Цзянсу) назван «раб-земледелец» Ван Да (см. [32, с. 97]). О рабах-земледельцах упоминается также в рассказах об имении «богатея Лу Чжуцзяо из [области] Учжоу» (совр. Цзиньхуа, провинция Чжэцзян) [35, сб. 16, с. 147], о лекаре Ши И из уезда Цзяньян (провинция Фуцзянь) и буддисте Ван Тяньгуне из того же уезда [36, т. 7, цз. 5, с. 35, 38] и т. д. Наличие в сунских текстах понятия «раб-земледелец» достойно внимания, ибо может свидетельствовать, что использование труда частнопоместных рабов в земледелии не было каким-то совсем редким, исключительным явлением.

Рабы возделывали под зерновые, огородные и прочие сельскохозяйственные культуры, как показал в специальном исследовании японский синолог Тан Кёдзи [32, с. 94—96, 114], принадлежавшие их хозяевам земельные участки, которые располагались непосредственно в пределах имений или вплотную прилегали к ним. Эти земельные участки носили весьма характерные названия: «поля перед воротами» (мэнь-цянь тянь), «поля за воротами» (мэнь-вай тянь), «поля за домом» (цзя-хоу тянь); в поместьях, находившихся вблизи городов (как, например, в упомянутом у Хун Мая случае с имением Юй Баогуана в предместье Иу [36, т. 3, цз. 10, с. 75]), такие участки назывались «пригородные поля» («фуго тянь»). Судя по приведенным в работе Тан Кёдзи сведениям из книг Ян И (974—1020), Се И (ум. ок. 1093), Хуан Тинцзяня (1045—1105), Ли Чжи (1059—1109), Хун Мая, Дай Фугу (1167 — ум. ок. 1246), Вэй Чу (XIII в.), Юй Ши (род. ок. 1250 г.) и других авторов X—XIII вв., живших в разных провинциях (Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Шэньси и др.), это были поля самых разных размеров, но, как правило, небольших — от одного либо нескольких до 100—200 му. Как и плоды деятельности частнопоместных рабов в других, «полупроизводственных» и непроизводственных сферах — домашнего хозяйства и личного услужения, урожай с этих полей всецело шел непосредственно на удовлетворение различных потребностей повседневного быта самого владельца поместья и его семьи, прежде всего потребностей в продовольствии.

Наличие довольно многочисленных в целом по стране частных рабов в феодальных поместьях — едва ли не самое важное и убедительное свидетельство существования в Китае X—

XIII вв. рабства как одной из форм эксплуатации и социальных отношений, самой грубой и жестокой, которая к тому же отнюдь не обнаруживала признаков быстрого изживания, а следовательно, не должна преуменьшаться и недооцениваться. Унаследованное от древней эпохи, рабство не стало чужеродным телом в тогдашнем общественном организме Срединного государства. Оно удержалось и прижилось на раннесредневековой почве, а с окончательным утверждением феодального строя нашло себе место и в частном поместье, той социально-хозяйственной ячейке, которая стала наиболее типичной и распространенной разновидностью земельной собственности господствующего класса во второй период средневековья в Китае, в период расцвета феодализма. Как явление общественно-экономической структуры сунской империи (и шире — Срединного государства), времени наивысшей зрелости феодальных отношений в целом, составлявшее уклад в рамках феодальной формации, рабство безусловно поддерживалось известными социальными традициями, но также и определенной хозяйственной заинтересованностью в нем, что порождало такие способности и возможности его «регенерации», которые долго еще оставались неисчерпанными. При этом следует учитывать ярко выраженный паразитизм правящего класса, а равно и чрезвычайную бедность и забитость крестьянства в Китае. Рабство служило для феодалов экономическим и социальным резервом серьезного значения, способствовавшим их обогащению, усилению их общественных позиций и политического господства.

Разумеется, даже для раннего средневековья, а тем более для периода расцвета феодализма характерны качественно иные, чем в древнюю эпоху, место и роль рабства в жизни общества и государства, равно как и совершенно другое отношение последних к нему. Способности и возможности распространения данной социально-экономической формы сдерживались и ограничивались полностью и окончательно возобладавшим в Срединном государстве феодальным строем. Хотя рабство (пусть в его неразвитых формах) и сохраняло в Китае X—XIII вв. определенные позиции, сосуществуя с феодальными институтами, играло известную роль в общественном производстве и социальных отношениях (при этом положение рабов, независимо от того, много их было или мало, были ли они заняты в сельских имениях или в казенном городском ремесле и промыслах, в основном оставалось таким же, как и в предшествующие периоды), тем не менее, как уже отмечалось выше, имели место и некоторые изменения.

Рабство не было обойдено сунским законодательством, количество статей о рабах в нем оказывается не столь уж малым. Многое восприняв «по инерции» от государственно-правового наследия времени танской империи, а также Пяти династий и десяти царств и не всегда и не во всем поспевая за меняющейся реальностью, китайское законодательство X—XIII вв., быть

может, отражало удельный вес и значение этого социального института неадекватно, «непропорционально». Оно признавало рабство — не все вообще, а лишь отдельные его стороны и проявления — несправедливым, пыталось оградить частных рабов от крайностей жестокого самоуправства хозяев, активно противилось легализации реально существовавшей практики превращения в рабов выходцев из «доброго люда», стремилось не допустить наделения фактически порабощенных «добрых людей» рабским статусом. Вместе с тем оно не только и не просто допускало рабство, но и защищало его существование как явление, исторически сложившееся и соответствовавшее интересам пусть не всего общества в целом, а лишь определенных его слоев.

Большое количество правовых установлений сунской династии либо отдельных статей в законах, касающихся рабов и их хозяев, а также толкований к ним может свидетельствовать только о немалой распространенности и реальной роли в жизни Срединного государства X—XIII вв. рабовладения, в том числе частного. Отсутствие же в законодательстве прямых упоминаний о частных сельских рабах, сферах и характере использования их труда, видах занятий не может служить основанием для вывода о том, будто контингент рабов данной категории и их значение были абсолютно ничтожными. Ведь и вообще соотносительное количество законодательных актов о рабах, имевшихся у казны и у различных прослоек и групп господствующего класса, не может прямо пропорционально отражать удельный вес каждой такой категории рабского населения в обществе, а равно и степень важности применения их труда государством и этими прослойками и группами. Помимо всего, что было связано с несовершенством тогдашней кодификационной практики, здесь сказалось и то, что сунское законодательство в части, которая касалась рабовладения, фиксировало в первую очередь (и преимущественно) все, непосредственно затрагивавшее интересы казны, а также аспекты юридического статуса и прав собственности, но меньше всего — содержание и виды деятельности рабов, формы применения рабского труда. Кроме того, следует учитывать, что государственная власть не имела особых причин и мотивов, строго говоря, и реальных возможностей вмешиваться в распоряжение частнособственников их имуществом, включая рабов. Как бы то ни было, китайское законодательство X—XIII вв. делало возможным использование владельцами феодальных поместий рабов в качестве товара, а также в сфере личного услужения, сфере «полупроизводственной» и, наконец, хозяйственной — в качестве рабочей силы.

В сунское законодательство, как и в кодифицированное право предшествующих династий, вошла в качестве его важной составной части доктрина, согласно которой все население Срединного государства делилось на два естественно сложившихся и наличествовавших слоя — лично-свободных («добрый люд») и лично-несвободных («подлых»), в том числе рабов. Следова-

тельно, закон был призван регулировать отношения между ними в самых различных сферах функционирования общества и государства. Такая доктрина оправдывала и санкционировала рабство как социальный институт. Предусматривавшая всевозможные казусы из реальной жизни детальная регламентация государственным правом взаимоотношений рабов и их собственников, со своей стороны, в немалой степени содействовала длительному сохранению этого института, который оказывал определенное «обратное» влияние на феодальные по их природе экономические, социальные и юридические учреждения и нормы и стал одним из важнейших факторов крайне замедленной общественно-экономической и политической эволюции средневекового Китая.

[1] На необходимость (для полноты характеристики различных типов рабства, его своеобразия при той или иной классово антагонистической формации) учитывать и разграничивать все эти аспекты, а не довольствоваться, как зачастую случается, одним только правовым не раз указывал В. И. Ленин (см., например, [2, с. 345—346; 3, с. 141—144].

[2] Из специальных трудов синологов о частных сельских рабах в Китае X—XIII вв. следует отметить работу Тан Кёдзи [32], многие конкретные сведения из которой послужили серьезным подспорьем при написании данной статьи.

[3] Переводится также «дешевый», «низкий», «презренный люд».

[4] Переводится также «высокий», «благородный», «добропорядочный», «почтенный люд».

[5] Ли — мера длины, равнявшаяся в сунское время 552,96 м.

[6] В «Уголовном кодексе [династии] Сун» уложения о доносах и вознаграждениях за них (девять статей) сведены в особый отдел (цз. 24); они занимают значительное место и в позднейшем сунском законодательном памятнике — «Своде законов, [составленном в годы] Цинъюань», вышедшем в 1203 г. (см. [14, с. 46]).

[7] В «Уголовном кодексе [династии] Сун» имеется специальная статья «Доносы рабов о преступлениях хозяев» [29, цз. 24, с. 4б—5б].

[8] Вообще при подобных обстоятельствах действующим законодательством устанавливался трехдневный (в случае со скотом — двух-трехдневный) срок и назначалось наказание палками (см. [28, т. 2, с. 387]).

[9] Воспроизведение и анализ данного акта см. [28, т. 2, с. 364—365, 695—697; т. 3, с. 76—77]; см. также [44, с. 255; 21, с. 147].

[10] Му — мера площади, равнявшаяся в сунское время 5,68 акра; 100 му составляют один цин (5,68 га).

[11] «За хребтом» («лин-вай») — старинное наименование территории современных провинций Гуандун и Гуанси, лежащей за горным кряжем Улин.

[12] Линнань (в переводе — к югу от хребта) — одно из старинных обозначений современных провинций Гуандун и Гуанси.

[13] Как и другие проявления социального протеста и неповиновения, бегство рабов от хозяев имело распространение в X—XIII вв., и не случайно Юань Цай отмечал: «Среди рабов (бэйпу) есть те, что чинят беззаконие и разбой, а также бегут от [своих господ]» [43, цз. 3, с. 52]. Законодательством предусматривалось, что раб, ушедший от хозяина, наказывался 60 палочными ударами, а если он находился в бегах более трех дней, мера пресечения повышалась [29, цз. 28, с. 10а].

[14] По всей вероятности, имеются в виду соответствующие законы времени Пяти династий и десяти царств.

[15] Этот указ Чжао Хэна упомянут также у Ма Дуаньлиня [19, цз. 11, с. 121] и Ван Юна [18, цз. 3, с. 25].

[16] В «Уголовном кодексе [династии] Сун» фигурирует, за буквально еди-

ничными исключениями, только термин «нубэй». В том разделе книги Ма Дуаньлиня, в котором приведены выдержки из императорских указов и других сунских официальных документов, относящихся к рабам, также использован лишь термин «нубэй» [19, цз. 11, с. 120—121]. Этим словом обозначена и вся рубрика, под которой у Ма Дуаньлиня представлены материалы, касающиеся рабства в Китае с периода Чжоу (1027—246 гг. до н. э.) [19, цз. 11, с. 118], что можно, по-видимому, расценивать как свидетельство закрепления данного термина в сунское время в качестве общего нормативного названия рабов.

[17] Современник, Чжу И (1098—1167), писал: «Случается, [иероглифом] „ну" обозначают [рабов]-женщин. [Обычно же] „ну" и „бэй" составляют пару. [Между тем] широко принято [словом] „бэй" называть женщин, а [словом] „ну" — мужчин, и, вероятно, так и должно быть» [39, цз. 2, с. 44].

[18] В своем первоначальном значении «молодой раб» или «молодая рабыня» слово «тун» в то время уже, как правило, не употреблялось.

[19] В отдельных поместьях насчитывалось до тысячи одних только тутовых деревьев, что тоже дает представление о размерах поместий сунского времени (см. [32, с. 81; 40, с. 181]).

[20] Подробное описание поместий в Китае X—XIII вв. см. [32, с. 79—89; 40].

[21] В записях о феодально-поместных рабах Юань Цай приводит среди прочих данные, относящиеся к родовому имению Сыма Гуана (1019—1086) Гаохоули в волости Сушуй (уезд Сясянь, провинция Шаньси). Более подробные сведения содержатся в книге самого Сыма Гуана «Сушуй цзя и» («Обычаи дома в Сушуй», см. [32, с. 83]).

[22] Использованный Сыма Гуаном термин «синеповязочники» (или «синеголовые») употреблялся еще в древнекитайских текстах для обозначения рабов, носивших в качестве отличительного знака головные повязки синего цвета. По данным таких источников, как «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.), «Чжань го цэ» («Планы Сражающихся царств»), составленные Лю Сяном (80—9 гг. до н. э.), и «Хань шу» («История [Ранней] Хань») Бань Гу (32—92 гг. н. э.), синеповязочники в империях Цинь (221—206 гг. до н. э.) и Хань (206 г. до н. э.— 220 г.) привлекались к службе в армии, а согласно «Тайпин юй лань» («Высочайше просмотренному [в годы царствования] Тайпин [синго]») — энциклопедии, завершенной в 977 г. под руководством Ли Фана (925—996), использовались и в земледелии. У Юань Цая в точно таком же, как и у Сыма Гуана, контексте вместо термина «стражники-синеповязочники» фигурируют «стражники — молодые рабы» (лин-ся сяо тун) (см. [43, цз. 3, с. 49]).

[23] О том, что «рабы (тунпу) доставали воду из колодца», см. также [36, т. 7, цз. 2, с. 9].

1. *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии.— Т. 6. Полное собрание сочинений. Изд. 2-е.
2. *Ленин В. И.* Русские и негры.— Т. 22.
3. *Ленин В. И.* Новые данные о законах развития капитализма в земледелии.— Т. 27.
4. *Ленин В. И.* О государстве.— Т. 39.
5. *Боровкова Л. А.* Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971.
6. *Васильев Л. С.* Рабовладение и феодализм в древнем Китае.— Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
7. *Думан Л. И.* Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII—XIV вв.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
8. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
9. История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
10. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
11. *Козина Е. М.* Основные категории лично-несвободного населения в танском Китае.— Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1976.

12. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. Пер. и исслед. М., 1965.
13. Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. Пленум ГАИМК, 20—22 июня 1933 г.— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 103. М.— Л., 1934.
14. *Стужина Э. П.* Китайский город XI—XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М., 1979.
15. *Хохлов А. Н.* О рабстве и крепостничестве в Китае (с 40-х годов XVII в. до середины XVIII в.).— Китай: общество и государство. Сборник статей. М., 1973.
16. *Ван Май.* Цюй сянь цзи (Сборник «Померкшая радость»).— Сер. «Сыку цюань шу чжэнь бэнь» (Редкие произведения из «Сокровищницы книг, [классифицированных] по четырем разделам»). Отд. «Сборники». Т. 165. Шанхай, 1935.
17. *Ван Шипэн.* Мэйци сяньшэн вэнь цзи (Собрание произведений г-на Мэйци). Сб. 2.— Сы бу цун кань (Собрание книг, [классифицированных] по четырем разделам). Ч. 1, отд. «Сборники». Т. 239. Шанхай, 1928.
18. *Ван Юн.* Сун чао янь-и и моу лу (Заметки с завещанными потомству благопожеланиями, [составленные] при сунской династии).— Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Отд. 1, вып. 3888. Шанхай, 1939.
19. Вэнь сянь тун као (Свод письменных памятников и суждений [к ним]). Сост. Ма Дуаньлинь. Т. 1.— Ваньу вэньку (Библиотека-энциклопедия). Отд. II (10 сводов), вып. 7. Шанхай, 1936.
20. *Го Инь.* Юньци цзи (Юньциский сборник).— Сер. «Сы ку цюань шу чжэнь бэнь». Отд. «Сборники». Т. 147. Шанхай, 1935.
21. Дуньхуан и-шу цзунму соинь (Указатель к каталогам дуньхуанского письменного наследия). Пекин, 1962.
22. *Дэн Гуанмин.* Тан Сун чжуан-юань чжиду чжи-и (Спорные моменты в характеристике поместной системы в [периоды] Тан и Сун).— Лиши яньцзю. 1963, № 6.
23. *Ли Дао.* Сюй Цзы чжи тун цзянь чанбянь (Материалы, продолжающие «Всепроницающее зерцало, управлению помогающее»). [Ханчжоу], 1881.
24. *Ло Юань.* Эчжоу сяоцзи (Эчжоуский сборничек).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 2033. Шанхай, 1935.
25. *Лу Дянь.* Таошань цзи (Таошаньский сборник).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 1930. Шанхай, 1935.
26. *Лу Ю.* Цзяньнань ши гао (Цзяньнаньское собрание стихов).— Сы бу бэй яо (Избранные произведения, [классифицированные] по четырем разделам литературы). Т. 79. Шанхай, 1936.
27. *Лю Кэчжуан.* Хоуцунь сяньшэн да цюань цзи (Полное собрание произведений г-на Хоуцуня).— Сер. «Сы бу цун кань». Ч. 1. Отд. «Сборники». Т. 273, Шанхай, 1928.
28. *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю (Исследования по истории китайского законодательства). [Т. 2]. Токио, 1960; [т. 3]. Токио, 1962.
29. Сун син тун (Уголовный кодекс [династии] Сун). [Пекин], 1918.
30. *Сун Ци.* Сун Цзинвэнь гун бицзи (Записки гуна Сун Цзинвэня).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 280. Шанхай, 1936.
31. Сун ши (История Сун). Сост. Токтага и др. Пекин, 1958.
32. *Тан Кёдзи.* Со дай-но дзинуси «добоку» канкэй (Отношения помещиков и «рабов» в период Сун).— Тоё гакухо. Т. 53. 1971, № 3—4.
33. *Фан Хуэй.* Тунцзян сюй цзи (Продолжение «Тунцзянского сборника»).— Сер. «Сы ку цюань шу чжэнь бэнь». Отд. «Сборники». Т. 173. Шанхай, 1935.
34. *Хань Юаньцзи.* Наньцзянь цзи и гао (Первый и второй черновики [старца] Наньцзяня).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 1983. Шанхай, 1936.
35. *Хун Май.* Жун-чжай суй би у цзи (Пять сборников записок Жунчжая). Пекин, 1959.
36. *Хун Май.* И Цзянь чжи (Записанное И Цзянем).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 2707—2714. Шанхай, 1937.
37. *Цао Яньюэ.* Чангу цзи (Чангуский сборник).— Сер. «Сы ку цюань шу чжэнь бэнь». Отд. «Сборники». Т. 159. Шанхай, 1936.

38. Цинъюань тяофа шилэй (Свод законов, [составленный в годы] Цинъюань). Пекин, 1957.
39. *Чжу И.* И цзяо ляо цза цзи (Разные заметки, [написанные] в келье «Долгое пробуждение»).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 284. Шанхай, 1939.
40. *Чжэн Чангань.* Лунь Тан Сун фэнцзянь чжуан-юань ди тэчжэн (О специфических чертах феодальных поместий в [периоды] Тан и Сун).— Лиши яньцзю. 1964, № 2.
41. *Шэнь Ко.* Мэнси би тань (Беседы с кистью [в руке] в Мэнси). Шанхай, 1956.
42. *Юань Хаовэнь.* Юань Ишань сяньшэн цюань цзи (Полное собрание сочинений г-на Юань Ишаня).— Сер. «Сы бу цун кань». Ч. 1. Отд. «Сборники». Т. 285. Шанхай, 1928.
43. *Юань Цай.* Юань-ши ши фань ([Наставительные заметки] г-на Юаня о современных обычаях).— Сер. «Цуншу цзичэн». Отд. 1, вып. 974. Шанхай, 1939.
44. Descriptive Catalogue of the Chinese Manuscripts from Tunhuang in the British Museum. By L. Giles. L., 1957.
45. *Pulleyblank E. G.* The Origins and Nature of Chattel Slavery in China.— Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 1. 1958.

Е. И. Кычанов

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЮДЕЙ В КИДАНЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ЛЯО (916—1124 гг.)

С образованием государства Ляо возник сложный социальный организм, сочетавший, особенно в X в., традиционные формы хозяйства и общественной организации кочевников и полукочевников Центральной Азии с давними традициями оседлого земледельческого населения (китайского на юге и бохайского на востоке), включенного в состав Железного царства («ляо»— «Железный») путем завоевания.

Какие-то формы личной несвободы бытовали в киданьском обществе и до образования государства Ляо. Об этом косвенно свидетельствует хотя бы широкая практика порабощения пленных в ходе киданьских завоевательных походов. «В процессе длительного развития, — писал Л. И. Думан, — кидани... перешли от первобытнообщинного строя к феодальному, минуя рабовладельческую формацию. Патриархальное рабство, существовавшее у них, не получило, как и у Тоба, дальнейшего развития и сохранилось в виде уклада» [1, с. 19—20].

Сведения, дошедшие до нас, о рабстве в Ляо ограничены, но они вполне достаточны для того, чтобы утверждать со всем основанием, что рабство в Ляо существовало; существовали и другие формы личной зависимости, например категория лично-несвободных — буцюй, принадлежавших частным лицам. С одной стороны, включение в состав территории Ляо ряда северных областей Китая привнесло с собой в социальную структуру Ляо традиционные китайские формы личной зависимости (танские в своей основе), с другой — у киданей существовали какие-то свои первоначальные формы порабощения, может быть отличавшиеся некоторой спецификой, о чем и будет сказано ниже.

Как и в большинстве регионов средневекового Дальнего Востока и тяготевших к нему восточных областей Центральной Азии, лично-несвободные в Ляо делились на две большие группы — людей, принадлежавших казне (государству), и людей, принадлежавших частным лицам.

Источниками перехода в статус личной зависимости (кроме естественного воспроизводства рабов) были: захват в плен

во время военных походов, обращение в рабство семей государственных преступников и продажа или самопродажа лично-свободных в рабство.

В 988 г. был издан императорский указ: «Если люди, захваченные в плен во время похода на Юг, имеют уже на территории Ляо родственников, порознь приписанных к кибиткам (юртам, чжан), то следует выделить казенные деньги и выкупить их, с тем чтобы позволить им (членам одной семьи) соединиться» [4, цз. 12, с. 52]. В данном указе речь шла о тех пленных, которые ранее оказались в собственности семей киданей (кибиток), и теперь казна, выкупая их, соединяла их с родственниками. Очевидно, все эти люди, и старые военнопленные, и новые, оставались лично-несвободными, но на этот раз принадлежали только казне.

Военнопленные как переходили в казну, так и становились собственностью частных лиц, или пленивших их, или тех, кому они были подарены. В разделе «Географические описания» («Ляо ши») сообщается: «Семьи, захваченные в плен во время военных походов, используются для строительства окружных центров (чжоу) в наиболее важных местностях, поэтому эти места часто называли „старыми поселениями“ пленных. В дополнение к этому частные рабы (сы ну) были оставлены Пяти столицам округов для устройства чиновников» [4, цз. 37, с. 143].

Вторым важным источником пополнения рабов были продажа и самопродажа людей в голодные годы. «В 1088 г. из-за голода в Верхней и Южной столицах было разрешено лично-свободным людям (лян жэнь) продавать самих себя» [4, цз. 25, с. 92]. Очевидно, в известной мере личная несвобода грозила и человеку, отданному в залог. Именно так можно оценить указ 1013 г.: «Во всех областях пострадавшие от наводнения и голодающие люди отдают в залог своих сыновей и дочерей. Начиная с первого месяца наступившего года их ежедневный труд должен оцениваться в 10 монет. Когда все будет выплачено и работа закончена, они должны быть отпущены и возвращены в свои семьи» [4, цз. 15, с. 62]. Думается, указ потому и был издан, что ставил ограничения для залогодержателей, стремившихся в конечном счете обратить заложников в свою собственность, в лично-несвободных людей.

Наконец, как уже говорилось выше, причиной потери личной свободы могло стать порабощение членов семей преступников, совершивших тяжкие, как правило, антигосударственные преступления. Так, в тексте «Ляо ши» упоминается, что имущество дальних родственников императорского правящего дома и его свойственников, чиновников, «тех, кто совершил преступление, подлежало конфискации» [4, цз. 31, с. 119]. По закону 994 г., если китаец убивал киданя, то преступник приговаривался к смерти, а его жена и дети становились казенными рабами [5, с. 198].

Как мы уже упоминали выше, точно так же как и в соседних

с Ляо странах, рабы в киданьском государстве делились на казенных и частных.

Частные рабы (сыну) были собственностью частных лиц, лично-свободных людей (лян жэнь), чиновных и нечиновных. Эти люди могли быть получены в дар, куплены, приобретены по наследству и т. п. В 930 г. «взятые ранее киданьскими войсками в плен бохайские семьи были подарены императором принцу Ли Ху» [4, цз. 3, с. 21]. В 1036 г. Елюй Шучэну, составителю кодекса Ляо, были подарены 15 дворцовых семей (гунху) [4, цз. 96, с. 378]. Елюй Цюе был, по представлениям богатых киданей, небогат, и «император, зная о его бедности, подарил ему 10 дворцовых семей (гунху)» [4, цз. 91, с. 367]. То, что «гунху» — термин, обозначающий рабов, мы знаем из биографии китайца на киданьской службе Ван Цзичжуна. «Поскольку, — говорится в тексте „Ляо ши", — семья Цзичжуна не имела рабов (нули), ему было подарено 30 семей гунху» [4, цз. 81, с. 343].

Данные о численности рабов, находящихся в собственности отдельных хозяев, имеющиеся в «Ляо ши», можно разбить на две группы. К первой группе относились лица, владевшие несколькими десятками семей рабов (ср. выше: 10, 15 и 30 семей). Ко второй — крупные рабовладельцы, имевшие тысячи рабов. Сяо Хуэй, член рода Сяо, из которого брали себе жен члены императорского правящего дома Елюй, говорил императору Синцзуну, собиравшемуся сделать ему ценный подарок: «Я императорский родственник и занимаю высокое положение. Моего жалованья достаточно, чтобы в умеренном достатке содержать себя и семью. У меня более тысячи рабов и рабынь, и я ни в чем не испытываю недостатка» [4, цз. 93, с. 371]. Императрица Жуйшэн-хуанхоу подарила принцессе Гуаньинь 10 тыс. рабов и рабынь [4, цз. 65, с. 281].

Положение рабов, находившихся в Ляо в собственности частных лиц, вряд ли существенно отличалось от такого в Си Ся и сунском Китае. Отрывочные сведения, которые дошли до нас об этом в «Ляо ши», подтверждают данное мнение. Хозяин не имел права по своему произволу убить раба. Елюй Няолюй собирался жениться, но его мать, невзлюбившая рабыню принцессы, на которой он хотел жениться, сказала сыну: «Убери рабыню, тогда разрешу тебе жениться!» Няолюй, не раздумывая долго, убил рабыню и женился. Но дело об убийстве дошло до императора. В результате Елюй Няолюй был наказан ссылкой в пограничные войска [4, цз. 86, с. 355]. Принцесса Сайго, убившая свою домашнюю рабыню, была понижена в ранге, а ее муж Сяо Туюй лишен почетного титула шисян [4, цз. 93, с. 372].

Если раб совершал преступление, за которое ему грозила смертная казнь, хозяин не имел права лично убить раба, а должен был передать его для наказания властям. «Если раб или рабыня совершат преступление, наказание за которое дости-

гает наказания смертной казнью, то виновных следует передать в имеющееся управление, а их хозяин не имеет права самоуправно убивать их» [4, цз. 61, с. 270].

Раб не мог доносить на хозяина. «На У Ваншао был подан донос его рабом. Имеющееся управление просило разрешения начать следствие. Император сказал: „Я знаю — это клевета. Если начать дело, боюсь, это побудит к таким же поступкам и других людей“. Чтобы избежать следствия, он приказал казнить раба» [4, цз. 61, с. 270]. Кстати, слова императора свидетельствуют о том, что донос или жалоба раба, хотя бы в определенных случаях, принималась как от свободного. В 1006 г. был издан указ: «Рабы и рабыни не имеют права доносить на хозяина, если он не виновен в совершении мятежа, измены или какого-либо иного преступления, наказуемого смертной казнью или ссылкой» [4, цз. 61, с. 270], т. е. рабы в Ляо, как в Китае и Си Ся, имели полное право доносить на своих хозяев, если те совершали преступления против государя и государства и иные особо тяжкие преступления. В 1048 г. был издан императорский указ, гласящий, что чиновники (ши) и простолюдины (шу), заявляя о делах, связанных с благополучием государства, не имеют права одновременно подавать просьбы по личным делам. Рабам обо всем увиденном разрешается докладывать своим хозяевам и запрещается самим подавать официальные заявления властям [4, цз. 20, с. 81].

Рабы продавались. Однако спецификой Ляо было то, что, по закону от 1040 г., киданям было запрещено продавать рабов китайцам. «Запрещено киданям продавать китайцам рабов и рабынь» [4, 19, с. 78]. Это, естественно, отнюдь не означало, что китайцы в Ляо не имели рабов. Мы уже упоминали китайца Ван Цзичжуна, которому было подарено 30 семей гунху. Возможно, этот запрет правильнее толковать не как запрет продавать рабов китайцам внутри страны, а как запрещение продавать их в другие государства, например в Сун, что целиком согласуется с тогдашней традицией, бытующей в дальневосточных странах.

Как и в Си Ся, частный раб мог в определенной ситуации возвыситься и получить личную свободу. «Елюй Амоли любил копить добро. Он собрал воедино людей, захваченных им во время каждого похода, и построил город, который назвал Фынчжоу, а затем взял своего домашнего раба Янь Гуя и назначил его цыши (префектом). Елюй Амоли был сочтен человеком грубым» [4, цз. 79, с. 340].

Никаких сведений о процедуре предоставления рабам свободы в Ляо мы не имеем.

В собственности частных лиц находилась и вторая категория лично-несвободных людей в Ляо — буцюй. Социальный статус буцюй в танском Китае подробно охарактеризован Е. М. Козиной (см. ее статью). Сведения «Ляо ши» только позволяют нам утверждать существование этой категории лично-несво-

бодных людей в Ляо. В 995 г. был издан указ: «Люди (миньху) из всех областей страны, которые начиная со времени девиза царствования Ин-ли (951—967) были принуждены стать буцюй, отныне должны вноситься в списки населения округов и уездов» [4, цз. 13, с. 54]. В 1041 г. Северным императорским секретариатом (шумиюань) была подана двору просьба «позволить буцюй отправляться нести службу в пограничных войсках за своих знатных хозяев». Император эту просьбу удовлетворил [4, 19, с. 77]. В целом можно полагать, что положение буцюй в Ляо было близко таковому в танском и сунском Китае.

Возможно, известной спецификой отличалось положение лично-несвободных людей в Ляо, принадлежавших казне. Это были люди, приписанные к дворцам (ордам), именовавшиеся гунху (гунфэньху, гунфэньжэньху), чаще всего из военнопленных (о которых мы уже упоминали в связи с дарением их частным лицам). Поскольку их социальный статус при переходе из казенной собственности в частную прямо приравнивался к рабскому, мы с большой долей вероятности можем считать гунху казенными рабами. К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн определяют термин «гунху» следующим образом: «Гунху или гунфэньху — рабы, прикрепленные к орде» [5, с. 725]. По мнению вышеуказанных авторов, различие между гунху (чжанху) и гунфэньху, гунфэньжэньху, состояло в том, что первые принадлежали лагерю (так авторы переводят применительно к Ляо китайский термин «гун» — «дворец»), в котором жил император, в то время как другие были распределены среди других лагерей [5, с. 234, примеч. 58]. Как многие лично-несвободные, гунху, возможно, не имели фамилий: «Гуде происходил из гунфэньжэнь, его фамилия неизвестна» [4, цз. 114, с. 417]. В Бохае, как сообщает Е Лунли в «Цидань гочжи», «буцюй, рабы и рабыни, которые не имеют фамилий, все носят фамилию своего хозяина» [3, цз. 26, с. 4а; 2, с. 335].

Гунху нередко упоминаются в связи с военной службой [4, цз. 114, с. 417], возможно, их положение, как и положение чжуаньху, о которых речь пойдет ниже, было близким к положению служащих вспомогательных войск в Си Ся, которые также, как это мы пытались показать, были лично-несвободными людьми. Рассматривая структуру киданьской орды, К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн указывают, что в ее состав включались и военнопленные: «В трех случаях упоминаются бохайские военнопленные, в одном — из племени цзубу, в другом — пленные без указания происхождения» [5, с. 510].

Казенными лично-несвободными людьми были различные ремесленники, приписанные к ордам, дворцам, различным хозяйствам. В период завоевания киданями государства Бохай (907—926) «те пленные, которые владели каким-либо ремеслом и искусством, в большинстве своем были отправлены по кибиткам (чжан ся). Их называли шу шань („приобретенная драгоценность“)». Мастерские по вышивке шелком обслуживали

триста бохайцев, китайцев и иных иноземных мастеров [4, цз. 37, с. 144—145]. Степень личной зависимости казенных ремесленников в Ляо трудно установить из-за отсутствия каких-либо сведений в источниках. К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн высказали мнение о том, что «казенные люди» (гуань минь), «должно быть, были ремесленниками полусвободного типа» [5, с. 194].

Интересен вопрос о социальной природе еще одной группы зависимых людей в Ляо — чжуаньху («чжуань» — «перемещать», «передавать»; «ху» — «двор»). Сам термин говорит о возможном родстве чжуаньху с лично-несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам — буцюй. Из танского кодекса о буцюй известно, что хозяева их не продавали, а «передавали» другим лицам.

Чжуаньху принадлежали орде или были приписаны к орде. Вместе с «истинными», «регулярными» семьями (чжэнху), которые, по мнению К. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, были киданьскими [5, с. 55], а также солдатами, чжуаньху составляли основное население орды. Например, в орде Гоанянь «истинных», «регулярных» дворов было 3 тыс., разноплеменных и китайских чжуаньху — 7 тыс., конников — 5 тыс. В орде Елувань «регулярных» дворов было 5 тыс., разноплеменных и китайских чжуаньху — 8 тыс., конников — 8 тыс. В орде Пусавань «регулярных» дворов — 7 тыс., разноплеменных и китайских чжуаньху — 6 тыс., конников — 5 тыс. и т. д. При всех ордах было 23 тыс. семей чжуаньху [4, цз. 31, с. 117—118]. О том, что чжуаньху являлись лично-несвободными, свидетельствует текст «Цидань гочжи». В 1116 г. был дан совет императору использовать чжуаньху в борьбе с наседавшими на Ляо чжурчжэнями. Ответственный за оборону района к востоку от р. Ляохэ Чжан Линь начал «принуждать сильных мужчин из числа чжуаньху поступать на службу в армию, ибо жители Ляодуна издавна находились во вражде с чжурчжэнями и бохайцами и... если позволить им стать лично-свободными людьми (ши цун лян шу), то они будут прилагать все силы для исполнения приказов и смело сражаться» ([3, цз. 10, с. 11а]; ср. [2, с. 186]). К. Виттфогель и Фэн Цзяшэн также были склонны «предполагать статус лично-несвободных, по крайней мере у переданных орде семей» [5, с. 512]. Гунху и чжуаньху, по нашему мнению, составляли группу казенных лично-несвободных людей. Они в известной мере являлись особенностью государства Ляо и составляли группу лично-несвободных людей, близкую по статусу и положению своих членов к служащим вспомогательных войск Си Ся. Не исключено, что тангутские служащие вспомогательных войск генетически связаны именно с киданьскими гунху и чжуаньху, ибо хорошо известно, что тангуты, особенно в XI в., во всем подражали киданям.

Третью, особую группу лично-несвободных в Ляо составляли люди, принадлежавшие буддийским храмам. Эта группа лич-

но-несвободных, вероятно, во многом была близка к имевшимся в танском и сунском Китае чанчжу, хотя такой термин в «Ляо ши» и не зафиксирован. Людей храмам дарили как государство, так и частные лица. Император пожертвовал храму Лунгун 600 человек, доход от труда которых вначале делился между государством и храмом (они платили налоги), но «которых впоследствии храм начал рассматривать как своих рабов» [5, с. 196]. Это было императорское, государственное пожертвование. Известны и частные пожертвования. Так, принцессами Цинь и Юе было подарено монастырю Хаотянь в 1059 г. 100 семей; монастырю Цзиань (знатной дамой из рода Сяо) в 1072 г. — 50 семей [5, с. 295]. То, что 600 человек, подаренные императором Ляо храму Лунгун, сначала платили налоги государству, свидетельствует о бытовании в Ляо разделенной собственности на людей. Возможно, разделенная собственность существовала и при каких-то пожертвованиях. Под 1015 г. в «Ляо ши» зафиксирован такой случай: императору чжурчжэнями хэсукуань («переселенцами», «отгороженными» от соплеменников) было подано прошение в том, чтобы в семьях Нюйчжи вана Шучжипи, «которые прежде не заносились в списки, [ныне] их тяглые (дины) могли платить налог и отбывать трудовую повинность; император согласился с этим» [4, цз. 15, с. 63], т. е., возможно, пленные («отселенные», по-киданьски хэсукуань) чжурчжэни, подаренные Нюйчжи вану, вначале отдавали ему все плоды своего труда, а затем, по неясным для нас соображениям, сочли за большее благо «быть за казной», возможно, частично.

Таким образом, в единственно доступных и фрагментарно известных нам терминах население Ляо делилось на два класса — людей лично-свободных (лян, лян шу) и людей лично-несвободных, специальным термином (очевидно, для китайских документов Ляо это был термин «цзянь жэнь») не обозначенных. Лично-свободные люди подразделялись на простых людей (шу) и чиновников (ши). Лично-несвободные люди — на людей, принадлежавших частным лицам двух сословий — нуби (рабы и рабыни) и буцюй, и людей, принадлежавших казне, двух или даже трех сословий: гунху (гунфэньху), положение которых соответствовало рабскому; чжуаньху, положение которых соответствовало положению буцюй, находившихся в собственности частных лиц; и, если это было самостоятельное сословие, гуань минь — «казенных людей», ремесленников, мастеровых. Наконец, особое сословие составляли люди, принадлежавшие или приписанные к храмам.

Гунху (они же чжанху, гунфэньху) и чжуаньху, казенные люди, приписанные к ордам и кибиткам (стойбищам кибиток, лагерям, куреням), возможно, в какой-то мере продолжали сохранять статус лично-несвободных людей традиционного киданьского общества до периода больших завоеваний, хотя, конечно, никаких прямых доказательств этому нет. Мы не обнару-

живаем аналогов им в сословиях казенных лично-несвободных людей танского и сунского Китая, зато есть вероятное основание сопоставить их с казенными лично-несвободными людьми в Си Ся, так называемыми служащими вспомогательных войск (см. статью о собственности на людей в тангутском государстве Си Ся). Можно только сожалеть, что о социальной структуре общества Ляо до нас дошло так мало материалов. Общество Ляо, бесспорно, наряду с китайским повлияло на сложение социальных структур в тангутском государстве Си Ся и чжурчжэньском государстве Цзинь. Возможно, кидани и чжурчжэни имели свои собственные традиции, не свойственные Китаю — мы имеем в виду имеющиеся косвенные свидетельства о возможном превращении в рабов людей, отданных в залог (Ляо) или за долги (Цзинь, см. статью М. В. Воробьева; ср. также данные о Корее). Использование этих незначительных сведений, рассеянных по таким источникам, как «Ляо ши» и «Цидань гочжи», было бы еще более затруднено, не будь той огромной работы, которую в свое время проделал большой коллектив исследователей и переводчиков в США, руководимых профессорами К. Виттфогелем и Фэн Цзяшэном. Надеемся, что для решения нашей сравнительно узкой темы мы воспользовались плодами их труда в полной мере, хотя, что вполне естественно, каждый раз обращались непосредственно к тексту первоисточника.

1. *Думан Л. И.* К истории государства Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем.— Ученые записки Института востоковедения. Т. 11. М., 1955.
2. *Е Лунли.* История государства киданей. М., 1979.
3. *Е Лунли.* Цидань го чжи (История государства киданей).
4. Ляо ши (История династии Ляо).— Сер. «Сыбу бэйяо». Шанхай, 1935.
5. *Wittfogel K. A.* and *Fêng Ch'ia-Shêng.* History of Chinese Society Liao (907—1125).— Transactions of American Philosophical Society. T. 36. Philadelphia, 1949.

М. В. Воробьев

РАБЫ И РАБСТВО В ЧЖУРЧЖЭНЬСКОМ И ЦЗИНЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ (X в.— 1234 г.)

Сформулированная в заголовке статьи проблема раскрывается как в процессе выяснения социальных отношений в среде чжурчжэней и цзиньцев, так и (в значительной степени) через терминологию старинных китаеязычных источников. Об этой терминологии необходимо сказать несколько слов. Так, чжурчжэньский словарь из «Хуаи нюй» сохранил (в разделе «человек») чжурчжэньское слово «раб», чтение которого реконструируется как «ahai» [34, с. 60]. Это слово непосредственно связано с коренным тунгусо-маньчжурским «аха» и с производным маньчжурским «аха» [7, с. 24]. Оно свидетельствует в пользу прочного бытования этого явления в чжурчжэньской среде, но и только. Никаких исторических источников, содержащих этот чжурчжэньский термин, не сохранилось. Китаеязычные источники передают аналогичное понятие терминами «бэй» («рабыня»), «ну» («раб.»), «нубэй» («раб» и «рабыня»), «нули» («рабы-слуги», «рабы»), «цзяну» («домашние рабы», «слуги»), «буцюй» («холопы»), «цюй» («невольники»), «цюйну», «цюйдин» («невольник»), «цюйбэй» («невольница») [12].

Эти термины возникли в Китае в разное время, но почти все — задолго до появления чжурчжэней. Конкретное значение каждого термина и различие между ними в цзиньское время четко не всегда устанавливаются. Особенно когда речь идет о переводе. Если к серии «бэй», «ну», «нубэй», «нули», «цзяну» довольно твердо приложимо значение «раб», то уже значение термина «буцюй» менее ясно. По танскому кодексу, нубэй и буцюй — лично-зависимые слуги семьи, но буцюй — несколько менее зависимые, т. е. полурабы, или холопы. Еще менее понятно значение серии «цюй» — цюйну, цюйбэй, цюйдин. Одно из словарных значений термина «цюй» — «взять в плен и поработить». Но в крупнейших словарях китайского языка отсутствуют сочетания с «цюй», используемые в цзиньских источниках, а предлагаемые в этих словарях — отсутствуют в упомянутых источниках [27, № 45933; 10, № 44968]. По некоторым сведениям, цюйкоу (равнозначное цюй, цюйдин) в период господства монголов в Китае означало захваченных и порабощенных немонголов и некитайцев и являлось самым общим обозначением для

рабов [32, с. 110, примеч.]. Однако при Цзинь порабощенных пленных одинаково именовали ну и цюй, в чем мы убедимся дальше, а попавших в плен вследствие стихийных бедствий и голода, хотя и редко, но также называли словами из серии «цюй» [23, цз. 58]. Приложимость последних непременно к нечжурчжэням и некитайцам четко не локализуется. Правда, термины серии «цюй» часто употреблялись в отношении к подневольным киданям: так, за поимку главарей восстания 1160—1161 гг. цюйдинам и конторским дворам, т. е. дворам, приписанным к конторе дворцовых реестров (гун цзин цзянь), обещано освобождение и перевод их в статус простолюдинов — шуминь [23, цз. 133, с. 821], — но не всегда и не только в отношении киданей. Поэтому при переводе мы используем слово «невольник», чтобы выделить переводимый термин, не сомневаясь в его общем значении,— «раб» или «полураб». И последнее: в средние века общество китайского региона не знало альтернативного деления на рабов и свободных в современном понимании этих терминов. Официальная социальная иерархия признавала две большие категории непривилегированного населения: «подлый люд» (цзяньминь) и «добрый люд» (лянминь), внутри которых существовало несколько более мелких разрядов. Переход населения из низшего разряда «подлого люда» в один из разрядов «доброго люда» является следствием известной «расхлябанности» системы. Такой переход (нубэй — лянминь) довольно характерен для цзиньского общества. Мы называем его «освобождением», а новое состояние — «свободным», хотя речь идет о переходе в категорию «доброго люда» (что и выражено соответствующими терминами), поскольку «добрый люд» пользовался наибольшей свободой, допустимой для простонародья средневекового Дальнего Востока.

Перейдем теперь к сути проблемы, в литературе почти не освещенной (см. [8; 24]). Рабство как социальное явление существовало в чжурчжэньском обществе задолго до оформления государства. В рабство обращали пленных. Около 1099 г. после взятия городища Люкэчэн победители «захватили его (Люкэ) детей, имущество и возвратились» [23, цз. 67, с. 442]. В случае убийства, семьи виновных обращали в рабство [4, с. 276]. Сведения о долговом рабстве относятся уже к заре становления государственности. Известно, например, что в 1109 г. после неурожая и голода население вынуждено было «продавать детей и жен» [23, цз. 2, с. 22]. Эти формы рабства, появляющиеся и развивающиеся внутри самого чжурчжэньского общества, сочетались с внешними.

Установление военных, торговых и дипломатических отношений с киданями и корейцами, торговых и дипломатических — с китайцами, подчинение некоторых чжурчжэньских племен соседним государствам Ляо и Корё, где также существовало рабство, — все это втягивало чжурчжэней в более широкую сферу рабовладельческих отношений. Однако последние известны ме-

нее всего. Ни в источниках, посвященных этим странам, ни в литературе, на них основанной, почти не встречается точных доказательств того, как эти процессы сказались на характере чжурчжэньского рабовладения. Обычны упоминания о военнопленных как из числа самих чжурчжэней, так и их противников, но отсутствуют данные о порабощении. В 973 г. чжурчжэни взяли в плен и превратили в невольников пограничных киданей [16, цз. 8, с. 39], а в 986 г. киданьский сановник представил свыше 100 тыс. чжурчжэньских пленников [16, цз. 11, с. 47], но дальнейшая их служба неизвестна. В 1064 г. чжурчжэни совершили рейд по морю и пленили корейцев [13, цз. 8, с. 119], а в 1107 г. корейцы взяли в плен несколько тысяч чжурчжэней [13, цз. 12, с. 183], но также неизвестно, что с ними стало. В 1019 г. несколько тысяч чжурчжэней совершили набег «на японские острова Цусима, Ики, Кюсю и похитили много людей» [31] — про их участь ничего не сообщается. Наиболее вероятно для той эпохи порабощение, но пленных могли также посадить на землю (с обязательством платить налоги), взять в услужение или даже отпустить на родину за выкуп, на обмен, без всяких условий. Все эти варианты известны в чжурчжэньской истории. Оставаясь в плену, такие военнопленные часто бывали несвободными, но не всегда — рабами.

Кроме того, известны несколько случаев дарения чжурчжэнями людей в другие страны: в 991 г. — охотников-манщиков из соотечественников в Ляо, в 1022 г. — каких-то неизвестных людей в Корё [13, цз. 4, с. 65]; или получения из других стран ремесленников, например мастеров серебряных дел из Корё в 1102 г. [13, цз. 11, с. 171]; но и здесь статус даримых остается для нас загадкой. Даже факты выкупа чжурчжэней соплеменниками в 1022 и 1053 гг. [13, цз. 4, с. 66, цз. 7, с. 91] сами по себе не говорят о рабском состоянии выкупаемых. Рабы не входили ни в перечень дани, ни в списки подарков, отправляемых чжурчжэнями соседям [26].

Мало что можно добавить к сказанному о фактической стороне рабовладельческих отношений у ранних чжурчжэней. По древним обычаям, убийцу и грабителя вместе с домашними отдавали в рабство [23, цз. 45, с. 287]. В другом месте рассказывается о таком порядке: «При совершении кем-либо убийства из дома убийцы отдавали в дом убитого одного человека» [23, цз. 1, с. 18], который, возможно, становился рабом в доме, а возможно, просто восполнял недостающих людей в роде. Порабощенного за преступление и, вероятно, также выданного взамен убитого можно было выкупить, заплатив за него скотом и имуществом, т. е. обычной пеней. Развитие системы штрафов приводило к тому, что «народ... продавал детей и жен и не мог уплатить [штрафы] за преступления» [23, цз. 2, с. 22]. В 1109 г. такие штрафы, в том числе, вероятно, и недоимки, были отменены на три года. Начавшаяся война с киданями, благоприятная для чжурчжэней, заметно пополнила рабский контингент

победителей. Уже в 1114 г. после взятия пограничного ляоского города Нинцзянчжоу мужчины были убиты, а киданьские женщины и дети превращены в рабов. Рабство у чжурчжэней, по всей вероятности, было достаточно широко распространено, если в приданое за невестой давали «несколько десятков дворов рабов» [20, цз. 1, с. 9]. Понадобился специальный указ, чтобы оградить от порабощения родичей правящего дома Ваньянь, именовавшихся ланцзюнями (принцами. — *М. В.*); «Ланцзюнь... не может быть обращен в рабство» [4, с. 276]. Но, как мы увидим далее, это правило не всегда соблюдалось. К концу эпохи относятся первые сведения об освобождении рабов и холопов, точнее, об обещании освобождения. Накануне восстания в 1113 г. Агуда (Тай-цзу) объявил: «Отличившиеся, если они рабы или холопы, станут свободными» [23, цз. 2, с. 22]. Почти ничего не известно о применении труда рабов. Известны лишь случаи, когда похищенные девушки становились наложницами: вожди из рода Ваньянь — Шилу и Хуаньду (первая половина XI в.) «похитили обеих девиц и вернулись; одну взял Шилу, другую Хуаньду, обе стали наложницами» [23, цз. 68, с. 445]; или когда «знатные закапывали рабов при погребении их хозяев» [9, цз. 39, с. 179]. Но это, безусловно, не рисует всей картины применения труда рабов.

Недостаток сведений о рабах затрудняет «определение рабства» в раннечжурчжэньском обществе. Утверждение о господстве в это время системы рабской собственности [25, с. 27] основывается на механическом перенесении общих исторических законов на конкретное общество, невзирая на отсутствие подтверждающих данных. Труд рабов, очевидно, не играл решающей роли в чжурчжэньском хозяйстве. Эксплуатация рабов, похоже, носила патриархальный характер. Развитие рабства сдерживалось слабостью товарно-денежных отношений, сохранением сильных элементов военной демократии, прочностью общины.

Провозглашение собственного государства Цзинь в 1115 г. открыло путь к многим изменениям. Этот новый период в развитии упомянутых отношений не был однородным. Его можно расчленить на два этапа: 1) развитие рабовладельческих отношений непосредственно в чжурчжэньской среде в условиях военного и полувоенного времени; 2) развитие рабовладельческих отношений в цзиньском обществе в целом в сравнительно мирных условиях. Нечеткий рубеж между этими двумя этапами проходит где-то между серединой 30-х и началом 40-х годов XII в.

Для первого этапа присуще несомненное распространение рабства в чжурчжэньском обществе за счет порабощения военнопленных, разоренного войнами мирного населения, перешедшего к чжурчжэням. Причем в этом принимали участие цзиньские власти. Участились и расширились такие явления, как похищение, продажа в рабство, дарение; ухудшилось положение

рабов. Одновременно осуществляется массовое освобождение из рабства самих чжурчжэней, попавших некогда в плен к киданям, корейцам, китайцам или впавших в нищету и попавших в рабство. Ограничение рабства со стороны правительства носило эпизодический характер и ограждало от порабощения в основном чжурчжэньское население. На практике господствовали сложившиеся в ареале рабовладельческие отношения.

После падения в 1116 г. Восточной столицы Ляо, г. Ляояна, сюда массами стали переселяться чжурчжэни, везя с собой пленных-рабов, очевидно киданей [2, с. 111]. По мере расширения военных действий росло число пленных и обездоленных. После взятия Верхней (главной) столицы киданей, Линьхуана, в 1120 г. «все дети и жены киданьские были обращены в рабов» [9, цз. 1, с. 10]. В источнике сохранился указ 1116 г.: «В период непрекращающихся военных действий бедняки массами искали спокойствия у сильных, часто укрывались у [них] и становились рабами. Тай-цзу повелел: „В плохие годы люди голодали, во множестве присоединялись к сильным кланам, покорялись и становились рабами. Когда вопреки закону взыскивали [долги] произвольно — отдавали себя [в счет долга] и становились рабами. Или по истечении срока частного договора люди должны были бы освободиться, но по давности срока превратились в рабов. [Всем] без различия разрешено двум выкупать одного на свободу. Одного выкупленного по прежнему контракту употреблять как угодно“» [23, цз. 46, с. 292]. Необычность выкупа, о чем больше нигде в цзиньских источниках не упоминается, не находит исчерпывающего объяснения. Существует мнение, что речь идет о «заместителях» [28, с. 24—25], как полагают некоторые авторы, — о двух нетягловых, т. е. малоработоспособных; но тогда неясно, какой смысл рабовладельцу соглашаться на такой обмен? Мы придерживаемся мнения, что два раба в складчину выкупали (возможно, своим трудом) одного раба [1, с. 144]. Известное подтверждение этому мы находим в указе 1124 г., в котором сообщается: «Есть случаи, когда люди сами продают себя в рабство; приказано выменивать тягловых работников» [23, цз. 46, с. 292]. Здесь «вымениваемый» раскрывается как «тягловый», т. е. налогоплательщик. Сам же указ свидетельствует о том, что на исходе ляо-цзиньской войны факты порабощения населения не прекращались.

Интенсивность этих процессов неизмеримо усилилась во время 15-летней цзиньско-сунской войны, начавшейся в 1126 г. Уже в самом начале войны, еще до взятия Кайфына, в ходе переговоров о перемирии каждый чжурчжэньский офицер с сотника (моукэ) и выше получил в дар по нескольку китайцев, а каждый рядовой — одного-двух [17, л. 4а]. После срыва перемирия и падения города цзиньцы к захваченным в Пинчжоу 3 тыс. пленных с их женами и детьми добавили более 4 тыс. членов сунского императорского дома, более 5 тыс. «аристократов обоего пола», более 3 тыс. служащих, более 3 тыс. танцов-

щиц и певичек. Все они были вывезены на Север, в исконные чжурчжэньские владения, причем до территорий Янь и Юнь, за Великой китайской стеной, «добрались мужчин четверо из десяти; женщин — семеро из десяти» [19, л. 1а—1б]. Хотя эти 18 тыс. пленных нигде не названы прямо рабами и некоторые из них, безусловно, ими и не стали (например, император с ближайшим окружением, 2 тыс. отпущенных по дороге), прочие, особенно подаренные офицерам и солдатам цзиньской армии, испытали неволю.

Сунский писатель Хун Май рисует следующую картину из жизни порабощенных людей: «Попавшие в плен к чжурчжэням в год правления под девизом Цзин-кан (1126 г.) и позже: император и его родичи, царедворцы и начетчики — все превращены в рабов и загружены работой. Каждому ежемесячно выдают 5 доу проса. Он сам лущит его и делает крупу; получает 1 доу 8 шэн [крупы] и использует как сухой провиант. Ежегодно выдают каждому 5 связок конопли; он сам прядет ее и шьет халат. Еще выдают одну связку монет, один кусок шелка. Мужчины, не умеющие ткать и прясть, ходят голыми весь год. Если такой пленный [сумеет] возбудить жалость, ему поручат смотреть за печкой. Пока поддерживает огонь — греется. Чуть ненадолго выйдет наружу набрать сучьев и уже возвращается снова — кожа и мясо у него отваливаются, и через несколько дней он умирает. Радуются только знающие ремесло, такие, как врачи, ткачи и прочие. [Люди] обычно садятся на землю в кружок, растягиваются на ветхих циновках или тростниковых подстилках. Если подвернется пирушка, выделяют умеющих играть на музыкальных инструментах, а те показывают свое искусство. Гости дают им опивки, а они по очереди возвращаются на свое место и снова, плотно прижавшись друг к другу, садятся в кружок. И в жизни, и в смерти считаются за ничто» (цит. по [14, с. 320]). В приведенном отрывке пленные названы рабами, даже император и его родичи, а это явное преувеличение. Универсальный характер довольствия свидетельствует о государственной опеке над ними — как над рабами или как над пленными. В указе 1123 г. о пленных и рабах говорится вместе: «Попавшим в плен и продавшим себя в эти годы одинаково разрешается выкупать себя на свободу» [23, цз. 2, с. 26].

В эти годы цзиньские власти сами способствовали порабощению части китайского населения. В 1130 г. чжурчжэньский военачальник Ваньянь Няньхань тайно разослал указ по всем землям и приказал в один день провести массовую облаву среди населения Междуречья (Хэцзяня). «В один день закрыли округа и уезды по северной границе и схватили бродящих по дорогам... Всех переселенцев непременно записывали за казной, накалывали им на ухе знак „казенный“, заковывали в цепи в Юньчжуне (на границе с Си Ся. — *М. В.*); также раздали на прокормление и содержание населению, установили цену и продали их или отдали в неволю в уйгурские земли, выменяв на

коней, а также продали их в земли мэнгуцзы (монголам. — *М. В.*), дилецзы, шивэй (северным кочевникам. — *М. В.*), в Корё» [9, цз. 6, с. 83].

В тревожное военное время участились случаи похищения людей, их порабощения (насильственного и обманного), которое приняло столь широкие масштабы, что правительство было вынуждено издавать специальные указы, запрещающие подобные действия. Участились случаи самопродажи в рабство. Указ 1123 г. гласил: «Население голодает, и люди сами себя продают в рабство... Из-за недостатка пищи люди доходят до того, что продают детей. Слышно, покупают тягловых» [23, цз. 46, с. 292]. В указе от 1131 г. сказано: «Приказываю: среди дворов, недавно переселившихся, охраняющих границу и нуждающихся в одежде и пище, есть такие, кто заложил своих родственников в рабство. Таковых выпустить за счет казны. Если дворы состоят всего из двух-трех человек — добавить им казенных рабов, дополнить до четырех человек. Бедных пахотными волами снабдить казенными волами» [23, цз. 3, с. 123].

Последний указ особо интересен в нескольких аспектах. Совершенно очевидно, что речь в нем идет о чжурчжэнях, охранявших границу и наделявшихся волами. Процесс их освобождения от рабства увязан с выделением им из государственного фонда рабов для организации крепкого хозяйства. Наконец, в указе, единственный раз в «Цзинь ши», употреблен термин «казенный раб» («гуань нубэй»), хотя существование их подразумевается. Это видно из следующего документа, носящего деловой характер (неуплата долгов, возможно, недоимки также могли привести к порабощению). В 1138 г. Военный совет сообщал: «Те, кто задолжал государству или частному лицу, теряют свою свободу, их домашние превращаются в рабов и так покрывают долг» [9, цз. 10, с. 11]. В то же время, как видно из следующего документа, этот указ не всегда соблюдался и самими членами Военного совета: «...в Военном совете (юаньшифу) в Шэньси имелись чиновники, которые постепенно богатели, угнетали бедняков, превращали их в рабов» [23, цз. 84, с. 539].

Отношение молодого цзиньского правительства к рабовладению в новой империи на этом этапе не отличалось последовательностью. С одной стороны, правительство не только мирилось с широким порабощением пленных, гражданского населения (в ходе грубого захвата, долговой кабалы, вынужденной самопродажи и продажи детей), но и само пользовалось плодами массового порабощения и от своего имени раздаривало пленных чжурчжэньским вождям и военачальникам. Уже при цзиньском императоре Агуде (Тай-цзу), «захватив город... взятых в плен раздаривали офицерам» [23, цз. 72, с. 468]. После подавления восстания в Хуанлунфу чжурчжэньский военачальник Шитумэнь получил в награду 500 рабов [23, цз. 70, с. 485]. Однако, с другой стороны, известно, что им предпринимались какие-то меры, с тем чтобы сдерживать стихию порабощения

(особенно когда это не отвечало интересам государства). Время от времени проводилась политика освобождения рабов, прежде всего из числа чжурчжэней. В 1116 г. Агуда особым указом освободил чжурчжэней, находившихся в рабстве у киданей. В дальнейшем, по мере завоевания территории государства Ляо, рабы-чжурчжэни получали свободу. Одновременно с этим рабство ограничивалось во всех чжурчжэньских владениях. В том же, 1116 г. появился первый указ, разрешающий выкуп рабов-должников, возможно, из числа самих чжурчжэней, так как в то время владения чжурчжэней еще не слишком расширились за пределы их собственных. Спустя семь лет, в 1123 г., цзиньский император Уцимай (Тай-цзун) обнародовал особый указ о правительственном выкупе рабов-чжурчжэней: «Покойный император (Тай-цзу. — *М. В.*) велел выкупить своих однофамильцев, которые в прежние времена продавали себя в заклад. Приказано было казне выкупить их. Сейчас, слышу, еще есть *невозвращенные*. Проверить, выкуплены ли? Вновь приказываю выкупить их за казенное зерно» [23, цз. 46, с. 292]. Это косвенно свидетельствует о широком распространении рабства в чжурчжэньской среде. Однофамильцами, очевидно, названы принадлежавшие к клану Ваньянь, которые еще в догосударственную пору, как и ланцзюни, ограждались от порабощения.

В 1121 г., стремясь привлечь к себе бежавшее население, цзиньское правительство объявило: «Если же придет с покорностью раб прежде своего господина, сделаем его свободным» [23, цз. 2, с. 25]. В 1123 г. впервые было разрешено заплатить за себя выкуп пленным из Восточной столицы (Ляояна). В том же году аналогичное разрешение последовало для невольников: «Тех из свободных, кто со времен выступления войск был невольником, разрешено их родителям, детям и женам выкупать» [23, цз. 46, с. 292]. Стихию незаконного порабощения был призван сдержать и другой указ. В 1124 г. было объявлено: «Сильные дома не должны покупать бедняков как рабов. С того, кто поработит в раба насильно, за одного человека брать 15 человек [рабов]; с того, кто поработит свободного обманом, за одного брать двоих [рабов]; и сверх того давать виновным по 100 палок» [23, цз. 3, с. 30]. В 1129 г. было разрешено выкупать родственников, попавших в рабство в ходе войны, и для этой цели выдавалась ссуда. Император Хэла (Си-цзун, 1135—1149), ярый буддист, разрешил рабам трех округов — Янь, Юнь и Бэнь — менять рабское состояние на монашеское, что по общим правилам категорически запрещалось: «Из рабов, решивших освободиться от зависимости и казенных повинностей, всего несколько тысяч просили [о том]. И получили [разрешение]. Принявших постриг — приблизительно 3 — 10 тыс.» [20, цз. 1, с. 10].

С установлением в империи Цзинь мира, закрепленного шаосиньским договором 1141—1142 гг., открылся второй этап развития рабовладельческих отношений. Для этого этапа характерны приведение их в известное соответствие с потребно-

стями общества в целом, более непосредственная зависимость форм рабства от экономической и социальной структуры Цзинь, последовательная государственная политика в отношении рабовладения, нашедшая отражение в праве.

Прежние истоки порабощения сохранились. Однако их роль в комплектовании контингента рабов изменилась. Порабощение военнопленных с наступлением сравнительно мирного времени утратило свое первостепенное значение, хотя и продолжалось в гораздо меньшем масштабе в ходе вспыхивавших военных действий. Стоит отметить появление в Цзинь рабов из числа пленных монголов (татар) и тангутов. Первые были, по-видимому, более многочисленны. «В Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские дети, купленные и превращенные в маленьких рабов, все они были захвачены и привезены [цзиньскими] войсками» [6, с. 70]. По преданию, не подтвержденному фактами, Чингисхан в детстве попал к цзиньцам в плен и провел в рабстве десять лет [6, с. 49]. В 1207 г., когда монголы готовились напасть на тангутское государство Си Ся, цзиньское правительство выкупило всех рабов-тангутов, находившихся в Цзинь, и отправило их на родину, с тем чтобы усилить армию Си Ся [5, с. 299]. Число отправленных на родину рабов, очевидно, было значительным, если такое мероприятие посчиталось целесообразным.

После подавления восстаний какое-то количество восставших — подданных Цзинь попадало в рабство, хотя такое порабощение, обычное для древнего Китая, уже ушло в прошлое. Так, многие из народности си (хи), поддержавшие восставших киданей в 1161 г., были казнены, а их жены и дети розданы чжурчжэньским солдатам, по-видимому, в невольники [29, с. 176]. После разгрома восстания «красных курток» в 1220 г. чжурчжэньский полководец Хэшиле Хаошоу «во множестве хватал свободных [китайцев] и превращал в невольников» [23, цз. 109].

Практиковавшиеся чжурчжэнями массовые переселения китайцев в Шанцзин, Шаньчжоу, Линьхуан, т. е. в Маньчжурию, также часто сопровождались превращением переселенцев в невольников. Они несли военную и пограничную повинности, пасли скот, прислуживали в присутственных местах. Их приписывали к чжурчжэньским хозяйствам в мэнъань и моукэ [1, с. 139].

Порабощение преступников (или их близких родственников) в точном смысле этого слова в Цзинь отсутствовало, во всяком случае, по закону. Однако существовало понятие «конфискация в казну»: «Свободные простолюдины (лянжэнь), которые конфискованы в казну, записываются в конторе дворцовых реестров (гунцзинцзянь) и относятся к конторским дворам (цзяньху). Рабы, конфискованные в казну, приписываются к управлению по сбору пошлин (дафуцзянь) и относятся к казенным дворам (гуаньху)» [21, цз. 12, с. 2883]. Обстоятельства,

приводившие к такой конфискации, подробно не излагаются. Но в числе их могли быть и уголовные преступления. В биографии одной из цзиньских императриц рассказывается о случае, когда в семье воспитателя детей императора кто-то совершил преступление, и тогда вся семья «была конфискована» в дворцовое ведомство (дудяньцзяньси) [8, с. 1]. Статус конфискованных приближался к статусу полурабов. Довольно колоритен другой случай. Син-ван (один из сыновей Агуды) в бытность свою губернатором Яньцзина «играл в конское поло, упал с коня и убился; всех, начиная с гулунь и ниже, сделали рабами» [20, цз. 1, с. 2]. Китайское слово «гулунь» — это чжурчжэньское «гурунь», означающее «князь», «благородный». Оно входило составной частью в название восьми низших степеней десятистепенной иерархии управленческого аппарата начала существования Цзинь.

В любом понимании термина речь идет скорее об опале, чем о наказании за реальное преступление, причем об опале, коснувшейся целой группы знатных чжурчжэней.

Долговое рабство еще и раньше признавалось законом, причем в роли кредитора могли выступать и частные лица, и государство. Если должник оказывался не в силах расплатиться с государством, он рисковал быть конфискованным в казну, хотя бы на срок отработки долга. Однако к недоимщикам такая мера, по всей вероятности, не применялась. Что до частных долгов, то в этом случае порабощение являлось естественным следствием неплатежеспособности — варьировались только его формы. Известны конкретные случаи, когда человек давал вексель, не смог по нему расплатиться и попадал в рабство [23, цз. 96, с. 605—606]. По закону должник находился в рабстве до тех пор, пока не отрабатывал долг и проценты. Но, по-видимому, на практике закон не всегда соблюдался (что вполне объяснимо), и, очевидно, требовалось подтверждение в виде составления контракта о порабощении на срок. Во всяком случае, в биографии Елюй Аньли (киданина на цзиньской службе) с похвалой рассказывается о некоем чиновнике, у которого было всего несколько рабов, причем все имели такие контракты и постоянно «превозносили добродетели» хозяина [23, цз. 83, с. 528].

Однако наиболее распространенной формой порабощения (во всяком случае, наиболее часто упоминаемой источниками) стала самопродажа, а также продажа детей родителями и жен мужьями. Такое порабощение являлось следствием разорения крестьянских хозяйств: от стихийных бедствий, неурожая, недоимок, непомерных налогов, мобилизации, социальных потрясений (войн, восстаний, переселений). В 1164 г. «Северная столица Дадин (современный Данин. — *М. В.*), Ичжоу, Линьхуанфу и другие губернии постоянно терпели грабежи от киданьских мятежников... В Пинчжоу и Цзичжоу снова появилась саранча и сверх того случилась засуха. Народ доведен до крайности. Отцы и дети не в состоянии были помочь друг другу, многие про-

давали в рабство жен и детей» [23, цз. 6, с. 52]. В 1230 г. цзиньский император Ниньясу (Ай-цзун) говорил: «Прошло 20 лет после переселения на Юг (в Хэнань. — *М. В.*). Повсюду народ утратил поля и дома, распродал жен и детей, истощил дух и силу, доставляя припасы для войска» [23, цз. 17, с. 125].

В приведенных примерах мы сталкиваемся не только со всеми главными причинами, толкавшими население на самопродажу, но и с различной этнической принадлежностью порабощенных: в первом случае речь идет, вероятно, о киданях и чжурчжэнях в Северной столице и других местах на территории современной Восточной Монголии и о киданях и чжурчжэнях Пинчжоу — к северо-востоку от Яньцзина, т. е. Пекина; по-видимому, в последнем случае речь идет о самих чжурчжэнях.

В качестве рабовладельцев выступали разные сословия и категории населения и даже организации Цзинь. Если исходить из отсутствия соответствующих запретов, каждый в империи мог владеть рабами. Но, разумеется, не каждый мог позволить себе держать рабов и не каждый в них нуждался. Хотя двор и казенные учреждения в государстве Цзинь распоряжались рабами, не существовало универсального понятия «казенное рабство».

Кроме приведенного выше единственного случая, в источниках не попадается термин «казенные рабы» («гуань нубэй») или ему соответствующий, даже когда речь заходит о конфискации в казну свободных или рабов. Поэтому-то частные рабы в источниках называются не частными рабами (сы нубэй), а просто рабами (нубэй). Четкое деление на казенных и частных рабов, узаконенное при Тан, исчезло. Прежнее понятие «казенный раб», возможно, выступало под названием «казенный двор», «конторский двор», хотя, вероятно, положение этих дворов изменилось также. И при этом правительство постоянно располагало каким-то резервом рабов, из которого производило пожалования. Так, кроме упомянутых случаев при воцарении цзиньского императора Мадагэ (Чжан-цзуна) в 1189 г. четверым вельможам было пожаловано по 700 рабов [23, цз. 93].

Существуют и более убедительные примеры. В «Цзинь ши» в разделе о должностных лицах, роль которых на местах часто играли главы чжурчжэньских общин (мэнъань и моукэ), говорится: «Высшим и средним дворам в ведение мэнъань и моукэ, независимо от подчинения, в губерниях Хэлань, Суйпин, Хулигай, Фуюй дают невольников. По образцу снабжения войск удовлетворяют их деньгами и припасами. Раз в год сменяют» [23, цз. 42, с. 273]. Здесь труд невольников (временный) использовался для обслуги властей, причем они находились на казенном содержании.

Крупным рабовладельцем был императорский клан, имуществом которого заведовало удельное управление (дацзун жэньфу). По переписи 1183 г., к нему было приписано [23, цз. 47, с. 309]:

дворов	170
человек	28 790
В том числе:	
свободных	982
рабов	27 808

Таким образом, на семью императорского клана приходилось до 164 рабов, а на одного свободного — в среднем 28 рабов. В общей численности императорского клана свободные занимали только 3,4%, а рабы — 96,6%. По масштабам цзиньского государства это крупный контингент рабов, процветавший под защитой государства. Не исключено, что отдельные члены клана дополнительно владели частными рабами. Именно об этом говорит цзиньский император Улу (Ши-цзун), когда необходимо было в 1168 г. назначить крестьян для ремонта дворцов царевичей: «Каждый из этих царевичей имеет своих мастеров и, кроме того, весьма много рабов; зачем еще заставлять народ на них работать?» [23, цз. 6, с. 54]. Сам Ши-цзун до его воцарения, по его собственным словам, владел более 10 тыс. рабов [23, цз. 46, с. 294].

Крупными рабовладельцами были храмы. Одним из наиболее распространенных источников получения рабов храмами стало их соучастие в двойной (казенной и церковной) эксплуатации так называемых дворов двойного обложения (эршуйху).

«Некогда храму Лункун (Ляонин) были пожалованы ляоским императорским домом семьи простолюдинов, которые платили храму налоги. Постепенно их стали считать рабами. Тех, кто жаловался властям, казнили на острове» [23, цз. 46, с. 606].

Ши-цзун освободил более 600 рабов из дворов двойного обложения. Хотя указ об освобождении последовал в 1162 г., фактическое освобождение затянулось из-за сопротивления храмов (до 1190—1195 гг.), когда получили свободу 700 дворов (13 900 человек) [23, цз. 46, с. 293]. Но и кроме дворов двойного налогообложения храмы, вероятно, владели настоящими рабами. Возможно, именно о них говорилось в постановлении: «Пусть налог на имущество даоских и буддийских храмов будет увязан с числом рабов» [23, цз. 94, с. 596].

Отдельные рабовладельцы и их семьи имели большое количество рабов. Так, известно, что Иньчжукэ (Юньдао), один из сыновей Ши-цзуна, владел тысячей домашних рабов [23, цз. 85, с. 538]. О другом члене правящего дома, Босе — брате последнего императора Моди (Ваньянь Чэнлиня), — известно, что он любил «умножать имущество». В его дводце жили сотни рабынь [23, цз. 113]. Причем большим количеством рабов владели не только вельможи, но и просто богатые люди. «Богачи пользуются своими рабами» [23, цз. 87, с. 547], — констатировал Ши-цзун. Когда в 1161 г. кидани подняли мятеж, глава киданьской общины Гуали «со своей шайкой увлек рабов богачей». За несколько дней «он собрал ватагу в 2 тыс. человек» [23, цз. 133,

с. 820]. Все основные народности империи «имели» своих богачей-рабовладельцев.

Много рабов числилось за военизированными чжурчжэньскими общинами мэнъань и моукэ. Согласно той же переписи 1183 г. [23, цз. 47, с. 302], в стране насчитывалось:

мэнъань	202
моукэ	1 878
дворов	615 624
человек	6 158 636
В том числе:	
свободных	4 812 669
рабов	1 345 967

По данным переписи, рабы составляли почти 22% общего числа населения чжурчжэньских общин. В среднем на общину (моукэ) приходилось 716 рабов, на двор — немногим более двух, а на четверых свободных чжурчжэней — немногим более одного раба. В действительности равномерного распределения рабов среди общин не существовало (даже официально моукэ по количеству принадлежащего им имущества были разделены на три разряда).

Известно, что в 1180 г. Ши-цзуном были сказаны следующие слова: «Если в одном моукэ 200—300 рабов, а в другом — один-два раба, то хотя разряд один и тот же, но какое тут равенство» [23, цз. 46, с. 294]. И далее он рекомендует вельможам «подвести итоги и упорядочить это».

Здесь важно отметить следующее. Количество рабов соразмеряется с общиной в целом. В этом выражается желание императора иметь дело с монолитными чжурчжэньскими общинами, хотя и известны случаи наделения рабами отдельных дворов и даже лиц. Максимальная цифра рабов, названная Ши-цзуном, почему-то ниже средней (по переписи 1183 г.) более чем в 2 раза. Оба отрывка по времени разделены всего тремя годами; за это время положение не могло так резко измениться. Возможно, Ши-цзун до переписи не знал об истинном положении дел в целом по стране, а оперировал заниженными данными? Но, вероятнее, он подразумевал не общины в целом, а глав или даже отдельных членов общин — во всех этих случаях возможно одинаковое китайское написание. Один-два раба — это ничтожно мало для самой бедной общины, много для отдельного члена общины, но соответствует среднему числу рабов для одного двора. Правда, допустимо, что, говоря о неравенстве общин, Ши-цзун и не стремился к документальной точности. На основании этого высказывания Ши-цзуна средняя численность рабов в чжурчжэньской общине иногда определялась в 100—200 — 200—300 человек [33, с. 50]. Очевидно, считалось допустимым какое-то «упорядочение». Перераспределение рабов между общинниками неизвестно. Скорее всего в этом высказывании проявилась тенденция к «уравновешиванию», покоящаяся

на умозрительных заключениях и реализуемая в случайных и непоследовательных мерах.

Не только чжурчжэньские общины, но и военные поселенцы — деле и тангу — имели рабов. Согласно этому же источнику, у деле и тангу насчитывалось [23, цз. 57, с. 302]:

дворов	5 585
человек	127 544
В том числе:	
свободных	109 463
рабов	18 081

На двор приходилось немногим более трех рабов, на шесть свободных — один раб, а сами дворы были весьма многочисленны — 23—24 человека в каждом.

Если уж в среднем на двор чжурчжэней (привилегированного населения) приходилось около двух рабов, а чаще меньше или даже, учитывая их растущее обнищание, вовсе не было рабов[1], то у китайцев «настоящие» рабы, очевидно, имелись только в богатых семьях. Косвенно это замечание подтверждается полным отсутствием постановлений, относящихся к таким частным рабам (в сфере землепользования, налогообложения, в гражданских отношениях). Широко распространенное мнение о том, что рабы в империи Цзинь чаще всего использовались в домашнем хозяйстве (в качестве прислуги) и на сельскохозяйственных работах [2, с. 135], в целом верно, но только в целом. Использование рабов в домашнем хозяйстве на разных работах — явление само собой разумеющееся. Впрочем, оно подкрепляется приведенными выше примерами: содержанием татарских детей в цзиньских семьях, видом занятий рабов, описанным Хун Мао. В домашнем обиходе рабы и рабыни выполняли и другие функции: среди рабынь были плясуньи, певицы, наложницы. Захватив в Яньцзине 3—4 тыс. китаянок, чжурчжэньские воины «вернулись на Север, на свою родину, пьянствовали, пели, праздновали и развлекались; только и знали, что наслаждаться наложницами» [9, цз. 2, с. 21]. Позднее, в 1147 г., в Китае было набрано для дворцовых услуг 40 красивых китаянок 13—20 лет от роду [9, цз. 12, с. 134]. Знатные и богатые рабовладельцы пользовались рабами, не занятыми на работах, не только для своего развлечения, но и для незаконного обогащения. Специальным указом в 1190 г. было «запрещено поручать рабам, принадлежащим принцам и принцессам, захватывать корабли, нападать на купцов и путешественников, произвольно взимать деньги и долги» [23, цз. 9, с. 75]. Сын цзиньского императора Цзин-ван был обвинен в том, что по его приказу рабы обирают бедняков [23, цз. 110, с. 697]. Рабы, принадлежавшие рядовым чжурчжэньским семьям, сопровождали своих хозяев в качестве слуг и оруженосцев. Во всяком случае, во время наступления цзиньских войск на Юг в 1161 г. цзиньский император Дигунай (Хай-лин-ван) запретил чжур-

чжэням брать за р. Яньцзыцзян своих рабов (видимо, из опасения, что рабы разбегутся) [8, с. 21].

Участие рабов в сельскохозяйственных, в частности земледельческих, работах несомненно. В 1177 г. особым указом киданьским дворам, независимо от их участия в недавнем восстании против цзиньцев, и освобожденным рабам было приказано «заниматься весенней пахотой» [23, цз. 7, с. 64]. Очевидно, что и до освобождения эти рабы занимались земледелием, но участие в сельскохозяйственных работах особенно хорошо подтверждается на примере хозяйства чжурчжэньских военизированных общин. Все их хозяйство составляли пашня, тягловый скот, рабы, которых они получали от правительства. Отнесение той или иной общины по ее состоятельности к одному из трех разрядов, а также наделение чжурчжэньских дворов землей определялись именно количеством рабов. Чем больше было рабов, тем больше был надел двора и выше разряд общины [30, с. 268]. Значительная часть рабов Удельного управления (государственного учреждения) также работала на полях. Кидани, деле и тангу в основном пасли скот в Восточной Монголии.

Менее известно место, которое занимали рабы в цзиньском ремесле. Можно предполагать, что несколько тысяч мастеровых, вывезенных на Север из взятого в 1126 г. Кайфына [19, л. 2б], и в неволе продолжали заниматься своим ремеслом. Ведь недаром Хун Май писал: «Радуются только знающие ремесло, такие [пленные, рабы], как врачи, ткачи и пр.» (цит. по [14, с. 320]). Существенное число рабов Удельного управления было занято в многочисленных специализированных, производственных отделах, обслуживающих императорский двор. Когда в 1191 г. производилась частичная реорганизация дворцовых учреждений, рабов, наименее пригодных для каких-либо специальных работ, предполагалось использовать для обслуживания внутренних дворцовых покоев [9, цз. 19, с. 2].

Какая-то часть рабов привлекалась к службе в войсках — пограничных и линейных — и не только в качестве слуг чжурчжэньских солдат, но и в качестве «заместителей» [23, цз. 44]. Это относится прежде всего к рабам военных поселенцев, независимо от их национальности. Если «невольничья армия» (цюйцзюнь) состояла из рабов государства Ляо, освобожденных в начале правления Цзинь [30, с. 269—270], то чжурчжэньский вельможа Ваньянь Би около 1223 г. перед лицом угрозы монгольского нашествия предложил правительству «набрать из невольников и конторских дворов несколько тысяч и из них сформировать особое войско; кто отличится — их дворы станут свободными» [23, цз. 120, с. 624]. После смерти Хай-лин-вана при Ши-цзуне Государственный совет предложил всех рабов, освобожденных в 1149—1152 гг. (т. е. при императоре Хай-лин-ване), записать в войско [23, цз. 6]. Из рабов составляли частные отряды. Например, известно, что некий Пуду, услышав

о мятежах, выбрал из своих домашних рабов несколько десятков человек и вооружил их [23, цз. 121].

Некоторые современные исследователи общее число рабов, не вошедших в списки Удельного управления, мэнъань и моукэ, военных поселенцев и, по-видимому, неземледельцев по профессии, оценивают в 200—700 тыс. [28, с. 24].

Статус рабов в цзиньском обществе известен далеко не в полной мере, значительно хуже, чем положение рабов при династии Тан, узаконения которой восхваляли цзиньские государственные деятели. Это — следствие как утраты наиболее важных нормативных актов (цзиньских кодексов и прочих официальных документов), так и (как можно догадываться) той сравнительно небольшой роли, какую играли рабовладельческие отношения в империи Цзинь. Рабы, имеющие свои дворы («рабские дворы»), официально признавались особой социальной категорией [23, цз. 46], хотя и низкого статуса. Это узаконивало самое существование таких дворов и позволяло определить круг их прав и обязанностей. Закон гарантировал рабам жизнь. Хозяин не имел права самовольно распоряжаться жизнью раба. Если хозяин убивал раба в наказание — это считалось преступлением [23, цз. 45] (за которое, правда, налагалось легкое наказание: в соответствующей статье цзиньского кодекса оно не указано, в аналогичной танской статье определено в 100 палок; если же хозяин запасался разрешением от соответствующего управления на расправу с рабом — по некоторым преступлениям рабы не подлежали общему суду,— то и вообще оставался безнаказанным). Смерть раба от побоев господина вообще не считалась достаточным основанием для преследования хозяина. Низкий общественный статус рабов сказывался на подходе к оценке почти всех правонарушений рабов, особенно если эти правонарушения касались личности рабовладельца. Всякое уголовное преступление раба против свободного, особенно против хозяина (убийство, членовредительство, насилие, поношение и пр.), наказывались значительно строже, чем соответствующее деяние свободного. Серьезное преступление раба против господина приравнивалось к «десяти тяжелейшим преступлениям», за которые не только назначались самые тяжелые наказания, но и исключалась сама возможность императорского помилования, смягчения наказания (например, после явки с повинной), освобождения по амнистии. За убийство господина отрубали голову не только виновному рабу, но и соучастникам, за изнасилование замужней женщины, за прелюбодеяние с госпожой, за поношение господина — приговаривали к удавлению, за клевету на хозяина рабу также угрожала смертная казнь [1, с. 189—190]. При сравнении цзиньского кодекса с аналогичными постановлениями кодекса династии Тан заметно известное расхождение между ними как в сторону отягощения, так и в сторону смягчения наказаний, но в целом за уголовное преступление рабов в Цзинь предусматривалось

более строгое наказание. Оскорбление хозяина стало наказываться удавлением вместо былой ссылки, изнасилование свободной замужней женщины — удушением вместо 2,5 лет каторги. Но из статьи об убийстве рабом господина исчезло зловещее понятие «преступного намерения», приравниваемого к совершенному преступлению. Избиение или убийство одним рабом другого раба, даже если оба принадлежали одному хозяину, разбиралось в общем порядке, в суде, а не оставлялось на «усмотрение хозяина» [11, с. 229, 231, 234]. Последнее положение означало дальнейшее ограничение прав хозяина на наказание своих рабов.

Закон до известной степени сдерживал претензии рабовладельцев на полное «поглощение» личности раба. Рабы имели право на свой двор — об этом свидетельствует существование официального термина «рабские дворы» («нубэй ху») — и, следовательно, на какое-то хозяйство и имущество, право на создание семьи, а в некоторых случаях — определенные гарантии на будущность своих детей. Прямые и косвенные данные об имущественном положении рабов и их дворов у нас отсутствуют. Правда, в «Цзинь ши» сказано: «Приказано все имущество конторских дворов, кроме пожалованного и розданного казной... передать крестьянам, которые имеют поля и жилища, облагаемые налогом; все включить в число (подлежащих) генеральной переписи» [23, цз. 46, с. 294]. Это может служить косвенным доказательством вышесказанного. В конторские дворы превращали свободные дворы, конфискованные в казну. Если уж они теряли свое имущество, которым обладали до конфискации, то рабы, конфискуемые в казенные дворы, по всей вероятности, его тоже теряли. Однако конторские дворы сохраняли за собой право на имущество, выделяемое им казной. Не распространялось ли это право и на казенные дворы? Заслуживает внимания и вывод Н. В. Ивочкиной о том, что, получив после освобождения статус «хозяин двора» (т. е. превратившись в настоящие дворы), они должны были (хотя бы в тот момент) распоряжаться каким-то имуществом, оправдывавшим понятие «двор» [3, с. 112].

Лучше нам известно о семейном положении рабов. Браки между рабами официально признавались. По постановлениям 1132 г., допускались смешанные браки между свободными и рабами, если они заключались при обоюдной осведомленности о социальном положении сторон. Под понятие «свободные» попадали и чжурчжэни. Поэтому в 1183 г. были регламентированы браки между свободными чжурчжэнями и рабами: «Что касается чжурчжэньских рабов и рабынь, то, если хозяин настаивает на браке или соглашается на брак, следует испросить согласия домашних, совета деревенских стариков,— и тогда разрешается вступать в брак со свободными» [23, цз. 46, с. 293]. Дети от такого брака считались свободными. Известны особые постановления, по которым дети, зачатые в рабстве, но

родившиеся после освобождения матери [23, цз. 9] или даже родившиеся в «рабской среде», например в киданьской, признавались свободными [23, цз. 46].

При всех этих постановлениях рабское состояние признавалось не только пожизненным, но и потомственным. По всей вероятности, рабов продавали и покупали, причем есть сведения о существовании (по крайней мере до 60-х годов XII в.) рынков рабов [33, с. 50]. Однако какие-либо сведения о купле-продаже рабов в «Цзинь ши» практически отсутствуют. Исключение составляет сообщение о том, как в 1180 г. чжурчжэни из губернии Верхней столицы пытались продать своих рабов. Известны цены, по которым покупали рабов. В 1144 г. в голодающих провинциях взрослый мужчина стоил 3 штуки тонкого шелка, женщина или ребенок — 2 штуки тонкого шелка [23, цз. 46]. В 1200 г. государство выкупало молодого раба за 15 связок монет, а девушек и девочек — за половинную цену [8, с. 9]. Рабов предлагали в заклад, выменивали на лошадей из расчета два раба на одну лошадь [9, цз. 19, с. 3]; рабами давали взятки [23, цз. 63], откупались от монгольских набегов [1, с. 330]; рабов крали в ночь на 15-й день 1-й луны, когда реализовывалось традиционное «право свободной кражи» [9, цз. 27, с. 88]; жаловали удачным полководцам и усердным вельможам, что переводило рабов из казенной в частную зависимость. Рабов делили после смерти владельца между наследниками. Так, известно, что один сын чжурчжэньского вельможи Шихэсу от второй жены после тяжбы унаследовал от отца 1200 рабов, а другой сын (от первой жены) — 800 рабов [23, цз. 113].

По распоряжению властей рабы не смели носить шелковые одежды и золото [23, цз. 7, с. 89].

Важнейшим для характеристики статуса рабов и порабощенных стало положение об их освобождении. При срочном, контрактном рабстве наступление срока юридически считалось концом рабского состояния. При порабощении в результате похищения, насилия, обмана, злостного ростовщичества и прочих незаконных действий освобождение наступало после официального признания факта нарушения закона. В тех случаях, когда рабское состояние считалось законным де-юре или де-факто, существовало четыре пути освобождения рабов не по инициативе хозяина (ср. [23, цз. 97, с. 614]).

1. Государство могло на основании указа выкупить рабов у их владельцев, первый такой выкуп относится к 1124 г.

2. Государство могло издать указ об освобождении определенной категории рабов; один из первых таких указов обнародован в 1130 г.

3. Государство могло разрешить или допустить самовыкуп рабов; первое такое разрешение было дано в 1123 г. пленным из Ляояна. К самовыкупу приравнивался и выкуп раба его родителями, женой, детьми. Допущение самовыкупа означало

полное отсутствие материальной поддержки со стороны государства намеревающемуся выкупиться.

4. Государство особыми законами и постановлениями, как постоянными, так и временными, признавало за рабами, имевшими особые заслуги, право на освобождение (например, за спасение хозяина) [23, цз. 15], храбрость, проявленную на войне [23, цз. 102], наконец, плодовитость, особенно «когда одна рожает троих мальчиков» [23, цз. 9, с. 75]). Напомним, что первое освобождение за храбрость, проявленную на войне, провозглашалось еще в 1116 г.

На протяжении всего средневековья страны Дальнего Востока знали рабство, хотя оно и мало походило на рабство древности. Такие рабовладельческие отношения существовали и в Китае до и после владычества в нем чжурчжэней. Это владычество, естественно, придавало характеру этих отношений специфический оттенок. Но в одном цзиньское правительство (во всяком случае, во второй половине своего существования) было солидарно с другими государствами и династиями средневекового Дальнего Востока. Считаясь с рабством как с фактором, реально существующим в жизни государства, цзиньское правительство в целом оценивало его как явление отрицательное. Поэтому, поддерживая зависимый статус рабов, охраняя особые права рабовладельцев, оно одновременно осуждало его с этической и экономической точек зрения и стремилось ограничить его распространение, пресечь крайние его проявления (ср. [23, цз. 97, с. 614]). Прямых запретов на определенные категории порабощения (например, военнопленных) не было. Особо тяжелым преступлением считалось похищение свободного с целью порабощения, даже сокрытие этого факта [23, цз. 109], ложное признание свободного рабом, наказуемое каторгой (1,5 года); продажа в рабство жены [11, с. 232, 234]. Правительство также старалось пресечь злоупотребления при «законном» порабощении за долги, при самопродаже. Необходимо также отметить, что власти широко пользовались перечисленными выше четырьмя путями освобождения рабов и полурабов всех категорий. Выше мы приводили немало примеров таких освобождений. Их можно привести еще больше. Так, Ши-цзун обещал прощение восставшим киданям и свободу их рабам, если они сдадутся [29, с. 175]. Особо показателен случай выкупа цзиньцев, попавших в плен и в рабство в Южную Сун в 20-е годы XII в. В 1130 г. «указано: те, кто принадлежал к воинским частям (цяньцзюнь) Хэбэя и Хэдуна или их семьям, оказался в Хэнани, попал в плен и стал рабом, будут выкуплены за счет казны и возвращены к своим занятиям» [23, цз. 3, с. 222].

Такая политика цзиньского правительства была продиктована многими обстоятельствами. Порабощение приводило к изъятию значительного контингента населения из-под непосредственного контроля правительства. Это нарушало основной прин-

цип существования централизованной монархии: император — господин над всем населением. Нарушение этого принципа на практике приводило к произвольному смешению разрядов в социальной иерархии (и прежде всего «доброго» и «подлого» люда), к уменьшению слоя производителей (главным образом государственных землепашцев), к потенциальному ослаблению резерва рекрутов, а главное — к сокращению массы налогоплательщиков. Одновременно порабощение усиливало и наделяло специфическими правами другие слои населения, становящиеся рабовладельцами опять же без учета пожелания властей. Поэтому, мирясь с рабовладением потомственным, правительство возражало против порабощения новых масс населения, за одним исключением, о чем речь пойдет ниже.

Действия правительства в отношении рабов, невольников, полурабов отнюдь не ограничивались освобождением этих категорий зависимых, изданием указов, разрешающих самовыкуп или устанавливающих обязательный выкуп, регламентирующих их состояние. Правительство распоряжалось значительным контингентом рабов, не считая рабов Удельного управления. Сюда относились и пленные, захваченные в боях, чье рабское состояние было лишь фактическим, а также какая-то категория должников и конфискованных в казну рабов, которые считались рабами де-юре и де-факто. Эти рабы распределялись между хозяйствами чжурчжэньских общин и верхушкой чжурчжэньского общества. Особенно последовательным, целенаправленным и обильным наглядело насыщение рабами чжурчжэньских общин. Эта часть рабского контингента страны, хотя и «могла быть затронутой освобождением» («рабы мэнъань и моукэ, которые освобождены и стали „добрыми людьми"... записываются в основные дворы» [21, цз. 12, с. 2883]), стараниями правительства скорее «охранялась» от освобождения, так как рассматривалась как важнейшая рабочая сила в чжурчжэньских хозяйствах. Цитированное выше запрещение самовольной распродажи таких рабов чжурчжэнями — не исключение. В 1181 г. Ши-цзун вновь напомнил о нем: «Недавно мы уже запретили продавать рабов...» [23, цз. 47, с. 297].

Конкретное вмешательство правительства в стихию частного рабовладения, даже его мероприятия в отношении казенных рабов за пределами, охарактеризованными выше, почти неизвестны. Допускалось перераспределение частных рабов, но в исключительных случаях — «Хай-лин-ван отобрал у опального вельможи Улиньда Цзаня семейное имущество, рабов и пожаловал их другому лицу» [23, цз. 132, с. 811]. Допускалось также принятие на казенное обеспечение частных рабов особо знатных персон — «Рабы императрицы Тутань все получают казенное содержание» [23, цз. 63, с. 420] [2].

О реакции цзиньских рабов на свое порабощение, о протестах против эксплуатации, тяжелого положения в «Цзинь ши» почти нет конкретных данных. Так, мы узнаем о том, что, когда

в 1192 г. возник конфликт между чжурчжэньскими общинами мэнъань и верховными уполномоченными ванами из центра, «домашние рабы при королевском управлении (входившем в Удельное управление.— *М. В.*) незаконно и самовольно вернулись в свои исконные мэнъань... [никто] не посмел воспротивиться» [23, цз. 68, с. 437]. Очевидно, речь идет о домашних рабах из общин, прикомандированных к королевскому управлению (ванфу). Другой случай — более выразительный. В 1214 г. правитель Шаньдуна — китаец Лю Цюань поднял восстание против Цзинь. В восстании приняло участие много китайцев-чиновников «с их людьми». Очевидно, это были домашние рабы, которые в ходе междоусобицы приставали к «местным шайкам». После подавления восстания Лю Цюаня «они не попали под амнистию и из страха подняли бунт, который и до сего времени (1216 г.— *М. В.*) еще не прекратился; люди во множестве пристают к ним... [Тогда] Сюань-цзун (цзиньский император Удабу.— *М. В.*) объявил им амнистию и выкупил на свободу» [23, цз. 102, с. 642]. В данном случае восстание рабов, строго говоря, закончилось их победой. Можно напомнить еще раз про восстание киданей и их рабов в 1161—1162 гг., когда рабам также было обещано прощение.

Прежде чем перейти к оценке роли рабства в цзиньском обществе, необходимо еще раз напомнить о том, что рабы, невольники, полурабы дальневосточного средневековья во многом отличались от своих предшественников в древности, хотя при этом сохраняли «то существенное», что дает нам право (не говоря уже об источниках) оставить за ними эти названия. Ориентировка на понятие «раб древности», естественно, вынуждает исследователей совсем по-иному оценивать статус рабов средневековья, отказывать привычным категориям последних в «рабской принадлежности» и признать ее за другими, более сомнительными в этом отношении [3, с. 114—115; 2, с. 136—137]. На наш взгляд, сохранение в источниках традиционного «рабского» наименования, причисление к категории «подлого люда», специфика форм потери независимости и ее восстановления, юридический, социальный и экономический статус — все это оправдывает отнесение разобранных нами категорий к рабам средневековья. Более тонкая оценка многих категорий может быть только предположительной. Так, по нашему мнению, невольники (цюй) по сравнению с рабами (ну) испытывали меньшую степень рабской зависимости. Это ощущается не столько в различии их имущественного положения (цюй обладали еще меньшей имущественной самостоятельностью, чем ну), сколько в различии их социального и правового статусов. В неволе оказывались пленные, восставшие, похищенные, но почти никогда — задолжавшие, разорившиеся, «приставшие»; в рабство (последнее понятие встречается в источниках несравненно чаще) попадали по всевозможным причинам. Вся социальная регламентация и правовое регулирование обращены к

рабам, а не к невольникам. Это, очевидно, свидетельствует о временном, переходном состоянии категории невольников. Социальный статус невольников был, по-видимому, выше, нежели рабский. Только из невольников (но не из рабов) комплектовались воинские части. Характерно, что так называемая цюйская армия формировалась из освобожденных киданьских рабов. Известны «дворы двойного обложения», по отчету 1190 г., «потом они стали либо свободными, либо невольниками, что определялось ранее принятыми решениями» [23, цз. 46, с. 293]. Эти наблюдения и дали нам повод именовать категорию «цюй» крепостными [1, с. 139].

Независимо от принадлежности к той или иной категории или группе рабы расценивались как ценное имущество. Не случайно при определении состоятельности чжурчжэньских и иных дворов для обложения их налогом на имущество или при установлении разряда чжурчжэньских общин количество рабов являлось важным показателем самостоятельности (о чем говорилось выше). Поэтому все (от рядового члена чжурчжэньской общины до вельможи любой национальности и самого императорского дома Цзинь) старались удержать своих рабов. Стремление продать рабов в тяжелые времена не меняет отношения к ним как к ценности. Источники почти не фиксируют случаев добровольного и безвозмездного освобождения рабов их владельцами. Единичны сообщения о том, что китаец Лю Цзи освободил своих домашних рабов [23, цз. 97, с. 614], киданин Ила Фуфань отпустил своих рабов на свободу [23, цз. 104, с. 653], что в 1189 г. Чжан-цзун повелел освободить дворы, конфискованные в пользу учреждений [23, цз. 9], среди которых, возможно, находились и бывшие «рабские дворы». Это вполне объяснимо. Дело в том, что при выдаче государством наделов учитывалась численность членов дворов, во всяком случае чжурчжэньских. А так как в подворные списки входили и рабы, то и их число влияло на общую площадь надела. При этом рабы не платили подушных налогов и не несли личных повинностей перед государством. Конечно, глава двора платил поземельный налог, исходя из площади поля, но сами чжурчжэни вносили льготный налог — с волов, на размер которого число рабов влияло опосредованно (волов выдавали также с учетом размера двора) [18, с. 53—56]. В этих условиях понятно стремление чжурчжэней сохранить рабов в своих общинах, тем более что сами они не всегда умели, могли и хотели вести хозяйство. Введение в 1165 г. налога на имущество, куда причислялись и рабы, несколько понизило заинтересованность в рабах. От налога на имущество не избавляли и чжурчжэней, поэтому с 1183 г. начали проводить генеральные переписи дворов, земель и имущества чжурчжэней; последние стали записывать своих рабов в подворные списки свободными [30, с. 259]. При всех обстоятельствах (которые создавали вокруг чжурчжэней обстановку определенной привилегированности [1,

с. 136, 177, 190, 206, 226, 262, 377]) существование рабовладельческого уклада в цзиньском обществе в тех условиях оказалось закономерным, в том числе и в экономическом отношении. Правительство не желало, чтобы все чжурчжэни вошли в изолированный от общества, паразитический слой, и требовало, чтобы они непосредственно участвовали в земледелии; но своими силами чжурчжэньские общинники по многим причинам явно не справлялись с хозяйством. Постоянную помощь своим трудом им могли оказать либо крепостные, либо рабы. Правительство помогало им и теми и другими, но частное крепостное состояние в условиях государственной зависимости китайских крестьян оказалось недостаточно разработано и удобно для чжурчжэней. Поэтому в качестве постоянной дополнительной рабочей силы служили рабы, а в меньшей — китайцы-арендаторы.

Применение рабского труда в чжурчжэньских (да и в прочих) хозяйствах не спасало их, но и не губило. Роль рабов даже в чжурчжэньских хозяйствах хотя оказалась и немаловажной, но в целом носила второстепенный характер. Уже сама малочисленность рабов в общинах по сравнению с числом свободных чжурчжэней (в среднем один раб приходился на четырех свободных, что составляло не свыше 17% общей численности общинников) определяла эту ситуацию. В масштабе всей страны роль рабов оказалась еще меньшей. Источники почти ничего не сообщают о рабах в китайской среде и тем более не приводят цифр. По весьма приблизительным подсчетам, число рабов в империи Цзинь определяется отдельными авторами в 1,5—2 млн. [28, с. 24], что составляет около 4% всего населения империи, причем количество рабов у китайцев, по этим подсчетам (200—700 тыс.), не превышало 0,5—1,5% всего китайского населения.

Чжурчжэньское владычество привело к созданию империи Цзинь, в которую входили как исконно китайские, так и некитайские земли. Рабовладельческий уклад на китайской территории, по-видимому, действительно несколько расширился и укрепился. Однако при этом следует помнить, что такой вывод (иногда высказываемый в более категоричной форме) не подкреплен сравнительными цифровыми данными, касающимися рабства в Северной или Южной Сун (ср. [33, с. 50]). Поэтому характеристика цзиньского государства как рабовладельческого (первая половина его существования), так и феодального (вторая половина его существования) с 40-х годов XII в. [22, с. 9] необоснованна.

Классическая стадия первобытнообщинного строя была пройдена чжурчжэнями в середине XI в. Следующие 40—50 лет приходятся на стадию «военной демократии» с ее классообразованием и ростом власти вождей при сохранении элементов племенной демократии. В двадцатилетие на рубеже XII в. у чжурчжэней складывалось «варварское государство». Примерно

до середины XII в. происходило перерастание «варварского государства» в раннефеодальное, пока оно не определилось как централизованная военно-бюрократическая монархия развитого феодализма при существовании рабовладельческого уклада [1, с. 63, 149, 150].

[1] В частности, в 1181 г. «чжурчжэньские дворы в губернии Верхней столицы, стремясь избавиться от уплаты подоходного налога, самовольно продавали своих рабов» [23, цз. 47, с. 297].

[2] Тутань была мачехой Хай-лин-вана.

1. *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь (X в.— 1234 г.) Исторический очерк. М., 1975.
2. *Ивочкина Н. В.* Свободное и зависимое население в чжурчжэньском государстве Цзинь.— Общество и государство в Китае. Седьмая научная конференция. Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1976.
3. *Ивочкина Н. В.* Категории зависимости в государстве Цзинь (1115—1234).— Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979.
4. *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования).— Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966 (материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь, вып. 2).
5. *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968.
6. Мэн да бэй лу (Полное описание монголо-татар). Перевод с китайского Н. Ц. Мункуева. М., 1975 (памятники письменности Востока, XXVI).
7. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. М., 1975.
8. *Гуань Яньсян.* Цзиньдай-ди нули чжиду (Рабовладение при династии Цзинь. Глава из «Истории рабовладения в Китае»).— Сяньдай шисюе. Т. 3. 1937, № 2.
9. Да Цзинь го чжи (Записки о государстве Великая Цзинь).— Госюе вэньку. Шанхай. 1937, № 41.
10. Дай канва дзитэн (Большой китайско-японский иероглифический словарь). Т. 12. Токио, 1960.
11. *Е Цзяньчжао.* Цзинь люй чжи яньцзю (Исследование уголовных законов Цзинь). Тайбэй, 1972.
12. Кинси гои сюсэй (Систематизированный словник к «Цзинь ши») в трех томах. Киото, 1961—1962.
13. Корё са (история Корё). Пхеньян, 1962—1963.
14. *Линь Хуэйсянь.* Сина миньцзу ши (История народов Китая). Т. 1. Токио, 1939.
15. *Люй Чжэньюй.* Чжунго миньцзу цзяньши (Краткая история народов Китая). Пекин, 1951.
16. Ляо ши (История Ляо).— Сер. «Сыбу бэйяо», цз. 89. Шанхай, 1936.
17. Нань чжэн лу хуэй (Извлечение из записок о покорении Юга).— Цзимао цунбянь, цзинкан байши. Т. 7. [Б. м., б. г.].
18. *Син Тхихён.* Кимдэ тхочжи чедо-ый ёнгу (Земельная система династии Цзинь).— Сахак ёнгу. 1958, № 1.
19. Сун фу цзи (Записки сунского пленника).— Цзимао цунбянь, цзинкан байши. Т. 7. [Б. м., б. г.].
20. Сунмо цзивэнь (Воспоминания о Сунгари).— Цуншу цзичэн. Шанхай, 1940, № 3903.
21. Сюй вэньсянь тункао (Продолженное исследование классических текстов). Шанхай, 1936.
22. *Хуа Шань.* Нань Сун хэ Цзиньчао чжун еди чжэнцин хэ кайси бэйфа чжи и (Политические настроения в средний период династий Южная Сун и Цзинь; их роль в развертывании северного похода годов кайси, 1205—1207).— Шисюе юэкань. 1957, № 5.

23. Цзинь ши (История Цзинь).— Сер. «Сыбу бэйяо», цз. 90—91. Шанхай, 1936.
24. *Chang Poch'uan.* A Study of the Problem of Slavery in the Chin Dynasty.— Sung Liao Chin she hui ching chi shih lun chi. Hongkong. 1973, № 2.
25. *Ching Yüan, Sun Hsia-jên, Yang Chih-chün.* The Society of Chin Dynasty in Heilungkiang Area in the Light of Archaeological Finds.— Wenwu. 1977, № 4.
26. *Cochini Chr., Seidel A.* Chronique de la dynastie des Song (960—1279). Extraite et traduite... du Chungwai lishih nienpao. München, 1968 (Materiaux pour le manuel de l'histoire des Sung (Sung Project), t. 6.
27. The Encyclopedic Dictionary of the Chinese Language.— Vol. 37. Taibei, 1968.
28. *Franke H.* Nord-China am Vorbild der Mongolischen Eroberungen: Wirtschaft und Gesellschaft unter der Chin-Dynstie (1115—1234).— Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Geistes Wissenschaften. Vortrage G. 228. Opladen, 1978.
29. *Jagchid, Sechin.* Kitan Struggle Against Jurchen Oppression. Nomadism Versus Sinification.— Zentralasiatische Studium. 1982, Bd. 16.
30. *Mikami Tsugio.* A Study of the Social System of Djurchin People of the Chin Dynasty. Tokyo 1972 (The Studies of Chin History vol. 1).
31. *Mori K.* Japanese-Goryo Relations and Invasion of Doi Pirates.— Chosen Gakuho. 1966, № 37—38.
32. *Pippon T.* Beitrag zum chinesischen Sklavensystem. Ein juristisch-soziologische Darstellung. Tokyo, 1936 (Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Bd. 29, Teil B).
33. *Rao Jing-shen.* The Jurchen in Twelfth Century China; A Study of Sinification. Wash., 1976.
34. *Yamaji Hiroaki.* A Jucen-Japanese-English Glossary. Tokyo, 1956.

Е. И. Кычанов

СОБСТВЕННОСТЬ НА ЛЮДЕЙ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СИ СЯ (982—1227 гг.)

Собственность на людей, выражавшаяся в юридической и экономической зависимости лица — объекта собственности — от его хозяина, зависимости рабской или близкой по характеру к ней, проявлялась на Дальнем Востоке и в Центральной Азии в многообразии форм.

О наличии рабов в тангутском государстве до обращения непосредственно к тангутским источникам, по существу, ничего не было известно, за исключением двух-трех упоминаний в китайских источниках [9, цз. 10, с. 6б, цз. 14, с. 5б, 17а, цз. 23, с. 8б; 23, с. 612; 20, цз. 30, с. 7б], фиксировавших отдельные факты обращения пленных в рабство и продажи людей. Лишь использование тангутских первоисточников из тангутского фонда ЛО ИВ АН позволяет ныне достаточно подробно осветить этот вопрос.

Тангутское общество знало четкое идеологическое обоснование рабства. Помимо конфуцианского утверждения необходимости социального неравенства (конфуцианство было влиятельной идеологией в среде тангутской бюрократии) существовало, возможно (и даже господствующее), объяснение рабской зависимости с позиций буддизма — кармой. В тангутском сочинении «Море значений, установленных святыми» (издание 1183 г.) в разделе о рабах и слугах сказано: «Благородный человек или низкий, лично-свободный (буквально „чистый“) или раб — обусловлено его прошлыми деяниями. В этой жизни получаем воздаяние за прошлые поступки, и если не повезло, то становишься рабом или слугой» [21, с. 32б]. Источник утверждает, что задача рабов и слуг — прислуживать знатным, выполнять в их хозяйствах и домах самую различную работу [21, с. 32б]. От раба требовалось быть физически крепким и преданным семье хозяина; это давало ему надежду на награду в этой жизни, вплоть до получения должности на гражданской или военной службе, что, очевидно, означало как получение статуса лица «чистого», лично-свободного, так и надежду на более благоприятное перерождение после смерти. Эта мысль высказана и в тангутских изречениях — памятнике, также, видимо, широкопопулярном, изданном способом ксилографии [2, № 192, № 58]:

Хорошо, когда короткие — ноги у птицы, шея у быка и
шея у раба.
Счастье раба зависит от благополучия его хозяина.

Адские муки ожидали тех, кто, как гласит популярный плакатик с изображением сфер перерождения, хранящийся в Государственном Эрмитаже, «не различал высших и низших» [3]. По-видимому, такое объяснение рабской зависимости было господствующим в тангутском обществе.

Однако самым важным источником о формах личной несвободы в тангутском обществе является кодекс Ся. Составление «Измененного и заново утвержденного кодекса девиза царствования Небесное процветание» (1149—1169) предположительно было завершено в 1168—1169 гг. Этот источник содержит сведения первостепенной значимости. Вместе с тем его недостатком является то, что он знакомит нас прежде всего с юридическим аспектом форм личной несвободы в Си Ся и дает мало материала для характеристики экономического положения и конкретной занятости лично-несвободных в тех или иных сферах хозяйственной деятельности или услужения.

В соответствии с бытованием в тангутском государстве двух основных форм собственности — частной и государственной — люди, лишенные личной свободы, также принадлежали или частным лицам, или государю (государству). Нам известны лично-несвободные, именовавшиеся пхинга и нини, которые принадлежали частным лицам; возможно, частным лицам принадлежали и упоминаемые в кодексе так называемые отроки, и государственные люди, люди, принадлежавшие казне, а также «постоянно живущие» (чанчжу), лично-несвободные, закрепленные за буддийскими общинами.

Как показали исследования текста, пхинга и нини не составляли двух разных по правовому статусу групп лично-несвободных; они различались терминологически по полу как лично-несвободные мужчины (пхинга) и лично-несвободные женщины (нини). Лично-несвободные в Си Ся входили в стандартный перечень собственности любого лично-свободного человека, который включал «скот, зерно, ценности, имущество, землю, людей» [11, гл. 1, с. 4а—7б]. Более конкретные формулировки уточняют это понятие «людей» — «постройки, пахотные земли, пхинга, нини и прочий скот и имущество, принадлежащие любому человеку» [22, гл. 3, с. 53].

Источниками пополнения людей статуса лично-несвободных кроме наследования этого статуса, рабства по рождению, являлись захват военнопленных и продажа ранее свободных людей в рабство в бедственные годы, обычно младших членов семьи старшими. В своде военных установлений тангутского государства «Яшмовое зерцало управления девиза царствования Чжэнь-гуань» (1101—1113) мы читаем: «Если в сражении с противником захвачены доспехи, кони, знамена, барабаны, зо-

лото, люди... дети и женщины, то они входят в счет общей награды командирам марша и командирам строя» [24, гл. 2, с. 11а]. В «Измененном и заново утвержденном кодексе» говорится: «Если наш человек, твердою рукою пленив врага, сделал его пхинга или нини...» [11, гл. VII, с. 8б—9а], добыча считалась законной собственностью захватившего ее. Если родственники пленного ради его вызволения подчинялись тангутскому государству, то владелец пленного за то, что он лишался своей собственности, получал его реальную рыночную стоимость в данное время и в данной местности «в возмещение убытка в соответствии с законом из ближайшего государева скота, зерна и имущества» [11, гл. 7, с. 8б—9а].

Голод гнал людей в рабство. К 1164 г. в северных областях Си Ся из-за частых дождей два, а то и три года подряд вымокали хлеба. Чтобы как-то прокормиться, сообщает анонимный тангутский источник, «люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников в соответствии с законом продают другим людям в пхинга и нини» [8, с. 4]. Закон фактически не содержал запретов на продажу старшими родственниками или членами семьи младших. Запрещалось продавать «кого-либо из числа родственников старшей степени родства — деда, бабку, отца или мать». В наказание за это полагалась смертная казнь путем обезглавливания, а за продажу более дальнего родственника старшего поколения — смертная казнь путем удавления (считалась более легким наказанием, чем обезглавливание) или 12 лет каторжных работ [11, гл. 2, с. 28а, гл. 7, с. 22б]. Кроме того, закон запрещал покупать не подданного тангутского государства [11, гл. 20, с. 7б—8а] и соответственно продавать подданного тангутского государства за пределы государства. В последнем случае продавец осуждался как за предумышленное убийство, а лично-несвободный, если он выражал согласие на продажу его за пределы государства, наказывался как за побег [11, гл. 7, с. 22а—27а].

Хозяин распоряжался пхинга и нини как своей собственностью, движимой и недвижимой. Он мог продать их, отдать в залог. «Если любой человек заложит или продаст другому пхинга, нини, пахотные земли, постройки и документы (закладная или купчая) будут уже составлены, а деньги под залог или продажная стоимость еще не взяты, а тот, кто продавал или закладывал свое имущество, изменит своему слову, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — тринадцать палок» [11, гл. 11, с. 13б]. Хозяин мог отдать пхинга и нини в качестве приданого за дочерью [11, гл. 8, с. 27б—28а]. Без разрешения хозяина (отпускной) пхинга и нини не могли уйти в монашество.

В правовом отношении закон очень часто приравнивал пхинга и нини к младшим членам семьи, а также к домашнему скоту. Правило, гласящее, что приплод принадлежит тому, кому принадлежит мать, равно распространялось как на скот, так и

на нини. «Если какой-то человек купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб, а действительно находится вместе с ней или если у женщины есть ребенок, который уже родился, то они вместе с матерями подлежат возврату владельцу» [11, гл. 3, с. 34а]. «Если государевы и частные люди, женщина и мужчина, совратят один другого и убегут, то те дети, которые родятся, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [11, гл. 8, с. 26б—27а]. Если пхинга без разрешения хозяина выдавал замуж женщин из своей семьи, то «дети, родившиеся у каких-то из этих уже проданных замуж женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу» [11, гл. 12, с. 1б—2а]. Собственно, это был общий для средневековья порядок, известный, например, также в Корее [25, с. 14], Византии и Киевской Руси. «Плод от челяди (рабыни) подобно тому, как и плод от скота, является собственностью господина, передаваемой по наследству» [7, с. 171]. Действие этого принципа в Си Ся также является доказательством наследственного пожизненного статуса рабства, личной несвободы. Рабы по рождению, очевидно, составляли (по сравнению с новообращенными) бóльшую часть общего количества пхинга и нини.

В ряде случаев пхинга и нини трактуются законом на правах младших родственников хозяина. Судя по косвенному упоминанию, пхинга обязан был носить траур по хозяину и членам его семьи в случае их смерти [11, гл. 13, с. 16а—16б], т. е. рассматривался не только как скот, имущество, собственность хозяина, но и как лицо, состоящее с хозяином в отношениях, носящих характер родственных. В случае убийства хозяина пхинга или нини они приравнивались к жене, убившей мужа [11, гл. 1, с. 14а]. За ложный донос на хозяина пхинга и нини наказывались точно так же, как жена или невестка за ложный донос на мужа [22, гл. 13, с. 14а]. Таким образом, статус лично-несвободного в семье формально рассматривался как статус жены, наложницы, невестки, младшего члена семьи. Следствием этого было то, что хозяин по закону не имел над своими пхинга и нини абсолютной власти вплоть до уничтожения свой собственности по своей воле. За предумышленное убийство пхинга или нини хозяин по закону осуждался на восемь лет каторжных работ [11, гл. 8, с. 4а]. Закон предусматривал и суровые меры наказания за предумышленное причинение пхинга или нини увечья. «Если хозяин поранит пхинга или нини глаз, ухо, нос, ногу, руку, палец и сделает их инвалидами, то виновному — пять лет. Если отрежет по суставу руку или ногу, перережет сухожилия, то шесть лет, если выколет оба глаза, отрежет обе ноги или обе руки или перережет на них сухожилия — восемь лет. Если от причиненных им ранений пхинга или нини умрут — десять лет каторжных работ» [11,

гл. 8, с. 7б—8б]. Наказание за зверское, сознательное убийство пхинга или нини было, таким образом, даже более суровым (десять, а не восемь лет каторги), чем за обычное предумышленное убийство. Но закон был столь суров только в случае очевидного предварительного намерения и изуверских действий. Если же хозяин, наказывая пхинга или нини за непослушание, калечил их, он, если имел чиновничий ранг, платил в качестве штрафа одну лошадь, а если ранга не имел — получал 13 палок. Если же пхинга или нини умирали от побоев, хозяину грозили лишь шесть месяцев каторжных работ. Фактически жизнь пхинга или нини была в руках хозяина. Хозяин всегда имел возможность обвинить своих рабов в непослушании (и наказание за их убийство снижалось с восьми лет до шести месяцев каторги), а знатные хозяева оставались вообще безнаказанными, так как благодаря их рангу на основании действующего законодательства они совершенно освобождались от наказания. В крайнем случае хозяин всегда мог откупиться от него. Любопытно, что наказание за предумышленное убийство пхинга и нини приравнивалось к убийству и домашнего животного, и младшего родственника. Тангутское государство в законодательном порядке преследовало немотивированный убой крупного рогатого скота и коней хозяевами по их произволу на мясо [11, гл. 2, с. 26б]. А с другой стороны, хозяин, предумышленно убивший пхинга или нини, получал наказание, лишь на два года каторги большее, чем в том случае, если бы он предумышленно убил кого-то из своих детей или невесток [11, гл. 8, с. 3а—3б].

Мы не знаем, как наказывались пхинга или нини за покушение на убийство хозяина; соответствующие статьи кодекса, к сожалению, не сохранились. Если кто-то из них убивал хозяина, то получал высшую меру наказания — смертную казнь путем обезглавливания, ту же меру наказания, которая полагалась жене за убийство мужа.

«Если женщина убьет мужа, а пхинга или нини убьет хозяина», то виновные наказываются смертной казнью путем обезглавливания [11, гл. 1, с. 14а]. И в данном случае лично-несвободный приравнивался к жене хозяина.

По крайней мере до середины XII в. пхинга и нини рассматривались как члены семьи хозяина и при разбирательстве дел о покушении на хозяйское имущество. Тангутское право рассматривало кражу имущества одним родственником у другого как дело семейное, как передвижение данного имущества из одних рук в другие в пределах одной сферы общесемейной собственности, и поэтому такие дела не рассматривались в суде. По указу 1166 г., если пхинга обокрал хозяина, то он не подлежал наказанию. Это положение было отражено и в кодексе. Кодекс лишь настаивал на том, чтобы хозяин доложил о краже властям. Только при повторном обращении хозяина к властям и по его настоятельной просьбе лично-несвободный человек,

обокравший своего хозяина, наказывался по закону [11, гл. 3, с. 11б—12а]. Если хозяин не просил власти наказать его пхинга или нини, то, как он их наказывал сам, нам неизвестно; закон об этом умалчивает. Вероятно, обращенная к властям настойчивая просьба хозяина наказать пхинга силою и средствами государства и осмыслялась как передача хозяином государству его первоначальных прав на наказание находящегося в его собственности человека. Но если пхинга обворовывал постороннего семье хозяина человека, хозяин уже не мог сам решать дело, и пхинга подлежал наказанию по закону [8, с. 11].

Однако, когда хозяйская воля была направлена на покушение на чужие права собственности, т. е. если хозяин приказывал пхинга или нини украсть что-либо у другого человека или казны, даже прибегая к насилию, закон требовал от пхинга и нини не исполнять хозяйский приказ. В случае подчинения приказу хозяина именно хозяин получал наказание как зачинщик, а пхинга и нини рассматривались как пособники [11, гл. 3, с. 10а—10б].

Как и от младших родственников семьи, закон требовал от пхинга и нини выйти из-под власти хозяина и проявить свою волю, наделяя их правом доноса на хозяина и выступления свидетелем в суде против хозяина в случае совершения последним преступлений против государя и государства [11, гл. 13, с. 1б—3а]. За ложный донос или дачу ложных свидетельских показаний пхинга и нини наказывались точно так же, как жена или невестка в аналогичных случаях [22, гл. 13, с. 14]. Как и младшие родственники не могли доносить на старших, пхинга и нини не могли доносить на хозяина, если он совершал преступления, за которые полагалось наказание меньшее, чем смертная казнь или пожизненная каторга [11, гл. 13, с. 6а].

Таким образом, закон не лишал пхинга и нини абсолютно всякой правомочности. Он охранял их жизнь от преднамеренного и особо жестокого покушения на нее хозяина, наделяя их правом доносить об антигосударственных и других серьезных (наказуемых смертной казнью или пожизненными каторжными работами) преступлениях хозяина, позволял им выступать свидетелями в суде по таким делам и признавал за их показаниями юридическую силу. Позднее эти права были даже расширены, и в XIII в. пхинга и нини получили право доносить на хозяина и выступать свидетелями по его делу, если последний обвинялся в участии в ограблении, наказуемом четырьмя годами каторжных работ, или совершал тайную кражу на сумму, за которую полагалось шесть лет каторжных работ [22, гл. 3, с. 8—9].

Определенную правоспособность и дееспособность пхинга и нини имели и в сфере экономической. Закон двойственно подходил к правам на ту собственность, которая находилась в руках пхинга и нини. С одной стороны, они сами являлись собственностью хозяина, и соответственно их собственность, собствен-

ность собственности, могла рассматриваться в качестве хозяйской. Во всяком случае, покушение на собственность пхинга тангутские юристы в XIII в. рассматривали как покушение на собственность хозяина. «В кодексе,— говорится в „Новых законах“,— не указаны меры наказания в том случае, когда пхинга и нини одного и того же хозяина обкрадут друг друга. Поскольку похищение имущества пхинга есть причинение ущерба хозяину, то следует поступать исходя из закона об ограблении пхинга и нини своего хозяина» [22, гл. 3, с. 12—13]. С другой стороны, имущество хозяина и имущество пхинга и нини не смешивалось. Пхинга и нини, виновные в совершении кражи, выплачивали стоимость украденного и награду доносчику из своего имущества — «из числа их собственного скота и имущества» [11, гл. 3, с. 21а—22а]. Хозяин мог заплатить за пхинга компенсацию только по собственной воле. Пхинга и нини могли брать у кого-либо в долг как при гарантии оплаты их долга хозяином, так и без гарантии. Если они оказывались несостоятельными, хозяин лишь штрафовался за самовольные поступки принадлежавших ему людей, «но отдавать долг за счет скота и имущества, принадлежащего хозяину, не разрешалось» [11, гл. 3, с. 44б]. Мы не знаем сумму штрафа, которая уплачивалась не заимодавцу, а в казну. Важно то, что формально хозяин не отвечал своей собственностью за проступки своей собственности. И наоборот. Собственность не отвечала своей собственностью за проступки своего хозяина. В тех ситуациях, когда хозяин отвечал своим имуществом, он не должен был делать это за счет имущества своих пхинга и нини. Виновный в поджоге по небрежности, хозяин был обязан возмещать ущерб из той части своего имущества, которая «не являлась имуществом его жены, детей, невесток, пхинга и нини» [11, гл. 8, с. 2б—3а]. Возможно, это был частный случай, и, скажем, при уплате долга хозяин скорее всего мог отдать заимодавцу всех своих пхинга и нини с их чадами и домочадцами и всем их имуществом.

В случае совершения пхинга и нини государственных преступлений и казни преступников их имущество не конфисковывалось, как имущество лично-свободных, а отдавалось их хозяину, т. е. закон признавал его хозяйским. Если пхинга и нини задумывали бежать, что при отсутствии у них семьи их имущество не конфисковывалось государством, а отдавалось хозяину [11, гл. 1, с. 4а—7б]. Более того, если преступника не казнили, а ссылали на каторгу и он начинал работать на казну, государство платило хозяину за право наказания его собственности, и сколько пхинга или нини у хозяина изымалось, столько же людей государство давало хозяину в возмещение ущерба. Если людей у государства не было, оно платило за наказанных по рыночной цене человека в данной местности [11, гл. 2, с. 19а]. Однако важно указать, что в определенной ситуации собственность собственности все же была неприкосновенна. И во всех случаях она юридически различалась от собственности хозяина.

Имущество пхинга и нини рассматривалось и как хозяйское и как нехозяйское.

Пхинга имели семью. Когда пхинга и нини бежали и бывали пойманными, то при конфискации их имущества как имущества беглых какая-то доля, если они содержали семью, «должна была быть отдана семье, а если семьи не было — хозяину» [11, гл. 7, с. 19а]. Члены семьи пхинга (как собственность хозяина, если хозяин сам этого не хотел) не могли по приказу властей отправляться на отработки, связанные с компенсацией ущерба, причиненного пхинга, совершившим кражу [11, гл. 3, с. 21а—21б]. Члены семьи человека, принадлежавшего частному лицу и совершившего побег, если они не бежали вместе с ним, «не подвергались за бегство ссылке, а должны [были] быть возвращены прежнему владельцу» [11, гл. 7, с. 18а].

Таким образом, пхинга имели семьи, хотя неясно, были ли терминологически все члены одной семьи мужчины — пхинга, а женщины — нини? Естественно, что пхинга — глава семьи не мог по своему волеизъявлению распоряжаться членами своей семьи — как и он сам, все они были собственностью хозяина. Пхинга не имел права без согласия хозяина отдавать замуж или продавать женщин — членов своей семьи. Если такое случалось, «женщина вместе с родившимися у нее детьми должна была быть возвращена владельцу» [11, гл. 12, с. 1б—2б].

Собственно этими сведениями и ограничиваются имеющиеся в нашем распоряжении материалы, характеризующие положение пхинга и нини. Мы не знаем процедуру продажи личнонесвободных, отпуска их на волю, наконец, не знаем характер их труда на своего хозяина. В начале XIII в. стоимость одного взрослого мужчины-пхинга оценивалась в 200 монет, взрослой женщины-нини и подростка-пхинга — в 150 монет [22, гл. 13, с. 16б].

Пхинга находились на государственном учете. Скрывать своих пхинга и не подавать сведений о них властям хозяин не имел права (сокрытие десяти человек и более грозило ему десятью годами каторжных работ) [11, гл. 6, с. 30б]. На наш взгляд, это было связано с тем, что в трудные для государства годы пхинга забирали на военную службу во вспомогательные войска. Они снабжались конем, оружием и доспехами, которые, естественно, на руки им не выдавались, а «оставались у командиров подразделений» [11, гл. 5, с. 2а—8б]. Если пхинга был хорошим воином, он мог рассчитывать на получение свободы, ему даже оказывали почет. «По заслугам раба возвышают. Некогда прежде среди живущих в доме четырех или пяти рабов был раб преклонных лет. Он трижды говорил одному из этих рабов: „Судя по твоей тени, ты добьешься высокого поста!“ Тот раб отвечал: „Разве я не смогу пожертвовать своей жизнью? Я также полон решимости добиться всего!“ После этого войска государя выступили в поход и сразились с врагом. Во время сражения этот раб сумел взять в плен коман-

дующего вражеской армией и представил его государю. Этому рабу дали высокую должность» [21, с. 33а—33б].

«Море значений, установленных святыми», возможно, единственный наш источник, который упоминает о численности рабов в семье рабовладельца: «четыре-пять», «в семье жило несколько рабов». Не исключено, что четыре-пять человек и было средней нормой. В XIII в. богатым чиновникам и армейским командирам, имевшим, как сказано в источнике, «много людей», было дано право из десяти пхинга создавать пять пар кандидатов на военную службу и из них пятерых отправлять на службу в армию, «дав каждому по жене» [22, гл. 6, с. 22а]. Пхинга, поступившим по воле своих хозяев в отряды, охраняющие границу, позволялось получать чин командира пятерки и даже ранг с последующим переводом на службу в регулярную армию. Фактически это означало приобретение личной свободы. Состоящие на военной службе пхинга тем не менее «не должны были в большом числе использоваться для охраны императорской резиденции» [11, гл. 13, с. 18б].

Пхинга и нини безусловно относились к классу, именовавшемуся в дальневосточном праве «презираемым» (кит. «цзяньминь», яп. «сэммин»), хотя данный термин в тангутском кодексе не встречается. Лично-несвободные противопоставлялись лично-свободным, «простым людям» (по терминологии кодекса), т. е. людям, не состоявшим на государственной службе и не имевшим чиновничьего ранга, и лицам, «имеющим ранг». Класс лично-несвободных людей, юридически подразделявшийся по крайней мере на три сословия: (1) пхинга и нини; 2) государевы люди и 3) «постоянно живущие», класс наиболее эксплуатируемый, противостоял классу людей лично-свободных, и в правовом смысле это противопоставление было основным.

К сожалению, как мы уже говорили выше, почти нет сведений о том, какими видами работ занимались пхинга и нини. В сочинении «Море значений, установленных святыми» говорится: «Рабы работают в деревне и выполняют самые различные работы. Слуги работают в доме: ткут, выносят золу из очага, подносят дрова и воду» [21, с. 32б]. Это сообщение совпадает с упоминанием о сферах применения рабского труда в соседнем с тангутским государством сунском Китае: «Набрав рабынь, не притесняй их сильно, а обучи их ткачеству, и этого будет достаточно, чтобы они одевали сами себя. Набрав слуг, не притесняй их сильно, а обучи их землепашеству, и этого будет достаточно, чтобы они прокормили сами себя... Рабы пашут землю на равнине, а рабыни исполняют свою работу у кухонного очага» [17, с. 89, 100]. По аналогии с сунским Китаем и опираясь на свидетельство тангутского источника «Море значений, установленных святыми», мы можем в известной степени говорить о применении рабского труда в сельском хозяйстве Си Ся, но судить о его масштабах совершенно невозможно.

Если сословие пхинга и нини, лично-несвободных, принадле-

жавших частным лицам, достаточно легко выделяется и может быть сравнительно подробно описано по тексту кодекса Си Ся, то выделить и описать сословие людей государевых (государственных) значительно труднее. Сведения о них встречаются в единственном нашем источнике — кодексе, а тексты статей не всегда достаточно четки и легки для понимания.

Сословие государевых лично-несвободных можно условно разделить на две группы: тех, кто был занят в различных сферах хозяйства страны, и тех, кто служил в армии. По своему происхождению государевы люди — это или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т. п. из группы «десяти зол», при наказании за которые вступал в силу принцип «общесемейной ответственности» («юаньцзо»). «Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление,— говорится в кодексе,— независимо от того, живут ли они с ним вместе одной семьей или не живут, а также его родители, дед и бабка, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти родственники живут в одной семье с мятежником, все подлежат наказанию — должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев» [11, гл. 1, с. 4а—7а]. То, что эти люди становились казенными лично-несвободными, явствует из китайской аналогии. Согласно кодексу Тан члены семьи мятежника «конфисковывались», переходили в казну. Текст свода военных законов Си Ся «Яшмовое зерцало управления девиза царствования Чжэнь-гуань (1101—1113)» указывает нам, что в случае гибели в бою командира четыре человека из его личной охраны должны были быть казнены, а их родственники обращены «в государевых пастухов и земледельцев» [24, гл. 3, с. 14а]. Наконец, текст кодекса гласит: «Если женщина получила наказание — работать в государевом скотоводческом хозяйстве,— то сбывать ее в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец по приговору получает наказание по закону о тайной краже, а покупатель, если он знал, что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом хозяйстве, получает наказание по закону о пособничестве в совершении тайной кражи. Плата, полученная продавцом за женщину, должна быть взыскана в качестве штрафа в пользу государя. Если покупатель не знал о незаконности сделки, то наказанию не подлежит, но сумма, которую он уплатил за женщину, должна быть у него изъята. Женщина, за то, что она не донесла о ее продаже, получает 13 палок. В соответствии с первым решением она должна быть возвращена в скотоводческое хозяйство. Если же она сама донесла о незаконной ее продаже, то наказанию не подлежит и может быть отдана на одно из пастбищ того же хозяйства, но на то, на которое сама пожелает» [11, гл. 19, с. 50б].

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот. К тангутским пастухам и земледельцам, очевидно, была близка группа танских казенных лично-несвободных людей, именовавшихся гуаньху. И в Си Ся та группа людей, которая попадала за преступление члена своей семьи в уголовное рабство, также прежде всего использовалась на тяжелых сельскохозяйственных работах и работах по уходу за скотом, в основном в пограничных и отдаленных районах страны. Помимо постоянных указаний о переводе таких людей в государевы пастухи и земледельцы и цитированной выше статьи о женщинах, работавших на государевых пастбищах, есть статья, в которой говорится, что 87 пастухов, принадлежавших Северному двору, и 20 семей, принадлежавших Восточному двору, ежегодно выделялись для «передачи в другие государства верблюдов и лошадей» [11, гл. 19, с. 19а], т. е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани государствам Цзинь и Сун, а также для продажи государева скота в другие государства. Государевы люди довольно часто использовались и на иных работах, кроме сельскохозяйственных. Сохранился список государевых людей по профессиям в одной из статей кодекса. Он достаточно обширен: «...смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев государя, паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений, те, кто прислуживает при трапезах, дворцовые рассыльные, птичники, рабочие тележных мастерских, раздатчики еды, рабочие мастерских по производству шелка, цветоводы, рабочие мастерских по производству украшений (кистей, лент, бахромы), караванщики верблюдов... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в соответствующем законом порядке рвов и укреплений, разные мастеровые, рабочие императорских конюшен, дворовые, караульные ночных караулов, барабанщики при ночных сигнальных барабанах, ткачи холстов, ювелиры, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли из озер У и Цзе (озера, богатые солью высокого качества в Ордосе.— *Е. К.)*» [11, гл. 7, с. 3б—4б].

Таким образом, кроме основной работы в качестве пастухов и земледельцев государевы люди использовались в сфере услуг, а также как рабочие и мастеровые, в основном при дворце и в столице. Все они выполняли, как сказано в той же статье, прежде всего «тяжелые работы», принадлежали казне, государю и не должны были изыматься из казны. «Запрещается любому человеку, старшему или младшему чиновнику, просить [для себя]... кого-либо из государевых людей или просить... людей, совершивших тяжкое преступление, приговоренных к смерти, которым потом дарована жизнь и которые могли войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах». Если закон будет нарушен, то просителю и тому, «что передал его

просьбу в вышестоящие инстанции, одинаково по 12 лет каторжных работ» [11, гл. 13, с. 28а—28б].

На государева человека «накладывались разные работы и повинности», и он находился в ведении определенного чиновника, представлявшего какое-то управление, например управление земледелием, скотоводством и т. п. В «Новых законах» названы «приписанные к управлениям государевы земледельцы» [22, гл. 15, с. 13].

Государевы люди, «тяглые, записанные за государем», имели свои семьи и имущество, в том числе недвижимость. Текст одной из статей кодекса гласит: «Если посторонним человеком из дома, принадлежащего беглому, или в дороге будет похищено что-то из имущества тяглых, записанных за государем, то виновным выносится то же наказание, которое положено за лично совершенную кражу государева или частного скота и имущества, с применением или без применения насилия» [11, гл. 7, с. 13а—14а]. Государевы люди наделялись землей, которую были обязаны обрабатывать полностью. «Государевы и частные землепашцы в первую очередь должны содержать свои... участки земли в тех размерах, в каких они их держат» [11, гл. 15, с. 11б]. В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка величиной в 1 цин 50 му (примерно 9,8 га) деньгами (10 связок монет), пшеницей (4 ху=237,6 л), горохом (5 ху 5 доу= =326,7 л), а если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками «в соответствии с законом» [22, гл. 15, с. 13—14]. Наряду с прочими лично-несвободными людьми землепашцы государя назначались для работы на оросительных каналах. «Что касается назначений наблюдающих за водой и обслуживающих канал на больших магистральных каналах, то таковые должны назначаться из года в год поочередно, соответственно из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также землепашцев, принадлежащих родственникам государя, советникам, старшим и младшим чиновникам, хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф одна лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же имела место взятка, то таковая должна считаться взяткой с нарушением закона». Государевы люди, «наблюдавшие за водой» и «обслуживающие канал», несли уголовную ответственность за состояние канала, а в случае прорыва воды — за ущерб, причиненный «хлынувшей на поля и постройки водой» [11, гл. 15, с. 23б].

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить «только то, что ему дают». Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, это расценивалось как тайная кража. За гибель государева скота и возмещение причиненных убытков «под угрозу должна

быть поставлена жизнь» государевых людей, пастухов. Закон предусматривал случаи, когда государевы пастухи «в деле ухода за скотом проявят непокорство, откажутся работать, не станут слушать приказаний». Такие пастухи наказывались на основании «указаний, полученных свыше» [11, гл. 19, с. 50а—50б].

На государевых, как и на частных, людей распространялось общее правило для лично-несвободных, одинаковое с законом о скоте: приплод следует за самкой.

«Если государевы девушки и девушки, следящие за порядком в жилых покоях государя, девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу и другие, не могущие иметь мужей по собственной воле, с обоюдного согласия с мужчиной заведут семью и нарожают детей, то дочери могут оставаться с матерью и могут быть проданы замуж по ее желанию. Что же касается сыновей таких лиц, то, если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, его сыновья должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если он пхинга, то его сыновьям становиться также пхинга не разрешается. Они по желанию могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках» [11, гл. 8, с. 27б].

«Если государевы или частные люди, мужчина или женщина, совратят один другого и вместе убегут, то те дети, которые родятся у бежавшего мужчины от бежавшей с ним чужой жены, должны уйти вместе с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему владельцу. Отпускать детей с отцом не разрешается» [11, гл. 8, с. 26б—27а].

В управлениях составлялись списки государевых людей, и менять место их приписки было строго запрещено. Всякому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государева человека из списка, так же как необоснованное привлечение государевых людей на какую-то работу, которую они не должны были обязательно делать, рассматривалось как тайная кража. Использование государева человека в личных целях в качестве слуги на посылках приравнивалось к укрывательству беглого [11, гл. 8, с. 29б].

Государев человек мог отдать по своей воле замуж за мужчину, принадлежащему частному лицу (пхинга), женщин — членов своей семьи: свою дочь, сестру, тетку по отцу. Вообще, судя по этому тексту, а также тексту статьи о государевых девушках, лично-несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично-несвободными, принадлежащими частным лицам, т. е. только в пределах своего сословия или класса лично-несвободных [11, гл. 8, с. 27б].

Таким образом, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно, даже не менее многочисленная группа государевых лично-несвободных людей служила в армии, в так

называемых вспомогательных войсках. В «Яшмовом зерцале управления» прямо указывается на то, что родственники солдат, казненных за воинские преступления, наказываемые по принципу «общесемейной ответственности», отдавались в казенное рабство, на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу с целью получения награды ложных сведений о количестве убитых им врагов, его «родственники должны быть включены в армию» [24, гл. 3, с. 15а]. Если военный инспектор допустит обман, «все перевернет с ног на голову» (букв.: «голову и хвост поменяет местами») и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его «семья включалась в армию» [24, гл. 3, с. 15б]. Таким образом, люди, обращавшиеся на основании принципа «общесемейной ответственности» в казенное рабство, не только делались государевыми пастухами и земледельцами, но и отправлялись в армию для выполнения тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет сообщение «Сун ши» о судьбах пленных китайцев: «Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их чжуанлинлан, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями, отсылали на реку (Хуанхэ) заниматься земледелием или же использовали для обороны г. Сучжоу» [16, гл. 486, с. 3797]. Этот текст «Сун ши» крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государевых людей, как и частных лично-несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко — как земледельцы (и вообще на хозяйственных работах), а также в армии, будь то в передовых частях (как нам кажется, на границах с сунским Китаем) или в тылу, в г. Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправлялись лично-несвободные, принадлежавшие частным лицам, если они при допросе признавались в какой-то причастности к предательству. Таковые «по определению их в каторжные работы в пограничные города должны по закону стать людьми, работающими на регулярную армию» [11, гл. 1, с. 11б]. Сын женщины, чужой жены, похищенной «кем-то раньше», рожденный на чужбине от похитителя, если он не признавался законным хозяином матери, ее первым мужем, и оказывался вне семьи, «по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих вспомогательных войск» [11, гл. 7, с. 5б]. Во вспомогательные войска, как уже упоминалось выше, отправлялись сыновья государевых девушек, рожденные от государевых людей и от пхинга.

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Те лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли

отдать в залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при этом учитывалось желание женщины: она должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отдали в залог [11, гл. 11, с. 10а—11а].

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично-несвободных в тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично-несвободных, принадлежавших частным лицам, кроме одного — они не имели таких обязательств к своему хозяину — государю (государству), которые составляли важную часть социального положения пхинга и нини: ношение траура, право доноса, дача свидетельских показаний и т. п. Поскольку нет никаких сведений о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных также становились несвободными — людьми государя, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это особенно касалось ремесленников, у которых мастерство передавалось от родителей к детям. Следовательно, часть государевых людей была таковыми по наследству, возможно, уже с тех времен, когда будущие области Си Ся входили еще в состав китайского государства. Источником пополнения числа людей этого сословия кроме естественного прироста были уголовное бессрочное рабство, распространявшееся и на потомков, привлечение к ответственности родственников государственных преступников и военнопленные, та их часть, которая не становилась собственностью пленившего их лица, а отходила в долю государя (государства).

Определенной спецификой тангутских условий можно считать наличие группы государевых лично-несвободных, служащих вспомогательных войск. Правда, и это сословие казенных лично-несвободных может быть соотнесено с гунху и чжуаньху в киданьском государстве Ляо. Являясь объектом частых посягательств со стороны соседей, тангуты вынуждены были постоянно содержать большую армию. Обслуживание регулярной армии — конницы, пехоты, камнеметной артиллерии — было трудоемким делом. Еще больше работы было при строительстве городских стен и других оборонительных сооружений. Здесь-то и использовался подневольный труд служащих вспомогательных войск.

Особую группу лично-несвободных в тангутском государстве составляли «постоянно живущие» (кит.— «чанчжу»), люди, находившиеся в ведении буддийской общины и получившие свое название от общего наименования всего имущества общины («чанчжу»).

Тангутские чанчжу упоминаются в кодексе несколько раз. Они были прикреплены к буддийской общине (упоминаются храмовые «постоянно живущие»); закон допускал использовать для вновь выстроенного храма «прислужников общины» и «по-

стоянно живущих», тех, которые «прикреплены к ней» [11, гл. 11, с. 33б—34б]. «Постоянно живущие» жертвовались храмам по регламенту, в зависимости от богатства храма, той суммы пожертвований, которые (в иных ценностях, чем люди) получал храм. Если пожертвования составляли 1 тыс. связок монет, храм получал двух человек «постоянно живущих», 2 тыс.— трех человек, более 3 тыс.— пять человек [11, гл. 11, с. 34б]. Жертвователями могли выступать как государь (государство), так и частные лица. На «постоянно живущих» сохранялся как бы знак их жертвователя. В «Новых законах» упоминаются «государевы и частные всех общин — „постоянно живущие“» [22, гл. 15, с. 1, гл. 3, с. 53]. Пожертвованные храму люди полностью переходили во владение храма. «Что касается имущества и „постоянно живущих“, выделенных каким-либо человеком выстроенному храму, то они должны быть переданы храму полностью» [11, гл. 11, с. 34б].

Таким образом, в полном соответствии со своим названием «постоянно живущие» абсолютно приравнивались к любому прочему храмовому имуществу и в данном контексте прямо рассматриваются как вещь. Закон потому и настаивал на подлинной, а не на мнимой передаче людей буддийской общине, чтобы, переданные ей, они изымались из государева учета и поступали на особый учет буддийской общины.

«Постоянно живущие» работали на общину и ее храм, причем, вероятно, выполняли самую разнообразную работу. В тангутском тексте Лянчжоуской стелы, датированном 1094 г., говорится о пожаловании (очевидно, государством) вновь отремонтированной пагоде Благодарения: «Выделены сангхе... „постоянно живущие“ — четыре семьи землепашцев и мастеров по производству стрел» [12, с. 169], с тем чтобы те могли обрабатывать землю общины или приносить ей доходы продажей изготовленных ими стрел. «Постоянно живущие» могли также работать снабженцами (тицзюй) общих трапез общины [11, гл. 11, с. 33б].

«Постоянно живущие» (во всяком случае, бывшие государевы люди) не переставали быть налогоплательщиками государства, но платили налог в ограниченном размере, ибо часть их труда и дохода шла той общине, которой они были пожертвованы. Требования к ним со стороны государства, судя по тексту «Нового закона» были непостоянны: они или полностью освобождались от поставок сена (из трех обязательств: отработок по трудовой повинности, поставок зерна, сена в счет поземельного налога), или освобождались от трудовой повинности, или год платили поземельный налог зерном, а год поставляли сено [22, гл. 15, с. 3].

Имущество буддийской общины (следовательно, и «постоянно живущие») в целом ряде случаев приравнивалось законом к государственному [22, гл. 3, с. 5—6]. Однако похищение «постоянно живущим» чего-либо из имущества буддийской общи-

ны, того имущества, частью которого он сам в известной мере являлся, каралось как хищение государева, т. е. казенного, имущества [11, гл. 3, с. 7б]. Приговор виновному выносился как «чужому человеку», обокравшему государя или частное лицо [22, гл. 3, с. 43—44]. Это значит, что «кровных уз» между хозяином (буддийской сангхой) и принадлежащими ей людьми («постоянно живущими») закон не признавал. Этим «постоянно живущие» отличались от пхинга и нини.

Наконец, тангутский кодекс содержит несколько упоминаний о социальной группе населения Си Ся, именуемой отроками. Из истории иных древних и средневековых обществ известно, что отроками, представителями младшего поколения, как бы естественно обязанными прислуживать старшему, нередко именовались группы зависимых или даже лично-несвободных людей. В. О. Ключевский отмечает, что отроки, или «детские», старорусских летописей являлись терминами, которые «самим значением своим указывали на членов младшей дружины», прислужников [6, с. 148]. В Китае в эпоху южных и северных династий (IV—VI вв. н. э.) при чиновниках были люди, также именовавшиеся отроками — ганьтун или тунгань. Этих отроков раздавали чиновникам. В «Сун шу» («Истории династии Сун», 420—478), упоминаются «отроки (ганьтун), раздаваемые чиновникам пяти палат (у шэн)». Суть службы отроков объясняется в «Цзы чжи тун цзянь»: «Отроки (тунгань) — это те, кто дается для того, чтобы служить на посылках (ши) и исполнять приказы (лин)». «При династии Южная Ци (479—501),— сообщается в „Тун дянь“,— существовали отроки (тунгань). Они выполняли обязанности, одинаковые с современными (VIII в.— *Е. К.*) рассыльными и привратниками» [16а, с. 530; 19, с. 30].

В тангутском государстве отроки также находились при лицах, занимающих высокое положение, знатных и влиятельных. В той статье кодекса, где о них упоминается впервые, говорится: «Если какой-то человек в целях обмана, пользуясь своим положением, заявит, что он лично владеет большим количеством скота и имущества, и после этого его старшие пастухи и отроки захватят у какого-либо человека места ночлега у колодцев и будут там поить и пасти скот, то...» [11, гл. 7, с. 28б—28а]. Отроки-пастухи упоминаются также в других статьях кодекса [11, гл. 13, с. 35а].

Отроки-пастухи работали на своего хозяина, они «поили и пасли» его скот.

Отроки служили на посылках, иногда выполняя ответственные поручения. Их могли послать на переговоры с третьим лицом, прося у него помощи в деле похищения чужой жены [11, гл. 8, с. 18а—18б]. Чиновник, желающий получить отпуск по семейным обстоятельствам и не могущий в силу занимаемого им положения испросить его на месте, должен был «послать отрока-прислужника к вышестоящему чиновнику или военному комиссару (цзинлюе) и подать прошение о предоставлении

освобождения от службы на такой-то срок» [11, гл. 10, с. 6б—7а]. Отроки-прислужники обычно сопровождали чиновников-ревизоров и следователей и соответственно указаны в кодексе в числе лиц, получавших довольствие на время выезда к месту ревизии или проведения следствия по какому-то делу. У начальника группы ревизоров, например, было три отрока-прислужника. Любопытно, что в списках на довольствие отроки всегда указывались после лошадей: «Начальнику группы на семь дней — одна туша мяса, риса и муки в зависимости от числа дней работы, по 4 шие (шэна) в день, в том числе риса по одному шие. Фураж из расчета на четырех коней: одному коню — 7 шие, трем коням — по 5 шие каждому. Его трем отрокам-прислужникам, в зависимости от числа дней работы, по шие риса в день каждому» [11, гл. 20, с. 17б—20а, гл. 19, с. 25а—25б].

Отроки служили и родственникам государя, обслуживали его двор. «Родственникам государя, советникам, старшим и младшим сановникам, „ожидающим приказаний", а также отрокам — прислужникам при них и всяким прочим лицам, не имеющим пайцзы и железных стрел, запрещается во время поездок забирать у населения транспортных животных» [11, гл. 18, с. 43а]. Есть сведения, что отроки обычно сопровождали посыльных с пайцзой [11, гл. 18, с. 39б—40а].

Таким образом, мы можем четко выделить две группы отроков по роду занятий: отроки-пастухи при старших пастухах и владельцах стад и отроки-прислужники при чиновниках, возможно, чаще всего при тех, которые исполняли экстраординарные поручения,— при ревизорах, учетчиках скота, воинского снаряжения, имущества казны, следователях, высылаемых для разбора дела на месте происшествия, гонцах с пайцзой и т. п.

Наконец, мы можем выделить и третью группу отроков — отроков, находившихся при буддийских общинах. Юноши-отроки, состоявшие при буддийской общине, обучались учению Будды, и при наличии у них успехов в ознакомлении с буддийскими текстами могли быть даже выдвинуты на разные должности при сангхе [11, гл. 11, с. 32а—33а]. Отроки, жившие при буддийской общине, могли быть также произведены в монахи [11, гл. 11, с. 33б—34б]. И лишь одна строка в тексте позволяет допустить зависимость, неполноправное состояние отроков, живших при буддийских общинах. При создании новых храмов буддийских общин в монахи могли производиться юноши из старых общин. Закон при этом подчеркивает, что в результате этого «человек не должен исчезать из поля зрения властей». Эти производимые в монахи отроки «должны находиться в ведении (гуань) новой общины, а продавать их какому-либо человеку запрещается» [11, гл. 11, с. 33б—34б]. Следовательно, отроки, жившие при буддийских общинах, были людьми с ограниченной личной свободой, поскольку их можно было продавать. Находились ли в таком же состоянии ограничения лич-

ной свободы отроки-пастухи и отроки-прислужники, мы не знаем, так как никаких прямых сведений относительно этого у нас нет, кроме возможного сопоставления их со скотом (лошадьми). Отроки в Китае дотанского периода, по всей вероятности, были людьми зависимыми, даже лично-несвободными. Мы помним, что их раздавали. Авторам времен Тан они напоминали посыльных (цюйши), лиц, о которых есть сведения, что они были из казенных лично-несвободных [18, гл. 3, с. 66]. В танском Китае при чиновниках были люди, именовавшиеся фангэ, чжаншэнь, байчжи, циньши, шоудан и др., задача которых, по сообщению сунского автора Чэн Дачана, состояла в том, чтобы «быть у них (чиновников.— *Е. К.*) на посылках и исполнять работы по их обеспечению» [15, с. 117]. Возможно, тангутские отроки, по крайней мере некоторые из них, были близки по своему социальному статусу к этим людям. Не утверждая, что все отроки были людьми лично-несвободными или зависимыми, отметим одно — любой переход в услужение, в «работающего на хозяина», даже по найму, по средневековому дальневосточному праву влек за собой определенное поражение в правах.

Работать по найму, как сказано в тангутском кодексе, шел «бедный сын неимущего хозяина». При найме «обе стороны с взаимного согласия должны договориться о плате за работу, о чем должен быть составлен документ и доложено в управление», а если нанимавшийся был солдатом, то «старшему или младшему армейскому направляющему». Став наемным работником, солдат попадал в зависимость от хозяина, он уже не ходил во все военные походы, а «должен был покидать хозяина» только в том случае, «когда будет поднята в поход большая армия» [11, гл. 6, с. 17б—18а].

Нанявшийся на работу человек становился лицом, стоявшим на порядок ниже простого лично-свободного человека. У него возникали свои особые отношения с работодателем-хозяином, и если при расчете за работу наемный работник в ссоре был убит хозяином, то хозяин получал наказание на одну степень меньше, чем за убийство в драке простого, не имеющего чиновничьего ранга или какой-либо должности человека [11, гл. 11, с. 14а]. А в современном Ся сунском Китае при попустительстве властей хозяин даже мог безнаказанно убить наемного работника или арендатора [13, с. 237].

Средневековые дальневосточные общества, во многом моделируемые по образцу китайского общества, знали разнообразные степени зависимых людей. В тангутском государстве это были пхинга и нини, лично-несвободные люди, принадлежавшие частным лицам, социальный статус которых находился где-то между танско-сунскими рабами и буцюй и кэнюй, государевы люди, служащие вспомогательных войск — лично-несвободные, принадлежавшие государству, «постоянно живущие», люди, отданные в собственность буддийским общинам, и т. п. Упоминаемые в тангутском кодексе отроки также с большой долей

вероятности могут быть соотнесены с китайскими тунганями дотанского времени и с цюйши эпохи Тан. Нет достаточной ясности в представлении о социальном статусе этих групп людей в Китае, мало материала, чтобы отчетливо обрисовать группу отроков в тангутском обществе. Мы думаем, что пока мы вправе только трактовать отроков как зависимую прослойку населения Си Ся, близкую соответствующим ей китайским моделям. Призванные быть в услужении, они самим фактом своей службы становились в положение людей, имевших особые отношения с хозяином или чиновником, вероятно, трактуемые как отношения родства между старшим и младшим родственниками, что в случае взаимных правонарушений ставило лиц, находившихся в услужении, в неравноправное положение и влекло для них всегда бóльшую ответственность, а для хозяина или чиновника соответственно меньшую. Тот факт, что отрок, проживавший в буддийской общине, мог быть продан, с нашей точки зрения, подтверждает зависимое состояние социальной группы отроков в тангутском государстве.

Подведем некоторые итоги. Нет никаких сомнений в наличии в тангутском государстве прав собственности одних лиц или государства на других лиц. Человек, находившийся в собственности у другого лица, был лицом лично-несвободным, причем форма зависимости таких людей была рабской или близкой к рабской. Для всех докапиталистических формаций было характерно наличие принуждения непосредственного, прямого, внеэкономического принуждения в отличие от экономического при капитализме. Это непосредственное принуждение, его формы прежде всего отражались в праве. «В праве и выявляется,— писал К. К. Зельин, занимавшийся теоретической стороной проблемы в широком масштабе,— в общей форме, к кому и отчасти какого рода может быть применено принуждение» [5, с. 16]. Формы принуждения и их юридические закрепления были в странах средневекового Востока многообразны.

Для тангутского государства наличие двух форм собственности — частной и государственной (государевой) — определяло и наличие двух основных сословий лично-несвободных людей: пхинга и нини и государевых. Тангутское право вслед за средневековым китайским, приравнивая лично-несвободных к вещам, скоту, одновременно в определенных ситуациях отходило от последовательного истолкования лично-несвободного человека только как вещи, а приравнивало его к младшим родственникам хозяина и в конкретных случаях наделяло правоспособностью и дееспособностью, аналогичными с таковыми у младших родственников хозяина. Все это вполне соответствовало позиции китайского права в отношении лично-несвободных, про которых в кодексе Тан говорится, что они «то же самое, что имущество» [18, гл. 14, с. 304], «их можно сравнить с имуществом» [18, гл. 20, с. 435, гл. 18, с. 411], но одновременно в определенных ситуациях они признавались людьми. В сочине-

нии «Син тун фу» сунского времени о рабах сказано: «Рабы презираемы и порабощены. Трудно рассматривать их как людей. Лишь будучи убиты или ранены ночью или давая свидетельские показания, только в этих случаях в качестве исключения они временно рассматриваются как человеческие существа, в прочих же случаях, там, где дело касается их, применимы правила, относящиеся к собственности» [26, с. 214]. Как справедливо отметил Э. Г. Пуллиблэнк, «китайцы не делали логического вывода из того, что если раб есть собственность, то он — вещь, а не человеческое существо» [26, с. 213]. Ниида Нобору, крупнейший в недавнем прошлом специалист по дальневосточному праву, считал, что в Китае, Японии, Корее и Вьетнаме рабы рассматривались как «полулюди-полувещи» [14, с. 121].

В этом плане как раз любопытен цитированный выше текст «Син тун фу» о том, что рабы «временно рассматриваются как человеческие существа», «будучи убиты или ранены ночью», т. е. в такой обстановке, когда обвиняемый не мог знать, свободный перед ним человек или лично-несвободный. Рабы на Дальнем Востоке не имели фамилий [10, с. 49], имена им заменяли клички, нередко оскорбительные; из тангутских текстов известна нини, которую звали «Рабыня-сука, ставшая человеком» [8, с. 27].

Теоретически сложной является проблема прав собственности как на определенные группы лично-несвободных, так и на их имущество. «Постоянно живущие», с одной стороны, принадлежали буддийским общинам, являясь частью «постоянно пребывающего» имущества сангхи. С другой стороны, они несли повинности в пользу государства и, как мы уже упоминали, именовались в «Новых законах» государевыми и частными «постоянно живущими», т. е. на них как бы сохранялся знак собственности пожертвователя. Пхинга и нини принадлежали хозяину как его имущество, входили в перечень скота, зерна и имущества состоятельного свободного человека. Их имущество, казалось бы, логично должно было быть также собственностью их хозяев. Однако в определенных ситуациях, о которых мы говорили выше, этого не было. Закон запрещал хозяину расплачиваться имуществом его пхинга и нини (хозяин виновен в поджоге), а хозяину платить из своего имущества за кражу, совершенную пхинга или нини. На имуществе и скоте пхинга и нини было как бы два знака собственности — их, пхинга и нини, собственности и собственности их хозяина, ибо, например, в случае совершения пхинга или нини антигосударственного преступления их имущество не отходило в казну, как имущество любого осужденного простого лично-свободного человека, а оставалось у их хозяина как имущество хозяйское. Очевидно, мы имеем дело с тем широко распространенным в эпоху средневековья бытованием форм собственности, которые именовались «собственностью разделенной» (dominium divisum), иссле-

дование которых блестяще было сделано в свое время видным советским юристом А. В. Венедиктовым.

1. *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М.— Л., 1948.
2. Вновь собранные драгоценные парные изречения. Пер., коммент. и исслед. Е. И. Кычанова. М., 1974.
3. Государственный Эрмитаж. Отдел зарубежного Востока. Тангутская коллекция П. К. Козлова из Хара-Хото.
4. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1974.
5. *Зельин К. К.* Принципы морфологической классификации форм зависимости.— Вестник Древнего Востока. 1967, № 2.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 6. М., 1959.
7. *Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. Г.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Прибалтика). М., 1972.
8. Рукопись инв. № 4189. Тангутский фонд Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
9. *Дай Си-чжан.* Си Ся цзи (Записи о Си Ся). Пекин, 1924.
10. *Е Лунли.* Цидань го чжи (История государства киданей). [Б. м.], 1793.
11. Нгу-ле кэу ле сёу ндин кэн нси (Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание, 1149—1169 гг.). Тангутский фонд ЛО ИВ АН. Танг. 55.
12. *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю (Изучение истории законодательства в Китае). Т. 1. Токио, 1959.
13. *Ниида Нобору.* Тюгоку-но хо-то сякай-то рэкиси (История права и морали в Китае). Токио, 1967.
14. *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. (Исследование языка Си Ся). Т. 1. Токио, 1964.
15. *Согабэ Сидзуо.* Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэнкю (Изучение связей Японии и Китая в формировании сущности законов «люй-лин»). Токио, 1967.
16. Сун ши (История династии Сун).— Сер. «Сы бу бэй яо». Шанхай, 1935.
16а. Сун шу (История династии Сун).— Сер. «Сы бу бэй яо». Шанхай, 1935.
17. *Тан Кёдзи.* Со дай-но «дзинуси», «добоку» канкэй (Отношения хозяев и слуг при династии Сун).— Тоё гаку хо. 1971, т. 53.
18. Тан люй шу и (Свод законов династии Тан).— Сер. «Цуншу цзи чэн». Шанхай, 1935.
19. Тун дянь (Уложение династии Тан).— Сер. «Вань ю вэнь ку». Шанхай, 1935.
20. *У Гуанчэн.* Си Ся шу ши (Описание Си Ся). Пекин, 1934.
21. Шие нгу во нгон (Море значений, установленных святыми). [Б. м.], 1183. Тангутский фонд ЛО ИВ АН. Танг. 32, № 145.
22. Цзе сёу («Новые законы»). Тангутский фонд ЛО ИВ АН. Танг. 56.
23. Цзю у дай ши (Старая история пяти династий).— Сер. «Сы бу бэй яо». Шанхай, 1935.
24. Чхиа-мбиоу еы ти мбиу (Яшмовое зерцало управления девиза царствования Чжэнь-гуань, 1101—1113 гг.). Тангутский фонд ЛО ИВ АН. Танг. 59.
25. *Niida Noboru.* The Relation between the Law of the T'ang and Sung Dynasties and that of the Ko-ryo Dynasty.— To-ho gaku. 1965, № 30.
26. *Pulleyblank E. G.* Origins and Nature of Chattel Slavery in China.— Journal of Economic and Social History of Orient. Vol. 1. 1958.

А. С. Мартынов

РАБСТВО В КИТАЕ ПРИ ДИНАСТИИ ЦИН

Обычно и в Китае, и в Европе при изучении рабовладения основное внимание уделяется классическим периодам и формационным вопросам. Авторы «рабовладельческой» литературы, как правило, просто не замечают позднего рабства [14]. Между тем рабовладение, перестав быть определяющим признаком общества, отнюдь не исчезает автоматически из общественной структуры. В течение многих веков оно продолжает существовать не только в отсталых, но и в наиболее развитых феодальных обществах. Так было в феодальной Европе [19, с. 505—526], так было (пожалуй, в еще большем масштабе) и в феодальном Китае. Некоторые китайские историки даже склонны видеть в рабстве средневекового Китая не специфический общественный институт, закрепляющий наиболее грубые формы господства одних людей над другими, а сохранившиеся в недрах феодального общества остатки рабовладельческой системы [11, с. 78], которые столь хорошо «приспособились» к новым условиям, что сохранились вплоть до нового времени. Если принять эту точку зрения, то наличие рабского уклада можно рассматривать в качестве одной из важнейших особенностей китайского феодального общества.

Однако рабство при династии Цин (провозглашена как маньчжурская династия в 1636, как общеимперская — в 1644 г., после захвата маньчжурами Пекина; прекратила существование в 1911 г., после Синьхайской революции) являет гораздо более сложную и запутанную картину, чем в предшествующий период китайской истории, в силу того что оно представляло собой результат взаимодействия двух различных общественных структур, находившихся на разных ступенях развития.

Согласно исследованиям китайских ученых, в начале правления династии Мин, в последней четверти XIV в., маньчжурское общество находилось еще на стадии разложения родового строя. В этот период рабовладение носило патриархальный характер, который сохранялся вплоть до времени правления Нурхаци (1616—1626). Однако в связи с начинавшейся военной экспансией количество рабов стремительно возрастает [9, с. 34]. Увеличение числа рабов приобретает еще более бурный характер при Абахае (1627—1643). Если при Нурхаци основным ис-

точником рабства были пленные, захваченные маньчжурами в ходе военных действий против соседей, то присоединение высокоразвитых сельскохозяйственных районов Ляодуна позволило маньчжурам обращать в рабство население этих земель.

Насколько маньчжуры были заинтересованы в рабах, можно судить хотя бы по тому, как тщательно после каждой победы производился учет пленных. Так, после сражения за г. Юнпин в 1630 г. Абахай прежде всего поинтересовался у своих военачальников о количестве пленных. Узнав, что пленных много, император маньчжуров заметил: «Как бы много ни было захвачено ценностей, это не доставляет [мне] такой радости, как захват большого количества людей». Позднее, в 1644 г., когда маньчжуры совершенно осознанно взяли курс на завоевание Поднебесной, приобретение пленных в военных походах продолжало оставаться самостоятельной важной задачей. Так, регент Доргунь прямо заявлял, что целью военных действий против Минов является захват пленных: «Ранее с целью захвата пленных было предпринято три похода против государства Мин». В описании трофеев непременно указывали число пленных, равно как и число голов скота. В записях о военной добыче в 1636 г. зафиксировано: «Провели 56 больших и малых боев, взяли 12 городов, захватили 180 тыс. человек и голов скота». В аналогичной записи 1638 г. отмечено: «Двумя колоннами вторглись в глубь страны Мин... среди захваченных трофеев свыше 640 тыс. человек». Запись 1643 г., перед тем как был взят Пекин: «Захвачено 369 тыс. человек, более 551 тыс. верблюдов, ослов, мулов и баранов» [1, с. 129]. Историк Ван Чжунхань как наиболее показательные выделяет четыре записи: «пленных и скота захвачено более 76 200 [голов]» (1635 г.); «пленных и скота захвачено 179 820 [голов] (1636 г.); пленных 257 880 захвачено одной маньчжурской армией и 204 243 другой армией (1639 г.)» [3, с. 68—69]. Ван Чжунхань полагает, что к этому, явно неполному перечислению следует добавить тех, кто попал в плен к маньчжурам в Корее и Монголии. Если же учесть рабов, существовавших еще во времена Нурхаци, то может получиться цифра, превосходящая 2 млн. человек [3, с. 69].

О том, что попавших в плен маньчжуры превращали в рабов, красноречиво свидетельствуют документы самого разного характера. Так, например, Абахай в письме к корейскому вану совершенно недвусмысленно заявлял: «Народ Ляодуна распределен между [маньчжурскими] воинами и военачальниками; [между народом Ляодуна и маньчжурами] установлены отношения хозяин — раб» [3, с. 65]. В заявлении, сделанном Абахаем в 1627 г., проводится различие между населением захваченных территорий и взятыми в бою пленными: «Народ, изъявивший покорность, отпущен и возвращен [на свои места?], те же, кто захвачен в бою нашими войсками, отданы в награду раненым воинам. Все пленные отосланы в [родные] места [воинов?] и предоставлены в их распоряжение». Аналогичная запись того

же года: «Произвести учет пленных и скота и все раздать в награду [семьям] павших в бою воинов и военачальников». О попавших в плен чахарах в военной кампании 1628 г.: «Всех захваченных в плен передать в награду воинам и военачальникам» [3, с. 69]. О превращении пленных в рабов говорят и свидетельства бежавших из маньчжурского плена китайцев (многие из них за годы пребывания в рабстве приобрели «облик варваров»). Беглецы довольно красочно описывали тяготы своего рабского положения у маньчжуров. Даже смерть они готовы были принять «с радостью в сердце» после всего того, что перенесли [3, с. 66].

По всей видимости, в рабов превращали не только пленных. Трудно сказать, какая часть населения завоеванных маньчжурами земель сохраняла свой статус, а какая превращалась в рабов, но то, что многие на оккупированных цинами землях становились рабами, известно по различным источникам, в частности по биографиям рабов, причисленных к знаменной организации, на чем мы остановимся несколько позже. Одним из самых распространенных поводов для закабаления мирного населения была, по-видимому, малейшая попытка к бегству. Так, известно, что в 1632 г. маньчжурскими властями было издано распоряжение: «Тех, кто, проживая на территории от Гуйхуачэна до границ с минским государством, [попытается] бежать или скрыться, считать пленными, [а дворы] тех, кто подчинится, регистрировать как хозяйства» [3, с. 70].

Труд рабов-китайцев применялся в самых различных сферах. Большинство распределялось между маньчжурскими воинами, отсылалось вместе с ними в их родные места, где те занимались земледелием, пасли скот, носили воду (вероятно, трудоемкое занятие, поскольку выделено как отдельная, особая работа [3, с. 67]), занимались разного рода домашней работой, прислуживали хозяевам. Широко применялся труд рабов в ремесленном производстве. Рабы-китайцы варили соль, обжигали глину, выплавляли металл, строили, чинили, выжигали древесный уголь. По-видимому, при Нурхаци развитие ремесленного производства в большой степени было связано с работой пленных китайцев. Известно, что именно они изготовляли оружие. Так, например, в 1631 г. китайским мастерам-литейщикам Ван Тяньсяну, Доу Шоувэю, кузнецу Лю Цзипину и другим было приказано отлить пушки. По мнению Фань Вэньланя, именно благодаря труду обращенных в рабство китайских ремесленников маньчжурам удалось поднять свое ремесленное производство до уровня ремесла в Минской империи [1, с. 131].

Но в основном рабы, по-видимому, применялись в сельском хозяйстве. Во всяком случае, именно такие качества раба, как способность и умение обрабатывать землю, определяли цену его на невольничьем рынке. Один из таких рынков был открыт в предместье Шэньяна, где в 1641 г. цена одного «китайца, способного пахать», равнялась приблизительно 10 лянам сереб-

ра, т. е. почти цене вола, за которого давали от 15 до 18 лянов серебра. Согласно другим сведениям, цена на взрослого раба иногда достигала 25—30 лянов серебра [3, с. 95]. Эти цены разительно отличались от обычных цен на рабов в минском Китае, где стоимость раба измерялась стоимостью двух десятков голов скота [3, с. 68]. Есть некоторые свидетельства того, что маньчжуры сумели превратить работорговлю в выгодную статью принудительного экспорта. Если на внутреннем рынке раб, как мы уже упоминали, стоил 10—20 лянов серебра, то на внешний рынок, прежде всего корейцам, рабов продавали по более высоким ценам, что служило постоянным источником жалоб со стороны корейцев [3, с. 95]. Еще более обременительным был для них выкуп из плена и рабства своих соотечественников, за которых маньчжуры взимали с них по 100 и даже по 200 слитков серебра [3, с. 68].

По всей видимости, в период правления Абахая (1627—1643) число рабов в маньчжурском обществе стало чрезмерным. Источники приводят красноречивые данные об имуществе представителей маньчжурской знати, подвергшихся различным наказаниям. Так, в связи с тем что в 1630 г. был заключен в тюрьму маньчжур Аминь, у него и у его сына Хункэтуя были отобраны принадлежавшие им люди, рабы, имущество, скот. Аминю было оставлено только шесть поместий, два сада, 500 овец, 20 коров и 20 нянек его сыновей [1, с. 130]. У маньчжура Вадака в 1635 г. за какую-то провинность было отобрано 158 слуг-маньчжуров, 20 монголов, 196 китайцев, 304 мастера вместе с членами их семей [1, с. 130]. Раб, по всей вероятности, стал показателем доблести и престижа маньчжурского воина-аристократа. Во всяком случае, Абахай открыто упрекал своих соотечественников в том, что они уже «перестали радоваться и золоту, и серебру, и шелковой материи и лишь приобретение людей доставляет им радость» [3, с. 68].

Ван Чжунхань заявляет, что в период правления Абахая в маньчжурском обществе произошла важная социальная перемена — к этому времени рабы уже представляли основную рабочую силу. В этих условиях правительство принимает решение с помощью ряда мер ограничить рабовладение. Часть населения на захваченной маньчжурами территории было велено организовать в свободные крестьянские хозяйства (минь ху), иными словами, сделать их государственными крестьянами [3, с. 76].

В связи с этим Ван Чжунхань поднимает интересный вопрос: почему маньчжуры еще до того, как ими был завоеван весь Китай, несмотря на существование благоприятных для этого условий, не пошли по рабовладельческому пути развития, а выбрали курс феодализма. Ван Чжунхань видит в этом направлении развития маньчжурского общества результат взаимодействия ряда причин. Прежде всего он выделяет экономическую причину: экономической базой маньчжурского общества

оказались высокоразвитые сельскохозяйственные районы с китайским населением, районы, в которых, по мнению Ван Чжунханя, не было условий для такого развития ремесла, которое могло бы привести к возникновению крупных ремесленных мастерских, основанных на применении труда рабов. Кроме того, соседство таких высокоразвитых феодальных обществ, как Минское государство и Корея, также заставило маньчжуров выбрать феодальный путь развития как наиболее исторически обусловленный. Сыграли свою роль, как считает Ван Чжунхань, и причины иного характера: развитие рабства в период правления Абахая не привело к полному устранению существовавших до того в маньчжурском обществе раннефеодальных структур; сказалась и ориентация маньчжуров на чжурчжэньский опыт государственного развития, что нашло отражение в принятом маньчжурами в 1616 г. наименовании своего государства — Хоу Цзинь (Поздняя Цзинь). Это явно указывало на желание выйти на историческую арену в качестве продолжателей чжурчжэньского государства Цзинь (1115—1234) [3, с. 86—89]. Как бы ни относиться к объяснениям Ван Чжунханя, надо признать, что сам факт обсуждения подобной проблемы достаточно красноречиво говорит о том, как расценивается рабовладение в маньчжурском обществе современной исторической наукой. Надо отметить, что Ван Чжунхань не одинок в своей трактовке этого интересного социального феномена. Другие историки придерживаются довольно сходных взглядов. Так, например, Ли Сю не только отмечает значительный рост рабовладения у маньчжуров, но и считает возможным выделить данный период в отдельную фазу развития маньчжурского общества [6, с. 345—363].

* * *

Ко времени возвышения маньчжурского государства рабовладение в самом Китае насчитывало многовековую традицию. Огромные рабовладельческие семьи ханьского периода прекратили в средние века свое существование. Однако основные сельскохозяйственные работы в крупных земельных владениях выполняли лично-зависимые земледельцы, чье положение в некоторые периоды китайской истории сильно напоминало положение рабов. Широко использовался рабский труд и государством: прежде всего на крупных общественных работах, а также для удовлетворения различных дворцовых потребностей — рабы использовались как ремесленники, певцы, музыканты и т. д. Одним из крупнейших рабовладельцев китайского общества была буддийская община. Монастырские рабы (сыцзяну нуби, цзин жэнь) составляли значительную группу среди порабощенных [15, с. 68, 123]. Положение раба в китайском обществе несколько отличалось от положения его в европейских рабовладельческих обществах. По определению крупнейшего специалиста по ки-

тайскому праву Ниида Нобору, раб в Китае рассматривался не как вещь, а как полувещь-получеловек. Общество признавало за ним некоторые права, важнейшее из которых — право иметь собственное имущество; кроме того, официальное признание брака и права раба стать при благоприятных условиях монахом существенно отдаляло общественное положение раба от статуса вещи [10, с. 30—50].

По всей видимости, рабовладение в китайском обществе сильно зависело от «положения дел» в Поднебесной. В сравнительно благополучные периоды рабов было значительно меньше, чем в суровые годы неурожаев, иноземных нашествий и внутренних социально-политических потрясений. В такие периоды сильные дома различными способами порабощали своих свободных соплеменников, скупали рабов; многие обнищавшие крестьяне добровольно переходили в рабское состояние, надеясь таким образом спасти свою жизнь и жизнь своих близких. Государство находилось в известной оппозиции к этим стихийным процессам, ибо они лишали казну налогоплательщиков. Одним из таких неблагоприятных периодов китайской истории был, вероятно, конец династии Юань — начало Мин. Проведенные в начале правления династии Мин правительственные мероприятия были направлены на укрепление экономической базы государства и на стабилизацию положения широких народных масс. К числу этих мероприятий относились и те, которые были направлены на ограничение роста количества рабов и освобождение людей от рабского состояния. Так, в пятом году «хун у» (1372 г.) был издан специальный императорский указ, в котором говорилось: «[Ныне] в Поднебесной великое умиротворение. [Поэтому] необходимо исправлять нравы и нормы поведения. Всех, кто, столкнувшись с бедствиями, стал рабом, сделать вновь [свободными] людьми (минь)» [7, с. 51].

Совершенно отчетливый моральный акцент императорского указа не случаен. Конфуцианские ортодоксы теоретически относились к рабству неодобрительно, считая, что в идеальной древности его не было и что оно не предусмотрено характером основных человеческих отношений: «В древности не было [слуг-]рабов [нуби]. Отцу и старшему брату служили сыновья и младшие братья. Свекру и свекрови служили их сыновья со своими женами. Старшему чиновнику служили подчиненные. И лишь сыновья и дочери разбойников и мятежников превращались в рабов и трудились в казенных учреждениях» [4, с. 260]. Как можно видеть, раб трактовался конфуцианскими ортодоксами прежде всего как слуга. Вероятно, именно таким и было наиболее типичное использование рабов в позднем минском обществе. Несмотря на оппозицию ортодоксов и государства, стихийные социальные процессы шли своим чередом, и порабощение своих бедствующих соотечественников превратилось в весьма обычное и распространенное дело в позднем минском обществе, о чем весьма интересные сведения можно найти в «Жи чжи лу» («По-

дневные записи об узнанном») крупнейшего конфуцианского ученого и мыслителя конца правления династии Мин — начала правления династии Цин Гу Яньу (1613—1682).

Гу Яньу впервые опубликовал «Жи чжи лу» в 1670 г. Затем в сильно переработанном виде «Жи чжи лу» появилось в 1695 г. «Жи чжи лу» можно перевести как «Дневник», но такой перевод слишком сильно бы расходился с реальным содержанием книги, которая родилась из систематических записей при изучении важнейших конфуцианских текстов, прежде всего летописи Цзо Цюмина «Цзо чжуань» («Традиция Цзо»). Как и полагалось конфуцианскому ученому, Гу Яньу рассматривал рабство как морально-этический феномен. Поэтому он и поместил сведения о рабах в раздел, посвященный «нравам времени» («ши фэн»). Тема, разумеется, трактовалась внеисторически: рассматривались наиболее показательные примеры, взятые как из античности, так и из менее отдаленных времен. Но поскольку автор четко поставил перед собой задачу — «вернуть древность» («фу гу вэй чжи») — и рассчитывал на появление нового совершенного мудреца, который вернется к идеальной древности с учетом всего того, что происходит в современности [4, с. 1], то современная Гу Яньу действительность нашла в нем пристального и вдумчивого наблюдателя. Критикуя рабство, Гу Яньу прежде всего видит в нем проявление порчи нравов, жажды стяжательства (тань цзи). Наличие большого числа рабов в государстве, по его мнению,— свидетельство нравственной недостаточности. При этом Гу Яньу ссылается на первого минского императора Чжу Юаньчжана, который, перечисляя провинности сановника Лань Юя, отметил и то обстоятельство, что число рабов в семье Лань Юя насчитывало несколько сотен [4, с. 259]. Проводя параллель с современностью, Гу Яньу замечает по этому поводу: «В настоящее время к югу от Янцзы среди знатных людей очень распространен этот обычай. Как только [такой человек] получит продвижение по службе, к его воротам наперебой спешат люди. Их называют „предавшиеся“ („тоу као“). Число их иногда достигает тысячи» [4, с. 259].

Вероятно, в числе этих «предавшихся» оказывалась весьма разнородная публика — кроме рабов в собственном смысле этого слова, которых использовали в хозяйстве и в услужении,— друзья-нахлебники, приживалы, клиенты, т. е. те, кого действительно можно назвать «людьми дома» в самом буквальном и самом неопределенном смысле этих слов. Именно эти люди, а не те, кто действительно был занят рабским трудом, приобретали наибольшую известность. Они как бы переносили на себя престиж принявшего их дома и пользовались этим для улучшения своего места в социальной иерархии. Нам кажется, что такое понимание категории «предавшихся» делает понятными негодующие слова Гу Яньу в их адрес: «К тому же находящиеся в услужении люди начинают во всем — в еде и отдыхе, в движении и покое — подражать своим хозяевам... Так

что раба можно принять за хозяина, а хозяина — за раба. Увы! Это и есть источник шести неправильных действий (лю ни)»[1] [4, с. 260].

Совершенно очевидно, что подражавшие своим хозяевам не могли составлять сколько-нибудь значительное большинство. Большинство составляли люди, попавшие в бедственное положение и «спешившие к воротам» знатных семей не для того, чтобы заимствовать чужой престиж, а чтобы продать свой труд вместе со свободой ради спасения своей жизни и жизни своих близких. Разнородность категории «предавшихся» отмечали и свидетели этих процессов. Так, минский автор первой половины XV в., описывая переходивших под покровительство больших семей, различал две основные категории: «Были такие, которых вносили в списки в качестве приемных сыновей (и нань), даря им имя [семьи], были такие, которым меняли имя и приказывали стать рабами» [11, с. 79]. Именно среди этой последней категории большинство составляли те, кто, «находясь дома, занимался хозяйственными делами, а выходя за ворота, занимался обработкой земли» [11, с. 79].

Фу Илин приводит один интереснейший документ, составленный в 15 г. под девизом «шунь чжи» (1658 г.) в связи с волнениями в уезде Гуаншань провинции Хэнань. В нем, по сути дела, не только перечисляются наиболее типичные группы рабов, но и описывается сам процесс закабаления. Основное содержание этого документа сводится к следующему. Среди порабощенных наиболее четко выделяются четыре основные группы рабов: «предавшиеся», захваченные силой, нанятые на определенный срок и арендаторы. Среди «предавшихся» прежде всего выделяется категория рабов в собственном смысле этого слова. Это в основном купленные, унаследованные и полученные в приданое рабы. Их отличительной особенностью являлось то, что они в течение долгого времени проживали в доме своих хозяев, или, как выражается составитель документа, их «кормили, как скот, уже долгие дни». Именно во взаимоотношениях рабовладельцев с этой группой порабощенных тип отношений «хозяин — раб» проявился с наибольшей полнотой.

Вторая группа «предавшихся» состояла из более непостоянного и беспокойного контингента. Это все те, кто «предался», стремясь избежать расплаты за какую-либо провинность в прошлом; среди них было много бродяг, беглых рабов, доведенных бедностью до крайнего отчаяния, разного рода мелких мошенников и даже лиц, занимавшихся разбоем. Все они «предавались» с единственной целью — заслониться от бед и преследований престижем и властью своих новых хозяев. Это, по мнению составителя документа, была самая беспокойная часть «предавшихся», которая в случае каких-то неприятностей и осложнений с хозяевами или при начавшихся волнениях могла «легко встряхнуть руками» и уйти [11, с. 80]. Эти «предавшиеся» были самой взрывоопасной частью порабощенного населения.

Третья группа — захваченные силой. В нее входили те, кто оказался на положении рабов против своей воли. Используя местные полуофициальные организации и объединения, сильные дома (ту хао) «самовольничали в захолустьях, притесняя темный люд». Они «захватывали лишенных одежды и пищи и заманивали потерявших дело и скрывающихся [от] властей» [11, с. 80]. Попадая в сильный дом, новые рабы чувствовали себя так, будто они «попали в волчью яму» [11, с. 80]. Если они пытались бежать, их ловили и после судебного разбирательства отправляли, как правило, к старым хозяевам. Эта категория людей, по мнению составителя документа, была «самой ожесточившейся душой».

И наконец, четвертую группу составляли нанятые на определенный срок. В нее входили свободные наемные работники, которые вступали в брачные отношения с рабынями сильного дома. Это так называемые зятья на срок. Теоретически они имели полное право уйти от своих хозяев по истечении срока, но фактически очень часто оказывались опутанными разного рода обязательствами и под страхом судебного преследования или даже в результате судебного разбирательства были вынуждены оставаться в сильных домах на положении рабов.

Теоретически не являлись рабами и арендаторы. Но фактически среди них была определенная группа, которую с полным правом называли арендаторами-рабами (дяньпу). В нее входили те арендаторы, члены семей которых попадали в услужение в дом землевладельца. Чаще всего это были женщины. Положение таких женщин приближалось к рабскому, а в силу этого на положении порабощенных оказывалась и вся семья [11, с. 80—81].

Рабовладение в китайском обществе и процесс порабощения свободного населения резко отличаются от аналогичных социальных процессов, имевших место в феодальном обществе Европы. Прежде всего бросаются в глаза разнородность и аморфность в рабовладельческих отношениях в Китае. Кроме собственно рабов к этой категории как наблюдатели-современники, так и китайские ученые нашего времени относят целый ряд групп, которые либо балансируют на грани рабского состояния, либо являются рабами лишь фактически. Однако традиционный подход к ним как к рабам наводит на мысль о том, что их фактическое положение раба, вероятно, быстрее, чем нам кажется, в тех условиях закреплялось юридически. Второе отличие от Европы — социальная динамика порабощения. В обществе шел непрерывный процесс превращения различных групп свободного и зависимого населения в рабов. Эти черты китайского феодального рабовладения объясняются, на наш взгляд, основным отличием феодальной структуры китайского общества от европейского феодализма: сравнительной свободой уз, прикреплявших крестьянина к земле.

В условиях этой сравнительной свободы прикрепления зем-

ледельца к земле в китайском феодальном обществе в послесунский период (XIII—XVII вв.) сформировались три основные категории земледельцев, трудившихся не на своей земле. Первая и самая большая — арендаторы (дяньху). Вторая — наемные работники (дяньгун). Эта категория в целом считалась более бедной, чем арендаторы. Но в нее входили и работники высокой квалификации, особенно в шелководческих и рисоводческих районах (районы Хугуан и прибрежные земли). И наконец, самой бедной и самой угнетенной была третья группа — рабы (тунну) [11, с. 68—71]. Необходимость в порабощенной категории земледельцев, именно земледельцев, а не только рабов, занятых в хозяйстве, объяснялась, на наш взгляд, тем, что в условиях существования сравнительно свободной миграции рабочей силы обеспечить себя каким-то закрепленным минимумом рабочих рук было довольно трудно. Порабощение одной группы земледельцев оказывалось, таким образом, как бы расплатой за относительную свободу остального крестьянства. Там, где мало было арендаторов и куда не любили заходить наемные работники, приходилось обрабатывать землю руками рабов. Связь между нехваткой рабочих рук и рабским трудом отражена в китайских документах. Так, в «Географическом описании уезда Мачэн» провинции Хубэй говорится: «[В уезде Мачэн] арендаторов мало. [Поэтому] многие большие хозяйства покупают рабов и заставляют их обрабатывать землю. [Когда у купленных рабов] подрастают сыновья и внуки, то их уже называют наследственными рабами» [11, с. 81].

Приведенный выше материал, как нам кажется, позволяет сделать вывод, что рабовладение было не случайным явлением и не реликтом в недрах китайского феодального общества, а его структурно-необходимым элементом. Маньчжурское завоевание, если говорить о всем китайском обществе, существенно не изменило роли рабовладения во всей системе общественных отношений. Оно лишь усугубило некоторые отрицательные стороны рабовладения, дополнило рабовладельческий сектор знаменными рабами и положило начало специфической практике использования рабов в административном аппарате. Близким к рабскому стало положение тех, кто обрабатывал землю в императорском домене [13, с. 99—127]; широко практиковались, особенно в начале правления Цинской династии, захват и продажа в рабство свободных людей солдатам и офицерам маньчжурских гарнизонов [2, с. 150]. Ухудшилось обращение с рабами, возросла мода на многочисленную, состоящую из рабов прислугу. Обо всем этом много красноречивых свидетельств в официальных китайских документах. Известен доклад императору перешедшего на сторону маньчжуров китайского сановника, «князя, усмирившего Юг», Шан Кэси. В связи с предстоящим выходом в отставку и возвращением в Ляодун Шан Кэси просил императора дать ему разрешение перевести с Юга на Север «незанятых» («сань дин»), сирот и вдов, старых и слабых

в количестве 4394 семей, общим числом 24 375 человек. Известно, что из этого числа около 600 человек входили в его военную охрану, остальные же в большинстве своем были рабами, которые работали на земле Шан Кэси в провинции Гуандун [1, с. 132].

Поставленное перед лицом этой опасной тенденции, когда число рабов у крупных китайских и маньчжурских феодалов непрерывно возрастало и насчитывало иногда по нескольку тысяч [4, с. 260], а число государственных крестьян соответственно столь же быстро уменьшалось [11, с. 79], маньчжурское правительство вынуждено было принять некоторые меры по ограничению бесконтрольного роста рабовладения. В 1702 г. цензор Лю Цзычжан подал императору доклад о необходимости сокращения рабов у чиновников, получающих назначение в провинцию. В этом докладе Лю Цзычжан указывал на то, что чиновники, выезжая по месту службы в провинцию, помимо многочисленных членов семьи везут с собой огромное количество рабов и рабынь (несколько сот, а иногда и больше тысячи). Цензор предлагал установить строгие нормы перевоза рабов к месту назначения, остальных же оставлять на родине чиновника. У нарушителей же лишних рабов отбирать и либо продавать их в казну, либо освобождать и делать простолюдинами (шуминь), т. е. государственными крестьянами.

На ухудшение своего положения при маньчжурах рабы реагировали самым доступным им способом протеста — бегством. Бегство рабов — серьезная государственная проблема при первых цинских императорах. Для осуществления общего руководства за поимкой беглых рабов в 1654 г. в Пекине создается специальное управление (дубу ямэнь). Оно было непосредственно подчинено Военному ведомству. В 1670 г. его сменил специальный департамент при министерстве юстиции (дубу цинлисы). Законы, направленные на борьбу с бегством и укрывательством рабов, отличались крайней жестокостью и фактически держали в страхе все общество. «Закон о наказании беглых рабов чрезмерно жесток,— писал чиновник военного министерства Ли Инь,— всюду слишком много пострадавших. Все это приводит к тому, что в стране и бедные, и богатые, и благородные, и подлые, и чиновники, и народ — все живут в постоянном страхе и не могут обеспечить безопасность ни себе, ни семье» [2, с. 152].

Законы против беглых рабов действительно отличались крайней суровостью. За первый побег рабу вырезали на левой щеке слово «беглый» на маньчжурском и китайском языках и наказывали 100 ударами плетью. При повторном побеге рабу вырезали то же слово на правой щеке и надевали на шею деревянную колодку (кангу) сроком на один месяц, давали 100 ударов плетью и возвращали к хозяину. За третий побег рабу вырезали на правой щеке место ссылки и отправляли его в пограничные районы Маньчжурии в услужение рядовому мань-

чжурскому солдату [1, с. 138]. Чтобы предотвратить бегство рабов и тем самым смягчить социальную напряженность, маньчжурские власти не раз обращались к рабовладельцам с увещеваниями. Так, император Кан-си (1654—1722, правил в 1662—1722 гг.) писал в своем наставлении хозяевам о должном отношении к своим рабам: «Издавна чиновники, военные и другие люди из восьми знамен обращаются со слугами чересчур жестоко, за малейшую провинность их бьют иной раз до смерти... Отныне относиться к низшим людям необходимо снисходительно. Нельзя самовольно убивать слугу» [1, с. 134].

Само собой разумеется, что закон жестоко пресекал не только побег, но и любое сопротивление раба творимому над ним насилию. За словесное оскорбление хозяина раб подлежал удавлению после определенного срока заключения. За открытое неповиновение раба клеймили и отправляли в ссылку за 2 тыс. ли, где его передавали в распоряжение местного чиновника для выполнения самых тяжелых работ. За удар, нанесенный хозяину, рабу полагалось отсечение головы. Если этот удар был нанесен преднамеренно, в результате чего хозяин умирал, то раба-виновника приговаривали к четвертованию. Если смерть хозяина (или его родственников) наступала в результате непреднамеренных действий раба, то виновного следовало либо удавить по истечение определенного срока тюремного заключения [2, с. 151], либо, по другим источникам, немедленно обезглавить [12, с. 6648].

Надо заметить, однако, что, несмотря на всю жестокость нравов и законов маньчжурского времени, раб сохранил свой традиционный статус получеловека-полувещи и не превратился полностью в вещь. Раб находился в системе правового регулирования, а не вне ее, и в некоторых случаях между рабом и категориями свободного населения не делалось большого различия. Так, например, за похищение и последующую продажу в рабство жены или детей хозяина дома рабу и наемному работнику (юнгун) равно полагалось отсечение головы с ожиданием положенного срока. За похищение же и продажу родственников хозяина дома и раба, и наемного работника равно приговаривали к удавлению с ожиданием положенного срока [12, с. 6648].

Самым главным отличием раба от вещи являлось, на наш взгляд, официальное признание брака рабов. Правда, брачное законодательство строжайшим образом преследовало браки между рабами и свободными [16, с. 225], тем не менее оно не просто официально признавало браки рабов, но и считало право рабынь на брак важным государственным делом, за реализацией которого местные власти должны были наблюдать и должное осуществление которого гарантировалось. На хозяина возлагалась определенная ответственность за своевременное вступление в брак принадлежавших ему рабов. С этой целью рабовладелец составлял и направлял местным властям соот-

ветствующие списки, с помощью которых власти контролировали этот процесс. Рабовладельцев, пренебрегавших возложенными на них обязанностями, ожидало суровое наказание: «Если в простом и благородном доме, где имеется рабыня, ее не выдали замуж, а принудили остаться одинокой, то подобное действие расценивается как тяжелый, недолжный поступок (бу ин чжун) и наказывается 80 ударами палок. Если виновником оказывался простолюдин, то приговор приводится в исполнение немедленно, если знатный, то ему позволяется внести соответствующий денежный штраф. [После чего закон] обязывает выдать замуж рабыню» [16, с. 226; с. 229]. Согласно провинциальному законодательству провинции Цзянсу, опубликованному в 1880 г., все рабы должны были вступить в брак до 23-летнего возраста. Если рабыня, превысившая этот возраст, не вступила в брак и не была помолвленной невестой, ее должны были женить местные власти, а в государственный благотворительный фонд должна быть внесена денежная сумма в размере стоимости рабыни [16, с. 226].

К этому надо добавить еще преследование законом связи между хозяином и рабыней. Так, если хозяин вступает в незаконную связь со своей рабыней, ему полагается 40 ударов розгами, тогда как рабыня от наказания освобождалась, ибо предполагалось, что она, находясь в подчинении хозяина, не могла ему воспротивиться, даже если бы и захотела [16, с. 227].

В заключение необходимо добавить несколько слов об использовании рабов в административном аппарате, что являлось характерным именно для цинского времени.

В китайском бюрократическом аппарате в течение многих веков существовала особая, полуофициальная группа чиновников, которая, по сути дела, осуществляла реальную связь между официальным бюрократическим аппаратом и населением. Эта довольно многочисленная группа состояла из так называемых частных секретарей (сюй ли, му и). Со времени правления династии Юань для этих чиновников существовало специальное учебное заведение. Эта часть бюрократии отличалась тем, что не получала государственного жалованья и не проходила через систему государственных экзаменов [8, с. 347—374]. Эти чиновники имели цеховую организацию и стремились передавать свои должности по наследству. На деле они узурпировали значительную часть власти на местах. Среди этой группы чиновников немалую часть составляли рабы (цзя жэнь), получившие в аппарате специальное наименование — тан гуань (чиновники присутственных мест?). Император Юн-чжэн (правил в 1723—1735 гг.) ясно понимал всю опасность такой практики для маньчжурского государства и старался как можно больше ограничивать власть этого низового чиновничества, причем само участие рабов в низовой административной деятельности было строго запрещено. Однако запрещение не коснулось, по-видимому, особой группы рабов — знаменных рабов, находив-

шихся под непосредственным управлением императора, из которых очень часто выходили особо доверенные императору чиновники, некий цинский аналог минских чиновников-евнухов. Одним из наиболее известных представителей этой группы был Цао Инь (1658—1712), прадед автора знаменитого китайского романа «Сон в красном тереме», сделавший блистательную карьеру при Кан-си; вершиной его карьеры были пост специального уполномоченного по текстильной промышленности в Нанкине и предоставление ему самых широких полномочий в финансовой сфере [18, с. 89—99]. Среди этой группы императорских рабов, называвшихся баои, Цао Инь отнюдь не был одинок. Из среды баои вышли и другие представители высшей бюрократии, такие, как Сунь Вэньчэн (уполномоченный по текстильной промышленности в Ханчжоу), Гао Бинь (занимавший посты финансового уполномоченного в разных местах [18, с. 86]), инспектор таможенных доходов, популярный на Юге литературный меценат Тан Ин [18, с. 16; 17, с. 442] и др. Для этой небольшой группы высших бюрократов статус раба из синонима зависимости и бесправия превратился в знак персональной близости к императору и в основу их блистательного общественного положения.

[1] «Шесть неправильных действий» («лю ни») суть следующие поступки: подлые порочат благородных, младшие принуждают старших, дальние родственники оказываются среди близких, новые [друзья] занимают место старых, малое присоединяется к великому, порок сокрушает долг.

1. *Лепешинский К. В.* (Цзо Ши). О некоторых социально-экономических последствиях маньчжурского завоевания Китая.— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
2. *Хохлов А. Н.* Рабство и крепостничество в Китае в начальный период маньчжурского владычества.— Общество и государство в Китае. М., 1971.
3. *Ван Чжунхань.* Цин щи цза као (Различные исследования по истории династии Цин). Пекин, 1957.
4. *Гу Яньу.* Жи чжи лу цзи ши (Подневные записи об узнанном с собранием комментариев). Шанхай, 1936.
5. *Ивакити Инаба.* Цинчао цюаньши (Полная история династии Цин). Ч. 2. Шанхай, 1914.
6. *Ли Сю.* Лунь ба ци чжиду (Об организации восьми знамен).— Чжунхуа вэньши луньцун. Пекин, 1964.
7. Мин ши (История династии Мин).— Сер. «Сы бу бэй яо». Т. 95. Шанхай, 1936.
8. *Миядзаки Итисада.* Синдай-но сёри-то бакую, току-ни Ёдзеэй тё о тюсинто ситэ (Чиновники сюйли и му ю в период Цин, особенно в царствование Юн-чжэна).— «Тоёси кэнкю». 1958, № 16.
9. *Мо Дунинь.* Маньцзу ши лунь цун (К истории народа маньчжуров). Пекин, 1959.
10. *Ниида Нобору.* Тодай хо ни окэру дохи но тии сайрон (Еще раз о положении рабов по танскому праву).— Сигаку дзасси. Т. 74. 1965, № 1.
11. *Фу Илин.* Мин Цин нунцунь шэхуэй цзинцзи (Экономика сельскохозяйственного общества при династиях Мин и Цин). Пекин, 1961.
12. Цин чао вэнь сян тун као (Обозрение документов династии Цин).— Сер. «Ши тун». Шанхай, 1936.
13. *Чжоу Юаньлянь, Ян Сюечэнь.* Гуанюй Циндай хуанчжуан ды цзигэ вэнь-

ти (О некоторых вопросах в связи с императорским доменом при династии Цин).— Лиши яньцзю. 1965, № 3.
14. Чжунго ды нули чжи юй фэнцзянь чжи фэнцзи вэньти лунь вэнь сюаньцзи (Обсуждение вопросов периодизации рабства и феодализма в Китае). Пекин, 1962.
15. *Gernet T.* Les aspects économique du bouddhisme dans la société chinoise du V-e au X-e siècle. Saigon, 1956.
16. *Hoang P.* Le mariage chinois au point de vue légal. Shanghai, 1898.
17. *Hummel A. W.* Eminent Chinese of Ch'ing Period. T. 1. Wash., 1943.
18. *Spense T. D.* Ts'ao Ying and the K'ang-hsi. New Haven — London, 1966.
19. *Verlinden Ch.* L'esclavage dans un quartier de Palerme. Studi in Memoria di Federigo Melis. T. 3. [Б. м.], 1978.

Ю. В. Ванин

НОБИ В ФЕОДАЛЬНОЙ КОРЕЕ

На протяжении всей истории феодализма в Корее одной из наиболее крупных категорий зависимого населения являлись чхонины («подлые люди»), к которым относились самые бесправные и угнетенные низы феодального общества. Основу этого «подлого» сословия (по численности) составляли ноби (но — раб, би — рабыня), поэтому в корейских средневековых источниках термины «ноби» и «чхонин» нередко упоминаются как абсолютно идентичные. Труд ноби играл существенную роль в экономике страны, прежде всего в сельском хозяйстве. Кроме того, своим трудом они обслуживали господствующий класс и государство, являясь важным объектом феодальной эксплуатации, и потому постоянно занимали видное место в социальной политике властей.

Как неотъемлемый элемент классовой структуры, ноби прошли те же этапы становления, развития и разложения, что и все феодальное общество в Корее. Первый из этих этапов совпал с началом нашей эры и завершился примерно в X в., второй пришелся на X—XVI вв., третий длился с XVII до конца XIX в. Окончание истории существования ноби по времени совпало с колониальным закабалением Кореи, стоявшей на пороге новой социально-экономической формации. В данной статье содержится краткий очерк истории корейских ноби, рассматриваются основные формы их эксплуатации, социального порабощения на разных этапах феодализма, делаются попытки выявить количественные и качественные изменения, происходившие с течением времени в этой прослойке. Знакомство с материалами о ноби дополнительно проливает свет на историю феодального общества в Корее, позволяет представить общее положение феодально-зависимого населения.

* * *

О самой ранней истории ноби в Корее известно крайне мало. Время их появления обычно относят к периоду Древнего Чосона — государственного образования, существовавшего за несколько веков до нашей эры на территории Ляодуна и северо-западной части Корейского полуострова [2, с. 434]. Среди действовавших там законов («Восьми запретительных статей»)

один был посвящен обращению населения в ноби. Крупнейшее произведение средневековой корейской историографии, составленное в XVIII в. и окончательно доработанное в 1908 г.,— «Чынбо мунхон пиго» («Дополненная энциклопедия») — следующим образом излагает его содержание: «Укравшего, если он мужчина, сделать но этой (т. е. пострадавшей.— *Ю. В.*) семьи, если женщина — сделать би» [13, с. 897]. В источниках не сохранилось данных об условиях существования ноби, масштабах и формах использования их труда. Историки КНДР считают ноби Древнего Чосона рабами [2, с. 434].

В возникших на территории Корейского полуострова в первые века нашей эры трех раннефеодальных государствах Когурё, Пэкче и Силла в ноби превращали семьи преступников, детей государственных и частных должников, уличенных в распутстве женщин и т. д. [13, с. 897]. Одним из основных источников приобретения ноби были непрерывные войны, происходившие между тремя государствами и их соседями.

Однако далеко не сразу труд ноби стал играть заметную роль в феодальном хозяйстве. На самой ранней стадии развития феодальных отношений зарождавшийся господствующий класс не проявлял еще особого рвения к накоплению ноби. Случались даже такие факты, как известная история с военачальником Садахамом. В 562 г. за военные заслуги ван дал ему в награду плодородные земли и 200 пленных. «Садахам трижды отказывался, но ван настоял. Тогда, приняв дар, [Садахам] пленных отпустил на свободу, а землю раздал воинам, и люди государства хвалили его» [3, с. 134].

С созданием в VII в. единого государства Силла ускорился процесс феодализации общества и вместе с тем значительно расширилась прослойка ноби. Как правило, те, кто становился ноби, оказывались на положении домашних рабов феодализирующейся знати, но некоторых из них уже в то время сажали на землю и фактически превращали в крепостных крестьян [12, с. 163].

Видный корейский историк XVIII в. Ан Джонбок указывал, что именно в эпоху Трех государств и Объединенного Силла принадлежность к ноби стала наследственной. Назвав злом наследование ноби их повинностей, он писал: «Выяснилось, что начало этого зла [относится] к [периоду] Трех государств, когда потомки родственников вана и сановников захватили власть, а в Силла оно стало еще сильнее. [Согласно] танским книгам, в Силла у высших сановников не прекращалось жалованье, [имели] рабов [по] 3 тыс. человек. Бедняки, которым не на кого опереться, иногда сами себя продавали и делались ноби. Даже сыновья и внуки служили, чтобы содержать [родителей]. Кроме того, взятых в боях пленных делали ноби. Не было никого, кто бы выкупился. Наследование повинностей не прекращалось» [13, с. 898]. Здесь следует отметить важный качественный сдвиг в положении ноби — превращение их зависимости в наследст-

венную (первые века нашей эры). По словам Ан Джонбока, до этого рабами делали наказуемых за воровство, взятых в плен варваров и разбойников. «Но наказание не являлось наследственным,— утверждал он,— [его нес] только сам [преступник], и оно [затем] прекращалось» [13, с. 898]. Распространение зависимого состояния и повинностей на потомков — один из наиболее значительных шагов в процессе закабаления ноби.

Весьма достоверно излагает Ан Джонбок положение ноби в последний период существования государства Силла. Рост феодальных отношений, расширение частной земельной собственности привели к резкому увеличению прослойки ноби. В их число все чаще попадали разорившиеся свободные крестьяне, что привело в конце концов к резкому сокращению общей численности свободного крестьянства, от которого прежде всего зависела экономическая и военная мощь феодального государства. Указанные явления вызвали подъем крестьянского движения и феодальных междоусобиц (особенно в VIII—IX вв.), которые и привели к распаду Силла.

* * *

В 918 г. на корейской земле возникло новое централизованное феодальное государство Корё. Его основатель Ван Гон пытался ограничить рост численности ноби за счет янъминов или янъинов (достойных людей), как называли в Корее свободных крестьян. В одном из своих первых указов он следующим образом характеризует сложившуюся в стране обстановку: «Доходит до того, что простой народ продает себя, продает детей и делается ноби». Ван Гон распорядился выкупить на его собственные средства более тысячи душ из числа продавших себя в ноби [13, с. 897]. В следующем году был издан указ, запрещавший влиятельным и богатым семьям насильно превращать в ноби бедняков за долги [13, с 898].

Однако предпринятые Ван Гоном меры не дали ощутимых результатов. Под нажимом феодальной знати, стремившейся заполучить как можно больше ноби, ему пришлось отступить. Это хорошо показано в петиции крупного чиновника Чхве Сынно, помещенной в основном источнике по истории Корё — «Корё са» («История Корё», составлена в середине XV в.). Обращаясь в 982 г. к вану Сонджону, Чхве Сынно писал о периоде Ван Гона: «Когда двор нашего великого государя начал создавать [государство], некоторые сановники, помимо тех, которые искони имели ноби.., служили в армии и брали пленных, некоторые покупали но [би] за деньги. Ваш предок некогда хотел отпускать пленных и делать их янъинами, но, заботясь о желаниях заслуженных сановников, разрешил [поступать] как им угодно» [6, т. 2, с. 716—717].

Еще менее успешной была попытка одного из преемников Ван Гона, Кванджона, провести в 956 г. расследование, с тем

чтобы выявить, кто незаконно попал в положение ноби. Вот как рассказывал об этом Чхве Сынно в своей петиции: «Во времена Кванджона впервые приказали предъявить [доказательства] на ноби и определить, истинные [они] или ложные. Среди заслуженных сановников тогда не было никого, кто бы не испытывал недовольства, но некому было отговорить [Кванджона]. Супруга вана Тэмок настоятельно [его] увещевала, [но он] не послушался. То, как ничтожные рабы, достигнув цели, оскорбляли благородных, устраивали подделки, подкапывались под хозяев, невозможно описать. Кванджон сам создал источник бедствий, который не смог закрыть. Даже в последние годы было очень много напрасных убийств, утрата морали велика» [6, т. 2, с. 717].

Мы не знаем, чем завершилось проведенное при Кванджоне расследование. Судя по словам Чхве Сынно, какая-то часть ноби получила тогда освобождение. Вызванное расследованием стремление ноби вырваться из «подлого» сословия привело к тому, что обострились социальные противоречия. Защищая интересы феодальных собственников, власти приняли строгие меры против некоторых вольноотпущенников. В 987 г. был издан указ: «Освобожденные ноби с годами постепенно отдаляются и презрительно относятся к хозяевам... Тех, кому за 40 лет и кому разрешено освобождение из чхонинов, если они поносят хозяев, а также сопротивляются родственникам хозяев, возвратить в чхонины и [заставить] служить» [6, т. 2, с. 717]. Вчерашние вольноотпущенники, протестовавшие против превращения их снова в ноби, подвергались жестокой расправе. Указ 1013 г. предписывал наказывать таких палками, выжигать на лице клеймо и возвращать их хозяевам [6, т. 2, с. 717].

Попытки первых правителей Корё ограничить численность ноби и увеличить численность свободного крестьянства не могли не закончиться неудачей. Развитие феодальных отношений неизбежно сопровождалось ростом кабального сословия. Точных сведений о масштабах этого процесса нет, но о нем отчасти можно судить по следующим фактам. В 1007 г. тайный ревизор донес в столицу, что в Кёнджу (провинция Кёнсан) некий Юнъдэ, выдававший себя за потомка вана — основателя Силла, сделал своими ноби более 500 янъинов. Ему в этом за взятки помогали некоторые придворные [13, с. 898]. Государство обращало в ноби семьи преступников, часто участников антифеодальных движений. Так, в 1194 г. на Юге страны было схвачено более 350 «бунтовщиков», их жен и детей. Их клеймили и отправили в качестве ноби в крепости западной провинции Сохэ (ныне Хванхэ) [13, с. 899]. В 1132 г. было принято решение отбирать в казну ноби тех хозяев, которые не имели наследников [6, т. 2, с. 717].

Становление феодализма в Корее в основном завершилось в X в. Именно в это время юридически оформились важнейшие социальные категории феодального общества. Соответственно

двум формам феодальной собственности — государственной и частной — сложились тогда две основные группы ноби: конноби (казенные ноби) и саноби (частные ноби). Составители «Корё са» дали следующее пояснение: «Передававшиеся из поколения в поколение и служившие в знатных семьях назывались саноби. Служившие в ведомствах, провинциях и уездах назывались конноби» [6, т. 2, с. 716].

В зависимости от способа существования и характера труда частных ноби их подразделяли на сольго ноби — «живущих вместе [с хозяином]» и вэго ноби — «живущих отдельно [от хозяина]». Первые составляли дворовую челядь собственника и жили в его доме, вторые жили вне усадьбы хозяина, выплачивали ему различные платежи и несли повинности. Чаще всего феодалы сажали вэго ноби на землю. Вот, например, как описывал упоминавшийся нами Чхвэ Сынно распределение принадлежавших Ван Гону ноби: «Тхэджо (почетный титул основателя династии.— *Ю. В.*), за исключением домашних ноби, живших во дворце и выполнявших повинности, [остальных] отпустил жить в пригороде, [чтобы они] обрабатывали землю и платили налог» [6, т. 3, с. 68].

Если сольго ноби существовали полностью за счет хозяина, то вэго ноби должны были иметь собственное хозяйство. Мы не знаем, на каких условиях последние рассчитывались со своим владельцем. В средневековой Корее понятие «налог» имело очень широкое толкование: сюда включались многие виды феодальных платежей. В данном случае могла подразумеваться выплата по типу аренды-испольщины или (что более вероятно) сдача всего урожая, за вычетом определенной доли на содержание работника и его семьи. Соотношение численности сольго ноби и вэго ноби неизвестно. Однако можно полагать, что с ростом крупной феодальной земельной собственности удельный вес последних в общей численности ноби постепенно увеличивался.

Хозяин мог распоряжаться ноби так же, как всем прочим имуществом: продать, подарить, поменять, оставить в наследство и т. д. Законы строго охраняли права собственников ноби. Пожалуй, было только одно ограничение — установление в 986 г. единой цены на ноби. Мужчина в возрасте от 15 до 60 лет стоил 100 пхиль ткани (пхиль — около 20 м), до 15 и старше 60 лет — 50 пхиль. Женщина в возрасте от 15 до 50 лет — 120 пхиль, до 15 и старше 50 лет — 60 пхиль [6, т. 2, с. 717]. Видимо, женщины ценились дороже потому, что уже тогда повинности ноби наследовались по материнской линии (хотя юридически этот обычай был оформлен позднее).

Положение казенных ноби законодательство частично регламентировало. В частности, существовало правило об освобождении их от повинностей по достижении 60 лет [6, т. 2, с. 716]. В отношении частных ноби не было никаких регулирующих правил. Продолжительность службы, степень и формы эксплуата-

ции частных ноби определялись их хозяевами. И только хозяева могли наказать или миловать провинившихся по своему усмотрению.

Следует, однако, отметить, что хозяин не имел безраздельной власти над жизнью и смертью ноби. Указ 1136 г., например, гласит: «Если частный ноби выступит против хозяина и вследствие этого от злости покончит с собой, не винить его хозяина» [6, т. 2, с. 717]. Из этого можно сделать вывод, что в остальных случаях хозяин отвечал перед государством за жизнь ноби. Лишь с ведома и разрешения властей он мог покарать смертью своего ноби за его проступок, иначе сам подлежал наказанию. Тем более не допускалась самовольная расправа над казенными ноби.

В официальных документах и хроникальных записях ноби обычно называли рабами. Традиционно относимые к презираемой части общества, лишенные даже тех минимальных прав, какими обладали простолюдины, обреченные на изнурительный, подневольный труд, ноби подвергались самому жестокому обращению со стороны хозяев. Власти иногда даже заступались за них.

Например, один из указов 1339 г. гласил: «В каждом доме повинности ноби очень тяжелые, надо их пожалеть и помочь. Если кто-нибудь [из них] заболевает, его не соглашаются лечить и выбрасывают на дорогу. Когда [ноби] умирает, его не хоронят, а выбрасывают на дорогу, и его кости глодают скопища собак. Поистине, им можно посочувствовать. Отныне [за это] судить по строгим правилам» [6, т. 2, с. 707].

Однако определенное ограничение прав собственников, наличие у ноби (вэго ноби) своего хозяйства — все это позволяет характеризовать их как корейскую разновидность крепостных. Их сущность наиболее четко проявилась в период Корё, но складывалась она на предшествующих этапах истории феодализма в Корее. Что касается рабских условий существования, то это было уделом крепостных во многих странах, и корейские ноби не исключение.

На протяжении всей истории феодализма в Корее, и особенно в период Корё, труду и личности ноби придавалось большое значение. Их существование считалось одной из основ всей системы феодальной эксплуатации и социального неравенства. Вот как рассуждали по этому поводу составители «Корё са»: «То, что в Восточной стране (одно из названий Кореи.— *Ю. В.*) имеются ноби, оказывает большую помощь в исправлении нравов. Это потому, что отсюда проистекает строгое осуществление правил поведения и нравственности внутренних (придворных.— *Ю. В.*) и внешних (провинциальных.— *Ю. В.*) рангов, благородных и низких [людей]» [6, т. 1, с. 716]. Угроза стать ноби рассматривалась как важное средство морального закабаления, «исправления нравов».

Законы Корё были направлены на то, чтобы упрочить гос-

подство феодальных собственников над принадлежавшими им ноби, обеспечить сохранность этой социальной группы. С этой целью стремились не допустить смешение «подлого» и свободного сословий. Если но женился на женщине из янъинов с ведома своего хозяина, последнему полагалось 100 ударов палками, а главе дома, откуда взята женщина,— год тюрьмы. В случае самовольной женитьбы виновного ожидали 1,5 года тюрьмы, а если при этом он выдавал себя за янъина — 2 года тюрьмы [6, т. 2, с. 716].

Выше уже говорилось о мерах против вольноотпущенных, обвиненных в «вызывающем поведении»: их наказывали и возвращали хозяевам. В 1278 г. вообще было запрещено освобождать казенных и частных ноби и делать их янъинами [6, т. 2, с. 717]. Видимо, и после указа 1278 г. освобождение ноби (за заслуги или за выкуп) все же не прекратилось. Однако действовало правило: потомки освобожденного снова становились ноби прежнего хозяина [6, т. 2, с. 718].

В 1300 г. прибывшие из юаньского Китая чиновники, пользуясь зависимостью от него Корё, решили перевести в янъины всех, кто стал ноби сравнительно недавно. Делалось это не из сочувствия к ноби, а из желания расширить податное сословие и таким образом обеспечить уплату Корё дани юаньским правителям. Угроза лишиться части ноби вызвала недовольство корёских феодалов. Правивший тогда ван Чхуннёль обратился к императору с посланием, в котором возражал против действий юаньских чиновников. Его протест был принят. Всех, кого успели освободить, через два года вновь сделали ноби. Доказывая недопустимость перевода ноби в янъины, Чхуннёль в своем послании привел в качестве главного следующий довод: «В старину наш прародитель предостерегал потомков: „Обычно у этой категории чхонинов их порода требует особой осторожности. Не следует эту категорию причислять к янъинам. Если разрешить причислить ее к янъинам, то впоследствии [чхонины] обязательно поступят на службу, постепенно добьются ответственных постов и учинят смуту в государстве. Если нарушите это предостережение, престол окажется в опасности“» [6, т. 2, с. 717—718]. Изложенная здесь традиционная концепция являлась одной из основ социальной политики господствующего класса. Не только экономические интересы феодалов, но и боязнь классовых потрясений диктовали требование удержать в неприкосновенности «подлое» сословие, не освобождать приписанных к нему людей.

В период Корё получил юридическое оформление порядок наследования повинностей ноби и вообще «подлым» сословием. Принятый в 1039 г. закон устанавливал: «чхонин следует за матерью» [6, т. 2, с. 717]. Это означало, что, если родители принадлежали разным хозяевам, их дети доставались собственнику матери. При смешанных браках (янъина и чхонина) дети наследовали социальный статус матери. Закон о передаче

повинностей «подлого» сословия по материнской линии был подтвержден через много лет — в 1283 г. — указом Чхуннёля [6, т. 2, с. 717]. Указ 1283 г. был вызван ростом числа судебных тяжб и должен был регулировать споры между собственниками ноби. Что касается смешанных браков, то на них закон о наследовании повинностей по материнской линии тогда уже не распространялся. Это видно из упоминавшегося выше послания Чхуннёля юаньскому императору, в котором сообщалось, что человек считается принадлежащим к «подлому» сословию, если к нему принадлежит хотя бы один из его родителей [6, т. 2, с. 718]. Следовательно, даже в том случае, если мать из янъинов, а отец чхонин, их дети причислялись к «подлому» сословию. Такое ограничение действия закона о наследовании повинностей по материнской линии способствовало дальнейшему расширению «подлого» сословия и явилось заметной вехой в процессе феодального закрепощения трудящихся масс.

Корёские законы строго охраняли права собственников ноби. Те, кто уговаривал бежать казенных или частных ноби, а затем продавал их другим людям, в первый раз отправлялись в ссылку на родину, во второй — переводились в разряд простолюдинов [6, т. 2, с. 716]. Беглых ноби сурово наказывали. Совершившим трижды побег выжигали клеймо на лице и возвращали их хозяевам [6, т. 2, с. 717]. С укрывателя беглого брали в пользу хозяина штраф — 30 чхок (чхок — 30,3 см) холста в день. Общий размер штрафа не должен был превышать указанной выше официальной стоимости ноби [6, т. 2, с. 717].

Непрерывный рост численности ноби и всего «подлого» сословия особенно усилился в XIV в. Результатом этого вновь стало интенсивное сокращение податного населения, что, в свою очередь, повлекло за собой ухудшение экономического положения страны. Резко увеличилось количество судебных тяжб между собственниками ноби; правительственные учреждения были завалены жалобами тех, кого насильно сделали ноби. Даже когда власти становились на сторону потерпевших, столичная и местная знать отказывалась освобождать тех, кто незаконно оказывался в крепостной неволе. Но, несмотря на жестокие наказания, ноби на усиление гнета отвечали массовым бегством, активным участием в антифеодальных выступлениях.

* * *

Пришедшие к власти в конце XIV в. феодальные реформаторы во главе с Ли Сонге, ставшим в 1392 г. ваном, отнеслись к вопросу о ноби как к одному из самых важных и неотложных. Среди первых указов Ли Сонге был следующий: «Всякого ноби, заявившего, что он янъин, если он служил долгое время, по-прежнему считать чхонином. Если он... не служил и его принудили стать чхонином, разрешить ему быть янъином. Тот,

кто ослушается указа,— преступник» [13, с. 900]. Указ послужил юридической основой для проводившихся в то время судебных разбирательств.

В 1395 г. было создано Управление по пересмотру статуса ноби (ноби пёнджон тогам), просуществовавшее (с перерывами) более 20 лет. В его задачу входило рассмотрение заявлений тех, кто добивался освобождения из «подлого» сословия. О масштабах деятельности управления можно судить по тому, что в 1414 г., например, его штат насчитывал 100 чиновников, разобравших за один только год около 10 тыс. дел [10, с. 226]. Чиновники в своей деятельности руководствовались указом Ли Сонге: если выяснилось, что несколько поколений предков несли повинности чхонинов, заявителя оставляли чхонином; только того, кто доказал, что сравнительно недавно по принуждению оказался в «подлом» сословии, делали янъином.

Пополнение прослойки свободного населения — лишь один аспект проводившихся с конца XIV в. мероприятий. Кроме того, эти мероприятия вели к сокращению частных и резкому увеличению численности казенных ноби. В этом новые правители Кореи видели дополнительную возможность подорвать могущество оттесненной от власти старой аристократии, укрепить собственные позиции в стране. В 1401 г. было решено оставить родственникам свергнутой династии и высшим сановникам по 20, всем другим — по 10 ноби. Всех остальных ноби (сверх установленных норм) взяли в казну [7, с. 110]. В первой четверти XV в. было проведено несколько реквизиций собственности буддийской церкви, в ходе которых у монастырей отобрали в казну около 80 тыс. ноби [10, с. 227].

Принимались также меры против чрезмерной концентрации ноби в руках знати. Указ 1392 г. категорически запрещал кому бы то ни было дарить своих ноби влиятельным домам и буддийским монастырям. Тем же указом вводились ограничения на куплю-продажу ноби. К ней можно было прибегать лишь в крайних случаях (тяжелое материальное положение, отсутствие средств для выплаты частных и государственных долгов), причем непременно с разрешения властей. Продажа без уважительных причин влекла за собой конфискацию ноби. Наказаниям подвергали также тех, кто не поделил с другими детьми унаследованных от родителей ноби, захватил или укрыл чужих ноби и т. д. [6, т. 2, с. 718—719].

Социальная политика первых правителей династии Ли принесла определенные плоды. Хотя точные данные отсутствуют, все же можно говорить о сокращении общей численности ноби, прежде всего за счет частных. Оставшаяся часть была решительно перераспределена в пользу государства. Некоторое ослабление феодальной эксплуатации в конце XIV — начале XV в., несомненно, коснулось и ноби, в первую очередь казенных. Общее урегулирование всей системы феодальных отношений проявлялось в упорядочении использования труда казенных но-

би, совершенствовании учета и контроля, уточнении наследственных прав владельцев и т. д.

Однако в целом проведенные в Корее с конца XIV в. социально-экономические преобразования не были глубокими и имели кратковременный эффект. Не являлись исключением и преобразования, касавшиеся ноби. Основная причина их неудач крылась в усилившемся росте частной феодальной земельной собственности, особенно крупных ее форм, требовавшей все большего количества подневольного труда. Сказывались и изменения позиций правящей верхушки Кореи. Если на первых порах она вела решительную борьбу со старой знатью по всем направлениям, в том числе и в вопросах владения ноби, то со временем, утвердившись у власти и превратившись в крупнейших земельных собственников, она утратила былой радикализм и более не препятствовала вновь начавшемуся расширению всех категорий зависимого населения, включая ноби.

Как уже говорилось, в результате принятых с конца XIV в. мер значительная часть ноби оказалась в руках государства. На протяжении XV в. их численность увеличилась почти в 3 раза: с 119,6 тыс. в 1417 г. [4, с. 11] до 352,5 тыс. в 1484 г. [13, с. 902]. Общая численность казенных ноби увеличивалась главным образом за счет конфискаций имущества в ходе борьбы враждующих феодальных клик, обращения в ноби семей преступников, взятия в казну имущества одиноких и бездетных после их смерти и т. д. В этот разряд «подлого» сословия попадали и из среды свободных (за долги, в наказание за преступления и т. д.).

Основная масса казенных ноби была приписана ко двору вана и центральным ведомствам. По штатным расписаниям кодекса «Кёнгук тэджон» («Великое уложение для управления государством»), изданного в конце XV в. и вошедшего впоследствии в «Тэджон хвэтхон» («Собрание великого уложения»), самого вана, его ближайших родственников обслуживали около 400 человек (мелкие канцеляристы, повара, прислуга и прочие) [8, с. 445—446]. Высшей знати и всем удостоенным высоких чиновных рангов полагались специальные сопровождающие (от одного до десяти человек), без которых считалось недостойным появляться на улице. Важнейшие столичные учреждения в своих штатах имели 3,5 тыс. ноби, использовавшихся в качестве сопровождающих и для разного рода поручений [8, с. 447—450]. Помимо этого еще большее количество ведомственных ноби находилось в провинциях, время от времени являясь на службу в столицу.

Обширные штаты казенных ноби были предоставлены местным учреждениям. Уездным управам (в зависимости от их категорий) дозволялось иметь от 100 до 600 человек, ставкам воинских начальников — 200 человек, военно-морских начальников — 120 человек. Казенным школам (также в зависимости от категории уезда) выделяли от 10 до 30 ноби, почтовым стан-

циям — от 30 до 50 [8, с. 450]. Таким образом, каждая, даже самая мелкая ячейка государственного механизма Кореи была обеспечена определенным количеством казенных ноби. В совокупности они составляли огромную массу людей, находившихся в кабальной зависимости от государства.

Меры властей по сокращению численности частных ноби довольно скоро пришли в противоречие с потребностями господствующего класса. Для феодалов, в руках которых сосредоточивалось все больше земель, собственность на ноби была главным источником рабочей силы. В одном из докладов вану (1451 г.) следующим образом охарактеризована их роль в феодальном хозяйстве: «Эти ноби трудятся на хозяина, они [для него] вроде рук и ног. Поистине процветание и упадок благородных семей зависят от наличия земли и „сине-красных“ [1]» [10, с. 225].

Примером отказа правителей Кореи от прежней политики может служить снятие в первые десятилетия XV в. ограничений на куплю-продажу ноби. «Кёнгук тэджон» не предусматривал никаких препятствий для таких сделок, требуя лишь одного — совершать их с ведома властей. В противном случае ноби и его стоимость отбирали в казну [8, с. 441]. Акт купли-продажи ноби должен быть оформлен официально в течение 100 дней. Кроме того, давалось 15 дней, чтобы в случае необходимости расторгнуть сделку [8, с. 146]. Устанавливалась единая цена для ноби: от 16 до 50 лет — 4 тыс. листов чохва (бумажных денег), до 16 и свыше 50 лет — 3 тыс. листов чохва [8, с. 441]. По официальному курсу XV в. это равнялось соответственно 200 и 150 пхиль холста [8, с. 145], что выше упоминавшихся ранее цен конца X в.

Несмотря на запрет со стороны государства, не прекращались захват и укрывательство чужих ноби. Кодекс «Кёнгук тэджон» ввел более суровые, чем прежде, наказания за такие действия. Тому, кто захватил у другого ноби или отказался отдать их после решения суда, полагалось 100 ударов палками и три года тюрьмы. У незаконно присвоившего всех доставшихся в наследство ноби его долю отбирали в казну. Государство конфисковывало полученные средства у тех, кто тайком продавал не принадлежавших им ноби [8, с. 441—442]. Но перечисленные строгости не могли остановить посягательство феодалов на чужую собственность. По мере ослабления государственной власти (с середины XV в.) казенные ноби все чаще становились объектом захватов.

Сравнительно недолгой была также действенность мер против закрепощения свободного крестьянства. Уже в XV в. заметным социальным явлением стало насильственное закабаление — апрян вичхон (принуждение янъина стать чхонином). Сложилась и увеличивалась в размерах прослойка людей, которые формально числились янъинами, но на самом деле принадлежали к «подлому» сословию и выполняли соответствующие обязанно-

сти. Таких называли синнян ёкчхон («сам янъин, а повинности чхонина»). К концу XV в. в Корее их было примерно 130 тыс. [5, с. 132].

Еще более распространенной была другая форма закабаления — тхутхак (отдача под покровительство). Не выдерживая бремени налогов и податей, произвола чиновников, крестьяне сами просили местную знать принять их под покровительство, отдавая им за это в полное распоряжение самих себя и свою землю. Практически система «тхутхак» отличалась от «апрян вичхон» лишь тем, что при ней переход в кабальную зависимость совершался по форме добровольно. Хроникальная запись за 1474 г. следующим образом характеризует мотивы подобного закабаления: «Янъины в основном не имеют источников дохода и охотно бы добывали себе пропитание. Заинтересованные в том, чтобы уклониться от повинностей, с радостью становятся пибок (ноби.— *Ю. В.*) и служат до конца жизни» [9, с. 385]. Перешедшие под покровительство феодалов крестьяне образовали группу так называемых тхутхак ноби.

Перечисленные выше источники пополнения «подлого» сословия в первую очередь способствовали росту численности частных рабов. В 1478 г. одно из посланий сообщало вану Сонджону: «Сейчас в простом народе частные чхонины составляют восемь-девять из [каждых] десяти человек, янъины — только один-два» [7, с. 114]. Здесь содержится явное преувеличение (в расчет не приняты казенные чхонины, хотя о них много говорится в послании), но тем не менее это указание может служить свидетельством того, что в последней четверти XV в. доля частных ноби в составе населения Кореи была велика. В течение последующего времени она стала еще более значительной.

Неуклонный рост численности частных и сокращение казенных ноби — две стороны одного и того же процесса: первые увеличивались за счет вторых. Темпы этого процесса можно представить на примере ведомственных ноби. В 1462 г. 140 правительственных ведомств имели в общей сложности свыше 200 тыс. ноби [9, с. 319]. К концу XVI в. численность ведомственных ноби составляла всего немногим более 37 тыс. [13, с. 903]. Основная часть тех, кого лишились ведомства, оказалась в частных руках. Видный государственный деятель начала XVII в. Ким Сиян утверждал: «В нашей стране тех, кто должен [нести] военную повинность, только 150 тыс., а частных чхонинов много — 400 с лишним тыс.» [13, с. 901]. Названные Ким Сияном цифры, вероятно, весьма приблизительны; вряд ли он опирался на данные действительно строгого учета. Однако при самом осторожном подходе они все же позволяют предположить, что в течение XVI в. численность частных ноби превысила численность казенных. Примерно на этом временно́м рубеже государство уступило феодалам господствующие позиции в сфере собственности на ноби.

Рост крупного феодального землевладения сочетался с концентрацией все большего числа ноби в одних руках. Введенные в начале XV в. нормы довольно скоро были забыты. Сам правящий дом владел множеством ноби помимо тех, которые были выделены для его обслуживания государством. Не отставала и высшая знать. В 1518 г. чиновник Лю Ок в беседе с ваном говорил, что некоторые имели тогда по 5—6 тыс. частных ноби. Он требовал положить этому предел, пока в ноби не превратился весь народ [7, с. 179].

Новые правители Кореи постепенно отказывались от политики расширения прослойки свободных простолюдинов за счет «подлого» сословия. Были приняты меры к тому, чтобы не только сохранить численность именно этого сословия, но и увеличить его. Еще в 1417 г. внесенным в государственный реестр казенным ноби было запрещено впредь подавать прошение о переводе в разряд янъинов [4, с. 11]. В конце XV в. кодекс «Кёнгук тэджон» предписал не принимать к рассмотрению в судах такого рода заявления [8, с. 432]. В том же направлении развивалось и законодательство о браках людей разных сословий. Закон 1392 г. не разрешал янъинам брать жен из чхонинов. Нарушителей наказывали, однако родившихся у них детей считали янъинами [6, т. 2, с. 718]. В 1439 г. появилось первое ограничение: если вступившие в незаконный брак в течение трех лет не заявили властям о рождении ребенка или принадлежность отца к янъинам не доказана (неясна соответствующая запись в книгах), ребенка включали в число казенных ноби. В 1461 г. ограничения были усилены: если прежде все дети янъина и женщины из «подлого» сословия становились янъинами, то теперь янъином мог стать только старший сын, всех остальных делали казенными ноби [4, с. 12—13].

Корейские законы не запрещали освобождения ноби за выкуп, в награду за особые заслуги и т. д. Некоторое время в конце XIV в. привилегией свободных наделяли не только отпущенных на свободу, но и их детей. Это задевало интересы собственников ноби. Выражая их взгляды, чиновники одного из столичных ведомств писали вану в 1392 г.: «В отношении освобожденных ноби не думают о дурных последствиях. Имеются такие, кто отпускает [ноби], в том числе и их потомков. У этих потомков вследствие того, что они свободны от повинностей, появляются неподобающие настроения. Присвоив чужое имя, получают должность, вступают в брак с [женщинами] из благородных семей. Из-за этого имена и титулы перепутались. Или же [они] замышляют зло своим хозяевам, не уважают государственных законов, осмеливаются затевать судебные тяжбы» [6, т. 2, с. 719].

В 1405 г. было издано постановление о том, что детям хозяев дозволялось получать право собственности на детей освобожденных ноби. Потомков освобожденных государством за заслуги следовало причислить к казенным чхонинам [4, с. 9]. Это

решение было затем закреплено в «Кёнгук тэджон». Одна из статей кодекса гласила: «Последующие поколения освобожденных от повинностей ноби разрешается потомкам [хозяев] заставить служить» [8, с. 441]. В другой статье говорилось: «На каждого ноби, ставшего за заслуги янъином, возложить повинности казенного чхонина» [8, с. 441]. Даже удостоенные (в награду) перевода в вольное сословие получали лишь формальное освобождение, на деле оставаясь по-прежнему на положении казенных ноби.

Как и прежде, действовало правило о передаче принадлежности ноби по материнской линии. В «Кёнгук тэджон» записано: «Вообще ноби воспринимают повинности по материнской линии. Только если чхонин взял в жены женщину из янъинов, дети воспринимают повинности от отца» [8, с. 433]. Статья кодекса узаконила сложившийся ранее обычай делать ноби детей от брака чхонина и женщины из янъинов. Наряду с изложенным выше правилом о превращении в ноби детей (кроме старшего сына) янъина и женщины из чхонинов эта статья закона практически закрывала выход из «подлого» сословия, способствовала его расширению.

Наследование статуса ноби по отцу и матери, приводившее к сокращению сословия янъинов, на котором держались налоговая и податная системы, воинская повинность, постоянно вызывало в Корее протесты. Упоминавшийся нами чиновник Лю Ок в 1518 г. говорил: «Если частные чхонины следуют и за матерью, и за отцом, то их с каждым днем становится все больше, а янъинов с каждым днем все меньше. Даже сократился воинский реестр... Эти пороки в будущем приведут к тому, что даже не будет янъинов. Я думаю передать это на обсуждение сановников. Если все без исключения казенные и частные чхонины будут следовать за матерью, [число] янъинов постепенно увеличится» [7, с. 177—178].

Вопрос этот не был решен в 1518 г. и оставался столь же злободневным еще многие годы. Видный ученый и государственный деятель Кореи Ли И (1536—1584) высказывался по этому поводу на одном из приемов во дворце: «Государство в отношении частных чхонинов установило закон. Единственная несправедливость, что они следуют и за матерью, и за отцом. Вред от этого дошел до того, что янъины все попадают в частные дома, и [количество] несущих военную повинность уменьшается день ото дня». Состоявшаяся тогда дискуссия среди придворных вновь не привела к положительному результату [13, с. 903].

Казенные ноби наряду с крестьянами-янъинами являлись главным объектом эксплуатации со стороны государства. Кодекс «Кёнгук тэджон» предусматривал строгие меры контроля за казенными ноби [8, с. 432—434]. Каждые 20 лет полагалось составлять «Чонъан» («Генеральный реестр»), в который вносились подробные данные о ноби (имя и фамилия, год рожде-

ния, сведения о предках и т. д.). Раз в три года реестр проверялся местными властями и ревизорами из столицы. «Чонъан» составлялся в трех экземплярах и хранился в хёнджо (Палате наказаний), ыйджонбу (Государственном совете) и чанъевон (Ведомстве по делам ноби). В каждом столичном учреждении, в провинциальных и уездных управах имелись свои списки ноби. Насколько строг был контроль властей, можно судить по правилам о регистрации умершего ноби. Получив известие о его смерти, чиновники столичных ведомств и местные чиновники (если ноби приписан к столице), а в остальных случаях — начальник уезда должны были лично удостовериться, опросив официальных лиц, родственников и соседей покойного. Лишь после этого составлялось свидетельство о смерти, копии которого хранились в хёнджо, ведомстве или уезде, которым принадлежал ноби, а также в его семье. Попытки выдать живого ноби за умершего и освободить его таким образом от повинностей сурово наказывались.

Местные власти были обязаны доносить в столицу о каждом случае бегства ноби. Оттуда уведомления о поимке рассылались во все провинции. Если обнаруживалось, что беглец на новом месте работает на государственное учреждение, его не трогали и только вписывали в реестр данного уезда. Остальных (особенно бежавших из столицы) следовало схватить и возвратить владельцам. С частных лиц, укрывших и использовавших труд казенных ноби, взимали штраф за каждого в день по 6 листов чохва (предельная сумма сбора равнялась покупной цене ноби). Соответствующие убытки взыскивали и с самого беглеца.

Как средство борьбы с бегством применялась круговая порука. На каждые десять ноби назначался один ответственный. За побеги наказывали ответственных, а также местных чиновников и даже ближайших соседей. Всячески поощрялось доносительство. «Кёнгук тэджон» установил следующие награды за доносы: «Сообщившему о скрывшихся и пропущенных [при переписи] ноби за каждых четверых дать в вознаграждение одного. За трех и менее дать в вознаграждение ежегодно взимаемую [с ноби] подать и чохва» [4, с. 12—13].

Участившееся с середины XV в. бегство казенных ноби вынудило правительство создать в 1459 г. чхусвэ тогам (Управление по расследованию), которое должно было проверить регистрационные книги и обеспечить розыск беглецов. В результате проведенной им проверки выяснилось, что число беглых ноби превышало 100 тыс. [4, с. 13]. Пытаясь привлечь к поимке беглых самих ноби, обещали тех из них, кто донесет о четырех беглецах, освобождать от повинностей. Явившимся с повинной гарантировали прощение. Но даже этими льготами не удавалось сдерживать бегство казенных ноби. В 1484 г. чхусвэ тогам упразднили. Его неоднократно создавали снова, но всякий раз закрывали ввиду неэффективности его деятельности.

Главная для казенных ноби повинность — трудовая. Государство видело в них важный источник обеспечения рабочей силой, более выгодной и доступной, чем свободное крестьянство. Ноби составляли обслуживающий персонал учреждений, выполняя всю черную работу. Для нужд государства они добывали полезные ископаемые, заготовляли строительные материалы, занимались охотой, рыболовством, сбором лекарственных растений и т. д. В значительной мере трудом ноби осуществлялось в стране обширное строительство. На их долю приходилась существенная часть из общего числа (6,5 тыс.) мастеров, занятых в казенном ремесле [1, с. 192]. Но основной сферой приложения труда казенных ноби все же являлось земледелие. Многие участки земель, принадлежавшие центральным и местным государственным учреждениям (тунджон), обрабатывали ноби. Так, например, в 1425 г. участок тунджон в уезде Пуё (провинция Чхунчхон) обрабатывали свыше 300 казенных ноби [7, с. 59]. Уровень эксплуатации ноби на государственных землях был много выше, чем уровень эксплуатации на тех же землях свободных крестьян. Это можно видеть из существовавших в начале XV в. правил ведения дел на тунджонах, к обработке которых часто привлекалось и окрестное население. Крестьяне получали для посева на семью (в зависимости от ее состава) от 1 до 3 ту (мера объема, 18 л) семян с обязательством осенью поставить казне в 5 раз больше зерна. Для казенных ноби нормы были иные: 10 ту семян на взрослого мужчину, 3 ту — на взрослую женщину. Осенью они должны были сдать казне в 10 раз больше зерна [7, с. 58].

Все казенные ноби в возрасте от 15 до 60 лет обязаны были нести повинности. Исключение делалось лишь для тяжелобольных, инвалидов, а также для некоторых членов семей, где в повинностях заняты более трех детей или имелись престарелые родители. Организация повинностей базировалась на общепринятом в Корее правиле: один человек отправлялся на службу, двое других прикреплялись к нему в качестве понджок (помогающих). В обязанности последних входило содержать работающего во время несения им повинностей. В «Кёнгук тэджон» на этот счет записано: «Хосу (сборщик налогов.—*Ю. В.*) каждый год получает с понджок по 1 пхиль хлопчатобумажной ткани и хорошего холста» [8, с. 432]. Судя по этой статье закона, платежи понджок являлись обычным налогом, который государство само собирало и использовало для содержания тех, кого оно призывало на службу в столицу. Уездным ноби понджок не полагался.

Закон предусматривал посменное привлечение казенных ноби к повинностям: «В столице разделить [всех ноби] на две смены и по очереди возлагать повинности. Вне [столицы] разделить на семь смен и по очереди набирать в столицу» [8, с. 432]. В соответствии с этим устанавливались и сроки повинностей. Жившие в столице ноби поочередно работали в своих ведомствах —

каждая смена в течение месяца; в итоге шесть месяцев в году. Из провинций следовало призывать в столицу ноби раз в 3,5 года; каждая смена трудилась шесть месяцев. Но это правило могли выполнять только крупные ведомства, обладавшие большим количеством ноби. Многие ведомства, незначительные по масштабам, имели мало ноби и заставляли их являться на службу каждый год, т. е. практически регулярно через полгода.

Все злоупотребления с повинностями казенных ноби сурово карались. Тому, кто был назначен к отправке в столицу, но пытался уклониться, полагалось 80 ударов палками. Если ведавший ноби местный чиновник не обеспечил их своевременной отправки, он получал 100 палок и три года тюрьмы, а начальника уезда следовало судить за это как нарушителя указа государя. Наказание в 100 ударов палками ожидало местного чиновника, пытавшегося за взятку заменить одного ноби другим [8, с. 432—433]. Помимо трудовой повинности на казенных ноби возлагалась также особая подать (ногон или сингон). Ее размеры определены в «Кёнгук тэджон»: с мужчины — 1 пхиль хлопчатобумажной ткани и 20 листов чохва, с женщин — соответственно 1 пхиль и 10 листов [8, с. 150]. Подать платили только провинциальные ноби в возрасте от 16 до 60 лет. От нее освобождали тяжелобольных, инвалидов, а также тех, кто был взят на службу в столицу или назначен понджоком [8, с. 433]. Последнее обстоятельство позволяет считать, что подать являлась своего рода откупным платежом для тех ноби, которые в данном году не были связаны с трудовой повинностью. Учитывая, что облагались все взрослые члены семьи, следует признать, что эта подать была для казенных ноби весьма тяжелой.

Законодательство XV в. обошло своим вниманием частных ноби. Государство заботилось только о взаимоотношениях собственников по поводу наследования, купли-продажи ноби и т. д., обеспечении контроля государства за этими актами. Во все остальное оно не вмешивалось, оставляя частных ноби целиком во власти их хозяев. Как и прежде, собственники ноби были лишены только права на жизнь ноби. В 1444 г. последовал указ, подтверждавший передачу судебных функций собственникам ноби. «Закон о том, что, когда ноби совершил преступление, хозяин определяет ему наказание,— говорилось в указе,— действует долгое время, и его нелегко отменить». Не аннулируя этого закона, указ вновь подчеркнул, что, каким бы ни был проступок ноби, хозяин мог прибегнуть к высшей мере наказания лишь с разрешения властей. В противном случае он сам подлежал наказанию (до 100 ударов палками, год каторги и т. д.). Если убийство ноби к тому же совершалось особо жестоким способом (с применением тяжких пыток), всех ноби данного хозяина следовало отобрать в казну [5, с. 49—50].

Государство со своей стороны постоянно делало все, чтобы

сохранить и упрочить власть хозяев; за этим ревниво следили губернаторы провинций, начальники уездов, многочисленное чиновничество, сами владевшие ноби. Создаваемое время от времени Чхусвэ тогам наряду с казенными вылавливало и беглых частных ноби, возвращая их хозяевам. Сурово преследовалась всякая попытка ноби защитить себя. В конце XV—начале XVI в. был издан закон, по которому частного ноби за жалобу на своего хозяина следовало судить как за клевету [13, с. 902]. В доступных нам источниках и литературе нет сведений о положении частных ноби. Нетрудно себе представить, что оно было тяжелым. Продолжительность и интенсивность их труда целиком зависели от воли хозяев, которые, естественно, стремились выжать максимум выгоды. При этом они меньше всего заботились об условиях их существования и труда. На частных ноби не распространялись даже те частичные послабления, которые государство предоставляло казенным ноби (ограничение срока несения повинностей, освобождение по болезни, в связи со старостью родителей и т. д.).

И все же современники считали, что жизнь у частных ноби легче, чем у казенных (и даже чем у свободных крестьян). Главную причину видели в том, что они не подлежали обложению государственными повинностями, меньше страдали от произвола и вымогательств чиновников. Это хорошо показано в одной из петиций вану 1478 г. (мы ее отчасти уже цитировали): «Живущие в довольстве и богатстве — это все частные чхонины. Живущие в бедности и лишениях — это все казенные чхонины и янъины... Обычно, если имеются государственные повинности, их все приказывают возложить на казенных чхонинов и янъинов и не распространяют на частных чхонинов. Янъины и казенные чхонины не в состоянии справиться и потому бегут и нанимаются в частные чхонины. Хотя из поколения в поколение передавались земля и дом, но их также не могут сохранить, и они полностью переходят к влиятельным семьям. Вследствие этого частные чхонины каждый день живут в спокойствии и богатстве. Прибыль у них, а соседи лишаются крова...» [7, с. 114]. Весьма сомнительно описанное здесь благополучие частных чхонинов. Безусловно, их жизнь не была такой уж обеспеченной и спокойной. Но нельзя не согласиться, что казенным чхонинам и даже крестьянам-янъинам приходилось значительно труднее. Замученные множеством повинностей, притеснениями и поборами местных чиновников, многие из них предпочитали отдаваться под власть «влиятельных семей», чтобы иметь дело с единственным эксплуататором. В этом одна из главных причин роста численности частных ноби, начавшегося в XV в. и затем постепенно усиливавшегося.

Мы уже говорили, что часть ноби (вэго ноби) обрабатывала землю своих хозяев, рассчитываясь с ними определенной долей урожая. Происходивший в XV в. общий подъем сельского хозяйства в Корее, несомненно, сказывался и на положении этой

части ноби. Более весомой становилась остававшаяся у них доля урожая, что способствовало укреплению принадлежавшего им хозяйства. Не случайно в конце XV в. среди частных ноби даже появились настоящие богачи. Когда в 1485 г. правительство, столкнувшись с экономическими трудностями, объявило сбор зерна по подписке, обещая за это повышение в должности и прочие привилегии, некоторые чиновники внесли в казну по 100 соков (мера объема, 180 л). А частные ноби Имбок (из Чинчхона в провинции Чхунчхон) и Кадон (из Нампхёна провинции Чолла) подписались каждый на 2 тыс. соков, надеясь такой ценой добиться освобождения. Но власти обманули их ожидания — возвратили зерно и оставили их в неволе [7, с. 156—157]. Таких богачей, конечно, было немного, но сам факт их существования свидетельствовал о некотором экономическом усилении частных ноби.

Материалы XV в. позволяют коснуться вопроса о землевладении людей «подлого» сословия, в том числе и ноби. Принятый еще в 1389 г. закон о кваджон (ранговых наделах), долгое время определявший всю феодальную земельную систему, не разрешал, чтобы казенные и частные чхонины, «сами и их потомки», получали землю. Тем самым законодатели конца XIV в. отказались распространить на «подлое» сословие восстанавливаемую в то время надельную систему. Впоследствии этот запрет не соблюдался, и казенные ноби нередко были в числе людей, получивших от государства землю за службу (в качестве прислуги на почтовых станциях, переправах, в усыпальницах членов правящего дома и т. д.).

Реальная действительность XV в. и последующего времени давала людям «подлого» сословия некоторые возможности для приобретения земли. Обрабатывая поля своих хозяев, они могли возделать для себя участки целины. Наиболее состоятельные не лишались права наравне со всеми покупать землю. В исключительных случаях государство жаловало казенным ноби землю за особые заслуги. Чиновникам, не имевшим наследников, дозволялось завещать имущество (видимо, включая и землю) своим ноби, чтобы те совершали жертвоприношения в память о хозяевах.

В зависимости от ранга чиновников таких ноби могло быть четыре-шесть [8, с. 208]. Феодальное законодательство официально признало и даже пыталось обеспечить неприкосновенность землевладения людей «подлого» сословия. В 1459 г. чиновники хёнджо обратились к вану со следующей петицией: «„Соннюкчон" (дополнения к кодексу конца XIV в.— *Ю. В.*) гласит: „Когда ноби обрабатывает землю хозяина, после его смерти следует возвратить ее хозяину. Когда это своя земля, если есть дети, отдать детям, если нет детей, отдать хозяину". Просим отныне с ноби и имуществом частного чхонина, вступающего в брак с казенным или частным чхонином, обращаться согласно правилам о земле. Если хозяин силой захватит иму-

щество и ноби тех, у кого есть дети, разрешить потомкам подавать жалобу». Ван одобрил это предложение [7, с. 117].

Из петиции видно, что в Корее XV в. четко различались хозяйские владения и собственная земля людей «подлого» сословия. Последняя в обязательном порядке передавалась по наследству. Но наследниками названы лишь дети покойного. Вероятно, это должно было гарантировать постоянное нахождение земли в руках только тех, кто принадлежал данному хозяину. Вместе с тем закон ограждал эту землю от посягательств хозяев, разрешив потерпевшим искать защиты у государства. Петиция также ясно показывает, что «подлое» сословие не было социально однородным. Часть его владела не только землей и прочим имуществом, но и даже собственными ноби.

Приведенные выше правила касались частнозависимых «подлых». «Кёнгук тэджон», восприняв эти правила, распространил их и на зависимых от государства: «Если у казенного чхонина нет детей и он умер, его ноби, земля и дом принадлежат данному ведомству, данному уезду. Если это частный чхонин, разрешить его имуществом распоряжаться хозяину» [8, с. 433]. Закон определял участь земли и имущества бездетных чхонинов, подразумевая бесспорные права прямых потомков, если те имелись. Вряд ли следует думать, что землевладение «подлого» сословия имело крупные масштабы. Собственные земли могли быть у сравнительно небольшой части состоятельных людей, прежде всего из числа тех, которые принадлежали правящему дому и находились в более привилегированном положении. Общий процесс обезземеливания крестьянства наверняка затрагивал и эту категорию землевладения, сокращая и без того скромные её размеры. Но сам факт ее существования немаловажен: он создавал условия для подрыва всей системы социальных отношений, связанных с «подлым» сословием.

* * *

В истории Кореи период с XVII в. — это время, когда все более явственно обнаруживалось постепенное разложение феодального строя. Оно проявлялось в нарушении натуральной замкнутости феодального хозяйства, росте товарно-денежных отношений (к концу XVIII в. в стране возникли отдельные элементы капиталистических отношений), соответствующих изменениях в аграрном строе, социальной структуре общества, включая «подлое» сословие, к которому принадлежали ноби. С начала XIX в. Корея вступила в полосу затяжного кризиса всей феодальной системы, вызывавшего многие социальные потрясения, крупнейшим из которых была крестьянская война 1893—1894 гг.

Имджинская война против японских завоевателей (1592—1598), нанесшая огромный урон Корее, в известной мере ускорила происходивший исподволь процесс ослабления тради-

ционного правопорядка, регулировавшего эксплуатацию «подлого» сословия. В условиях войны само государство вынуждено было нарушать существовавшие правила. В 1593 г. власти отдали приказ о наборе в армию частных ноби. Возражая тем, кто протестовал против такого решения, один из ведущих государственных деятелей того времени, Лю Соннён, говорил: «Поскупиться отдать два-три раба — [значит] желать поражения государству» [13, с. 903]. Какая-то часть ноби официально была освобождена и получила статус янъинов за то, что поставляла государству рис, лошадей, железо на военные нужды [13, с. 904]. Захватившие Сеул японские войска сожгли Хёнджо и Чанъевон, где хранились списки казенных ноби, что усилило неразбериху в их учете и установлении повинностей.

После окончания Имджинской войны корейские власти приняли некоторые меры к тому, чтобы восстановить и упрочить господство государства и феодалов над «подлым» сословием. Основные из этих мер были затем обобщены в новом кодексе «Соктэджон» («Продолжение великого уложения») [8, с. 434—436], изданном в 1746 г. и дополнившем «Кёнгук тэджон».

Кодекс предписывал каждому ведомству регулярно обследовать своих ноби. Во время периодически (как правило, 2 раза в год) проводимых ваном перемещений чиновников по службе ему должны были докладывать и о положении дел с казенными ноби. Обо всех освобожденных от повинностей по старости и умерших ноби уезды срочно сообщали в Чанъевон. Задержка с отправкой необходимых документов свыше трех месяцев грозила начальнику уезда увольнением. Виновных в подделках (включение недавно родившихся в список умерших и т. д.) подвергали 100 ударам палками и отправляли в дальнюю ссылку. Строгие наказания полагались также за погрешности при составлении податного реестра ноби. Пропустившему в списках трех и более человек канцеляристу назначали 100 палок и три года тюрьмы, в отношении начальника уезда начинали следствие. За пять и более пропущенных человек канцелярист получал 100 палок и дальнюю ссылку, а начальник уезда — отставку. За десять и более — наказание увеличивалось. По этому же примеру наказывали сделавших неправильную запись и другие мелкие проступки (за семь неверно записанных ноби — как за троих пропущенных и т. д.).

Как и прежде, сурово каралось укрывательство беглых ноби (в равной мере казенных и частных) с целью использовать их труд. Невзирая на количество ноби и проведенное ими в данном хозяйстве время, укрывателя после 100 ударов палками заключали в тюрьму на три года, с него взыскивали стоимость повинностей ноби. Начальника уезда, должностных лиц волости и деревни, очевидцев, которые не донесли, судили как нарушителей указа государя. Показательно, что закон особо оговаривал случаи укрывательства казенных и частных чхонинов казенными и частными чхонинами, установив им за это

одинаковые со всеми остальными наказания. В «Соктэджон» сохранилось введенное ранее поощрение за доносы о беглых ноби, уменьшились лишь размеры награды: доносителю давали одного ноби за каждые шесть душ, но всего не более пяти. За пять и менее душ выдавали трехлетнюю подать с соответствующего количества ноби. Казенному чхонину, если он донес на 30 и более человек, полагалось освобождение из «подлого» сословия. Такая же награда следовала частному чхонину, если он донес властям на беглого казенного чхонина. В случае безосновательного освобождения чиновник подлежал увольнению от должности, а освобожденный — возвращению в чхонины.

Виды повинностей казенных ноби, организация их выполнения в XVII в. и в последующее время оставались примерно теми же, что и прежде. Но уровень эксплуатации определенно возрос (вследствие роста потребностей государства, сокращения численности принадлежавших ему ноби и т. д.). Особенно обременительной для ноби стала подать. Чиновник Ли Данха в докладе вану 1667 г. сообщал, что в то время но платил 2 пхиля, а би — 1,5 пхиля хлопчатобумажной ткани [13, с. 905] (т. е. соответственно в 2 и 1,5 раза больше, чем по законам XV в.). Названные им нормы затем были закреплены в кодексе «Соктэджон» [8, с. 444].

Установленные законом нормы, вероятно, были всего лишь общим критерием и не обязательно выплачивались тканью. В одном из указов начала XVIII в. отмечалось, что в уплате ноби податей нет единого правила. В разных местах их вносили по разному: железом, деньгами, маслом, тканями из хлопка, конопли и рами (китайской крапивы), бумагой, рисом и т. д. [13, с. 907]. Видимо, во всех этих случаях проводился соответствующий перерасчет (исходя из стоимости хлопчатобумажной ткани), что давало чиновникам возможности для махинаций.

Подати усугублялись множеством дополнительных поборов. «Если их (т. е. ноби.— *Ю. В.*) подношения старостам, столичным и провинциальным канцеляристам,— говорилось в упоминавшемся выше докладе Ли Данха,— а также [взносы] продовольственных припасов, бумаги и прочих предметов все вместе подсчитать, то уплачиваемое за год одним человеком почти [равняется] стоимости одного вола. В одной семье иногда много людей и приготовить [средства] к уплате нет возможности». Согласно действовавшим издавна правилам подати за беглых обычно возлагали на близких родственников, отчего тем также приходилось бежать. «Не подвергшихся этому злу,— писал в заключение Ли Данха,— видимо, очень немного» [13, с. 905].

В то время подати были тяжелейшей формой эксплуатации не только для ноби. Растущее недовольство крестьян вынудило правительство принять ряд мер по смягчению податного гнета. Некоторые из них касались ноби. Еще в 1667 г. взимаемую с мужчин и женщин подать сократили на $1/2$ пхиля [1, с. 281], в 1775 г.— еще на столько же. В 1774 г. был издан указ, вообще

отменявший подать с женщин-би, кому бы они ни принадлежали. Мужчинам она была оставлена в размере 1 пхиля [13, с. 909]. Сокращение подати не принесло ноби заметного облегчения. На смену одним платежам появлялись другие, не менее тяжкие. О том, что к концу XVIII в. положение ноби не улучшилось, видно из доклада Юн Чхедона, начальника уезда Поын (провинция Чхунчхон): «Скажем хотя бы о нашем уезде. Подать с но: с каждой души основная подать в деньгах 2 яна (денежная единица, 100 медных монет.— *Ю. В.*) 3 чона (медных монет.— *Ю. В.*), ёкка (плата представителю губернской управы в столице.— *Ю. В.*) — денег 5 чонов. Подать с би: хотя и говорится, что уменьшена, но также имеют под названием „ёкка" с каждой души по 3 чона. Каждый год взимают, и нельзя говорить, что полностью сократили» [13, с. 910].

В условиях ускорившегося в Корее с XVII в. ослабления феодального правопорядка изложенные выше законодательные меры не могли дать ожидаемого эффекта. Никакие суровые наказания не в состоянии были сохранить традиционную систему феодального господства над «подлым» сословием, остановить ее разложение. Одним из признаков последнего являлось непрекращавшееся бегство казенных и частных ноби. Рост числа беглых приводил к усилению гнета в отношении тех, кто оставался на месте. Как отмечал в своем докладе Юн Чхедон, «один человек иногда платит подать за трех-четырех родственников. Его силы неизбежно иссякают, и [он] непременно [также] убегает» [13, с. 910].

Сравнительно быстрыми темпами продолжалось увеличение численности частных ноби за счет казенных ноби и свободных простолюдинов. Крупнейшим собственником являлся сам правящий дом. Принадлежавшим ему имуществом, в том числе ноби, ведало специальное ведомство — нэсуса. Сложившаяся в XVII в. практика пожалований ноби «заслуженным сановникам» была затем закреплена в кодексе «Соктэджон». Семьи знати обращались с заявками в Чанъевон, чиновники которого докладывали вану, и тот санкционировал пожалование. «Заслуженным сановникам» первого ранга выдавали 13 ноби и 7 слуг (из числа ноби местных учреждений), второго ранга — 9 ноби и 4 слуг, третьего ранга — 7 ноби и 2 слуг. Видимо, пожалования делались на длительные сроки, поскольку кодекс конца XVIII в. «Тоджон тхонпхён» («Общий свод великого уложения») предписал давать сановникам ноби и слуг лишь во временное пользование [8, с. 436—437]. Умерших и беглых ноби правящая верхушка обычно возмещала за счет ноби, приписанных к центральным ведомствам. Особенно активно пользовались этим члены семьи самого вана. Видный государственный деятель конца XVII в. Нам Гуман в одном из своих посланий вану указывал, что по правилам детям вана, когда они становятся взрослыми, жалуют не более 10 душ. Но для восполнения умерших и беглых стали особо дарить по 300 душ.

Применение такой практики приводит к тому, что «в одном дворце (детей вана.— *Ю. В.*) 300 душ разрастаются до нескольких тысяч душ» [13, с. 905].

Феодальная знать, не довольствуясь тем, что получала от вана, сама разными способами добывала ноби. Как отмечал в 1652 г. ведавший ноби чиновник, «заслуженные сановники» добивались, чтобы ноби местных учреждений под любыми предлогами приписывали к столичным ведомствам, надеясь потом прибрать их к своим рукам [13, с. 904]. Не случайно в кодекс «Соктэджон» пришлось включить статью, запрещавшую передачу ведомствам учрежденческих ноби и требовавшую вернуть их по принадлежности [8, с. 437].

Нередко ноби присваивали посредством прямого насилия. В конце XVII в. про одного родственника правящего дома писали, что он, «полагаясь на милость вана, нагло своевольничал, захватывал людей; рабов у него было несколько сот душ». Местные власти не решались иметь с ним дело и лишь начальник уезда Пондок Ким Седжон осмелился проверить документы, возвратив незаконно захваченных ноби их хозяевам [13, с. 905]. Видимо, ответные действия членов семьи этого аристократа перешли границы допустимого, если пришлось вмешаться вану, который наказал виновных.

Государственные поборы и повинности, грабительские действия чиновников вынуждали казенных ноби, как говорилось выше, искать покровительства (тхутхак) «влиятельных семей». Самой влиятельной в стране была семья самого вана. Принадлежавшие ей ноби, которыми управляло нэсуса, обладали привилегированным (насколько было возможно для людей этого сословия) положением в силу неограниченного могущества своих хозяев. Это обстоятельство прельщало не только казенных, но и частных ноби. В результате постоянно увеличивалось число тех, кто стремился перейти под покровительство нэсуса. Со временем это приняло такие масштабы, что даже потребовались репрессивные меры против незаконного перехода в ведение нэсуса. В «Соктэджон» была включена статья: «Тех казенных и частных чхонинов, а также подчиненных уездных начальников, которые бросят своих хозяев, свои учреждения и перейдут под покровительство нэсуса, до конца их жизни конфисковать и сделать учрежденческими ноби пограничных уездов» [8, с. 437]. Сомнительно, чтобы даже пожизненная ссылка на границу для нелегкой службы в местных учреждениях могла остановить тягу войти в состав ноби нэсуса, избавлявшую людей хотя бы от произвола алчных чиновников. По этим же причинам росло число частных ноби у других «влиятельных семей».

В руках своего хозяина ноби по-прежнему оставался одушевленным имуществом, с которым он мог поступить как ему заблагорассудится. Ослабление контрольных функций государственного аппарата, нежелание чиновников добиваться выполнения существующих законов приводили к тому, что хозяева

позволяли себе безнаказанные расправы с неугодными им ноби, не останавливаясь даже перед прямым убийством. В этом отношении интересна история самовольной казни ноби, совершенной видным конфуцианским деятелем и сановником конца XVIII в. Ли Согу. Эта история произошла в период, когда Ли Согу был еще молод, но уже известен в кругах конфуцианцев Сеула: «Вдруг в помещении для слуг послышался сильный шум: кто-то бранил Канъсана (псевдоним Ли Согу.— *Ю. В.*) и непочтительно называл его. Не меняя выражения лица и голоса, Канъсан позвал суно (старшего ноби.— *Ю. В.*) и спросил: „Некий Хан снова напился и бесцеремонно ведет себя? Я дважды прощал его преступления, но он не раскаялся в старых привычках и даже в третий раз совершил преднамеренное преступление. Это преступление затрагивает моральные принципы. Ты вместе с [другими] но отведи его под охраной за ворота Сугумун, забейте его батогами, потом приди и доложи". Через некоторое время после того, как это распоряжение было выполнено, суно вошел и доложил: „У ворот просит аудиенцию хёнджо сори (канцелярский служащий.— *Ю. В.*)". Канъсан велел ему войти и спросил о цели посещения. Тот ответил: „Пхандан тэгам (общее наименование начальников Палат и градоначальника Сеула.— *Ю. В.*) только что начали рабочий день, как услышали о том, что за воротами Сугумун [обнаружен] труп, залитый кровью с головы до ног. Разузнали, что он слуга этого дворца. [Вы] не доложили в присутствие, самовольно забили его до смерти. Это незаконно"». После объяснений Ли Согу, что он «постеснялся» докучать своими делами властям, было принято решение не наказывать его, учитывая, что это «молодой и выдающийся конфуцианский ученый» [5, с. 59—60].

Рассказанная выше история, свидетельствующая о жестокости корейских феодалов, даже из среды моралистов-конфуцианцев, в то же время наглядно показывает беззащитность частных ноби перед хозяевами. Но из этого вовсе не следует, что в XVIII в. собственники ноби наконец получили полную власть над жизнью и смертью ноби. Прежние законы, ограничившие эту власть, никто не отменял, они действовали, хотя отвечавшие за их соблюдение чиновники не проявляли должной требовательности к нарушавшим законы именитым людям.

Развитие всей системы ноби в Корее периода позднего феодализма происходило сложным и противоречивым путем. С одной стороны, как мы видели выше, делались попытки сохранить и упрочить закабаление ноби, увеличить их эксплуатацию. Массовый переход ноби из государственной в частную собственность отнюдь не означал общего сокращения «подлого» сословия. Напротив, его состав расширялся, поскольку в него постоянно попадали разорившиеся люди из свободных простолюдинов.

Но, с другой стороны, одновременно подспудно шел процесс постепенного разложения системы ноби. Хотя потребность

в труде ноби все еще была велика, но труд этот становился все менее эффективным. Рост товарно-денежных отношений оказывал влияние и на положение «подлого» сословия, позволяя некоторой его части укрепить свои экономические позиции. В результате активизировалось втягивание этого сословия в обострявшуюся классовую борьбу, усиливались его требования покончить с социальным неравенством. Терявшее престиж феодальное государство утрачивало возможности по-прежнему держать «подлое» сословие в повиновении. Это проявилось, например, в неспособности государства прекратить бегство ноби, в вынужденном уменьшении их податного обложения и т. д. Свидетельством отмеченного выше процесса являлось участившееся освобождение из «подлого» сословия. Один из чиновников говорил по этому поводу: «После Имджинской войны то ли за военные заслуги, то ли за поставки риса постоянно разрешали освобождать чхонинов. Грубых проделок [при освобождении] стало еще больше. Доходит до того, что сравниваются со сдавшими экзамен на чин, [носящими на шляпах] нефритовые шарики (отличительный знак чиновников.— *Ю. В.*). Поэтому пренебрежительно относятся к знатным семьям, презирают своих хозяев. Даже случаются убийства» [13, с. 903].

Со временем освобождение из «подлого» сословия приняло еще более широкие размеры. Иногда к нему прибегали в вознаграждение за военные заслуги. Так, в 1614 г. освободили часть воинов из чхонинов в северной провинции Хамгён, подвергавшейся набегам маньчжуров [11, с. 302]. Но гораздо чаще делали это за поставку казне зерна. В 1641 г., например, за взносы зерна для пополнения военного провианта разрешали чхонинам стать янъинами, освобождали от наказания преступников [11, с. 309]. Подобные решения в XVII—XVIII вв. принимались много раз. Губернатор провинции Пхёнан Хон Сокпо в 1726 г. на приеме у вана указывал на распространенность освобождения людей «подлого» сословия, которое он считал «прощением за пустое дело». Хон Сокпо тогда отметил наличие нескольких видов освобождения: напка мёнчхон (освобождение из чхонинов за уплату цены), тэби мёнчхон (освобождение из чхонинов с заменой одной женщины-би другой), поджин мёнчхон (освобождение из чхонинов за уплату задолженности), чинго мёнчхон (освобождение из чхонинов за донос) и т. д. [13, с. 907].

Широкие масштабы освобождения потребовали создания соответствующего законодательства. Кодекс «Соктэджон» предусматривал полное избавление от крепостного состояния, а также освобождение от повинностей и уплаты подати за боевые заслуги и уплату зерна. В любом случае должен был составляться официальный документ с санкцией вана. Освобождение из «подлого» сословия за заслуги помимо самого удостоенного распространялось на его родителей, жену, братьев, детей и их жен и мужей. Видимо, в остальных случаях этот перечень был

меньше. Закон требовал карать как за самое тяжкое преступление чиновников, уличенных в подлогах, и возвращать в таких случаях освобожденных в «подлое» сословие [8, с. 435—436].

Некоторые категории ноби вообще запрещалось освобождать (тех, кто принадлежал конфуцианской академии Сонгюнгван, столичным и провинциальным казенным школам, а также ведомству, отвечавшему за организацию во дворце вана церемоний жертвоприношений). Даже за особые заслуги их следовало награждать как угодно, только не снятием с них повинностей чхонинов [8, с. 437]. Видимо, такое ограничение исходило из стремления оградить интересы правящего дома и казенных учебных заведений, вытеснявшихся частными школами.

Одним из наиболее распространенных способов освобождения был выкуп. Он применялся издавна, но особенно после XVII в. в связи с тем, что у «подлого» сословия появилось для этого больше материальных возможностей. Выкуп обычно совершался либо уплатой владельцу определенных средств (в XVII в. зерна, затем все чаще денег), либо посредством «подушной замены», т. е. наймом вместо себя человека, который за соответствующее вознаграждение соглашался нести повинности ноби. Понятно, что лишь самые неимущие решались на это, пополняя таким образом ряды «подлого» сословия. Правила выкупа также были записаны в «Соктэджон» [8, с. 455].

При подушной замене следовало предварительно проверить имя и возраст заменяющего. Разрешалось принимать лишь мужчину за мужчину, женщину за женщину. В 1718 г. по докладу главы Ходжо Квон Санъю было принято решение, что, если в течение трех лет заменяющий сбежит, выкупившегося надлежало вернуть в чхонины [13, с. 907]. «Соктэджон» включал другое правило: вернуть его в чхонины и в том случае, если в пределах десяти лет заменяющий умрет. Строгие наказания предусматривались за подделки при замене: причастным к махинациям полагалось 100 палок и ссылка, начальнику уезда — отставка с лишением чинов и званий, губернатору — увольнение. Несколько менее строго судили за ложный выкуп [8, с. 455].

Выкупная цена была велика. С ремесленников, например, разрешалось брать не более 100 ян денег. Видимо, это была общая ставка, поскольку в законе сказано: «Цена выкупа в янъины частных ноби такая же». Судя по предупреждению, что взимание сверх установленного предела не будет считаться действительным, на практике с желавших выкупиться брали больше законных 100 ян [8, с. 455]. Закон не вводил каких-либо ограничений на право выкупа. Вероятно, все зависело только от воли владельца. Исключение делалось лишь для детей от брака выкупившегося и чхонина, а также частных чхонинов, переселившихся в провинцию Хамгён. Им не разрешался выкуп. Во всех остальных случаях предъявлялось главное требование — в установленные сроки оформить сделку. Если выкупив-

шийся своевременно не получал от властей документа, его в наказание делали казенным ноби [8, с. 456].

Долгое время законодательство Кореи не гарантировало действительного освобождения выкупившихся ноби. Существовало немало возможностей вернуть их в крепостное состояние, и бывшие хозяева ими часто пользовались. В 1675 г. ван Сукчон издал указ, в котором обращал внимание на то, что ноби «напрягают силы, чтобы выкупить детей», а тех возвращают в казенные чхонины. Он повелел ыйджонбу обсудить этот вопрос. В ответ на указ чиновники пигук (Ведомство окраинных земель) предложили «сообщить в каждую провинцию, что если старые хозяева но будут чрезмерно притеснять тех детей ноби, которые уже выкупились, с целью [их] возвратить, то в соответствии с законом о притеснении янъинов это строго запретить» [13, с. 905].

Видимо, предложение было принято, так как затем оно нашло отражение в следующей статье «Соктэджон»: «Если ведомственный но женился на [женщине] из частных чхонинов и дети выкупились в янъины у хозяина жены, если дети частных чхонинов выкупились в янъины у хозяина матери,— разрешается [им стать] янъинами. И если хозяин отца насильно сделает [их] ноби, судить по правилам о принуждении янъина стать чхонином» [8, с. 455—456]. Предложение чиновников пигук и статья «Соктэджон» опирались на традиционное правило о наследовании повинностей ноби по материнской линии, отражая происходивший в ту пору отказ от существовавшей несколько веков практики уравнивания в этом вопросе отца и матери. Поэтому предписывалось в случае смешанных браков выкупать детей у хозяев матерей и воспрещалось посягать на них хозяевам отцов. При всей малой эффективности юридических установлений такие правила все же могли служить выкупившимся ноби средством защиты своих прав.

Важным признаком надвигавшихся в Корее перемен являлась борьба мнений по коренным вопросам существования «подлого» сословия. В частности, участились выступления против передачи повинностей ноби по отцовской и материнской линиям. Характеризуя значение этой порочной практики, губернатор провинции Чхунчхон Ли Гёнъок в 1658 г. говорил: «Старый обычай, по которому казенные и частные ноби, если отец янъин, а мать из чхонинов, следуют за матерью, а если мать из янъинов, а отец чхонин, следуют за отцом, [служит] именно для того, чтобы рабы день от дня умножались, а янъины день ото дня сокращались». Ли Гёнъок предлагал частичное решение вопроса: чтобы мужчины перенимали повинности отца, а женщины — повинности матери [13, с. 904].

Настойчивые требования сторонников возврата к древнему правилу наследования повинностей только по материнской линии, казалось бы, наконец-то принесли успех. В 1669 г. было принято решение о том, что дети от смешанных браков, у ко-

торых мать из янъинов, будут считаться янъинами [13, с. 907]. Однако радость победителей была непродолжительной. Видный государственный деятель и философ Сон Сирёль, по инициативе которого состоялось это решение, прямо указывал, что оно встретило сопротивление тех, кто не желал отказываться от своих ноби [13, с. 905]. Под их нажимом в 1675 г. указ 1669 г. отменили, а всех освобожденных согласно этому указу снова возвратили в «подлое» сословие [13, с. 907].

Такое отступление правительства только усилило протесты среди здравомыслящей части чиновничества, обеспокоенной тяжелыми экономическими последствиями для страны, вызванными ростом численности ноби. В 1681 г. власти вновь восстановили прежнее решение о переводе в янъины, но уже в 1689 г. опять его отменили, вернув вольноотпущенных в «подлое» сословие [13, с. 907]. Крупный чиновник Мин Чинджу в 1695 г. говорил на приеме у вана, что «из-за событий с возвращением в чхонины некоторые отказываются от уже взятых жен, их дети также не в состоянии вступить в брак; их крики о несправедливости невозможно остановить». Мин Чинджу настаивал на том, чтобы рожденные в период 1669—1690 гг. оставались янъинами [13, с. 906]. Другой чиновник, Юн Докчун, отмечал: «Государственные законы несколько раз менялись, народ не знает, какому следовать». Из-за частой смены законов происходили споры между чхонинами и янъинами, взаимные тяжбы ноби и их хозяев [13, с. 906].

Длившаяся многие десятилетия с переменным успехом борьба завершилась принятием в 1730 г. закона о том, что с первого числа первого месяца текущего года дети от смешанных браков будут принимать на себя только повинности матери [13, с. 907]. Впоследствии этот закон был зафиксирован в кодексе «Соктэджон»: «Если казенный или частный чхонин женится и его жена из янъинов, родившиеся дети, равным образом мужчины и женщины, наследуют повинности матери» [8, с. 438]. Закон 1730 г. не был просто восстановлением древнего обычая, утраченного еще в XIII в. Его значение следует рассматривать в общем контексте социально-экономических процессов, происходивших в XVII—XVIII вв. Экономическому развитию страны препятствовало чрезмерное расширение «подлого» сословия. Многие в ограничении численности ноби видели один из способов избежать надвигавшийся кризис. Их длительное противоборство со сторонниками сохранения прежних методов социального порабощения в конце концов закончилось поражением последних. В условиях Кореи XVIII в. возврат к правилу о наследовании повинностей по материнской линии, закрывавший один из путей формирования ноби, нанес ощутимый удар по всей системе феодального господства над «подлым» сословием.

Некоторые видные чиновники и ученые XVII—XVIII вв. выступали против важнейшего принципа эксплуатации ноби — на-

следственного характера зависимости. Лю Синвон, например, доказывал, что на заре существования ноби только преступников обращали в рабство. Имея в виду их потомков, он утверждал: «Чтобы невиновных делали ноби,— такого закона в старину не было». «В нашей стране,— продолжал Лю Синвон,— закон о ноби не вникает в то, есть преступление или нет преступления. Только на основе их родословной многие поколения делаются но[би]. По этой причине, вероятно, невежественны люди из низов и их жизнь обречена на погибель. Допустим, что из их среды появились выдающиеся таланты, но они также скованы тем, что являются людьми из но[би]. Разве это справедливо?» [13, с. 904].

Мы уже приводили высказывание историка XVIII в. Ан Джонбока о том, как в первые века нашей эры стали наследственными повинности ноби. «В нашей Восточной [стране],— писал он,— закон о наследовании [состояния] ноби поистине нетерпим для монархии. Разве можно, чтобы один попадал в список чхонинов и многие поколения не освобождались?! В старину рабами были осужденные за воровство [приговоренные] к конфискации имущества и отдаче в рабство, взятые в плен варвары и разбойники. Но наказание не являлось наследственным, [его нес] только сам [преступник], и оно [затем] прекращалось. Почему бы не испробовать такое в законах нашей Восточной [страны]?» [13, с. 898]. Такие высказывания наверняка не были единичными. К концу XVIII в. они приобретали все более радикальный характер. Упоминавшийся ранее начальник уезда Поын в провинции Чхунчхон Юн Чхедон вообще предлагал «отныне навеки прекратить называть ноби и сделать их равными с янъинами». Благодаря этому, считал он, удастся вернуть беглых, обнаружить спрятавшихся, люди смогут без препятствий вступать в брак, и все будут довольны [13, с. 910].

Выступления против основных принципов существования ноби отражали прогрессирующее разложение всей системы крепостной зависимости. Особенно активно разлагалась та ее часть, в которой господствовало само феодальное государство. Развитие товарно-денежных отношений, возрастание роли торгового капитала во всех сферах общественного производства подрывали экономические позиции государства [1, с. 269—275]. Возможность приобрести необходимое за деньги, применение (пусть еще в ограниченных размерах) наемного труда делали нецелесообразным дальнейшее сохранение все еще имевшегося у государственных учреждений контингента ноби.

Вопрос об освобождении ноби обсуждался еще в 1794 г. [11, с. 349]. Но решен он был лишь несколько лет спустя. В 1801 г. ван Сунджо приказал чиновникам сынджонвон (канцелярия вана) собрать списки ноби, принадлежавших нэсуса, дворцам членов правящего дома и ведомствам. Все эти списки были сожжены у сеульских ворот Тонхвамун. В результате этого 36 974 дворцовых и 29 093 ведомственных ноби получили осво-

бождение. Всех их было разрешено считать янъинами [13, с. 911].

Не следует, однако, думать, что мероприятия 1801 г. принесли тем, кого они коснулись, немедленное и полное освобождение. Долгое время отпущенные ноби находились на особом учете. Об этом можно судить по указу 1813 г., возлагавшему на хёнджо хранение и проверку списков после упразднения ведомственных ноби [13, с. 911]. По прошествии многих лет, в 1864 г., отмечалось, что у одного из великих князей сохранился список принадлежавших ему ноби. Было приказано во дворцах других членов семьи вана выявить и сжечь еще не уничтоженные списки [13, с. 911]. Видимо, наличие таких документов позволило их обладателям по-прежнему держать бывших своих ноби в кабале.

Указ 1801 г.— исключительной важности событие в истории существования ноби. Общая численность ноби в стране сразу была уменьшена более чем на 66 тыс. Все это, без сомнения, приблизило конец системы ноби, хотя еще не означало ее полной ликвидации.

Реформа 1801 г. затронула лишь часть казенных ноби, тех, кто принадлежал к столичным ведомствам. Но она, видимо, не коснулась тогда другой ее части — приписанных к местным учреждениям (уездным управам, почтовым станциям и т. д.). О том, что они еще продолжали считаться ноби, свидетельствует изданный в 1865 г. кодекс «Тэджон хвэтхон», содержащий дополнения к вышедшим прежде сводам законов. В одной из его статей говорится, что ноби, «живущие вне столицы, по-прежнему принадлежат соответствующим учреждениям и пусть несут повинности» [8, с. 439].

Несмотря на понесенный урон (перевод в свободное сословие дворцовых ноби), сохранилась крупнейшая категория зависимого населения Кореи — частные ноби. Как и все остальные, она некоторое время *убывала* за счет беглых, выкупившихся, освобожденных разными путями. Для примера возьмем данные о г. Тэгу и прилегающих к нему десяти волостях (провинция Кёнсан) [5, с. 125—128]. С 1690 по 1789 г. общая численность ноби уменьшилась здесь с 5362 до 1649. Количество ноби, приходившееся на один двор янбанов (дворянское сословие), сократилось с 4,3 до 1,4, а на двор простолюдинов — с 0,2 до 0,1. Но с 1789 по 1853 г. численность ноби здесь снова возросла вдвое: с 1649 до 3335. Соответственно увеличилось и среднее количество, приходящееся на один двор (до 1,8 в домах янбанов и до 0,3 у простолюдинов). Этот рост происходил вследствие перехода в частные дома части освобожденных государством ноби, а также усилившейся с начала XIX в. отдачи разорившихся крестьян под покровительство «влиятельных семей».

Начавшийся в XIX в. общий кризис феодализма в Корее повлек за собой дальнейшее ухудшение экономического положе-

ния страны, которое не могло не затронуть ноби. Усиливалась эксплуатация, увеличивалась в ней доля денежных платежей, отчего ноби разорялись вместе со всеми трудящимися. Как известно, XIX век — время крупнейших в истории Кореи народных движений, возвещавших о приближающемся конце феодального строя. Наравне с другими в них активно участвовали и ноби, добивавшиеся ликвидации угнетения и социального неравенства. Под их напором терявший силу господствующий класс был вынужден идти на некоторые новые уступки.

В 1886 г. ван Коджон издал указ, в котором напоминал об освобождении дворцовых и ведомственных ноби в 1801 г. и заявлял, что также хочет «следовать по стопам предков». Наследственный характер повинностей ноби он называл «одной из причин того, что имеется недостаток гуманности, а также [наносится] самый [большой] урон миру». Указ объявлял о введении составленного правительством закона об отмене наследования повинностей ноби. Его следовало опубликовать «в столице и вне ее, чтобы заслужить доброе отношение [к вану]» [13, с. 911].

Закон 1886 г. провозглашал: «Спасая жизнь, сами себя продавшие ноби являются [таковыми] только до конца их жизни. Не разрешается наследование повинности. Детьми не разрешается торговать». Это касалось и тех, кто наследовал статус ноби. Они оставались ноби до конца своей жизни, но на их детей повинности ноби уже не возлагались. Последние могли пойти в услужение добровольно, однако за это им полагалась определенная плата. Полностью запрещалось принуждение янъина стать чхонином за долги. В законе специально подчеркивалось, что речь не идет об освобождении ноби. Тот, кто к моменту выхода закона служил хоть один день, должен был попрежнему выполнять свои обязанности. Вопрос о выкупе можно было ставить лишь с разрешения хозяина. Все попытки самовольно освобождать себя подлежали строгому наказанию [13, с. 911—912].

Таково вкратце содержание закона 1886 г. Его введением осуществлялось прекращение перехода по наследству состояния ноби, за что боролись несколько поколений государственных деятелей и ученых Кореи. Закон также ограничивал пути формирования прослойки ноби: в нем названы только добровольно продававшие себя. В условиях конца XIX в., однако, социально-экономическое развитие страны настоятельно требовало полной ликвидации всей системы ноби; но закон 1886 г. не сделал этого, сохранив изжившие себя категории учрежденческих и частных ноби. Поэтому и после 1886 г. продолжалась борьба ноби за полное освобождение.

Антифеодальная и антиколониальная крестьянская война 1893—1894 гг. поставила феодализм в Корее на грань гибели. Стремясь удержаться у власти и снизить накал классовых битв, правители страны издали в 1894 г. целую серию поста-

новлений (так называемые реформы года кабо). Их реализация, если бы не колониальное закабаление Кореи, в какой-то степени расчистила пути для капиталистического развития страны. Одно из постановлений 1894 г. касалось ноби. Оно гласило: «Законы о казенных и частных ноби все отменяются. Запрещается продажа людей» [13, с. 912]. Тем самым провозглашались ликвидация всей системы ноби, уничтожение позорной торговли людьми.

Так, в 1894 г. была уничтожена система ноби в Корее, хотя ее следы наверняка можно обнаружить и в последующие десятилетия. Потомки ноби еще долгое время по традиции относились к самой бесправной и эксплуатируемой части корейского общества.

[1] «Сине-красные» — презрительное наименование ноби (мужчины с бритыми до синевы головами, женщины с красными от холода босыми ногами).

1. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. 1. М., 1974.
2. Ёкса саджон (Исторический словарь). Т. 1. Пхеньян, 1971.
3. *Ким Бусик.* Самгук саги (Исторические записи Трех государств). М., 1959.
4. *Ким Джонъгук.* 15 сегиый конноби «тхонъджебоп» тэхаё (Относительно «закона о контроле» над казенными ноби в XV в.) — Ёкса квахак (Историческая наука). 1967, № 2.
5. *Ким Сокхён.* Чосон понгон сидэ нонминый кегып кусон (Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма). Пхеньян, 1957.
6. Корё са (История Корё). Т. 2—3. Пхеньян, 1958.
7. *Пак Сихён.* Чосон тходжи чедоса (История земельной системы в Корее). Т. 2. Пхеньян, 1961.
8. Тэджон хвэтхон (Общий свод великого уложения). Пхеньян, 1960.
9. Хангук са (История Кореи). Т. 3. Сеул, 1971.
10. *Чон Соктам.* Лиджо чхоги (14 сеги маль-15 сеги маль) эиссосо понгонджок тходжи сою кванге ва нонминдыре тэхан чхакчхви че хёнтхэ (Отношения феодальной земельной собственности и формы эксплуатации крестьянства в начальный период династии Ли (конец XIV — конец XV в.) — Ёкса нонмунджип («Сборник статей по истории»). Вып. 3. Пхеньян, 1959.
11. Чосон са нёнпхё (Хронологические таблицы по истории Кореи). Пхеньян, 1957.
12. Чосон тхонса (Общая история Кореи). Т. 1. Пхеньян, 1977.
13. Чынбо мунхон пиго (Дополненная энциклопедия). Т. 2. Сеул, 1959.

З. Я. Ханин

НИЗШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЯПОНСКОГО ОБЩЕСТВА в IX—XVII вв.

В Японии на протяжении всей истории ее классового антагонистического общества кроме основных классов и сословий существовали и разнообразные низшие социальные образования, резко изолируемые от остального населения и презираемые. Комплексное рассмотрение сравнительно мало изученного процесса эволюции этого низшего отдела японского общества, составной частью которого длительное время были и рабы, является в наше время весьма важной и актуальной научной и политической задачей [1].

Рассматриваемые здесь группы париев [2] возникли в XI в. и просуществовали до XVI в., когда в стране начала создаваться последняя модификация отверженных — объединения буракуминов (жителей особых поселений — токусю бураку).

Их предшественники, низшие социальные образования древности, в частности так называемые сэммины («подлые», в них входили и группы рабов), дзакко и томобэ (объединения презираемых ремесленников), просуществовали в Японии довольно долго, почти три века, вплоть до X в.[3]. К этому времени рост производительных сил, упадок надельной основы землепользования и развитие системы сёэнов (феодальных поместий) постепенно расшатали социальную структуру, закрепленную в VII в. реформами Тайка [4]. Неуклонно росло число бежавших от своих господ сэмминов, дзакко и томобэ. Это привело наконец к тому, что в начале X в. (в 902 г.) власти вынуждены были издать указ «Об освобождении рабов», которым, однако, скорее лишь зафиксировали факт почти полного распада объединений рабов. А в конце X в. были отменены (за ненадобностью) все государственные ведомства, в подчинении которых находились сэммины, дзакко и томобэ [11, с. 286]. Эти государственные акты, по существу, отменили социальную структуру периода Тайка. Во всяком случае, был признан факт распада старого низшего социального слоя японского общества.

Однако это вовсе не привело к упрощению социальной структуры Японии, к ограничению ее лишь основными феодальными классами и сословиями. Вместо сэмминов, дзакко и томобэ уже в X—XI вв. стали возникать новые социальные группы неполноправных, отверженных, которые по своему социаль-

ному статусу, как и их предшественники, также ставились ниже основного населения страны и низводились до положения изолированных от него презираемых объединений. В значительной мере они создавались на основе старых социальных традиций, складывавшихся в стране еще в период зарождения и развития рабства.

После X—XI вв. низшие социальные объединения Японии по своей сути и общественным функциям все более походили на дискриминируемые (по расовому, национальному или религиозному признакам) группы других стран мира.

Каким же образом происходила эта эволюция и трансформация социальных низов?

На протяжении X—XI вв. в Японии возникло множество различных презираемых и изолированных от основного общества социальных образований. Наиболее крупными из них были сандзё-но тами (люди из сандзё) и каварамоно (люди из кавара).

В X—XI вв. термин «сандзё» применялся для обозначения покинутых крестьянами и пришедших в запустение участков надельных земель, которые уже не использовались, не обеспечивали налоговых поступлений и знать не включала их в состав своих сёэнов [7, с. 70]. На этих землях в период распада надельной системы и стали селиться бродяги (бежавшие от господ и властей крестьяне, сэммины, дзакко и томобэ). Туда же стали уходить и скрывавшиеся от преследований властей правонарушители. За счет этих людей и формировался новый низший социальный слой феодальной Японии.

Но жители сандзё недолго оставались свободными людьми. Владельцы сёэнов постепенно стали включать сандзё в состав своих владений, стремясь извлечь из этого дополнительные экономические и политические выгоды. Жители сандзё были превращены в зависимых людей со строго регламентированными повинностями; характер выполняемых ими повинностей зависел от конкретных потребностей их новых господ и хозяйственных нужд сёэнов. Так, в частности, им вменяли в обязанность заниматься захоронением трупов людей и скота, а также уборкой нечистот на территории сёэнов. Жителей тех сандзё, которые создавались вблизи новых транспортных путей, кроме всего прочего, обязывали трудиться в качестве грузчиков, паромщиков, извозчиков, содержать в порядке дороги, пристани, постоялые дворы. А поселенцев отдаленных горных и лесных сандзё заставляли в качестве повинности дополнительно заниматься охотой и рыболовством, сдавая значительную часть продуктов этих промыслов знати и храмам.

Термином «кавара» обозначались совершенно бесплодные, покрытые галькой поймы рек, которые во время обильных дождей и тайфунов нередко полностью затоплялись. В отличие от земель сандзё они вообще никогда не использовались для земледелия. Некоторые бродяги (беглые крестьяне, ремесленники

и сэммины), а также скрывавшиеся от наказаний преступники бежали в эти места. Туда же часто попадали и жертвы голода, неизлечимых болезней и нищеты. Учитывая совершенную бесплодность кавара и огромный риск проживания в них, можно легко понять, что селиться там могли только полностью отчаявшиеся и социально деградировавшие люди. Тем более что поселение в кавара означало для них окончательное закрепление ухода из общества, полную изоляцию от него.

Будучи какой-то период формально «независимыми», жители кавара тем не менее влачили крайне жалкое существование. Как и сандзё-но тами, они по преимуществу занимались захоронением трупов людей и животных, уборкой в соседних селениях, сбором мусора, а также производством различных изделий из кожи, бамбука, соломы и продажей их, чаще всего — просто нищенством; иногда они зарабатывали себе на жизнь, давая представления с песнями, танцами, рассказами.

Наряду с жителями сандзё и кавара в то время имелись и многие другие социально униженные люди, по существу вытесненные за пределы общества и, как правило, также обездоленные и презираемые. Ими были, например, нищие монахи (так называемые росо, или рансо), низшие слуги ряда крупных храмов [5], выполнявшие в качестве повинностей разные «грязные работы», и т. д. Не рассматривая здесь детали процесса их отчуждения и положения, отметим только, что все они, как и жители сандзё и кавара, вполне могут быть отнесены к дискриминируемому меньшинству японского феодального общества.

Утверждая это, мы имеем в виду следующее. Безусловно, многочисленные социальные образования дискриминируемых того периода весьма различались между собой по истокам формирования, видам занятий, особенностям расселения, формам зависимости и по восприятию их окружающими. Реально они не только не были связаны воедино, но и часто оказывались даже резко противопоставленными друг другу. Но, несмотря на это, ряд важнейших аспектов их положения позволяет говорить о их особой социальной общности. Это прежде всего характерная для всех них социальная приниженность, строгая изоляция, полное бесправие и крайнее презрение к ним со стороны окружающих [6]. Причем все бóльшую роль в приниженности, сегрегации и презрении к ним играла идея осквернения грязью смерти и крови, которую некоторые исследователи считают основным источником феномена дискриминации в Японии (см., например, [2, с. 636—637]).

Но так ли это? В чем действительное значение идей осквернения и недопущения кровопролития в судьбе дискриминируемых в Японии?

Идея осквернения возникла в Японии еще в глубокой древности. Однако на протяжении многих веков она существовала независимо от судьбы низших социальных групп, т. е. не влияя по-особому на их положение и статус. Правда, издавна она оп-

ределяла некоторые особенности их быта, но точно так же, как и быта всех других слоев общества, причем высших его кругов, пожалуй, даже в большей степени.

Истоки идеи осквернения мы находим уже в древнейших, примитивных верованиях, которые впоследствии вошли в систему синтоистских концепций. И уже в далеком прошлом эта идея определяла в особых ситуациях весьма важные особенности поведения всех японцев, включая знать и даже императоров. В частности, в трагический период ухода человека из жизни она неизменно делала его совершенно одиноким и изолированным. Вплоть до XIV в. в соответствии с этой идеей японцы своих умиравших родственников помещали в специальную пристройку к дому, где и происходило страшное таинство смерти. Такие предосторожности, как верили японцы, избавляли их от угрозы осквернения смертью и навлечения беды. А если же случалось, что человек все же умирал дома, то его близкие нередко сами переселялись в другое жилье. Чем выше по социальной лестнице, тем внушительнее выглядело общественное воздействие этой идеи. Так, перевод резиденции нового императора в новое место также иногда вызывался ее осквернением смертью предшественника. Правда, подобного переселения можно было и избежать, совершив ритуал «Охараи» («Великого очищения»). В связи с этим осуществление данного ритуала и стало в древности одной из главных государственных функций императоров. Считалось, что с его помощью новые правители могли избавить как самого себя, так и всех своих подданных от грязи смерти и от необходимости переселяться в другое место.

Страх, внушаемый смертью, боязнь быть «помеченным» ею повлияли и на отношение древнего японского общества к неизлечимо больным, калекам, прокаженным и даже умирающим от голода беднякам и бродягам. Всех их не только сторонились, но и пытались как можно надежнее изолировать, устранить из общества. Совершенно очевидно, что в данном случае идея осквернения действовала не только в соответствии с логикой профилактики и гигиены, но и в социальном плане. Ибо голод, разорение, болезни и неустроенность были по преимуществу «привилегиями» низших слоев общества.

В период распада надельной системы местами изоляции всех этих несчастных людей стали, в частности, кавара. В одном из средневековых сочинений, «Сакэй ки» [7] (в цитате, относящейся к 1017 г.), имеется сообщение о наводнении в пойме р. Камо [8], в результате которого утонуло и было унесено потоком более 300 специально для этого свезенных туда неизлечимо больных, в основном прокаженных. В то время японцы были убеждены, что разлившиеся воды рек, смывая направляемых на их берега калек и умирающих, очищают тем самым прибрежные речные полосы, окружающие их участки и даже общество в целом от осквернения.

Буддизм, распространение которого в Японии началось еще в VI в., в конце концов видоизменил идею осквернения, придал ей большую социальную направленность. В соответствии с его догмами оскверняющей стали воспринимать смерть не только человека, но и животного. Однако распространялась эта буддийская идея очень медленно. Причем внедрение ее в сознание людей и в повседневную жизнь японского общества вовсе не было случайным и произвольным событием, связанным лишь с самим процессом распространения в стране буддизма. Оно в значительной мере определялось и вполне материальными нуждами и соображениями. Прежде всего тем, что в Японии, в стране со сравнительно малыми ресурсами для развития животноводства, становилось все труднее обеспечивать растущие потребности сельского хозяйства, транспорта и армии в тягловой силе (главным образом в быках и лошадях) [8, с. 11]. Поэтому издававшиеся на протяжении VII—IX вв. многочисленные запреты властей на убой животных и употребление в пищу мяса в установленные сроки объяснялись не столько их религиозным фанатизмом, сколько реальными экономическими потребностями и условиями страны (см., например, [4, с. 16, 21; 6, с. 34—35; 5, с. 49—50]). Догмы же буддизма в данном случае (а ссылки на них в подобных указах встречались все чаще) являлись вовсе не источником запретов, а скорее средством повышения их авторитета и действенности.

Но вместе с тем ссылки на эти догмы, несомненно, говорили также и о желании властей внедрить наконец в стране буддизм и, в частности, утвердить принцип оскверненности в новом его понимании. Об этом свидетельствует, например, более демонстративное следование двора идеям и принципам буддизма. Так, осуществлявшийся им в IX—X вв. ритуал «Охараи» связывался уже не только с синтоистским, но и с буддийским пониманием догм оскверненности, недопущения кровопролития. Причиной его проведения могло стать не только случайное посещение императора родственником недавно умершего придворного, но и обнаружение на территории дворца погибшей кошки или собаки. В этом случае двор временно прекращал всякую политическую деятельность, проводил ритуал «Охараи» и обязательно широко оповещал об этом народ.

И все же буддизм внедрялся в стране очень медленно. Государственной религией он стал лишь в XI в. [1, с. 46—47]. И, пожалуй, только в это время его догмы недопущения лишения жизни стали важным элементом народного мировосприятия, инструментом закрепления изоляции социальных низов. Это выразилось в том, что представления об оскверненности кровью, недопущении кровопролития сосредоточились именно на них, превратившись тем самым в постоянно действующий социальный фактор.

Важную роль в такой ориентации указанных идей играли феодальные власти: в значительной мере именно их усилиями

идеи превращались в средство осуществления дискриминации. В соответствии с их регламентациями оскверненными и поэтому презираемыми (причем теперь не временно, а постоянно) стали считать в первую очередь людей, занимавшихся убоем скота, дубильщиков, кожевников, сапожников и т. д.[9]. В связи с этим представителей указанных профессий независимо от их прежнего статуса насильно направляли в сандзё и кавара, подчеркивая тем самым необходимость их строгой изоляции от «чистого» общества. А вместе с тем уже проживающим там людям стали предписывать заниматься в качестве повинностей, кроме всего прочего, убоем скота и кожевенным производством.

Даже одно это обстоятельство убеждает в том, что идея осквернения и нравственного запрета убийства вовсе не была источником дискриминации, а лишь подходящим и удобным готовым инструментом его закрепления в эпоху распространения в стране буддизма. Но этот же вывод может быть подтвержден и другими фактами и соображениями.

Так, известно, что указанная идея действовала в общественной сфере даже не в соответствии с законами своей внутренней логики, а скорее — на базе уже сложившегося социального размежевания и противопоставления: она распространялась на всех представителей социальных низов независимо от видов их занятий. А ведь профессии большинства из них никогда не были связаны с оскверненностью, с убоем скота. Среди них имелись не только кожевники, но и камнетесы, гончары, ткачи, строители и т. д. И вместе с тем в ряде районов страны, где вообще не было поселений париев, вполне «добропорядочные» крестьяне и ремесленники, ничуть не оскверняя себя, занимались любой «грязной» работой. Более того, сословная логика феодального мышления не только разрешала представителям знати убивать людей (на войне) и животных (на охоте), но и оценивала это как необходимое и престижное деяние. Тут не могло быть и речи о каком-то осквернении «грязью крови и смерти»: знать, оказывается, такому осквернению вообще не была подвержена.

Следовательно, японских париев презирали вовсе не из-за оскверняющих их видов работ. Практически было наоборот: они были вынуждены заниматься ими потому, что являлись париями. Ибо если было бы иначе и они имели какую-то возможность выбора, то они, конечно же, предпочли бы избавиться от «грязных» занятий, чтобы избежать тем самым связанного с ними презрения и социального отчуждения. Но они не могли сделать этого, поскольку не имели на это права. И, следовательно, деление на презираемые и уважаемые виды занятий само возникло на основе складывавшегося социального размежевания, а не наоборот.

Таким образом, идейные мотивы несомненно играли важную, но лишь вспомогательную роль в фиксировании статуса и особенностей положения дискриминируемого меньшинства в Япо-

нии. Гораздо большее значение в этом процессе имела специфика экономического, культурного и политического развития страны.

Так, именно в связи с ней на протяжении XII—XV вв. заметно изменилась роль низших групп в экономической жизни общества. С одной стороны, в отличие от сэмминов в прошлом им запретили заниматься земледелием — наиболее престижным видом производственной деятельности при феодализме, а также многими важными и доходными видами ремесла и торговли. Но, с другой стороны, по мере расширения ремесленного производства некоторые его новые отрасли стали дополнительно навязываться им на основе официальных регламентаций и повинностей. В связи с этим в состав дискриминируемого меньшинства теперь переводились и некоторые прежде «чистые» профессиональные группы и цеховые объединения.

При этом складывалась довольно парадоксальная ситуация, не предусмотренная властями. Поскольку все расширявшийся спектр занятий становился «грязным» и приличествующим лишь для париев, последние как-то неожиданно превращались, по существу, в монополистов растущего сектора экономики страны. Поэтому японское феодальное общество в целом оказывалось во все усиливавшейся зависимости от них, от их деятельности: без нее оно не могло бы нормально функционировать. Об этом может свидетельствовать даже только краткий перечень занятий, которые были разрешены лишь париям к XIV—XV вв.: кожевенное производство, обтесывание камней для строительства, кузнечное, горное и строительное дело, обслуживание транспортных путей на суше и воде, разбивка садов и парков, ирригационные работы, рытье колодцев, производство изделий из бамбука и соломы, гончарных и фарфоровых изделий, некоторых видов военного снаряжения и т. д.[10].

Расширение производственного сектора париев повлекло за собой создание и более широкой сферы торговли: они стали торговать (главным образом вразнос) кожаными и бамбуковыми изделиями, некоторыми видами обуви, мясом, дровами, фитилями для светильников и т. д.

Кроме того, определенные группы париев получили в то время возможность (вернее было бы сказать — оказались вынужденными) заняться артистической деятельностью, участвуя в основном в примитивных, простонародных представлениях: в качестве дрессировщиков собак и обезьян, танцоров, певцов, акробатов, канатоходцев, фокусников, имитаторов, чтецов сутр и т. д.

И наконец, что на первый взгляд было особенно неожиданным, дискриминируемое меньшинство оказалось невольным участником политической жизни феодального общества: их постепенно стали насильно привлекать к выполнению функций соглядатаев, доносчиков, охранников, стражников, тюремщиков и палачей. Однако это было вовсе не привилегией или прояв-

лением какого-то особого доверия к ним со стороны властей, а практическим результатом восприятия их лишь слепым, неодушевленным орудием наказания (таким же, как топор или плаха), вполне логичным результатом социального разобщения и противопоставления.

Таким образом, строгое определение и ограничение сферы деятельности париев практически стали играть в их жизни двоякую роль. С одной стороны, обрисовался жесткий предел занятий, выйти за который дискриминируемые уже не имели права, т. е. возник один из зримых барьеров их сегрегации. С другой стороны, те же ограничения, сделав многие виды предписанных им занятий (в ремесле, торговле и культурной сфере) их монополией, превратились в своеобразный гарант источника их жизни [11]. Это обстоятельство даже содействовало постепенному расслоению их среды по имущественному признаку, выделению крайне небольшого числа вполне состоятельных людей [12].

Таким образом, начиная с X—XI вв. в Японии постепенно сформировались новые низшие социальные группы. По преимуществу у них не было прямой наследственной связи с социальными низами предшествующей эпохи (периода реформ Тайка). Весьма значительно отличались они от сэмминов и по своей социальной сути, и по экономическим функциям.

Так, роль париев в хозяйственной жизни страны, с одной стороны, была несколько ограничена: их отстранили от земледелия и важнейших ремесел. Но, с другой стороны, у них появился свой собственный сектор производства, они внедрились в торговлю и в отличие от сэмминов, дзакко и томобэ заняли даже определенное место в культурной и политической жизни общества, правда в качестве низших и презираемых им элементов.

Таким образом, их общественная роль увеличилась. А это предопределило появление новых мотивов заинтересованности феодального общества в сохранении групп париев.

Так, в обществе сложилась такая психологическая атмосфера, при которой правящие круги любое недовольство народных масс могли легко и «естественно» обратить против париев, объявив их виновными во всех бедах и неудачах «нормальных» людей. Причем этой цели их дальнейшего отчуждения и противопоставления всему «добропорядочному» обществу теперь весьма успешно служили синтоистские и буддийские догмы осквернения и навлечения беды, постепенно превратившиеся в традиционный социальный предрассудок, который был не менее эффективен, чем строгие законы эпохи реформ Тайка.

В переломные этапы развития страны значительные качественные перемены происходили в любой социальной среде, в том числе, естественно, и в низших слоях населения. Таким важным переломным этапом истории Японии стали, в частности, и события бурного XVI — начала XVII в. В это время произо-

шел окончательный распад системы сёэнов и завершилось формирование новых крупных феодальных владений — даймиатов [13]. На протяжении всего XVI в. правители последних (так называемые даймё) вели ожесточенные междоусобные войны за преобладающее влияние в стране. Эти войны завершились только в начале XVII в. созданием относительно централизованного феодального японского государства, что обеспечило резкое повышение роли властей в организации новой социальной структуры общества, в том числе, естественно, и его низов.

Собственно, именно с этого времени и начинается история так называемых буракуминов (жителей токусю бураку — особых поселений) — последней модификации низших групп Японии, дискриминируемого меньшинства, сохраняющегося вплоть до настоящего времени [14].

Как же происходило формирование этих новых низших социальных групп, какими были основные особенности их положения и статуса?

В период значительных социальных перемен XVI в. в среде париев также произошли весьма заметные изменения. С одной стороны, какая-то их часть смогла теперь выйти из состава «оскверненных» и слиться с «чистым» обществом. Это были в основном ремесленники, не связанные с «грязными» работами. Были отмечены даже случаи приобщения париев к земледелию и вступления в деревенские общины, что часто вело к некоторому облагороженню их статуса [10, с. 66]. С другой стороны, подавляющая часть париев была вовлечена в междоусобные войны в своем обычном социально-экономическом качестве. Причем для знати их значение именно в этом качестве даже заметно повысилось. Их стали привлекать к различным работам на армию, в первую очередь для транспортировки военных материалов. Существенным обстоятельством, отразившимся на их положении, было резкое повышение значимости их сектора ремесленного производства. Оно было обусловлено тем, что враждовавшие коалиции постоянно нуждались в огромном количестве самого разного военного снаряжения: луков, стрел, колчанов, конской сбруи, воинских доспехов из кожи (специальных защитных рубашек и обуви, наколенников), кольчуг, барабанов и других изделий, производимых в основном париями. Именно поэтому многие воинственные даймё стали выискивать и переселять в свои города-крепости презираемых мастеровых, в первую очередь кожевников (кавата), со всех своих владений. Для строительства крепостных стен они свозили туда также каменотесов-кавaрамоно [10, с. 65]. Это привело к образованию во многих крупных городах, (главным образом центральной Японии) особых кварталов (так называемых токусю бураку), которые стали базой формирования новых низших социальных групп со своими особенностями хозяйственного, юридического и сословного порядка.

Бураку создавались, как правило, или на дальних окраи-

нах городов, или же вблизи них. Причем, как и прежние поселения париев, они располагались по преимуществу на бесплодных участках по берегам рек. Это определялось рядом обстоятельств. Нужда в проточной воде для кожевенного (теперь в основном военного назначения) производства заставляла селить их именно у рек. А расположение на бесплодных участках и на окраинах городов диктовалось неизменным презрением к ним, стремлением закрепить и подчеркнуть их низкий социальный статус [15].

Таким образом, в XVI—XVII вв. бураку были по преимуществу городскими образованиями, а основным занятием их жителей являлось ремесло — производство военного снаряжения: буракуминов обязали поставлять своим господам необходимое им военное снаряжение. Но взамен они получили определенные гарантии жизни и работы, что в условиях непрерывных и беспощадных войн того времени имело, бесспорно, довольно существенное значение для париев. Жители бураку были избавлены от налогов, которые считались обязательными для остального населения. Однако это не только не облегчало их жизнь (бремя обязательных поставок было не меньше тяжести налогов), но и являлось юридической основой для официального лишения их прав на участие в решении любых проблем, связанных с жизнью местных общин.

Таким образом, новые объединения париев и их кварталы (бураку) создавались в основном волей усиливавшихся феодальных правителей для выполнения вполне определенных и в целом сравнительно ограниченных функций. Однако, став неотъемлемым элементом по-новому регламентированной социальной структуры, они неуклонно эволюционировали, видоизменяясь в полном соответствии с закономерностями развития всего общества. Это выразилось, в частности, в дальнейшем расширении сферы их деятельности и в росте ее общественной значимости.

На протяжении XVI—XVII вв. постоянно расширялись старые и создавались новые поселения париев. В немалой степени этот рост происходил за счет высылаемых туда неугодных феодальному обществу и властям людей: бродяг, преступников, калек, неизлечимо больных, а также крестьян и ремеслеников, изгнанных по каким-то причинам из своих общин. По существу, эти поселения превращались в своеобразную «социальную свалку», наличие которой оказалось весьма удобным и выгодным для знати элементом японского феодального общества, поскольку он избавлял власти от необходимости решать сложные социальные проблемы.

Но общественное значение бураку заключалось не только в этом. Неуклонно росла их роль также и в экономической, культурной и политической жизни страны.

Так, расположение большинства бураку на окраинах городов предопределяло закрепление за ними некоторых дополнитель-

ных, унизительных по своей сути повинностей: их жителей обязывали защищать города от нападений крестьян в случае их восстаний. Кроме того, им вменяли в обязанность обслуживать обычно располагавшиеся за пределами городов кладбища, лепрозории, тюрьмы, места казни и т. п. Париев заставляли выполнять презираемые и вызывающие в народе страх функции охранников, могильщиков, тюремщиков и палачей.

В условиях установившегося в XVII в. прочного мира и более быстрого в централизованном государстве развития производительных сил и торговых связей постепенно менялась и хозяйственная суть бураку. Созданные в основном для удовлетворения военных нужд, они теперь производили продукцию сугубо мирного назначения, в значительной мере традиционную: изделия из кожи, бамбука и соломы, обувь, носки, пальто, красители, венчики для чая, фитили для светильников и т. д. Они занимались также и торговлей изделиями своего производства вразнос. В XVII в. значительная часть дискриминируемого меньшинства смогла приобщиться к земледелию. В связи с этим начали создаваться особые сельские поселения — бураку (это были кварталы и улицы «обычных» сел или же самостоятельные деревушки париев). Однако в условиях чрезвычайного ужесточения сословной сегрегации это, как правило, уже не приводило к повышению статуса париев.

Вместе с тем росла особая часть дискриминируемого меньшинства, вообще не связанная с производительным трудом. В отличие от париев-ремесленников (которых презрительно называли «эта́» — «много грязи») их определяли особым термином — «хинины» («нелюди»)[16]. В это объединение включали бродячих артистов, профессиональных гадальщиков и нищих. По юридическому статусу они несколько отличались от эта́, что создавало базу для их социального и психологического отъединения от париев-ремесленников и даже вражды к ним (подробнее см. [3, с. 173—176]). Господствовавший в стране принцип жесткой сословной разобщенности и противопоставленности воплощался в среде дискриминируемых в весьма жалком виде вражды одинаково обездоленных людей.

После происшедшего много веков назад (к X в.) распада презираемого сословия сэмминов в XVII в. усилиями властей вновь был оформлен особый юридический статус низших социальных групп Японии. Хотя их официально и не выделили в особое сословие, все меры феодальных властей в отношении париев практически осуществлялись в рамках всей сословной политики режима Токугава: они были направлены на то, чтобы укрепить новую социальную структуру в целом и придать ей вид завершенности и естественности. В частности, были введены регламентации всех сторон жизни париев — в хозяйственной сфере, в быту, во взаимоотношениях с представителями «добропорядочного» общества[17]. Таким образом, сегрегация париев, приняв четкие юридические формы, была резко усилена. Для

господствующих кругов это было особенно важно потому, что тем самым подчеркивалась неоспоримость и обязательность разъединенности основных четырех сословий — воинов, крестьян, ремесленников, торговцев (си-но-ко-сё), на которые было разбито японское общество в эпоху правления сёгунов династии Токугава (1603—1868).

Несмотря на все перемены в положении париев, они и теперь играли в обществе старую, во многом схожую для всех низших групп социальную роль. В частности, сегрегация буракуминов и презрение к ним явились одним из важных компонентов общей иерархии сословной неравноценности японского общества, в соответствии с которой привилегированное сословие вполне «оправданно» презирало крестьян и тёнинов[18], крестьяне с высокомерием относились к тёнинам, ремесленники — к купцам, а все они «обоснованно» могли презирать и третировать париев, по их мнению, самых худших и недостойных членов феодального общества. Таким образом, юридическое и идейное выделение за рамки общества групп париев создавало выгодный для знати психологический эффект: жестоко угнетаемые крестьяне и ремесленники — основная часть всего населения — могли испытывать сомнительное удовлетворение от сознания, что в стране имеются люди, еще более презираемые и третируемые, чем они сами, и поэтому не слишком роптать на своих господ.

Необходимость и обоснованность сегрегации париев и теперь закреплялась в сознании народа старыми представлениями о их якобы неизбежной, врожденной «порочности» и «подлости», а также идеей их оскверненности. Само собой разумеется, что и при минимуме непредвзятости и здравого смысла каждый японец мог бы легко убедиться в несостоятельности таких суждений и даже нелогичности. Однако, как известно, самая вздорная идея, став социальным (как и расовым, национальным или религиозным) предрассудком, не поддается разрушающему воздействию здравого смысла. В этом качестве она становится уже атрибутом не сознания, а слепой веры, что и обеспечивает ей огромную жизненность и устойчивость. В связи с этим она превращается в мощную и эффективную общественную силу, особенно если власти используют ее в своих интересах.

А в Японии правители Токугава всем своим авторитетом и влиянием неизменно поддерживали идеи неполноценности и оскверненности париев, уже давно превратившиеся в социальные предрассудки. Так, например, в большинстве своих документов (даже на географических картах) они презрительно игнорировали бураку, что практически означало лишение их жителей прав на субсидии, на участие в решении местных дел и т. д. [9, с. 93; 10, с. 95—96]. Для регистрации жителей бураку, как и для обозначения рабов в прошлом (синнухи — частных рабов), использовали счетное слово «хики», которое в японском языке применяется только для подсчета поголовья скота [12,

с. 98]. Подобные нюансы в отношении властей к париям придавали традиционным предрассудкам авторитет и силу законов и делали сегрегацию буракуминов обязательной и «естественной» нормой жизни всех членов общества.

Таким образом, на протяжении XVI—XVII вв. в Японии сложились новые группы социальных низов, которые наследственно были мало связаны с париями предшествующих эпох. Более того, во многом они отличались от своих предшественников не только по своим экономическим и политическим функциям, но даже и по своей социальной сути. Более значимым стало их участие в хозяйственной и культурной жизни страны, была введена даже особая система самоуправления (которая, однако, не улучшила условий их жизни). Вместе с тем более жесткой стала их изолированность от общества, закрепленная строгими и детальными юридическими регламентациями. Старые, традиционные предрассудки и религиозные догмы, узаконенные в эпоху Токугава официальными актами, усилились и сыграли свою роль в их дальнейшем отчуждении от «чистых» японцев. Весь этот традиционный идейно-психологический и юридический комплекс должен был оправдать и укрепить главную социально-политическую основу японского феодального общества — систему привилегий для знати, основанную на принципах сословной разобщенности и неравноценности, содействовать обеспечению покорности трудящихся масс, крестьян и ремесленников, возможности их всемерной эксплуатации.

* * *

Несмотря на весьма значительные различия, все сменившиеся на протяжении многовековой истории Японии низшие социальные группы (в том числе, естественно, и буракумины), по существу, были звеньями одного направления социального развития: эволюции низшей части японского общества. Уже в глубокой древности в нем произошло выделение первых, разнохарактерных по своей сути социальных групп, приниженных и презираемых, в число которых входили и рабы. С тех пор эта социальная традиция сегрегации практически не прерывалась до наших дней, несмотря на то что отдельные презираемые группы постепенно устранялись с исторической арены Японии закономерным, поступательным развитием общества. Вместо них неизбежно на этой арене появлялись новые группы париев, призванные к жизни потребностями классово-антагонистического общества, в первую очередь — интересами его господствующих кругов. Это весьма убедительно свидетельствовало о том, что образование и сохранение каких-то низших социальных групп было проявлением определенных закономерностей развития общества с антагонистическими классовыми интересами.

На протяжении более пяти веков (XIII—XVII) социальный статус этих низших групп общества так и не был юридически

оформлен и унифицирован. Однако это не исключало их социальной приниженности, сегрегации и предвзятых представлений о человеческой неполноценности их представителей. Наряду с многовековыми социальными традициями изоляции каких-то групп населения (рабов, слуг и др.) и связанными с ними унизительными предрассудками важную роль в выделении этих групп из общества стали играть также синтоистские и буддийские догмы осквернения, недопущения кровопролития, которые «удачно» и эффективно «обосновали» необходимость их сегрегации. Этот идейно-психологический комплекс стал основой механизма изоляции новых социальных образований, которые тем самым приобретали черты дискриминируемого меньшинства.

Однако это вовсе не означало, что группы париев сохранялись только как пережиток прошлого. Новая феодальная знать (даймё, храмы, крупная бюрократия) в каждую новую историческую эпоху оказывалась весьма в них заинтересованной и использовала их для выполнения различных экономических и политических функций.

В период новой значительной трансформации японского общества (XVI—XVII вв.) усилиями властей были созданы своеобразные гетто — особые кварталы городов и деревень, а также особые отдельные поселения, в которых сосредоточивались все социально приниженные или просто чем-либо неугодные обществу и знати люди. Важную роль в их идейно-психологической изоляции по-прежнему играли синтоистские и буддийские представления об «осквернении кровью и смертью, о недопущении убийства живого существа», а также давно сложившиеся традиции и предрассудки. Кроме того, их изоляция в то время была закреплена широкой системой юридических норм, которые унизительно регламентировали все стороны их жизни. В период строгой сословной организации общества дискриминируемое меньшинство не удостоилось права на выделение в отдельное сословие. Однако фактически оно и теперь обладало всеми чертами особого, наиболее приниженного сословия, которое оказалось необходимым феодальному обществу в социальном, экономическом, политическом и идейно-психологическом отношениях на новом этапе его развития.

Таким образом, низшее отделение японского общества имеет свою многовековую историю развития. В нем в своеобразной и, пожалуй, в наиболее выразительной форме воплотились не только закономерности эволюции всего классово-антагонистического общества, но и все его противоречия, пороки и особенности. Возникшие на протяжении XI—XVII вв. новые объединения париев явились важным промежуточным звеном этого процесса развития, сохранившим социальные традиции прошлых эпох и подготовившим формирование последней модификации париев — групп буракуминов.

[1] В частности, это может дать более четкое представление о месте и роли рабов в истории японского общества, о формировании и функционировании определенных социальных традиций (что входит в круг проблем данного сборника).

[2] Для общего обозначения низших социальных групп мы здесь чаще всего используем термин «парии» как наиболее нейтральный, ибо большинство ранее официально применявшихся в Японии названий были крайне оскорбительными, например, эта́ (букв. «много грязи»), хинины («нелюди») и т. д.

[3] Положение низших социальных групп Японии до X в., в первую очередь рабов, детально рассмотрено в помещенной в данном сборнике статье М. В. Воробьева.

[4] Тайка — буквально означает «Великие преобразования». Таков был девиз правления императора Котоку (645—650). То же название получила и серия реформ, проведенных в Японии в 645—701 гг.

[5] В частности, презираемые слуги храма Гион в Киото, так называемые цурумэсо (букв. «изготовители тетив для луков») или ину дзинины («собачьи монахи»).

[6] Крестьянин мог быть таким же нищим и забитым, как и житель сандзё. Но официальная идеология все же определяла его уважаемым, нравственным человеком, опорой государства. А любой представитель дискриминируемого меньшинства априори считался оскверненным и вредным для общества существом.

[7] «Сакэй ки» («Записки левого министра») — дневники политического деятеля эпохи Токугава (эпоха правления династии Токугава — 1603—1868 гг.) Минамото Цунэёри (1645—1699), в которых, в частности, содержатся исторические материалы, относящиеся к XI в.

[8] Р. Камо протекает в префектуре Киото (бывшая провинция Ямасиро).

[9] В прошлом среди изолированных от общества сэмминов, дзакко и томобэ также имелись люди, занимающиеся убоем скота, кожевники и дубильщики. Однако их тогда не считали оскверненными «грязью смерти и крови». Их презирали просто за их низкий социальный статус.

[10] Безусловно, не все эти виды деятельности стали их полной монополией. В большинстве случаев она распространялась лишь на некоторую часть указанных видов работ: например, на производство только определенных образцов фарфоровых, гончарных и бамбуковых изделий, на предписанные им виды кузнечных и строительных работ. Вместе с тем такая малозначительная на первый взгляд отрасль их деятельности, как производство фитилей, стала единственным источником материала для освещения жилья сотен тысяч японцев.

[11] Большинство повинностей с течением времени было закреплено специальными лицензиями, что и формально придало им вид монополий цехового типа.

[12] Относительно богатые люди появились даже в среде особой группы дискриминируемых, так называемых кодзики (нищих), что подтверждало факт превращения париев в объединение сословного типа.

[13] Так мы называем владения новых крупных феодалов Японии — даймё.

[14] Это дало даже основание многим исследователям проблемы дискриминации утверждать, что она вообще начинается в Японии только с событий XVI—XVII вв. (см., например, [10, с. 82—83]).

[15] В средневековых японских городах издавна сложилась строжайшая закономерность: чем ближе к окраине были расположены кварталы, тем ниже был социальный статус их жителей.

[16] В далеком прошлом словом «хинин» называли преступников, лишавшихся в наказание своих имен, людей, исключенных из общин, нищих и бродяг.

[17] Были введены регламентации, например, покроя одежды, образцов причесок, особенностей постройки жилья и т. п. (подробнее см. [4, с. 173—176]).

[18] Тёнин — общее название двух сословий: ремесленников и купцов.

1. *Арутюнов С. А., Светлов Г. С.* Старые и новые боги Японии. М., 1968.
2. СИЭ. Т. 16, М., 1976.

3. *Ханин З. Я.* Социальные группы японских париев. М., 1973.
4. Бураку-си-ни кан-суру соготэки кэнкю (Комплексное изучение проблем бураку). Т. 3. Токио, 1963.
5. *Ватанабэ Хироси.* Микайхо бураку-но ситэки кэнкю (Историческое исследование неосвобожденных поселков). Токио, 1963.
6. *Иноуэ Киёси, Китахара Тайсаку.* Бураку-но рэкиси (История бураку). Токио, 1960.
7. *Китаяма Мофу, Нарамото Тацуя, Фудзитаки Тосио, Хаясия Тацусабуро, Иноуэ Киёси.* Бураку-но рэкиси то кайхо ундо (История и освободительное движение бураку). Киото, 1956.
8. *Морита Ёсинори.* Бураку-но хадзимари (Начало бураку). Нэягава, 1970.
9. *Уэда Масааки, Харада Томохико, Фудзитани Тосио, Наканиси Ёсио.* Бураку-но рэкиси то кайхо ундо (История и освободительное движение бураку). Киото, 1965.
10. *Харада Томохико.* Хисабэцу бураку-но рэкиси (История дискриминируемых поселков). Токио—Осака, 1975.
11. *Хаясия Тацусабуро.* Кодай кокка-но кайдай (Развитие государства в древности). Токио, 1957.
12. *Ninomiya Shigeaki.* An Inquiry Concerning the Origin, Development and Present Situation of the Eta in the Relation to the History of Social Classes in Japan.— The Transactions of the Asiatic Society of Japan. Second series. Vol. 10. Tokyo, 1933.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

М. И. Воробьева-Десятовская

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНО-ЗАВИСИМЫХ В КРОРАЙНЕ

2,5 тыс. лет до н. э. в оазисы Центральной Азии, расположенные к северу и к югу от пустыни Такла-макан и вокруг оз. Лоб-нор, пришли индоевропейские племена — тохары. В сложении древнего центральноазиатского этноса приняло участие также автохтонное население Центральной Азии, иранские саки, индийцы, позднее — пришедшие с юго-востока и востока западные цяны и другие родственные им племена. На рубеже нашей эры большинство оазисов, по всей вероятности, попало под власть знаменитой Кушанской державы. Одним из осколков Кушанской империи после ее крушения было небольшое государство, занимавшее ряд оазисов к югу от пустыни Такла-макан, на территории, простиравшейся с запада на восток на расстояние более 500 км — от Нии (на юго-восток от Хотана) до юго-западного побережья оз. Лоб-нор, где находился другой древний город, давший название всему государству,— Крорайна. В ханьских хрониках г. Крорайна известен под названием Лу-лань, а само государство в китайских источниках начиная с 70 г. до н. э. упоминается под названием Шань-шань.

До начала XX в. о существовании Крорайны — Шань-шаня— было известно только по китайским хроникам, историческим сочинениям и рассказам путешественников и паломников. В 1901 г. А. Стейну во время своего первого путешествия по Центральной Азии в районе Нии удалось найти деревянные таблички — документы, написанные древним индийским письмом кхароштхи на северо-западном пракрите, в котором был обнаружен тохарский субстрат. Во время второй и третьей поездок в Центральную Азию (в 1906 и 1913—1916 гг.) А. Стейн обнаружил целый архив аналогичных документов в той же Нии и в Крорайне. Общее количество найденных документов — 782 [3; 4]. Исследования показали, что они представляют собой официальную переписку махараджей из правящей в Крорайне династии с представителями местной администрации по различным вопросам управления и экономической жизни, а также акты о купле-продаже, договоры, расписки, налоговые списки и ведомости, перечни хозяйств и пр. Они охватывают период в 100 с лишним лет — с середины III до середины IV в. н. э. Документы содержат некоторый материал для изучения социально-экономи-

ческого строя и административного аппарата Крорайны в период существования там самостоятельного независимого государства.

Крорайна по своей социальной структуре было развитым классовым обществом с четким противопоставлением двух антагонистических классов — эксплуататоров и эксплуатируемых — и разделением эксплуатируемых на два класса — лично-свободных и лично-несвободных. Сословно-профессиональное деление древнеиндийского общества на касты и варны не оказало влияния на социальную структуру обществ Центральной Азии; сами термины, связанные с этими понятиями, в документах из Восточного Туркестана не зарегистрированы.

Социальная структура общества нашла отражение в его идеологии, поэтому термины, которые использованы для обозначения антагонистических классов и групп, одновременно могут служить характеристиками этих групп; так, термин «ajhada», который употребляется для обозначения класса эксплуататоров, означает, также «уважаемый, благородный», а термин «bhaṭaraga» («хозяин, господин») имеет также значение «уважаемый, почитаемый». Им противостоят термины «puruṣa», «manuṣa», которые означают «простой, обыкновенный человек», и «dajha» — «раб». Остановимся подробно на разъяснении этих терминов.

Термин «ajhada» («ajhate» Т. Барроу возводит к авестийскому «dzāta» (ср. н.-перс. «dzāt») — «благородный, свободный» [2, с. 73]. Представляется, что в Крорайне он употреблялся в том же значении, что и санскритское ārya. В документах «ajhate» засвидетельствован всего 7 раз. Наиболее четко его значение выступает в док. № 272 — письме махараджи губернатору области Чадота чозбо [1] Сомджаке: «Также дошло до нас, что здесь годные для службы молодые *люди высокого рождения* (ajhate jaṃna) не подчиняются чозбо Сомджаке». Здесь речь идет о золотой молодежи, которая отказывается от государственной службы. Термин «ajhate» безусловно означает «знатный», «высокого рождения». В других документах «ajhate jaṃna» — «уважаемые люди, знатные люди», но не обязательно высокого рождения. Так, в ряде документов эпитет «ajhate jaṃna» относится к характеристике свидетелей при сделках: уважаемые «старейший чозбо Намаразма» (док. № 120, 507), «чозбо Йитака» (док. № 507), «чозбо Дхамена» (док. № 593), а также следующие чиновники: vasu [2] (док. № 507, 583, 593), tasuca [3] (док. № 436, 507, 588), arivag̱a [4] (док. № 507, 593), toṃgha [5] (док. № 436), apsu [6] (док. № 593), ṣoṭhaṃg̱ha [7] (док. № 593), divira [8] (док. № 436), а также шрамана (док. № 588). Из этого перечня ясно, что термин «ajhate» мог относиться к любому чиновнику местной администрации, независимо от того, высокого он рождения или нет. Однако термин ни разу не употребляется по отношению к представителям основной массы населения Крорайны — крестьянства (goṭha, jaṃ-

na, goṭha dara, ср. санскритское gṛhastha) или рабов (daṣa, dajha, ср. санскритское dāsa). Очевидно, термином «ajhate» («благородный») назывались представители господствующего класса Крорайны, куда входили члены семьи махараджи, аристократических родов, высшее и среднее чиновничество, крупные землевладельцы, богатые ремесленники и торговцы. Этот класс был классом эксплуататоров. Все эксплуатируемые, независимо от их профессионального и классового деления, обозначались другими терминами — «puruṣa jaṃna» и «manuṣa jaṃna» («простые люди»). В составе эксплуатируемых четко выделялись два класса: лично-свободные — «домохозяева»-крестьяне (goṭha dara, goṭha jaṃna) и мелкие ремесленники (śilpiga, ср. санскр. śilpa) — и лично-несвободные. Все без исключения лично-свободные, так же как и представители класса эксплуататоров, могли обозначаться термином «bhaṭāraga» (санскр. bhaṭāraka), который употреблялся в двух значениях: 1) «уважаемый, почитаемый» (док. № 24, 34, 104, 133, 140 и др., всего в 15 контекстах) и 2) «хозяин, господин», владеющий лично-зависимыми (док. № 24, 31, 324, 492, 675). По отношению к лично-зависимым этот термин не применялся.

Труд лично-несвободных, в состав которых входили и рабы, как видно из документов, использовался в различных сферах хозяйственной деятельности: обслуживание двора раджи (домашняя работа и ремесло); слуги и служанки при дворах знати и богатых «домохозяев»-крестьян; на сельскохозяйственных работах; наконец, лично-несвободные могли арендовать у «домохозяев» участки земли и скот и выплачивать определенный процент сельскохозяйственной продукции хозяину участка. Об аренде земли у государства в документах сведений нет. Определить положение лично-зависимых в обществе можно только с помощью сравнения с лично-свободными. Так, в документах упоминаются следующие обязанности лично-свободных, главным образом крестьян.

1. Обязательная воинская повинность. В армии должны были служить все взрослые мужчины. В военное время каждые «100 хозяйств» выставляли отряд под командой старшего в сотне (śadavida). О количестве солдат, входивших в состав этого отряда, сведений нет. Сравнение с Тибетом, где в V—VI вв. в основе административного деления также лежал принцип разделения на «сотни» и «тысячи», дает основание полагать, что отряды, выставляемые «сотней», практически состояли не из 100 солдат, а из гораздо меньшего числа. В мирное время отряды несли службу по охране границ (док. № 123). В документах нет ни одного упоминания о привлечении к военной службе рабов или других лично-зависимых.

В документе № 52 упоминается разнарядка по «сотням» на снабжение армии верблюдами, конями, фуражом, которая, по всей вероятности, имела отношение ко всем жителям «сотен» и kilme («уездов»). В военное время у населения в соответст-

вии с законом забирали для армии продовольствие, скот и пр. (док. № 17, 272). Поскольку рабы и лично-зависимые, самостоятельно ведущие хозяйство, не вносились в списки «сотен» и «уездов», в мирное время они участвовали в снабжении армии скотом и продовольствием, очевидно, не непосредственно, а через своих хозяев, выплачивая их долю. В военное время различий между хозяйствами крестьян и рабов не делалось.

2. В обязанности лично-свободных входили различные общественные работы. В документе № 46 говорится о необходимости исполнения местными жителями общественных обязанностей в «сотне» и о наказании (штрафе) за уклонение от их исполнения. Документ № 246 представляет собой приказ «домохозяевам» (goṭhadara) Tsugiya, Kuleya и др. выйти на ремонтные работы (починка моста). В документе упоминается, что приказ махараджи приступить к починке мостов разослан во все области Чадоты и Чалмаданы. В документе № 120 перечисляются имена «домохозяев», вышедших на очистку пруда или водохранилища. Рабы в общественных работах участия не принимали.

3. Основной обязанностью лично-свободных была уплата налогов (palp'i), сумма которых ежегодно начислялась на каждую «область» (avana), «уезд» и «сотню». В пределах перечисленных административных единиц налог распределялся между отдельными хозяйствами.

Как видно из списков об уплате налогов, налогоплательщиками были только лично-свободные.

Таким образом, в обязанности лично-свободных как эксплуатируемого класса входило: 1) отбытие воинской повинности; 2) выполнение общественных работ; 3) уплата налогов. Как видно из текста документов, выполнение этих обязанностей отличало лично-свободное население Крорайны от лично-зависимых.

Не все лично-зависимые были рабами. Помимо рабов в документах упоминаются слуги и служанки и просто зависимые (upajiva, санскр. upajīva, букв. «зависимый от кого-то, находящийся в подчинении у кого-то», док. № 528, 538). О наличии социальной градации лично-зависимого населения Крорайны упоминают Б. А. Литвинский [1, с. 474—475] и Р. С. Агравала [2]. Однако документы не дают достаточного материала для описания различных групп лично-зависимых. Интересно отметить, что термин «dajha» («раб») в документах относится главным образом к мужчинам. Из женщин-рабынь (dajhi) названа только одна — dajhi Cimikae (док. № 39 и 45). Хотя во многих документах вместо слова «dajha» употребляется слово «manuṣa» («человек»), из контекста ясно, что речь идет не просто о лично-зависимых, а именно о рабах. Из этого видно, что раб в Крорайне не приравнивался к скоту или к неодушевленным орудиям труда, а считался человеком. При перечислении домочадцев рабы обычно упоминались после младших членов семьи: «putra dhidara dajha jamna upajiva sarva» («сыновья, дочери,

рабы и все зависимые от нее», док. № 528, 538). Это не означало, что положение, которое раб в большинстве случаев занимал в обществе Кророайны, было действительно «человеческим». Раб в документах определяется как чужая собственность. Так, в документе № 590 (купчая на женщину) сказано: «С настоящего времени писец Ramṣotsa является собственником этой женщины и может ее бить, привязывать, продавать, дарить, обменивать, закладывать, делать с ней все что пожелает». Та же формулировка повторена в документе № 592. Документ № 591 представляет собой купчую на мужчину: «Lÿipeya является собственником этого человека, может продавать его, закладывать его, обменивать его, дарить его другим, делать с ним все что пожелает».

Раб, как любая другая собственность, был предметом купли-продажи. В документах указываются следующие продажные цены на рабов: в документе № 585 раб-мужчина продавался за 12 овец; в док. № 324 раб оценивался в один лук; в документе № 575 в качестве цены раба выступает один верблюд-трехлетка, 5 мер зерна и три халата; за женщину (док. № 209) отдавали одного верблюда-семилетку. Скот здесь выступает как всеобщий эквивалент стоимости при слабом развитии денежного обращения.

Об отдаче женщины по имени Cimavati в залог упоминается в документе № 492. Документ № 380 подтверждает, что девушка по имени Soṃja sṛrae отдана хозяином в качестве подарка. Купчие, дарственные, залог оформлялись как юридические документы, с подписями свидетелей и печатями участвующих в сделке лиц.

О путях возникновения рабства документы представляют незначительный материал. Основным источником добычи рабов, очевидно, как и в других рабовладельческих государствах, была война. Так, в документе № 415 рассказывается история превращения в рабыню женщины, уведенной в плен во время набега на Чадоту. Ряд документов сообщает о причислении к личнозависимым «беглых хотанцев» (khotaṃni palayaṃnga), док. № 296, 149, 735; хотанцы здесь, очевидно, рассматриваются как враги, потому что между Кророайной и Хотаном происходили постоянные военные столкновения. Есть основания предполагать, что в данных документах речь идет о перебежчиках, которые сдавались в плен во время военных действий. Мирные жители, переселившиеся из Хотана в Кророайну, рассматривались в качестве беженцев. Так, в документе № 403 содержится приказ относительно женщины по имени Cinaṣyaniyae, которая вместе с братом «перешла границу» и была направлена в распоряжение некоего Джеяки, ведавшего делами беженцев. Однако Джеяка заставил ее работать на себя, и женщина убежала от него. В приказе поступок Джеяки расценивается как незаконный. Имущество беженцев, иногда довольно значительное, пользовалось правом неприкосновенности (док. № 149, 471).

Очевидно, лично-зависимыми могли стать беглые должники (док. № 370), но на какой срок — неизвестно.

По всей вероятности, бывали случаи, когда незаконно превращались в лично-зависимых выходцы из соседних с Крорайной горных племен — parvatiyana: документ № 386 рассказывает нам о том, как два монаха заставили в течение месяца работать на себя «жителей гор». Махараджа предупреждает население Чадоты, чтобы оно «не поступало несправедливо по отношению к жителям гор» («...ma iṃci parvatiyana adhṃa kareṃti»). Горная область к югу от Чадоты, носящая название Парвата, славилась своими ювелирами, которых приглашали для работы ко двору и для выполнения частных заказов (док. № 578). Возможно, имеется в виду задержание именно этих ремесленников.

Наконец, одним из путей увеличения числа рабов было «естественное воспроизводство». О заключении браков между рабами в документах сведений нет, но неоднократно упоминается о лично-зависимых женщинах с детьми. В двух документах рассказывается об усыновлении рабом (по всей вероятности, семейным и бездетным) дочери рабыни по имени Cimikae (док. № 39 и 45). «Плата за молоко», обычная при удочерении в Крорайне, в этом случае отчислялась в пользу хозяина матери. Значит, ребенок рабыни рассматривался как его собственность. О насильственной продаже детей рабов отдельно от родителей в документах не упоминается.

Одним рабом на паях могли владеть несколько хозяев: в документе № 152 рассказывается о том, что раб ушел в шраманы, но был возвращен, потому что один из хозяев воспротивился этому. Из этого явствует, что раб мог уйти в монахи только с разрешения хозяина.

Документы позволяют предположить, что помимо людей, зависимых от частных лиц, в Крорайне были и так называемые «царские зависимые»: в документе № 106 упоминается о жалобе некоего человека по имени Самгхадхама на незаконную продажу его в собственность Шагане. Самгхадхама отказывается работать на нового хозяина на том основании, что он «maṃnuśa rayaka» («царский человек»). В другом документе (№ 296) махараджа дарит «человека (manuśa) по имени Дхамакатхига», который работает в полях в Чалмадане, некоему Мокшакаме, проживающему в другой области. К категории «царских зависимых» причислялись и «беглые». Они распределялись по усмотрению махараджи на работу при дворе (док. № 217), в руки частных хозяев (док. № 296, 355) и в распоряжение avana (док. № 136, 296). Среди «беглых» были и ремесленники, на которых в Крорайне был особенно большой спрос: в документе № 217 махараджа просит прислать ко двору такого «беглого», который не был бы ремесленником и не вызывал бы споров между претендентами.

Важно отметить, что мужчина-работник, раб или лично-за-

висимый, мог иметь собственную землю, скот, имущество и пользовался относительной свободой в вопросах ведения хозяйства. Так, в документе № 327 зафиксирована покупка земли одним рабом у другого. Участок земли оценен в одну корову стоимостью 10 мули (неизвестных денежных единиц). Была выплачена также дополнительная плата — процент за покупку (at-ǵa—muli) — 5 единиц. В качестве свидетелей сделки выступают представители местной администрации высшего ранга — кала, чозбо, шотхамгха. В документе № 574 говорится о продаже участка земли рабами некоему свободному по имени Рамшоца. Многие документы позволяют утверждать, что в Кропайне имела место так называемая «раздельная собственность» (собственность господина и собственность его раба: господин не мог распоряжаться собственностью своего раба и не отвечал своей собственностью за его долги; собственность раба, так же как и собственность господина, охранялась государством). Так, в док. № 33 содержится приказ вернуть рабу Патия коня, взятого у него в долг свободным Сугия; в документе № 36 — приказ вернуть вещи, незаконно взятые из хозяйства раба Чатая свободным; в документе № 24 хозяин жалуется махарадже на то, что за коня, взятого в долг его рабом, владелец коня требует отдать коня и участок земли в качестве процентов «за задержку»; хозяин раба пишет: «Нет такого закона, чтобы имущество хозяина забиралось за долг раба».

Раб имел юридическое право в имущественных спорах выступать на стороне хозяина: в документе № 593 рассказывается о споре из-за верблюда между двумя группами людей: одну представляли сын прежнего хозяина верблюда и его раб.

Таким образом, сильный мужчина-раб мог обеспечить себе экономическую независимость, юридически продолжая оставаться в зависимости от хозяина. Богатых рабов, имевших собственную землю, скот и сельскохозяйственные орудия, по всей вероятности, было немного, но все же они были.

О выкупе раба упоминается только в одном документе (№ 585). В качестве выкупа (l̲o̲te) должна была вноситься плата натурой и определенный процент за выкуп — mukeṣi. Замена себя другим рабом не разрешалась. Положение, при котором экономически независимый раб юридически продолжал оставаться зависимым, возможно только в том случае, если экономический и юридический статус раба существовал как единое целое, причем определяющей стороной этого статуса была все же юридическая. В этом отношении особый интерес представляет документ № 491, в котором рассказывается, как раб, захваченный в плен супиями (одним из соседних горных племен, совершавших постоянные набеги на Кророайну и Хотан), бежал от них и вернулся к своему прежнему господину. По-видимому, юридический статус раба «преломлялся» в сознании общества так, что выполнение своих обязанностей рассматривалось рабами как нравственный долг.

Раб передавался по наследству — от господина к его детям и родственникам (док. № 528, 538, 31+764).

Убийство раба оставалось безнаказанным; согласно документу № 144, убившему раба надлежало компенсировать его потерю хозяину другим рабом.

В документах упоминается несколько случаев бегства рабов (док. № 136, 217, 355, 506): это либо доклады о бегстве, либо приказы о розыске. Наказания за бегство ни в одном из документов не упоминаются.

Сфера применения рабского труда в Крорайне со временем, очевидно, сужалась: оставались только рабы-арендаторы и рабы — собственники участков земли, скота и сельскохозяйственного инвентаря, от которых хозяин получал гораздо большую материальную выгоду, чем от раба, отдававшего только свой труд, а также слуги и служанки. Зависимые ремесленники, очевидно, занимали особое положение в обществе и рассматривались как собственность махараджи. Анализ документов показывает, что рабский труд не был в Крорайне экономической основой жизни общества. Он ограничивался главным образом сферой обслуживания, основным производителем материальных благ был свободный крестьянин. Поэтому можно говорить лишь о наличии некоторых тенденций рабовладельческой формации в южных оазисах Восточного Туркестана в III—IV вв. н. э.

[1] Чозбо (cojhbo/cozbo) — представитель местной администрации, обладающий исполнительной властью: в большинстве документов — «староста», реже — «губернатор области». В документах этот титул встречается чаще других — его носили около 400 человек.

[2] Чиновники средней категории, занятые в сфере судопроизводства и сбора налогов.

[3] Чиновники низшей категории, возможно исполняющие функции переводчиков при дворе раджи. Документы не дают материала для характеристики их деятельности.

[4] Проводники.

[5] Помощники чозбо, ответственные за скот и перевозки. Возможно также, что в военное время toṃgha было военным званием — «капитан».

[6] Очевидно, помощники чозбо, связанные с перевозками. Более точных указаний в документах нет. «Apsu» и «toṃgha» обычно в текстах встречаются рядом.

[7] Представитель исполнительной власти на местах, нес ответственность за сбор налогов, также за «царский скот и верблюдов». Выплачивал жалованье чиновникам.

[8] «Писец» — слово иранского происхождения.

1. История таджикского народа. Т. 1. М., 1965.
2. *Agrawala R. S.* Position of Slave and Serfs as Depicted in the kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan.— Indian Historical Quarterly. Vol. 29, 1953, № 2.
3. *Boyer A. M., Rapson E. J., Senart E.* Kharoṣṭhī Inscriptions Discovered by Sir Aurel Stein in Chinese Turkestan. 1—3. Ox. 1920—1929.
4. *Burrow T.* A Translation of the Kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan. L., 1940.
5. *Burrow T.* The Language of the Kharoṣṭhī Documents from Chinese Turkestan. Cambridge, 1973.

С. Г. Кляшторный

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (конец I тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э.)

Социальная зависимость является исторически наиболее важным проявлением социальных взаимодействий, охватывает все их формы, обусловленные принадлежностью к экономическим, политическим, религиозным и другим системам (в рамках структурно-функциональных связей), и в не меньшей мере касается зависимостей, вытекающих из моральных, установленных обычаями норм, регулирующих социальные отношения. Наиболее развитую и прогрессивно-усложненную структуру социальных зависимостей порождает государство.

Классовая природа государств древнейших цивилизаций с развитыми социальными структурами изучена достаточно полно и порождает для исследователей меньше неопределенностей, нежели классовая природа государственных образований, возникавших на их периферии, в которых отсутствуют четкие формы классовой зависимости. Существующие здесь социальные отношения и порожденные ими формы эксплуатации как бы размыты, сглажены или деформированы сохранившими свою актуальность институтами предшествующей формации и воздействием генетически не присущих раннеклассовому обществу норм и процессов, существующих в исторически более развитых государствах.

Сказанное в полной мере относится к одному из обширнейших регионов Старого света — Центральной Азии, где в конце II — начале I тысячелетия до н. э. сложился хозяйственно-культурный тип экстенсивного кочевого скотоводства, определивший на несколько тысячелетий историческую судьбу степной зоны Евразии [1].

В начале I тысячелетия до н. э. племена, населявшие Центральную Азию, создали кочевническую культуру скифского типа. Они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и верховую езду. Жилищем им служила полусферическая кибитка с коническим верхом, которую при перекочевках укрепляли на большой повозке. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерная скифская одежда, «звериный стиль» в искусстве засвидетельствованы раскопками на Алтае, в Монголии так же хорошо, как и в Причерноморье [15; 41].

Черты скифской культуры Центральной Азии, восстановленные по археологическим материалам, мало дополняются письменными источниками. Возможно, сами кочевники уже тогда, в VI—IV вв. до н. э., знали письмо, как о том свидетельствует загадочная надпись на серебряном сосуде из скифского погребения в Иссыке (V—IV вв. до н. э.) [4]. Однако поиски памятников этой предполагаемой скифской письменности, как и ее дешифровка,— дело будущего. Пока же немногие свидетельства о тогдашнем населении Центральной Азии сохранились лишь в китайской письменной традиции.

Ранние рассказы о «северных варварах» собрал в своих «Исторических записках» Сыма Цянь (135—67 гг. до н. э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, не систематизированы, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах. Кочевники, населявшие Монголию в VII—VI вв., именуются Сымя Цянем жун и ди; позднее их стали называть ху. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили шаньжуны (горные жуны) и дунху (восточные «варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни древнекитайских государств, то сражаясь с ними, то присоединяясь к союзам воюющих друг с другом царств и получая за это вознаграждение [8, т. 1, с. 39—45, вып. 1, с. 34—37].

Сыма Цянь ярко описывает «варварский» образ жизни и общественное устройство северных племен. Жуны и дунху не были политически объединены, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей, и, хотя нередко собиралось свыше ста [племен] жунов, они не сумели объединиться в одно целое» [46, вып. 1, с. 36]. Источники отмечают, что жуны и дунху сеяли просо, но главным их занятием было кочевое скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемствия у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейших до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают. Войну ставят важным делом» [8, т. 1, с. 142—143].

Трудно нарисовать более выразительную картину жизни родо-племенного общества, не знавшего классового расслоения. По словам китайского историографа, у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям.— *С. К.*), руководст-

вуясь искренностью и преданностью» [46, вып. 1, с. 123]. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе военных столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах «варварской» конницы, а иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «Воюющих царств» (403—221 гг. до н. э.). Вместо прежних жунов на севере и западе появляются сильные объединения кочевых племен сюнну (хуннов) и юэчжи, а о дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называют хуннов своими противниками; позднее те начинают ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом; за это время в составе объединения хуннов оказались те хуннские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями хуннов были юэчжи — восточноскифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им усунями огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Тамги (геральдические знаки) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на скалах ущелья Цаган-гол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз хуннских племен, возглавлявшийся военным вождем — шаньюем, испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Основатель хуннской державы Маодунь в ходе победоносных войн сумел принудить Ханьскую империю не только признать ее суверенитет, но и уплачивать ежегодную дань. В 203—202 гг. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея; в 174—165 гг. его наследник Лаошан, одержав над юэчжи победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установил контроль над богатыми городами — оазисами бассейна р. Тарима.

Социальный строй хуннского государства до настоящего времени остается предметом дискуссии. По мнению А. Н. Бернштама, уже при Маодуне оформились основные военно-демократические институты, существование которых все сильнее опосредствовалось развивающимся рабовладельческим укладом [6, с. 51—54]. Л. Н. Гумилев определил общественный строй, сложившийся при первых хуннских шаньюях, как «геронтократию — власть старейшин в роде», а Хуннскую державу — как «родовую империю» [16, с. 82]. К I в. н. э. этот родовой строй, по мнению Л. Н. Гумилева, преобразовался в орду — военную демократию, да и то только для части хуннского общества — «северное Хунну» из родовой державы превратилось в военно-

демократическую» [16, с. 215]. Таким образом, по мнению Л. Н. Гумилева, развитие Хуннского государства происходило в рамках первобытнообщинного строя.

Государство хуннов, выросшее из военной демократии хуннских племен V—IV вв. до н. э., сложившееся в жестокой борьбе с соседними племенами, союзами племен и китайскими царствами, государство, цель которого его создатели и их преемники видели в господстве над «всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходстве над «людьми, живущими в земляных домах» (т. е. над оседлыми землепашцами) [46, вып. 1, с. 43, 46],— такое государство могло существовать только как централизованная империя, организованная на военно-административных принципах.

Во главе государства стоял шаньюй, чья власть была строго наследственнной и освященной божественным авторитетом. Его называли Сыном Неба и официально титуловали «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный, великий хуннский шаньюй» [46, вып. 1, с. 45]. Его власть определялась его функциями и правами: а) правом распоряжаться всей территорией, принадлежавшей хуннам, и функцией охраны этой территории; б) правом объявления войны и заключения мира и функцией личного руководства войсками; в) правом концентрировать в своих руках все внешние сношения государства и функцией определения внешнеполитического курса; г) правом на жизнь и смерть каждого подданного и функцией верховного судьи.

Вероятно, шаньюй был и средоточием сакральной власти; во всяком случае, все упомянутые источниками действия в защиту культа исходили от шаньюя, который «утром выходил из ставки и совершал поклонение восходящему солнцу, а вечером совершал поклонение луне» [46, вып. 1, с. 40]. Шаньюя окружала многочисленная группа помощников, советников и военачальников, однако решение всегда принималось шаньюем, даже если он действовал вопреки единодушному мнению своего окружения.

Высшие после шаньюя лица в государстве — левый и правый (т. е. западный и восточный) «мудрые князья», сыновья или ближайшие родственники шаньюя. Они управляли западными и восточными территориями империи и одновременно командовали левым и правым крыльями армии. Ниже их стояли другие родичи шаньюя, управлявшие определенной территорией,— все они носили различные титулы и назывались «начальниками над десятью тысячами всадников» (тёмниками). Их число было строго фиксировано — 24 высших военачальника, распределенных между левым и правым крыльями войска, западной и восточной частью империи. Тот или иной пост занимался в зависимости от степени родства с шаньюем. Тёмников назначал сам шаньюй. Он же выделял для управления каждому тёмнику территорию вместе с ее населением; любое перемещение

населения без приказа шаньюя строго запрещалось. Наибольшее значение для определения статуса военачальника, его власти и силы имела не территория, а именно численность ее населения. Число в 10 тыс. воинов, находившихся под командой тёмников, было условным. Сыма Цянь замечает, что каждый из 24 военачальников имел от 10 тыс. до нескольких тысяч войска.

В пределах своих владений тёмник подобно шаньюю назначал тысячников и десятников, отводил им землю вместе с кочующим на ней населением. Сместить и наказать тёмника мог только шаньюй. В свою очередь, тёмники участвовали в возведении шаньюя на престол, не имея, впрочем, право выбора — власть переходила по строгой наследственной системе, которая утратила свое значение в период полного ослабления Хуннского государства.

Основной повинностью всего мужского населения государства была военная служба. Каждый хунн считался воином, и малейшее уклонение от исполнения воинских обязанностей каралось смертью. Каждый с детства и до самой смерти был приписан к строго определенному воинскому подразделению и сражался под командованием своего тёмника.

Вместе с тем военно-административный характер организации хуннов отнюдь не уничтожил родо-племенных отношений. Верхушку хуннского общества составляли четыре аристократических рода, связанных между собой брачными союзами (мужчины любого из этих родов брали себе жен из трех других знатных родов). Шаньюй мог быть только из рода Люаньди, самого знатного из четырех. Позднейшие источники упоминают и другие знатные роды. Очевидно, что иерархия родов и племен играла в хуннском обществе немаловажную роль, причем на низшей ступени иерархической лестницы находились покоренные племена, адаптированные в хуннской родо-племенной системе. Еще ниже них стояли покоренные племена, не включенные в состав собственно хуннских; они подвергались особенно безжалостной эксплуатации.

Высшие посты в системе управления государством занимали, как правило, представители четырех аристократических родов. Трижды в год они съезжались в ставку шаньюя для «принесения жертв предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам», для обсуждения государственных дел и один раз, осенью,— для «подсчета и проверки количества людей и домашнего скота» [46, вып. 1, с. 40].

Все участники этих совещаний были родичами или свойственниками шаньюев.

Таким образом, правящая элита Хуннской империи сложилась из родо-племенной знати. Отношения родства определяли социальное положение и политическую роль каждого, кто принадлежал к высшим слоям хуннского общества. Вместе с тем хуннская знать, сохраняя внутриродовые и внутриплеменные

связи, выступала и как патриархальная верхушка общества, связанная кровно с другими соплеменниками.

Военная структура хуннского общества, завоевательные походы и набеги, управление покоренными племенами и странами открывали перед хуннской знатью широкие возможности для приобретения материальных благ за счет эксплуатации зависимого или подвластного населения. Основными формами эксплуатации оставались военный грабеж, контрибуция и дань. Естественно, что внутри хуннского общества практиковались иные формы эксплуатации, которые определялись неизменными способами хозяйственной деятельности и застойными социальными отношениями. Именно военный характер приобретения материальных благ, не производимых в самом хуннском хозяйстве, вынуждал верхние слои общества к сохранению родо-племенных традиций, сплачивающих общество и определяющих военную мощь государства, к предельному сохранению консерватизма в отношении уже сложившихся социальных институтов, к сдержанности в использовании возможностей эксплуатации соплеменников. Всякое усиление социального расслоения и отчуждения в собственно хуннском обществе неизбежно влекло за собой ослабление военной мощи государства, а вслед за тем — отпадение покоренных племен, военные поражения, прекращение притока продуктов, поставляемых в виде дани, и в конечном счете распад империи, ставший реальностью в первых веках нашей эры.

Таким образом, хуннское общество является примером социальной организации раннего типа, лишенной потенций внутреннего развития, в ходе которого могли бы выкристаллизоваться более определенные и развитые классовые отношения. Архаичные формы рабства и личной зависимости, возникшие на заре хуннской государственности, получили лишь незначительное развитие.

Все же было бы неосторожно полностью отрицать наличие рабовладельческого уклада в государстве хуннов [44, с. 57]. О том, что рабовладельческий уклад существовал, хотя и недостаточно глубоко проник в систему общественных отношений, убедительно свидетельствует (на фоне общей бедности дошедших до нас сведений) сообщение, содержащееся в «Вэй люй», об одном событии после распада первого (древнего) хуннского государства. Тогда, в 25—85 гг. н. э., в Северный Китай, на земли от Шачжоу до гор Хэланьшань, переселились племена цзылу, которые насчитывали несколько десятков тысяч человек. Источник сообщает: «„Цзы" было словом, которым сюнну обозначали рабов... Они не одной расы. Среди них имеются дунху, динлины и множество цянов, которые живут вместе с ними. И это потому, что первоначально они были рабами сюнну» [49, с. 525—526].

Отсутствие достаточных свидетельств о характере производственного использования рабов в хуннском обществе и

удельном весе рабского труда не позволяет определить это государство как военно-рабовладельческую державу, что уже делалось в литературе. Столь же малоубедительна и атрибуция хуннского государства как родо-племенного. Следует лишь отметить, что хунны стали создателями первого, еще очень архаичного государства кочевников Центральной Азии, внутри которого социальная поляризация не приобрела законченных форм, но все же выявила, с одной стороны, знать, основывающую свое могущество, свои привилегии и престиж на неразвитых формах эксплуатации соплеменников и иноземных рабов, и, с другой стороны, зависимую от знати в военно-административном отношении массу лично-свободных скотоводов-кочевников. Низшим слоем общества после создания империи стали рабы-иноплеменники.

Вряд ли в настоящее время возможны значительные уточнения в определении социального характера хуннского общества; однако возникшие в его недрах социальные и политические структуры с большей полнотой проявляются и фиксируются в государствах кочевников Центральной Азии — преемников хуннов.

Становление государственности на территории Центральной Азии и Южной Сибири в раннем средневековье, через несколько веков после распада Хуннской империи, связано с образованием Тюркского каганата (первый Тюркский каганат, 551—630 гг.; второй Тюркский каганат, 681—744 гг.), традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом (745—840 гг.). Ни в этнокультурном, ни в социально-экономическом отношениях не отличалось от них Кыргызское государство на Верхнем Енисее, возникшее, по всей видимости, вскоре после упадка хуннской государственности и просуществовавшее до времени монгольского завоевания. На короткий срок оно стало гегемоном всей Центральной Азии (840 г.— начало X в.) [5, с. 19—58; 22, с. 487—635; 21, с. 266—302]. Единство социально-экономического строя, этнокультурное родство и сходство политической организации всех трех государств позволяют рассматривать время их существования и преобладания в Центральной Азии как относительно цельный историко-культурный период, который по названию первого из этих государств можно назвать «древнетюркское время» или «древнетюркская эпоха», подобно тому как предшествующие периоды именуются «скифским» и «гуннским» (у С. В. Киселева — «гунно-сарматское время», у Л. Р. Кызласова — «гунно-шурмакская эпоха») [21, с. 227; 22, с. 307: 29, с. 79], а последующий период — «монгольским периодом» [30, с. 130]; для соседних с Центральной Азией территорий Дальнего Востока древнетюркское время синхронно «эпохе тунгусских государств» [21, с. 307; 14, с. 188—193].

Определение социальной природы древнетюркских государств, обладающих одинаковыми институтами общественного устройства, до сих пор весьма разноречиво. Так, Л. Н. Гумилев

полагает, что социальный строй древнетюркского общества, заменившего племенную организацию ордой, может быть определен как военная демократия [16, с. 63—66]. Венгерская исследовательница И. Эчеди, напротив, пишет о родовой и племенной организации каганата [51, с. 245—262]. Японский ученый М. Мори выделяет три общественных класса древнетюркского общества: класс крупных скотовладельцев (бе́гов); ограниченно зависимый от него класс мелких скотовладельцев (бодун) и класс рабов. Устройство каганата определяется им как феодальное, но сам феодализм понимается как политическое явление, не связанное с определенным социально-экономическим процессом [53]. Л. Р. Кызласов пишет о становлении феодализма в тюркских каганатах VI—VIII вв. и расцвете феодализма в «древнехакасском государстве» [30, с. 53—55, 121—125], т. е. в государстве кыргызов. Л. П. Потапов сохраняет в определении социального строя каганата термин «патриархально-феодальные отношения» [21, с. 280].

Общеизвестная скудность источников побуждает авторов работ, посвященных названной теме, руководствоваться скорее генерализованными представлениями, чем анализом очень немногочисленных и зачастую весьма неясных свидетельств, ценность которых, однако, определяется тем, что они адекватно отражают ситуацию. Это обусловлено как синхронизмом, так и обыденностью регистрируемого факта, исключающего возможность его тенденциозной переработки. Особое значение для выявления социальных связей и зависимостей имеют памятники, созданные самим кочевым обществом. Редкую возможность проникновения в систему представлений раннесредневековых кочевников Центральной Азии открывают древнетюркские эпиграфические памятники Монголии (VIII—IX вв.) и долины верхнего Енисея, т. е. Тувы и Хакассии (VIII—XI вв.). Наибольшую ценность в качестве исторических источников имеют надписи в честь Кюль-тегина (732 г.) и Бильге-кагана (735 г.), называемые также Кошоцайдамскими памятниками; оба текста написаны от имени Бильге-кагана его родичем (внуком?) Йолыг-тегином. Вместе с надписями Тоньюкука (надпись из Баин-Цокто), Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту), Бильге Ышбара Тамган-таркана (Онгинская надпись), которые датируются вторым десятилетием VIII в., Кошоцайдамские надписи входят в группу так называемых «орхонских памятников» и являются своего рода энциклопедией истории и культуры древних тюрков. К ним примыкают три рунических памятника уйгурской династии (50—60-е годы VIII в.) — Терхинская надпись, Тэсинская надпись и надпись из Могон Шине Усу, написанные от имени Элетмиш Бильге-кагана и его наследника [26, 32, 33, 34, 54, 56]. Особо следует отметить первый по времени древнетюркский памятник на согдийском языке, воздвигнутый около 581—582 гг. в честь Таспар-кагана [52].

Хотя географические и этнографические представления авто-

ров древнетюркских текстов были достаточно широки, их социально-политическое мышление ограничивалось племенными рамками. Центром мира для них была «священная страна тюрков» — гора Отюкен, сердцевина всех древнетюркских государств Центральной Азии, а сами тюрки именовали себя «народом священной Отюкенской горы» (КТб 23). Два акта творения — порождение людей «голубым небом» и «бурой землей» и появление тюрков «между ними обоими» — отождествлены между собой Кошоцайдамскими памятниками; перволюди (kishi oghly — «сыны человеческие») и составили ту тюркскую общину, над которой сразу же «воссели на царство» предки правящей династии — каганы Бумын и Истеми (по Онгинской надписи — Йамы-каган, по Терхинской надписи — каганы Бумын, Йолыг и Истеми). Вместе с ними возникли и другие народы (что только подразумевается, но прямо не сообщается), населяющие «четыре угла [света]», однако они были изначально враждебны тюркам, и потому тюркские каганы покорили их (КТб 2) [23, с. 71—77; 24].

В глазах автора Кошоцайдамских памятников все человечество изначально было разделено на тюрков, имеющих свое государство (el) и свои установления (törü), и их врагов, предназначение которых — подчиниться тюркским каганам, т. е., как говорят надписи, «стать рабами и рабынями». Непокорных ждало уничтожение. Такова постулируемая политическая и социальная концепция, воплощенная в картине идеального исторического прошлого. Таковым представлялось и актуальное настоящее в столь же идеальном политическом воплощении: «Живущие по четырем углам [света] народы я все принудил к миру и сделал их не враждебными себе. Все они мне подчинились!» Этими словами оценивает свои военные успехи Бильге-каган (КТб 29—30).

Ядро политической философии памятников, в сущности, может быть сведено к одному тезису — устройство «мира людей» столь же инвариантно, как и устройство «четырехугольной» Вселенной. Его абсолютным императивом является стремление каждого народа к подчинению иноплеменников и господству над ними (или стремление к освобождению от власти иноплеменников). Поэтому все народы или господствуют над другими, или подчиняются, а отношения между ними — это отношения борьбы за сохранение господства или избавление от него.

Столь же инвариантна структура самой тюркской общины, т. е. тюркского племенного союза (türk qara qamagh bodun «весь целиком тюркский народ»), состоящего из отдельных племен (bod) и родов (oghush); все они политически организованы в эль. Родо-племенная организация (бодун) и военно-административная (государственная) организация (эль) взаимно дополняли друг друга. Хан «держал эль и возглавлял бодун» (Е 45, стк. 4). Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (на-

рода) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племен и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате дани и податей. Поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов — таковы функции древнетюркского эля, который возглавлялся каганом, в свою очередь опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служилое сословие», т. е. военно-административное руководство и личное окружение кагана.

Обращаясь с надписями-манифестами к своим «слушателям» («слушайте хорошенько эту мою речь!» — требует Бильге-каган, КТм 2), тюркские каганы и их приближенные выделяют среди «внимающих» им два сословия — знать и народ. В согдоязычной Бугутской надписи конца VI в. эти два сословия именуются куркапыны, т. е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12). В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения — беги и народ (türk begler bodun — «тюркские беги и народ»). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии древнеуйгурских рунических памятников середины VIII в.: atlygh «именитые» и qara igil bodun — «простой народ».

В памятниках отчетливо проявляется двуступенчатый характер социальных оппозиций внутри регистрируемой текстами структуры «каган — беги — народ»:

каган и беги ⇄ народ
каган ⇄ беги и народ

Описываемые в надписях ситуации выявляют различия в поведении, а также различие интересов бегов и народа. Так, в Онгинской надписи рассказывается о битве, в ходе которой «простой народ» сражается и гибнет, а беги спасаются, покинув поле боя (Оа 1). Уйгурский каган Элетмиш Бильге противопоставлял интересы изменивших ему «именитых» интересам «своего простого народа», призывал отколовшиеся племена вновь подчиниться (МШУ 17). В иной ситуации тюркский Бильге-каган требует от народа, чтобы тот «не отделялся» от своих бегов (БК, Хб 13). Здесь проявляется та же тенденция, что и в «аристократическом фольклоре», сохраненном Махмудом Кашгарским (МК, I, с. 466):

jer basruqy tagh
bodun basruqy beg
Опора земли — гора
Опора народа — бег.

Самая суть отношений знати к народу ясно выражена в эпитафии-завете одного из кыргызских бегов: «Простой народ, будь усерден (трудолюбив)! Не нарушай установлений эля!» (Е 10, стк. 7).

Другая оппозиция, напротив, объединяет бегов и народ, противопоставляя племенные интересы единству эля, олицетворяемому каганом. Попрекая бегов и народ за былые измены, за стремление откочевать и выйти из-под руки кагана, Бильге обвиняет их в прежних несчастьях тюркского эля, требует раскаяния в прошлых проступках и постоянной верности кагану (КТм 10—11, КТб 6—7). В некоторых вариантах политических сентенций упомянут только «тюркский народ», «провинившийся» перед каганом (Т 1—4), но контекст явно указывает на то, что беги не отделяются здесь от народа (КТб 6—7, 22—24). Призывы к покорности бегов и народа кагану, к совместному противопоставлению враждебному окружению выражены орхонскими надписями предельно эмоционально.

Обе оппозиции, столь отчетливые в древнетюркских памятниках, оставаясь социальными оппозициями, не стали зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, составляющих общину, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры. Показателен в этом отношении рассказ осведомленного иноземного историографа о возвышении и гибели тюргешского кагана Сулу (Сулука): «В начале (своего правления.— *С. К.*) Сулу хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным, почему роды были довольны и служили ему всеми силами... В последние годы он почувствовал скудность, почему награбленные добычи начал мало-помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него... Мохэ Дагань и Думочжы неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его» [8, т. 1, с. 298—299].

Беги были высшим сословием древнетюркской общины, аристократией по крови, по праву рождения особый статус рода которых в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, в государстве уйгуров — род Яглакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку своих общин, особое наиболее привилегированное сословие.

Положение знатных родов зиждилось как на праве руководства племенем и общиной, так и на обязанности заботиться о благосостоянии соплеменников. Каждую племенную группу — тюркскую, уйгурскую, кыргызскую — связывала идеология генеалогической общности, реальной материальной базой которой было право собственности на коренные и завоеванные земли, право на долю в доходах от военной добычи, эксплуатации по-

бежденных и покоренных племен. Во всех надписях тюркских каганов и их сподвижников настойчиво повторяется, что только каганы с помощью своих родичей и свойственников способны «вскормить народ». В уцелевших фрагментах текста Бугутской надписи эта формула повторена трижды: про Мухан-кагана (553—572) сказано, что он «хорошо вскормил народ» (В II 4). Бильге-каган постоянно напоминает «слушателям», что он «одел нагой народ», накормил «голодный народ», «сделал богатым бедный народ»; благодаря ему «тюркский народ много приобрел», «ради тюркского народа» он и его младший брат Кюль-тегин «не сидели без дела днем и не спали ночью» (КТм 9—10, КТб 26—27, БК 33, 38, БК Ха 10, БК Хб 11—12). Бильге Тонюкук напоминает о неустанных «приобретениях» ради тюркского народа, осуществлявшихся Эльтериш-каганом и им самим, сопровождая свои слова сентенцией: «Если бы у народа, имеющего кагана, [тот] оказался бы бездельником, что за горе бы у того [народа] было!» (Т 57).

Единство, которого требовали каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятие такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а следовательно, и богатство, добываемые путем внеэкономического принуждения, войной, угрозой войны, принадлежали бы аристократии по крови, которая, в свою очередь, выделяла бы остальной общине долю добычи и дани, установленную традицией. Свое социальное и правовое проявление единство общины находило в применении ко всем ее членам единого названия — «ег» («муж-воин»). «Мужем-воином» становился по праву рождения любой юноша, достигший определенного возраста и получивший «er aty» — «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови. Так, в сочетании besh binger bashi — «начальник над пятью тысячами мужами-воинами» (Терхин, 7) термином «ег» обозначен каждый воин пятитысячного отряда. «Мужем-воином» стал по исполнении десяти лет и сын Эльтериш-кагана — Кюль-тегин (КТб 30—31).

Получение «мужского имени» было связано с обрядом инициации, которому предшествовало совершение юношей охотничьего или воинского подвига. Скорее всего с этим обрядом связаны упоминаемые в надписи из Ихе Хушоту охотничьи подвиги ее героя: «В семь лет Кули-чор убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (ИХ 18). Не исключено, что в знатных семьях обряд инициации происходил несколько раньше, чем в остальных,— после первых же охотничьих успехов испытуемого. О более распространенном варианте инициации упоминает сравнительно поздний рунический текст на бумаге (X в.) — «Ырк битиг» («Книга гаданий»): «Рассказывают: сын героя-воина (alp er oghly) пошел в поход. На поле боя Эрклиг сделал его своим посланцем. И говорят, когда он возвращается

домой, то сам приходит знаменитым радостным, со славой [мужа], достигшего зрелости. Так знайте — это очень хорошо!» (притча LV). Лишь приняв участие в бою и проявив воинскую доблесть, юноша (er oghly) «достигает зрелости».

Подобная же ситуация, рисующая сам обряд инициации, описана в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута». Сыну хана Бай-Бури исполнилось пятнадцать лет, он стал джигитом, но «в тот век юноше не давали имени, пока он не отрубил головы, не пролил крови». Речь идет не об отсутствии имени вообще (мальчика звали Басам), а об отсутствии «мужского имени». Басам убивает разбойников, напавших на купеческий караван. И тогда Бай-Бури созывает на пир беков огузов; вместе с беками «пришел... дед Коркут, дал юноше имя... „Ты зовешь своего сына Басамом; (теперь) пусть его имя будет Бамси-Бейрек, владелец серого жеребца!“» [27, с. 33—34].

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывавшие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата; однако во всех случаях он оставался прежде всего эром, «мужем-воином», т. е. полноправным членом тюркской общины.

Вместе с тем тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода и племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства.

Место эра в обществе определял его титул, сан, являвшийся частью его «мужского имени», неотделимый, а часто и неотличимый от имени. Титул был зачастую наследственным по праву майората при престолонаследии и минората при наследовании хозяйства и дома. Яркий пример наследования титула и положения содержит надпись на Ихе Хушоту, где рассказано о судьбе сразу трех поколений Кули-чоров, наследственных вождей, и «бегов народа тардушей» [50]. Именно титул указывал на место эра в системе управления и подчинения. Большинство эпитафий, найденных в Монголии и на Енисее, в первых же строках сообщают имя и титул покойного, иногда указывают на его родственные связи, но чаще просто воспроизводят его родовую тамгу с добавочными (диакритическими) знаками, фиксирующими место героя в счете поколений. Вот пример сравнительно полной по указаниям на положение в эле надписи (памятник с Уюк-Тарлака, Е 1):

(1) С вами, мой эль, мои жены, мои сыновья, мой народ — О, жаль мне! — я расстался в свои шестьдесят лет.

(2) Мое имя Эль-Тоган-тутук. Я был правителем моего божественного эля. Я был бегом моему шестисоставному народу.

Для положения и престижа эра немалое значение имело его богатство, благосостояние его семьи. Понятие собственности в

отношении движимого имущества, включая юрты (eb, keregü) и постройки (barq), но прежде всего собственности на скот проявляется в орхоно-енисейских надписях со всей определенностью. Имущественная дифференциация внутри тюркских племен, как и у других кочевников Центральной Азии, была весьма значительной. Богатство становилось предметом гордости и похвальбы тюркской аристократии. Особенно яркие имущественные характеристики содержат кыргызские надписи. «Я был богат. У меня было десять загонов для скота. Табунов у меня было бесчисленное [множество]!» — этими словами из эпитафии определяет свой социальный вес в мире, который он покинул, Кутлуг бага-таркан, знатный кыргызский бег, живший на территории Северной Монголии во второй половине IX в. (Е 47, стк. 5). Другой кыргызский бег упоминает 6 тыс. своих коней (Е 3, стк. 5), т. е. по обычному соотношению между лошадьми и другим скотом он владел более чем 20 тыс. голов. В других надписях упоминаются также верблюды и разный скот «в бесчисленном количестве». Счастье, которое просит человек у божества, оно дарует ему обычным благопожеланием: «Да будет у тебя скот в твоих загонах!» (ЫБ, XLVII).

Богатым (baj, bajbar, jylsygh) противопоставлены в надписях «бедняки», «неимущие» («cyghaj, joq cyghaj»). [43]. Для автора Кошоцайдамских надписей бедный люд, «не имеющий пищи внутри, не имеющий платья снаружи»,— «жалкий, ничтожный, низкий народ» («jabyz jablaq bodun», КТб 26). Бедность не вызывала сочувствия, более того, была презираема. Настоящий «муж-воин» оружием добывает себе богатство: «В мои пятнадцать лет я пошел (походом) на китайского хана. Благодаря своему мужеству... я добыл [себе] в [китайском] государстве золото, серебро, одногорбых верблюдов, людей (вариант: жен)!» (Е 11, стк. 9) [48, с. 118].

Яркие примеры социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества дают результаты археологических исследований. По сравнению с великолепными погребальными сооружениями высшей знати, которые сооружали сотни людей и для украшения которых приглашались иноземные мастера, казались невзрачными курганы простых воинов, где рядом с хозяином в полном вооружении лежал его боевой конь под седлом. Но в погребениях беднейших общинников не было ни дорогого оружия, ни коня.

На границе Тувы и Монголии, в высокогорной долине р. Каргы, в Монгун-Тайге, где раскопано несколько из находящегося там множества тюркских курганов VI—IX вв., два захоронения привлекают особое внимание. Одно из них — захоронение богатого и знатного эра из далекого пограничного племени Тюркского каганата. Он похоронен по полному обряду: с конем, в одежде из дорогих китайских шелков. Такие шелка обозначались в древнетюркском языке словом «aghy» — «драгоценность, сокровище». Рядом лежало китайское металлическое

зеркало с иероглифической надписью и высокохудожественным орнаментом, одно из тех, что чрезвычайно ценились древними кочевниками Центральной Азии и иногда упоминались в эпитафии (Е 26). Десять золотых бляшек, украшавших конский убор, изготовлены из высокопробного золота. В сосéднем кургане был погребен мужчина лет 30—35, основным имуществом которого был берестяной колчан. Вместо боевого коня рядом был положен взнузданный и подпруженный баран [13, с. 18—40].

Малоимущие эры неизбежно попадали в личную зависимость от бегов. Именно о них пишет Махмуд Кашгарский: «Эр стал на колени перед бегом» (МК, II, 21). Только у знатных и богатых бегов они могли получить в пользование скот (за отработку и службу) или стать пастухами громадных табунов и стад своих богатых сородичей. Из обедневших эров формировалась постоянная дружина бега и его челядь, ходившие с ним в набег и поход, защищавшие его стада и имущество, прислуживавшие бегу в повседневном быту. Махмуд Кашгарский называет каждого из них «qulsygh er» — «эр, подобный рабу» (МК, III, 128).

Содержать большое количество зависимых сородичей могли только богатые беги. В свою очередь, от числа дружинников и челяди зависела способность бега приобрести и сберечь богатство, престиж и положение. Махмуд Кашгарский сохранил поговорку-двустишие, бытовавшее в древнетюркской среде (МК, I, 362):

> Tavar kiming üklise beglik
> angar kergejür
> Tavarsyzyn qalyp beg erensizin
> emgejür
> У кого приумножается имущество, тому и подобает
> быть бегом,
> Оставшись без богатства, бег страдает из-за
> отсутствия эров.

Бег не может сохранить свой престиж без зависимых от него эров. Лишившийся скота и обедневший эр не может прожить без помощи и защиты бега. Но даже самый бедный из эров, не брезгающий подаянием, сохранял известную независимость и свободу по отношению к бегу-сородичу [28, с. 63]. И какими бы противоречиями ни характеризовались отношения между бедными и богатыми, между бегами и «простым людом», бодун в целом противостоял другой группе населения, входившей в древнетюркский эль,— полностью зависимым от эров невольникам, которые, даже влившись в семьи своих хозяев, не стали членами древнетюркской общины. Именно невольники были бесправной социальной периферией древнетюркского общества.

Рассказывая о могуществе тюрков в царствование Капаган-кагана, автор Кошоцайдамских надписей перечисляет тех, чье благополучие достигло предела; возвышение государства сказалось на благосостоянии каждой семьи; в перечне членов семьи

названы самые близкие родственники — отцы и сыновья, старшие и младшие братья. А вместе с ними упомянуты рабы и рабыни, сами ставшие «имеющими рабов и имеющими рабынь». Выявление семантического спектра терминов, означающих несвободного мужчину (qul) и несвободную женщину (küng), образующих в совокупности слой несвободного населения (qul küng), может быть осуществлено в результате анализа соответствующих пассажей рунических текстов и синхронных им источников. Обратимся прежде всего к Кошоцайдамским памятникам.

После тяжелой для тюрков зимы 723/24 г. (из-за гололедицы и снежных заносов они потеряли скот) возобновилось восстание огузских племен. Один из огузских отрядов напал на ставку Бильге-кагана во время отсутствия там главных сил тюрков. Но врагов встретил младший брат кагана Кюль-тегин: «Враждебные нам огузы напали на ставку. Кюль-тегин, сев на белого [коня] Огсиза, заколол девять мужей и не отдал ставки! Моя мать-катун, а вместе с ней и мои сводные матери, мои тетки и невестки, мои жены — все вы могли (или), оставшись в живых, стать рабынями, (или) убитыми лежать на земле и на дороге! Если бы не было Кюль-тегина, все бы вы погибли!» (КТб 48—49).

Описание типичной для межплеменных войн ситуации указывает на основной источник невольничества — захват людей во время набега, войны. Вместе с тем отчасти проясняется статус рабыни (раба) — в чужеродной среде невольник лишен каких-либо родственных связей, а следовательно, и защиты. Он попадает во власть захвативших его иноплеменников. Недаром положение уведенных в плен сравнивается с участью убитых, валявшихся на земле. «Речь раба с мольбой обращается к бегу, а слово ворона с мольбой возносится к Небу» — эта сентенция, сохраненная самым значительным текстом из восточнотуркестанских «рун на бумаге», «Книгой гаданий» («Ырк битиг»), ярко характеризует правовые возможности невольника.

Сообщения о захвате тюрками полона обычны для надписей, как и для других источников того времени. «Народ тангутов я победил,— повествует Бильге-каган,— их юношей и девиц, их скот и добро я тогда забрал» (БК 24). Настигнув бежавших от него огузов, Бильге-каган захватывает «их сыновей и дочерей, их женщин» (БК 38). То же происходит и во время похода на татабыйцев (БК, Ха 3). Отряд тюрков в Согде получает в качестве контрибуции среди прочих ценностей «женщин и девушек» (Т 48). Уйгурский каган Элетмиш Бильге отнимает у восставших и побежденных им племен скот, женщин и девушек (МШУ 15). Византийский историк рассказывает, что каган Дизавул (Истеми) «почтил» посла Зимарха пленницей «из народа так называемых херхисов (кыргызов.— *С. К.*)» [18, с. 379]. Наиболее многочисленные сообщения о захвате людей, главным образом женщин, содержат китайские источники. Так, в рассказе

об одной из войн начала VII в. упомянут следующий эпизод: «Були-ше (Бёри-шад.— *С. К.*), младший брат Чуло-хана (Чурын-кагана.— *С. К.*), с двумя тысячами конницы присоединился к последнему в Бинчжеу. В продолжение трех дней он забрал в городе всех женщин и девушек и ушел» [8, т. 1, с. 246]. В других сообщениях упоминается взятие десятков тысяч невольников.

Именно к этому слою населения каганатов отнесены в первую очередь термины «qul» («невольник», «раб») и «küng» («невольница», «рабыня»). Рабы и рабыни были людьми, насильственно уведенными с мест их обитания, вырванными из их этнической среды, лишенными своего прежнего социального статуса, отданными во власть своих хозяев. Они были чужаками в тюркской общине. Рабство становилось их пожизненным состоянием; более того, даже соплеменники, попавшие в рабство, а затем вернувшиеся в родное племя, не возвращали себе прежнего статуса. Важным свидетельством последнего является приводимый арабским автором конца IX — начала X в. Ибн ал-Факихом рассказ некоего Са'ида б. ал-Хасана ас-Самарканди об обычаях тюрков, которые тот хорошо знал: «Говорит Са'ид б. ал-Хасан ас-Самарканди: среди тюрков есть кочевники, которые перекочевывают с места на место, ищут непотравленные пастбища, нуждаясь в корме для скота, как и те, кто кочует в стране ислама. Они не признают царской власти и никому не подчиняются, нападая друг на друга и захватывая женщин и детей. Время от времени какая-либо группа [из этих кочевников] покидает свое племя и переходит в другое племя. А вместе с ними в другое племя переходят и те женщины, которые раньше вышли [из этого племени], а также дети тех женщин, которые [также] были сделаны рабами. И племя, принявшее пришельцев, не наказывает их за [своих сородичей, ставших рабами], а считает последних такими же [рабами], как и своих рабов, согласно их обычаю и тому, в чем у них есть согласие» [20, л. 173а—173б]. Даже кровное родство, согласно источнику Ибн ал-Факиха, не могло разорвать новых социальных связей, возникших в результате захвата в плен и превращения в рабыню свободной женщины.

Характеристика экономической роли рабства в древнетюркском обществе окажется весьма неполной из-за отсутствия в текстах прямых указаний на участие невольников в повседневном труде или на другие формы их эксплуатации. Здесь неминуемо осторожное использование письменных свидетельств и этнографических аналогий, относящихся к племенам, в какой-то мере унаследовавшим экономический быт и социальные традиции тюркских каганатов.

За пределами внимания исследователей древнетюркского общества все еще остается тот немаловажный факт, что надписи фиксируют прежде всего, а зачастую исключительно, увод в неволю женщин и девушек, иногда — мальчиков и юношей, но

никогда — взрослых мужчин. Женщин и девушек уводили в неволю во время набегов и походов — они всегда упомянуты как основная добыча; их требовали в качестве контрибуции; их отнимали у подчиненных родов и племен, если те поднимали мятеж или не выплачивали дань в установленный срок; наконец, за нанесение увечья виновный был «повинен отдать дочь» в рабство своим же соплеменникам [8, т. 1, с. 230]. Стремление захватить в неволю прежде всего женщин явно указывает на домашний характер рабства в древнетюркских государствах или, во всяком случае, на преобладание домашнего рабства, которое представляло собой разновидность патриархального рабства. Следует иметь в виду, что К. Маркс, выделяя две основные формы рабства — патриархальное и античное,— связывал патриархальное рабство с натуральным хозяйством (см. [1, с. 368]). Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен или наложниц своего владельца или в положении рабыни-служанки.

Для всех древних и средневековых кочевых обществ Центральной Азии было свойственно многоженство, практиковавшееся, во всяком случае, среди наиболее состоятельной части общества. О многих женах гуннских шаньюев пишут Сыма Цянь и другие китайские историки [46, вып. 1, с. 39, 131]. Отмечается также, что «[сюнну] берут за себя жен отцов и братьев после смерти последних, опасаясь, что иначе прекратится их род» [46, вып. 1, с. 46]. Марко Поло пишет о монголах: «Всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать... Женятся они на двоюродных сестрах; умрет отец, старший сын женится на отцовой жене, коли она ему не мать; по смерти брата — на его жене» [35, с. 88]. Подобным образом описывает брак у монголов Плано Карпини: «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, другой меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого» [37, с. 26—27].

Наблюдения Плано Карпини особенно примечательны. Как и Марко Поло, он ставит в прямую связь состоятельность мужа, т. е. объем и продуктивность его семейного хозяйства, с «количеством его жен», к числу которых, вероятно, отнесены и наложницы, нигде отдельно не упоминаемые.

Затем фиксируется, что после смерти мужчины его вдовы сохраняются в роду покойного через брак с его сыном (исключая инцест), братом или кем-либо из младших родичей (обычай левирата). Наконец, сватовство к соплеменнице влекло за собой значительные расходы для семьи будущего мужа.

Судя по немногим сведениям источников, брачные обычаи и семейные отношения в древнетюркских обществах не отличались в основном от тех, что описаны у Плано Карпини и Марко Поло. Надпись в честь Кюль-тегина наряду со старшей женой его отца Эльтериш-кагана, Эльбильге-катун, упоминает и младших жен — сводных матерей Кюль-тегина, а также многих жен (quncujlar) его старшего брата — Бильге-кагана (КТб 49). В енисейских эпитафиях постоянно упоминаются жены героя надписи (qunčuj; Е 18: kishi; Е 43: jutuz), с которыми тот «расстался». В одной из притч «Книги гаданий» упомянута третья жена бега, родившая ему сына-наследника (ЫБ V). Там же (ЫБ XXXVIII) упомянут термин, обозначающий рабыню-наложницу: «abyncy» (<abync — «удовольствие»); в других памятниках того же времени — «qyrqyn»; ср., например: «jincke qyrqynlar» — «изящные наложницы» (Uig., III, 42).

В «Книге гаданий» содержится притча о наложнице, которая, будучи в немилости, скрывается в камышах, но вскоре становится госпожой (старшей женой князя); притча сопровождается словами: «Это хорошо!» (ЫБ XXXVIII). Очевидно, что между женой и наложницей у древнетюркских племен, как и у позднесредневековых тюркских и монгольских племен, не всегда была резкая грань.

Существовавший у тюрков обычай левирата сохранял в роду мужа овдовевших женщин [8, т. 1, с. 230]. А женитьба на соплеменнице, как и у монголов, сопровождалась для семьи жениха крупными расходами на сговорные дары и выкуп; у кыргызов упоминаются выкупы от сотни до тысячи голов скота [8, т. 1, с. 35]. Подобные же обычаи описывает Ибн Фадлан у огузов начала X в., переселившихся из Центральной Азии на Сыр-Дарью и в Приаралье в V—VII вв.: «Правила женитьбы у них такие: если один из них сватает у другого какую-либо из женщин его семьи, дочь или сестру его или кого-либо из тех, кем он владеет, он одаряет его на столько-то и столько-то хорезмийских одежд. И когда он заплатит это, то везет ее к себе. А иногда калымом бывают верблюды или лошади, или иное подобное. А если умирает человек, имеющий жену и детей, то старший из его детей женится на жене его, если она не была его матерью» [28, с. 61].

Все эти обстоятельства — многоженство, сохранение вдов в семье и роду умершего, крупный выкуп за невесту — затрудняли эндогамные внутриплеменные браки и приводили к тому, что захват женщин у иных племен и в чужих землях стал важным побудительным мотивом для набегов и походов.

Во-первых, часть мужчин, преимущественно из беднейших

родов, не могли создать свою семью при неизбежной нехватке невест и дороговизне брачного выкупа иным способом, чем женитьба на пленнице. По вполне оправданной догадке А. Н. Бернштама, адаптация пленных девушек и женщин в тюркских семьях была распространенным обычаем [7, с. 92, 95, 118]. Подводя итог успешным походам, принесшим тюркам богатую добычу и полон, Бильге-каган обращается к соплеменникам: «Бедный народ я сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным!» (КТм 10). Рост населения сразу же после успешных походов может быть объяснен только обычаем адаптации полона, т. е. девушек, женщин и детей, в семьях господствующего племени.

Во-вторых, угон скота у враждебных племен при большем отвлечении для войны взрослых мужчин повышал нужду в рабочих руках. Если в основной сфере труда — выпасе скота — количество занятых всегда было ограниченным и спрос на работников удовлетворялся за счет внутриплеменных ресурсов [44, с. 64—67], то значительно менее обеспечено рабочей силой было трудоемкое домашнее производство кочевников. Возможность использования здесь труда жен и домашних рабынь («ev jutuzy, ev qyzy» — «дворовые (букв. домашние) женщины и девушки», Uig, II, 7, 85) определялась сферой применения женского труда в кочевом хозяйстве.

Этнографические наблюдения показывают, что у кочевников доля участия женщин в хозяйственной деятельности значительно превышала трудовой вклад мужчин. Эту особенность воинственного кочевого общества тонко подметил и несколько утрированно обрисовал столь незаурядный наблюдатель жизни монголов в эпоху первых чингизидов, каким было Плано Карпини: «Мужчины вовсе ничего не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах. Но они охотятся и упражняются в стрельбе... Лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платье, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры». Кроме того, «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях... а некоторые и стреляют, как мужчины».

Сведения Плано Карпини подтверждает и дополняет его современник Гильом Рубрук: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут (курут, т. е. сушеный творог.— *С. К.*), приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают они их ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки, сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома. Кроме того, женщины участвуют в выпасе овец и коз» [37, с. 36—37, 100—101]. Таким же образом оценивает соотношение мужского и женского труда в монголь-

ском быту Марко Поло: «Жены, скажу вам, и продают, и покупают все, что мужу нужно, и по домашнему хозяйству исполняют. Мужья ни о чем не заботятся, воюют, да с соколами охотятся на зверя и птицу» [35, с. 98]. Согласно «Ясе» Чингисхана, во время походов женщины «исполняли труд и обязанности мужчин» [10, с. 56].

Для оценки значения женского труда в семейном хозяйстве кочевников Центральной Азии важны этнографические материалы, относящиеся к недавнему прошлому монголов, тувинцев, бурят, тяньшаньских киргизов. Так, у монголов «дойкой скота, переработкой животноводческой продукции, пошивкой одежды, приготовлением пищи и другими мелкими домашними работами целиком заняты женщины». Вместе с тем женщины активно участвуют в выпасе мелкого скота — овец и коз [9, с. 146].

У монголов, тувинцев, бурят, казахов женщины занимались и такими тяжелыми работами, как выделка (катание) войлоков, обработка шкур, выделка кож, шитье кожаных изделий [11, с. 82—84; 38, с. 204; 9, с. 263].

Любопытно описание быта большой семьи тяньшаньских киргизов: «Снохи выполняли сообща все домашние работы: готовили пищу, таскали воду, топили печи, пряли нитки, доили коров, овец и кобылиц, занимались изготовлением шерстяных тканей, выделкой кожи, катанием войлоков, разборкой и собиранием юрты при перекочевках, приготовлением постелей для всех членов семьи. Они же обшивали членов семьи, приготавливая всю мужскую и женскую одежду, кроме сапог» [3, с. 245]. Естественно, на женщинах лежала и забота о малолетних детях.

В условиях патриархального натурального хозяйства, а любое кочевое и полукочевое хозяйство является таковым, благосостояние семьи зависело не только от количества скота, его сохранения и воспроизводства, но и в не меньшей степени от способности своевременно и полностью переработать, подготовить к использованию или хранению всю многообразную продукцию животноводства, охоты, собирательства. Во всем этом женский труд играл основную роль. Поэтому в многоженстве кочевников древней Центральной Азии, в стойком сохранении у них левирата и в захвате во время набегов преимущественно женщин очевидна экономическая обусловленность — стремление обеспечить дополнительной рабочей силой *семейное* хозяйство, основную производственную ячейку кочевого общества. И чем богаче скотом было это хозяйство, тем в большем количестве женских рук оно нуждалось.

Использование в кочевом хозяйстве женского труда, в том числе и подневольного, вместо труда сколько-нибудь значительного числа рабов-мужчин настоятельно диктовалось также, а может быть и в первую очередь, соображениями безопасности. Концентрация рабов, т. е. недавних воинов враждебных племен, в аилах, рассеянных по степям и горам, в ставках кочевой

знати, передача на попечение рабов скота, домов и семей во время длительных отлучек ушедших в очередной поход воинов господствующего племени — все это было попросту невозможно ради простого самосохранения. Уже в «Истории» Геродота (IV, 3—4) содержится полулегендарный рассказ о войне скифов, вернувшихся из похода, против взбунтовавшихся рабов, захвативших тем временем их ставки. Не менее яркие события такого рода знает сравнительно недавняя история кочевников. Один из случаев подобного восстания рабов описывает, по русским архивным материалам, Г. И. Семенюк: «Когда в 1755—1756 г. в Казахстане на территории Младшего жуза скопилось несколько тысяч захваченных в плен и обращенных в рабство людей, они убивали своих хозяев, угоняли их скот, убегали в сопки и камышевые заросли, создавали там шайки и своими набегами терроризировали население целого ханства (жуза), заставив аулы скучиваться для защиты, что привело к бескормице, заболеваниям и массовому падежу скота. Хозяйство и безопасность самих кочевников жуза были поставлены... под угрозу» [45, с. 35].

Концентрация невольниц, часть которых становились женами и наложницами своих хозяев, не представляла для тех опасности, надзор за ними осуществлялся в рамках семейного быта. Вместе с тем интенсивное использование труда невольниц на всех работах, включая выпас мелкого скота, высвобождало для войны значительную часть мужчин и освобождало от тяжелого физического труда наиболее привилегированных женщин господствующего племени.

Были у кочевников и рабы-мужчины. Некоторые из них, если судить по примерам, относящимся к гуннской и монгольской эпохам, а также к раннесредневековым племенам тюрков Средней Азии, становились пастухами коров и овец (чабанами), но не табунщиками — коней рабам не доверяли [3, с. 110; 39, т. 1, кн. 1, с. 145]. В первые десятилетия истории Тюркского каганата практиковались жертвоприношения рабов во время похорон их господина. Так, при погребении Дизавула (Истеми-кагана) в 576 г. «четверо скованных военнопленных хуннов приведено было... для принесения их в жертву вместе с конями их» [18, с. 422]. Однако позднее этот обычай не упоминается. При погребении воина-тюрка сооружались курган или оградка, к которым с востока примыкала цепочка камней-балбалов, каждый из которых знаменовал образ врага, убитого воином; души убитых принуждались, таким образом, служить своему победителю в загробном мире, а надобность в человеческих жертвоприношениях на свежей могиле отпадала [25, с. 238—255].

Шире, чем у тюрков Монголии, труд рабов применялся енисейскими кыргызами. Кыргызы наряду с ведением экстенсивного скотоводства выращивали зерновые культуры, практиковали ирригационное земледелие, строили оседлые укрепленные поселки. Потребность в рабочей силе была поэтому у кыргызов

выше той, что обычна для других скотоводческих племен Центральной Азии. Китайский источник сообщает, что кыргызы «ловят и употребляют в работу» своих соседей из таежных племен [8, т. 1, с. 351—352; 42, с. 38—39]. В погребальной надписи одного из кыргызских ханов также упомянуты рабы-мужчины, которые во время тризны прислуживали гостям: «Из-за своей рыцарской храбрости мой старший брат вознесся (умер). Увы! Поэтому теперь его рабы предлагают [поминальную] трапезу» (Е 32) [25, с. 250—252]. Концентрированное поселение в укрепленных «городках» значительно снижало опасность восстания рабов и позволяло кыргызской знати иметь рабов-мужчин в необходимом для их хозяйства количестве.

Таким образом, хотя личное рабство в тюркских государствах Центральной Азии не выходило в основном за пределы домашнего рабства, вся жизнедеятельность древнетюркской общины, а в какой-то мере и ее боевая сила были связаны с эксплуатацией невольников и в еще большей степени невольниц. Захват в плен — одна из основных целей войн, которые вели тюрки.

Возможно, что часть захваченных в межплеменных войнах пленников тюрки продавали в Китай. Во всяком случае, как установил Э. Шефер, в Китае были покупные рабы из тюрков, которые использовались в качестве табунщиков, конюхов, ездовых, кучеров, личных телохранителей [55, с. 42—44]. Однако таких масштабов работорговли, которая велась захваченными в плен тюрками в Средней и Передней Азии, Центральная Азия никогда не знала.

Военнопленные китайцы возвращались за выкуп. Так, Ли Шимин выкупил у тюрков в 630 г. за золото и шелковые ткани «80 тыс. душ обоего пола» [8, ч. 1, с. 256]. Вместе с тем часть китайского полона селилась тюрками, как до того хуннами, на своих землях, создавались ремесленно-земледельческие слободы, население которых работало на своих хозяев. Подобные слободы, а позднее и города создавали в Тюркском и Уйгурском каганатах и согдийцы. Поселенцы из Согда основали в Семиречье и Восточном Туркестане, на землях западных тюрков, которые именовали их «татами», а также в Восточнотюркском каганате значительное число колоний, обладавших известной военно-политической независимостью. Но таты, хотя и считались вассалами «народа десяти стрел» (западных тюрков), никогда не были их рабами [23, с. 78—135]. Иные категории зависимости не всегда, однако, выделялись в текстах особой терминологией.

В 576 г. посольство императора Тиберия, возглавленное мечником Валентином, отправилось к недавнему и могущественному соседу Византии, тюркскому кагану, чтобы уговорить его помочь империи в войне с персами. По прибытии в ставку Турксанфа, одного из сыновей кагана, ромеи узнали о кончине Дизавула. В ответ на просьбу о союзе Турксанф обрушил на

послов град упреков, главным из которых было обвинение в покровительстве аварам-вархонитам. Незадолго до этого авары были разбиты тюрками и часть их бежала в византийские владения. Теперь же Турксанф, именуя аваров не иначе как «рабы мои, бежавшие от господ своих», требовал лишить беглецов поддержки [18, с. 416—422].

В какой мере византийский историк Менандр, описавший этот эпизод, был точен, приписав Турксанфу слова о «рабстве» целого племени, потерпевшего поражение? Иначе говоря, насколько правильно передали константинопольские сановники, вступившие в спор с тюркским князем, его манеру политического мышления?

Ответить на этот вопрос позволяют тексты, созданные самими тюрками. Деяния своих предков Бумына и Истеми (Дизавула — византийского историка) Йолыг-тегин оценивает краткой патетической формулой, рожденной эпохой завоеваний: «Все народы, жившие по четырем углам света, они (каганы) покорили и принудили их всех к миру! Имеющих головы они заставили склонить головы, имеющих колени, они заставили преклонить колени!» (КТ 2). Минуло полвека после смерти Истеми. Повествуя о конце первой тюркской державы, Йолыг-тегин пишет: «Народу табгач стали они (тюрки) рабами своим крепким мужским потомством, стали рабынями своим чистым женским потомством. Тюркские беги сложили с себя свои тюркские титулы и, приняв титулы табгачских бегов, подчинились кагану народа табгач» (КТб 7). Это случилось в монгольских степях в 630 г. Главной повинностью стала для тюрков «дань кровью» — обязанность участвовать в войнах Танской империи (КТб 23—24). Йолыг-тегин напоминает о тех горьких днях: «Весь без изъятия тюркский народ так [тогда] говорил: „Я был народом, имеющим свой эль, где теперь мой эль? Я был народом, имеющим кагана, где теперь мой каган? Для какого кагана я отдаю теперь труды и силы?“» (КТб 8—9) [23, с. 20—34].

Во всех случаях, когда речь идет о новом состоянии тюркского племенного союза (народа), употреблены выражения «qul bolty» и «küng bolty» — «стал рабами (невольниками)» и «стал рабынями (невольницами)» или парное глагольное сочетание «qullad-künged» — «делаться рабами и рабынями» (КТб 13). «Рабское состояние» целого племенного союза определяется в памятниках следующими признаками: во-первых, утратой собственного кагана; во-вторых, утратой своей государственной организации — эля; в-третьих, утратой установлений, определявших прежнюю жизнь племен (КТб 13); в-четвертых, утратой возможности трудиться и служить ради своих интересов; в-пятых, утратой своих племенных земель.

В то же время тюрки сохранили племенное единство и межплеменные связи, знать, военную организацию и прежний образ жизни, что позволило им выиграть освободительную войну

и в 681—682 гг. возродить каганат. И вот после провозглашения вождя восстания Эльтериш-каганом, после возрождения эля и прежних установлений Йолыг-тегин фиксирует выход «народа тюрков» из «рабского состояния».

Таким видели тюрки свое недавнее прошлое. Но так же оценивает Йолыг-тегин современные ему политические отношения. В 710—711 гг. тюрки перевалили Саяны и сокрушили Кыргызский эль, убив кагана кыргызов Барс-бега. «Каган был убит, а народ его стал рабынями и рабами...— сообщает Йолыг-тегин.— Мы дали устроение племенным союзам азов и кыргызов» [КТб 20). Был уничтожен кыргызский эль, убит каган, но сохранен племенной союз (bodun) кыргызов на его коренных землях, где, впрочем, кыргызов и азов потеснили тюркские поселенцы [47, с. 199—206]. Власть оказалась в руках тюркского правителя; однако уже в 732 г. упоминается новый кыргызский каган, дружественный тюркам (КТб 53). В тот период, когда, лишившись своего государя, кыргызы попали под прямое управление тюркского кагана, они названы Йолыг-тегином «рабынями и рабами».

Существует и третья группа источников, подтверждающая приведенную выше трактовку тюрками любых форм непосредственного подчинения какого-либо племени (племенного союза) иноплеменному властителю. Согласно Чжоу шу, еще до того как тюрки создали свое государство, они поселились на Алтае, в землях жужан, которым и стали выплачивать дань добываемым там железом. Это дало основание жужанскому кагану назвать вождя тюрков Бумына своим «рабом-плавильщиком» (551 г.) [8, т. 1, с. 228]. Еще более интересен рассказ Суй шу об Ышбара-кагане (Шаболио), который в ходе междоусобных войн конца VI в. запросил помощь империи. Ему было предложено признать себя вассалом суйского императора. «Шаболио спросил у своих сановников, что такое значит слово: вассал? В ответ ему сказали: вассал в царстве Суй значит то же, что у нас (тюрков.— *С. К.*) слово раб» [8, т. 1, с. 237].

Сравнение сообщений всех трех групп источников, в особенности же показания рунических текстов, позволяет сделать вывод: теми же терминами, что и личное рабство, обозначались в древнетюркском обществе иные формы социальной зависимости, возникшие в результате военного и политического подчинения каких-либо этнических групп, не входивших первоначально в господствующий племенной союз. Такого рода «рабские» племена принуждались к уплате дани и военной службе своим новым сюзеренам, как это было с самими тюрками во время подчинения жужанам и Танской империи. Формулой подчинения, зафиксированной Кошоцайдамскими памятниками, было выражение «отдавать свои труды и силы» иноплеменникам.

Как правило, подчиненное племя или племенная группа лишались своего главы (хана, кагана) или же этот глава признавал свою «рабскую» зависимость от кагана господствующе-

го племенного союза. Знать подчиненных племен, сохраняя власть внутри своего племени, включалась в политическую организацию господствующих племен и подчинялась главе этой организации, который осуществлял над ней контроль через своих уполномоченных (тудунов). Земли «рабских» племен можно было отнять у покоренных, переселив их на иную территорию.

Наконец, как «рабскую» древнетюркские памятники определяли еще одну форму коллективной зависимости, изначально существовавшую внутри господствующей группы племен. Особенно ярко она выявлена надписью из Могон Шине Усу.

Становление власти уйгурской династии (744—840) было трудным. Сокрушив тюрков и разгромив прежних союзников — карлуков, Элетмиш Бильге-каган столкнулся с противодействием в собственных племенах, часть которых, возглавленная Тай Бильге-тутуком и другими «именитыми», восстала. Возможно, в мятеже был замешан старший сын Элетмиша, казненный в те же годы отцом. Трижды каган сражается с восставшими, трижды выигрывает сражения. Об исходе первого сражения Элетмиш говорит: «qulym küngim bodunygh tengri jer aju berti anca sancdym» (стк. 13—14) — «Моими рабами и рабынями, этим народом Небо и Земля распорядились (решили их участь). Я их тогда победил». Наказав именитых зачинщиков бунта, каган не тронул остальных: «qara igil budunygh joq qylmadym ebin barqyn jylqysyn julmadym» (стк. 14) — «их простой народ я не уничтожил, их юрты и постройки, их скот я не отнял». Далее, каган называет восставших «kentü bodunym» — «мой собственный народ».

Лишь после проявленного «простым народом» неповиновения и нового сражения каган отнял у непокорных «их табуны, их добро, их женщин и девиц» (стк. 15). Часть восставших племен бежала. Настигнув беглецов, каган требует: «Снова служи мне и работай!»

В эпизодах гражданской войны внутри Уйгурского каганата, войны за право безраздельной эксплуатации «собственного народа», ясно проявились противоречия, свойственные всему древнетюркскому обществу, включая противоречия между каганом и племенной знатью, между каганом и «простым людом», между «простым людом» и «именитыми». «Простой народ», «свой собственный народ», сохранивший свои «юрты и постройки», свои земли, свой скот, свое добро и свои семьи, Элетмиш Бильге-каган называет «рабами и рабынями». Но в личное рабство он обращает на следующем этапе восстания только часть «женщин и девушек» мятежников. Остальные были возвращены в прежнее состояние («Снова служи мне и работай!»), состояние, которое Элетмиш назвал «рабским». «Невольниками» названы собственные племена кагана, обязанные ему военной службой и частью своих доходов.

Таким образом, анализ древнетюркских памятников приводит к выводу, что внутри древнетюркского общества VI—X вв.

существовало рабство и другие формы социальной зависимости, основанные на внеэкономическом принуждении и определяемые авторами памятников в тех же терминах, что и личное рабство. Последнее обстоятельство свидетельствует как о том, что коллективное социальное мышление древнетюркских племен носило более архаичный характер, чем актуальный для той среды социальный быт, так и о том, что рабовладельческие отношения, несмотря на их невсеобъемлющий характер, неизбежно опосредовали все другие формы социальной зависимости.

[1] О понятии «хозяйственно-культурный тип» см. [31; 36, с. 22—25]. О формах скотоводческого хозяйства в Центральной Азии см. [9, с. 11—37].

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 1—2.
2. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
3. *Агаджанов С. Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
4. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.
5. *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории народов Средней Азии. М., 1968. Т. 5.
6. *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951.
7. *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.— Л., 1946.
8. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т . 1—3. М.— Л., 1950.
9. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
10. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. М., 1934.
11. *Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969.
12. *Грач А. Д.* Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Вана в Туве.— СЭ. 1958, № 4.
13. *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М.— Л., 1960.
14. *Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени.— Тюркологический сборник. М., 1966.
15. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
16. *Гумилев Л. Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
17. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1969.
18. *Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1860.
19. *Жагварал Н.* Аратство и аратское хозяйство. Улан-Батор, 1974.
20. *Ибн ал-Факих.* Китаб ахбар ал-булдан.— Фотокопия Мешхедской рукописи (ИВ АН СССР и ФВ-202).
21. История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь. Л., 1968.
22. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
23. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
24. *Кляшторный С. Г.* Представление древних тюрков о пространстве.— ПП и ПИКНВ. Вып. 11, ч. 1. М., 1975.
25. *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах.— Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
26. *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись.— СТ. 1980, № 3.
27. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.— Л., 1962.
28. *Ковалевский А. П.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939.
29. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
30. *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979.

31. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— СЭ. 1955, № 4.
32. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.— Л., 1951.
33. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.— Л., 1952.
34. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.— Л., 1959.
35. *Марко Поло.* Книга. М., 1955.
36. *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.
37. *Плано Карпини.* История монголов. М., 1967.
38. *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
39. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.— Л., 1952. Т. 1.
40. *Рубрук Гильом.* Путешествие в восточные страны. М., 1967.
41. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960.
42. *Савинов Д. Г.* О длительности пребывания енисейских кыргызов в Центральной Азии.— Вестник Ленинградского Гос. университета. 1978, № 14.
43. *Самойлович А. Н.* «Богатый» и «бедный» в тюркских языках.— ИАИ. 1936, № 4.
44. *Семенюк Г. И.* К проблеме рабства у кочевых народов.— Изв. АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1. 1958.
45. *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов в период феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974.
46. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968; вып. 2. М., 1973.
47. *Худяков Ю. С.* Кок-тюрки на среднем Енисее.— Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
48. *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения.— Тюркологический сборник 1970. М., 1970.
49. *Chavannes Ed.* Les pays d'Occident d'après le Weilio.— TP, sér. 2, vol. 6, 1905.
50. *Clauson G., Tryjarsky E.* The Inscription at Ikhe Khushotu.— RO, 1971, т. 34.
51. *Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society the 6th Century Turk Empire.— AOH. T. 25. 1972.
52. *Kljaštornyi S., Livsič V.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised.— AOH. T. 26. 1972.
53. *Mori M.* Historical Studies on the Ancient Turkic Peoples. Tokyo, 1967.
54. *Orkun H. N.* Eski türk yazitlari. T. 1—4. Istanbul, 1936—1941.
55. *Schafer E. H.* The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang Exotics. Berkeley — Los Angeles, 1963.
56. *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.

Т. И. Султанов

О НЕВОЛЬНИКАХ В КАЗАХСКОМ ХАНСТВЕ в XV—XVII вв.

Изучение рабовладения в эпоху средневековья у кочевых племен и народов имеет в отечественной историографии давнюю традицию. В частности, проблеме рабства у казахов-кочевников посвящены статьи И. Крафта, Ф. Зобнина, Е. Бекмаханова, Г. Семенюка [13; 12; 11; 4; 22]. Отдавая должное результатам этих исследований, нельзя в то же время не отметить их известную неполноту, поскольку использовались главным образом источники на русском языке XVIII—XIX вв., тогда как данные источников XV—XVII вв. к работе почти не привлекались. Между тем при изучении источников, относящихся к этому периоду, раскрываются многие немаловажные подробности характера рабовладения в Казахстане. В данной работе мы попытаемся восполнить этот пробел, насколько позволит нам имеющийся материал.

Как известно, рабы (кул) имелись у кочевых тюрок с глубокой древности. Самым распространенным внешним источником приобретения рабов как у оседлых, так и кочевых народов были войны, военные набеги. Во время набегов кочевники не только захватывали изделия ремесла и продукты земледелия, но и уводили пленников, которых продавали в неволю или обращали в рабов. Ибн Рузбихан, отмечая, что ханы узбеков, казахов и предводители мангытов (ногаев) находятся постоянно в распре друг с другом, пишет: «И когда побеждают, то продают друг друга в рабство. Имущество и людей [противника] между собой они считают дозволенной военной добычей и никогда от этого [правила] не отступают. Если кто-либо это не признает, говоря: „Зачем же ты продаешь [в рабство] свой собственный народ?“, они удивляются и говорят: „Да этот человек в бреду, он не признает военной добычи”. У кого хватит смелости сказать им: „Это — наши люди“ — после такого утверждения, что эти [люди] — военная добыча? Продажа побежденных широко распространена у них без всякого мешающего препятствия и отвергающего непризнания» [28, с. 41—42; 25, с. 62]. При этом, по его словам, при захвате в плен и купле-продаже рабов казахи не делали никакого различия между мусульманами и «неверными» [28, с. 173; 25, с. 106], хотя сами казахи, как известно, были, как и большинство тюрков-кочевников, мусульманами-суннитами.

Этнический состав рабов из пленников был самым разнообразным: в «Михман-наме-йи Бухара» упоминается четырнадцатилетний мальчик-индус, который был рабом у некоего казаха из улуса Таниш-султана [28, с. 234; 25, с. 135]; по свидетельству Ф. Скибина и М. Трошина, при казахском хане Тауке были русские пленники и пленницы [9, с. 381]; в других источниках говорится о пленных калмыках и т. п.

Численность пленников, захватываемых казахскими владетелями, зависела каждый раз от их успехов или неудач в военных столкновениях с соседями, но, за редким исключением, была, видимо, не так уж велика.

Вторым (из основных) источником приобретения рабов являлся обмен. Основной контингент этой категории невольников составляли дети. О продаже родителями детей говорится во многих источниках. Ал-Омари, например, о жителях Дешт-и Кыпчака писал: «По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: „Лучше остаться в живых нам и ему, чем умирать нам и ему“» [24, с. 231]. По словам английского путешественника XVI в. Л. Дженкинсона, когда он был в Ногайской орде, где люди в то время «страдали от голода и мора», он «мог бы купить много красивых татарских детей, целую тысячу, если бы захотел, у их собственных отцов и матерей, а именно мальчика или девочку за каравай хлеба, которому цена в Англии 6 пенсов» [8, с. 172].

Обычное право кочевников запрещало продажу свободного лица в рабство независимо от его возраста и пола. В нарративных источниках также отмечаются случаи запрета продажи детей в неволю. Макризи, например, так заканчивает свои известия об Едиге: «Он тот, который запретил татарам продавать детей своих, вследствие чего уменьшился привоз их в Сирию и Египет» [24, с. 474; 3, с. 804]. Тем не менее продажа кочевниками Дешт-и Кыпчака детей в рабство продолжалась вплоть до середины XIX в. [22, с. 184].

Указываемая Л. Дженкинсоном цена мальчика или девочки — «каравай хлеба» — не отражает обычной стоимости рабов-детей. Это так называемая «голодная цена». Поэтому она и отмечена особо путешественником. Довольно полное представление об обычных ценах на рабов-детей и подростков дают русские источники. Согласно документам, датируемым 1648—1678 гг., цена малолетних детей в возрасте от одного до четырех лет составляла от 1 до 8 руб.; 9—10-летний мальчик стоил 10—15 рублей; 12-летние и подростки — от 15 до 23 рублей. Цена девочек колебалась от 3 до 12 рублей [16, с. 380—385].

Разумеется, что ряды покупных невольников частично пополнялись также взрослыми рабами, о высокой рыночной цене на которых будет сказано ниже.

Приобретение рабов меной или куплей было, таким образом,

делом дорогим и практически недоступным подавляющему большинству кочевников, хотя обычное право не запрещало каждому кочевнику, «какого бы происхождения он ни был», иметь раба, причем число рабов не ограничивалось [17, с. 135].

В действительности же иметь покупного раба могли позволить себе лишь богатые скотовладельцы — баи. Зачем было приобретать дорогостоящих покупных рабов, когда существовали иные способы приобретения невольников, не связанные с материальной затратой? Раб являлся формой собственности. Можно полагать, что наличие у того или иного степного феодала дорогостоящих покупных рабов и их количество, как и количество скота, служили как бы внешним показателем его истинного богатства, предметом его тщеславия, т. е. «покупали для престижа». Кроме того, на невольничьих рынках приобретались, видимо, рабы, владевшие какой-либо особой, не распространенной у кочевников профессией или искусством. Например, раб некоего казаха из улуса Таниш-султана искусно играл на арфе [1, с. 87]. Правда, каким путем он попал к своему владельцу, нам неизвестно.

То обстоятельство, что покупных рабов имели исключительно баи, не могло не отражаться на их численности — они представляли самую малочисленную категорию невольников.

Другую категорию рабов составляли несостоятельные должники, недоимщики. Это было кабальное рабство. Если рабами первых двух категорий оказывались главным образом иноплеменники и люди разных возрастов, в том числе малолетние дети, то кабальными рабами становились, как правило, свободные сограждане в возрасте, способном распоряжаться своей свободой, но попавшие по тем или иным причинам в личную зависимость от зажиточного скотовладельца. В условиях кочевого быта у бедняков и даже середняков возможности оказаться в рабской зависимости от баев были поистине безграничны [18, с. 329—332; 22, с. 171—173].

Кабальный раб мог выкупиться при своей жизни, заплатив положенный долг, но такое случалось не часто, и эта категория зависимых людей составляла в степи, видимо, самую многочисленную часть невольников.

В сочинении автора XVI в. Мас‘уда б. Усмана Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани» сообщается, что после окончания сражения с Тимуридом Абдаллахом в 1451 г. Абулхайр-хан «приказал, чтобы бахадуры войска, храбрецы страны и прочие [воины] победоносного войска в благодарность [богу], за победу освободили пленных и убрали руку овладения и захвата от имущества подданных» [15, с. 167]. Однако упоминаемое здесь массовое освобождение пленников представляет собой, по-видимому, редкий случай и не может характеризовать основные формы реализации людей, захваченных в полон во время военных действий.

Как показывают данные большинства источников, основной

формой реализации пленников была продажа их на невольничьих рынках в рабство [22, с. 180—187]. Невольничьи рынки существовали в XVII в. на территории самого Казахского ханства. По свидетельству Ф. Скибина и М. Трошина, в их бытность в г. Туркестане, где располагалась ставка казахского хана Тауке, там, «водя по торгу», продавали «Тобольского сына боярского Дмитрия Суздальцова» и с ним «русских людей 60 человек» [9, с. 382]. Часть пленников вывозилась для продажи за пределы ханства. Основными рынками работорговли издавна являлись города Средней Азии. По словам самого Тауке-хана, в передаче русских послов, «Казачьей-де орды татары русских людей в полон емлют и приводят и продают в Бухарею» [9, с. 383]. Пленников и рабов вывозили для продажи также в Хиву, Джунгарию, даже в пределы Российского государства и в «Китайские владения» [22, с. 181, 183, 185, 186].

Предпочтительный вывоз кочевниками пленников на внешние рынки обусловливался тем, что торговля ими была экономически более выгодной, чем внутрихозяйственное использование рабов как рабочей силы. Цены на рабов на невольничьих рынках в рассматриваемое время были стабильно высоки. Об этом свидетельствуют выкупные цены на рабов из пленных. Согласно источникам XVII в., выкупная стоимость старика или старухи составляла в Среднеазиатских ханствах от 3 до 5 руб., а инородной женщины-рабыни — колебалась от 15 до 70 руб. [16, с. 381—397]; выкупная цена раба-мужчины доходила до 110 руб. [16, с. 283]. Судя по источникам того же времени, обычно выкупная сумма соответствовала рыночной цене раба [9, с. 384, 22, с. 185, примеч. 134].

Для того чтобы представить, насколько эти цены были высоки, приведем здесь рыночные цены на отдельные виды ткани, одежды, мехов, а также другие товары, привозимые, в частности, из Средней Азии в Тару и Тобольск в течение 1639—1672 гг. [16, с. 376—379]. Так, аршин бумажной некрашеной ткани (бязь) стоил 4—8 деньги, «конец» [1] ситца с набойкой — 8—13 алтын 2 деньги, «конец» льняной ткани (мели) — от 13 алтын 2 деньги до 1 руб., а полушелковая ткань (кутия) — от 20 алтын до 1 руб. Рыночная стоимость ситцевого кафтана составляла 20—30 алтын, хлопчатобумажного кушака — 6—10 алтын, а кушак полушелковый стоил 20 алтын. Шкурка красной лисицы оценивалась в 20 алтын, мерлушка стоила 1 алтын, овчина — 3 алтына 1 деньга, куница — 13 алтын 2 деньги, фунт чая — 2 алтына 4 деньги.

В русских источниках цены на рабов обозначены, как правило, в рублях, а не в местных денежных единицах. Однако в этих же источниках фиксируются случаи, когда продажная цена раба была выражена не в деньгах, а в ином товаре. Так, согласно документу, датируемому 5 ноября 1683 г. [16, с. 289], «конный стрелец» Васька Григорьев был захвачен в плен крымскими татарами, затем перевезен в Хиву, где его обменяли

на «10 лошадей да 3 азяма бухарских» [2]. В другом месте сообщается, что В. Бекаев, служилый татарин Казанского уезда, деревни Киргиз, «около 60-х годов» XVII в. был захвачен в плен калмыками, «и жил он у тех калмыков в улусах 3 год, и после того продали его те калмыки хивинским торговым людям, а дали за него со 100 зенденей» (т. е. 100 отрезов ненабивного ситца.— *Т. С.*) [16, с. 289—290].

Возможно, что на среднеазиатских рынках того времени стоимость раба-мужчины не всегда имела такое соотношение с ценой других товаров, приобретаемых за деньги. Но здесь важно то обстоятельство, что речь идет о рыночной стоимости раба как товара и этот товар в меновом отношении приравнивается именно к скоту и ткани городского производства, т. е. к предметам первой необходимости кочевников. Экономисты полагают, что для самостоятельного ведения хозяйства кочевнику-скотоводу необходимо было иметь в среднем 50—100 овец, не менее шести голов крупного рогатого скота, двух верблюдов и 15—20 лошадей [18, с. 330; 23, с. 38]. Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что цена раба или пленника составляла весомую долю стоимости всего имущества семьи среднего достатка. Так что торговля пленниками и рабами на внешних рынках была весьма выгодным предприятием, сулившим кочевнику немалую материальную выгоду.

Другой формой реализации пленников было получение выкупа. Как показывают данные источников, какая-то часть пленников выкупалась оставшимися на свободе родственниками. Так, в результате похода, совершенного казахским султаном Ахмадом в 1508 г. на территорию Мавераннахра, было уведено в плен «несколько тысяч» человек. Тогда предводитель узбеков Шейбанихан, по словам Ибн Рузбихана, «заботливо предоставил много верблюжьих поклаж полотна (карбас), чтобы жители Куфина и подчиненных Бухаре и Самарканду местностей, приготовив выкуп за своих пленных, отправились бы в [Кыпчакскую] степь и вернули обратно своих плененных [родичей]» [28, с. 187; 25, с. 111].

Таким образом, на невольничьих рынках, а также путем получения выкупа *реализовывалась* основная масса пленников. В самом ханстве оставалась весьма незначительная их часть и то в основном у богатых скотовладельцев — баев.

Согласно исследованию Г. И. Семенюка, общее количество рабов из пленников в Казахстане в XVIII—XIX вв. составляло около 2,5 тыс. человек [22, с. 188—189]. Данные о численности рабов для XV—XVII вв. отсутствуют. Если допустить, что численность рабов из пленников составляла и в XV—XVII вв. в среднем те же цифры, а общее число невольников всех категорий даже в 3 раза превышало эти данные, то и тогда численность рабов не превысила бы 8 тыс. Для того чтобы определить количественное соотношение невольников и лично-свободных лиц, представляется необходимым выявить общую численность

населения Казахского ханства в рассматриваемое нами время. В этом отношении мы располагаем некоторыми данными. В труде авторитетного автора XVI в. Мухаммада Хайдара Дуглата, хорошо знавшего казахские улусы, трижды говорится о том, что в первой четверти XVI в. «казахов было миллион человек» [27, с. 154а, 200а]. Примечательно, что, несмотря на ряд военных поражений и политических потрясений, пережитых казахами в 30—60-е годы того же столетия, они не только сохранили свою численность, но и, судя по данным, которые сообщает нам Сейфи Челеби в своем сочинении, даже увеличили ее. В его хронике, написанной в 80-е годы XVI в. и основанной, видимо, на устных рассказах купцов и путешественников, о казахах сообщается следующее: «По другую сторону Кашгарского вилайета расположилось племя (таифе), носящее название казахи. Они кочевники; у них нет ни городов, ни селений. Число их составляет 2 раза по 100 тыс. семейств (эв)» [29, с. 14б]. Если на семью-кибитку в среднем приходилось 6 человек[3], то общую численность населения Казахского ханства второй половины XVI в. можно определить приблизительно в 1 млн. 200 тыс. человек.

Численность населения Казахского ханства не оставалась, разумеется, одинаковой и в XVII в. Во-первых, она увеличивалась в силу естественного роста населения, во-вторых,— за счет миграции кочевых племен, а также завоеваний новых областей. Известно, например, что в XVII в. к казахским владениям были причислены Ташкент, Туркестан и ряд других присырдарьинских городов и крепостей, что безусловно заметно увеличило общую численность свободных подданных Казахского ханства. По сообщениям Ф. Скибина и М. Трошина (русских послов к Тауке-хану), число подвластных казахам «городков» в 90-х годах XVII в. достигало 32 [16, с. 263, 266]. Однако неизвестно, действительно ли все они были городами. В приводимых ими же названиях 13 «городков» наряду с такими известными городами-крепостями, как Туркестан, Сауран, Сузак, Сайрам и др., значатся, очевидно, и просто селения. Какова была численность жителей этих «городков» в XVII в., мы, к сожалению, не знаем. По определению Поспелова и Бурнашева, бывших в Ташкенте в 1800 г., в нем насчитывалось до 10 тыс. домов и до 40 тыс. жителей мужского пола [20, с. 28—29]. В г. Туркестане, к 1800 г. покинутом большинством жителей, по словам тех же авторов, насчитывалось немногим более 300 домов [20, с. 29]. Между тем в XVII в. Туркестан был значительным городом и являлся местом пребывания казахских ханов. О Сайраме под 1735 г. сообщается, что это «немалый город» [2, с. 278].

Учитывая эти обстоятельства, можно полагать, что в подвластных казахским владетелям городах и «городках» проживало в общей сложности не менее 120—150 тыс. человек. Общая численность населения Казахского ханства в конце XVII в., с учетом естественного роста и частичной миграции, составля-

ла в таком случае не меньше 1 млн. 500 тыс.— 1 млн. 600 тыс. человек. Если даже допустить, что в подвластных казахским султанам и хану «городках» в общей сложности насчитывалось столько же невольников, сколько могло быть во всем Казахском ханстве, т. е. до 8 тыс., то и тогда численность рабов в XVII в. могла составлять не более 1% всего населения ханства.

Такое количество невольников было, безусловно, явно недостаточным, чтобы эксплуатация рабского труда играла сколько-нибудь существенную роль в процессе производства в казахском обществе. Да и сами возможности использования рабского труда и, следовательно, потребности в нем казахского общества были весьма невелики. Основным занятием казахов в XV—XVII вв. было скотоводство. Вид скота (овцы, лошади и верблюды), социальные и природные условия определяли как экстенсивный характер скотоводства, так и кочевой образ жизни основной части казахского общества рассматриваемого периода. У казахов-кочевников скотоводство составляло практически единственную сферу прямого или косвенного приложения общественного труда. Эта особенность хозяйственной жизни казахов, а именно экстенсивное скотоводство, неизбежно накладывала свой отпечаток и на характер социальных отношений. Поскольку пастбищное скотоводство и натуральное хозяйство (по сравнению с иными формами хозяйствования) требовали небольшого числа рабочих рук, то и потребности кочевого общества в труде рабов были сравнительно невелики, что, в свою очередь, обусловливало малочисленность рабов и специфичность их положения у кочевых народов.

У кочевников, как правило, физический труд, связанный с обработкой продуктов скотоводства и ведением домашнего хозяйства, считался недостойным свободного мужчины и целиком возлагался на женщин, а по возможности и на рабов [19, с. 233]. Именно в этой, самой трудоемкой отрасли скотоводческого хозяйства находил наибольшее применение рабский труд. Однако и здесь, как показывают источники, труд невольников играл в основном подсобную, вспомогательную роль [22, с. 180—211], так что ценность рабочей силы рабов и удельный вес их труда в процессе производства кочевого скотоводческого хозяйства были весьма незначительны. Рабский труд в таких видах труда, как выпас и охрана скота на пастбищах, по-видимому, никогда широко не применялся кочевниками [24, с. 282—283].

Юридически рабы представляли собой самую бесправную социальную группу общества. Само состояние неволи лишало раба значения юридического лица, приравнивая его к вещи, скоту: «За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу»,— говорилось в «Жети Жаргы»[4]. Раб не пользовался никакими правами: он не мог выступить в качестве свидетеля [14, с. 170—178; 28, с. 236], не мог жаловаться на своего хозяина, если даже последний обходился с ним крайне жестоко. «Жалоба раба на господина

нигде не приемлется,— гласил „Жети Жаргы"». Рабы не несли ответственности за свои преступления. Гражданская ответственность за преступления рабов падала на их владельцев, которые обязаны были вознаграждать потерпевшую сторону за убытки, причиненные рабом. В свою очередь, дела, касавшиеся рабов, не подлежали суду биев. За все виды проступка невольника наказания определялись самим хозяином провинившегося раба. Рабы не несли никаких государственных повинностей, как это было, например, в Сибири [26, с. 103]. Общая характерная черта всех рабов, которая отличала их от других слоев общества,— личная зависимость от хозяина. Причем зависимость эта была полной, и, согласно ст. 16 «Жети Жаргы», за владельцем признавалось неограниченное право над жизнью принадлежащего ему раба. Составляя, таким образом, собственность владельца, раб служил только своему господину и получал от него известное вознаграждение в виде питания, одежды.

По юридическим нормам действовавшего в среде казахов-кочевников права рабы представляли собой, таким образом, обособленную группу в обществе. Однако статьи обычного права кочевников характеризуют, как правило, общий политико-юридический статус рабов в обществе, но не отражают фактического положения невольников. Как видно из содержания статей права в казахском обществе, рабство было патриархальное, домашнее. В условиях, когда общими государственными законами рабы были отданы во власть частных лиц, фактическое положение раба, естественно, зависело всецело от степени материальной обеспеченности и от личных качеств его владельца. Поэтому не случайно в источниках наряду с сообщениями о жестоких обращениях хозяев со своими рабами и побегах невольников [28, с. 234; 25, с. 135] отмечаются также факты, которые свидетельствуют о том, что некоторая часть рабов находилась в сравнительно сносных условиях [22, с. 192].

Положение раба — домашнего работника — было сходно с положением свободных, но неполноправных членов семьи — женщин, несовершеннолетних детей. Насколько можно судить по «Жети Жаргы», субъектом права признавались только лично-свободные. Но личная свобода, которой обладала основная масса населения, не всегда представляла собой юридическое полноправие, и в ряде случаев права свободных лиц сильно ущемлялись; это в первую очередь касалось женщин и несовершеннолетних детей. Женщины, «равно как работники, слуги и рабы», не могли выступать на суде в качестве свидетелей. Если муж становился свидетелем акта прелюбодеяния своей жены, он мог ее убить и «остаться безнаказанным». Между тем «если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти оплата куна». За убийство женщины выплачивалась половина куна и т. д. Не лучшим было в семье и правовое положение несовершеннолетних детей. Законом утверждалось верховное право роди-

тельской власти над жизнью своих детей. «Родители за убийство детей своих ничем не наказываются»,— гласила статья в «Жети Жаргы».

Согласно «Жети Жаргы», полноправным лицом являлся только свободный, «могущий носить оружие» мужчина — хозяин дома, глава семьи. Именно от него зависело положение как неполноправных членов семьи — его жен и детей, так и положение раба — его собственности.

Выше уже отмечалось, что пожизненными рабами являлись, видимо, только покупные рабы. Если они не отпускались на свободу по воле хозяина, то их потомки получали свободу по обычному праву, но лишь в четвертом колене. Статья обычного права о том, что «раб может выкупить себе свободу через определенное хозяином число скота или денег» [17, с. 135], относится, по-видимому, главным образом к категории кабальных рабов, так как обладать имуществом, каким-то количеством скота и т. д. до освобождения могли только рабы этой категории. Что касается рабов из пленников, то, по словам автора XVI в. С. Герберштейна, они «принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удаляться из страны» [6, с. 151].

Однако формальное освобождение от рабского состояния не означало полного *прекращения зависимости* пленника от хозяина. Дело в том, что в казахском обществе рассматриваемого времени, согласно «Жети Жаргы», защита личности и имущественных прав свободных лиц обеспечивалась не государственным аппаратом, а исключительно солидарностью членов рода. Государство в лице бия, главы рода, только обеспечивало родственникам и сородичам, например, осуществление права кровомщения (убитого), права на баранту (ограбленного) и т. д. Этот характерный для кочевого быта способ осуществления прав приводил к тому, что человек безродный или человек, от которого отступился его род, тем самым оказывался абсолютно беззащитным, оставался как бы вне закона. Поскольку весь или почти весь контингент рабов из пленных составляли чужеродцы, то, следовательно, они и после формального освобождения от состояния полного рабства оказывались фактически вне закона, абсолютно беззащитными. Экономически они все были беспомощны, поскольку ничего не имели.

Так или иначе, формально освобожденный раб был принужден обстоятельствами остаться при хозяине и вступить в новую форму зависимости. В подобных случаях между хозяином и его бывшим рабом устанавливались экономические отношения. Это выражалось в том, что зависимое лицо на условиях отработочной ренты получало от хозяина собственную кибитку и какое-то количество скота, приобретая тем самым некоторую хозяйственную самостоятельность и возможность обзавестись семьей. Благодаря такому порядку из бывших рабов образовывалась про-

слойка зависимых людей. Для зажиточных скотовладельцев эксплуатация этой категории людей была гораздо выгоднее, чем эксплуатация бездомного и живущего на господских харчах раба, не заинтересованного в своей работе.

Судя по материалам, опубликованным Г. И. Семенюком, метод экономического закабаления широко применялся богатыми скотовладельцами и по отношению к лицам, находящимся еще в состоянии полного рабства [22, с. 196—199]. Наделение этих рабов, обычно пленников или приобретенных меной-куплей, некоторыми средствами производства, кибиткой и т. п. делалось на условиях зависимости, очень близкой к кабальному рабству. Известное хозяйственное положение выделенных рабов не влияло на их юридическое положение: ни имущество, ни целостность семей, ни сама жизнь этих людей ничем не были защищены от произвола их хозяев.

Весьма своеобразным в кочевом обществе было положение рабынь. Обычай кочевников не запрещал брачных союзов лиц различных состояний, даже сословий. У султанов казахских улусов, единственно составлявших сословие «белой кости» («ак суйек»), было, например, наряду с женами немало наложниц-рабынь. В частности, в сочинении автора начала XVII в. Кадырали-бека, исследовавшего генеалогию казахских ханов и султанов, часто встречаются такого рода выражения: «Йадик-хан имел очень много жен и наложниц. Сыновей у него было также много»; «Ондан-султан имел много жен и наложниц, взятых им как со стороны, из других мест, так и из среды своих же сородичей» и т. п. [21, с. 163, 165 и др.]. Наложниц имели и многие другие представители кочевого общества. У английского путешественника XVI в. Л. Дженкинсона при его посещении Приаральских степей создалось даже впечатление, что каждый мужчина-кочевник «имеет по крайней мере 4 или 5 жен, не считая наложниц» [8, с. 170]. В действительности такое количество жен или наложниц могли иметь, безусловно, только представители кочевой знати — султаны, бии, баи, ибо, как уточняют Поспелов и Бурнашев, каждый мужчина-казах «содержит жен по мере своего состояния» [20, с. 7].

Значительная часть рабынь становилась, таким образом, наложницами своих хозяев, особенно если последние были достаточно зажиточными. Согласно обычному праву кочевников, ребенок, родившийся от наложницы и усыновленный господином, считался членом семьи своего отца и мог участвовать после его смерти в наследовании имущества вместе с другими детьми [22, с. 194—195]. «Дети от наложниц, неусыновленные, не получали наследства» [7, с. 54].

Некоторые из рабынь становились женами простых кочевников [22, с. 195—196]. Женитьба свободных, но бедных членов общины на рабыне вызывалась, в частности, тем, что калым за жену из семьи свободных кочевников был обычно высок и зачастую непосилен для них, а пленница-жена доставалась им

без каких-либо материальных затрат, хотя и с известным риском. По обычному праву, рабыня, взятая в жены свободным кочевником, делалась свободною [17, с. 136]. В положении полного рабства оставалось, по-видимому, лишь незначительное число порабощенных женщин. Они выполняли в основном роль домашних служанок.

Таким образом, основными источниками пополнения рабов были: плен, работорговля, долговая несостоятельность. Этими тремя источниками создавались три категории рабства, между которыми существовали прямые и косвенные связи. Какая-то часть невольников из числа пленников и покупных, как правило неимущих, переходила со временем в категорию кабальных рабов путем получения пекулиев (определенного количества скота и кибитки) на предписанных хозяином раба условиях. Относительная легкость и разнообразие форм приобретения кабальных рабов из числа соплеменников и, следовательно, их многочисленность в известной мере уменьшали потребность в двух других категориях рабов, порабощение которых было связано с известным риском или затратой определенных материальных средств.

Наличие постоянных источников приобретения рабов, с одной стороны, высокие цены на рабов на невольничьих рынках в соседних земледельческих странах и наличие, таким образом, возможности выгодной продажи пленников и рабов, с другой — способствовали, несмотря на неразвитость рабских отношений в Казахстане, живучести рабства в Казахском ханстве.

Рабы представляли собой самую низшую и самую бесправную прослойку общества: ни жизнь и личность, ни сохранность их имущества и семьи законом не обеспечивались. Единственной формой собственности на раба была частная собственность. Круг лиц, имевших право владеть рабами, не был ограничен, как не было ограничено и число рабов для права владения. Тем не менее общая численность рабов в Казахском ханстве была невелика.

В скотоводческом производстве казахов-кочевников не существовало специфически рабской сферы труда: труд рабов постоянно сочетался с трудом свободных общинников, в частности женщин и подростков, и не составлял основы производства ни в одной отрасли хозяйства.

Основной формой эксплуатации рабов было использование их главным образом как работников и прислуги в домашнем хозяйстве. Рабский труд бытовал, таким образом, лишь на уровне домашнего рабства, а сами рабы прямо или косвенно всегда входили во владевшую ими семью как бесправные ее члены.

Наличие подобных перечисленных признаков является характерной чертой патриархального рабства. Выводы сделаны на материалах, характеризующих юридический статус и бытовое положение рабов в Казахском ханстве XV—XVII вв. В целом

они совпадают с основными положениями, высказанными Г. И. Семенюком, исследование которого базируется главным образом на архивных материалах и литературных сведениях XVIII—XIX вв. Это взаимное совпадение в основных выводах позволяет говорить, что рабство в Казахстане имело одинаково патриархальный характер на всем протяжении истории Казахского ханства — со времени его образования в XV в. и до времени ликвидации ханской власти и самого рабства в XIX столетии.

[1] «Конец» — отрез ткани, условная единица в торговле; размер «конца», видимо, равнялся 15—20 аршинам.

[2] Азям — одежда халатного покроя.

[3] По подсчетам исследователей, средняя численность семьи в Европе и мусульманских странах в средние века приблизительно составляла шесть человек [5, с. 259].

[4] Здесь и далее статьи из «Жети Жаргы» цитируются по [14, с. 170—178].

1. *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
2. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2, ч. 1. М., 1963.
3. *Бартольд В. В.* Отец Едигея.— Сочинения. Т. 2, ч. 1. М., 1963.
4. *Бекмаханов Е. Б.* О зависимых феодальных категориях — рабах и тюленгутах.— Вестник АН КазССР. 1947, № 6.
5. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московских делах. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908.
7. *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
8. *Дженкинсон Л.* Путешествие в Среднюю Азию.— Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
9. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. 10.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. *Зобнин Ф.* К вопросу о невольниках, рабах и теленгутах в Киргизской степи.— Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Семипалатинск, 1902.
12. *Зобнин Ф.* Рабство в Киргизской степи.— Сибирский наблюдатель. 1904, № 5.
13. *Крафт И.* Уничтожение рабства в Киргизской степи.— Из киргизской старины. Оренбург, 1900.
14. *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсакских, орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832.
15. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
16. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933.
17. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948.
18. Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2.
19. *Петрушевский И. П.* [Рец. на:] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой пол. XVII в. М.— Л., 1948.— Ученые записки ЛГУ, № 128, сер. востоковед. наук. Вып. 3. Л., 1952.
20. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. СПб., 1801.
21. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Библиотека восточных историков. Т. 2, ч. 1. Казань, 1854.
22. *Семенюк Г. И.* Рабство в Казахстане в XV—XIX веках.— Труды Инсти-

тута истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6.
23. *Семенюк Г. И.* Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1973.
24. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
25. *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара. (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой. М., 1976.
26. *Шашков С. С.* Исторические этюды. Т. 2. СПб., 1872.
27. *Мирза Хайдар Дуглат.* Тарих-и Рашиди. Рукопись ЛО ИВ АН СССР. В-648.
28. Михман-наме-йи Бухара (Тарих-и падишах-и Мухаммад Шейбани) талиф-и Фазлаллах б. Рузбихан Хунджи сада-и нухум ва дахум хиджри ба хатмам дуктур Манучихр Сутуда. Тегеран, 1341 (1962).
29. *Сейфи Челеби.* Китаб-и падишахан... Фотокопия Лейденской рукописи. ЛО ИВ АН СССР, ФВ 310.

Т. Д. Скрынникова

ИНСТИТУТ ШАБИНАРОВ ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД МАНЬЧЖУРСКОГО ГОСПОДСТВА

Эксплуатируемое население Монголии разделялось на три большие группы: албату, хамджилга и шабинаров. Албату — сомонные араты, несшие общегосударственные повинности: военную, уртонную, караульную, а также повинности в пользу хошунного управления, так как, с одной стороны, они являлись подданными императора, а с другой — данниками цзасак-нойона [22, с. 30]. Хамджилга — араты, принадлежавшие феодалам. Число семей хамджилга, принадлежавших феодалу, зависело от титула последнего: чин ван имел 60 семей, цзюнь ван — 50, бэйлэ — 40, бэйсэ — 35, гун — 30, улсын тавнан — 40, хошой тавнан — 30, терийн тавнан — 20, тайджи первой степени — 15, тайджи второй степени — 12, тайджи третьей степени — 8, тайджи четвертой степени — 4 [22, с. 31]. «Монгольским князьям запрещалось продавать не только албату, но и своих личных хамджилга. Им также запрещалось иметь хамджилга сверх установленных норм, самовольно обменивать их на албату и т. д.» [8, с. 17]. Феодалы, у которых число хамджилга превышало положенное, обязаны были переводить эти «лишние семьи» в разряд сомонных. Но практически они не только не делали этого, но и довольно часто заменяли своих наиболее обедневших хамджилга обеспеченными сомонными аратами.

Шабинары являлись подданными духовенства и юридически пользовались теми же преимуществами, что и духовенство, т. е. освобождались от несения государственных повинностей: уртонной, военной и караульной. Слово «шабинары» имеет два значения: оно означает и «ученик», и «подданный какого-либо духовного лица». Соответственно этому шабинары подразделялись на лам шавь и хар шавь; первые занимались религиозной деятельностью, а в обязанности вторых входило обеспечение содержания духовенства. Возникновение института шабинаров в Монголии связано с распространением ламаизма, нуждавшегося в поддержке. «Феодалы начинают подносить буддийским монахам свое главное достояние, а именно скот и людей. Делалось это совершенно просто и легко еще и потому, что буддийские монахи нуждались в учениках, которые могли бы продолжить их дело, и в слугах» [4, с. 185].

Монгольский академик Ш. Нацагдорж связывает появление

института шабинаров с именем Джебцзун-Дамба-хутухты, который получил в 1640 г. от Тушету-хана в качестве шабинаров 108 семи- и восьмилетних детей. После смерти Тушету-хана по требованию старших братьев Джебцзун-Дамба-хутухты этих шабинаров поделили между всеми братьями, ему самому осталось лишь 30 дворов. Два двора добавил дядя Дурэгч-нойон, и эти 32 двора положили начало зарождению института шабинаров Ундур-гэгэна [20, с. 42].

Публикация новых источников по истории монголов XVI—XVII вв., осуществленная Х. Пэрлээ в книге «Халх шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг» [16, с. 95], позволяет датировать зарождение этого нового для Монголии института несколько раньше. Уже в законе 1620 г. мы находим упоминание о шабинарах, в котором определяется наказание за совершенный проступок, причем то, что шабинары в данном случае приравниваются к знаменщику, горнисту, тайджи, дарханам, телохранителям, т. е. к свободным, позволяет отнести их к первой категории, т. е. к «лам шавь» — ученикам.

Б. Я. Владимирцов отмечал неоднократные случаи передачи феодалами своих подданных ойратскому Зая-пандите, пленных корейских и китайских мальчиков Нейджи-тойну [4, с. 185]. Вероятно, подношение духовенству пленных было нередким явлением, так как потребовало законодательного оформления их выкупа, что и зафиксировано в Монголо-ойратских законах 1640 г.: «Знатный и близкий родственник, находящийся в руках духовенства, выкупается пятью (скотинами), а низкого звания — выкупается двумя (скотинами) или одной ценной [вещью]» [15, с. 37, 46—47]. Шабинарами становились и добровольно, о чем свидетельствует биография Нейджи-тойона.

Число шабинаров у наиболее значительных духовных лиц росло довольно быстро. Так, например, халхаский Зая-пандита-хутухта, родившийся в 1642 г., к моменту включения Внешней Монголии в состав Цинской империи прибыл в Хухэ-хото со 163 семьями шабинаров [3, с. 230]. А. Джебцзун-Дамба-хутухта, преследуемый войском Галдана, прибыл к маньчжурам в сопровождении 600 шабинаров. Из этого следует, что уже в первой половине XVII в. духовенство владело большим числом шабинаров, сформированных в аймаки, потому что в «Монголо-ойратских законах 1640 г.» записаны такие слова: «Кто, противно религии, побьет [людей] и разграбит аймак, принадлежащий духовенству...» [5, с. 36].

Позднее, в XVIII—XX вв., практика поднесения феодалами подданных в качестве шабинаров была более редкой. Исключение составляет Джебцзун-Дамба-хутухта. «По материалам, имеющимся в Государственном архиве, по неполным учетным данным, за период с 1710 по 1810 год ханами и князьями Халхи и Южной Монголии были подарены 1, 2, 3 и 4-му ургинским хутухтам 17 тыс. шабинаров, входивших в 3768 хозяйств, у которых было 50 568 голов крупного рогатого скота и 126 612 овец

и коз» [13, с. 8]. Были у Джебцзун-Дамба-хутухты и другие источники пополнения шабинаров. Исключительность его определялась во многом происхождением первых двух перерожденцев, из которых первый, Джебцзун-Дамба-хутухта, был сыном Тушету-хана Гомбо-дорджи, а второй перерожденец являлся внучатым племянником первого. Отец второго Джебцзун-Дамба-хутухты был зятем императора Канси и некоторое время был Тушету-ханом. Поскольку перерожденцы Джебцзун-Дамба-хутухты происходили из семьи Тушету-ханов — влиятельнейших монгольских ханов, последние с самого начала старались экономически упрочить лидирующее положение его в церковной иерархии, позволяя увеличивать число шабинаров за счет беглых, введя в закон 1709 г. следующую статью: «Если кто увидит беглого (босхула), направляющегося к высокому [хутухте гэгэну], то не должен чинить препятствий, а должен доставить его [гэгэну]. Если [гэгэн] примет этого беглеца в качестве шабинара, то [за него] кормовых не полагается. Если же беглого [гэгэн] не примет, то надлежит отправить его исконному нойону его и получить законные свои кормовые. Если кто воспрепятствует беглому, зная заведомо, [куда он направляется], то взять с него штраф — одного коня-трехлетку и сдать в казну гэгэна» [12, с. 53]. «Табунщики [же] гэгэновских стад (суругчины), шабинары монахов и стражники монастырей не должны принимать беглецов (хабчигуров), а должны прогонять их прочь»,— записано в законе 1736 г. [11, с. 53].

С вхождением Внешней Монголии в состав маньчжурской империи и разделением ее на сомоны бóльшая часть монголов была превращена в сомонных аратов — албату, занятых выполнением государственных повинностей. Согласно архивным данным, приведенным Ц. Насанбалжиром, 30 тыс. человек было привлечено для охраны границ, исполнения военной уртонной службы, перевозки военного довольствия и т. п. В 1721—1725 гг. 30 тыс. монголов выпасали 1 931 856 голов скота, необходимых для военных нужд маньчжурского государства [18, с. 8]. И естественно, что маньчжурское правительство, не заинтересованное в уменьшении числа лиц, выполняющих важнейшие государственные обязанности, запретило их продажу, а в 1837 г. издало закон, запрещающий перечислять в число шабинаров военнообязанных сомонных аратов.

Несмотря на многочисленные постановления маньчжурского правительства, монгольские князья находили возможность их нарушать, и, как явствует из исследований Ш. Нацагдоржа, продажа подданных часто являлась источником пополнения рядов шабинаров. Он определил, что шабинарами становились следующие категории лиц: а) проданные неимущими родителями; б) проданные неимущими тайджи; в) отданные за долги; г) лица, усыновленные шабинарами; д) шабинары по рождению; е) бродяги [22, с. 44].

После 1691 г., когда Внешняя Монголия вошла в состав

Цинской империи, маньчжуры, стремясь оказать экономическую поддержку церкви и особенно тем ее представителям, которые содействовали экспансионистской политике маньчжурского правительства, награждали духовенство подданными. В 1752 г. указом императора было выделено 100 простолюдинов ламе Эрдони-нойон-цорджи [2, с. 533б]. Захваченный войском Галдана, Шива-ширету-хутухта проповедовал среди ойратов буддизм и склонил их к принятию подданства Цин. Из этих ойратов «ему выделили людей» [2, с. 577б].

Лица, становившиеся шабинарами духовных лиц, как и монахи, освобождались от обязательств по отношению к светским властям, от обязанности предоставлять им подводы и продовольствие [12, с. 24, 47, 66]. Исключение составляли те, кто «ехал по трем делам» [1]. Они являлись подданными духовенства и не имели права возвращаться к своим прежним владельцам по собственному желанию. Беглецов вылавливали и возвращали в монастыри [11, с. 359, 393]. Но полной власти над жизнью шабинара духовенство, вероятно, не имело. У нас нет данных, свидетельствующих о продаже шабинаров их владельцами, равно как и о том, что их было запрещено продавать. «Относительно монахов хувараков. Посвятивший себя в монахи и оставивший свою семью освобождается от налогов в пользу мирских господ и нойонов. Монах распоряжается самостоятельно всем имуществом, скотом и людьми, которые были ему пожалованы или поднесены людьми благородного или простого звания по их доброй воле, а равно и всем, что сам приобрел и что не подлежит обложению. Они свободны от повинностей и от предоставления обычных подвод и довольствия» [12, с. 67]. «Если совершивший кражу человек монашеского звания имеет подданных шабинаров (хар шавь) и домашних рабов, то тех шабинаров вернуть в отоки и сомоны» [12, с. 56]. Сам он штрафуется и за нарушение обета переводится на положение мирянина; ему строго запрещается принимать обет вновь.

Мы не обнаружили в монгольском законодательстве статьи, указывающей на то, что происходит с шабинарами после смерти их владельца. Известно только, что если умирал перерожденец, то ему наследовало духовное лицо, получавшее право носить его имя, а также владеть всем имуществом, в том числе шабинарами. По смерти монаха, владевшего шабинарами, они переходили в казну монастыря. К тому же в своде законов 1746 г., регулирующем взаимоотношения между духовенством и миром, есть следующая статья: «Так как собственность монастыря — люди, скот и прочее — является достоянием общины, то впредь устанавливается равенство без различия» [12, с. 67].

Каким был первоначально орган управления шабинарами, сказать трудно, но в биографии ойратского Зая-пандиты мы находим указание на то, что ими управляло определенное лицо: «Тогда (1665 г.— *Т. С.*) шабинарами управлял Эрхэ-цорджи» [7, с. 70].

По Монголии сведения относятся к XVIII—XX вв.— эпохе маньчжурского господства, когда институт шабинаров уже окончательно сформировался и функционировал.

Поскольку в управлении шабинарами существуют различия, то представляется необходимым рассматривать отдельно структуру шанцзотбинского ведомства Джебцзун-Дамба-хутухты, хутухт с печатью на управление шабинарами и управление шабинарами хубилганов без печати. Последние имели меньшее количество шабинаров, которые вносились в список сомонных аратов и хамджилга, вследствие чего управлялись цзасак-нойонами подобно сомонам. Кроме того, они выполняли некоторые обязанности в хошуне. Например, Ламахайн хубилган в хошуне Цэ-цзасака имел небольшое количество шабинаров, которые составляли один из десяти багов этого хошуна — Ламахайн шаби — и управлялись даргой [11, с. 15, 17].

Исследователи указывают неодинаковое число хутухт, владеющих печатью на управление шабинарами. Ц. Сономдагва называет 12 хутухт. Печати на управление шабинарами хутухты получили [23, с. 100, 116]:

В Сэцэн-ханском аймаке:	
1. Егуцзэр-хутухта	1864 г.
В Цзасакту-ханском аймаке:	
2. Илагугсан-хутухта	1821 г.
3. Джалханз-хутухта	1824 г.
4. Номун-хан-хутухта	1853 г.
В Сайн-нойон-ханском аймаке:	
5. Зая-пандита-хутухта	1737 г.
6. Чин-суцзукту-номун-хан-хутухта	1751 г.
7. Нару-банчен-хутухта	1772 г.
8. Эрдэни-мэргэн-нойон-хутухта	1826 г.
9. Эрдэни-пандита-хутухта	1737 г.
10. Наран-хутухта	1897 г.
11. Хамбо-номун-хан-хутухта	1807 г.
В Тушету-ханском аймаке:	
12. Джебцзун-Дамба-хутухта	1723 г.

В списке, представленном Ш. Нацагдоржем в книге «Сум, хамджилга шавь ард» добавлено имя Ялгусан-хутухты в Сэцэн-ханском аймаке [22, с. 49]. А в другой работе он указал общее число хутухт с печатью — 19 [21, с. 162].

Хутухта, владевший печатью на управление шабинарами, уже не отличался от цзасак-нойона и шанцзотба, подчинялся непосредственно главе аймачного сейма. Но самостоятельное управление шабинарами и образование шанцзотбинского ведомства халхаские хутухты могли получить лишь в том случае, если число их шабинаров превышало 700 семей [23, с. 118; 9, с. 378][2]. Получение печати, на которой было написано на трех языках (монгольском, маньчжурском, тибетском): «Печать на управление шабинарами хутухты», давало возможность образовать шанцзотбинское ведомство во главе с шанцзотбой. Шанцзотба выбирался хутухтой из «лам, не принимающих высших обетов гэлуна, но из старейших и опытнейших» [10, с. 166];

кандидатура обсуждалась с хамбо-ламой и цзайсаном и передавалась на рассмотрение аймачного сейма, после чего утверждалась через Лифаньюань императором.

«Определенного жалованья шанцзотба никогда не получает, но он пользуется всем необходимым из сана (казначейство) своего хутухты и пользуется всегда с достатком, потому что должность шанцзотбы по ее значению справедливо может быть отнесена к числу первоклассных должностей в монастыре» [10, с. 167].

Шанцзотба работал под руководством хутухты, а по административной линии подчинялся непосредственно главе аймачного сейма. В управлении шабинарами ему помогал совет, состоящий из двух да-лам, из которых один был старшим, другой младшим и которые утверждались главой аймачного сейма, и цзайсан-ламы, назначавшегося на три года (от одного из отоков) [10, с. 167—168].

Большое число шабинаров у хутухт потребовало разделения их на более мелкие организационные и административные единицы: шабинары приписывались к монастырским дацанам или аймакам и разделялись на соответствующее число отоков. Оток возглавлялся ламой, назначенным из управления, а также цзайсаном из светских лиц. Первый занимался религиозными вопросами, вел книги прихода и расхода, контролировал работу казны и т. п. Второй решал дела шанцзотбинского ведомства: управление, налоги, иски, жалобы. Кроме того, в каждом дацане находились дэмчи (смотритель), бичэчи (писарь) и бошго (привратник). Ежегодно для обсуждения вопросов управления они собирались на собрания, называемые «жасаа цуглаан», на которых определялся налог на каждый дацан [20, с. 88—89].

«На обязанности же их (дарги отоков и цзайсанов.— *Т. С.*) лежат сполна, во-первых, управление отоками и, во-вторых, поочередное присутствие в ямуне шанцзотбы для рассмотрения и решения дел, поступающих в это учреждение. Ближайшими помощниками их по управлению отоками являются „шулэнги", которых полагается, впрочем, только по одному в каждом отоке. Это власть исключительно распорядительная по отношению к исполнению постановлений ямуня. В подчинении у каждого „шулэнги" имеется только по нескольку дэмчи, которых „шулэнги" рассылают в пределах своего ведомства за сбором податей, вывозом людей по требованию ямуня и прочим.

В шанцзотбинском ямуне Илагусан хутухты, меняясь месячной очередью, заседают постоянно один дарга, один цзайсан и четыре писца. Жалованья они, равно как и все служащие по управлению ведомством, не получают никакого, и во время присутствия в ямуне получают только жилище, равно как и содержание пищею из шабинского сана» [11, с. 380].

Стремясь к самостоятельному и независимому управлению, хутухты увеличивали число своих шабинаров. Маньчжурское правительство не препятствовало увеличению числа хутухт с

печатью, поскольку это вело к усилению политической раздробленности Монголии, а кроме того, в некоторой степени ослабляло влияние Джебцзун-Дамба-хутухты, поскольку административно хутухты подчинялись аймачному сейму (т. е. сохранялась раздробленность церкви). Увеличение числа хутухт с печатью также не вело к усилению одной семьи того или иного хутухты, так как шабинары принадлежали только хутухте лично и после смерти последнего наследником становился не его родственник, а перерожденец, утверждаемый маньчжурским правительством.

Примером тому может служить история получения печати на управление шабинарами Илагугсан-хутухтой, изложенная А. М. Позднеевым. Когда Илагугсан-хутухта был братом Далай-вана, последний выделил хутухте часть своих подданных, с тем чтобы число шабинаров хутухты приблизилось к 700. Илагугсан-хутухта получил печать и земли, которыми пользовались и шабинары. Но после его смерти началась тяжба, так как новый перерожденец — наследник шабинаров происходил из другого хошуна. Далай-ван считал этих людей своими подданными, а шанцзотбинское ведомство Илагугсан-хутухты требовало возвращения их как своих шабинаров. Дело тянулось 12 лет, и, затратив на тяжбу свыше 10 тыс. ланов серебра, шанцзотбинское ведомство получило наконец из Пекина утверждение на владение шабинарами.

Несколько иную картину в формировании и установившейся структуре шанцзотбинского ведомства мы видим в управлении шабинарами Джебцзун-Дамба-хутухты. Определялось это своеобразие тем, что в его ведении находились десять монастырей в разных частях Монголии: Урга, Барун-хурэ, Ребунгэчжи-лин, Эруанчин-ган-дан-шат-дуб-лин, Шат-дуб-чойн-кор-лин (Цзунурэ), Гэгэнэй бутээлын сумэ, Даянчийн хит, Дон-кор-манчжушрийн сумэ, Амур-баясхуланту, Шачжины бадарагулугчи [10, с. 9—10], соответственно шанцзотбинское управление состояло из отделений по числу монастырей. Например, было «отделение шанцзотбинского ямуня, в котором рассматривались самые мелкие дела, возникавшие у шабинаров, кочевья которых принадлежали монастырю Амур-баясхуланту».

«Первенствующим членом этого отделения являются да-гэскуй, он же и шанцзотба хита Амур-баясхуланту; засим в звании членов этого ямуня почитаются два донира, шесть цзайсанов из лам и один цзайсан из светских лиц, который, собственно, и решает постоянно дела в тамге, между тем как ламы являются к заседаниям только в исключительно важных случаях» [11, с. 39]. То же самое соблюдалось в Барун-хурэ, Эрдэни-цзу и других монастырях хутухты. Внутри монастырей шабинары подразделялись на аймаки, число которых обусловливалось количеством шабинаров.

Каждое отделение шанцзотбинского ведомства имело ту же структуру, что и ведомства других хутухт, о которых говори-

лось. Руководство ими Джебцзун-Дамба-хутухтой осуществлялось через эрдэни-шанцзотбу. Если шанцзотбы других хутухт приравнивались к хошунным цзасакам, то шанцзотба Джебцзун-Дамба-хутухты — к главе аймачного сейма. Ц. Насанбалжир говорит о существовании этой должности при Джебцзун-Дамба-хутухте уже в 1650 г. [19, с. 143]. В 1709 г. шанцзотба вместе с Тушету-ханом возглавляет утверждение монгольских законов князьями и сайтами [12, с. 15].

Джебцзун-Дамба-хутухта в 1723 г. первым из перерожденцев Монголии получил от маньчжурского императора печать на управление шабинарами, и шанцзотба был утвержден в своей должности. К середине XVIII в. «число хутухтинских шабинаров, говорят, [достигло] 30 000 душ» [9, с. 519]. В связи с этим в 1754 г. декретом маньчжурского императора была учреждена должность «эрдэни-шанцзотбы», который был обязан вести дела по управлению шабинарами и представлять свои решения на утверждение Джебцзун-Дамба-хутухте [11, с. 519].

Со смертью второго Джебцзун-Дамба-хутухты в 1758 г. вышло следующее постановление императора: «Хотя в Хурэни для надзора за учением и богослужениями и находится шанцзотба Сундуб-дорчжи, тем не менее для управления всеми низшими шабинарами недостаточно одного только человека; посему повелевается вызвать халхаского тусалакчи-цзянцзюня Санцзай-дорчжи, и пусть он, присматривая за Хурэнем, хорошенько управляет сообща хутухтинскими шабинарами, равно представляется ему решать и пограничные дела русские» [11, с. 67]. В 1761 г. с той же целью был назначен маньчжурский амбань Номохонь. С течением времени функции амбаней расширились, и в 1768 г. они получили правомочия решать дела по управлению аймаков Тушету-хана и Сэцэн-хана.

Шанцзотба Джебцзун-Дамба-хутухты, как и других хутухт, являлся управляющим и главным казначеем. Это значит, что в его обязанности входило не только управление его шабинарами и имуществом, основу которого составляли скот и пашни, но и хозяйственное управление Ургой и дворцом хутухты, управление казной хутухты, которая подразделялась на так называемые внутреннюю и внешнюю. Первая (внутренняя) обеспечивала всем необходимым хозяйство самого хутухты. Вторая (внешняя) казна, называвшаяся «их сан» — «великая казна», была предназначена на оплату всего комплекса хозяйственных работ: строительство и ремонт зданий, выпас скота, ведение торговли, перевозка, земледелие, сенокосы, сбор налогов, сбор пожертвований и подаяний, аренда земель, ростовщичество.

Казначейство монастыря не имело никаких экономических обязательств перед светскими правителями, шабинары, являясь подданными хутухты, освобождались от выполнения повинностей в пользу феодала; но на практике это правило нарушалось. А. М. Позднеев приводит удивительный документ, который показал ему главный казначей Цзун-хурэ, где содержались све-

дения о поборах хошунных правителей с монастыря в течение нескольких лет — 1862—1883 гг. [11, с. 459]. Причем эти поборы носили регулярный характер. Он же сообщает о взимании скота в пользу светских правителей с монастыря Амур-баясхуланту: «Зима 1891—1892 гг. была очень тяжелою для Монголии: масса скота погибла от холода и шурганов (снежных бурь), народ значительно обеднел, и, несмотря на то, что по приказанию амбаней не дальше как в мае месяце было собрано даже с шабинаров по 200 лошадей с отока в виде пополнения ханских суруков, также подвергшихся значительному сокращению от падежа. Всего сбор с шабинарского ведомства исчислялся в 14 тыс. голов лошадей» [11, с. 42].

Какие обязанности несли шабинары по содержанию духовенства и монастырей? Ш. Нацагдорж, изучавший экономическое положение шабинаров, отмечает, что эксплуатация, которой они подвергались со стороны духовенства, носила следующие формы: отработка (биеэр зутгэх алба), натуральный налог (бүтээгдэхүний алба), денежный налог (мөнгэн алба) [22, с. 90—91].

Отработка включала прежде всего выпас скота, поголовье которого в крупных монастырях исчислялось несколькими тысячами. Для выпаса скота шабинары отбирались казначейством монастыря и за несение этой повинности освобождались от уплаты податей. Они были обязаны сдавать весь приплод, возмещать убытки, происходившие по их вине. Ежегодно они сдавали получаемую продукцию. Например, с 50 овец — 3 сажени войлока. Чтобы обеспечить повышение продуктивности стада, были установлены следующие награды: при отличных результатах работы табунщик награждался годовалым жеребенком или конем, верблюжатник — годовалым или кастрированным верблюдом и т. п. За выпас скота шабинарам не платили. Скот давался им не в аренду, а в качестве повинности — «алба».

Духовенство владело таким большим количеством скота, что зачастую шабинары не могли полностью обеспечить его выпас, и тогда казначейство сдавало скот в аренду аратам. «Арендатор не был обязан давать контрольные цифры роста поголовья принятого им скота. Однако он должен был вернуть его в полной сохранности, а в случае хорошего ухода или увеличения поголовья получал вознаграждение, обычно из прироста стада. Принявшие стадо также должны были отдавать монастырю определенное количество продуктов в зависимости от вида принятого ими скота. Сурекчины должны были выдавать монастырю 15 жин масла за каждую голову крупного рогатого скота, по одному куску войлока за 15 голов овец. В последнее время монастыри вместо сборов натурой собирали, например, вместо 1 жин молока — 15 шарцай, за кусок войлока — 450 шарцай и т. д. Интересно отметить, что эти сборы монастырей, например Ургинских, называли „албой“ — рентой... В распоряжении выпасавшего скот обычно оставалось некоторое количество

молока, масла, превышавшее установленную монастырем плату... Платы за выпас они не получали в отличие от наемных пастухов... Кроме того, владельцы стад обязывались обеспечить своего пастуха провиантом, теплой одеждой и т. п.» [9, с. 106, 111].

Кроме этой основной формы отработки большой денежный доход казна хутухт получала от извозничества и подрядов на содержание почтовых станций (обязанности, которые целиком выполнялись шабинарами). Человек, желавший перевезти груз, предпочитал иметь дело с лицом, имевшим достаточно большой караван. В Монголии наибольшим количеством скота владели монастыри и хутухты, которые и предоставляли караваны, сопровождаемые шабинарами. В этих караванах зачастую были и верблюды имущих шабинаров. За возможность присоединиться к каравану они должны были платить в казну. Плата в различных монастырях была неодинаковой, она колебалась от платы за подряд каждого третьего до каждого восьмого верблюда шабинара.

Подряд на содержание почтовых станций связан с тем, что зачастую уртонную службу, от которой духовенство и принадлежавшие ему шабинары были освобождены, монголы должны были нести за сотни километров от своего хошуна. Поскольку это было довольно сложно, так как каждая семья должна была отбыть на станции определенный срок, а затем вернуться в свой хошун, то данный хошун договаривался о выполнении этой повинности с казной монастыря за определенную плату, и она выполнялась шабинарами. Эти подряды приносили казне монастыря доход от 400 до 1200 р. серебром в год.

Обязанности шабинаров были многообразны. Они заключались и в приготовлении айрака для монастырских лам; большое количество шабинаров, особенно у Джебцзун-Дамба-хутухты, занималось земледелием. Например, недалеко от монастыря Амур-баясхуланту находились три отока, принадлежавших казначейству Джебцзун-Дамба-хутухты. «Все эти отоки занимаются хлебопашеством, только первые два отока — Тариачин и цзайсана Лубсана — работают непосредственно для казначейства Джебцзун-Дамба-хутухты, а... оток Тойн доставляет выработанный урожай хлеба в монастырь Амур-баясхуланту [11, с. 48]. Вид и характер отработки шабинаров определяются природными условиями данной местности: не повсюду можно было заниматься хлебопашеством, в некоторых монастырях шабинары производили добычу соли и соды. И повсеместно в их обязанности входили ремонт зданий монастыря, сбор топлива и т. п.

О размере натурального налога писал еще А. М. Позднеев: «Каждый шабинар из имеющихся у него двадцати овец обязан отдать ежегодно в пользу монастыря одну; при этом пять коров, три лошади или два верблюда приравниваются к двадцати овцам. Если шабинар имеет менее двадцати овец, тогда он

платит подати хлебом, чаем или, наконец, деньгами» [10, с. 5]. Но это не являлось общим правилом для всех монастырей Монголии. Например, «подати, вносимые ими (шабинарами.— *Т. С.*) в казначейство хутухты (Илагугсан-хутухты.— *Т. С.*), особенно сравнительно с хошунными, должны были признать весьма незначительными: они платили никак не более 10 овец со 100» [11, с. 378].

В связи с этим интересно привести постановление маньчжурского правительства, которое пыталось ограничить произвол монгольских князей во взимании податей: «Все разностепенные монгольские князья и тайцзии, у которых существуют свои наследственные поместья, должные ежегодно брать подати не более как по нижеследующему расписанию, и именно: с каждой семьи, имеющей более пяти голов рогатого скота, брать одного барана, с двадцати овец — также одного; а... всем халхаским ханам и разностепенным князьям должно довольствоваться теми только податями с их крепостных людей, какие предписаны законами, и ни под каким видом не обременять их излишними налогами» [6, с. 132—133].

С конца XIX в. большую роль начинает играть в налоговой системе денежный налог. Размеры денежного налога, собираемого с шабинаров, у хутухт были разными. У А. М. Позднеева имеются указания на этот счет по казначейству халхаского Зая-пандиты. В связи с его долгами китайской фирме Баин-жаргал в 40 тыс. ланов серебра, ежегодные проценты с которого составляли 13 200 ланов, только для уплаты процентов необходимо было каждой юрте вносить ежегодно в казну хутухты 13 ланов серебра, что было по силам не каждому. И поборы казначейства за десять лет значительно разорили шабинаров, ввергнув многих в неоплатные долги (см. [11, с. 414, 419]).

Денежный налог шабинаров Джебцзун-Дамба-хутухты составлял от 680 тыс. до 900 тыс. ланов серебра. Естественно, что они не в состоянии были платить его, и их долг казне равнялся 3—5 млн. ланов серебра [22, с. 85]. Кроме того, ежегодно шабинары должны были преподносить своему хутухте на серебряных блюдах серебро, ткани, драгоценности и т. д. Стоимость таких подношений достигала нескольких тысяч ланов.

Таковыми были в основном все те повинности, которые исполняли шабинары в пользу своих владельцев. Какой процент общего дохода казначейства составляли налоги, собираемые с шабинаров, сказать трудно. Но можно говорить о распределении этих доходов. «Относительно дележа доходов у лам различных монастырей мне приходилось наблюдать различные правила,— писал А. М. Позднеев.— В монастырях тех хутухт, которые имеют у себя шабинаров, содержание монастырских зданий, равно как и самого хутухты, относится за счет податей, собираемых с шабинаров; доходы же, получаемые от богослужений, все сполна идут в раздел ламам, поэтому-то ламы ху-

тухтинских монастырей получают сравнительно больше, чем других обителей» [10, с. 178].

Поступая в казну монастыря, доходы с шабинаров распределялись соответственно нуждам монастыря. Бóльшая часть уходила на содержание хутухты, на его поездки в Пекин и т. д. Ими же оплачивалось содержание управления, постройки и ремонт монастырских зданий, покупка предметов культа, священных книг.

Большая часть натурального налога, собираемого с шабинаров, шла на содержание лам, живущих в монастыре: каждому ламе выделялось в год по пять овец, ламам более высоких степеней — по 8—12 овец. В результате 2300 лам, проживающих в монастыре Эрдэни-пандита-хутухты, «съедали ежегодно 12 тыс. овец» [20, с. 191].

Верховным собственником земли Внешней Монголии являлся маньчжурский император. «Право маньчжурского императора как верховного собственника наиболее четко выражалось в следующем:

1. По указу императора утверждалось право князя на владение хошунов по наследству, устанавливались, пересматривались и уточнялись границы хошунов. Например, была составлена карта (в 1734 г.) границ всех хошунов с населением...

2. Маньчжурское правительство в разные времена отводило крупные земельные участки военным пограничным караулам вдоль русско-монгольской границы (караулы впервые были созданы в 1726 г.). В распоряжении караульных была отведена пограничная полоса монгольских кочевий шириной местами до 40—50 верст, так что каждый караул представлял собой довольно обширный территориальный район...

3. Цинское правительство также отводило землю конно-почтовым станциям — уртонам, в первую очередь так называемым маньчжурским военным и «чрезвычайно курьерским», которых, по расчетам сотрудника Института истории Академии наук МНР Насанбалжира, было 120. Помимо этого были еще уртоны в пределах аймаков, хошунов и шаби, для которых также отводились земельные участки. Уртонные участки считались неприкосновенными, за самовольный приход на их территорию виновные строго наказывались.

4. Отводились специальные пастбища так называемым казенным стадам верблюдов и овец, принадлежавшим цинскому правительству, в районах Дариганги на востоке Монголии, в Улясутае и Кобдо на западе.

5. В поймах некоторых рек, в частности в районах Улясутая и Кобдо, с давних времен были отведены под казенные пашни наилучшие земельные участки для обеспечения воинов маньчжурских отрядов мукой» [14, с. 9—10].

То, что маньчжурский император закреплял за феодалом право на владение хошуном по наследству, фактически делало феодала полным владельцем земли.

Как и феодалы, наделялись землей хутухты, причем это происходило одновременно с получением печати на управление шабинарами. Последующие перерожденцы с утверждением в звании получали права предшественника. Мы уже говорили об Илагугсан-хутухте, который получил печать от маньчжурского императора по управлению шабинарами благодаря формальному перечислению подданных его брата Далай-вана в шабинары. Одновременно с этим в 1877 г. он получил во владение земли на границе Цзасакту-хановского и Сайн-нойон-хановского аймаков на р. Идер. «Хлопоты о закреплении этих земель за шабинарами стоили Илагугсан-хутухте в Пекине более 12 тыс. ланов серебра» [11, с. 378—379]. И перерожденец Шива-ширету-хутухта получил за помощь в приведении в подданство династии Цин шабинаров и земли по р. Или [2, с. 578а]. Зачастую земли шабинаров располагались вокруг монастырей: «Шабинары Хухэн-хутухты, число которых доходит до 1000 юрт, кочуют по прилежащим к монастырю (Ринчин-тэкчин-лин) урочищам» [11, с. 475].

Любопытен факт наделения землей шабинаров Дзебцзун-дамба-хутухты. Парадоксально то, что Джебцзун-Дамба-хутухта не имел земли, за исключением территории в 27 966 кв. км в районе оз. Хубсугул [13, с. 9]. И его многочисленные шабинары (только в 18 хошунах Тушету-хановского аймака проживало 14 445 семей — 107 152 человека) не имели закрепленной за ними земли в каком-либо определенном хошуне. Происходило это потому, что феодалы подносили своих подданных без земли, поскольку собственником земли являлся император, но с разрешением для лиц, ставших шабинарами, кочевать на прежних землях. Это приводило к многочисленным конфликтам между шабинарами и аратами, особенно учащавшимися со смертью дарителя.

Постановления об определении кочевий для шабинаров Джебцзун-Дамба-хутухты принимались неоднократно. Но поскольку все эти постановления, очевидно из-за нехватки земли, так и не выделяли шабинарам их владений, то раздоры между аратами и шабинарами не прекращались. Так, уложением 1736 г., в составлении которого принимали участие «преисполненные благоговения перед хутухтой-гэгэном Вачирай Тушету-хан, Далай-Сэцэн-хан и прочие великие и малые нойоны» (см. [12, с. 44]), определялось: «Шабинары гэгэна и монастырские стражники могут кочевать повсюду, где им угодно, за исключением ставки нойонов и запретных мест» (ст. 34) [12, с. 48]. В 1772 г. князьями и чиновниками четырех халхаских аймаков, Улясутайским цзянцзюнем, да-ламой шабинского ведомства Джебцзун-Дамба-хутухтой было постановлено, что шабинары будут кочевать «по своему желанию согласно старым законам». И только в 1782 г., когда были определены границы аймаков, хошунов, караулов, уртонов и составлены карты, были указаны и пастбища для шабинаров [19, с. 147].

Но эти меры, направленные на урегулирование вопроса о кочевьях для шабинаров, не решали полностью проблемы, так как основная масса шабинаров все же не обеспечивалась землей в достаточной мере и вынуждена была переходить из хошуна в хошун в поисках пастбищ. Иногда шабинары занимали земли уртонов, что было запрещено и строго наказывалось. В сборнике «Земельные отношения в дореволюционной Монголии» под № 54 фигурирует дело о захвате уртонной земли шабинаром Шийнэном. После рассмотрения этого дела Шийнэн был приговорен к штрафу, но не в «два десятка, согласно закону, а в один десяток, так как он немного глуповат и совершил такое впервые» [17, с. 168—169]. Значительно сложнее обстояли дела с хошунными землями.

Если занятие уртонных земель запрещалось ввиду их особо важного значения для маньчжурского правительства, то внутри хошуна ссоры между светскими (как аратами, так и князьями) и шабинарами возникали регулярно, разрешить их было практически невозможно, так как законодательно, как уже говорилось выше, шабинарам было предоставлено право пользоваться любыми пастбищами в любом хошуне. При этом страдали обе стороны, так как, занимая земли, шабинары сгоняли с них сопротивлявшихся аратов, избивали их, разрушали юрты, убивали скот. Араты поступали так же в отношении шабинаров. Например, дело № 23 от 8 января 1776 г., приводимое в том же сборнике, рассказывает о занятии шабинарами земель тайджи первой степени Гончиг-цэрэна Тушету-хановского аймака. Сначала о беспорядках, чинимых шабинарами, он сообщил ламе Билигт Чойрову, управляющему. Лама ничего не решил, но обещал проинформировать об этом шанцзотбу. Поскольку управление шабинарами не прекратило беспорядки, тайджи Гончиг-цэрэн обратился к главе сейма Тушету-хановского аймака, с тем чтобы тот «указал, каким образом им расселяться на землях этого аймака» [17, с. 95—96].

Позднее светские власти пытаются упорядочить расселение шабинаров, как наблюдалось в хошуне цзасака Урджинчжава (дело № 24) [17, с. 96—98]. Еще в 1789 г., стремясь прекратить ссоры между аратами и шабинарами, цзасак Урджинчжав обратился в управление цзянцзюня. Было принято решение, что «шабинарам множества отоков Джебцзун-Дамба-хутухты: Барун-хурэ, Манчжушри-ламы, Хубилгана цорджи, дарги Норчига — да будет предоставлена северная часть хошуна протяженностью в два дня пути». Но так как шабинары продолжали кочевать по всему хошуну и раздоры не прекращались, то светские власти не нашли ничего лучшего, как попросить цзасака Урджинчжава и его подданных жить в мире с шабинарами.

Здесь необходимо отметить, что светские власти — правители аймаков, хошунов — стремились уничтожить повод для распрей в своих землях и разграничить кочевья подданных и

шабинаров, для чего неоднократно выделяли специальные земли [17, с. 114, 117, 103]. Но и это не остановило шабинаров. «Шабинары Джебцзун-Дамба-хутухты наделены землей, но самовольно бродят по аймакам и хошунам. И если случится засуха или дзуд, ищут другое место» [17, с. 117]. Если шабинар, изгнанный с выбранных им самим кочевий, затевал тяжбу, то, как правило, ее выигрывал, поскольку его право кочевать где угодно было подтверждено законом, о чем неоднократно упоминали светским властям из шанцзотбинского ведомства: «Богдо эцзэн [хутухта] достиг святости, стал ламой, почитаемым четырьмя халхаскими аймаками, и халхаские ханы, ваны, цзасаки все как один уважают [его]. Когда хутухтинские шабинары стали кочевать в четырех халхаских аймаках, то в 1772 г. Хэтэрхий баатар ван, устанавливавший границы, амбань ван эфу, халхаские ваны, бэйлэ, бэйсё, гуны и цзасаки собрались в Ширэ-нуре и постановили разрешить кочевать шабинарам Джебцзун-Дамба-хутухты согласно старым законам по четырем халхаским аймакам» [17, с. 99]. И вменялось в вину многим светским правителям то, что, по переписи скота в 1797 г., у Джебцзун-Дамба-хутухты и его шабинаров его оказалось меньше, чем в 1795 г.— «из-за того, что они не были обеспечены хорошими пастбищами» [17, с. 99]. И поскольку шабинары, которые были поднесены халхаским князем Джебцзун-Дамба-хутухте добровольно в знак уважения и число которых превысило 16 тыс. семей (1808 г.— *Т. С.*), пострадали от стихийных бедствий, то из шанцзотбинского ведомства главам сеймов Тушету-хановского и Сэцэн-хановского аймаков рассылалось распоряжение о беспрепятственном расселении шабинаров на хошунных землях [17, с. 101].

Иначе обстояло дело с пахотными землями. А. М. Позднеев отмечал «обширные пашни, принадлежавшие в большей части казначейству Джебцзун-Дамба-хутухты» у оз. Боро-нур [11, с. 59]. Владел большим количеством пахотных земель и монастырь Амур-баясхуланту, принадлежавший Джебцзун-Дамба-хутухте. Часть этих пахотных земель была ему предоставлена в виде пожертвования Цэ-цзасаком и Урчжан-цзасаком. Через 20 лет Цэ-цзасак решил возвратить свои земли. Но в результате судебного разбирательства эти земли были оставлены монастырю и «навсегда и всецело были закреплены за шабинарами» [11, с. 37].

Отмечая специфику землепользования Джебцзун-Дамба-хутухты, можно говорить о том, что шабинары пользовались землями, выделенными государством хутухте, перед которым они несли определенные обязанности. Повинности, лежащие на шабинарах, представляли собой комбинации этих обязательств, в «которых различные формы ренты могут сочетаться, искажаться и сливаться» [1, с. 359]. Соотношение отработки, продуктовой и денежной ренты изменялось в отдельные периоды и в разных монастырях, причем с течением времени их размеры

не только не унифицировались, но и, наоборот, становились «пестрее» и обретали тенденцию к постоянному росту. С XIX в. возрастает значение денежной ренты, выступающей «в чистом виде, то есть как просто превращенная форма продуктовой ренты...» [1, с. 367].

«Хотя земли, на которых живут шабинары хутухт, называются „шавь нарын нутаг" („кочевья шабинаров"), а налог, собираемый с них,— „тахилын алба" („налог-жертвоприношение"), отношения хутухт и их шабинаров — часть системы феодал — подданный» [22, с. 90].

[1] Три дела (гурбан үйлэ) — дела особой государственной важности: «нападение врага, болезнь высокопоставленных лиц и ссора между нойонами».

[2] Ц. Насанбалжир указывает, что печать на управление выдавалась, если число шабинаров равнялось или превышало 500 [20, с. 183].

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал, кн. 3. Сочинения. Изд. 2-е.— Т. 25. Ч. 2.
2. Биографии князей и хубилганов сейма Цэцэрлиг. Рукопись. РО ЛО ИВ АН СССР. F-189.
3. *Бира Ш.* Монгольская историография. XIII—XVII вв. М., 1978 г.
4. *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
5. *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-паши. СПб., 1880 г.
6. *Липовцев С.* Уложение китайской палаты внешних сношений. СПб., 1828 г.
7. «Лунный свет» — биография Зая-пандиты. Пер. Г. Н. Румянцева. ЛО ИВАН СССР. АВ. р. 1, оп. 3, ед. хр. 44.
8. *Нацагдоржи Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958 г.
9. *Нацагдоржи Ш.* Формы и методы эксплуатации аратов монастырями Монголии. Түүхийн судлал. Боть VIII, 1970.
10. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887 г.
11. *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. СПб., 1896.
12. *Халха Джирум.* Памятник монгольского феодального права XVIII в. Сводный текст и перевод Ц. Ж. Жамцарано, подготовка текста к изданию, редакция перевода, введения и примечания С. Д. Дылыкова. М., 1965.
13. *Цэдэв Д.* Положение аратов-шабинаров ургинских хутухт в дореволюционной Монголии. Автореф. канд. дис. М., 1959.
14. *Ширендыб Б.* Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии. Уланбатор, 1973.
15. Богда Нейжи тойн далай манжушрийн домог. Улан-Удэ. Ро БИОН М 162.
16. *Пэрлээ Х.* Халхын шинэ олдсон цааз эрхэмжийн дурсгалт бичиг.— Монгол ба Төв Азийн орнуудын соёлын Түүхэнд холбогдох хоёр ховор сурвалж бичиг. Улаанбаатар, 1974.
17. Хувьсгалын өмнөх Монгол дахь газрын харилцаа. Улаанбаатар, 1975.
18. *Насанбалжир Ц.* Манжийн үеийн албат-сум ард. Улаанбаатар, 1958.
19. *Насанбалжир Ц.* Живзандамба хутагтын сан. Түхийн судлал. Боть VIII. 1970.
20. *Насанбалжир Ц.* Эрдэнэ бандида хутагтын шавь. Түхийн судлал. Боть VIII. Улаанбаатар, 1970.
21. *Нацагдорж Ш.* Халхын Түх. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн хураангуй Түх. (1691—1911). Улаанбаатар, 1963.
22. *Нацагдорж Ш.* Сум, хамжлага, шавь ард. Улаанбаатар, 1972.
23. *Сономдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн ард монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1611—1911). Улаанбаатар, 1961.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

И. Ш. Шифман

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Проблема перехода от древности (рабовладельческое общество) к средневековью (феодальное общество) — одна из наиболее сложных и острых проблем современной исторической науки. После того как выяснилась необоснованность тезиса о революции рабов, которая будто бы привела к гибели Римскую империю, были предприняты многочисленные исследования, позволившие более точно представить как социально-экономическую структуру древних и раннесредневековых обществ, так и те сдвиги в системе общественных отношений, которые имели место в интересующий нас период.

Хронологическая граница древности и средневековья для Западной Европы определяется временем падения Западной Римской империи. Однако для Восточного Средиземноморья такого рода границей следует считать, по всей видимости, тот момент, когда началось *превращение* Римской империи в Византийскую, иначе говоря,— кризис середины II—III вв. н. э., приведший к созданию режима домината. Сказанным определяются хронологические ориентиры работы.

Как известно, древность знала многочисленные и весьма разнообразные формы зависимости.

Одной из них было рабство, возникающее на том (относительно высоком) уровне развития производительных сил, когда наряду с необходимым продуктом оказывается возможным производить и продукт прибавочный, т. е. продукт, который может быть использован не для воспроизводства личности производителя, а для иных целей, когда возникают условия, дающие возможность внеэкономического, т. е. насильственного, принуждения к труду. Согласно юридическим нормам всех без исключения обществ древнего мира раб — это человек, утративший личную свободу, т. е. право распоряжаться собою в пределах действующих в обществе правовых установлений по своему усмотрению и в своих интересах. Раб является собственностью другого лица (или группы лиц, государства); иначе говоря, раб — это человек, утративший право собственности на свою личность. В этом отношении он противопоставлен лично-свободному, т. е. человеку, обладающему правом на себя, на свою

личность (вне зависимости от того, открыта ли уже обществом свобода как социальное явление, или же оно существует, не будучи познанным). Такое положение несколько парадоксально: обществу оказывается безразлично, какое место занимает раб в системе общественного производства. Раб остается рабом, и здесь уже неважно, принадлежит ли он частному лицу, царю или республике, эксплуатируется ли он непосредственно в производственной сфере (частном или царском хозяйстве) или активно участвует в торговле и становится обладателем определенных, иногда весьма значительных по объему, имуществ, или же исполняет административные функции. Вне зависимости от того, каково соотношение численности рабов и свободных, рабовладельческие отношения накладывают свой отпечаток на все стороны жизни общества: любое подчинение воспринимается как рабство, и в результате возникают ситуации, когда граница между рабами и свободными оказывается стертой, когда не всегда можно определить, является ли данное лицо рабом в собственном смысле этого слова, даже если к нему применяется соответствующий термин (см. [1; 2, с. 11—51]).

Наряду с этим древность знала и другой вид зависимости, на этот раз формально свободных людей,— различные формы клиентелы и колоната, «дружбы», взаимоотношений между благодетелем и благодетельствуемым. Такая зависимость восходит к архаическим обязанностям внутриродовой, внутриплеменной и соседской взаимопомощи; она восходит также к обязанности отплатить за оказываемое благодеяние, к представлению о личной зависимости, возникающей при принятии дара без отдаривания; она может восходить, наконец, к покровительству, оказываемому бесправному богатым и могущественным лицом. Отличие такой зависимости от рабства заключается в том, что она не предполагает утраты статусов личной свободы и гражданства; за пределами выполнения клиентских обязанностей зависимые этого рода сохраняют свою право- и дееспособность, сохраняют право распоряжаться собой по своему усмотрению и в своих интересах. В отличие от раба клиента нельзя отчуждать каким бы то ни было способом. Другая своеобразная черта зависимости заключается в том, что вытекавшие из нее обязательства носили двусторонний характер. Не только клиент должен был выполнять определенные обязанности по отношению к патрону, но и патрон был обязан покровительствовать клиенту, оказывать ему необходимую помощь и защиту и т. п. Нарушение патроном его долга, обман в отношении клиента сурово осуждались общественным мнением и могли повлечь за собой, согласно Законам XII таблиц, проклятие (sacer esto) с фактическим изгнанием из общества.

Наконец, в древности существовала еще одна форма зависимости, которую источники характеризуют как состояние между рабством и свободой (ср. Pollux, 3, 83). Речь идет в данном случае об отношениях, возникавших между обществом-завоева-

телем и обществом покоренным. Первое эксплуатирует второе следующим образом: покоренные закрепляются за определенными участками земли, распределяемыми между членами общества-победителя; прибавочный продукт поступает в распоряжение последних; однако права собственности на эксплуатируемых принадлежали обществу в целом. Другая форма эксплуатации зависимых такого типа — выполнение определенных работ в пользу господствующего общества. Возникает вопрос: почему данный тип зависимости рассматривался как промежуточный — между рабством и свободой. По-видимому, с рабством его роднит несвобода, коллективная и личная, отсутствие права на собственную личность. В то же время от рабства такая зависимость отличается, во-первых, отсутствием полной собственности на личность зависимого (он, в частности, не подлежит отчуждению), и, во-вторых, тем, что зависимый располагает собственным хозяйством, которое ведет по своему усмотрению и в своих интересах (см. [10]).

Специфической чертой древности является то, что здесь развитие производственных отношений ведет в своей тенденции, реализуемой в некоторых обществах, к созданию ситуации, когда эксплуатация основывается на внеэкономическом принуждении к труду, а эксплуатируемый никоим образом не заинтересован в результатах своего труда. В сфере социальной психологии это приводит к восприятию раба как instrumentum vocale, как части хозяйственного инвентаря. Однако не только такое отношение к рабу вступает в противоречие с реальной действительностью, но и такой метод эксплуатации оказывается недостаточно эффективным. Поэтому уже в древности начинаются, как сказано, поиски способов материально заинтересовать зависимых в результатах их труда и тем самым сделать последний более производительным.

Для древности характерно также и то, что все эти формы зависимости развиваются в обществах, где постепенно складывается и становится господствующей частная собственность на орудия и средства производства, в том числе и на землю; в обществах, где господствует парцеллярное хозяйство, основным производителем на протяжении длительного времени является средний и мелкий землевладелец, отчаянно борющийся за сохранение именно этого своего статуса, и лишь на высшем этапе развития, которого достигли наиболее высокоразвитые общества средиземноморской древности, труд свободных земледельцев вытесняется, хотя и далеко не полностью, трудом зависимых; в обществах, где очень рано ремесло отделилось от земледелия, появился обмен и стало развиваться товарное производство, в том числе и межгосударственная торговля. Это были общества, социально-политическая организация которых выросла из первобытной общины и длительное время сохраняла присущие ей черты. Грабительские, захватнические войны приводили к возникновению значительных по своим размерам госу-

дарств, властители которых стремились для обеспечения систематической эксплуатации покоренных обществ централизовать управление; однако в Восточном Средиземноморье только в эпоху домината, т. е. после кризиса второй половины II—III вв. н. э., центральное правительство сумело постепенно ликвидировать пережитки полисного суверенитета, хотя и не общинный строй, как таковой. Необходимой важнейшей предпосылкой такого развития событий было то обстоятельство, что полисная организация, даже под контролем римской администрации, не обеспечивала господствующим классам и социальным группировкам политической стабильности, защиты их интересов от посягательств со стороны «низов». Этот кризис означал начало перехода к новым формам социальной организации, которые в конце концов привели к становлению средневекового феодального общества на Ближнем Востоке. Многие формы зависимости, характерные для этого общества, зарождаются именно в этот переходный период.

Страны и области Переднеазиатского Средиземноморья (регион, соответствующий территории современных государств Сирии, Ливана, Иордании и Израиля) в эпоху римского господства представляли собой довольно сложный конгломерат племен и народностей, политических организмов и обществ.

Этнически здесь отчетливо выделялись: финикияне, жившие на средиземноморском побережье, сирийцы-арамеи, греки, жившие компактными массами в Келесирии и в Декаполисе на северо-восточном берегу Иордана, арамеизованные арабы Южной Палестины и Восточной Сирии, а также римские колонисты (в некоторых пунктах побережья и глубинных районах Сирии). Особое место занимали иудеи, до середины II в. н. э. жившие преимущественно в Палестине (хотя уже тогда существовала значительная иудейская диаспора). Негреческое население интересующей нас территории начиная с III в. до н.э. подвергалось интенсивной эллинизации; в свою очередь, греки, поселившиеся в Передней Азии, испытывали столь же интенсивное арамейское и финикийское влияние. Весьма распространенным явлением было, как можно предполагать, греко-арамейское и греко-финикийское двуязычие. Специфическая позиция иудеев объясняется своеобразием их общественно-политической организации, продолжавшей традиции иерусалимской гражданско-храмовой общины, и идейного развития в интересующий нас период. Исповедание иудаизма — догматической религии, построенной на полном отрицании язычества,— делало невозможным для данной среды создание синкретического иудаистско-эллинистического культа и резко ограничивало пределы эллинизации и арамеизации иудейского общества; как известно, именно иудеи оказали попыткам эллинизации наиболее ожесточенное сопротивление, объяснявшееся как идейными соображениями, так и прежде всего стремлением ликвидировать чужеземный гнет, избавиться от эксплуатации. Тем не менее

и в иудейской среде с середины I тысячелетия до н. э. был усвоен общий для всей Передней Азии арамейский язык (здесь существовала, по всей видимости, ситуация арамейско-ивритского двуязычия, причем арамейский был широко распространенным разговорным языком), а с III в. до н. э. началось овладение греческим языком и появилась иудейская грекоязычная литература; греческий язык оказал заметное влияние на ивритскую лексику эпохи, особенно в административно-правовой сфере.

В плане политической организации основную часть территории занимала римская императорская провинция Сирия, с I в. н. э. управляющаяся легатом. К ней примыкал ряд зависимых и полузависимых царств, контролировавшихся римскими властями (Коммагена, Набатея, Итурея); они постепенно включались в состав провинции, на их территории организовывались отдельные провинции. Таким подконтрольным царством была и Иудея, поставленная в начале I в. н. э. под управление римского прокуратора (или префекта), подчиненного легату Сирии, но с сохранением внутреннего самоуправления в форме иерусалимской гражданско-храмовой общины. Последнее было уничтожено вместе с подавлением народных антиримских восстаний конца 60-х — начала 70-х годов I в. н. э. и конца 30-х годов II в. н. э. Основной формой общественно-политической организации в сиро-палестинском регионе по-прежнему оставался полис, хотя и под верховной властью римского правительства. Наряду с этим имелись территории, находившиеся под непосредственным контролем императорской администрации.

Основным занятием населения было земледелие, в том числе выращивание зерновых культур, виноградарство, садоводство, огородничество. В сфере сельского хозяйства господствовала частная собственность на землю — полисную, эпифитевтическую и т. д. Крупными собственниками земли были храмы. Значительную роль в жизни общества играло ремесло — от производства, рассчитанного на удовлетворение местных нужд (например, портняжничество, сапожничество, ткачество), до производства, связанного с нуждами внешнего рынка (например, изготовление стекла и стеклянных изделий, пурпура и пурпурной шерсти, ковроткачество, выделка знаменитого полотна, судостроение). Исключительно высокого уровня развития достигло товарное производство. Во всех крупных населенных пунктах, а также при храмах имелись постоянно действовавшие рынки и ярмарки; исключительный размах приобрела транзитная торговля — караванная (в пределах самого Переднеазиатского Средиземноморья, а также в направлении на восток и на юг), речная (по течению Евфрата) и морская (в Средиземноморском бассейне и в бассейне Красного моря). Торговые связи сирийцев прослеживаются от Пиренейского полуострова и Галлии до Индии и Китая, от Скифии до Южной Аравии.

В среде свободного населения сиро-палестинского региона наблюдалась резкая социальная дифференциация. Накопление значительных материальных ценностей хорошо иллюстрируется посвятительными, почетными и строительными надписями, свидетельствующими о том, какие огромные расходы могли позволить себе лица, организовавшие строительство или совершавшие посвящения. Так, в Пальмире (согласно Inv., I, 2) в 130/1 г. н. э. Мале сын Йархайя мог предоставить всему населению города, а также свите императора Адриана масло для умащения; он же финансировал и строительство местного храма Ба'ал-Шамена-Зевса. Другой пальмирянин, Юлий Аврелий 'Оге-Селевк, передал пальмирскому совету 10 тыс. аттических драхм (С 19, II, 3934; 254 г. н. э.). В Дура-Европос некто Эпиник в I в. н. э. воздвиг наос, а в 116/7 и 117/8 гг. н. э. его сын Александр обновил этот наос и построил ряд сакральных помещений (ED VII—VIII, 867—869). Там же в 115 г. н. э. Лисий сын Конона сына Патрокла воздвиг на свои средства храм и примыкающие к нему помещения (Cumont, 1). В Герасе во второй половине I в. н. э. Феон сын Деметрия пожертвовал на строительство храма Зевса Олимпийского (пропилей), а также на изготовление бронзовой статуи Зевса 18 тыс. драхм (С 5—6). Там же в 130 г. по завещанию Флавия Агриппы на его средства была воздвигнута триумфальная арка со статуей императора (G 58); в середине III в. н. э. Флавий Мунаций на свои средства построил для храма Артемиды пронаос (G 62). Малала (pp 224—225, 248) рассказывает об антиохийце Сосибии (I в. н. э.), который мог завещать Антиохии сумму, достаточную для уплаты налога за один год; всего объем его завещания в пользу народа составлял 15 талантов. Надпись JMI, IV, 1303 из Баланеи (II в. н. э.) свидетельствует, что некто «...дор сын Антиоха сына Деметрия» обеспечивал на свои средства продовольствием родной город. На другом социальном полюсе находилась беднота — владельцы мелких лавчонок, торговцы вразнос, мелкие землевладельцы, люди, терявшие свое хозяйство и попадавшие в долговую кабалу (см. ниже материалы из Дура-Европос).

Рабы в Переднеазиатском Средиземноморье интересующего нас времени представляются объектом собственности, которым собственник мог распоряжаться по своему усмотрению и в своих интересах (см. [7; 8]). Это относится ко всем обществам указанного региона. Согласно Гиттин, 38а, «тот, право на которого принадлежит господину, называется рабом ('bd), а тот, право на которого не принадлежит его господину, не называется рабом». Такого рода представление не оригинально; аналогичные определения мы находим у Аристотеля (Arist. Polit., 1, 2, 7) и в сводах римского права (Iust., Instit., 1, 4).

Соответственно в документации, «происходящей» из Сирии, мы сталкиваемся с рабами в ситуации, когда они являются объектом купли-продажи. Так, пальмирские пошлинные тари-

фы I в. н. э. и первой половины II в. н. э. (CIS, II, 3913) устанавливают пошлины, взыскиваемые при ввозе, вывозе и продаже рабов (соответственно 22 и 12 денариев). За раба-ветерана (т. е. уже находившегося в рабстве не меньше года или же занимавшего в хозяйстве владельца административный пост, или обученного свободным наукам, ср. Dig., 39, 4, 16, 3; 21, 1, 65, 2) взыскивали 10 денариев. Такие рабы, как можно видеть, ценились дешевле, так как их необходимо было переучивать, чтобы приспособить к потребностям и желаниям нового господина. В документе из Дура-Европос (DEPP 25, 180 г. н. э.) говорится о том, что Лисий сын Лисия сына Гелиодора сына Аристоника продал своего раба по имени Ахаб и половину виноградника. Согласно другому документу из Дура-Европос (DEPP 18, 87 г. н. э.) рабы входят в состав имущества, которое Никанор сын Ксенократа получил в счет погашения долга. Документ DEPP 17B, также из Дура-Европос (180 г. н. э.), говорит о том, что «...сын Селевка сына Теомнеста» передает принадлежащих ему рабов своей дочери Амафиаре, жене Артемидора. Документ DEPP 28 (243 г. н. э.) из Эдессы говорит о том, что некая Люция Аврелия дочь Шемен᾿азара, внучка Абгара передает харранцу Люцию Аврелию Тирону сыну БарБелшамена за 700 денариев рабыню Аматсин в возрасте 29 лет. Покупатель приобретает право владеть рабыней, продавать ее и пользоваться ею по своему усмотрению.

Аналогичные явления засвидетельствованы и в жизни иудейского общества. Согласно Мишне, Киддушин 1, 3, рабы-инородцы (т. е. по представлениям иудейского права рабы в собственном смысле слова) могли быть приобретены за деньги, т. е. в результате сделки о купле-продаже (ср. также Мишна, Бава Меция, 8, 4; Гиттин, 44а), по документу, т. е. юридически оформленным актом, а также в результате длительного осуществления над рабом владельческих прав. В документе о покупке раба следовало указать, что данный раб предназначен для рабства, т. е. не имеет каких-либо прав на собственную личность, и что на него не будут предъявлены претензии со стороны государства или частных лиц (Гиттин, 85а). Документы такого типа составлялись в иудейской среде еще и в эпоху средневековья [12, с. 27—29; 9, с. 1—20], что свидетельствует, по-видимому, о стабильности юридического статуса рабов на протяжении всего периода поздней античности и раннего средневековья. В то же время в указанных выше документах из Дура-Европос, оформляющих отчуждение рабов, всегда указывается их рабский статус и декларируется добросовестность сделки. Такое совпадение не случайно: оно объясняется общностью правовых институтов у различных групп населения Переднеазиатского Средиземноморья.

В то же время особняком, по всей видимости, стояло иудейское установление, обеспечивающее возможность приобретения рабов путем осуществления владельческих прав (ḥzqh). Оно вы-

ражалось в оказании личных услуг (ср. Тосефта, Киддушин, 1, 5: «обул он ему сандалию его и завязал ему сандалию его, носил за ним принадлежности для умывания»), что само по себе свидетельствовало о рабском статусе данного лица. Как известно, римское право, действовавшее на всей территории империи, в том числе и в Сирии, считало фактическое нахождение под властью другого лица само по себе недостаточным для возникновения рабского состояния; оно могло возникнуть только в результате захвата в плен в случае войны или в результате юридически оформленной продажи в рабство. Как разрешалось это противоречие между общеимперскими и специфически иудейскими законами, мы не знаем. Есть основания думать, что, поскольку речь шла о внутренней жизни иудейского общества, она регулировалась иудейским правом.

О методах и формах эксплуатации рабов в хозяйстве мы располагаем только материалом, относящимся к иудейскому обществу. Можно думать, однако, что они позволяют характеризовать ситуацию, существовавшую повсюду в Переднеазиатском Средиземноморье, тем более что каких-либо специфически иудейских черт, объясняемых действенностью иудейской идеологии, мы в данном случае не наблюдаем, кроме запрета субботней работы.

Будучи объектом собственности, которым господин мог распоряжаться по своему усмотрению и в своих интересах, раб мог быть использован практически в любой сфере деятельности (ср. Матф., 8, 9: «Когда я говорю рабу своему: сделай это, и он делает»). Рабы использовались прежде всего в домашнем хозяйстве (Марк, 14, 62; Лука, 15, 22), на обслуживании личности господина. Именно такие работы считались рабскими (Мехильта мишпатим, 1). Тем не менее значительную роль рабский труд играл в производственной сфере, как в ремесле (Санхедрин, 91а), так и в сельском хозяйстве — полеводстве и виноградарстве (Шаббат, 25б). Вместе со своими хозяевами рабы участвовали в сельскохозяйственных работах (Матф., 18, 24—30); они пахали землю и пасли скот (Лука, 17, 5—10), пропалывали посевы и собирали урожай (Матф., 18, 27—30), а также участвовали в молитве (Бава Меция, 27а). Раб выступал в роли домоправителя (Матф., 24, 25; Лука, 12, 42).

Размер продовольственного пайка, выдававшегося рабу, мог быть поставлен в зависимость от результатов его труда (Гиттин, 12а) отпускаться раз в неделю и даже раз в год (Та'анит, 19аб). Однако выдача рабам какого-то запаса еды, необходимого для поддержания их жизни, вовсе не считалась обязанностью рабовладельца: источники (Бава Камма, 27б; ср. Гиттин, 12а; Авот, 1, 3) изображают ситуацию, когда господин отказывает рабу в кормежке, заставляет его целый день работать на себя, а по вечерам собирать милостыню. Такое положение едва ли могло получить сколько-нибудь широкое распространение, поскольку оно с неизбежностью должно было привести

к катастрофе и в любом случае к резкому снижению производительности рабского труда. Тем не менее заслуживает внимания сама возможность отделения во времени и в пространстве труда раба, направленного на удовлетворение потребностей рабовладельца, от деятельности того же раба, имеющей целью поддержание его жизни.

Несмотря на крайнюю ограниченность дошедших до нас материалов, имеются источники, позволяющие утверждать, что рабы в Сирии могли обладать определенным имуществом и активно участвовать в деловой жизни, в том числе вести крупномасштабные финансовые операции. Так, надпись 18 из Герасы (конец I в. н. э.) свидетельствует, что Тиха, рабыня Аполла сына Лесба, воздвигла посвящение Святой Пакиде. Около 106 г. н. э. Клад, раб Д. Клавдия Поллиона, «и еще другой раб по имени Люций» также совершили посвящение Атаргатис, Венере Гелиополитанской и Диане (SEG, XIV, 824). Надпись SEG., XVIII, 600 из Сидона представляет собой, по всей видимости, надгробие, установленное рабами на могиле их господина. Известен случай, когда раб наследует своему сотоварищу по рабству (Ant., II, 33). Наконец, казус, разбиравшийся известным римским юристом Сцеволой (Dig., 45, 1, 122, 1), основан на том, что, как предполагается, находящийся в Сирии раб Стих мог предпринять 200-дневное торговое плавание из Берита в Брундизий, причем по истечении срока возврат полученной суммы должен быть произведен в Риме. Как известно, все древние правовые установления, в том числе и римское право (ср., например, Dig., 43, 1, 2), считали имущество, находившееся в распоряжении раба, собственностью его господина. Эта норма действовала и в Сирии, во всяком случае, в Сирии интересующего нас переходного периода.

Действовала эта норма и в иудейском обществе (Мишна, Бава Мециа, 1, 5; Недарим, 88б, Санхедрин, 91а). Сюжет известной притчи Матф., 25, 14—30 (ср. также Лука, 15, 12—28) заключается в том, что господин дает своим рабам деньги — одному 5 талантов, другому 3 таланта, а третьему 1 талант, причем первые два пускают полученные ими средства в оборот, а третий зарывает их в землю. Впоследствии господин требует у рабов отчета в том, как они распорядились данным им имуществом, причем у раба, не получившего прибыли, он отбирает данный ему пекулий, а его самого подвергает наказанию. В другом случае (Матф., 18, 23—24) речь идет, однако, уже о займе в размере 10 тыс. талантов, предоставленном рабу его господином, а затем взыскиваемом последним. Возможны были и случаи, когда господин брал заем у раба, а затем отпускал его на свободу (Бава Батра, 51а) — скрытая форма выкупа.

Возможность самостоятельно распоряжаться находящимся в его руках имуществом, несомненно, сближала раба-владельца пекулия со свободным собственником; в особенности показа-

тельна ситуация, когда раб вступает в деловые отношения (заем, предполагающий возврат полученной ссуды) со своим господином, т. е. юридическим собственником всего того, что принадлежит рабу.

Все изложенное показывает, что в интересующий нас период наблюдается в среде рабов имущественная и социальная дифференциация,— от неимущих слуг и работников, не располагающих какими бы то ни было материальными ценностями, в том числе, естественно, и средствами производства, до людей, владеющих значительными богатствами (формально — пекулием), либо полученными от господина, либо, как можно предполагать, нажитыми, и распоряжающихся ими по своему усмотрению. В том случае, когда господин вмешивается и контролирует раба, его интересуют не производимые последним операции, а их результат — наличие или отсутствие прибыли.

Было бы преждевременно считать такие отношения специфичными именно для интересующего нас периода. Угаритская документация второй половины II тысячелетия до н. э. показывает, что они существовали уже тогда.

Своеобразной иудейской чертой следует признать особый статус рабов-единоплеменников (рабов-евреев). Они не считались собственностью господина (Мишна, Арахин, 8, 5; Бава Мециа, 99а), поэтому они могли приобретаться только за деньги и по записи (Мишна, Киддушин, 1, 2), а в доме занимали положение, аналогичное положению взрослых сыновей и жены домовладыки (Мишна, Эрувин, 7, 6). Господин не имел права и на имущество таких рабов (Мишна, Бава Мециа, 1, 5). В соответствии с нормами библейского права такие рабы должны были освобождаться на седьмой год, в Юбилейный год, а также досрочно, если вносился выкуп (Мишна, Киддушин, 1, 2; ср. Иер, Киддушин, 49а). Согласно Гиттин, 65а, законы о рабе-единоплеменнике действовали до тех пор, пока соблюдались законы о Юбилее. Основываясь на этом, можно предполагать, что во времена римского господства они в повседневной жизни уже не соблюдались, хотя теоретически и продолжали разрабатываться. Такое положение находится, по-видимому, в связи с общей тенденцией идейного развития древности, ведущей к моральному осуждению порабощения заведомо свободных, тем более сограждан.

С рабством тесно связано вольноотпущенничество — приобретение рабом формально личной свободы при сохранении зависимости от бывшего господина-манумиссора. Надписи, позволяющие судить об этом явлении, свидетельствуют об участии вольноотпущенников в деловых операциях (CIS, II, 4171—4174). Обычно при отсутствии патронимика указывается, чьим вольноотпущенником данное лицо является (ср. CIS, II, 4013, 4000, 3996; Wadd, 2572; SEG., XVIII, 604). Представляется весьма вероятным, что в Сирии существовало обязательство вольноотпущенника находиться при особе манумиссора и вы-

полнять его поручения. Способы предоставления рабам свободы, очевидно, были такими же, как и по всей империи; они легко реконструируются на основе соответствующих статей Сирийского судебника. Сирийское право знало освобождение рабов по завещанию, хотя и в определенных пределах (L 4), причем при отсутствии детей у наследователя раб, освобожденный таким (или иным) способом, мог быть сделан наследником; другие формы освобождения — при свидетелях и в присутствии церковного клира (L 21), что, по всей видимости, заменило освобождение в храме в присутствии жрецов. Обвиняя вольноотпущенника в непочтительности, манумиссор мог вернуть его в прежнее состояние. Все эти установления точно соответствуют хорошо известным нормам римского права.

Аналогичные установления засвидетельствованы и памятниками иудейского права. Оно знало освобождение рабов по завещанию с превращением одного из них в наследника (Гиттин, 9а; Мишна, Пеа, 81), при свидетелях устным заявлением (Гиттин, 40б; Берахот, 47б), за выкуп через посредников и по документу об отпуске на волю (Мишна, Киддушин, 1, 3). Рабы-инородцы могли быть посвящены храму (Мишна, Арахин, 8, 4) и в этом случае либо обретали свободу непосредственно, либо выкупались (Гиттин, 38б). Раба можно было посвятить божеству и в синагоге в присутствии членов религиозной общины; в этом случае он также обретал свободу (IOSPE, 52, 53, 400). Раб автоматически становился свободным и в том случае, если оказывался бесхозным имуществом (Гиттин, 38а). Как показывают сведения Иосифа Флавия (ср., например, Fl.Ios., Antt., 18, 155—156, 247; Vita, 48), вольноотпущенники сохраняли связи с манумиссором и выполняли его поручения, часто весьма ответственные.

В нашем распоряжении нет данных об общей численности рабов в сиро-палестинском регионе интересующего нас времени. Известно, однако, что в руках отдельных богачей могли скопляться большие их количества — до 10 тыс. (ср. Fl.Ios., Antt., 13, 359; ср. Йома, 35б); впрочем, уже обладание сотней рабов считалось признаком богатства (Шаббат, 25б). Нет данных и о соотношении труда рабов и свободных в сфере производства. Ясно только, что труд свободных земледельцев, пастухов и ремесленников, особенно владельцев мелких хозяйств, был широко распространен; источниками засвидетельствована и эксплуатация наемных работников, трудившихся вместе с рабами от зари до зари (Лука, 15, 15—17; Матф., 20, 1—16; Мишна, Бава Мециа, 6, 1 и 9, 11; Бава Камма, 116б).

Как уже отмечалось выше, наряду с рабством древность знала такую специфическую форму зависимости, как клиентела. В иудейско-израильском обществе первой половины I тысячелетия до н. э., как, по всей видимости, во всем Переднеазиатском Средиземноморье, это была зависимость бесправного поселенца (*гер ветошав*) от могущественного патрона, оказы-

вавшего клиенту свое покровительство. Непосредственно в интересующий нас период наряду с сохранением этой системы (в пальмирских надписях, впрочем, слово gr имело, по всей видимости, значение «патрон»; см. CIS, II, 4035, 4218, 3972, 3973) существовала и иная система представлений: мы встречаем обозначения патронов с помощью латинского термина (CIS, II, 3944), а также словами «предстатель» (греч. προστάτης; арам. qywm; ср. II, 3940, 3941, 3943) и «друг»-благодетель (греч. φίλος, арам. rḥm; ср., кроме того, CIS, II, 3937, 3960). Судя по некоторым признакам, клиентела получила в сирийских обществах широкое распространение. В частности, власть пальмирских правителей середины III в. н. э. основывалась на широко разветвленных клиентских связях: среди клиентов этой семьи мы видим отдельных лиц и целые корпорации, а также аристократов, в свою очередь обладавших разнообразными клиентскими связями. По существу, «дружба» — благодетельствование — предполагала оказание покровительства и материальной помощи, что накладывало соответствующие обязательства на благодетельствуемого. Оказание благодеяния помимо воли благодетельствуемого могло быть одним из способов установления клиентской зависимости, чем и объясняется запрет подобного рода действий (Dig., 50, 17, 69).

Промежуточное состояние — «между свободой и рабством» — для Переднеазиатского Средиземноморья интересующего нас времени засвидетельствовано документами из Дура-Европос (DEPP, 17B, 20, 21). Имеются в виду займы, выдававшиеся под залог имущества с тем, однако, условием, что вместо выплаты процентов должник обязан был нести для заимодавца рабскую службу, не мог уходить от него без его разрешения под угрозой штрафа в 1 драхму за каждый день. Отсутствие по болезни допускалось в течение семи дней; в случае болезни сверх этого срока должник обязан был выплачивать за каждый день также 1 драхму. При невозвращении долга в течение года отработка длилась до момента уплаты.

Специфика этих отношений заключалась в том, что зависимый должник не утрачивал формально личной свободы и гражданского статуса, однако фактически терял право и реальную возможность распоряжаться собой (*парамоне*). Формально зависимость была ограничена определенным сроком, что дает возможность квалифицировать ее как временное рабство, однако фактически должник в указанной выше ситуации, не имея дополнительных источников дохода, едва ли мог найти средства для расчета, и зависимость не могла не становиться бессрочной.

Отношения данного типа восходят, по всей видимости, еще к доэллинистическому периоду и не могут, следовательно, считаться специфичными только для первых веков нашей эры.

В условиях резкого обострения социальных противоречий в обществах Переднеазиатского Средиземноморья одним из коренных вопросов был вопрос о рабстве. Те религиозно-этические

учения, в которых находили свое выражение настроения угнетенных групп населения, как правило, формулировали свое отношение к рабству. Для характеристики этих воззрений мы располагаем материалами, относящимися преимущественно к иудейской и христианской среде, однако и они достаточно показательны и едва ли могли существенно отличаться от воззрений остальной массы населения.

Само по себе рабство, по общему мнению, было величайшим несчастьем, а раб не считался полноценным человеком. Показательно бытующее в иудаистской сакральной практике до настоящего времени благодарение богу за то, что он не создал произносящего молитву рабом, причем последний называется здесь вместе с инородцем и женщиной. Как известно, рабы отсутствовали у ессеев (Fl. Ios., Antt., 18, 21; Philo, QOPLS, 79), и это обстоятельство, несомненно, выражало их протест против существующего миропорядка, стремление построить общество, свободное от эксплуатации человека человеком. Освобождение рабов провозгласил во время Иудейской войны 66—73 гг. н. э. предводитель сикариев (наиболее радикального крыла повстанцев) Симон сын Гиоры (Fl. Ios., BJ, 4, 508).

Более сложным было отношение к рабству христианства (ср. [6, с. 250—294]). В послании апостола Павла к галатам (3, 27—28) утверждается выросшая на эллинистической почве и детально разрабатывавшаяся кинизмом и стоицизмом идея всечеловеческого равенства: «Нет ни иудея, ни эллина; нет ни раба, ни свободного; нет ни мужчины, ни женщины; ведь все вы одно в Христе Иисусе». В документе I Коринф., 12, 13 эта же мысль выражена следующим образом: «И ведь одним Духом все мы в одно тело крестились, как иудеи, так и эллины, как рабы, так и свободные»; в документе Колосс., 3, 11: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, но все и во всем Христос». Однако эта идея в целом не связана с мыслью об изменении социальной структуры общества: речь идет о равенстве духовном, равенстве в боге, что существенно меняет дело. Из такой постановки вопроса неизбежно вытекает представление о безразличности той роли, которую человек призван играть в земной жизни. «Каждый в том состоянии, в каком призван, в нем пусть остается,— читаем мы в документе I Коринф., 7, 20—24.— Рабом ты призван? Пусть это тебя не заботит, но если и сможешь стать свободным, воспользуйся лучшим. Ведь во господе призванный раб есть вольноотпущенник Господа; также и свободным призванный есть раб Христа. Вы куплены за плату; не становитесь рабами людей. Каждый в каком состоянии призван, братья, в том пусть и останется у бога». Поскольку индивидуальное спасение и преобразование мира признаются возможными только на путях нравственного совершенствования личности, раб должен покорно, добросовестно и усердно слу-

жить своему господину. В свою очередь, и господин должен соответствующим образом относиться к рабам. Эта мысль многократно повторяется в Новом завете (Эфес., 6, 5—9): «Рабы, повинуйтесь господам во плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца нашего, как Христу; не с видимым раболепием, как угодники человеческие, но как рабы Христа, выполняя желание бога от души, с ревностью, рабствуя богу, а не людям, зная, что сколько каждый сделает добра, столько получит от господа, будь то раб, будь то свободный. И господа делайте то же им, умеряя суровость, зная, что и у вас самих есть господин на небесах, и лицеприятия у него нет». Колосс., 3, 22—4, 1: «Рабы, повинуйтесь во всем господам во плоти, не с видимым раболепием, как угодники человеческие, но в простоте сердца, боясь бога. И что бы вы ни делали, работайте от души, как для господа, а не для человеков, зная, что от господа получите в воздаяние наследие, ибо господу Христу рабствуете. А кто неправо поступает, то испытывает неправду; и нет лицеприятия. Господа, правду и должное рабам делайте, зная, что и у вас есть господин на небесах». I Тимоф., 6, 1: «Рабы, которые суть под ярмом, пусть считают своих господ достойными всякой чести, и чтобы не подвергалось хуле имя бога и учение». Тимоф., 2, 9—10: «Рабы пусть подчиняются своим господам, во всем пусть будут угодливыми, не прекословя, не отвергая, но обнаруживая по добру всякую верность, чтобы во всем соблюдать учение спасителя нашего бога». I Петр., 2, 18—21: «Рабы, покоряйтесь во всяком страхе господам, не только хорошим и кротким, но и суровым. Ведь это благое дело, если из помышления о боге кто-нибудь переносит скорби, страдая неправедно. Ибо какая похвала, если, совершив проступок, вы терпите потом? Но если, делая добро и страдая, вы терпите, это благое деяние у бога».

Такого рода высказывания, несомненно, находятся в прямой связи с характерной для христиан проповедью смирения и покорности, что являлось, в свою очередь, своеобразной формой мятежа, отрицания существующих порядков. Тем не менее эта проповедь в конечном счете была выгодной именно рабовладельцам, поскольку она направляла бунтарские настроения в сторону морального совершенствования, оставляя в стороне проблему переустройства земных порядков.

Христианская проповедь возникла и развилась в иудейской среде. С ее распространением за пределами иудейского общества, и в особенности после разрыва христианства с ортодоксальным иудаизмом христианское отношение к проблеме рабства постепенно внедрялось в сознание населения Переднеазиатского Средиземноморья.

* * *

При всей той, несомненно, значительной роли, которую играло рабство в жизни интересующего нас региона, основные

общественные противоречия складывались в среде свободных: противоречия между богачами и беднотой, крупными и мелкими землевладельцами, владельцами ремесленных мастерских, торговцами. Во второй половине II—III вв. н. э. полисный строй уже не обеспечивал верхушке общества политическую стабильность. Сказанным объясняется тот факт, что результатом кризиса второй половины II—III вв. н. э. было возникновение домината — откровенно монархического режима, при котором были окончательно уничтожены последние пережитки полисного суверенитета.

Однако кризис не отразился сколько-нибудь существенно ни на экономическом, ни на правовом статусе рабов. Достаточно сказать, что все отмеченные выше правовые нормы и институты продолжали действовать и в эпоху домината, и позднее, под властью византийских императоров; они были зафиксированы и разрабатывались в сборниках правовых установлений, складывавшихся в указанный период. Как и прежде, раб являлся собственностью господина, хотя закон и признавал его человеческую природу и равенство с господином в этом плане; тем самым в правовую сферу были включены идеи, восходящие, как сказано, к идеям киников и стоиков. Гражданский статус данного лица был четко отграничен от естественно-правового, от его природной сущности. В своем качестве объекта собственности рабы часто являлись объектом сделок купли-продажи; о продаже рабов, часто вынужденной, под давлением тех или иных житейских обстоятельств и о скупке огромных толп рабов и рабынь источники говорят многократно (ср., например, MPG, 47, 319, 507; 48, 575, 588; 51, 344). Но такого рода операции, отражая процесс имущественной дифференциации в среде рабовладельцев, ничего не меняли в статусе рабов по существу, хотя, естественно, и отражались на судьбе каждой отдельной личности. Как и прежде, раб мог участвовать в деловой жизни и владеть отдельными материальными ценностями, однако собственником считался господин. Существенно ограничена была и правоспособность раба, который лишь в исключительных случаях рассматривался как субъект правовых отношений [5, с. 40—41], хотя рабы и заключали самостоятельно и от своего имени разного рода имущественные сделки [5, с. 116]. Для ранневизантийского законодательства о рабах характерна тенденция облегчить и расширить возможности освобождения рабов, хотя и сохраняло свою силу установление, позволявшее рабовладельцу возвращать в рабское состояние вольноотпущенника, проявившего неблагодарность и непочтительность [5, с. 115—121]. Вольноотпущенники, как и прежде, сохраняли свои связи с господином и должны были ему служить (MPG, 51, 265).

Реальная сирийская действительность эпохи домината и ранневизантийского времени, какой она предстает по имеющимся в настоящее время нарративным материалам [3; 4], ха-

рактеризуется, как и прежде, резким имущественным и социальным расслоением внутри свободного населения. У Иоанна Златоуста (MPG, 47, 334; 48, 156, 49, 222) изображается богач, владеющий огромным количеством хозяйственных комплексов и тысячами плефров земли; такие люди владели и тысячами рабов (MPG, 58, 608). На другом полюсе — многочисленная беднота, либо вовсе не располагавшая средствами производства, либо обладавшая ими в минимальных количествах (ср. Liban., 25, 14; 47, 353; 60, 128). Крайняя бедность, непосильный труд, задолженность — вот что отличало их положение. Имелся и средний слой — землевладельцы, собственники ремесленных мастерских, торговцы; однако для этой группы населения было характерно постоянное расслоение, выделение из их среды богачей и масс бедноты.

В этой ситуации по-прежнему многочисленные рабы составляли значительную и в социально-политическом плане весьма важную группу населения. По мнению П. Пети [11, с. 310], в Антиохии в IV в. н. э. имелось не менее 100 тыс. рабов, т. е. около 20—25% всех жителей города (впрочем, достоверность этих данных вызывает определенные сомнения). Они были домашними слугами, входили в свиты рабовладельца, были заняты в сельскохозяйственном производстве (наличие такой тенденции, с которой государство пытается бороться, хорошо иллюстрируют Th., 10, 10, 25; Iust., 11, 63, 3). Такие рабы часто переводились на пекулий, вели самостоятельное хозяйство и даже могли иметь собственных рабов (MPG, 49, 206; 58, 571); в повседневной жизни их положение, видимо, мало отличалось от положения колонов. Рабский труд использовался и в ремесле, особенно на тяжелых подсобных работах, на мельницах, в пекарнях, на судах в качестве гребцов, в качестве обслуживающего персонала в разного рода харчевнях, постоялых дворах и тому подобных заведениях — всюду, где не требовалась высокая квалификация работника. Рабы трудились и в городском хозяйстве, в том числе в качестве ремесленников, полицейских, сторожей, писцов. Приходится, однако, иметь в виду, что наши сведения о том, где и как использовались рабы, из-за отсутствия статистического материала весьма приблизительны.

Методы принуждения к труду, применявшиеся по отношению к рабам, были также различными — от прямого насилия, в том числе и физического воздействия (ср. MPG, 48, 585; 49, 45; 61, 105 и 110; Liban., 25, 18), до попыток заинтересовать рабов в их труде подарками, освобождением от работы в праздники и, что особенно существенно, разрешением в свободное время работать в свою пользу и перспективой освобождения от рабства (MPG, 48, 52; 51, 265; 56, 111, 56, 215). Заботясь о воспроизводстве рабов, господа стремились дать им возможность обзавестись семьей (MPG, 48, 575), обеспечить лечение в случае болезни. Тем не менее в целом рабы едва ли были

удовлетворены своим положением; источники переполнены жалобами на ненависть рабов к их господам, на козни, которые они строят своим владельцам, на их непокорность. Повседневным явлением было уклонение рабов от работы, неповиновение и бегство; рабы активно участвовали в движениях свободной бедноты. Попытки властей изменить ситуацию не давали необходимого эффекта.

После кризиса второй половины II—III вв. источниками засвидетельствованы также колонат и патронат. Колонат представлял собой наследственное держание земли при условии выплаты собственнику определенной доли урожая или отработок на господской земле (MPG, 47, 334; 58, 591; Liban., 47, 11) и сохранения, по крайней мере формально, личной свободы держателя. В IV в. н. э. был принят закон о прикреплении колонов (CTh., 5, 17, 1). Как показывает известная речь Либания «О патроциниях» (Liban., 47), переход, приобретавший коллективный характер, под покровительство (патронат) знатного и влиятельного лица давал возможность избавиться от тяжелого налогового бремени, а также от колонатной зависимости по отношению к городскому аристократу, который оказывался не в состоянии поддерживать свои претензии. В результате над патронируемым поселением утверждалась власть патрона, который либо получал натуральные платежи (Liban., 39, 10), либо определенные права и преимущества (MPG, 82, 1420—1421). Были случаи, когда патронат возникал вместе с задолженностью патронируемых. С публично-правовой точки зрения такой патронат представлял собой точный аналог клиентеле-патронату предшествующего периода; по существу, это была одна из форм превращения свободных производителей в зависимых.

Продажа детей в рабство (Liban., 46, 22; Iust., 8, 3, 2) и самопродажа (Iust., 10, 1, 17) могут рассматриваться как естественное развитие той системы, которая возникала при заключении договоров о займах с выполнением «рабской работы».

Для интересующей нас эпохи характерно отношение к рабству как к реально существующему общественному институту. Оно наблюдается и у ритора-язычника, осуждающего могущественных господ за то, что они с помощью своих рабов творят насилия над свободными и тем самым как бы стирают грань между рабами и свободными (Liban., 58, 29; 52, 51, 16; 7, 9; 29, 9), жалующегося на наглость и своеволие рабов (Liban., 9). Для Иоанна Златоуста рабство — это наказание за грехи; эту мысль он не раз высказывал своей аудитории, подчеркивая в то же время, что не видит ничего предосудительного во владении рабами (MPG, 59, 123). Опираясь на уже приводившиеся выше высказывания апостола Павла, Иоанн Златоуст стремился побудить рабов преданно и усердно выполнять свои обязанности раба (MPG, 61, 137).

* * *

Наш по необходимости краткий обзор показывает — в том, что касалось положения несвободных, и прежде всего рабов, общественный строй, сложившийся в Переднеазиатском Средиземноморье после кризиса второй половины II—III вв. н. э., существенно не отличается от того, который существовал в предшествующий период. Мы не располагаем информацией, которая позволила бы судить о том, насколько распространен был тот или иной вид зависимости в тот или иной период. Нет оснований также думать, что колонат и патронат в сельском хозяйстве особое распространение получают только после кризиса. Кризис второй половины II—III в. имел своим последствием укрепление уже существовавших отношений зависимости, создание такой власти, которая могла обеспечить жизнедеятельность общества, основанного на этих отношениях.

Арабское завоевание Переднеазиатского Средиземноморья в первой половине VII в. н. э. явилось началом нового этапа в политической и социально-экономической истории этого региона. Рассмотрение вопроса о том, какие новые отношения в интересующей нас сфере возникли под властью арабов, как и в каких пределах здесь продолжали сохраняться прежние традиции, должно считать объектом самостоятельного изучения.

1. *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии VII—IV вв. до н. э. (626—331 гг.). М., 1974.
2. *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969.
3. *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962.
4. *Курбатов Г. Л.* Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971.
5. *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976.
6. *Трофимова М. К.* Христианство и рабство (по данным новозаветной литературы).— *Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Империи (Италия). М., 1971.
7. *Шифман И. Ш.* Рабство в Сирии и Палестине.— *Маринович Л. П., Голубцова Е. С., Шифман И. Ш., Павловская А. И.* Рабство в восточных провинциях Римской империи в I—III вв. н. э. М., 1977, с. 108—128.
8. *Шифман И. Ш.* Сирийское общество эпохи Принципата (I—III вв. н. э.). М., 1977.
9. *Goitein S. D.* Slaves and Slavegirls in the Cairo Geniza Records.— «Arabica». Vol. 9, 1962, № 1.
10. *Lotze D.* ΜΕΤΑΞΥ ΕΛΕΥΘΕΡΩΝ ΚΑΙ ΔΟΥΛΩΝ Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerung in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr. B., 1959.
11. *Petit P.* Libanius et la vie municipale à Antioche aux IVe siècle après J.C.P., 1955.
12. Seper haštarot lerabbi Ha'ay bar Šerira Ga'on. Yerušalayim, 5690.

А. И. Колесников

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ РАБСТВА И ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОВ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ИРАНЕ (III—VII вв. н. э.)

Источники поступления рабов

В сасанидском Иране наличие рабовладельческого уклада засвидетельствовано во всех основных конфессиональных группах, населявших его обширную территорию. Исторические хроники этой эпохи сообщают о многочисленности рабов в державе Сасанидов. Их правовому положению уделялось достаточно внимания в юридических сочинениях зороастрийцев (правовые наски Авесты, Сасанидский судебник), христиан (сирийские и армянские судебники, являющиеся переводами — переработками с греческого, Сборник митрополита Ишобохта и других руководителей христианской общины Ирана), иудеев (талмудическая литература, в особенности решения Вавилонской Гемары). И хотя эта разноязычная литература представляла изолированные правовые системы, обусловленные пестрой конфессиональной средой, в решениях по поводу людей с рабским статусом она обнаруживала больше сходства, чем различия.

Традиционным источником пополнения числа рабов в государстве были войны. Удачное развитие событий приносило воюющим сторонам богатую добычу, в состав которой помимо имущества, вывезенного из захваченных областей, входили военнопленные, которые тысячами угонялись в глубь державы и обращались в рабство. Со времен античности отношение к военнопленному как к рабу [2, с. 60] практически не изменилось.

В сасанидскую эпоху наиболее длительными и наиболее тяжелыми были войны Ирана с Римом и Византией. О многочисленных пленниках, уводимых с вражеской территории, упоминают сирийские хроники, подробнее других освещавшие события ирано-византийских войн. Приведем лишь несколько фактов одной ирано-византийской войны. В 884 г. эры Александра (572 г. н. э.) войско марзбана Адурмахана захватило Апамею и сожгло город. Жители Апамеи вместе с другой добычей были отправлены в Дару, в ставку шаханшаха Хосрова Анушир-

вана, куда доставлялась добыча из всех завоеванных областей. На сборном пункте пленных пересчитали (их оказалось 292 тыс.), разделили на группы (источник не уточняет, по какому признаку) и отправили в Иран. Поход марзбана в области Теллы, Эдессы и Харрана также сопровождался захватом добычи и пленных [24, с. 293, 313]. Практика захвата и угона пленных во внутренние провинции империи существовала и в Византии: когда военная удача сопутствовала ромеям, полководец Маврикий в ответ на разграбление персами Решайны и окрестностей Нисибина увел из сасанидских владений 70 тыс. пленных, которых поселил на Кипре [21, с. 437].

Наряду с уводом (угоном) пленных в Сасанидском государстве было широко распространено переселение больших масс населения из завоеванных областей в глубь державы. В таком случае они иногда разделяли статус пленников. По данным сирийской хроники 1234 г., Хосров Парвиз в 628 г. н. э. распорядился, чтобы марзбан Эдессы срочно прислал пленников. Марзбан был человеком милосердным (редкая в устах христианина характеристика сасанидского военного наместника), который к тому же надеялся на милость «царя царей» и на скорейшую отмену приказа. Поэтому он не торопился с исполнением воли монарха и стал посылать пленников партиями — «кварталами» или «улицами» (ḥd ḥd šwq'). Приказ был выполнен лишь частично, полному переселению жителей Эдессы помешало вступление войск императора Ираклия в пределы сасанидского Ирана [12, с. 231]. Ситуация станет более ясной, если мы к краткому сообщению источника добавим, что Эдесса неоднократно восставала против сасанидского владычества и шаханшаху приходилось усмирять ее мятежное население, судьба которого, как и пленников войны, зависела от воли победителя.

Исторические сочинения, повествующие о времени Сасанидов, редко сообщают об участи военнопленных после их насильственного переселения. Мусульманская традиция упоминает об использовании труда пленных римлян на строительстве инженерных сооружений («Мост кесаря» в Хузистане); пленники могли быть привлечены и для выполнения других трудоемких работ: прокладывания оросительных каналов, разработки рудных месторождений. Косвенные данные позволяют заключить, что положение пленного ненамного отличалось от положения рабов от рождения. За жестокое обращение с пленниками шаханшах Шапур II был прозван арабами «заплечником». О тяжести персидского плена для христиан говорится и в сирийской хронике [12, с. 230].

Не всех военнопленных угоняли в глубь территории. При покорении иранским полководцем Шахрбаразом Иерусалима, в 616 г. часть взятых в плен христиан была продана иудеям [12, с. 226]. Военнопленных могли выкупить из плена их единоверцы, соплеменники. В иудейских общинах Вавилонии этим за-

нимались религиозные суды. В Вавилонском Талмуде реббе Аши приписывается разрешение расходовать средства, собранные на синагогу, на выкуп пленников [31, с. 266]. В зороастрийской общине подлежали выкупу из плена храмовые рабы (слуги?): «Рабов храма огня Фарнбаг храм огня Фарнбаг из своих средств у врагов за деньги выкупил» [4, с. 297][1].

Захват большого количества пленных имел место и в годы завоевания Ирана арабами, но теперь основную массу невольников составляли иранцы и другие подданные Сасанидской державы. Об этом сообщают как сирийские хроники, так и — более подробно — исторические сочинения Табари, Балазури, Ибн А'сама ал-Куфи и других мусульманских авторов, писавших по-арабски. Мусульманские историки при изложении событий, связанных с образованием Арабского халифата, не ограничиваются указаниями на характер подчинения крупных городов и провинций, но останавливаются и на завоевании более мелких административных единиц, часто упоминают о военной добыче победителей, когда наряду с драгоценностями, деньгами и разного рода имуществом перечислялись и пленники. Частое упоминание о пленных в источниках создает иллюзию, будто рабовладение в раннем Халифате, в особенности при «праведных» халифах, было даже более распространено, чем в сасанидском Иране.

Но вернемся к источникам. Сирийский автор VII в. Бар Пенкайе после перечисления завоеванных мусульманами стран в следующих словах характеризует участь покоренного населения: «Они (арабы) полонили их сынов и дочерей и превратили в рабов и рабынь» (l'bd' w l'mht' — [9, с. *142]). Современник эпохи завоеваний Бар Пенкайе объясняет лишения христиан гневом господа, пославшего на них варваров. В следующей главе он вновь пишет о лишениях населения: «Оно (царство варваров.— *А. К.*) стало господствовать и подчинило все царства земли, насильственно покорило все народы и угнало их сыновей и дочерей в горькое рабство» (l'bdwt' mryrt' — [9, с. 145*, *174]). Под словами «сыны» и «дочери» автор понимает население завоеванных стран. Отвлеченные рассуждения Бар Пенкайе о тяжелой участи пленников войны детализируются данными из других источников. Бар Эбрей и Хроника 1234 г. упоминают о пленниках, захваченных арабами в Ктесифоне, только у Бар Эбрея это просто «люди», а в анонимной хронике — члены царского рода и приближенные шаханшаха, знать: досл. «с людьми царя и людьми его „великих"» — 'm 'nšwth d mlk' w 'nšwt' d rwrbnwhy [20, с. 102; 12, с. 247]. О том, что речь идет здесь не о слугах царя или знати, а о представителях привилегированных сословий, свидетельствует историческая традиция: в числе пленников из Ктесифона находилась дочь Хосрова Парвиза, которую впоследствии халиф Омар б. ал-Хаттаб подарил экзиларху Бостанаю [19, с. 433—436].

Конкретные данные о дальнейшей судьбе пленников сообщают мусульманские исторические сочинения. Из них с полной очевидностью следует, что при массовом пленении населения (это случалось, когда какой-либо город, округ или провинция были завоеваны силой оружия) после выделения одной пятой части добычи, которая отправлялась халифу, вместе с остальной добычей оно подлежало разделу между участниками похода. Такая участь, например, постигла пленников, захваченных в сасанидской столице [8, с. 2450—2451], пленников под Хулваном [8, с. 2464, стк. 5—7], жителей Джалулы [8, с. 2467, стк. 14], христианских учеников из Айн ат-Тамра [28, с. 247—248; 8, с. 2064; 22, с. 303][2] и многих других на покоренной территории. В некоторых случаях, когда пленники становились обузой, их выгоднее было сразу продать или отпустить за выкуп. Решение об этом принимал военачальник. Так в свое время поступил Абу Муса ал-Аш‘ари после победы над персами в одном из населенных пунктов на юге Ирана. Арабам досталась незначительная добыча, ибо ополчение противника было собрано из остатков отступавшего войска и не имело обозов. Мусульмане компенсировали недостаток имущества большим количеством пленных, в числе которых было достаточно знатных и родовитых. Абу Муса распорядился освободить их за выкуп, а полученную сумму разделить между участниками похода. Одновременно он отобрал среди пленников 60 юношей — сыновей дехканов, которых заставил работать на себя. До поступления причитающихся денег они содержались на положении рабов. Унижение детей, считал Абу Муса, должно было поторопить их родителей с выкупом [14, с. 521, 523; 25, с. 29—30].

Пятая часть пленников, направлявшаяся халифу в качестве «доли Аллаха», также могла быть распределена, но раздел производился не в равных долях, а по его усмотрению, главным образом среди сподвижников пророка. Новые хозяева могли раба продать, подарить либо использовать на работе. У одного из них будущий халиф Али б. Абу Талиб купил рабыню — дочь одного из арабских военачальников, погибшего в сражении с мусульманами [8, с. 2072—2073].

Количество рабов-пленников зависело от размаха и результата военных действий, характера подчинения, условий договора мусульман с покоренным населением и от других обстоятельств. В раннем Халифате их насчитывалось сотни тысяч. В конце периода завоеваний состав рабов пополнялся за счет притока невольников из окраинных областей Халифата, где сопротивление новой администрации было наиболее упорным. Раби б. Зийад был эмиром в Заранге два с половиной года. В течение этого срока он увел оттуда 40 тыс. рабов [28, с. 394]. Регулярная поставка рабов могла быть предусмотрена и условиями мирного договора. В течение 30 лет с момента завоеваний армией Абдаллаха б. Амира в 651/652 г. Мерв, как утвер-

ждает Балазури, из-за отсутствия у населения денег расплачивался за мир с арабами «натуральными поставками» арабскому наместнику, которые включали рабов, скот, товары. При омейядском халифе Йазиде б. Му‘авии с оживлением монетного дела в Халифате «натуральные поставки» были заменены уплатой фиксированной суммы налога [28, с. 406].

Активная внешняя политика Сасанидского государства и Арабского халифата, захват и присоединение соседних территорий способствовали постоянному притоку рабов за счет чужеземного населения. Однако увеличение рабского сословия не могло продолжаться бесконечно. Проблема избытка рабов в раннем исламе решалась переводом военнопленных в категорию мавали, который предполагал обращение иноверца в ислам, его формальное освобождение при сохранении определенной зависимости от господина [10, с. 176]. В годы арабской экспансии война делала многих иноверцев пленниками и рабами. Она же возвращала им свободу, но они порывали с прежней конфессиональной средой и становились мусульманами.

Механизм превращения бывших военнопленных в вольноотпущенников не совсем ясен. По некоторым данным, рабы сначала принимали ислам; как неомусульмане они зачислялись в войско и наравне с другими мусульманами участвовали в походах, имели право на добычу. О рабах в мусульманском войске хорошо известно по источникам IX—X вв. Для многих рабов удачный исход сражения означал обретение свободы. После победы арабов над иранцами в битве при Кадисии рабам было даровано «помилование», т. е. предоставлено освобождение от рабства [23, с. 165].

Христианский автор VII в. Бар Пенкайе приводит прямо противоположный случай: рабов-военнопленных сначала освобождают от власти их господ, а затем формируют из них боеспособное войско, которое должно заменить регулярные отряды. При этом ничего не говорится об их исламизации. Как будет показано ниже, эффективность нового войска была довольно высокой.

Проблема реализации пленных в раннем Халифате, хотя и имеет свои специфические особенности по сравнению с предшествующей арабским завоеваниям эпохой ирано-византийских войн, в общих чертах решалась так же, как и при Сасанидах:

1. И при Сасанидах, и в Халифате военнопленные подлежали разделу. При Сасанидах их делили на группы и отправляли в глубь страны. По-видимому, имело место использование их труда на общественных работах, требующих большого количества рабочих рук. Уже в ахеменидское время существовали целые поселения пленных-рабов, эксплуатируемых на царских землях [26, с. 70]. Крупные поместья землевладельческой знати при Сасанидах также часто обрабатывались рабами, о чем свидетельствуют решения Вавилонской Гемары [26, с. 70; 6, с. 76]. Пленные, захваченные мусульманским вой-

ском, вместе с остальной добычей за вычетом одной пятой доли в пользу халифа подлежали разделу между участниками похода.

2. И в сасанидскую эпоху, и в раннем Халифате широко практиковались продажа пленных (и тогда они окончательно становились рабами) и освобождение их за выкуп. Мусульманские источники называют даже суммы выкупа, которые, впрочем, не очень колеблются.

Многолетние захватнические войны неизбежно сопровождались уводом пленников и означали рецидив рабства. Раб-иноземец, иноплеменник, иноверец был более удобен для эксплуатации уже в античное время, и это обстоятельство вызвало к жизни реформы Солона в Аттике [1, с. 126, 128; 2, с. 5, 8—21]. Независимо от этих реформ рабов-«чужаков» было больше и в Сасанидском государстве тысячу лет спустя. Как бы мы ни хотели приуменьшить число рабов в раннем Халифате [3, с. 75—85], мы должны все же признать, что арабские завоевания поставляли немалое количество пленников, значительная часть которых пополняла армию рабов. Активной внешней политикой Халифат продолжал традицию иранской и византийской монархий.

Сасанидский судебник, зафиксировавший правовые нормы зороастрийской общины Парса, знает несколько терминов для обозначения понятия «раб» [4а, с. 25], из них два основных: «bandag» и «anšahrīg». В древнеперсидском «bandaka» означал главным образом всякого подданного «царя царей» [26, с. 23], узкое терминологическое значение «раб» сложилось в более позднее время. Буквальное значение «anšahrīg» — «принадлежащий другому шахру», «чужеземец» («неиранец»). По-видимому, в пору расцвета рабовладельческих отношений «anšahrīg» означал раба-чужеземца, раба-пленника. В сасанидское время оба термина применялись равнозначно для обозначения раба вообще, могли взаимозаменяться. Но в специальном значении «bandag» все-таки означал раба-иранца, а «anšahrīg» — неиранца (в том числе и пленника). Последний термин не стал архаичным уже потому, что постоянные войны в изобилии поставляли пленников в страну и большинство рабского сословия в зороастрийской среде составляли чужеземцы и иноверцы. Заметим, кстати, что в Юридическом сборнике Ишобохта рабы различаются только по полу, а не по источнику поступления («ʿabdā» — «раб» вообще, «раб-мужчина», «amtā» — «рабыня»).

Юридические памятники сасанидской эпохи не очень много внимания уделяют раскрытию источников рабства, они имеют дело уже с *готовым* рабом, но и по ним иногда можно проследить другие пути образования этой группы лично-зависимого населения. Сасанидский судебник, например, содержит указание на возможность продажи в рабство детей: «Детей в рабство только отец правомочен продать» [4, с. 98][3]. Далее поясняется, что так он может поступить, находясь в состоянии край-

ней беспомощности (при смерти или при тяжелом недуге), и для того, чтобы прокормить остальных членов семьи. При этом добавлялось, что отец правомочен продавать детей своим родичам или родичам матери. Хотя теоретически мотивы для продажи собственных детей могли быть разными (поскольку дети находились в такой же зависимости от отца, что и рабы), в подавляющем большинстве случаев на крайнюю меру главу семьи толкала нужда. Поэтому наиболее вероятно то, что случаи продажи в рабство детей свободнорожденных могли иметь место в среде разоряющихся крестьян и ремесленников, в малоимущих семьях.

Среднеперсидские источники нередко упоминают о социальной группе «drigušān», обозначающей принадлежность к низшим слоям свободного общества. Особенности позднего пехлевийского письма позволяют транскрибировать термин и несколько иначе — «driyōš», как у Мак-Кензи и у принявшего его вариант Зундермана [29, с. 27; 37, с. 167—194]. В том, что термин «дригуши» («дриюши», «даргвиши», «дервиши») обозначал бедные слои населения, видно из противопоставления «бедный—богатый», к которым прибегали источники, желая оттенить преимущества бедности в сочетании с благочестием перед сытостью и духовным убожеством: «Я увидел богатого, владеющего многим имуществом, безобразного телом и голодного душой, который был в аду; мне он показался недостойным. Я увидел бедного без имущества, несчастного (driyōš ī nēst xīr ī ačārag), полноту (дородность) его души в раю; он показался мне достойным» [37, с. 181]. То же значение термина «дриюши» сохранилось и в переводной зороастрийской литературе позднего средневековья. Как увидим ниже, в рукописи первой половины XVI в. все разночтения этого термина обозначают одно и то же.

«В лучшей маздаяснийской вере сказано, что Заратушт, сын Спитама, спросил у бога всевышнего: „Почему богатый беспокоится больше бедных (darvīšān)?“ Бог всевышний сказал: „Потому, что амешаспенты требуют от богатых благочестивого дела, а от бедных (darγvīšān) — несовершения греха“» [7, л. 94б].

«И должны относиться ко всем людям, как к своим детям, любить бедных (driγūšān) и нуждающихся» [7, л. 117 б].

Защита интересов обездоленных освящена авторитетом Авесты и приписывается деяниям Заратуштры, описанным в пехлевийской литературе. В VII книге Денкарда семилетний Заратуштра, отвечая карапам (злым жрецам), следующим образом формулирует свое отношение к бедным: «Я почитаю праведников мужчин [и] женщин, я почитаю бедных мужчин [и] женщин» [30, с. 36, 37; 33, с. 44][4]. Согласно другому источнику, в 15 лет Заратуштра, презрев соблазны и пороки тленного мира, полностью посвятил себя служению Ахурамазде и «считал своей обязанностью подавать бедным и добродетельным [30,

с. 128, 129][5]. В первом фрагарде Бако-наска отмечается, что все блага царства Ахурамазды предназначены праведно живущим и бедным [32, с. 307, § 17—18].

В сасанидском Иране титул «защитник обездоленных» с начала VI в. становится элементом официальной титулатуры провинциальных должностных лиц. Благодаря сасанидскому судебнику нам известно, что на деловой печати мобеда области Парс была выполнена легенда dlgwš'n y'tkgwbyh — «представительство защиты обездоленных» [4, с. 270]. А на десятках булл (оттиски печатей на глине), принадлежавших судьям Стахра, Ардашир-хварре, Бишапура, Вех Ардашира, Рейя, Ахмадана, Абаршахра, Азербайджана, Гиляна, Гургана и других городов и провинций Сасанидской державы, присутствует титул dlgwš'n(y) y'tkgwby W d'twbly — «защитник обездоленных и судья» [18, с. 137—142]. Официальная ориентация администрации в сторону обездоленных была вызвана, очевидно, маздакитским движением, которое также приходится на время шаханшаха Кавада I (488—531) и, частично, на время Хосрова I Ануширвана (531—579).

* * *

Ограничения при продаже в рабство собственных детей, о которых упоминает Судебник, и отсутствие развернутого контекста позволяют предположить, что в зороастрийской среде это явление не получило широкого распространения и, во всяком случае, не поощрялось властями. Тот же судебник называет другой источник рабства — насильственное порабощение свободных за совершенные преступления и передача их в храмы огня. Пространный контекст дает возможность, с одной стороны, проследить судьбу храмового раба (иеродула) на протяжении полувека, с другой — представить статус иеродула по отношению к свободным. Михр Нарсе, бывший вазург фрамадар (главный министр) шаханшаха Бахрама, сына Йездигерда (420—438), по приказу монарха был отдан в рабство (в иеродулию) двум храмам огня. Он отбывал там службу в качестве адурвахша (хранителя огня) до воцарения Йездигерда, сына Бахрама (439—457). По приказу Йездигерда II Михр Нарсе за преступления был передан в царский остан для отбытия там трудовой повинности. При сыне Йездигерда II, шаханшахе Перозе (458—484), он по царскому повелению и с согласия главного мобеда и других членов царского совета снова был передан в иеродулию, но уже другого храма огня.

Передача опального должностного лица в храм огня делала его пожизненным рабом храма. Но по отношению к другим лицам он сохранял статус свободного человека, при нем оставались его жена и раб. Отправление иеродула на определенный срок в остан на принудительные работы и передача его в другой храм огня (возможно, с более жесткими условиями служ-

бы) были своего рода наказанием за какие-то проступки, совершенные иеродулом в первом храме (недостаточное усердие? несоблюдение храмовых правил?).

Пример с Михр Нарсе касается чиновника высшего ранга, решение по поводу его судьбы принимает шаханшах. Опальная средняя знать и, вероятно, еретики со всем их имуществом, землями и недвижимостью передавались в царскую казну, а казна переводила их в статус иеродулов. Дальнейший перевод иеродулов на работу в останы и снова в храмы осуществлялся уже местными правителями, дехбедами ([4, с. 423—426, А. 39,8—А. 40,5]; см. подробнее [4а, с. 46—49]).

Известные нам зороастрийские сочинения не упоминают о других источниках рабства, но их дополняют сочинения христианских авторов. Сирийский судебник V в., отразивший в редактированном виде нормы римско-византийского права, действовал в христианских общинах восточных провинций Византии и среди тех христиан, которые в результате гонений эмигрировали из империи и стали подданными Сасанидского государства. Этот судебник сохранился также в более поздних арабской и армянской версиях, что свидетельствует о его широкой популярности во всем восточнохристианском мире.

Несколько решений Сирийского судебника посвящено теме добровольного обращения свободных в рабство. Из контекста следует, что, в сущности, там речь идет о самопродаже.

«Если свободнорожденный мужчина (gbr' brḥ'r'), когда его спросят, скажет о себе, что он раб, и согласится с тем, кто его продает; если тому мужчине, который заявил о себе, что он раб, исполнилось 20 лет, он теряет свободу и не может рассчитывать на защиту законов, в особенности, если он разделил стоимость пополам и получил свою половину или проел ее с человеком [6] как свою покупную цену. Он становится рабом того, кто его купил» [39, I, с. 19, II, с. 21—22, 235—236]. Парижский список, представляющий собой сокращенную редакцию лондонского списка Сирийского судебника, в основном не отличается от лондонского, но устанавливает иной возрастной ценз для добровольного обращения в рабство (с 25 лет) и уточняет сумму, полученную рабом от самопродажи, «в особенности если он получает часть своей цены или всю сумму» [39, I, с. 49, § 31, II, с. 55]. Эти частичные различия в трактовке одного и того же решения объясняются, вероятно, принадлежностью первого списка к несторианской среде, а второго — к монофиситской.

В арабской версии решение о самопродаже повторяет редакцию лондонского списка, но излагается в форме вопроса и ответа.

«Вопрос: Что ты скажешь о свободном (свободнорожденном?) мужчине, который заявил о себе, что он раб, согласился быть проданным, и, когда его спрашивают о принадлежности к рабству ('абӯдийа), подтверждает ее?

Ответ: Если ему уже исполнилось 20 лет — он распоря-

жается своими словами, он утратил свою свободу, и правитель не может ничего сделать для его освобождения, в особенности если он (раб) разделил свою цену со своим господином или проел ее с тем человеком, который его продал. Он остается рабом того, кто его купил» [39, I, с. 76, § 37, II, с. 88].

О самопродаже в рабство свободнорожденных женщин в Сирийском судебнике говорится короче и нет упоминания о получаемой ими доле; по-видимому, она подразумевается.

В другом юридическом сборнике сирийцев, представляющем собой переводы законов византийских императоров Константина, Феодосия и Льва, также имеются пункты, касающиеся самопродажи в рабство лиц обоего пола. Решения по этому вопросу аналогичны тем, которые имеются в Сирийском судебнике V в. [27, R II, § 37, 38, 79, 118]. Новым здесь является решение по случаю добровольного обращения в рабство слуг обоего пола [27, R I, § 26]. Сирийское словосочетание ṭly' 'w ṭlyt' Э. Захау переводит как ein Knabe oder eine Mädchen. Надо думать, что переводчик имел в виду не просто «мальчик или девочка», а «слуга или служанка» — второе и наиболее вероятное значение словосочетания. В пользу того, что речь идет именно о слугах, свидетельствует отсутствие оценочных определений при имени («свободный», «свободная», «сын (дочь) свободных»), которые обязательны во всех контекстах решения о самопродаже свободнорожденных. Да и отсутствие упоминания о части стоимости от самопродажи может говорить лишь о том, что для включения слуг в разряд рабов достаточно было их волеизъявления и достижения 20-летнего возраста, результаты торговой сделки в данном случае закон совершенно не интересовали.

Из перечисленных примеров следует, что закон был на стороне добровольно проданных в рабство до достижения ими совершеннолетия. Содержание этого акта порабощения и его мотивы неясны в деталях, но дают возможность заключить следующее:

1. Самопродажа имела целью получение денег, которые можно было через какое-то время вернуть и вновь обрести свободу. Это очень напоминает распространенную в древности форму кабального рабства — «заем под залог тела» [2, с. 13—16], но лаконичность христианских источников исключает возможность пространного комментария.

2. Свободный человек сначала объявляет себя рабом другого свободнорожденного, соглашается себя продать, а полученную сумму делит с продавцом (его фиктивным первым господином) или употребляет на собственные нужды. Фикция добровольного порабощения (самопродажи) была особенно распространена в христианских общинах, поскольку насильственное обращение в рабство за долги противоречило этическим нормам.

Помимо пунктов, касающихся добровольного обращения в

рабство, в юридических сборниках рассматриваются и иные пути превращения свободных в рабов:

1. В рабство обращают свободных, сознательно присваивающих чужих рабов: «Если принял человек [раба], который ему не принадлежит, зная, что тот — раб, и на него (человека) пожаловались, то закон судей повелел: обращают в рабство того, кто его (чужого раба) принимает» ([27, RI, § 23]; ср. [RII, § 30; 39, I, с. 15, § 49, с. 48, § 28a]).

Присвоение чужих рабов рассматривалось, таким образом, как тяжкое преступление, и если за принятие ворованных вещей человек расплачивался штрафом в четырехкратном размере, то за присвоение рабов жертвовал свободой. Арабская и армянская версии Сирийского судебника V в. вносят в это решение некоторое разъяснение: присвоивший чужого раба сам становится рабом господина раба [39, I, с. 75, §30, II, с. 122, § 24].

2. Женщина, вступившая в брак с рабом, сама становится рабыней; при определенных условиях она может вновь обрести свободу, но ее дети останутся в рабстве.

«Если свободнорожденная женщина (досл. «женщина — дочь свободных» — 'ntt' brt ḥ'r') выйдет замуж за раба (досл. «будет у раба») и захочет также жить с ним в доме его господина, то она становится рабыней вместе с детьми, родившимися у нее в доме господина раба. Если же она не подпишет документа о рабстве (dyṭq' bʿ bdwt') и пожелает уйти, то уйдет только она, ее же дети останутся рабами» ([27, RI, §70]; ср. [RII, §75; 39, I, с. 14, § 48, с. 57, §58, с. 85, § 74, II, с. 134, § 74]).

Другое решение предусматривает порабощение женщины и в случае внебрачной связи с рабом: «Если раб любит свободнорожденную женщину и женщина принимает раба в своем доме и если узнает об этом господин раба и трижды предложит (досл. «пошлет») ей не принимать раба, а женщина раба принимает, то господин раба вправе на основании закона обратить эту женщину в рабство» ([27, RI, § 71]; ср. [RII, § 75; 39, I, с. 15, § 48, с. 85, § 74]). В арабской версии сказано, что господин раба, для того чтобы удостовериться в наличии связи свободной с рабом, обязан послать в дом женщины трех человек от судьи в качестве беспристрастных свидетелей [39, I, с. 85, § 74], и, если после их посещения она продолжает встречаться с рабом, господин раба по закону волен обратить ее в рабство.

В основе решений о порабощении женщины лежит принцип римского права, сформулированный в 52 г. н. э. при императоре Клавдии. Он гласит, что, если связь с рабом совершается против воли его господина и женщина после формального предупреждения не уходит, она становится рабыней; если господин не против связи (брака), то женщина сохраняет свободу, но ее дети от связи (брака) с рабом остаются в рабстве [39, II,

с. 215.] В конце VIII в., во времена митрополита Ишобохта, церковь не одобряла браков свободных женщин с рабами, считая их нечистыми и незаконными, но возможность порабощения свободнорожденной, по-видимому, исключалась (источник нигде не упоминает о подобных случаях); рабами становились дети от смешанного брака [15, с. 76, 77].

3. В рабство могли быть обращены беспризорные дети, взятые из приютов, подобранные на улице, у ворот церкви, родившиеся от внебрачных связей. Их судьба была в руках их воспитателей, которые могли их вырастить либо как свободных, либо как рабов. «Это в соответствии с волей того, кто их воспитывает. Если он взрастил их как рабов — они становятся рабами и умирают рабами» ([27, RII, §133]; ср. [39, I, с. 94, § 130]). Все версии единодушно подтверждают власть воспитателя над приемышами.

4. Существовало, видимо, и похищение свободнорожденных с целью продажи их в рабство; о противозаконности этого шага говорится в VII каноне синода католикоса Ишояба I, 585 г. [38, с. 144, 406; 35, с. 24].

В иудейских общинах Вавилонии в III—V вв. была распространена также практика долгового рабства. Она либо принимала форму самопродажи для уплаты долгов по налогообложению [31, с. 266], либо выражалась в форме насильственного порабощения неплательщиков и несостоятельных должников крупной землевладельческой знатью. Основанием для этого, как считают, служил изданный при шаханшахе Шапуре II (309—379) общегосударственный закон, по которому не уплативший подушной подати порабощался тем лицом, которое вносило за него эту подать. Ю. А. Солодухо, работавший по материалам Вавилонской Гемары, отмечал, что в Ираке порабощение должников носило массовый характер и что для сасанидского времени обычной была практика обращения в рабство целыми селениями. Иудея, попадавшего в рабство к язычнику за невыплату полученной ссуды, приравнивали к тем, кто продавался в рабство добровольно. Распространено было также порабощение так называемых бесполезных людей, к которым причисляли разорившихся мелких землевладельцев, безработных ремесленников, поденных работников, бродяг [6, с. 83—87]. Такая формулировка порабощения открывала простор для произвола рабовладельцев, ибо в разряд «бесполезных» можно было зачислять кого угодно из социальных низов, включая даже странствующих иноверцев, если они оказывались вдруг на территории общины. Как свидетельствует Сирийский аноним VII в., такой случай произошел с христианским учеником, остановившимся в иудейском селении. Хозяин дома долгое время держал его у себя, заставляя работать на мельнице. От пожизненного рабства его спасло прибытие христианского чиновника, появившегося в селении по каким-то делам, порученным ему шаханшахом [13, с. 32; 5, с. 74].

Количество рабов в обществе поддерживалось на определенном уровне и за счет естественного прироста рабского сословия; дети рабов также становились рабами, дети от брака свободной женщины с рабом наследовали статус отца, внебрачные дети рабыни оставались рабами.

Рассмотренные выше источники рабства не исчерпывают все пути порабощения для каждой конфессиональной среды в отдельности. Например, в христианской литературе отсутствуют данные о долговом рабстве, но вряд ли на основании этого стоит утверждать, что его не было в действительности, ибо указ Шапура II касался всего податного сословия Сасанидской державы. Не исключено, что это долговое рабство скрывалось в христианской общине в сделках с другим наименованием (самопродажа в рабство?). Кроме того, в юридических сборниках нашли отражение, вероятно, не все стороны сложной действительности. В них фиксировались лишь те стороны юридической практики, по поводу которых возникали разногласия и которые требовали комментария законоведов и судей. Надо иметь также в виду, что далеко не все судебники дошли до нашего времени.

Правовое положение рабов в обществе

Отчетливое представление о положении рабов в сасанидском Иране можно получить лишь в результате сопоставления всех доступных источников разной конфессиональной принадлежности. Зороастрийцы, иудеи и христиане сосуществовали бок о бок в одном государстве и подчинялись его законам. Упомянутый в Вавилонской Гемаре тезис «закон государства — закон» означал обязательность государственных постановлений для всех подданных независимо от вероисповедания. Многие решения по поводу рабов, выработанные в различной конфессиональной среде, как увидим ниже, если и не совпадали в деталях, то выдерживали общий принцип. В таком виде эти источники значительно дополняют друг друга.

Юридические сочинения разного времени и ориентации классифицируют раба как вещь, как существо, находящееся в полной зависимости от воли своего господина. Раба можно купить, продать, подарить, отдать в залог, передать по наследству; раб не может жаловаться на жестокое обращение с ним господина. Каждая из операций с рабами нашла отражение в современных эпохе источниках и заслуживает отдельного рассмотрения.

Продажа рабов. Этой темы касаются все христианские юридические сочинения, написанные на материале римско-византийского права. Они свидетельствуют о существовании тщательно разработанной единой системы купли-продажи, поэтому разные версии мало чем различаются между собой. «Если че-

ловек купит раба по заверению продавца о том, что этот раб хороший и не беглец, то сделка дает ему право испытать раба в течение шести месяцев. И если тот ему не понравится до истечения шестимесячного срока, то по решению (досл. „по приказу“) судьи покупатель вправе вернуть раба прежнему господину и получить серебро, которое он дал как его (раба) цену. Если же убежит подросток, который куплен с условием, что он — хороший раб, до того, как исполнятся шесть месяцев, то покупателю следует обойти окрестности, [найти его, связать, вернуть продавцу][7] и потребовать у прежнего господина серебро (деньги), которые он дал взамен раба» ([27, RI, § 19]; ср. [RII, § 27; 39, I, с. 12; § 39а, с. 46, § 19, с. 75, § 27, II, с. 122, § 21]).

Некоторые версии юридических сборников сделку о купле-продаже раба с шестимесячным испытательным сроком называют «хорошим условием» или «хорошим договором»—q'l'pr'sys d 'ytyh tnwy špyrt' [39, I, с. 31, § 113a, II, с. 34]. Испытательный срок они обусловливают необходимостью выявления скрытых дефектов в рабе, из-за которых сделка может быть расторгнута. Обычай возвращения купленного раба со скрытыми дефектами существовал еще в древности [2, с. 65].

Сделке с «хорошим условием» юридическая практика противопоставляет простую, необратимую сделку с «плохим условием» — tnwy byšt' w zbwn' pšyṭ' d l' n'ṭwp — при которой покупатель мог возвратить раба (рабыню) только в том случае, если в него (в нее) «вселился бес», т. е. при обнаружении психической неполноценности приобретенного раба. Если о последнем дефекте покупателю было известно до совершения сделки — раба было невозможно вернуть ([39, I, с. 31, § 113b]; ср. [27, RI, § 20, RII, § 28, 41]).

В отличие от христианских источников Сасанидский судебник не упоминает об испытательном сроке для купленного раба (ничего не сообщают об этом и сирийские юридические сочинения раннеисламской эпохи), но говорит о необходимости возмещения ущерба покупателю, которое лежит на бывшем господине раба [4, с. 304].

Зороастрийские и христианские сочинения запрещали продажу рабов иноверцам: в зороастрийской среде это правило распространялось на всех рабов вообще, у христиан нельзя было продавать иноверцам рабов-христиан. За нарушение запрета те и другие жестоко карались.

«Раба нельзя продавать незороастрийцам. Если же продадут, то из-за раба оба они (участники сделки) перед ратом зороастрийцев являются ворами, и их следует подвергнуть клеймению» [4, с. 4][8].

В поздней зороастрийской традиции карательные акценты приглушены, и в принципе нет запрета на продажу рабов иноверцам, однако в случае такой продажи любой проступок раба считается и проступком его бывшего господина, за который не-

сут ответственность оба: «В религии сказано: „Если купят раба-слугу, потом продадут иноверцам, то, если продадут,— после того в каждом проступке, что он (раб) совершит, тот человек, который раба продал, является соучастником“» [7, л. 106а].

В судебнике патриарха Ишобарнуна (первая четверть IX в.) на этот счет говорится следующее: «Если у человека есть раб или рабыня и он пожелал их продать, хотя они христиане и его единоверцы (досл. „дети его веры“), то он не вправе их продать кому-либо из иноверцев, а только христианам. Если же он осмелится и продаст их кому-либо из нехристиан — его следует отлучить от церкви» [16, с. 146, 147, § 65; 17, с. 108, 109, § 77].

В иудейской среде продажа рабов иноверцам, вероятно, не осуждалась, поскольку в одном из контекстов Вавилонской Гемары [Гиттин, 40а] говорится о рабах, проданных язычникам [31, с. 304].

Хотя, как свидетельствуют источники, торговля рабами в раннее средневековье процветала, само занятие работорговлей как ремеслом церковь считала постыдным для христианина. Так было по крайней мере в раннемусульманскую эпоху. «Если есть христианин, который покупает и продает рабов и рабынь (занимается работорговлей), его следует отлучить от церкви до тех пор, пока он не оставит свой недостойный промысел и не изберет себе другое занятие» [16, с. 164, 165, § 105].

В связи с отсутствием хозяйственных документов сасанидского времени до сих пор нет надежных сведений о рыночной стоимости раба. Косвенные данные Сасанидского судебника свидетельствуют о том, что стоимость этого товара зависела от возраста и трудоспособности рабов, составляя от нескольких десятков до нескольких сотен драхм за человека; естественно, что наиболее высоко ценились сильные молодые рабы, достигшие совершеннолетия. «Если Фаррахв заключил с Михреном следующий договор: „Из принадлежащего мне имущества то, что ты скажешь, стоимостью в 200 драхм будет принадлежать тебе“; и если Михрен заявляет о своем согласии на принятие нескольких рабов, которые в то время были несовершеннолетними и все вместе стоили 200 драхм, а теперь каждый в отдельности стоит 200 драхм, то, поскольку не из-за цен в провинции, но из-за улучшения их (рабов) тела возросла их стоимость,— не по тогдашней стоимости, а по нынешней следует производить передачу» [4, с. 163]. При совершении торговой сделки, вероятно, учитывались и иные данные, такие, как профессия, квалификация, пол раба.

Христианские юридические сборники о стоимости раба говорят отвлеченно и нигде не приводят даже примерных цен.

Дарение рабов, передача в залог и по наследству. Помимо купли-продажи раб выступает в качестве объекта многих других операций; достаточно внимания уделено этому в соответствующих главах Сасанидского судебника и Сборника Ишобохта.

Сирийские переводы-переработки римского права (V в.) упоминают в этой связи только о залоге рабыни.

«И также если человек отдаст другому в залог рабыню и предоставит ей пропитание (содержание), чтобы она выполняла у него свою работу, то это будет вместо процентов суммы, которую занял ее господин. Если же у нее появятся дети — они принадлежат тому господину, который взял взаймы [деньги]» ([39, I, с. 26, § 99]; ср. [RI, §51, RII, § 137; 15, с. 158, 160]).

В христианских источниках решение по поводу заложенной рабыни объединено с решениями о залоге скота, дающего приплод. Очевидно, это сделано потому, что во всех случаях речь идет о праве на потомство рабыни (а также верблюдицы, коровы, овцы и т. д.), рожденное во время пребывания у кредитора, и во всех случаях работа на кредитора идет на погашение процентов полученной должником ссуды.

Сасанидский судебник сосредоточивает внимание на других элементах залоговой операции с рабами, характерных для зороастрийской среды:

— существование стипулированного срока, в течение которого должник обязан вернуть деньги залогопринимателю; в противном случае заложенная вещь (в данном случае раб) становится собственностью залогопринимателя (кредитора);

— возвращение должнику раба или эквивалента его стоимости в случае своевременного погашения долга;

— раб может быть отдан в залог как сам, так и вместе с дасткартом, на котором он работает [4, с. 112—113, 114—115].

Наряду с передачей раба в залог в юридической практике зороастрийских и христианских общин позднесасанидского и раннеисламского Ирана была распространена передача раба во временное пользование другому лицу. Возвращение раба его господину после определенного срока было непременным условием такого рода сделки.

«Если он заявит: „Я Фаррахва в качестве раба от тебя принял“ и не скажет: „Я его верну“, то [и тогда лицо, передавшее Фаррахва], может заявить: „Ты владения мне не вернул“» [4, с. 172—173][9].

Передача оформлялась договором, в котором оговаривался срок возвращения раба; срок исчислялся либо со дня совершения сделки, либо со дня востребования раба господином [4, с. 173—174].

В соответствии с договором раб передавался конкретному лицу и не мог быть передан его наследникам; со смертью рабопринимателя действие договора прекращалось. «Если Фаррахв примет Атурфарнбага в рабы от одного человека, то в случае смерти Фаррахва наследники Фаррахва обязаны Атурфарнбага вернуть» [4, с. 175].

Одно из решений Сасанидского судебника предусматривает возможность невозвращения раба или эквивалента его стои-

мости господину; к нему обращаются в случае физической «неспособности» (atuvānīgīh) или неплатежеспособности рабопринимателя [4, с. 174]. Содержание этой «неспособности» отчетливо раскрывается в V книге Сборника Ишобохта: «Если один человек передаст другому раба или верблюда и тот раб или верблюд не по причине плохого с ним обращения и небрежности [хранителя] или чрезмерной работы, которую тот на него взвалил, умрет либо убежит, ослабнет или обеднеет, то на нем (депозитарии, хранителе) вины нет и его нельзя принудить к возмещению убытка и к возвращению [бежавшего раба (верблюда)]» [15, с. 170, 171, § 5].

О том, что передача раба во временное пользование другому лицу не имеет ничего общего с залогом, свидетельствуют как факт отсутствия в сирийском и среднеперсидском текстах этих решений технических терминов для обозначения понятия «залог» (сирийск. «meškānā», ср. перс. «grav, gravīh»), так и отсутствие упоминаний о ссуде и должнике. Не случайно Ишобохт поместил решение о снятии ответственности за возвращение беглого раба не в главу «О ссуде и залоге», а в главу «О вкладах, займах и т. п.». В христианском источнике, таким образом, компенсация за переданного во временное пользование раба приравнивается к компенсации за вещь, переданную на временное хранение, что не мешает временному владельцу эксплуатировать раба по своему усмотрению.

При чтении решений Судебника, посвященных вопросу о временной передаче раба, иногда создается впечатление, что эта операция скрывает под собой факт совместного, поочередного владения рабом, особенно в том контексте, где говорится о повторном принятии раба и его обязательном возвращении [4, с. 175]. Сходство это, однако, оказывается чисто внешним, ибо, как увидим ниже, обязанности и права совладельцев раба определены четко в соответствующих решениях, а здесь их приходится домысливать по неясным намекам.

Дарение рабов и передача их по завещанию, очевидно, не отличались в целом от подобных операций с вещами. Именно поэтому и в Сасанидском судебнике, и в Сборнике Ишобохта рабы чаще составляют лишь один из пунктов дарственной или завещательного распоряжения наряду с движимым и недвижимым имуществом, скотом и полем.

«Если он скажет: „Этот дасткарт и все, что имеется в этом дасткарте, я тебе передал“, то тем самым передаются также скот и раб, которые там работают» [4, с. 52—53] [10].

«Если некто распорядится своим имуществом по своему завещанию, и раба, поле, дом и деньги, обозначив каждую вещь поименно, а деньги суммой, передаст (завещает) разным лицам, то...» [16, с. 140—141, § 22].

Вероятно, дарственная и завещательное распоряжение мало различались по форме, во всяком случае, Ишобохт в начале главы «О дарении и завещании» счел необходимым дать оп-

ределение терминов и указать на различия между ними. По Ишобохту, дарение вступает в силу и не может быть изменено уже через час после совершения сделки. Завещание, напротив, вступает в силу лишь со смертью завещателя, а при его жизни может неоднократно меняться.

Источники свидетельствуют о дарении и завещании рабов не только частным лицам, но и культовым учреждениям. Практика добровольных пожертвований и пожалований церкви, монастырям, приютам имела благодатную почву в христианской среде и обеспечивала верующим «пользу для души» (воздаяния в загробной жизни). Дарственные и завещательные распоряжения такого рода могли включать и рабов. Об этом прямо говорится в XI каноне постановления собора Езекииля от 576 г.

«Говорилось в синоде [о том], что имеются в числе верующих люди, которые из страха перед богом, который в них, желают получить пользу (привилегию) для их душ. Во время, когда они близки к тому, чтобы покинуть эту жизнь, они завещают (досл. „приказывают") в пользу церквей, монастырей, приютов, беднякам или другим людям кое-что из своего богатства. Те, у кого есть рабы и рабыни, распоряжаются в том, чтобы их отпустили на свободу, или передают их в церкви, монастыри, приюты или другим людям, чтобы они (рабы) на них работали» [38, с. 119, 378—379]. Из текста далее следует, что нарушение воли завещателей каралось церковным проклятием.

Обращение господина с рабами. Наказание рабов. Наиболее подробно эта тема разрабатывалась в сочинениях христианских авторов. Сирийские источники V в. свидетельствуют об абсолютной зависимости раба от своего господина. Глава семьи был полновластным господином для всех членов семьи и в еще большей степени — для своих рабов. Никто из членов семьи (ни тем более раб) не мог пожаловаться в суд на грубость или жестокость своего господина.

«Закон не позволяет женам жаловаться на своих мужей из-за плохого обращения с ними, а также брату — жаловаться на брата, если тот совершил злые дела, а также рабам — жаловаться на своих господ, которые плохо обращаются с ними, за исключением того случая, когда они могут указать, что их господа имеют царские одежды или такие драгоценные камни, которыми не могут владеть подданные (досл. „сыны человеческие"), но только цари. В остальном же им не дано право жаловаться на своих господ, и закон не дает рабам слова (l' gyr yhb nmws' ql' l'bd'). И дети не должны жаловаться на своих родителей за плохое обращение с ними (с детьми)» ([27, RI § 58a]; ср. [RII, § 71; 39, I, с. 9, § 25, с. 57, § 57, с. 84, § 70]. Хотя это исключение для рабов встречается в большинстве аналогичных решений, надо полагать, что в V в. оно представляло собой анахронизм, перешедший в сирийские книги из

римского права: случаи, когда рабы обличали бы своих господ перед императором или шаханшахом, в средневековых источниках не зафиксированы.

Несмотря на то что власть господина над рабом практически была неограниченной и положение раба часто зависело от характера рабовладельца, существовали, очевидно, и какие-то нормы наказания, выработанные юридической практикой и определявшиеся тяжестью вины. Отчетливые указания на этот счет мы находим в Сасанидском судебнике.

«И неповиновение что жены, что детей — равно сына или дочери — расценивается как неповиновение рабов» [4, с. 326, А5.1—2]. В другом контексте раб, уклоняющийся от исполнения приказаний своего господина, несет то же наказание, что и жена, отвергающая супружеское ложе [4, с. 328, А5.8—10]. Источник не дает нам конкретного ответа на вопрос о мере наказания за неповиновение раба, но в том, что существовали какие-то нормы, сомневаться не приходится.

Государство ограничивало права рабовладельца только в одном отношении: господин не мог собственноручно убить раба. При совершении рабом преступлений, заслуживающих смертного приговора, его следовало передать в судебные органы, которые бы определили тяжесть вины и меру наказания, а официальные власти привели бы приговор в исполнение. В случае самовольной расправы рабовладелец становился участником убийства, поскольку он не получил соответствующих полномочий от властей вершить суд. Некоторые сирийские версии римского права содержат решения, предусматривающие смертную казнь за самовольное убийство раба [39, I, с. 48—49, § 29, с. 76, § 34, II, с. 54, 123]. Сасанидский судебник, не указывая на меру ответственности за убийство раба, не исключает возможности обращения раба в суд с жалобой на господина, покушавшегося на его жизнь (речь идет о составлении протокола по поводу бросания раба в р. Тигр [4, с. 349, А 13.11—13].

Владение рабами налагало на господина обязательства по содержанию рабов. Ранние источники мало упоминают о них, но сочинения христианских авторов первых веков ислама все чаще напоминают верующим о необходимости справедливого отношения к рабам, считая это одной из добродетелей христианина, прежде всего к рабам, потерявшим трудоспособность. «Если у состоятельного человека имеются рабы и рабыни, которые ослепли в его доме или подвержены другим недугам, то его долг перед богом состоит в том, чтобы содержать их до конца жизни (досл. „до их смерти“). Когда этот человек умрет, то его сыновья так же должны поступать с ними (рабами). Если тот человек беден, то сыновья, оставшиеся после него, свободны от долга (т. е. от обязательства по содержанию рабов), особенно если не хватает им самим» [16, с. 146, 147, § 63].

Участие рабов в судебном разбирательстве. В зороастрийской среде возможность участия раба в судебном процессе была предусмотрена уже Авестой, о чем свидетельствует название одной из глав Никадум-наска, в которой упоминается о тяжбе раба со свободным [32, с. 57—58, § 26]. Суммарный перечень вопросов, рассмотренных в правовых насках, в целом дает представление об их содержании, но, к сожалению, почти не раскрывает его. Решения Сасанидского судебника фиксируют участие раба в судебном процессе в качестве истца, ответчика и свидетеля (о рабе как субъекте права см. [4а, с. 34]). Каждая из возможностей, в свою очередь, реализуется при наличии определенных условий. С жалобой на господина раб может обратиться в суд лишь при попытке покушения на его (раба) жизнь, о чем говорилось в предыдущей главе, и в случае посягательства на его свободу (для освобожденных рабов). В роли ответчика раб может выступать по разным обстоятельствам: за совершенное преступление, как объект вторичного порабощения, при возмещении ущерба. В последнем случае часть суммы или вся сумма ущерба, возникшего по вине раба, оплачивается из средств рабовладельца, поскольку раб чаще всего относится к категории неплатежеспособных [4, с. 2, 176]. За игнорирование процесса раб-ответчик привлекается к принудительным работам на истца на все прохождение судебной процедуры [4, с. 34, 35]. Выступление раба в роли истца или ответчика сопровождалось назначением ордальной процедуры (испытания), которая обязывала раба давать показания под клятвой. С точки зрения правомочности участия в судебном разбирательстве в качестве свидетеля раб имел меньше возможностей, чем свободный, и приравнивался к женщине, на что указывает следующее решение:

«Вахрам сказал, что в случае привода в качестве свидетелей одной женщины и одного мужчины (свободных.— *А. К.*) судебный протокол составляют, женщины (же) и раба — нет» [4, с. 282].

В христианских (сирийских) источниках тема правомерности участия рабов в судебном процессе почти не поднимается, но заслуживает внимания решение, исключающее для раба возможность выступать в суде от имени своего господина.

«Если захочет человек сказать своему рабу, чтобы тот выступил за него в суде,— закон ему не позволит. Он (господин) не вправе [так поступить], потому что не могут раб и свободный вести тяжбу, ибо по величию они не равны (mṯl d l' šwyn b'yqr')» ([39, I, с. 13, § 41]; ср. [27, RI, § 21, RII, § 29]).

В комментарии к этому решению К. Брунс отметил, что, по существу, оно представляет собой несколько модифицированное положение древнего права, согласно которому раб не может выступать в суде ни от своего имени, ни от имени господина или какого-либо третьего лица [39, II, с. 210].

В поздних сирийских источниках о рабе-истце упоминается

в письме, адресованном священнику и судье общины патриархом Хенанишо; правда, там речь идет о вольноотпущеннике, которого наследники его господина пытаются вновь обратить в рабство [34, с. 12, 13].

Семейное право раба. Христианские юридические сборники признают право раба на создание собственной семьи. Неизвестно, располагали ли таким правом рабы зороастрийцев. Сасанидский судебник на этот счет ничего не сообщает. Зороастриец, переданный царской казной в рабство храму огня (иеродул), сохранял семью, созданную еще до перевода его в рабский статус, о чем свидетельствует упоминавшийся ранее пример с вельможей Михр Нарсе, который был передан храму огня вместе с женой и рабом.

Более подробно на проблеме *рабской семьи* останавливается Ишобохт; глава X «О браке рабов и рабынь, принадлежащих христианам» III книги его Сборника не имеет параллелей в сирийских и иных переводах римского права. В ней говорится о том, что техническая сторона оформления брака и свободных и рабов, в сущности, одинакова, только на брак рабов требуется согласие их господ. Следующее решение развивает мысль о нерасторжимости брака, за исключением тех случаев, когда один из супругов находится в длительном отсутствии.

«Когда с разрешения своих господ они вступили в брак,— не могут господа разлучить их (досл. „отделить одного от другого"). Также если один из них будет продан, то ни покупатель, ни продавец не могут принудить их к расторжению брака. Но если один из них (из супругов) уходит в чужую страну, а второй надолго остается без пары, то от его господина поступает приказ о вступлении его в другой брак» [15, с. 84, 86, § 2].

К сожалению, это решение не дает ответа на вопрос, как сохраняется семья раба, если один из супругов будет продан другому лицу.

В законодательстве патриарха Востока Тимофея (рубеж VIII—IX вв.) также подчеркивается мысль о нерасторжимости брака рабов, и лицо, разлучившее супругов, карается отлучением от церкви [17, с. 108, 109, § 77].

Дети рабов также обретали рабский статус, поскольку были рождены в рабстве. Решения сирийских и Сасанидского судебников в этом вопросе единодушны.

Христианские источники поднимают проблему правомочности «смешанных» браков, в которых брачная пара состоит из свободнорожденного мужчины и рабыни, из раба и свободнорожденной женщины.

В первом случае вопрос решается положительно: при отсутствии жены свободнорожденный может сделать своей женой рабыню; для этого ему было нужно заявить в присутствии «священников и руководителей церкви» о том, что данная ра-

быня — его жена. С момента оформления брака с господином рабыня становилась свободной [15, с. 74, 75, § 4]. Дети, рожденные в этом браке, считались свободными.

Если для мирян не было ничего предосудительного в браке свободнорожденного с рабыней, то для клириков женитьба на рабынях была запрещена. Заключению брака должно было предшествовать обязательное освобождение рабыни, иначе отношения клирика с рабыней расценивались как блуд [11, с. 243, 242, 244, § 11].

Негативное отношение к браку свободнорожденной женщины и раба подчеркивают и ранние (V в.), и более поздние (VIII—IX вв.) христианские юридические сборники. Ранние источники, как отмечалось выше, допускали возможность порабощения свободнорожденной господином раба, если тот был против связи свободной женщины с его рабом. Более поздние источники исключают возможность порабощения, хотя и не приветствуют идею неравного в социальном отношении брака. Но после совершения свадебного обряда церковь выступает защитницей брака независимо от социального положения каждого из супругов.

«Это мы говорим потому, что видим, как многие из верующих, которые купили рабов, у которых есть свободнорожденные женщины, данные им их прежними господами, затем из-за их рабского статуса отделяют их (рабов) от первого брака и принуждают ко второму браку. То, что они (господа) делают, несправедливо. И хотя они властвуют над их (рабов) плотью, они не должны их удерживать от дела веры и закона страха божьего, который повелевает, что не следует разделять тех, кто однажды вступил в законный брак» [15, с. 86, 87, § 4].

Дети, рожденные от свободной женщины в браке с рабом, считаются детьми раба, рабами. Все источники в этом решении единодушны. В данном случае сохранялся принцип римского права, согласно которому дети наследуют худший статус их родителей.

Имущественные права раба. Сирийские юридические сборники V в. свидетельствуют о неполном праве раба на владение приобретенным имуществом. С одной стороны, раб мог купить все, что хотел, мог этим пользоваться, но и сам раб, и купленная им вещь принадлежали господину.

«Если раб купит вещь — это ему можно. Вещь, которую купил раб, принадлежит его господину, и законно то, что они (рабы) покупают» ([39, I, с. 15, § 53, с. 76, § 33, II, с. 17, § 53, с. 123, § 27]; ср. [27, RI, § 24, RII, § 33, RIII, § 53]).

Версия решения, приведенная в парижской рукописи, практически сводит на нет право раба на владение купленной вещью.

«О том, что не может раб покупать вещь без своего господина. Если купит раб вещь, он не может распоряжаться ею, потому что то, что он купил, принадлежит его господину, и мо-

жет его господин взять (забрать) ее (вещь) у него» [39, I, с. 47, § 22, II, с. 52, § 22].

Первая часть решения как будто противоречит его второй части: действительно, если в первой отрицается возможность самостоятельной покупки вещи, то во второй эта возможность допускается, но исключается возможность распоряжения купленной вещью. Но первая часть, в сущности, это заголовок для второй части, не совсем полно передавший ее содержание.

Разница в толковании одного решения лондонской и парижской рукописями объясняется, вероятно, разницей во времени их составления (парижская более поздняя, середины XIII в.) и, может быть, юридической практикой конфессиональной среды.

Все ранние источники сообщают о том, что господин мог предоставить рабу власть над своим имуществом, назначить его экономом или управляющим своего хозяйства. В таких случаях раб действовал от имени своего господина.

«Позволено ли человеку предоставить рабу своему власть над своим имуществом или [сделать] управляющим, или дать ему энтоликон, что толкуется как полномочие (досл. «приказ с властью» — pwqdn'‘m šwlṭn'), над теми делами, которые его господин хочет, чтобы [раб] сделал их?

Закон дает ему право приказать своему рабу, чтобы тот для исполнения их (дел, поручений) применил всю власть, которая есть у него (у господина)» [39, I, с. 10, § 30, II, с. 11; §30]; ср. [27, RI, § 8, RII, § 12].

Источники позднесасанидского и раннеисламского периодов в принципе предоставляют рабу право владеть при жизни подаренной ему вещью, но границы этого права Сасанидский судебник и Сборник Ишобохта определяют по-разному.

«Сказано также, что вещь, которую, до того как господин купил раба, другое лицо [этому] рабу передало (-подарило), господин же о принятии этой вещи не объявлял, в случае, если прежний господин [этого раба] объявит о принятии [вещи], прежнему господину она будет принадлежать, в противном случае — рабу» [4, с. 304].

В данном решении вопрос о принадлежности вещи поднимается в связи с продажей раба. Раб может владеть подаренной ему вещью, если его прежний господин формально не заявил о ее «принятии», т. е. не распространил свою власть и на вещь. Тогда этой вещью волен распоряжаться только раб, а не его бывший или новый господин. При определенных условиях власть раба над подаренной вещью сохранялась и тогда, когда раб становился объектом торговой сделки.

О владении вещью, подаренной рабу его господином, подробно говорит Ишобохт в III главе («О дарении и завещании») V книги Сборника: «Если человек даст (подарит) своему рабу или своей рабыне дом, поле или что-нибудь другое, то раб или рабыня вправе поступать с той вещью в течение их

жизни как захотят, а также, на случай смерти, распоряжаться по завещанию. Если же он (раб) не продал, не передал (не подарил) и умер, тогда та вещь превращается в то, что ему не принадлежит (т. е. возвращается к дарителю? — *А. К.*)» [15, с. 138—141, § 16].

В данном решении закрепляется пожизненное право раба на владение имуществом, которое ему подарил господин. Но вещь, которой раб не успел распорядиться при жизни, возвращается ее бывшему владельцу (господину раба).

Отдельное решение касается имущественного права раба в случае продажи последнего вместе с подаренным ему имуществом другому лицу. По Ишобохту, за рабом сохраняется право пожизненного владения имуществом, а в случае смерти раба, если тот не успел его передать кому-либо, продать или распорядиться подаренной вещью по завещанию,— эта вещь становилась собственностью его нового господина [15, с. 140, 141, § 18].

Частичное и полное освобождение рабов. С зарождением феодальных отношений практика освобождения рабов на Ближнем Востоке становится все более распространенной. В III—VIII вв. отпуск рабов на волю был далеко не редким явлением.

Юридические памятники разного времени и различной ориентации выработали целую систему правил и норм освобождения рабов. Значительно реже они касаются экономической подоплеки явления, но и отдельные замечания источников недвусмысленно указывают на то, что труд рабов с течением времени становился все менее производительным. Вавилонский Талмуд приводит фразу, определявшую отношение крупного землевладельца начала IV в. н. э. к проблеме рабства: «Раб хлеба утробы своей не стоит» [6, с. 77]. Правящий класс ощущал острую потребность в работнике нового типа, более заинтересованном в результатах своего труда.

Судя по данным сирийских юридических сборников V в., в то время в христианской среде уже существовала тщательно разработанная система отпуска рабов на волю, заимствованная в значительной степени из римского права. Она предусматривала процедурный порядок, условия и нормы освобождения.

Норма освобождения рабов находилась в прямой зависимости от численности рабов, имевшихся у рабовладельца, и регламентировалась специальным решением:

«Если захотел человек сделать завещание, будь он здоров или болен, и пожелал освободить [кого-то] из своих рабов, то какое количество он может освободить?

Если у него только один раб или двое — он может освободить их по завещанию, из троих же он может освободить только двоих, из количества от 5 до 10 человек освобождает половину, [при численности] от 10 до 30 — одну треть, при численности от 30 до 100 человек может освободить четверть [рабов], т. е. [до] 25.

Если же случится [такое, что] освободит человек больше того количества, которое предписывают законы, то из всей численности отсчитывается количество, предписываемое [законами] к освобождению, а остальные, освобожденные сверх нормы, передаются по наследству как рабы.

Если человек составит завещание и напишет в нем, что все его рабы освобождаются, то все они остаются рабами наследников (досл. «наследство»)» ([39, I, с. 5, § 4]; ср. [с. 47, § 24, с. 74, § 22; 27, RI, § 14, 15, RII, § 22]) [11].

Из решения следует, что разрешенная норма освобождения была обратно пропорциональна количеству наличных рабов: чем больше рабов имел господин, тем меньшему в процентном отношении числу рабов он мог предоставить свободу. Таким путем власти стремились пресечь массовое освобождение рабов.

Источники говорят о нормах освобождения в связи с завещательным распоряжением господина. Поэтому трудно сказать, были ли они обязательны в иных ситуациях. Надо полагать, что какие-то ограничения при массовом отпуске рабов на волю все же существовали, о чем свидетельствуют косвенные данные.

Массовый отпуск рабов на волю был запрещен решениями Вавилонской Гемары, последовательные защитники института рабства расценивали освобождение рабов как нарушение божественного повеления. Оперируя данными этого важного источника, Ю. А. Солодухо сосредоточил внимание на других (новых) формах эксплуатации рабов, которые хотя и не устраняли рабского статуса, но делали раба более заинтересованным в своем труде. Идеальная схема новых форм эксплуатации выглядела следующим образом: а) землевладельцы сажали рабов на земельные участки для индивидуальной их обработки; б) за работу рабам выдавалось довольствие на определенный промежуток времени; в) рабу, посаженному на землю, выдавалось вместо довольствия часть урожая с обрабатываемого им участка; некоторые излишки продукции давали возможность рабу улучшать свое хозяйство и свое материальное положение; г) рабу предоставлялось право пользоваться урожаем возделываемого им участка полностью, но за это он какое-то время должен был работать на поле господина. На барщинных и оброчных условиях рабы отпускались для работы на стороне, получали большую свободу передвижения [6, с. 77—82].

Имеются сведения о том, что ограничения в отпуске рабов на волю не всегда соблюдались, а в VI—VIII вв. их просто не существовало. Пример этому подавало само христианское духовенство. В деяниях наиболее выдающихся представителей христианской церкви (основателей монастырей, теологов, отшельников, святых и т. д.), происходивших из знатных семей, в качестве первого благочестивого шага на пути к аскетическому образу жизни неоднократно упоминается их отказ от богатства, рабов и земных благ.

«Этот человек (Раббан Хайя) был родом из Кашкара. Когда дошла до него весть о Мар Абрахаме, он отпустил своих рабов, роздал свое имущество и прибыл к нему. Он принял от него монашество и оставил при себе одного из своих рабов, с которым вел монашескую жизнь» [21, с. 453].

Известный христианский теолог Мар Бабай Великий, живший в царствование Хосрова II Парвиза, до принятия монашества принадлежал к числу зажиточных граждан округа Бет-Забде в Северной Месопотамии. «Этот святой был из знатных людей Забде, владелец богатств, имущества и рабов» [21, с. 530]. Уходя в монастырь, он роздал все, что оставил ему отец, за исключением суммы в 60 золотых статеров для раздачи монахам. Таким же путем ушли в монахи вельможа, служивший у лахмидского царя Ну'мана б. Мунзира («роздал свое имущество и рабов и стал монахом»), и крещеный зороастриец из Кашкара, получивший в христианстве имя Георгий («роздал имущество, отпустил рабов и ушел в обитель Мар Абрахама») [21, с. 534—537].

По-видимому, вопрос о правомочности освобождения рабов возникал и в послесасанидскую эпоху там, где он затрагивал интересы остальных членов семьи. Не случайно Ишобохт в главе «Об освобождении рабов и рабынь» упоминает о древнем римском законе, ограничивавшем возможности главы семьи освобождать своих рабов одной третью наличного количества, поскольку остальные две трети принадлежат его жене и детям. Этому закону Ишобохт противопоставляет обычное право Парса, согласно которому и количество подлежащих освобождению рабов, и другие связанные с этим вопросы целиком находятся в компетенции главы семьи, мужчины; таким образом, наш автор исключает возможность любого иного решения, кроме воли главы семьи: «В нашей же стране (b'tr' dyn dyln) мы приняли (постановили), что мужчина вправе освобождать стольких, скольких захочет, так как существует мнение, что не может кто-либо жену и детей любить больше, чем он сам, которому они принадлежат. Это предоставлено знанию и воле того, кто приказал» [15, с. 176, 177, § 1].

Сасанидский судебник нигде не упоминает о предельной норме освобождения рабов, принадлежащих одному господину, из чего можно заключить, что в зороастрийской среде это не составляло проблемы: рабы, как и все остальное в доме, принадлежали главе семьи, и он волен был поступать с ними по своему усмотрению.

Сирийские источники V в., восходящие к нормам римского права, отразили и процедуру освобождения рабов. В зависимости от места действия она варьировалась, но в любом случае отпуск раба требовал присутствия свидетелей. Помимо этого, христианские императоры Византии (один список называет Константина, другой — Константина и Феодосия) настаивали на участии в процедуре манумиссии лиц духовного звания.

«Если хорошо освобожденный раб — [это тот], которого освободил господин его в присутствии (досл. „перед“) свидетелей[12], то еще лучше, если человек освободит своего раба или свою рабыню перед епископами и священниками, а если он находится в провинции, то в присутствии периодевта и священников согласно приказу блаженного царя Константина» ([39, I, с. 9, § 21, II, с. 9, § 21]; ср. [39, I, с. 47, § 24, с. 75, § 23; 27, RI, § 16, RII, § 23]).

Специальное решение детализирует условия манумиссии.

«Тот, кто желает освободить раба, должен освободить его так: если в городе, то раба освобождают в присутствии епископа и шести священников его клира; если в селении, то раба освобождают в присутствии периодевта и священников его клира; если же в селении, где нет окружного епископа, то в присутствии священников селения и пяти других приглашенных с ними священников, а также жителей селения, которые своей рукой засвидетельствуют документ об освобождении раба» [27, RII, § 43]. Автор даже считает манумиссию без участия клириков недействительной.

Изложенная выше ситуация учитывает иерархию существовавшего в то время административно-территориального деления:

а) город (mdynt’) как центр провинции и резиденцию епископа (архиепископа);

б) укрепленное поселение сельского типа (qryt) как центр округа (kwr’), входящего в состав провинции, и резиденцию окружного епископа; в Вавилонии было 12 таких округов, которые имели и свое иранское название — останы;

в) поселение (также — qryt) — центр небольшого сельскохозяйственного округа, тассуга, не имеющего своего епископа; о том, что речь идет о большом селении, свидетельствует упоминание о «священниках селения», которых было несколько.

Манумиссия оформлялась освободительной грамотой, которая могла предусматривать освобождение раба как с пекулием, так и без него. Источник дает определение пекулия как объекта (вещи), которым владеет раб (’ytwhy pqwlyn mdm d qn’ ʿbd’ [39, I, с. 9, § 21]. Он оставался у раба и после обретения им свободы, если только был оговорен в вольной. В противном случае после смерти бывшего господина раба его наследники могли отобрать пекулий у освобожденного.

До сих пор речь шла о таком освобождении рабов, в результате которого они формально полностью становились свободными. Поздние источники (VI—VIII вв.) допускают неизвестную римскому праву возможность частичного освобождения рабов.

«Если человек освободил своего раба на одну из десяти частей, то и ребенок, который от того раба родится, в одной из десяти частей свободен» [4, с. 3]. Данное решение Сасанидского судебника, не имеющее прецедентов в римском праве,

почти дословно повторяется у Ишобохта. Это может свидетельствовать о том, что некоторые пункты обычного права у зороастрийцев и христиан какой-то ограниченной территории (в данном случае — провинции Парс) имели между собой много общего, иногда совпадая текстуально.

Для позднесасанидского периода характерно совместное владение двух лиц одним рабом, явившееся следствием различных операций с рабами (обычно дарение, уступка за долги). Юридические источники рассматривают случай, когда доля каждого владельца в общем владении одинакова. Практика совместной эксплуатации раба могла иметь два направления: либо раб принадлежал двум господам одновременно, либо им владели поочередно, и тогда сроки эксплуатации фиксировались в договоре. Соответственно этому, если один из господ освобождал раба на $1/2$, отказываясь от своих прав на владение, то для полусвободного раба это имело одно из двух последствий: либо он в оставшейся несвободной части постоянно принадлежал другому господину, либо его рабский статус через равные промежутки времени непрерывно чередовался с формальной свободой:

«И наряду с другими написано, что если он декларирует следующее: „Этого раба из каждых двух лет на один год я передал Михрену", то этого раба иначе как с обоюдного согласия освободить нельзя. И если один из них свою долю с согласия другого освободит, то таким же образом (в той же степени) раба следует рассматривать свободным (т. е. один год из каждых двух этот раб свободен.— *А. К.*)» [4, с. 207].

Весьма любопытными представляются решения Сборника Ишобохта о частичном освобождении рабов, находящихся во владении нескольких лиц. В зависимости от воли совладельца, отказавшегося от своей доли, проблема частичного освобождения могла быть решена двумя путями: а) освобождали всех рабов на долю, принадлежащую одному господину в общем владении, либо б) совладелец освобождал всех рабов, входящих в его долю.

«Если рабы и рабыни принадлежат нескольким совладельцам и [если] один из них заявил: „Моя часть из этих рабов и рабынь освобождается", то те рабы и рабыни, каждый (каждая) из них, освобождаются на долю, принадлежащую тому человеку.

Если же он заявит: „Все рабы и рабыни, входящие в мою долю, свободны", тогда производят раздел и бросают жребий. Всякий [из рабов], кто попадает в долю и жребий того человека, он свободен» [15, с. 178, 179, § 6].

В следующем решении говорится о том, что рабы, «освобожденные на какую-либо часть», могут в «этой части работать на себя и приобретать имущество». На этот пункт много лет назад обратила внимание Н. В. Пигулевская в связи с изучением процесса феодализации в Иране.

Частичное освобождение рабов вело к их полному освобождению. Процесс этот не всегда и не везде протекал равномерно. Во всяком случае, возможность превращения полусвободных в свободных Ишобохт допускал не для Парса, откуда он был родом, а для других стран (областей).

«Но имеются страны, в которых, если раб или рабыня освобождаются наполовину или на одну треть, владельцы, которым принадлежат оставшиеся части, обязаны стоимость того раба или [той] рабыни принять и освободить их. Но это предписывается не законом, а pasand'ом (т. е. по согласию сторон.— *А. К.*)» [15, с. 178, 179, § 7].

Говоря о других «странах», Ишобохт мог иметь в виду Вавилонию, область, расположенную ближе и поэтому знакомую лучше. В Вавилонской Гемаре разбирается случай, когда один из двух владельцев раба отказывается от своей половины владения. Второй, опасаясь того, что судьи могут заставить его освободить раба полностью за выкуп, передает свою долю владения несовершеннолетнему сыну [31, с. 305, Гиттин, 40а]. Вероятно, владение наполовину освобожденными рабами, а точнее, наличие большого числа полусвободных вызывало в обществе определенные осложнения. Поэтому при отсутствии между заинтересованными сторонами договоренности о полной манумиссии в дело могли включиться официальные судебные власти — регуляторы общественного правопорядка.

Юридические сочинения разного времени неодинаково относятся к возможности вторичного порабощения вольноотпущенника: более ранние, основанные на римском праве источники допускают такую возможность, более поздние исключают ее.

Сирийские сборники V в. предусматривают возможность повторного обращения в рабство для тех случаев, когда получивший свободу раб действует в ущерб своему бывшему господину. Тогда прежний господин имеет право на основании конкретных обвинений вновь поработить вольноотпущенника.

«Может ли человек, освобождающий раба, затем вновь сделать его рабом?

Закон судей позволяет ему сделать это, тогда предписывает поработить его, если случится, что при жизни он (господин) обвинит его (вольноотпущенника) в совершении против него (прежнего господина) дурных поступков или ему пожалуются на постыдные действия бывшего раба. В таком случае он (вольноотпущенник) порабощается прежним господином» ([27, RI, § 17]; ср. [RII, § 25; 39, I, с. 9, § 23, с. 48, § 25, с. 75, § 25]).

Сасанидский судебник, опираясь на мнение юристов, в целом не одобряет возвращения вольноотпущенника в рабство, но допускает возможность и иного решения проблемы, не уточняя, однако, какого именно [4, с. 58]. Зато поздние христианские источники в этом вопросе бескомпромиссны. В христианской среде посягательство на свободу вольноотпущенника рас-

ценивалось как преступление и грозило виновным отлучением от церкви.

«Всякий, кто вновь обратит в рабство рабов, которые однажды от своих господ получили свободу,— он отделен и отлучен от церкви, как тот, кто похищает свободнорожденных и продает их»,— говорится в VII каноне синода патриарха Ишояба I от 585 г. [38, с. 144, 406].

Для сирийских христиан позднесасанидской и раннемусульманской эпохи предание анафеме и отлучение от церкви означало скорее моральную кару, нежели физическую. Но еще несколько веков до того в Римской империи кража людей считалась тягчайшим преступлением, и лица, ворующие людей, приговаривались к смертной казни ([27, RII, § 121]; ср. [RI, § 66]). Напоминанием о карах телесных в прошлом и моральных в будущем церковь предостерегала паству от совершения такого тяжкого греха, как порабощение вольноотпущенника. О резкой реакции патриарха Хенанишо (конец VII в.) на попытку вторичного порабощения уже говорилось выше. В категоричной форме высказался на этот счет также Ишобохт (конец VIII в.): «После того как они получили свободу, не может он (господин) обратить их в рабство ни под каким предлогом» [15, с. 176—178, § 2].

Данные многих источников свидетельствуют о том, что связи раба с господином не порывались окончательно с переходом раба в категорию вольноотпущенников. Не последнюю роль в их сохранении играли условия, присутствовавшие в освободительной грамоте и защищавшие интересы рабовладельца.

«Если захочет человек освободить своего раба, поставив ему условие в течение оговоренного числа лет после освобождения работать на его сына или его наследника и потом уйти, то закон ему разрешит, и он может это сделать. С условием раб освобождается, когда предстанет перед клириками (досл. „перед сынами церкви“), или перед судьями, или если условие освобождения вписано в завещание» ([39, I, с. 49, § 30, II, с. 55, § 30]; ср. [27, RII, § 35]).

Договор об освобождении мог содержать и иные условия, фиксирующие прямую или косвенную зависимость вольноотпущенника от господина.

Юридические сборники, трактуя решения о манумиссии, часто изображают ситуацию, при которой вольноотпущенник, с одной стороны, формально свободен, а с другой — имеет какие-то обязательства перед прежним господином, продолжает служить ему либо его детям. Не всегда эта зависимость выражена четко, поэтому отдельные правовые решения создают иллюзию полной независимости бывшего раба.

«Если умирающий желает сделать завещание и у него есть несовершеннолетние дети (сыновья), и он отписал им наследство, освободив в том завещании одного из своих рабов и пожелав поставить его опекуном над своими детьми, то ему это

позволено. Если же он не освободит его по завещанию, то господин вправе назначить его управляющим у своих детей (сыновей), и это является свидетельством освобождения того раба» ([27, RI, § 11]; ср. [39, I, с. 11, § 34, с. 44, § 14, с. 73, § 16]).

Приведенное выше решение и его варианты показывают, что независимо от того, является ли акт освобождения первичным или вторичным, свобода раба по завещательному распоряжению обусловлена необходимостью служить потомкам (детям) его господина.

Теоретически бездетный господин мог сделать своим наследником раба, предварительно освободив его.

«Если у человека нет детей (сыновей), а есть рожденный в доме или купленный на деньги раб и он (господин) желает его освободить и назначить наследником по завещанию, то законы позволяют ему это [сделать]» ([39, I, с. 11, § 33, II, с. 12, § 33]; ср. [I, с. 44, § 13, с. 73, § 15; 27, RI, § 10]).

Такое решение могло скрыть в себе операцию передачи наследства незаконнорожденному сыну господина, родившемуся от рабыни, и означать акт усыновления. Что касается возможности завещать наследство купленному рабу, то еще неизвестны условия такого завещания.

Другие решения вносят некоторые коррективы в сомнительный пункт о передаче наследства. Из них следует, что речь идет лишь о некоторой части имущества; при этом легат предоставляется не всякому вольноотпущеннику, но бывшему домашнему рабу либо его детям, рожденным от рабыни.

«Человек не может дать что-либо из своего имущества рабу, который получил от него свободу. Рабу же, который служил у него в доме, он может дать» ([27, RIII, § 26]; ср. [39, I, с. 10, § 26]). В других контекстах неясное выражение «кое-что из имущества» заменено термином «легат» («legatā», «līgatōn»), означавшим распоряжение завещателя о предоставлении легатарию (в данном случае рабу) права на владение какой-либо вещью или частью наследства без возложения на него ответственности за долги завещателя. В отличие от полноправного наследника легатарий располагал лишь частью прав завещателя, на него не распространялись и обязанности законных наследников, преемников завещателя.

Если предоставление легата бывшему домашнему рабу было данью его многолетней службе в господском доме и знаком особого расположения к нему прежнего господина, то подобный акт милосердия в отношении детей вольноотпущенника означал лишь некоторую уступку господином части своих прав на наследование имущества отпущенного им на свободу раба. Такие права твердо гарантировались следующим решением:

«Если освободится раб от своих господ и станет свободным, если тот освобожденный раб захочет и после своего освобождения возьмет в жены рабыню и появятся от нее дети (сыновья), то законы судей предписывают, что не наследуют

ему ни его дети от той рабыни, ни господа той рабыни, но наследуют ему его господа, которые его освободили» ([27, RI, § 29]; ср. [RII, § 42; 39, I, с. 49, § 33, с. 77, § 42, II, с. 125, § 37]).

Таким образом, в теории и на практике имуществом вольноотпущенника после смерти владели не его дети от рабыни, а его бывший господин, которому он был обязан своей свободой. Права господина на наследство вольноотпущенника, ущемлявшие интересы потомков последнего, не распространялись на их свободу, о чем также свидетельствуют специальные решения юридических сборников.

Стремление господина сохранить хоть часть своих прав на вчерашнего раба нашло отражение и в Сасанидском судебнике. Вот пример, как будто не относящийся к данной теме.

«Наряду с другим сказано: если он заявляет: „Благословенный господин меня наполовину освободил и на одну треть передал в рабство храму огня", то „одна треть" не из той половины, о которой сказано „меня [освободил]"» [4, с. 296].

В тексте речь идет о полусвободном рабе. Его несвободная часть принадлежит двум совладельцам: одну треть (от полного владения или две трети несвободной части) господин пожаловал в храм огня, а одну шестую — оставил себе. Реально представить себе владение рабом в одной шестой части несколько затруднительно. В данном случае речь могла идти лишь о разделе результатов труда раба между соответствующим числом владельцев. Возможно, для господина факт частичного владения рабом имел не столько практическое значение (рано или поздно такого раба следовало освободить), сколько престижный смысл: чем бы иначе отличался свободнорожденный от вольноотпущенника.

Тот же Судебник содержит любопытное решение, позволяющее зороастрийцу выкупать раба у христиан и переводить в категорию вольноотпущенников при условии, если раб принимает зороастризм и отрабатывает у зороастрийца сумму выкупа.

«В одном месте написано, что если раб, принадлежащий христианину, переходит в зороастризм и [в услужение] к зороастрийцам, [то] надлежит цену раба передать [бывшему господину раба] и освободить раба, а тот должен ему (зороастрийцу) убыток возместить. Если же раб не перейдет [в услужение] к зороастрийцу, но станет зороастрийцем, он сам должен уплатить господину свою цену» [4, с. 4].

Вольноотпущенники-христиане, имевшие соответствующие освободительные грамоты, могли уходить в монастырь, занимать должности в церковной иерархии.

Как уже говорилось выше, в раннеисламскую эпоху многочисленную социальную группу вольноотпущенников, не терявшую связей со своими прежними хозяевами, составили мавали. Другую категорию вольноотпущенников, вероятно, не менее многочисленную, но в отличие от мавали не принявшую ислам

(по крайней мере об их исламизации нигде не сказано), представляли šūrṭē. Они были освобождены с обязательством нести военную службу и, как следует из сирийской хроники Бар Пенкайе, успешно справились со своей новой ролью. Соответствующий отрывок хроники с некоторыми сокращениями приводим полностью:

«Мухтар [13], поскольку он был рассержен на аколитов (куфитов, жителей Аколы/Куфы) за то, что непригодны они к войне, отдал приказ, чтобы все их рабы были освобождены и пошли бы на войну вместо них. Когда этот приказ вышел, собрались к нему (Мухтару) многие тысячи их рабов — бывших пленников (досл. „детей плена" — bny šby'). Он поставил над ними военачальника по имени Абрахам и послал его с 30 тысячами против Бар Зията [14]. Все они двигались пешком, без оружия, без снаряжения, без коней, без палаток, но каждый держал в руке саблю, копье или палку, и они стремились вперед. Когда противники сошлись (досл. „приблизились друг к другу") у реки, именуемой Хазер, между ними произошел жестокий бой. Все доблестные мужи (досл. „мужи сражения") западных были перебиты, их надменность обернулась великим позором: они были побеждены не мужами, но подлыми („слабыми"? — ḥlš'). Тот, кто домогался патриаршества, едва мог спасти свой плащ [15]. Западные были разгромлены наголову, был убит также их военачальник. Их враги захватили у них продовольственный склад (обоз?), их богатства, снаряжение, оружие, деньги. Они (западные) возвращались назад в унижении, пока не перешли р. Евфрат.

Эти бывшие пленники, которые получили прозвище šūrṭē, указывающее на их усердие на пути к справедливости (правосудию) [16], пришли и овладели Нисибином. Они подчинили все Междуречье. Сколько на них ни обрушивались враги — победа доставалась šūrṭē. Когда они вошли в Нисибин, Абрахам поставил над ними военачальником своего брата, а сам возвратился в Аколу. Они же, желая, чтобы над ними был военачальник из их среды,— а тот Абрахам и его брат были тайитами (или арабами),— восстали против него (брата Абрахама), убили его и всех его помощников и поставили у себя эмиром [человека] из своей среды по имени Абу Кариб. Аколиты раскаялись в том, что совершили: посмотрели они и увидели, что восстали против них их рабы. Тогда они прибыли к Мухтару и развязали с ним сражение. Много раз он побеждал их, но в конце концов был ими побежден. Они убили его и большое войско из бывших пленников, которое было с ним. Но собрались другие „дети плена", они присоединились к тем, которые находились в городе Нисибине. Ежедневно те прибывали со всех сторон и присоединялись к ним. Они захватили многие крепости. Страх перед ними распространился на всех арабов. Куда бы они ни шли — они побеждали» [9, с. 157*—*158, *184—*186].

В междоусобной борьбе между приверженцами разных течений в исламе и христианстве в конце VII в., стоившей населению Месопотамии многих лишений и крови, Бар Пенкайе отводит движению šūrṭē — освобожденных арабских пленников — одно из ведущих мест. В его представлении военные успехи šūrṭē — это одно из проявлений гнева господня, повсюду они сеют смерть и разрушения, от них страдают и христиане, и мусульмане. По мнению автора, šūrṭē — это та сила, которая сможет положить конец господству арабов.

«Приход этих šūrṭē — это от бога. И я надеюсь, что они станут причиной исчезновения сынов Ислама. Исполнилось пророчество Моисея, который сказал: „Его рука простирается на все, и рука всего — в нем". Все народы подчинила рука арабов, и эти šūrṭē состоят из всех народов, которые есть под небосводом. Вот почему, как мне кажется, через них государству арабов придет конец. Но также и они не останутся, перемешавшись с другими государствами, которые они покорят» [9, с. 167*, *194]. Заключительная фраза в повествовании о šūrṭē не раскрывает социального смысла движения. Он оставался непонятен и современнику, который был только свидетелем, но не участником событий и фиксировал лишь военные успехи бывших рабов.

К категории абсолютно свободных можно причислить лиц, освобожденных за выкуп родственниками. Если стоимость раба и при рядовых операциях купли-продажи была довольно значительной, она поднималась еще выше в случае выкупа пленника или раба (или пленника-раба) его родственниками. Примерное представление о сумме выкупа из неволи дает Бал‘ами. Попавшая в плен к арабам знатная женщина, которую Халид б. ал-Валид подарил бедуину, посылает человека к родственникам за требуемой суммой и выкупает себя за тысячу драхм. Сумма могла быть и выше названной, если бы бедуин знал счет больше тысячи [14, с. 334—335]. В другом месте говорится о том, что писец с жалованьем в 2 тыс. драхм выкупает на эти деньги из рабства своих мать и отчима [14, с. 524—525], т. е. речь идет о той же сумме выкупа в тысячу драхм за человека. На рубеже VIII—IX вв. (в 184 г. х.) стоимость одного раба в Джундай-Сабуре (Гунди Шапур в Фарсе) составляла 800 дирхемов, т. е. в процентном отношении ненамного отличалась от выкупной цены раба в начале периода завоеваний [36, с. 20].

* * *

В раннефеодальном Иране при Сасанидах и в первый век Халифата существовал развитой рабовладельческий уклад. Его позиции были значительно поколеблены социальными движениями, самым мощным из которых было восстание Маздака (первая треть VI в. н. э.). Однако рабство сохранялось в различных пережиточных формах, таких, как семейное рабство,

храмовое рабство и др. Захват большого количества военнопленных и обращение их в рабство не исключали возможности использовать их труд на общественных работах и в поместьях крупной знати. Правовое положение раба в III—V вв. определялось его социальным статусом, который ненамного отличался от статуса античного раба. Но в новых условиях раб имел больше возможностей получить свободу. Свобода вольноотпущенника регламентировалась кругом обязательств по отношению к прежнему господину. Когда в роли господина выступало государство, отпуск раба на волю часто сопровождался обязательством нести военную и полицейскую службу. «Чистое» освобождение имело место, когда военнопленный-раб выкупался на волю своими родственниками, но неизвестно, чем он должен был заплатить родственникам за выкуп.

[1] bandagān ī ādur [ī] farnbag ādur ī farnbag az [h]ēr ī xvēš az dušmanān pad vahāg xrīd.

[2] Около десятка учеников источники называют поименно; они же указывают имена лиц и названия племен, которым эти пленники стали принадлежать.

[3] frazand pad anšahrīgīh ēvač pid pādixšāy frōxt.

[4] DK. VII. 3. 38; ahravān mardān zanān yazom, drigušān mardān zanān yazom.

[5] Vičīrkart i dēnīk, p. 37—38: ud hān drigušān ud aržānīgān dād ud dahišn xvēškārīh varzīd.

[6] Имеется в виду скорее всего продавец, как следует из приведенной ниже арабской версии.

[7] Часть фразы, заключенная в квадратные скобки, восстанавливается по другим контекстам.

[8] anšahrīg ō agdēnān frōxt nē pādixšāy ka frōšēnd pad anšahrīg har dō andar rad ī hudēn duz bavēnd u-šān drōš be kunišn.

[9] ka gōvēd ku-m Farrahv pad tan az tō grift ud ēn nē gōvēd ku-š abāz abaspārom tuvān guftan ku-t dārišn o man abāz nē abaspārt.

[10] Ср. с решением о передаче по завещанию дасткарта вместе с живущими в нем рабами [4, с. 417, A36.16—37.1].

[11] Армянская версия приводит несколько иные нормы освобождения, учитывающие, вероятно, местные условия [39, II, с. 121, § 16].

[12] Наиболее простая и наиболее ранняя форма манумиссии, известная уже в древности [2, с. 94—95].

[13] Имеется в виду полководец Мухтар б. Абу Убайда (убит в 687 г.).

[14] Абдаррахман б. Зийад б. Сумайа.

[15] Речь идет об Иоанне, епископе Нисибина, которому Ибн Зийад за помощь в борьбе с куфитами обещал патриарший трон.

[16] В сирийском языке šūrṭā, как и в арабском šurṭā, обозначает группу вооруженных лиц, в основном несущих охрану: сир. «телохранитель», «войско наместника (правителя) провинции», «охрана (стража) города» [40, кол. 4330]; араб. «полиция», первоначально «лица, отобранные для начала боя», «личная охрана» [42, с. 393]. Объяснение автора хроники, вероятно, не выходит за пределы народной этимологии, которая могла возникнуть в результате смешения терминов, вызванного их созвучием. В словаре по библейской литературе мы встречаем šūrā (šūrṭā, халд. šūrāh) в значении «ряд», «линия», переносно «справедливость» [41, с. 526]. В арабском šurāt (ед. šārī) было самоназванием крайних хариджитов и, как утверждал Л. Масиньон, обозначало «тех, кто жертвует своей жизнью для бога», вызывая его врагов на смертельный поединок [42, с. 392]. Не исключено, что именно под влиянием хариджитов возникло такое смешение понятий, ибо Бар Пенкайе жил как раз в эпоху междоусобных войн в Халифате и был очевидцем многих событий.

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
2. *Доватур А. И.* Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. Л., 1980.
3. *Надирадзе Л. И.* Вопрос о рабстве в Халифате.— НАА. 1968, № 5.
4. *Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. Ереван, 1973.
4а. *Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М., 1983.
5. *Пигулевская Н. В.* Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов.— Записки ИВАН СССР. Т. 7. М.—Л., 1939.
6. *Солодухо Ю. А.* Социальная структура Ирака в III—V вв. н. э.— УЗИВ. Т. 14. М., 1956.
7. Рукопись С-1869 (перс.) из собрания ЛО ИВ АН СССР.
8. Annales quos scripsit... at-Tabari cum aliis edidit M. J. De Goeje, prima series, t. 6—9. Lugd.-Bat., 1889—1892.
9. Bar-Penkayé.— Sources syriaques, vol. 1 par A. Mingana. Leipzig, [1908].
10. *Cahen Cl.* Les peuples musulmans dans l'histoire médiévale. Damas, 1977.
11. Canones von Simeon.— Syrische Rechtsbücher herausgegeben und übersetzt von E. Sachau, Bd. 3. B., 1914.
12. Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens edidit J. B. Chabot.— CSCO, Scriptores syri, series III, t. 14, textus (1920).
13. Chronicon nonymum de ultimisc regibus Persarum.— CSCO, Scriptores syri, textus, series III, t. 4, Chronica minora, pars prior ed I. Guidi. P., 1903.
14. Chronique de Abou-Dja'far... Tabari, traduite sur la version persane de... Bel'ami par H. Zotenberg, т. 3. P., 1871.
15. Corpus juris des persischen Erzbischofts Jesubocht.—Syrische Rechtsbücher..., Bd. 3. B., 1914.
16. Gesetzbuch des Patriarchen Jesubarnun.— Syrische Rechtsbücher herausgegeben und übersetzt von E. Sachau. Bd. 2. B., 1908.
17. Gesetzbuch des Patriarchen Timotheos.— Syrische Rechtsbücher..., Bd. 2. B., 1908.
18. *Gignoux Ph.* Problèmes d'interprétation des bulles sassanides.— Studia Iranica, т. 2. Leiden, 1973, с. 137—142.
19. *Graetz H.* Geschichte der Juden. Bd. 5. Leipzig, 1909.
20. Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum... [ed. P. Bedjan]. P., 1890.
21. Histoire Nestorienne (Chronique de Séert), second partie (II), publié et traduite par A. Scher... avec le concours de R. Griveau.— Patrologia orientalis, т. 3. P., 1919.
22. Ibn-el-Athiri Chronicon... ed C. J. Tornberg, т. 2. Lugd.-Bat., 1864.
23. Ibn Wadhin qui dicitur al-Ja'qubi Historiae, pars II... ed. M. Th. Houtsma. Lugd.-Bat., 1883.
24. Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae, pars III.— CSCO, Scriptores syri, textus, series II, т. 3. P., 1935.
25. Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ibn A'tham al-Kufi, vol. 2. Hyderabad. 1969.
26. *Klíma O.* Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien. Praha, 1957.
27. Leges Constantini Theodosii Leonis aus der römischen Handschrift herausgegeben und übersetzt von E. Sachau.— Syrische Rechtsbücher, Bd. 1. B., 1907. RI—Ex romano Bibliothecae Vaticanae codice (Siriaco Borgiano nr. 81, с. 151—171), 75 Paragraphen (с. 1—39). RII—Ex romano Bibliothecae Vaticanae codice (Siriaco Borgiano nr. 81, с. 171—224), 158 Paragraphen (с. 41—141). RIII—Ex romano Bibliothecae Vaticanae codice (Siriaco Borgiano nr. 81, с. 224—243), 128 Paragraphen (с. 143—183).
28. Liber expugnationis regionum auctore... al-Beladsori quem... ed. M. J. De Goeje. Lugd.-Bat., 1866.
29. *Mac Kenzie D. N.* A Concise Pahlavi Dictionary. London—New York—Toronto, 1971.
30. *Molé M.* La Légende de Zoroastre selon les textes pehlevis. P., 1967.
31. *Neusner J.* A history of the Jews in Babylonia, V. Leiden, 1970.
32. Pahlavi Texts translated by E. W. West. P. IV. Contents of the Nasks.— SBE, vol. XXXVII. Oxf., 1892.

33. Pahlavi Texts translated by E. W. West. P. V. Marvels of Zoroastrinism.— SBE. Vol. 47. Oxf., 1897.
34. Richterliche Urteile des Patriarchen Chenânîschô.— Syrische Rechtsbücher... Bd. 2. B., 1908.
35. *Sachau E.* Von den rechtlichen Verhältnissen der Christen im Sasanidenreich. B., 1907.
36. *Sauvaire H.* Matériaux pour servir à l'histoire de la Numismatique et de la Métrologie musulmanes, traduits ou recueillis et mis en ordre. Complément.— Extrait du Journal Asiatique. P., 1888.
37. *Sundermann W.* Commendatio pauperum. Eine Angabe der sassanidischen politisch-didaktischen Literatur zur gesellschaftlichen Struktur Irans.— Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Altorientalische Forschungen, IV. B., 1976.
38. Synodicon orientale ou recueil de synodes nestoriens, publié, traduit et annoté par J. B. Chabot. P., 1902.
39. Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert... von K. G. Bruns und E. Sachau. Leipzig, 1880. I — Texte; II — Übersetzungen und Erklärung.
40. Thesaurus syriacus, т. 2, ed. R. Payne Smith. Oxonii, 1901.
41. *Levy J.* Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim. Bd. 4. Berlín — Wien, 1924.
42. Encyclopaedia of Islam. Vol. 4. Leyden—London, 1934.

О. Г. Большаков

РАБСТВО В СТРАНАХ ХАЛИФАТА

В середине VII в. в результате арабских завоеваний все восточные провинции Византии (за исключением Малой Азии), а также сасанидский Иран оказались объединенными в одном государстве — Халифате. Это существенно не изменило социально-экономического строя и основных правовых норм завоеванных стран, но распространение новой религии, ислама, привело к тому, что сложилась новая система религиозно-этических ценностей и связанная с ней правовая терминология, замаскировавшая старую сущность многих установлений.

Особенно эти перемены коснулись бывших областей сасанидского Ирана с его четкой сословной иерархией, которую полностью отвергла новая религия, провозгласившая равенство всех единоверцев. Мусульманское право признавало только два принципиальных различия между людьми: мусульмане и немусульмане, а внутри этих групп — свободные и рабы. Для нас в данном случае неважно, что теоретическое равенство свободных мусульман скрывало острые социальные контрасты и противоречия, нас интересуют лишь очевидное и признанное правом неравенство между рабами и свободными, которое новая религия и система права приняли в том виде, в каком оно существовало в момент их сложения.

В советской историографии за последние 35 лет давались различные оценки места рабовладения в социальной структуре Аравии того периода. Здесь мы не будем подробно излагать их сущность; их разбору посвящены специальные статьи (см. [7; 8; 9, 9а]). Можно лишь отметить, что постепенно произошел сдвиг от решительных утверждений о том, что у арабов в это время в процессе разложения первобытнообщинного строя только начинали складываться рабовладельческие отношения, вытесненные затем (после завоевания ими более развитых стран) феодальными, к осторожной констатации существования рабовладельческого уклада без определенной характеристики основной системы социально-экономических отношений (см. [1; 2; 4; 9а; 11]).

Сложность заключается в том, что, с одной стороны, характер социально-экономических отношений в Центральной Аравии в основном определялся уровнем развития окружавших ее стран древних цивилизаций Передней Азии, Месопотамии и

Иемена, а с другой стороны, консервативность кочевого быта привела к тому, что процесс разложения родо-племенных отношений, происходивший при Мухаммаде, не закончился в XIX в. и начался он не в VII в. н. э., а намного раньше. Поэтому было бы совершенно неверно определять социально-экономические отношения Аравии VII в. исходя из того, что мы знаем о бедуинах того времени. Ведь наряду с этими кочевниками Аравия знала Петру и Пальмиру, а в оазисах Йемамы, по всей видимости, издревле существовало развитое земледелие.

В Мекке и Медине, центрах, в которых родился и сформировался ислам, при сохранении тесных родо-племенных связей господствовали развитые товарно-денежные отношения. Давно уже было отмечено, что в Коране отношения верующего с Аллахом выражаются в торговых терминах: «Не покупайте за Мои знамения ничтожную цену» (II, 41, III, 189 и др.); «Благие дела рассматриваются как выкуп от наказания (V, 36) и заем Аллаху» (II, 245); «Не следующие заветам Аллаха останутся в убытке» (VI, 20, 31, VIII, 37 и др.) и т. д. Такие термины могли появиться только в обществе, где люди привыкли к купле-продаже.

Учитывая географическое положение Центральной Аравии, ее экономические и политические связи с развитыми странами, мы должны рассматривать ее как периферию этих стран, повторяющую с некоторым отставанием исторический путь развития.

Для основателя ислама не было никаких сомнений в том, что рабское состояние вполне естественно и не подлежит отмене, ибо оно — лишь проявление воли Аллаха, который может вознести или унизить человека; вознесенному надо неустанно благодарить Аллаха, а униженному — уповать на его милость. Отношения Аллаха и человека рассматриваются как отношения господина и раба и образец для подражания: как Аллах милостив и дает своим рабам средства к существованию, так и хозяин должен проявлять заботу о своих рабах. Но при этом в Коране мы не найдем ни осуждения владения себе подобными, ни характерной для христианства мысли о том, что рабство является наказанием за грехи и что его надо сносить со смирением, чтобы заслужить потустороннее вознаграждение, ни осуждения призыва обращать всех неверующих в рабов [1].

Для Мухаммада главным было убедить слушателей в необходимости принять его учение, поэтому наряду с угрозами страшного суда подчеркивалось, что раб-мусульманин угоднее свободного неверующего, что лучше взять в жены рабыню-мусульманку, чем свободную женщину-язычницу (II, 221). Но внутри мусульманской общины раб или рабыня вдвое хуже свободных, поэтому рабыня за неверность должна нести наказание, вдвое меньшее, чем свободная (IV, 29). Рабы-мусульмане, при-

нимавшие участие в первой, самой важной для Мухаммада битве при Бадре, не имели права на добычу.

Коран не делает никакого правового различия между купленными, захваченными или рожденными рабами. Все они в зависимости от пола называются ʻабд (раб) и ама (рабыня); встречающееся один раз выражение ʻабд мамлӯк (невольник) (XVI, 73) не означает какую-то особую категорию, хотя, судя по другим источникам того времени, термин ʻабд мамлӯк и тогда обозначал «приобретенный раб» в отличие от «рожденный в рабстве».

Часто встречающиеся описательные наименования — «те, кем владеют ваши десницы» (IV, 40, XVI, 73, XXIV, 31, 33, 57, XXX, 27 и др.) и выи (рикāб) — не термины, а обычные для арабской речи метафоры.

Не содержится в Коране и специальных рекомендаций относительно статуса рабов. Они упоминаются только в связи с вопросом о брачных отношениях (II, 221, IV, 29, XXIV, 32) или с необходимостью материальной пени за проступки и нарушение клятв, которая, в частности, может выражаться в освобождении раба (IV, 92, V, 91, LVIII, 4).

Забота о рабах приравнивается к заботе о других подопечных.

«Родителям делайте добро и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу-родственнику, и соседу-чужаку, и близкому другу, и путнику, и *тем, кем владеют десницы ваши*» (курсив наш.— *О. Б.*) (IV, 36). Эта мысль в менее четкой форме встречается и в других местах Корана (XIV, 71, XXX, 28).

Одним из проявлений заботы о рабах считалось содействие их браку (XXIV, 32). Допускалась также женитьба свободных на рабынях-мусульманках, но такая женитьба рассматривалась как крайний случай — при недостатке средств для женитьбы на свободной (IV, 25). При этом не оговаривалось, становится ли рабыня свободной вследствие брака, или ему должен предшествовать акт освобождения. Указанный текст вообще неясен; в нем, например, говорится так: «Женитесь же на них с дозволения их семей и давайте им их плату с достоинством...» (что вряд ли могло относиться к рабыням).

Как известно из других источников, сам Мухаммад дважды женился на рабынях, точнее, пленницах, доставшихся ему как доля его добычи, но не давал им свадебного подарка (махра) [12, с. 441].

Освобождение рабов чаще всего упоминается в качестве эпитимии за нарушение клятвы или нечаянное убийство мусульманина (IV, 94, V, 91, VIII, 4), но оно также признается богоугодным деянием. В одной из ранних сур освобождение раба ставилось в один ряд с такими заслуживающими райского вознаграждения деяниями, как накормить сироту или бедняка во время голода (XC, 13—18). Оно рассматривалось как вознаграждение за добродетельное поведение, поэтому предписыва-

лось предоставлять вольноотпущенному средства для существования (XXIV, 33). Из того же текста явствует, что уже тогда освобождение раба сопровождалось составлением соответствующего письменного свидетельства.

Основные сведения о рабовладении в первоначальной мусульманской общине мы получаем из исторических и биографических сочинений. Они свидетельствуют о том, что в каждой зажиточной арабской семье было по нескольку рабов или вольноотпущенников (мавали). Число последних едва ли не превышало число рабов. Это явление можно объяснить тем, что в аравийском обществе того времени невозможно было найти людей для обслуживания; только лишив человека свободы, можно было заставить его прислуживать. А для этого его надо было вырвать из племени (взять в плен) или как-то иначе обратить в раба. Освобождение раба не лишало семью его услуг, а только больше привязывало к хозяину, оказавшему благодеяние. Материальное положение вольноотпущенника (мавла) могло быть даже лучше положения свободных бедняков, которые, однако, никогда бы не пошли в услужение. Именно этим обстоятельством можно объяснить распространение практики освобождения рабов.

Ряды рабов пополнялись за счет обращения в рабство невыкупленных пленных (практиковались и специальные набеги с целью захвата людей для продажи в рабство) или же покупки рабов извне, главным образом из Африки. С появлением ислама положение не изменилось: во время войн с «неверными» также захватывались пленные, которые наряду с другой добычей делились между победителями. При Мухаммаде дважды захватывалось большое число пленных: в Медине при подавлении сопротивления бану курайза в 626 г.; когда все мужчины были казнены, а женщины и дети проданы в Неджд [19, I, с. 1497], и при покорении племени ал-мусталик, когда было захвачено не менее 200 человек [12, I, с. 542; 19, I, с. 1517]. Случаи долгового рабства в этот период не зафиксированы.

У самого Мухаммада к концу жизни было от полутора до двух десятков рабов[2], отпущенных в разное время на свободу и оставшихся в его доме на положении мавали, пять освобожденных рабынь и две наложницы.

Арабские историки приводят подробные сведения о рабах, и мы можем поэтому знать об их этническом составе и тех путях, которыми они были порабощены и попали к последнему хозяину.

Всего у Балазури, Табари и Ибн Са'да названы имена 22 рабов Мухаммада (двое из них вызывали сомнения у самих историков, и только 17 упомянуты у всех трех авторов): четыре араба, три перса, один йеменец, один абиссинец, один нубиец, один негр и один еврей (о национальности остальных сведения отсутствуют), шестеро — урожденные рабы, один был по-

хищен бедуинами и продан, трое захвачены во время походов Мухаммада. Сам Мухаммад купил четверых, пятеро были подарены (в том числе женами), двое достались при разделе добычи (об остальных сведения отсутствуют).

Безусловно, на основе данных о рабах Мухаммада нельзя сделать вывод о составе и происхождении рабов в Аравии, так как особое положение Мухаммада обусловило то, что значительная часть рабов была ему подарена, но на основании этих данных все-таки можно утверждать, что значительную долю всех рабов составляли рабы по рождению — муваллады ($^1/_3$ всего числа рабов Мухаммада).

Любопытно и то, что из всего количества рабов только об одном известно, что он был занят в хозяйстве (пас дойных верблюдиц), остальные исполняли обязанности прислуги.

В последние годы жизни Мухаммада большинство его рабов, перечисленных в источниках по именам, были вольноотпущенниками и даже сами имели невольников. Так, мавла Абу Рафи, известивший в 630 г. Мухаммада о рождении сына, получил от него в подарок раба, который в одном случае назван «гулам», а в другом «мамлук» [19, I, с. 1686]. Из этого следует, что у Мухаммада были рабы кроме тех вольноотпущенников, имена которых зафиксированы в источниках.

Рабы в то время представляли значительную ценность, так как стоили дорого. Один из мавали Мухаммада, Зайд, был в детстве куплен за 400 дирхемов (33—40 дин.) [3], прославленный муазин Билал был куплен Абу Бакром за 5 унций (36 дин.) [32, VII, с. 112], что почти вдвое превышает цены на рабов в Византии того же времени [38, с. 300] и в Халифате VIII в. Раб стоил столько же, сколько небольшое стадо: за 400 дирхемов можно было купить примерно полсотни овец или пять верблюдов.

При Мухаммаде поступление рабов-военнопленных было невелико, так как большинство племен мирно принимали ислам. Первая значительная волна рабов хлынула в Медину при Абу Бакре, когда началось усмирение отпавших от ислама племен. Пятая часть добычи, присланная халифу из Даба (Оман), составила 700 человек, из Йемена — 500 человек, в ан-Нуджайре (Йемен) была захвачена тысяча женщин [19, I, с. 1979, 1956, 2010] [4].

Но все это затмил поток рабов, хлынувших в страну после начала завоеваний в Сирии, Ираке и Иране. Это были: 1) воины, взятые в плен; 2) мирное население городов, взятых штурмом, и сельское население, которое захватывали в рабство во время осады административных центров [5]; 3) рабы, находившиеся в собственности убитых и изгнанных врагов.

Точно установить общее количество рабов невозможно, так как в источниках обычно говорится только о «множестве пленных». Какое-то представление можно составить лишь о числе подлинных военнопленных, так как оно определяется реальны-

ми размерами армий того времени. В трех крупнейших битвах первого десятилетия (при Ярмуке, Кадисии и Нихавенде) арабам каждый раз противостояли армии около 50 тыс. человек. Учитывая, что часть воинов погибала на поле сражения, а часть армии отступала, вряд ли можно полагать, что максимальное число пленных составляло более 10% ее первоначального состава; во всяком случае, персидская армия отступала от Кадисии в порядке и ни о каком большом числе пленных арабские источники не сообщают. Поэтому максимальное число пленных, захваченных в этих битвах, не могло превышать 10—12 тыс. человек[6]. Мелкие сражения не давали такого количества пленных, но происходили часто, и общее их число оказывалось значительным. Все это приводит к выводу о том, что за десятилетие в сражениях было захвачено не менее 30 тыс. воинов.

Гораздо труднее определить количество мирных жителей, обращенных в рабство, так как вероятный верхний предел не поддается оценке, а, как мы знаем на примере ирано-византийских войн, число угнанных в плен могло достигать сотен тысяч. Арабское завоевание не сопровождалось такими массовыми переселениями. В большинстве случаев речь шла о нескольких тысячах человек. Из большого палестинского города Цезареи (Кайсарии) было уведено 4 тыс. пленных [36, с. 142]; в 640 г. Мусавия угнал из Малой Азии 5 тыс. пленных [23, II, с. 441]. Возможно, что нет особого преувеличения и в сообщениях о том, что в Двине было захвачено 30 тыс. человек [5, с. 5—6], а в Сеистане за 2,5 года — 40 тыс. [36, с. 294]. Как бы скромно ни оценивали мы количество мирных жителей, обращенных в рабство при первых двух халифах, вряд ли оно было меньше 50 тыс. человек. Но какая-то часть из них, несомненно, и до плена была рабами.

Пятая часть рабов (как и всякой добычи) высылалась в Медину в распоряжение халифа. Таким образом, уже к концу правления Омара в Медину и Мекку должно было поступить не менее 15 тыс. рабов; к этому количеству следует добавить и рабов, которые доставались на долю тех участников сражений, кто был из этих городов. Мы не очень ошибемся, если будем утверждать, что число рабов в этих двух столицах приближалось к числу свободных.

Именно поэтому Омар счел невозможным держать в рабстве захваченных ранее арабов. «И сказал он: „Скверно, чтобы арабы владели друг другом, когда Аллах простер перед ними страны и дал завоевывать неарабов". И посоветовал он выкупить пленных времени язычества и ислама, кроме женщин, родивших от хозяина, и назначил выкуп за каждого человека в семь и шесть верблюдиц» [19, I, с. 2012][7].

Характерно, что халиф, располагавший к тому времени значительными средствами, не счел возможным выкупить невольников-арабов, а предоставил сделать это их родственникам.

Тем более невозможным казалось декретировать их освобождение, так как владельцы понесли бы большой материальный урон.

Письменные источники не позволяют судить о том, как использовалось то множество рабов, которое оказалось в Медине и Мекке. Учитывая сложившуюся традицию, можно догадываться, что большинство из них по-прежнему служили в качестве прислуги, а женщины были наложницами. Однако многие были заняты и в производительном труде, так как, во-первых, военные успехи обогатили многих жителей Аравии, занимавшихся ремеслом и сельским хозяйством, и они избавили себя от этого труда, перепоручив его рабам, а, во-вторых, большой отток взрослого мужского населения из оазисов в армию требовал притока новых рабочих рук. Можно думать, что в это время труд рабов частично применялся в хозяйствах тех оазисов, из которых при Омаре были выселены евреи,— Хайбара, Фадака, Таймы.

Некоторые рабы-ремесленники жили отдельно от хозяев, платя им оброк. Так, один из рабов, Мугиры ибн Шу'бы, должен был ежедневно зарабатывать 2 дирхема. Он просил Омара ходатайствовать о снижении платы, но Омар отказал ему в этом и был им убит [19, I, с. 2722]. Рабы, которых получали семьи убитых на войне [31, с. 73—74; 36, с. 142], скорее всего также использовались в сельском хозяйстве или в ремесленном производстве.

После первого наплыва количество рабов в Медине и Мекке стабилизировалось, так как значительная часть воинов постоянно жила в завоеванных странах, где и оставалась их добыча, а, кроме того, столица Халифата после 656 г. переместилась из Медины сначала в Куфу, а затем в Дамаск, куда и направился весь поток новых пленных. Наконец, к этому времени изменился и характер военных действий. Быстрое продвижение арабских войск прекратилось и начались длительные пограничные войны. Лишь в начале VIII в. на крайнем западе и востоке Халифата отмечено новое и последнее продвижение арабских войск — до Пиринеев и Тяньшаня.

Для этого периода в нашем распоряжении имеется мало достоверных сведений о числе пленных. Сообщения об угоне Кутейбой б. Муслимом из Хорезма и Согда по 100 тыс. рабов [19, II, с. 1240, 1246] не заслуживают доверия, так как основываются на рассказах соплеменников полководца, а в этих случаях размеры взятой добычи преувеличиваются во много раз [8]. Другие информаторы обычно говорят о нескольких тысячах пленных, захватывавшихся в каждом походе [9]. Возможно, что несколько преувеличены и сведения Гевонда [5, с. 73—74] об угоне в 718 г. Масламой 80 тыс. пленных из византийских провинций Малой Азии, тем более что Маслама сам с трудом ушел из-под Константинополя. Случаи угона всего населения целого города подтверждаются другим христианским

автором [28, с. 24], но вряд ли все население Кесареи достигало 30 тыс. человек.

Следует отметить, что в это время значительная часть рабов поступала по договорам с побежденными. Классическим примером этого является договор Кутейбы б. Муслима с ихшидом Согда в 712 г., по которому Согд должен был платить «две тысячи тысяч дирхемов немедленно и двести тысяч дирхемов каждый год и три тысячи голов рабов (ракик), среди которых нет детей и стариков... а те рабы (сабй), которых он дает в счет джизьи с земли, будут засчитываться ему: каждая голова по двести дирхемов, а большие куски тканей — каждый кусок по сто дирхемов» [34, VII, 245].

В 722 г. правитель Кеша, боясь вступления арабов в его владения, после жестокого подавления восстания согдийцев обязался поставить в течение 40 дней 6 тыс. или 10 тыс. рабов [19, II, с. 1448]. В 739 г. Мерван, покорив Дагестан, обязал каждое княжество поставлять ему определенное количество пшеницы и рабов: «от 1000 и 500 человек (Серир и Хамзин) до 100—50 человек» [36, с. 367].

Во всех этих случаях речь идет не о порабощении свободных людей, а о расплате уже имеющимися рабами, так что происходило не увеличение их количества, а перераспределение внутри государства. Такая практика существовала и в первые десятилетия арабских завоеваний: Систан в 651 г. поставил 1000 рабов [17, с. 140; 36, с. 39], а в 654 г. — 20 тыс. рабов [17, с. 144], Нубия — 300—400 рабов (в обмен на пшеницу) [36, с. 237—238]. Однако следует отметить, что в то время такие поставки рабов были незначительными по сравнению с большими массами пленных.

При Аббасидах, когда закончились завоевательные походы, поступление новых пленных резко сократилось. Не считая отдельных походов в горные районы Средней Азии и Гиндукуша, военные действия продолжались только в Малой Азии. Ни одна из пограничных с Халифатом областей не опустошалась столь беспощадно и систематически. По сведениям Табари, в первые полвека правления Аббасидов, с 756 по 806 г., в Малую Азию было совершено 33 похода. Многие из них были неудачными для мусульман, и, вместо того чтобы захватывать добычу, они сами попадали в плен; но большинство этих походов давало несколько сотен, а то и тысяч пленных. Историки, естественно, сохранили сведения только о наиболее крупных военных удачах Аббасидов. В 770 г. кроме военнопленных, число которых неизвестно, было захвачено 6 тыс. человек [19, III, с. 371]. В 782 г. во время похода ар-Рашида, дошедшего до Босфора, было захвачено 7733 пленных, из которых убито 2090 [19, III, с. 504]; в 806 г. в Гераклее было захвачено 2700 пленных, на Кипре — 16 тыс. [19, III, с. 709].

Но это были исключительные случаи; обычно число пленных, взятых в каждом походе, редко превышало несколько

тысяч человек. Если учитывать мелкие войны и отправку рабов по договорам, то среднее годовое поступление рабов в Халифат во второй половине VIII—IX в. можно оценить примерно в 10 тыс. К этому следует добавить совершенно неучитываемое количество рабов, ввозимых торговцами живым товаром.

Порабощение десятков тысяч свободных людей, которым сопровождалось образование Халифата, не могло не внести некоторые изменения в социально-экономическую структуру стран, вошедших в состав Халифата. Оценки этих изменений весьма различны, и, чтобы составить представление об этих изменениях, необходимо остановиться на положении рабов в новом мусульманском обществе и показать, какую экономическую роль они играли.

Как мы видим, Коран не отменял рабовладения, а призывал к сносному обращению с рабами. Это послужило основанием для утверждения об особом положении рабов в мусульманском обществе [27, с. 73—74]. Однако следует отметить, что вряд ли в средневековом обществе, где человеческая жизнь ценилась очень дешево, рабы были ограждены от произвола. И если в источниках мы не встречаем сообщений о жестоком обращении с рабами, то только потому, что, как всякое будничное явление, оно не удостаивалось внимания средневековых авторов. Зато у этих авторов мы находим немало сообщений об умерщвлении пленников, чаще всего в отместку за сопротивление, но случались и совершенно бессмысленные жестокости, вроде того случая, когда в Медине халиф Сулейман ради развлечения заставил своих сопровождающих отрубить головы 400 византийским пленникам [19, II, с. 1338].

При Омейядах основная масса рабов находилась в руках воинов, которые получали свою долю добычи. Родо-племенная, особенно административная, верхушка мусульманского общества имела к тому же неизмеримо большие возможности приобретения рабов. Многие военачальники не стеснялись даже уводить в рабство заложников, нарушая таким образом клятвы [10].

Рабы-мусульмане сопровождали своих хозяев в походах, выполняя функции слуг и оруженосцев; многие за верную службу получали освобождение и продолжали нести ту же службу.

Положение вольноотпущенников и роль их в жизни раннего Халифата очень своеобразны. Для мусульманского общества характерно отсутствие юридически оформленного сословного деления, поэтому социальная подвижность была велика. Бывший раб мог занять очень высокое социальное положение, хотя для этого, безусловно, были необходимы особые условия. И первым этапом на этом пути для многих из них становилось положение мавали.

В этом отношении очень характерна судьба семейства рабов, к которому принадлежал Абу Бакра, один из мавали Мухаммада. Он родился в Таифе от Сумайи, наложницы врача ал-Хариса, полученной в виде платы за лечение. Первого сына

ал-Харис признал своим, а второго, Абу Бакру, нашел слишком черным, и тот по матери остался рабом. Затем Сумайя в той же семье была выдана замуж за раба и родила третьего сына — Зийада.

Во время осады Таифа Мухаммад обещал свободу всем перебежчикам, и Абу Бакра с группой рабов бежал из крепости и стал мавлей Мухаммада. Через несколько лет все три сына Сумайи вместе с Утбой б. Газваном, зятем ал-Хариса и основателем Басры, приняли участие в завоевании Месопотамии и поселились в Басре. При этом мы не можем заметить никакой разницы в положении свободного Утбы (кроме того времени, когда тот был наместником), вольноотпущенника Абу Бакры и несомненного раба (видимо, получившего вольную) Зийада. Все они были почтенными членами общества и крупными землевладельцами [12, I, с. 489—505; 36, с. 346—347, 350—353, 364]. Более того, при Му'авие Зийад стал наместником Басры, а затем и Куфы. Сыновья Абу Бакры и Зийада также занимали ответственные посты в государстве.

Особенно показателен для отношения общества к социальному прошлому факт признания родства Зийада с Му'авией, основывавшегося на том, что, когда Сумайя занималась проституцией, к ней якобы заходил отец Му'авии — следовательно, у них один отец. Вне зависимости от основательности этих претензий и причин, побудивших Му'авию признать Зийада своим братом (и некоторого шаржирования этой истории авторами аббасидского времени), сама возможность признания человека столь сомнительного происхождения родственником главы государства говорит о многом.

Безусловно, судьба Зийада, прозванного современниками «сыном своего отца», исключительна; никто даже из числа клиентов Мухаммада не сделал столь блистательной карьеры; это показывает, что личные качества в ту пору играли гораздо бо́льшую роль, чем безупречное происхождение. Правда, для того чтобы они проявились, надо было находиться под покровительством патрона, занимавшего высокое положение в обществе. Кроме того, Зийад и его братья были арабами, что выделяло их из массы вольноотпущенников-неарабов, которых «настоящие арабы» презирали не столько за рабское прошлое, сколько за то, что они отличались от них по внешнему виду, обычаям, языку [11].

Высокое положение патрона защищало вольноотпущенников-неарабов от притеснений рядовых арабов, позволяло вести крупные дела и зарабатывать большие деньги. Большинство выдающихся мавали омейядского времени было клиентами крупных администраторов и полководцев. Варда, мавла Амра б. ал-Аса, начинавший свою карьеру с того, что служил секретарем при оформлении договора с египтянами [19, I, с. 1289], командовал затем отрядом в битве при Сиффине и какое-то время ведал финансами в Египте [36, с. 217]; имя его на не-

сколько столетий увековечила постройка им базара в Фустате Сук Вардан. Мавла Тарик возглавлял передовой отряд арабов, высадившихся в Андалусии, и имя его сохранилось до наших дней в названии Гибралтара. Мавали, командующие войсками, упоминаются во многих описаниях сражений (например, описание сражения ал-Хаджжаджа с Шабибом под Куфой [19, II, с. 966]).

Многие из мавлей владели доходными постройками, например банями. Их материальное положение вызывало зависть у многих арабов. Балазури сохранил рассказ о мавле и хаджибе Хийада по имени Фил, построившем первую и самую большую баню Басры. «Ехали с ним Абу-л-Асвад ад-Дуили и Анас б. Рунайм, он был на превосходном коне, а эти двое — на плохих лошадях, и охватила их зависть, и сказал Анас: „Подхвати-ка, Абу-л-Асвад!“ Тот ответил: „Давай“, и Анас начал:

— Клянусь жизнью твоего отца! Баня Хосроя — две трети бани Фила.

И подхватил Абу-л-Асвад:

— Но не пляшем мы вокруг мавлей, таков обычай наш по завету пророка» [36, с. 354].

Чтобы оценить этот эпизод, надо знать, что Абу-л-Асвад был одним из первых лиц Басры и при халифе Али—кади. Мы не знаем, как отреагировал Фил на эти стихи, вероятно, сделал вид, что не слышал их, но большинство клиентов не могли позволить себе такой роскоши, к тому же рядовые арабы вымещали на них ненависть к разбогатевшим «туземцам». Как свидетельствует нам одна антология X в., арабы омейядского времени «имели обыкновение говорить: „Трое поганят молитву — осел, собака и мавля». Они не называли их по кунье[12], а звали только по именам и прозвищам; они не ходили с ними в одном ряду и не пускали их вперед на торжественных выходах; а если они присутствовали на трапезе, то стояли позади. А если угощали маулу из уважения к его возрасту, достоинствам и знаниям, то сажали на проходе[13], чтобы ни от кого не было скрыто, что это — не араб. Не приглашали их читать молитву над покойником, если присутствовал кто-то из арабов, даже если это был уважаемый человек. А тот, кто сватался к женщине, обращался не к ее отцу и не к ее брату, а к ее патрону: если тот соглашался, то он женился, а если нет — не женился. А если отец или брат выдавал ее замуж без согласия патрона, то брак считался недействительным, даже если муж ее уже вошел к ней — это считалось просто сожительством без брака» [13, II, с. 90].

Несмотря на то что ранний ислам, как мы видели, либерально относился к бракам с рабынями или вольноотпущенницами[14], арабы считали позором отдавать своих дочерей за клиентов-чужеземцев, так как их дети принимали статус отца. В известной антологии арабской поэзии «Китаб ал-агани» сохранилось несколько примеров тому, насколько противоестествен-

ными казались современникам подобные браки [30, I, с. 127—131]. Это представление сохранилось и до более позднего времени, когда арабы утратили привилегированное положение и утихли межплеменные распри. Мусульманские юристы к религиозным критериям допустимости брака между людьми различного социального положения добавили понятие «равноценности в браке» («ал-акфа»). Аш-Шайбани (ум. в 814 г.) приводит в «Джам' ас-сагир» слова своего учителя Абу Ханифы, согласно которым браки следует заключать между равными по положению сторонами: «Все курейшиты равны между собой, все остальные арабы равны между собой, а из клиентов приравниваются к арабам мусульмане в третьем поколении, имеющие средства для уплаты свадебного подарка» [16, с. 32].

Кроме клиентов, упоминаемых с указанием патрона, встречаются столь же многочисленные определения по принадлежности их к племени. В подавляющем большинстве случаев это означает лишь то, что либо в памяти информаторов не сохранилось имя патрона, либо в данном случае было важно только то, к какому племени он относился. Но, видимо, в некоторых случаях мы имеем дело с иной категорией зависимых лиц. Обычно мавла был связан со своим господином бывшей принадлежностью ему, которая после освобождения приобретала характер морального обязательства, и это обязательство нельзя было нарушить ни односторонне, ни по обоюдному согласию, так же как нельзя расторгнуть родственные узы.

Тем не менее мы встречаемся с какими-то группами зависимых лиц, которые также назывались мавали, но находились в иной, менее тесной связи со своими покровителями. В отрывке из трактата ал-Джахиза «Книга о мавали», сохраненном в «Икд ал-фарид», сообщается, что после подавления ал-Хаджжаджем восстания басрийцев в 694—695 гг., когда тот увидел, что большинство восставших составляли «правоведы, воины и мавали», то «прибыл он к мавали и сказал: „Вы инородцы и неарабы, ваши деревни вам больше подходят" — и рассеял он их и вырвал с места, как желал, и обращался с ними, как хотел, и нанес (накаша) на руку каждого мужчины из них название местности, в которую он выслан» [13, II, с. 92].

Описываемая здесь мера наказания участников восстания — высылка «в свои деревни» — была бы невозможна, если бы речь шла о клиентах отдельных лиц или семей, постоянно живущих с ними или при них. Видимо, речь идет о какой-то иной форме отношений покровительства и зависимости типа коммендаций, признания целыми селениями или группами населения покровительства определенных арабских племен. Такие покровительствуемые сохраняли свободу передвижения и могли переселяться в города, оставаясь в зависимости и под покровительством тех же патронов.

Другой пример существования мавали, жизнь которых непосредственно не была связана с жизнью определенного пле-

мени или лицом, мы находим в Хорасане начала VIII в. Как известно, мавали сопровождали своих патронов в военных походах, участвуя вместе с ними в боях. В Хорасане же существовал семитысячный отряд мавали под командой Хаййана ан-Набати, мавли Маскали аш-Шайбани [19, II, с. 1291]. Упоминается и о 20 тыс. мавали Хорасана (цифра, видимо, преувеличенная), которые участвовали в сражениях, но не получали жалованья [19, II, с. 1354].

Первую попытку официально уравнять клиентов с остальными мусульманами предпринял Омар II. Видимо, он изменил положение воинов-мавали в Хорасане и назначил двух мавали кадиями в Египет, но последнее вызвало большое возмущение арабов, и после его смерти положение мавали стало прежним. Только с приходом Аббасидов права мусульман разного этнического происхождения уравнялись, хотя, конечно, отношения клиентелы совсем не исчезли. Однако со второй половины VIII в. мавали как большая социальная группа исчезают: с одной стороны, утрачиваются прежние узы клиентов во втором, третьем поколениях, с другой стороны, сокращается поступление новых рабов, да и сами отношения патрона и клиента с ослаблением родо-племенных традиций приобретают несколько иной характер.

Презрительное отношение *чистых* арабов к арабизированным клиентам, их твердое убеждение в неспособности этих людей правильно говорить по-арабски, неспособности к стихотворной импровизации и т. д. заставляло последних (для утверждения своего достоинства) интенсивно изучать арабский язык, особенно Коран и религиозное предание, сунну. Глубокое знание этих предметов служило компенсацией незавидного прошлого и «неуважаемого» происхождения. А поскольку на Коране и сунне строилось мусульманское право, то неудивительно, что первый мусульманский юрист Абу Ханифа был потомком раба. Это обстоятельство наложило некоторый отпечаток на формирование установлений, касающихся прав рабов. Конечно, ни в те, ни в другие, более поздние времена само по себе рабское прошлое вовсе не обязательно вызывало отрицание рабства, как такового: бывшие рабы сами охотно обзаводились подневольными людьми, если имели на то средства, но память о презрительном отношении к ним как к инородцам вела к подборке таких высказываний и текстов при определении прав рабов, которые отчетливее выражали мысль о равенстве всех мусульман независимо от их происхождения.

Разрозненные правовые установления Корана были совершенно недостаточными для формирования на их основе новой правовой системы. Такую основу мусульманские юристы нашли в предании о словах и поступках пророка, сунне, зафиксированных в виде отдельных рассказов (хадисов). Проблема их критики до сих пор остается нерешенной, отделить сфабрикованные передатчиками высказывания от подлинных удается толь-

ко в случае их крайней очевидной тенденциозности, связанной с более поздними событиями; в остальных случаях приходится использовать их если не как подлинные слова Мухаммада, то по крайней мере как общераспространенное мнение ближайших его сподвижников. И то, и другое отражало бытовавшие в VII в. этико-правовые представления, скорректированные в соответствии с догматами новой религии. Поэтому не приходится удивляться, что большинство правовых установлений, не связанных с отправлением культа, в частности законодательство о рабах, мало отличается от византийского и сасанидского права.

Мусульманское право исходит из презумпции свободы всех мусульман как естественного состояния «ал-асл хува ал-хуррийа» — «основа—свобода» — и того, что они не могут быть обращены в рабство в пределах мусульманских владений, хотя принятие ислама рабами не аннулирует прежние отношения зависимости. Показательно в этом отношении определение статуса найденышей в ханифитском праве. Младенец неизвестного происхождения, найденный в населенной мусульманами местности, считается мусульманином и свободным; заявление, что найденыш чей-то раб, не принимается, если нет явных доказательств, тогда как признание любого лица, что найденыш — его ребенок, принимается на веру без доказательств. Но и в этом случае презумпция изначальной свободности определяет все отношения: если раб заявляет, что найденыш является его ребенком, то отцовство признается без доказательств, но ребенок остается свободным; если права отцовства предъявляет иноверец, то отцовство также признается без доказательств, но ребенок считается мусульманином [37, с. 176—179].

Однако бесспорное и признанное юристами всех школ положение о недопустимости обращения мусульман в рабство на практике соблюдалось не слишком строго, поскольку любого мятежника или инакомыслящего можно было бы считать истинным мусульманином. В качестве примера можно привести продажу с аукциона пленных мусульман: женщин, детей и мавали — сторонников хариджита Хариса б. Сурайджа в Балхе в 118/736 г. [19, II, с. 1589]. В том же году наместник Хорасана, увещевая одного из эмиров не присоединяться к тому же Харису б. Сурайджу, грозил в случае неповиновения продать с аукциона его жену и семью [19, II, с. 1599]. В 1077 г. в Каире продавали большое количество пленниц-мусульманок, захваченных при подавлении мятежа берберов.

Кроме того, карматы, совершая набеги на Сирию, Палестину и Ирак, со столь же спокойной совестью обращали в рабство правоверных мусульман (см., например, [19, III, с. 2257]. Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но для нас важно лишь продемонстрировать условность положения о недопустимости обращения мусульман в рабство.

Точно так же мусульманское право запрещало долговое раб-

ство как мусульман, так и немусульман. Недобросовестные должники подлежали уголовному наказанию. Это, правда, не касалось взаимоотношений иноверцев, которые подчинялись нормам своего права.

Однако это положение нередко нарушалось, особенно в голодные годы, когда жители городов вымирали десятками тысяч и родители были готовы на все, чтобы сохранить жизнь своим детям. Наиболее распространенной была продажа девочек. Красноречивейшее свидетельство находим мы у одного из авторов начала XIII в., который был очевидцем ужасного голода 1200—1201 гг. в Каире.

«Одна женщина просила, чтобы я купил ее красивую несовершеннолетнюю дочь за 5 дирхемов[15]; я разъяснил ей, что это — запрещенный поступок, а она сказала: „Тогда возьми ее в подарок". Часто женщины и дети, в том числе и красивые, наперебой предлагали купить их или продать. И многие позволяли себе это сделать и, обращенные ими в рабство[16], попадали в Ирак, отдаленные области Хорасана и другие места... Самое удивительное из всего, что мы сообщаем, что люди, несмотря на череду этих знамений, поклонялись идолам своих страстей и не переставали погрязать в пучине своих пороков, словно они не подвергнутся наказанию. Сюда относятся торговля свободными, будто это торговля дозволенная и обычная, и разврат с этими женщинами; один из этих людей утверждал, что лишил невинности 40 девственниц, а другой — 70; и все это — за ломаные гроши» [26, с. 248].

К моменту формирования мусульманского права в арабском языке употреблялось несколько названий для рабов кроме ʻабд и ама, встречавшихся в Коране: джария и васифа (для рабыни), гулям, васиф и мамлук (для раба) и собирательное — ракик (рабы вообще). Но это не отражало никаких различий в фактическом или правовом положении. Юридическая литература продолжает в основном употреблять термины ʻабд и ама; встречающиеся иногда гулям, мамлук, джарийа не имеют терминологического значения.

С точки зрения юристов, раб соединяет в себе свойства вещи и человека, являясь аналогом домашнего животного. В юридической литературе мы не находим римского определения раба как говорящего инструмента, но отголосок этого понятия мы находим в трактате о торговле «Китаб махасин ал-тиджара» ад-Димашки XI в., где раб причисляется к «говорящему имуществу» наряду со скотом [15, с. 3]. Работорговец и торговец скотом назывались одинаково — наххас, и ребенок рабыни иногда назывался ғалла — «приплод».

Мусульманское право, как и византийское, не признавало за хозяином права на жизнь раба, но в отличие от последнего предусматривало обязанность хозяина не изнурять раба непосильной работой и хорошо кормить. «На обязанности хозяина лежит содержание его раба или рабыни, а если он отказыва-

ется и у них есть возможность добывать пропитание, то должны зарабатывать и содержать себя сами, а если нет у них возможности добывать пропитание, то хозяина следует принудить продать их [37, с. 76—77]. Ал-Газали идет дальше и считает, что рабы должны иметь ту же одежду и пищу, что и хозяева: «Не мучайте тварей Аллаха, потому что Аллах дал их вам в собственность, а если бы захотел, то отдал бы вас в их собственность» [14, II, с. 185].

Но, безусловно, все эти предписания были только благими пожеланиями; силу закона они не имели и за нарушение их не предусматривалось никакого наказания. Надзор за обращением со скотом и рабами лежал на мухтасибе, и, следовательно, наказание было оперативным, но нам не известно ни одного случая, когда хозяина наказали бы за жестокое обращение с рабом или вынудили бы к продаже раба при отсутствии у того средств на его содержание. Зато нам известны случаи, когда в голодные годы хозяева оставляли рабов на произвол судьбы и те занимались разбоем.

Как и всякая собственность, раб мог принадлежать нескольким владельцам, каждый из которых имел право продать свою долю и даже освободить. При этом совладелец мог последовать его примеру и либо выплатить первому стоимость его доли и владеть рабом целиком, либо заставить раба отработать его долю. При этом в зависимости от того, состоятельны ли оба владельца или только один из них, возникали различные коллизии, которые неравнозначно оцениваются разными авторитетами мусульманского права [37, с. 236—239].

Обычный раб, находящийся в полной и безусловной собственности хозяина, в юридической литературе называется кинн. Он не имеет права заключать сделки, не имеет свободы передвижения, и все его имущество является собственностью хозяина. Как неправоспособный, он не несет ответственности за долги.

Если хозяин разрешает рабу вести торговлю, то раб становится дееспособным во всем, что касается торговли, ма'зун — «получивший разрешение» может покупать и продавать, брать и давать в долг, брать и отдавать вещь в залог, но не приобретает других прав свободного человека, не может освобождать рабов, делать дарения, женить подопечных и т. д. Все долги торгового характера лежат на рабе, и в обеспечение их он может быть продан заимодавцем, если хозяин не пожелает выкупить его долги.

Разрешение на торговую деятельность может быть отменено хозяином, но отмена вступает в силу только с момента оповещения торговцев данного базара. Относительно судьбы имущества, заработанного во время торговли, мнения юристов расходятся. Абу Ханифа считал, что оно остается в собственности раба, а Абу Йусуф и аш-Шайбани полагали, что оно является собственностью хозяина [37, с. 228—229].

Ма'зун может быть освобожден без выкупа и условий, как любой другой раб. Акт освобождения считается действительным, даже если за ним числятся долги (в этом случае гарантом их выплаты выступает хозяин).

Деятельность ма'зуна, позволявшая накопить некоторые средства, открывала путь к освобождению посредством выкупа. Раб, заключивший с хозяином письменное соглашение о выкупе, назывался мукатабом. Соглашение о выкупе определяло сумму выкупа, срок его внесения и условия выплаты (в рассрочку или единовременно, с указанием времени уплаты каждого взноса). Положение мукатаба практически ничем не отличалось от положения крепостного на оброке, с той лишь разницей, что письменный договор имел бесспорную юридическую силу и хозяин не мог без согласия мукатаба изменить его условия или отказаться от освобождения.

С момента заключения договора хозяин утрачивал часть власти и над личностью раба, который «выходит из его рук, но не выходит из его собственности» [37, с. 349]. Особенно заметно меняется положение рабыни: после заключения договора хозяин теряет право принудительного сожительства с ней, она приобретает статус посторонней женщины, и за совокупление с ней хозяин платит ей штраф за оскорбление (ʿукр). Как и ма'зун, мукатаб получает полную свободу передвижения и свободу экономической деятельности, право на приобретение собственности; его дети, рожденные после заключения договора, становятся свободными по его выполнении. Однако мукатаб не имеет права жениться без разрешения хозяина и делать большие подарки и пожертвования (даже благотворительные), поскольку это может замедлить выплату выкупа.

Если мукатаб просрочит уплату очередного взноса, то ему может быть предоставлена отсрочка, которую разные юристы определяют по-разному; но после истечения времени отсрочки договор аннулируется, и мукатаб становится в полном смысле этого слова рабом (кинн). Если же платежи вносятся исправно, то договор не расторгается даже после смерти мукатаба и его хозяина — все права и обязанности переходят к их наследникам.

Обе категории рабов, пользующихся привилегиями, не были нововведениями мусульманского времени; мы встречаемся с ними и в позднеримском и в сасанидском праве. Как мы уже видели, рабы, отпускаемые на оброк, имелись в Медине уже в первое десятилетие существования Халифата.

Мы не располагаем данными о том, насколько было распространено освобождение за выкуп. Нарративные источники упоминают почти исключительно освобождение по воле хозяина или посмертно по особому завещанию (тадбӣр), так как это считалось актом благочестия. Возможно, что это обстоятельство создает несколько ложное впечатление о соотношении различных путей избавления от рабства.

Освобождение по завещанию также восходит к домусульманскому времени (см. выше), совпадая даже в том, что закон ограничивал количество рабов, которые могли быть освобождены таким образом [17]. Новым было лишь то, что обещание вольной после смерти необязательно было частью общего завещания; впрочем, юристы расходятся в определении статуса раба-мудаббара: ханифиты полагают, что он находился на особом положении и не мог быть ни подарен, ни продан [37, с. 244—245], а шафииты признают право хозяина продать его и подарить [40, с. 126; 33, с. 61, 47 ар.], что уравнивает мудаббаров с рабами, освобождаемыми по завещанию без персонификации.

Во всех случаях между освобожденным рабом и его бывшим хозяином или наследником сохранялись особые отношения. Даже утробный младенец освобождаемой рабыни становился клиентом бывшего хозяина матери.

Особенно бесправным было положение рабыни, которая прежде всего рассматривалась как наложница. Никаких ограничений в этом отношении не имелось. Не допускалось только сожительство с ней двух хозяев, если она принадлежала не одному (хотя для отдельного владельца это было естественным осуществлением права собственности), поскольку это противоречило принципам мусульманской морали. (Ограждалась, таким образом, не личность рабыни от лишних притязаний, а душа мусульманина-рабовладельца от греха.) Рабы имели право на семейную жизнь, но брак считался действительным только при согласии хозяина [18]. После замужества рабыни хозяин терял право на сожительство с ней. Процедура развода рабов была той же, но несколько проще, чем для свободных. Для этого не требовалось разрешения хозяина; хозяин же не мог развести рабов-супругов [33, с. 86—87] [19]. В отличие от свободного раб мог иметь двух законных жен [24, с. 198, № 728], но не имел права на наложницу.

Женитьба свободного на рабыне разрешалась только в случае, если у него не было свободной жены. Дети от такого брака считались свободными. Жена-рабыня имела половинные права на все, даже на посещение мужа.

Особую категорию рабынь составляли наложницы, родившие от хозяина,— умм валад (мать ребенка). Их дети были свободными от рождения, и они сами не могли быть проданы или подарены и после смерти хозяина оставались свободными.

В религиозном отношении раб признавался равным свободным единоверцам, но был ограничен волей хозяина в свободе передвижения, и поэтому для него присутствие на пятничной молитве не считалось обязательным, отсутствие имущества не позволяло делать обязательные для мусульманина взносы, например закат ал-фитр. Раб мог быть предстоятелем на молитве (имам), но только при отсутствии свободных мусульман, способных руководить молитвой. Ни одна религиозная должность

не могла быть поручена рабу, например, должность судьи, мухтасиба, имама мечети на жалованье.

Сравнивая мусульманское законодательство о рабах с римским правом, некоторые европейские исследователи отмечают его *мягкость* [27, с. 73—74]. С этим нельзя не согласиться, но следует учитывать два обстоятельства: во-первых, либеральные высказывания отдельных мусульманских юристов не обязательно имели силу закона, во-вторых, сравнивать мусульманское законодательство о рабах нужно не с законодательством Римской империи, а с византийским и сасанидским правом. В последнем случае мы видим, что различия эти очень невелики.

Многочисленные побеги рабов свидетельствуют о том, что положение их было отчаянным. По закону, нашедший раба получал от хозяина вознаграждение в 40 дирхемов (10—15% стоимости раба и примерно месячный заработок ремесленника). Осуществить же побег удавалось далеко не всем. К чести тогдашнего общества, никто из хозяев не додумался клеймить своих рабов, а бежавшие рабы, не желая возвращаться к прежнему хозяину, предпочитали сидеть в тюрьме, чем назвать его имя. По авторитетному свидетельству Абу Йусуфа, знаменитого юриста и верховного судьи Багдада, при ар-Рашиде (конец VIII в.) все тюрьмы Ирака были переполнены такими бесхозными рабами [16, с. 113].

Те, кому удавалось скрыться, становились бродягами и разбойниками, часто основной ударной силой народных волнений.

Кратко изложенные нами положения мусульманского права о рабах, сложившиеся в VIII — начале IX в., сохранялись почти без изменений на протяжении всего средневековья, лишь обрастая комментариями. На них мало влияли изменения, происходившие со временем в реальной жизни.

Как говорилось выше, после окончания завоевательных походов количество рабов в Халифате стабилизировалось, и значительно выросло значение ввоза рабов. При Аббасидах рабов в Халифат поставляли в основном тюркские степи Евразии и Черная Африка.

Важнейшим центром торговли тюркскими рабами был Самарканд; сюда свозили пленников из степей, и здесь же они проходили обучение у работорговцев. Юношей обучали военному делу, а девушек — танцам и пению, что значительно повышало их цену. Рабы самаркандского воспитания славились на всем мусульманском Востоке [22, I, с. 318, III, с. 278]. Эти тюркские юноши — гулямы — пополняли гвардию саманидских эмиров и самих халифов. Другой поток невольников, из Поволжья, шел через Дербент.

Черные рабы в основном ввозились из Восточной Африки (от Эфиопии до Занзибара.). Аравийские купцы скупали рабов у прибрежных племен, а при случае захватывали обманом при-

брежных жителей. Рабы поставлялись в Аравию через Аден и Зуфар или морем, через Басру в Ирак. Рабы-негры, или зинджи, как их называли в то время, как правило, использовались на черных работах, а негритянок охотно покупали в наложницы. Несколько меньший поток черных рабов шел из Нубии и Западного Судана в Египет.

Количество рабов, поступавших из Европы, было менее значительным, но именно из них выбирались евнухи, столь необходимые для многочисленных гаремов [6, с. 279].

Авторы средневековья не приводят сколько-нибудь достоверных цифр, определяющих количество рабов, которые поступали в процессе *дальней* торговли. Вряд ли можно верить сообщению, сохранившемуся в полной версии географии ал-Истахри об оманском купце, у которого в 935 г. при пожаре погибло 120 тыс. черных рабов [22, I, с. 139, примеч.].

Некоторое представление о количестве ввозимых рабов дают сообщения о поставках их в счет вассальной дани. Так, известно, что в 211—212/827—828 гг. Хорасан и Мавераннахр поставляли по 30 тыс. рабов ежегодно, а Кабулистан — 20 тыс. [22, VI, с. 37, 39]; несколько позднее Тахириды ежегодно поставляли из своих владений 20 тыс. рабов [22, VI, с. 89]. Безусловно, это составляло лишь часть всего количества рабов, проходившего через невольничьи рынки Хорасана и Мавераннахра.

Единственную достоверную цифру, позволяющую косвенно представить объем работорговли, дает Ибн Шаддад. По его сведениям, в Халебе при Йусуфе II (1236—1260) невольничий рынок приносил доход в 100 тыс. дирхемов в год [42, с. 151]. Если учесть, что торговый сбор составлял около 5%, а сирийский дирхем того времени равнялся $^{1}/_{20}$ дин., то окажется, что на этом рынке рабов продавали на сумму около 100 тыс. дин.; а так как средняя цена раба составляла 25 дин., то, следовательно, за год в Халебе продавалось около 4 тыс. рабов и рабынь. Конечно, какое-то количество рабов поступало на рынок вторично; продавались также не только рабы, привезенные издалека, но и местные и т. д. Видимо, такое же число продаж можно ожидать и в более раннее время в городах примерно того же размера.

В результате в столице Халифата скапливалось огромное количество рабов. Низам ал-Мульк в «Сийасет-наме» пишет, что у Халифа Му'тасима будто было 70 тыс. тюркских и берберских гвардейцев-рабов [41, с. 45]. Цифра эта явно преувеличена, но более достоверные источники позволяют насчитать при дворе до 15 тыс. гулямов и 7—10 тыс. слуг. К этому следует добавить многочисленных рабов у придворных и столичных богачей. Вряд ли мы ошибемся, если оценим общее количество рабов в Багдаде в IX в. в 50—70 тыс. (около 15% населения). Примерно столько же рабов было и в других столицах крупных государств, например в фатимидском Каире.

Однако следует заметить, что число рабов уменьшалось по мере удаления от столиц.

Эти гигантские цифры количества рабов, зачастую преувеличенные, вызывают законный вопрос, какова была их роль в экономике средневекового общества.

Больше всего у нас сведений о невольниках, составлявших гвардию, гулямах. Огромная роль, которую они играли в дворцовой жизни, обеспечила им множество упоминаний в письменных источниках самого различного характера. Важно отметить только одно, что эта категория невольников по своему социальному и материальному положению стояла выше основной массы свободных, являя исторический парадокс группы наиболее бесправного населения, находившегося в привилегированном положении. Преимущество их перед остальными рабами состояло еще и в том, что они принадлежали хозяину, который не мог вмешиваться в их жизнь. А в повседневной жизни они подчинялись своим командирам, которые не были их хозяевами, и, следовательно, отношения между ними мало отличались от тех, что существуют в любой наемной армии между начальниками и подчиненными.

Основной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. Рабы обслуживали все нужды богатой семьи: от уборки дома и доставки воды до воспитания детей и участия в важнейших коммерческих мероприятиях хозяина. Двор халифа в этом отношении отличался только тысячекратно увеличенным количеством рабов.

Бóльшую часть домашних рабов составляли женщины: служанки жен, няньки, уборщицы. Мужчин было меньше, и они были, как правило, связаны с делами хозяина дома и нередко являлись их доверенными в коммерческой деятельности, сопровождая хозяев в поездках и выполняя самостоятельные задания.

В целом можно сказать, что функции и положение домашних рабов были примерно одинаковыми на всех этапах существования рабства, поэтому нет смысла подробнее останавливаться на этом, тем более что мусульманское право подробно освещает именно взаимоотношения между домашним рабом и хозяином (лишний раз доказывая, какое исключительное место занимали они в жизни общества). Применение рабского труда в домашнем хозяйстве было наиболее живучим, позже всего вытеснялось наемным трудом, так как в слуге ценились отсутствие личного начала, безропотность и верность, не ограниченное временем исполнение своих обязанностей. Недаром русских помещиков XVIII в., привыкших к рабской покорности дворни, больше всего возмущали во Франции «дерзость» и «лень» наемных слуг.

Наиболее сложен вопрос о доле участия рабов в производительном труде общества. Широкое применение рабского труда в сельском хозяйстве известно только при Омейядах. У пер-

вого халифа этой династии Му'авии в поместьях Хиджаза и Йамамы трудились 4 тыс. рабов [35, с. 130], в несколько меньших масштабах использовали их другие представители этой семьи и верхушка мусульманской общины. Однако большинство сведений подобного рода относится к Аравии. Это, видимо, не случайно. Во-первых, как раз в Хиджаз на первом этапе завоеваний поступала значительная часть рабов; во-вторых, в Аравии трудно было найти людей, которых можно было использовать в роли арендаторов-издольщиков или батраков. В Ираке, Сирии и Египте с многочисленным крестьянством проблема обработки земли не возникала: все пригодные к обработке земли были заселены арендаторами, не было никакого смысла сгонять их с земли, чтобы заменить рабами.

При Аббасидах мы не знаем о применении массового рабского труда в Аравии, быть может, потому, что рабы омейядских латифундий постепенно превратились в свободных арендаторов. Единственный известный нам случай использования большого количества рабов в сельском хозяйстве относится к Нижней Месопотамии, где тысячи рабов-негров использовались для расчистки солончаков и рекультивации заболоченных земель [3, с. 143]. Здесь мы имеем дело с классическими формами рабского труда: работа под присмотром надзирателей, жизнь в казармах и т. д. Этот опыт оказался во всех отношениях неудачным: во-первых, этот район, по-видимому, так никогда и не был надолго рекультивирован; во-вторых, тяжелые условия труда и концентрация большого количества недовольных в одном месте привели к восстанию, с которым власти не могли справиться многие годы, что в конце концов привело к запустению этой местности. Других опытов подобного рода мы не знаем.

Лишь полтора века спустя в Бахрейне мы встречаемся еще с одним случаем широкого использования рабского труда в сельском хозяйстве. По свидетельству Насири Хосрова, проезжавшего через эти края в 1051 г., карматское государство Бахрейна имело 30 тыс. рабов, занимавшихся земледелием и садоводством. За счет их труда правители смогли отменить налоги со свободных подданных и помогать беднякам [39, с. 82]. Возможно, что приводимая путешественником цифра округлена в сторону преувеличения, но сам факт не вызывает никакого сомнения. Это, пожалуй, единственный случай рабовладельческого средневекового государства и единственный на мусульманском Востоке факт существования государственных рабов.

В остальных случаях мы имеем сведения об отдельных рабах в роли пастухов и садовников, которые, по существу, представляют собой модификацию домашних рабов.

Чем же объяснить господство рабского труда в сфере домашнего хозяйства? Причина прежде всего экономическая. Раб был предметом роскоши. Средняя цена взрослого мужчины, не имевшего хорошей профессии, составляла около

20 дин., что равнялось стоимости пары рабочих быков и коровы с теленком. Ни один ремесленник высокой квалификации, зарабатывавший в месяц около 2—3 дин. [21, с. 62—65, 218, 224—226], не мог себе позволить купить такого дорогого помощника. Поэтому во всех случаях, когда мы имеем сведения о рабах-ремесленниках, необходимо иметь в виду, что они принадлежали не их собрату по профессии, а богатому человеку, не имеющему с ней ничего общего; ремесленнику было выгоднее нанимать того же раба, работающего на оброк хозяину.

Эта же причина делала нецелесообразным применение рабского труда в сельском хозяйстве. Средний крестьянин-землевладелец также был не состоянии купить раба, а крупному землевладельцу было проще иметь дело со свободными издольщиками, так как разница между рентой, получаемой от издольщика, и всем продуктом, производимым рабом, ненамного превышала расходы по его содержанию.

Если мы возьмем в качестве примера участок земли, который в состоянии обрабатывать один человек, т. е. примерно 4—5 га, под посевом пшеницы, то мы получим следующую картину: урожай с этого участка составил в среднем 50—60 ц пшеницы, которые стоят 25—30 дин., из этого количества батрак, не имеющий тягла, собственного инвентаря и семян, должен получить $^1/_5$, т. е. 5—6 дин., а содержание раба обойдется в 2—3 дин. в год. Таким образом, стоимость раба окупится только через семь лет, но при этом хозяин должен следить за его работой, вдобавок рискует потерять раба — он может бежать или заболеть.

Таким образом, применение рабского труда в сельском хозяйстве могло быть экономически оправдано только при одном из двух условий: если рабы достаются даром (военнопленные) или если из-за недостатка рабочих рук наем свободных работников обходится слишком дорого. В действительности мы сталкиваемся только с первым: так было в эпоху арабских завоеваний и при монголах [10, с. 5—9].

Рабы на средневековом мусульманском Востоке были своеобразным предметом роскоши, средством обеспечения комфорта богатой семье. Будучи наиболее бесправной группой населения, они в то же время в массе были не производителями, а потребителями прибавочного продукта общества, создаваемого в основном трудом свободных крестьян. Тот факт, что почти в течение всего средневековья поток рабов шел на мусульманский Восток, а не из него (речь идет только о покупке рабов), свидетельствует прежде всего о том, что здесь господствующие классы обладали бóльшей массой прибавочного продукта, чем в соседних классовых обществах.

[1] Неверующих предписывалось уничтожать в бою, оставшихся брать в плен, а затем отпускать на волю или брать выкуп. «Затягивайте веревки, а потом — милость или выкуп, когда война сложит свою ношу» (XLVII, 4). Здесь и далее переводы автора.

[2] О некоторых из них известно только то, как их звали, и средневековые историки высказывали сомнения в том, что у Мухаммада были такие рабы.

[3] Реальность этой цены подтверждается тем, что Абу Бакр в 633 г. разрешил выкупить йеменских пленных по 400 дирхемов за каждого [36, с. 104].

[4] Обычное название этих невольников — «сабй», переводится как «пленные». Однако в некоторых случаях речь идет не о свободных, попавших в плен, а о рабах, отдаваемых по договору как часть имущества. Так, во всяком случае, выглядит это в договоре между Халидом б. ал-Валидом и йеменцами, по которому они сначала должны были отдать «половину желтого и белого» и «половину сабй» [19, I, с. 1952—1953]. Невозможно представить, чтобы половина осажденных согласилась без боя отдаться в рабство. Ясность вносит другой вариант (со слов Абу Хурайры), в котором вместо «нисф ас-сабй» говорится о «нисф ал-мамлукӣн» («половина невольников») [19, I, с. 1954].

[5] Например, об осаде Ракки говорится: «Он (командующий арабским войском) объехал вокруг города, поставил у ворот заставы, затем вернулся в свой лагерь и разослал разведывательные отряды, и вернулись они с пленными из деревень и множеством продовольствия» [36, с. 173]. О том же военачальнике говорится: «Послал передовые отряды впереди себя, и захватили они крестьян, и взяли в добычу скот врага; затем жители города (Айн Варда) закрыли ворота и поставили на них метательные машины» [36, с. 176].

[6] Сообщение Куфи о 40 тыс. пленных, захваченных при Ярмуке, является явным преувеличением [33, I, с. 269].

[7] Из этого следует, что для выкупа рабов-арабов не было сделано скидки, так как верблюд стоил около 4—5 дин., и, следовательно, выкуп обходился в 25—35 дин., что составляло обычную цену взрослого раба.

[8] Другие информаторы говорят о взятии Кутейбой в Хорезме 4 тыс. пленных, которые затем были казнены [19, II, с. 1238; 36, с. 421]. Халифа б. Хаййат пишет о 10 тыс. рабов, полученных по договору с хорезмшахом [17, с. 309]. Точно так же аздитская племенная традиция приписывает своему герою ал-Мухаллабу захват в Хорезме добычи стоимостью в 50 млн. дирхемов [19, II, с. 394], а другие источники приводят более скромную цифру — 400 тыс. дирхемов.

[9] Так, Убейдуллах б. Зийад увел из Бухары и Пайкенда 4 тыс. пленных [25, с. 36].

[10] Общеизвестен случай, когда наместник Хорасана Са'ид б. Усман, сын халифа, взял в Самарканде знатных заложников для обеспечения безопасного возвращения, но не отпустил их у Амударьи, а увез в Медину, где заставил работать на своих землях [36, с. 411; 20, V, с. 117].

[11] Многочисленные примеры см. [30, I, с. 117—132].

[12] Уважительное именование по сыну: Абу Зейд, Абу Ахмад — отец Зейда, отец Ахмада.

[13] **Фӣ ṭарӣк ал-ḫаббāз**, букв. «на пути хлебника», видимо, на проходе, по которому слуги подносили хлеб.

[14] Например, Абу Хузейфа женил своего вольноотпущенника Салима на дочери свободного ал-Валида б. Утбы [32, III, I, с. 60—62].

[15] Обычная цена того времени — 20 дин. (800 дирхемов).

[16] Сабй, ср. примеч. 4.

[17] Если стоимость раба составляла больше $^1/_3$ наследства, то раб должен был выплатить наследникам излишек либо отработать его.

[18] По мнению маликитов, более либерально относящихся к рабам, взрослый раб имел право вступить в брак, не спрашивая хозяина, а рабыня — нет. Впрочем, и среди ханифитов встречаются разные мнения: по мнению аш-Шайбани, замужество рабыни без согласия хозяина действительно (джа'из), но в случае ее освобождения махр (свадебный подарок) остается хозяину.

[19] Любопытно, что если хозяин купил раба и рабыню и поженил их, а потом у одного из них обнаружился изъян, дающий право вернуть раба продавцу, хозяин не мог реализовать это право, так как не мог расторгнуть брак. В случае, если рабыня, выданная замуж по воле хозяина, получает сво-

боду (любым из указанных выше способов), то она имеет право решать, развестись или нет с мужем, оставшимся в рабстве.

1. *Беляев Е. А.* Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
2. Всемирная история в десяти томах. Т. 3. М., 1957.
3. История стран зарубежной Азии в средние века. Л., 1970.
4. История стран зарубежного Востока в средние века. М., 1957.
5. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. СПб., 1862.
6. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
7. *Надирадзе Л. И.* К вопросу о рабстве в Аравии VII в.— Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. М., 1960.
8. *Надирадзе Л. И.* Вопрос о рабстве в Аравии VII в.— НАА. 1968, № 5.
9. *Надирадзе Л. И.* Вопросы общественно-экономического строя государства арабов и Халифата VII—VIII вв. в советской историографии.— Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (историографические очерки). М., 1969.

9а. *Негря Л. В.* Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. М., 1981.

10. *Петрушевский И. П.* Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в позднее средневековье (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии).— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
11. *Якубовский А. Ю.* Об испольных арендах в Ираке в VIII в.— Советское востоковедение, IV. М.—Л., 1947.
12. Ансāб ал-ашрāф та'лӣф Аҳмад ибн Йаҳӣа ал-ма'рӯф би-л-Балāзурӣ, ал-джуз' ал-аввал, таҳкӣк Муҳаммад Ҳамид Аллах. Ал-Ќāхира, 1959.
13. Ал-'Икд ал-фарӣд ли-л-имāм ал-фāҳил ал-вахӣд Шихāб ад-дӣн Аҳмад ал-ма'рӯф би-ибн 'Абд Раббихи. Дж. 2. Ал-Ќāхира, 1293/1876.
14. Китāб иҳӣа' 'улӯм ад-дӣн та'лӣф ал-имāм Абӣ Ҳамид Муҳаммад ал-Газāлӣ. Ал-Ќāхира, 1302/1885.
15. Китāб ал-ишāра илā маҳāсин ат-тиджāра ва ма'рӣфа джаййид ал-а'рāд ва радӣ'ихā ва гушӯш ал-мудлисӣн фӣхā, та'лӣф аш-шайх Абӣ-л-Фадл Джа'фар ибн 'Али ад-Димашкӣ. 1318/1900.
16. Китāб ал-харāдж ли-л-имāм Абӣ Ханӣфа ал-кāдӣ Абӣ Йӯсуф Йа'кӯб ибн Ибрāхӣм. Булāк, 1302/1884-85.
17. Та'рӣх ли Халӣфа ибн Хаййāт. ан-Наджаф, 1972.
18. *Adams R.* The Land behing Baghdad. A history of settlement on the Diyala plans. Chicago—London, 1965.
19. Annales quod scripsit Abu Djafar Muhammad... at-Tabari. Cep. I—III. Leyde, 1879—1901.
20. The Ansāb al-ashrāf of Balādhuri. Jerusalem, 1936. T. 5.
21. *Ashtor E.* Histoire des prixetdes salaires dans l'Orient médiéval. P., 1969.
22. Bibliotheca geographorum arabicorum edidit M. J. de Coeje pars I—VIII. Lugduni Batavorum, 1870—1894.
23. Chronique de Michel le Syrien patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199). Editée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot, t. 1—2. P., 1899—1901.
24. «Corpus iuris» di Zaid ibn Ali (VIII sec. cr.)... publicato per la prima volta de E. Griffini. Milano, 1919.
25. Description topographique et historique de Boukhara par Muhammad Narchakhy... texte persane publié par Ch. Chefer. P., 1892.
26. The Eastern Key. Description of Egypt by Abdallatif al-Bagdadi. L., 1964.
27. *Gardet L.* La cité musulmane. Vie sociale et politique. 3-e ed. P., 1969.
28. Chronique de Denis de Tell-Mahré ed. J. Chabot. P., 1895.
29. *Goitein S. D.* A mediterranean society. Vol. 1. Economic Foundations. Berkeley and Los Angeles, 1967.
30. *Goldziher J.* Muhammedanische Studien, I. Halle, 1888.
31. The History of the conquest of Egypt... of Ibn Abd al-Hakam. New Haven, 1922.

32. Ibn Saād. Bigraphien Mohammads, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams. Bd. I—VII. Leiden, 1905—1918.
33. *Keijzer S.* Précis de jurisprudence musulmane selon le rite Chafèite par Abou Chodja. Leyde, 1859.
34. Kitābul Futūh by Abu-Muhammad Ahmad Ibn A'tham al Kufi, vol. 1—8. Hyderabad, 1970—1973.
35. *Lammens H.* Études sur le règne du calife Omaiyade Mo'âwia Ier. P., 1908.
36. Liber expugnationis regionum auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori. Lugduni Batavorum, 1866.
37. Le statut personnel en droit musulman hanefide. Texte et trad. annotée du muhtasar d'al-Qudūri par G. H. Bousquet et L. Bercher. Tunis, [б. г.].
38. *Ostrogorsky G.* Löhne und Preise in Byzanz.— BZ. Bd. 32, 1932.
39. Sefer-nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau... publié traduite et annotée par Ch. Schefer. P., 1881.
40. *Sachau E.* Muhammedanisches Recht nach schafitischer Lehre. Berlin, 1897.
41. *Siasset Namèh.* Traité de Gouvernement. Composé pour le sultan Melik-Châh par le vizir Nizam oul-Moulik. Texte persan edité par Ch. Schefer. P., 1897.
42. *Sourdel D.* Description d'Alep d'Ibn Šaddad. Édition critique d'al-A'lāq al-Ḥaṭīra. Damas, 1953.

В. А. Ромодин

РАБСТВО И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ В ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНОМ АФГАНИСТАНЕ

Афганистан относится к тем странам Востока, в которых рабство сохранялось до очень позднего времени — до конца XIX — начала XX в. Наряду с рабством в Афганистане, как и во многих других странах феодального Востока, имела место дробная и пестрая множественность различных категорий и форм зависимости несвободных и не полностью свободных людей.

В существовавших на протяжении истории средних веков и нового времени феодальных государствах, в состав которых полностью или частично входила территория современного Афганистана, были периоды, когда количество рабов, основным источником пополнения числа которых были военные походы, сопровождавшиеся захватом пленников, резко увеличивалось. Одним из таких периодов было время государства Газневидов (X—XII вв.), достигшего наибольшего могущества в конце X — начале XI в. В годы своего длительного правления (998—1030) султан Махмуд Газневи совершил много военных походов, направленных главным образом в Индию. Его походы сопровождались грабежом и опустошением целых областей и уводом многих тысяч пленников. Есть известия о том, что индийские рабы использовались в газневидском государстве на самых тяжелых работах. Однако имеющиеся сведения позволяют предполагать, что в государстве Газневидов было широко распространено домашнее рабство и что именно оно являлось распространенной формой рабского труда. Это отражено в «Кабус-наме», источнике, описывающем быт феодалов времени первых Газневидов. Из этого источника видно, что знатные и богатые люди покупали рабов для использования их в качестве домашней прислуги, музыкантов, охранников гаремов и т. д. Показана в «Кабус-наме» также и та важная роль, которая отводилась рабам в военном деле [7, с. 134—136].

Отряды рабов-гвардейцев (гуламов) в государстве Газневидов комплектовались преимущественно из юношей и мальчиков, которые поставлялись работорговцами-кочевниками, а затем воспитывались в конных отрядах (хель), с тем чтобы подготовить из них профессиональных воинов. Гвардия гуламов, не знавших ни рода, ни племени, в руках деспотических

правителей была той послушной и надежной силой, на которую можно было опереться как во время военных походов, так и при проведении того или иного политического курса внутри государства. При первых Газневидах конные отряды рабов-гвардейцев представляли наиболее надежную часть военных сил, составляли ядро армии и использовались в самых трудных и ответственных операциях, в передовых отрядах и т. п. Так, во время похода в горную область Гур в 1020 г., когда царевич Масуд, сын Махмуда, отделился от основных сил с передовым отрядом для взятия сильных горных крепостей, с ним находилось 50—60 гуламов и около 200 пехотинцев.

Рабы-гвардейцы играли чрезвычайно большую роль в военной и политической системе государства при первых Газневидах, что не могло не повлиять на создание своеобразного института гуламов. Как верно, на наш взгляд, отметил О. Г. Большаков, «гуламы стояли по своему материальному положению выше основной массы свободных, являя исторический парадокс группы наиболее бесправного населения, находившегося в привилегированном положении»; взаимоотношения гуламов со своими командирами «мало отличались от тех, что существуют в любой наемной армии между начальниками и подчиненными» (см. его статью в этом сборнике).

Что же касается военачальников рабов-гвардейцев, выдвинувшихся из среды рядовых гуламов, то наиболее удачливые из них по своему положению ничем не уступали самым знатным и богатым вельможам в государстве, а иногда становились основателями правящих династий. Об этом говорит и сама политическая история государства Газневидов. Основателем княжества в Газни был Алп-тегин, раб-гвардеец в войске Саманидов; он выдвинулся на военной службе и стал одним из самых богатых и влиятельных людей в Саманидском государстве. Как один из высших военачальников, он получил назначение на управление Балхом, затем командовал войсками всего Хорасана. Попав в немилость, он поднял мятеж, был вынужден отступить в отдаленный район Газни, где в 963 г. овладел Газнийской крепостью и создал независимое феодальное владение. Основанное Алп-тегином княжество значительно усилилось при его преемнике — Себук-тегине, военачальнике, который также был гуламом в Саманидском войске. Согласно описанию, приведенному в сочинении Шабангараи, Себук-тегин был родом из одного тюркского племени, с берегов оз. Иссык-Куль, где еще мальчиком попал в плен и был продан в рабство. В Газни в 977 г. бывший раб Себук-тегин был провозглашен эмиром. Он основал династию, оставил после себя у власти сына Махмуда, при котором Газнийское государство стало обширной и могущественной державой.

В походах в Индию, проводившихся под флагом «священной войны» наряду с отрядами гуламов, Махмуд широко использовал в качестве военной силы «борцов за веру» (гази) —

добровольцев из обезземеленных крестьян и деклассированного городского люда. Наряду с этим Махмуд и его преемники привлекали к участию в походах, а также к постоянной службе в своих войсках ополчения местных воинственных племен — кочевников и земледельцев-горцев. Сочетание отрядов гвардейцев-рабов (гуламов) и таких ополчений было характерным и в военно-политической истории государства Гуридов, сменившего Газневидское государство в Афганистане и в Северной Индии в XII—XIV вв.

Правители первых пуштунских княжеств, появившихся уже в XIII в., также использовали гвардию рабов. Из сообщения автора «Та'рӣх̮-нāме-йи Харāт» об осаде и взятии гератским маликом Шамс ад-дином в 1256 г. крепости Дуки, которую оборонял афганский вождь Синдан, собравший тысячу храбрых людей «из своих райатов, слуг и гуламов» [13, с. 214], видно, что на Кветто-Пишинском нагорье в середине XIII в. у афганских вождей были подвластные им зависимые люди и гуламы. Остается, однако, неясным, был ли употреблен здесь термин «гуламы» для обозначения обычных рабов или рабов-гвардейцев, о которых говорилось выше применительно к истории государства Газневидов и Гуридов.

Рабы-гвардейцы входили в состав армий правителей Афганистана и в XVIII в. и по-прежнему именовались гуламами. Но по меньшей мере было бы неосторожным делать вывод об идентичности гуламов в Афганистане в новое время и гуламов времени Газневидов. Однако наличие глубокой местной традиции в военном деле вряд ли может подлежать сомнению. При изложении событий конца XVIII в. в официальной истории Афганистана «Сирāдж ат-тавāрӣх̮» сообщаются довольно подробные сведения, характеризующие административно-налоговую систему и организацию военных сил Афганского государства того времени. Приводятся данные о составе армий, об их численности и о денежном содержании воинов, а также о вознаграждении некоторых из них феодальными пожалованиями. При этом указывается, что преимущественно деньгами оплачивались воины двенадцатитысячного конного гвардейского отряда гуламов («гулам-хане») [9, с. 56][1]. Не только правители Афганистана, но и вожди отдельных афганских племен имели в новое время рабов, которые наряду с наемниками входили в состав их военных отрядов. Вместе с тем труд рабов применялся в хозяйстве афганских ханов. К середине XIX в. многие афганские ханы в Пешаварской области имели по 100 и более рабов обоего пола. Рабы-мужчины ценились как воины, верные слуги и телохранители, но часть из них работала на полях и на выпасе скота. Судя по наблюдениям Лэмсдена в Пешаварской области, которые он сделал в 40-х годах XIX в., раб был прикреплен к земле лишь в силу наследственной зависимости от своего господина-хана. В юсуфзайских районах Пешаварской области им отмечены «целые деревни рабов,

называемых гуламами, единственным признаком рабского состояния которых является то, что они не могут уйти в другую местность; они обрабатывают ханскую землю, имеют свой собственный скот, живут в домах, предоставленных ханом, и получают продукты земледелия в обмен на свой труд» [12, с. 373].

Средневековых источников о распространении рабства среди афганских племен немного, но все же и на их основе можно сделать предположения о том, что в средние века рабство было распространено больше, чем в новое время, когда встречаются уже разновидности вассальной зависимости и различные степени неполноправности зависимого населения хамсайа, которое не имело права владеть участками земли на территории афганских племен. Наиболее интересно свидетельство английского путешественника Р. Стила, проехавшего путь из Индии в Иран в 1616 г. через афганские земли в горных местностях, расположенных между Индом и Кандагаром. В своем путевом журнале Р. Стил записал: «Эти Кандагарские горы населены свирепым народом, именуемым агваны или потаны... они очень сильны физически... немного белее, чем индийцы». Называя их большими разбойниками, которые нередко захватывают целые караваны, он отмечал, что «отчасти из страха перед Моголами, отчасти из-за выгод, которые приносит им торговля (они поставляют зерно, овец и коз, чего у них великое множество, а покупают ткани и другие предметы необходимости), они усвоили более цивилизованные обычаи. И все же, если они смогут захватить отбившегося человека сами или через других, они продают пленников вверх, в горы, подрезают им сухожилия ног, чтобы предотвратить побег, и заставляют их молоть зерно на ручных мельницах и выполнять другие работы» [11, с. 272].

Афганский автор XV—XVI вв. А. Дарвеза утверждает, что афганцы, живущие на землях от Кандагара до Свата и «не имеющие мусульманского падишаха»[2], угнетают «факиров» (т. е. зависимых и иноплеменников), грабят их имущество и продают в рабство их самих и их семьи, а также обвиняет афганцев в том, что они торгуют между собой своими женами и детьми и продают своих дочерей [5, с. 62б]. Допуская возможность преувеличения автором работорговли у афганцев, его сообщения об этом все же следует считать не лишенными основания.

Другие (кроме рабской) формы зависимости у афганских племен в позднем средневековье наблюдаются во взаимоотношениях этих племен между собой, а также с другими народностями и этническими группами. Между афганскими племенами существовали вассальные и вассально-союзнические отношения. В ряде случаев более слабые племена находились в зависимости от более сильных, у которых они искали покровительство и защиту (см. [1, л. 76]). Вассальные племена должны были оказывать поддержку своим покровителям в военных

действиях; нередко на вассалов возлагалась охрана пограничных укреплений и приграничной полосы племени-покровителя. У некоторых афганских племен еще в XVIII—XIX вв. сохранялось держание земли более слабыми у сильных за военную помощь и охрану границ, причем в этом случае плата за пользование землей не взималась. Такое держание земли называлось «млатар», что означает «подкрепление», «помощь».

В средние века у афганцев на время военных действий часто создавались союзы племен, в которых одни племена играли руководящую роль, а другие — подчиненную, зависимую. Такие вассально-союзнические племена назывались (так же как и одиночные «чужаки», проживавшие на землях не своего племени) хамсайа (первоначальное значение этого слова «соседи»), или «факиры». Этими терминами обозначались различные категории зависимости. После окончания военных действий союзы, как правило, быстро распадались, но вассальная зависимость одних племен от других иногда сохранялась.

Потомки завоеванного афганскими племенами населения также назывались хамсайа, или райат-и хамсайа. Хамсайа-земледельцы обычно были издольщиками на землях, предоставленных им их владельцами, а также выполняли различные повинности в пользу хеля, на землях которого они проживали, и в пользу ханов и маликов того же хеля; кроме того, хамсайа облагались налогами. По численности хамсайа среди афганских племен было гораздо больше, чем рабов.

О рабстве в Афганском государстве в самом начале XIX в. некоторые сведения сообщает Эльфинстон [10], возглавлявший посольство Ост-Индской компании, побывавшее у шаха Шуджи в 1808—1809 гг. «В Афганистане,— писал он,— есть рабы, как во всех мусульманских странах, и я расскажу здесь вкратце об их положении.

Значительно бо́льшая часть их — местного происхождения, но некоторые доставляются из других стран. Абиссинцев и негров иногда привозят из Аравии, белуджей, персов и людей других народностей они (афганцы) захватывают во время своих набегов, кафиров же продают люди из их же народа или захватывают в плен юсуфзаи на своей границе».

В целом Эльфинстон отмечал незначительное распространение рабовладения и работорговли среди афганских племен, а также преимущественное использование труда имевшихся в стране рабов в сфере домашнего хозяйства.

Резкое увеличение численности рабов в Афганистане, массовое развитие работорговли в условиях нового времени имели место в Афганистане в годы правления эмира Абдуррахмана (1880—1901) — результат подавления восстаний хазарейцев в 90-х годах XIX в. Восстания хазарейцев, поднявшихся против гнета эмира, беззаконий и грабежей его военных и гражданских властей, создали серьезную угрозу террористическому режиму эмира. При подавлении восстаний этого народа, чис-

ленность которого составляла более миллиона человек, эмир использовал тот факт, что большинство хазарейцев были шиитами, и привлек ополчения афганских племен и других суннитских народностей Афганистана к «священной войне» против мятежных «еретиков»-шиитов. В период большого хазарейского восстания 1892 г. эмир неоднократно обращался с воззваниями ко всем суннитам, призывая их выступить против «врагов веры — шиитов», обещая отдать в вознаграждение имущество восставших, а их жен и детей разрешал обращать в рабство [3, с. 119]. Эмир официально санкционировал куплю и продажу рабов. Согласно указу Абдуррахмана одна пятая часть захваченной в Хазараджате добычи, в том числе и пленников, должна была поступать в эмирскую казну; остальное принадлежало участникам подавления повстанцев; купля-продажа рабов оформлялась документально [9, с. 987]. Как сообщается в официальной истории Афганистана, нахлынувшие в Хазараджат торговцы людьми тысячами покупали женщин, девушек и мальчиков примерно за 5 или 10 рупий, перепродавали затем живой товар в Кандагаре и в других городах по 50 или 100 рупий [9, с. 937]. Некоторое увеличение численности рабов в Афганистане произошло после завоевания Кафиристана в 1895—1896 гг., хотя эта горная область и имела мало населения (всего около 50 тыс.). Кроме того, захваченные в Кафиристане пленные, обращенные в рабство, поступили главным образом в собственность эмира; частным лицам за тайное приобретение кафиристанских пленников-рабов угрожал штраф в 3,5 тыс. рупий [9, с. 1182].

На основании имеющихся данных можно примерно определить численность рабов в Афганистане после подавления хазарейских восстаний — несколько сот тысяч человек, что составляет 5—10% всего населения страны (3—6 млн. человек).

Через какое-то время после подавления хазарейских восстаний эмир Абдуррахман объявил о запрещении торговли хазарейскими рабами. Но уже проданные в рабство хазарейцы освобождены не были. Один из законов, действовавших в Афганистане до 1919 г., предусматривал сыск бежавших рабов или младших членов семьи. Предусматривалось и наказание палками, не разрешалось только забивать их до смерти [9, с. 766]. Рабство в Афганистане было отменено только при Аманулла-хане (1919—1929), снискавшем большую популярность и признательность со стороны хазарейцев. Симпатиями хазарейцев к Аманулла-хану и благодарностью к нему объясняется их верность его делу во время гражданской войны 1929 г. [8, с. 830; 9, с. 49, 63].

В некоторых же глухих районах Афганистана, таких, как Нуристан, еще и в 60-е годы нашего века сохранялись пережитки рабства [1, с. 276, 277].

Многовековая история рабства в Афганистане, некоторые аспекты которой были затронуты в нашей статье, несомненно

заслуживает внимательного изучения. Понимание прошлого, в особенности проблем социально-экономической истории близкого к нам времени — конца XIX — начала XX в., — имеет для Афганистана огромное значение в свете решения поставленных после Апрельской революции 1978 г. Народно-демократической партией Афганистана задач уничтожения остатков феодальных и дофеодальных отношений.

[1] Сообщается также, что кроме этого отряда дворцовых гуламов существовал еще один двенадцатитысячный отряд конницы, постоянно находившийся в распоряжении шаха и охранявший его ставку. Бо́льшая часть воинов этого отряда получала содержание деньгами, а меньшая часть — половину жалованья — деньгами, а другую половину — земельными пожалованиями — джагирами. Упоминается также, что военачальники в чине дехбаши, мингбаши и куллар-агасы вознаграждались такими земельными пожалованиями — тиюлями и суюргалами.

[2] Имеются в виду афганские племена, участвовавшие в антимогольском и антифеодальном движении, возглавленном сектой рошанитов, противником которой выступал Ахунд Дарвеза.

1. *Грюнберг А. Л.* Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки.— Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1971.
2. *Кисляков Н. А.* О сущности понятия «патронимия».— Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.
3. *Назаров Х.* Народные и просветительско-антифеодальные движения в Афганистане. Душанбе, 1976.
4. *Станишевский А. В.* Афганистан. М., 1940.
5. *Ахӯнд Дāрвеза Нангарх̱āрӣ.* Тaз̱кӣрат ал-абрāр ва-л-аш̣рāр. Рукопись ЛО ИВ АН С1560.
6. *Байхак̣ӣ.* Та'рӣх̱-и Байхак̣ӣ. Ṭихрāн, 1324 г. х. ш.
7. Қабус-намэ. Перевод, статья и примечания Е. Э. Бертельса. М., 1958.
8. *Мир Гулам Мухаммад Губар.* Афг̄анистāн дар масӣр-и та'рӣх̱. Қабул, 1346 г. х. ш. (1967).
9. *Файз Мухаммад-хан.* Сӣрадж ат-таварӣх, джилд 1—2. Кабул, 1331, 1912—1913, джилд 3. Кабул, 1333—[1336], (1914/1915—[1918]).
10. *Elphinstone M.* An account of the kingdom of Caubul and its dependencies..., t. 1. L., 1839.
11. A Journal of the Journey of Richard Steel and John Crowtler... Ann. 1615, 1616.— Purchas and his Pilgrims. Vol. 4. Glasgow, 1904.
12. *Lumsden H. B.* Report on the Yoozoofzaee District.— Selections from the Public Correspondence of the Administration for the Affairs of the Punjab. 1853, vol. 1, № 15.
13. The Ta'ri<u>kh</u> Nāma-i-Harát (The History of Harát) of Sayf ibn Muhammad ibn Ja'qub al-Harawí. Calcutta, 1944.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

В. И. Гохман

КХНЮМ — ЗАВИСИМЫЕ АНГКОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье рассматриваются категории лично-зависимого населения Кампучии (Камбоджи) периода Ангкорского государства, существовавшего в IX—XIV вв.,— одного из самых богатых и могущественных в Юго-Восточной Азии. Именно в этот период были созданы пользующиеся мировой известностью знаменитые памятники кхмерской архитектуры. По своему государственно-политическому устройству это была типичная восточная деспотия, где громадную роль играло храмовое духовенство, хранитель индийской религиозной и культурной традиций. Хозяйство Ангкорского государства базировалось на ирригационном рисосеянии, и значительную роль в нем играл труд лично-зависимого населения — кхнюм.

Основным источником по интересующему нас вопросу (как и вообще по истории Ангкора) являются эпиграфические надписи (см., например, [5; 8; 9]). Представляя собой в высшей степени ценный и почти единственный источник, кхмерские надписи односторонне освещают исследуемую здесь проблему. Материал по зависимым содержится главным образом в дарственных храмам и частным лицам, причем в большинстве таких надписей обычно имеется лишь простое перечисление имен рабов. Число надписей, где есть сведения о социальном статусе, экономическом и правовом положении кхнюм, невелико. Единственный китайский источник — записки китайского путешественника Чжоу Дагуаня, посетившего Кампучию в 1296—1297 гг. В них он хотя и кратко, но информативно освещает положение рабов в Ангкорском государстве, а также описывает источники рабства в Кампучии.

Характер источников сам по себе ограничивает возможности полного раскрытия темы данной статьи. Многие вопросы, к сожалению, не представляется возможным не только решать, но и даже ставить. Поэтому в первую очередь автор делает попытку обобщить имеющийся материал, с тем чтобы облегчить работу дальнейших исследований.

Социальная терминология для обозначения лично-зависимых. Прежде всего рассмотрим особенности социальной терминологии кхмеров, относящейся к обозначению лично-зависимого населения. Все несвободные Ангкора (а также и доангкорского

периода) именовались в эпиграфических надписях «кхнюм», что позволяет легко отличить их от прочего населения. Кроме того, существовало значительное количество детерминативов, употреблявшихся перед именами собственными. Эти детерминативы — разные у свободного и зависимого населения. С именами свободных всегда употреблялись детерминативы лонь, ваn и тенг (кроме тех случаев, когда речь шла о лицах знатного происхождения). Ниже перечислены детерминативы для лично-зависимых в соответствии с тем, как они были выделены Лонг Сеамом [2]:

Ку — название рабынь в доангкорский период.

Ва — название рабов в доангкорский период.

Ва — название рабов в доангкорский период.

Пау — грудной ребенок рабыни.

Тай, кантай — название рабынь в ангкорский период.

Си, гхо, а — название рабов в ангкорский период.

Ги, ата — название старого раба.

Йа, аме, ме — название старой рабыни.

Как видно из приведенного списка, детерминативы различаются в зависимости от периода, в который они употреблялись. Чем вызваны эти различия, пока установить не удалось. Следует, однако, отметить, что доангкорские детерминативы, хотя и не очень часто, все же продолжали употребляться и в ангкорский период. Иногда встречаются и более сложные комбинации этих детерминативов, на которых мы здесь останавливаться не будем.

Наличие столь четкой и разработанной терминологии для обозначения лиц, принадлежащих к категории «кхнюм», уже само по себе указывает на то значительное место, которое они занимали в кхмерском обществе. Показательна также разработанность терминологии с точки зрения пола и возраста называемых.

Источники рабства. Основными источниками рабства в ангкорской Кампучии были порабощение иноплеменников и потомственное рабство. В надписях нет ни одного убедительного примера, свидетельствующего о существовании долгового рабства ни в доангкорский, ни в ангкорский периоды. По-видимому, свободные могли попасть в рабство только в результате осуждения за какие-либо преступления. В надписи Туль Прасат рассказывается, например, что некий Пу с семьей был отдан в рабство своему родственнику Сахадеве за то, что пытался незаконно завладеть имуществом последнего [5, т. 2, с. 97—118]. Ниже будут рассмотрены данные надписей, где в качестве рабов перечислены лица с детерминативами свободных, которые скорее всего также были отданы в рабство за какие-то преступления.

Как данные эпиграфики, так и в особенности записки Чжоу Да-гуаня свидетельствуют о том, что, во всяком случае, очень важным источником рабства в Кампучии был захват военно-

пленных. Исследование антропонимов, содержащихся в эпиграфике, показало, что многие из них являются этническими наименованиями: «klin — индийцы, ranañ — моны, panrāñ — тямы, syām — сиамцы, lawâ — лава [5, т. 2, с. 51—53; 5, т. 5, с. 7—8; 5, т. 4, с. 59]. В надписи Лонгвек рассказывается о том, что одному из сановников царя Джаявармана II было подарено 400 кхнюм vrau. Это название — вариант современного prau — этнонима одного из горных племен Кампучии [5, т. 2, с. 115—118]. По сведениям Чжоу Да-гуаня, рабы — это дикари, которых покупают. Они принадлежат к «особой расе», которая обозначается термином «тьхонг» — «разбойники» [7, с. 19]. Хотя Чжоу Да-гуань, безусловно, не мог знать всех источников рабства, его данные свидетельствуют о весьма значительной, а в некоторые периоды и основной роли иноэтнического компонента в качестве такого источника.

Социальный статус кхнюм был наследственным, поэтому потомственное рабство являлось другим существенным, а может быть, и основным источником пополнения состава личнозависимых. Тот же Чжоу Да-гуань в связи с этим пишет: «Если рабыня забеременеет от чужого раба и родит ребенка, хозяин бывает очень доволен, так как этот ребенок — его будущий раб» [7, с. 19]. Наличие в надписях специального детерминатива для ребенка также подтверждает существенную роль потомственного рабства. Во многих надписях женщины-кхнюм часто перечисляются со своими детьми. Так, в надписи Бантай Пра (начало XI в.) в списке рабов, подаренных храму Шивалинга, перечислена семейная группа рабыни Кампит, куда входят не только ее дети, но и другие родственники, в частности племянники и племянницы. Здесь же упоминаются несколько других рабынь с детьми: тай Пандан и ее ребенок гхо Паронг, тай Кану и ее ребенок и др. [5, т. 3, с. 59]. На то, что этот второй источник пополнения рабов был существеннее, чем захват иноплеменников, указывают и следующие факты. Число «этнических» имен, встречающихся в надписях, относительно невелико. Между тем известно, что обычай нарекания рабов-чужаков по их этнической принадлежности был широко распространен у различных народов. Но такие имена давались лишь тем, чье этническое происхождение еще было известно. Поскольку в кхмерской эпиграфике преобладают имена, не связанные с этническим происхождением, наиболее вероятно, что большинство кхнюм были достаточно сильно ассимилированы. Так, Чжоу Да-гуань, например, пишет, что «дикари, проданные в город в качестве рабов, понимают местный язык в отличие от дикарей, живущих в горах» [7].

Примеров перехода кхнюм в сословия свободных кхмерской эпиграфике нет.

Отсутствие долгового рабства и невозможность для раба стать свободным свидетельствуют о неразвитости классовых отношений в Кампучии рассматриваемого периода и наличии

в нем сильных пережитков доклассового общества, проявляющихся в четком подразделении на «своих» и «чужих». Такое деление всегда имеет своим истоком представления о родовой принадлежности. Поскольку родовые подразделения играли значительную роль в Ангкорском государстве, свобода членов родов и общин, по-видимому, тщательно оберегалась, а доступ в них для чужаков был закрыт.

Юридический статус кхнюм. По имеющимся сведениям, кхнюм были лишены социальных прав. Как отмечалось выше, у них не могло быть юридической семьи. Есть указания на то, что в доангкорский период семейный статус кхнюм признавался. В частности, в одной из ранних надписей (VII в.) кхнюм перечислены со своими женами. Но в ангкорских надписях таких случаев не представлено: имя отца или мужа в списках кхнюм никогда не фигурировало. Так, например, в надписи Бантам Плах рабыня (тай) Кампит, судя по одинаковому имени, скорее всего являлась женой гхо Кампита, начальника группы рабов, однако в надписи об этом ничего не сказано [5, т. 3, с. 59]. Чжоу Да-гуань отмечает, что в случае беременности своей рабыни от раба из другого дома хозяин никогда не стремится узнать имени отца ребенка [4, с. 19]. Это вполне естественно, поскольку хозяин отца не мог претендовать на владение этим ребенком. По сведениям Чжоу Да-гуаня, дети рабынь и свободных также считались рабами. Все это очень хорошо согласуется с матрилинейными нормами кхмерского права. Для лично-зависимых отцовского права вообще не существовало, и если ребенок рождался от рабыни и свободного, то он по всем законам материнского права всегда считался рабом [1].

Кхнюм были полной собственностью своего хозяина и не подлежали никакой юрисдикции со стороны государства. Об этом свидетельствуют те данные эпиграфики, где описываются побеги кхнюм и последующие расправы над ними. В надписи Пхном Конг рассказывается о побеге кхнюм си Варуны. После его поимки жрецы храма во главе с настоятелем судили его и постановили отрезать ему уши и нос [5, т. 3, с. 74]. Чжоу Да-гуань пишет о том, что если раб убегал, то после поимки ему ставили синее клеймо на лице, надевали железный ошейник или железные кандалы на руки и на ноги. «За провинности их бьют, и они только пытаются спрятать голову, не смея шелохнуться» [7, с. 19]. Случаи убийства рабов в эпиграфике не отмечены, однако это не означает, что их в действительности не было. Следует отметить, что такие записи могли быть умышленно уничтожены. Так, например, надпись, рассказывающая о наказании вышеупомянутого си Варуны, была умышленно повреждена, так как кто-то посчитал это наказание слишком жестоким [5, т. 3, с. 72].

Права собственности на рабов тщательно охранялись. В случае побега чужих рабов ответственный за рабов должен был

компенсировать их потерю: «Камстенг доверил Тань Пану из варги... охрану рабов. Двое из них убежали. Поэтому Тань Пан отдал камстенгу... [четырех рабов] (имена) для посвящения божеству» [8, т. 3, с. 64]. Как видно из этой надписи, компенсация к тому же в 2 раза превышала потерю. За кражу кхнюм виновный подвергался жестоким наказаниям. В надписи Толь Ролом Тим человек, обвиняемый в краже храмовой кхнюм, приговорен к 50 ударам палкой по лицу [6, с. 97]. В надписи Пратхат Прасрей говорится о том, что лица, повинные в краже рабов, будут обвинены в том же преступлении, что и убийца брахмана [5, т. 5, с. 172]. В надписи Сдок Кам Тхом рассказывается, что в результате судебного иска, происшедшего через несколько десятилетий после того, как истцу был нанесен незаконный ущерб, ему были возвращены земля и обрабатывающие ее кхнюм [4].

Кхнюм можно было продавать. Ниже приведены цены на рабов: «рабыня, купленная за 1 тула меди», «рабыня, купленная за поднос весом 2 йанга, серебряную чашу, 10 ви воска, 1 яу полотна», «рабыня, купленная за 8 мер падди (риса) и 2 ви меди, рабыня, купленная за 10 яу полотна и 4 линга серебра»; «рабыня, купленная за 1 быка» [5, т. 4, с. 52], «раб, купленный за 1 быка и 5 полотнищ» [5, т. 3, с. 69]. По сведениям Чжоу Да-гуаня, молодые и сильные рабы стоят 100 полотнищ, а старые и слабые — 30—40 полотнищ [7, с. 19].

Кхнюм можно было использовать в качестве средства обмена. В надписи Прасат Кок Сак сообщается, что некий гхо Кумара, возглавляющий группу работников «темной половины месяца», купил у группы вап (свободных общинников) участок земли, отдав за него в числе прочего и двух рабов [5, т. 7, с. 46]. О том же сообщается и в другой надписи, где предок составителя этой надписи расплачивается рабами за купленный им участок земли [5, т. 5, с. 207]. «Участок Югендралайя куплен у мратаня Кампана за двух рабов...» [5, т. 3, с. 151].

О закладе кхнюм рассказывается в надписи Ват Тхленг: «Те люди, которых понь (титул), являющийся клонем (титул) группы мратаня... заложил, он (т. е. понь.— *В. Г.*) поручил Ашария выкупить их» [5, т. 6, с. 30].

Наконец, кхнюм можно было просто обменивать друг на друга: «Тай Кампур, которую старый мратань клонь обменял на тай Кансан тай Тхяк, которую Тенг Твон Кантал обменял на одну из рабынь камстенга» [5, т. 3, с. 60].

Формы собственности на кхнюм. Кто мог быть собственником кхнюм? Из данных надписей следует, что таковыми являлись частные лица, группы родового типа, храмы и государство. О частновладельческих рабах сообщает Чжоу Да-гуань, который пишет, что очень многие жители города держали у себя рабов, причем некоторые владели 100 и более кхнюм, но обычно — 20—30 кхнюм и лишь совсем бедные горожане не имели рабов [7, с. 19]. Данные Чжоу Да-гуаня, видимо, близки

к действительности. Учитывая то, что в городах Кампучии проживала в первую очередь правящая администрация, не исключено, что кхнюм составляли в них значительную часть, если не большинство населения. Однако было бы ошибкой считать, что частновладельческие рабы всегда находились в непосредственном владении своего хозяина. В ряде случаев мы действительно можем быть убеждены в том, что кхнюм принадлежали одному частному лицу (например, там, где в надписях о продаже или дарении кхнюм каким-либо конкретным человеком не оговаривается, откуда он сам получил этих кхнюм). В надписи Бантай Пра, где подробно перечисляются источники, из которых камстенг Шри Нарапатиндраварман получил рабов для дарения их храму, мы имеем сведения о том, что некоторые из них были переданы Камстенгу людьми его родственной группы, а некоторые — посторонними лицами, например, рабы купца из Гоан Лампо, рабы лоня из Кити и др. Правда, частно-индивидуальный характер собственности на кхнюм особенно рельефно проступает в тех случаях, когда даритель оговаривает условия своего дара. В надписи Трапань Дон Он, например, говорится: «Эти рабы не находятся в распоряжении ни моих родственников, ни какого-либо другого лица, а подчинены исключительно распорядителям этих земель; они без всяких ограничений принадлежат божеству». В другой надписи сообщается, что «рабы, деревни, рисовые поля передаются родственникам стеня Бра Чжрая и не находятся в распоряжении людей храма и людей, являющихся кхлонь (должность) в храме» [5, т. 3, с. 189]. В этих случаях даритель, по-видимому, обладал правами полной собственности на рабов и распоряжался ими лишь по своему усмотрению (в частности, мог лишить своих родственников прав наследования).

Кроме того, в надписях мы находим и такие сведения, из которых следует, что рабы принадлежали не отдельным лицам, а целой родственной группе (например, надпись Прасат Кантоп): «Земля и рабы, которые его клан передал в долю стеню Махандрани, и то, что он передал дедам и внукам... отлично от того, что он передал храму Шивалинга» [5, т. 3, с. 250]. О том же свидетельствуют и цитируемые выше надписи, где родовая группа передает рабов какому-либо из своих высокопоставленных представителей для дарения храму: «Ван Шри Тем Пинг из варги камстенга передает ему кхнюм (имена) для дарения божеству» [5, т. 3, с. 64].

От частновладельческих рабов и рабов родственных групп отличались государственные рабы. Сведения о государственных рабах мы имеем главным образом из царских дарственных. В надписи Прасат Синкхах перечисляются 190 имен рабов, подаренных храму королем Сурьяварманом I [5, т. 3, с. 45—53]. В надписи Та Нген тот же Сурьяварман I дарит храму Шивалинга 110 рабов и четырех вольнонаемных [5, т. 3, с. 32]. Король Джаяварман дарит 94 рабов [5, т. 3, с. 137]. Джаявар-

ман I передает высокопоставленному чиновнику 400 кхнюм [5, т. 2, с. 115—118]. По-видимому, государственные рабы юридически являлись собственностью правителя. Надписи, к сожалению, не позволяют непосредственно выделить в пределах этой группы какие-то конкретные категории зависимых, например собственно царских кхнюм. Но есть косвенные свидетельства тому, что такие категории существовали. Так, государственные рабы могли передаваться лишь во временное пользование частных лиц или храмов. Например, в надписи Пхиманакас говорится о том, что храм получил десять рабов от вапа Нанса, вышедшего в отставку. Там же сообщается, что еще около 20 рабов были переданы мратанем Шри Сатьяшрая, которых тот приобрел даром (т. е., по-видимому, получил в пользование) и которых согласно королевскому распоряжению отдает храму Шри Трайлока-натха [5, т. 3, с. 161]. В надписи Пхном Шигор рабыня (тай) Магха с согласия мратаня кхлоня и лоня — инспектора населения — передана старейшиной деревни храму [5, т. 3, с. 150]. Учитывая то, что остальные рабы, перечисляемые в этой надписи, были переданы или куплены без подобной оговорки, можно предположить, что эта рабыня была во временном пользовании упомянутого выше мратаня и для ее передачи требовалось разрешение государственного чиновника. Здесь же сообщается о некой тай Нила, которую (по-видимому, по аналогичным причинам) не имеют права задерживать «люди из Вьядхапуры» [8, с. 151]. В других надписях подчеркивается, наоборот, что рабы передаются в полную собственность. В надписи Пхном Кангва сообщается, что бежавший раб (си) Варуна передается в «полную и исключительную собственность» храма. В той же надписи имеется королевское повеление, согласно которому несколько рабов передаются в «полную и исключительную собственность» храма Раджагара [5, т. 3, с. 74—75].

Переходя к описанию характера храмового рабства, следует отметить, что права собственности на рабов были, по-видимому, весьма запутанными и определялись главным образом характером источника приобретения. Примеры этого уже были приведены выше. Здесь добавим, что в тех случаях, когда в дарственных специально не оговорено, что кхнюм (государственные или частные) поступают в полную собственность храма, скорее всего прежние владельцы сохраняли на них определенные права. Например, в надписи Кок Тьхон рассказывается о том, что лишь храмовые рабы, принадлежавшие к «исконным» группам, могли призываться на королевскую службу. При этом в случае побега или смерти рабов их утрата ничем не компенсировалась. За исключением этих «исконных» рабов, другие кхнюм не могли быть привлечены к несению государственных повинностей [5, т. 6, с. 82]. Вероятно, «исконные» рабы — это кхнюм, переданные правителем храму при его основании. В силу этого государство сохраняло на них права собственности, что

и выражалось, в частности, в том, что их можно было привлечь к государственным работам и не нести за них ответственности. В надписи Пхном Кангва говорится: «Имущество, которое население поставляет канлонгу К. А. Раджагари (название храма): золото, серебро, слоны, буйволы, рабы,— все это используется исключительно в светлую половину месяца, если преподнесено для светлой половины месяца; если же их поставляют для темной половины месяца, то исключительное право пользования падает на темную половину месяца [5, т. 3, 8, с. 75]. Следует отметить, что право использования в одну из половин месяца часто упоминается в кхмерской эпиграфике. В данном случае речь может идти отчасти и об исполнении религиозного ритуала, о чем свидетельствует упоминание в надписи Пхном Кангва, где говорится о «золоте и серебре» (см. выше). Однако рабы и буйволы могли быть использованы главным образом в хозяйственных целях. Поэтому ограничения, наложенные на пользование ими, следует рассматривать как сохранение прав государства на труд или продукт труда этих рабов в соответствующие периоды времени. О том же свидетельствуют и данные другой надписи, где перечисляются имена рабов, переданных храму на период полнолуния. В это время они должны поставить храму различные продукты питания. Другая группа должна выполнять эти обязанности в период «убывающей» луны.

Сферы применения рабского труда. Судя по данным надписей, труд рабов используется в большинстве областей общественного производства Ангкорского государства. Правда, характер кхмерской эпиграфики таков, что мы имеем лишь самые краткие сведения по этому вопросу. Практически ничего не известно о труде рабов в городах, хотя, как говорилось выше, число рабов там было велико. Трудно сказать поэтому, выполняли ли они лишь обязанности домашней прислуги (что следует из сведений Чжоу Да-гуаня) или же были заняты также в ремесле и промыслах. Условия жизни кхнюм в городе были очень тяжелы. Сидеть и спать им разрешалось только под домом. В дом они могли входить лишь для услужения [4, с. 19]. Больше всего сведений мы имеем о храмовых рабах и их профессиях в пределах храмовых хозяйств. В надписи Прасат Кравин приводятся, например, следующие профессии и должности храмовых рабов: танцоры, певцы, музыканты (на колокольчиках), танцоры-мужчины, музыканты на инструменте лхани, старосты деревень, носильщики зонтов и опахал, повара, хранители дверей, певцы хвалебных гимнов, хранители падди (необработанного риса) [5, т. 4, с. 73]. В другой надписи перечислены музыканты, танцоры, трепальщики конопли, ткачи, пряхи, сторожа на плантациях, пастухи, а также рабы, занятые обработкой рисовых полей [5, т. 5, с. 14—16], повара, заготовители пальмовых листьев, надсмотрщики [5, т. 5, с. 143], отправляющие богослужение, отворяющие, натиратели благо-

воний [5, т. 6, с. 122]. Как видно из этих примеров, рабы-кхнюм выполняли в жизни храмов самые разнообразные функции — от земледельцев до лиц, принимающих непосредственное участие в исполнении культа. Вполне естественно, что и социальное положение этих рабов было весьма различным.

Большинство кхнюм было занято в земледелии, в обработке храмовых, частных или государственных земель. В преобладающей части надписей, где кхнюм перечисляются поименно, число женщин превосходит число мужчин (в среднем соотношение равно 1 : 3). Л. С. Седов использует этот факт для доказательства того, что рабы-мужчины забирались для выполнения государственных повинностей, чем и объясняется, по его мнению, численное преобладание в надписи женских имен [3, с. 167]. Однако, на наш взгляд, вопрос о государственных повинностях, выполняемых кхнюм, достаточно сложен и уж, во всяком случае, не может быть доказан путем использования вышеприведенной аргументации. Дело в том, что если, как пишет Л. С. Седов, «подвластное храмам население выполняло государственные повинности», то как раз привлекаемые к этим повинностям кхнюм должны были быть перечислены в дарственных. Если же автор хотел сказать, что рабов-мужчин дарили храмам меньше, чем рабынь, то речь уже, по-видимому, не может идти об отбытии храмовыми рабами государственных повинностей, а заключается в прямом использовании казенных рабов государством для своих целей. Действительные причины такого соотношения хорошо раскрывает Л. Б. Алаев, который пишет: «Сосредоточение большого количества мужчин, лишенных всех прав и подвергавшихся жестокой эксплуатации, представляло собой большую опасность для государства. Поэтому пытались, насколько это было возможно, заменить мужской труд женским» [1]. Действительно, в надписях Камбоджи нет никаких подробных сведений о занятиях населения, но и по отрывочным данным текстов можно составить представление о том, что труд женщин-кхнюм в сельском хозяйстве был очень значителен. В надписи Пхном Аскар перечисляются земли и рабыни, переданные одному из храмов, причем в этом списке нет ни одного мужчины [5, т. 3, с. 140]. В надписи Ват Дамнак приведены такие данные: «Участок земли Пракашвара: Си Кан Хан — надзиратель (мужчина), 5 мужчин, 11 женщин, 3 пастуха; участок Траванг Джрай: си Каньсан — надзиратель, 4 женщины» [5, т. 4, с. 164—165]. «В 1048 г. я... преподнес рабов и земли храму Лингапура. Список рабов: 5 тай, 1 си» [5, т. 3, с. 189]. В надписи Тоул Кул приводятся такие цифры: на каждый участок земли ставятся 3 раба — 2 тай и 1 си [5, т. 5, с. 147—149]. Из этих надписей видно, что участки рисовых полей очень часто обрабатывались женщинами-кхнюм. В тех же надписях приведены, правда, и другие данные, где численное преобладание женщин над мужчинами на конкретном участке не столь велико, например: «Надзиратель (си), 7 муж-

чин, 8 женщин, 1 пастух; надзиратель (си), 14 мужчин, 16 женщин, 2 пастуха [5, т. 4, с. 164]. Однако число мужчин, занятых рисосеянием, основным занятием населения Кампучии, почти никогда не превышало числа женщин. В надписи Туол Кул примечателен еще и следующий момент: всего было продано 84 раба, из них 45 си и 39 тай. При этом на один участок ставились 2 женщины и 1 мужчина. Из этого следует, что мужчины-кхнюм были заняты в других сферах деятельности, не связанных с сельскохозяйственным производством. Из приведенных отрывков надписей следует также, что ответственные должности занимали только кхнюм-мужчины (надзиратели на рисовых полях, старосты деревень, хранители падди, отправляющий богослужение). В надписи Пхном Кангва перечисляется группа родственников рабыни тай Кампит, которая, по-видимому, является самой старшей по возрасту. Однако возглавляет эту группу мужчина гхо Кампит, занимающий должность «кхлонь мамнак» — надзиратель [5, т. 3, с. 62]. Случаев выполнения женщинами обязанностей надзирателей и старост деревень в кхмерской эпиграфике не обнаружено.

Из приведенных выше отрывков надписей следует также, что между кхнюм не было фактического социального равенства. Добавим к этому еще несколько примеров: «Эта территория находится в подчинении гхо Шривандха, который обеспечивает культ поставками 2 лих [риса] и который ответствен за это перед храмом Шивалинга» [5, т. 4, с. 205]. «Во главе группы рабов стоит гхо Шривара, надзиратель» [5, т. 3, с. 59]. «Надзиратель гхо Канденг во главе группы кхнюм из 40 человек» [5, т. 4, с. 46]. «Исполнителями королевского распоряжения являются си Агат, си Канлань... начальники храмового персонала» [5, т. 4, с. 104]. Часто кхнюм входили в состав культового персонала храма. Очень существенны данные приводимой уже ранее надписи Прасат Кок Сак, где рассказывается о покупке неким гхо Кумарой, занимавшим пост начальника группы кхнюм светлой половины месяца, участков земли у нескольких крестьян. Этот факт свидетельствует о том, что кхнюм, занимавшие административные должности в храме, могли самостоятельно (хотя, вероятно, и с разрешения своих хозяев) вступать в деловые отношения с населением. Вряд ли можно говорить, что кхнюм, стоявшие во главе деревень, и бесправные кхнюм, о которых писал Чжоу Да-гуань, различались между собой юридически, но их реальное социально-экономическое положение было далеко не одинаковым.

Рассмотрим теперь формы эксплуатации кхнюм, занятых в сельском хозяйстве, которые были весьма разнообразны. Такое представление складывается на основании весьма кратких и отрывочных сведений ряда надписей, которые хотя и не позволяют создать целостную картину рабского труда, но достаточны для того, чтобы попытаться объяснить эти различия. В половине, если не в большинстве дарственных рабы-кхнюм просто

перечисляются поименно, и здесь можно лишь предполагать, что бо́льшая их часть была предназначена для сельскохозяйственного производства. В некоторых надписях среди прочих профессий специально отмечаются группы кхнюм, «занятые на рисовых полях»: «Рабы, обрабатывающие рисовые поля — надзиратель, 5 ва, 6 ку» [5, т. 5, с. 30]; «Мратань Индрадата передал танцоров, работников рисовых полей...» [5, т. 5, с. 14—16]. Кроме того, часто отдельно упоминаются лица, присматривающие за скотом [5, т. 5, с. 7, 18, 19], а также кхнюм, обрабатывающие садовые участки [5, т. 6, с. 310], плантации кокосовой пальмы и арека [5, т. 6, с. 4—5]. В третьей группе надписей перечисляются купленные или переданные в дар рисовые поля и рабы, которые должны их обрабатывать: в упоминавшейся ранее надписи Ват Дамнак перечислено около 20 приобретенных участков земли, к каждому из которых прикреплялась группа кхнюм во главе с надсмотрщиком: «Участок Сурабани... надсмотрщик (имя), 5 си, 9 тай, один пастух» [5, т. 4, с. 163]; «Преподношение рабынь и участков земли» [5, т. 3, с. 140]. И наконец, есть несколько надписей следующего содержания: «Рабы, которых Теп Пит Тхие и его внуки предназначили для несения повинностей. Всего 84 раба. Участки земли, на каждом из них 2 тай и 1 си» [5, т. 5, с. 147]; «Всего 19 рабов, у каждого участок земли» [5, т. 3, с. 188]. На основании последних цитат можно сделать вывод о том, что в некоторых случаях кхнюм имели в пользовании отдельные участки земли. Не исключено даже, что речь идет об обработке этих участков отдельными семьями. Во всех остальных случаях совершенно очевидно, что рабы обрабатывали участки земли, вообще никак не соотносимые с правами их личного пользования. Это доказывается тем, что в надписях второй группы отсутствует какая-либо конкретная соотнесенность рабов и земли, из чего можно сделать вывод о том, что скорее всего они работали сообща. В третьей группе надписей число рабов на каждый участок слишком велико для предположения о том, что здесь речь идет о закрепленных за отдельными семьями участках. Кроме того, присутствие в составе каждой из групп надсмотрщика, а во многих из них и лиц, присматривающих за скотом, определенно свидетельствует в пользу того, что в данном случае налицо общественная организация труда. Но даже в надписях четвертой группы, где речь идет (как известно из остального текста этих надписей) о «полях кормления» рабов, нет оснований считать, что участки были юридически закреплены за кхнюм. Во-первых, у кхнюм не могло быть юридической семьи, и, следовательно, такой участок нельзя было передать по наследству. Во-вторых, четкое распределение на каждый участок одного мужчины и двух женщин в первом случае или всего одного кхнюм — во втором определенно доказывает, что налицо сугубо формальная и временная раздача земли под обработку, а не наделение землей по типу колоната. Кро-

ме того, во всей кхмерской эпиграфике известно лишь два случая, когда кхнюм были бы как-то соотносимы с «семейными» участками полей. Поэтому никак нельзя согласиться с мнением Л. С. Седова о том, что «положение сельских кхнюм было, очевидно, ближе к статусу закрепощенных сервов, нежели рабов» [3, с. 142]. Исходя из данных эпиграфики, наоборот, можно сделать вывод о том, что между кхнюм Ангкора и крепостными наблюдалась большая разница и в юридическом, и в фактическом отношении. Это подтверждается, кстати, и полученными самим Л. С. Седовым интересными цифровыми данными о степени эксплуатации кхнюм, которая была чрезвычайно высока, а участки, переданные в «кормление» кхнюм,— недостаточными для их существования и обеспечивающими лишь часть их потребностей. Недостаток покрывался за счет выдачи питания из храмовых складов [3, с. 248]. Точно так же нельзя согласиться с мнением того же автора, что у кхнюм могло быть собственное имущество. К такому выводу он приходит на основании единственной надписи, где говорится, что рабы куплены «со всем их имуществом» [5, т. 2, с. 250]. Однако более мы таких сведений в эпиграфике не встречаем кроме одной надписи: «Дарятся рабыни с жилищами» [5, т. 6, с. 4—5]. Но и в первом и во втором случае нет доказательств того, что жилища и имущество принадлежали кхнюм, а не хозяевам.

Выше мы уже говорили, что часто кхнюм подразделялись на две группы — работников «светлой и темной половин месяца». В приводимых примерах две группы согласно распоряжению дарителя могли выполнять свои обязанности лишь в соответствующий своей группе период, а в остальное время, по-видимому, выполняли работы, связанные с хозяйством дарителя. В других надписях также нередко можно встретить деление кхнюм на такие группы: «[Подарено храму] для светлой половины месяца — девять рабов, для темной половины месяца — также девять рабов. В светлую половину они производят [количество] риса, в темную половину — такое же количество [5, т. 3, с. 188]. Далее из этой надписи известно, что существуют храмовые земли «культа», которые эти две группы кхнюм обрабатывают поочередно. Поскольку известно также, что данный храм не обязан нести никаких государственных повинностей, а кхнюм переданы дарителем в полную собственность настоятеля храма (пандита), то становится ясным, что в данном случае разделение кхнюм на две группы осуществлено лишь в хозяйственных целях. Очевидно, поочередность обработки общих полей храма была необходима для того, чтобы кхнюм имели возможность работать на своих полях кормления. В ряде надписей перечислены кхнюм, подразделенные на две аналогичные группы, но не занятые непосредственно в производстве [5, т. 3, с. 122], которые должны снабжаться продуктами питания за счет той группы кхнюм-рисоводов, к которой они относятся.

Проблема обращения в рабство свободных. Этот вопрос для истории Ангкора весьма сложен. То, что такие случаи бывали (начиная с XI—XII вв.), доказывается несколькими надписями, где перечисляются кхнюм с детерминативами свободных — лонь (мужчины) и тенг (женщины). Таких надписей немного, и они лишены деталей, необходимых для понимания реального статуса этой категории зависимых. На то, что они мало отличались от обычных кхнюм, указывает надпись, датируемая 1113 г., в которой лонь и тенг перечисляются вместе с си и тай и облагаются одинаковыми с ними повинностями [5, т. 5, с. 293]. В другой надписи тенг перечислены вместе с мужчинами, обозначаемыми обычным термином для рабов — «гхо» [5, т. 2, с. 295]. В надписи Дивихара (начало XII в.) содержится список, состоящий только из лонь и тенг, однако порядок и характер их перечисления ничем не отличаются от обычного. Таким образом, пока не представляется возможным сказать, являлись ли лонь и тенг закрепощенными, ранее свободными (что маловероятно), рабами-должниками либо попавшими в рабство преступниками. Последняя версия представляется наиболее вероятной ввиду того, что лица с такими детерминативами встречаются в эпиграфике в качестве рабов крайне редко, всего в трех-четырех надписях, которые к тому же датируются приблизительно одинаково. Поэтому не исключено, что все они были осуждены за какое-либо государственное преступление. Характерно в этой связи также то, что лонь и тенг, рабы, могли быть не только крестьянами, но и лицами различных, не связанных с сельским хозяйством профессий.

[1] У качинов, одного из горных народов Бирмы, с их патрилинейными принципами наследования, наоборот, ребенок раба и свободной являлся рабом, а ребенок свободного и рабыни — свободным.

1. *Алаев Л. Б.* К типологии феодализма на Востоке.— НАА. 1977, № 3.
2. *Лонг Сеам.* Об антропонимах в надписях Камбоджи VI—XII вв.— НАА. 1977, № 3.
3. *Седов Л. С.* Ангкорская империя. М., 1967.
4. Bulletin de l'Ecole Française de Extrême Orient. T. 28.
5. Inscription du Cambodge. Collections de textes et documents sur l'Indochine, III. T. 2—7.
6. Journal Asiatique. Vol. 242.
7. Memoirs sur les coutumes de Tcheou Takuanan. P., 1951.

А. К. Шауб

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛОЖЕНИЯ РАБОВ В ОБЩЕСТВЕ МАДЖАПАХИТА (1293—1527 гг.)

Основными источниками для написания настоящей статьи [1] послужили средневековая поэма-хроника «Нагаракертагама» («История великой династии») [2; 5; 6] и памятник маджапахитского права «Кутара-Манава» [1], известный в индонезистике как кодекс Хаям Вурука.

«Нагаракертагама» создана в 1365 г. высшим буддийским священнослужителем Маджапахита Надендрой и относится ко времени правления Хаям Вурука (тронное имя Раджасанагара, 1350—1389 гг.), при котором государство достигает своего расцвета.

«Нагаракертагама» была обнаружена в 1894 г. в святилище Чакранагара на Ломбоке (одном из Малых Зондских островов к востоку от Бали) голландским ученым Я. Брандесом.

До 1972 г. ломбокский список, пока что единственно известный исследователям, хранился в библиотеке Лейденского университета, а затем был подарен Индонезии королевой Нидерландов во время ее визита в эту страну.

Поэма-хроника написана на древнеяванском языке кави в традициях средневековой индонезийской литературы, следовавших индийским канонам и получивших название кекавины (какавины). Она состоит из 98 песен, которые делятся на четверостишия.

«Нагаракертагама» содержит обширные сведения по политической, социальной и аграрной истории государства Маджапахита, причем многие из них подтверждаются официальными документами, актами Хаям Вурука и эпиграфикой. Это позволяет считать «Нагаракертагаму» ценнейшим источником по истории раннего Маджапахита и опосредованно — по изучению социального положения различных слоев маджапахитского общества, хотя, безусловно, к материалу следует подходить критически, так как по своему жанру поэма представляет собой панегирик монарху, а создатель памятника — представитель господствующего класса.

Свод законов «Кутара-Манава» был обнаружен на Бали и впервые издан голландским исследователем Йонкером в 1885 г.

Однако в научный оборот этот правовой документ был введен индонезийским ученым Сламетмульоно [1], который воспроизвел текст балийского оригинала на индонезийском языке и прокомментировал его. Хотя комментарии Сламетмульоно лишены серьезного социального анализа памятника и сводятся лишь к изложению статей кодекса, это не умаляет заслуг автора перед исторической наукой.

Ни имя составителя кодекса, ни точная дата его создания неизвестны. В своде законов «Кутара-Манава» нет никаких упоминаний названия Маджапахита или же его исторических деятелей, известных по «Нагаракертагаме». Однако есть все основания полагать, что этот правовой документ является сводом законов Маджапахита времени правления Хаям Вурука.

Доводы в защиту этого утверждения можно свести к следующему:

1. Свод законов «Кутара-Манава» написан на древнеяванском языке кави, как и «Нагаракертагама», а не на средneяванском, на котором писались более поздние литературные памятники. Таким образом, кодекс был составлен там, где древнеяванский язык кави был местным, официальным и широко распространенным, т. е. в Маджапахите.

2. В первой строфе 73-й песни «Нагаракертагамы» [6, с. 86] указывается, что Хаям Вурук, стремясь к процветанию государства, правил на основе законов. Им должны были подчиняться все слои общества Маджапахита. Следовательно, «Нагаракертагама» подтверждает факт существования в государстве Маджапахита законодательства.

3. Во второй строфе 25-й песни «Нагаракертагамы» [6, с. 31] говорится, что Хаям Вурук, совершавший паломничество к святилищам Явы, в храме Патуканган принял чиновников, ведавших вопросами правосудия,— судей (дхармаджакса) и их помощников (упапатти).

4. Как следует из 23-й и 65-й статей кодекса [1, с. 108, 119], регламентирующих наказания за уголовные преступления и определяющих максимальную сумму штрафа, свод законов носит название «Кутара-Манава». Это же название встречается в более позднем (XVI в.) литературном памятнике Явы «Кидунг Сорандака» («Повесть о Соре») [3, с. 34], где один из министров Маджапахита, демунг (управляющий царской резиденцией) Сора, был приговорен к смертной казни на основании раздела астадуста (определявшего наказания за убийства) свода законов «Кутара-Манава».

5. В двух грамотах из Бендасари [2] и Тровулана [3], изданных Хаям Вуруком в 1358 г., приводятся решения суда, вынесенные на основании законодательства «Кутара-Манава».

Таким образом, основываясь на приведенных фактах, мы вправе рассматривать свод законов «Кутара-Манава» как правовой кодекс Маджапахита.

Анализируя документ «Кутара-Манава», нетрудно устано-

вить его связь с древнеиндийскими законами Ману (Манава-дхарма-шастра). Эта связь обусловливается тем, что в эпоху Маджапахита индийское влияние ощущалось в различных сферах жизни маджапахитского общества, в частности в законодательстве.

Так, в 109, 46, 141, 176 и 234-й статьях «Кутара-Манава» имеются ссылки на законы Ману, многие статьи повторяют разделы древнеиндийского памятника (см. [1, с. 114, 139, 136, 144, 168]). Да и само название кодекса указывает на его прямую связь с древнеиндийским законодательством.

Однако составитель свода законов Маджапахита переводил и излагал далеко не каждый раздел законов Ману. Он выбирал разделы, лишь актуальные для маджапахитского общества, приводя их в соответствие с нуждами господствующего класса.

Кодекс Хаям Вурука — «Кутара-Манава» — состоит из 271 статьи, которые сгруппированы в 19 тематических разделах. Эти разделы регламентируют систему землепользования, семейное право, куплю-продажу, определяют права наследования и меры наказания за уголовные преступления (такие, как убийство, воровство, обман и клевета). Специальный раздел кодекса из 28 статей освещает положение рабов в обществе Маджапахита.

По материалам «Нагаракертагамы» и свода законов «Кутара-Манава» маджапахитское общество предстает как общество со сложной социальной структурой, с наличием большого числа социальных групп. Обстоятельством, еще более осложнявшим общественную структуру в Маджапахите, было существование кастовой системы.

В правовом отношении все члены маджапахитского общества подразделялись в первую очередь на лично-свободных и лично-зависимых различных категорий. Лично-свободные согласно своему общественному положению образовывали варны брахманов, кшатриев и вайшьев, а лично-зависимые — варну шудров [4].

Варну брахманов составляли священнослужители двух сосуществовавших в Маджапахите религий: индуизма и буддизма. Круг обязанностей представителей брахманской варны был строго очерчен. Им предписывалось совершать все религиозные церемонии и обряды, такие, как освящение воды (тиртха), освящение земли для строительства храмов (шраддха), проведение похоронных церемоний. Они были обязаны сохранять в порядке все культовые сооружения на Яве, осуществлять контроль за работами на принадлежащих монастырям и храмам землях. Брахманы ведали также вопросами правосудия. Так, согласно третьей строфе 10-й песни «Нагаракертагамы» [6, с. 13] высшие индуистский и буддийский священнослужители Маджапахита — Брахмараджа и Надендра — являлись главными судьями в государстве. На брахманах также лежала обязанность распространения религии в отдаленных районах Маджа-

пахита вместе с взиманием налогов с населения этих районов в пользу правителя. Варну кшатриев образовывали непосредственно правитель Маджапахита, его ближайшие родственники, чиновники бюрократического аппарата, военачальники, т. е. представители правящего эксплуататорского класса.

Вся полнота светской и духовной власти находилась в руках монарха, носившего титул махараджа (шри махараджа, бхатара, бхатара прабху). Юридически он же считался собственником всей земли в Маджапахите.

Члены правящей династии с титулом бхре занимали основные посты в государстве. Они назначались наместниками в вассальные области, ставшие провинциями и округами империи. Как следует из «Нагаракертагамы» [6, с. 83], кровные родственники Хаям Вурука являлись членами королевского совета, который принимал самые важные государственные решения.

Структура бюрократического аппарата и обязанности чиновников, ведавших различными отраслями администрации, были строго регламентированы.

В Маджапахите четко выделялись три категории чиновников — махамантри, мантри туа и мантри муда, т. е. великие, старшие и младшие министры. Чиновники старших рангов (махамантри и мантри туа) носили должностной титул ракрьян. Чиновники низшего ранга (мантри муда) именовались титулом арья.

Чиновничьи посты получали лишь представители аристократии. Об этом свидетельствуют их родовые титулы: дьях, указывающий на принадлежность к правящей династии, и пу, указывающий на принадлежность к знати.

Все чиновники получали за свою службу временные земельные пожалования и таким образом становились держателями лена, а не собственниками земли. Они имели лишь право пользоваться доходами с земли. Однако в дальнейшем знать и бюрократия, имевшая пожалования, превращаясь в подлинных феодалов, добивались пожизненного пользования землей, а затем и наследственного владения ею.

Лично-свободные простолюдины, крестьяне-общинники, ремесленники, купцы образовывали варну вайшьев. Оставаясь лично-свободными, крестьяне были привязаны к общине как традиционно, так и экономически. Они получали землю от общины в силу принадлежности к ней. Вместе с тем в Маджапахите активно протекал процесс расслоения крестьянства. Это было связано с постепенным сокращением числа свободных земледельческих общин в результате подчинения их государством или же отдельным феодалом, а также с дифференциацией самих крестьян, с появлением владельческого крестьянства, обладавшего наследственным правом распоряжаться землей, и арендаторов, обрабатывающих земли феодалов.

Крестьянство в Маджапахите подвергалось тройной эксплуатации: со стороны государства (рента-налог, строитель-

ство дорог, ирригационных сооружений, храмов), феодалов и, наконец, сельских старост — буйютов, выделившихся из крестьянско-общинной среды. Безусловно, кастовая система в Маджапахите подвергалась изменениям — как результат эволюции социальных связей в обществе.

Так, отчетливо прослеживается связь между варнами брахманов и кшатриев. Мы вправе говорить о совпадении общественных функций священнослужителей и чиновничества — составных частей эксплуататорского класса. Одновременно в процессе расслоения крестьян-общинников образовывалась сельская верхушка — буйюты, которые становились низшим звеном бюрократического аппарата и тем самым тесно смыкались с кшатриями. Уменьшение числа свободных крестьян-общинников вело и к возникновению новых социальных групп, близких по положению членов этих групп к группам лично-зависимого населения, а иногда приводило к переходу крестьян в число несвободных, т. е. в варну шудров.

По свидетельству «Нагаракертагамы» и кодекса «Кутара-Манава», главной составной частью варны шудров были рабы.

Рабы в Маджапахите не представляли собой однородной социальной массы. Согласно кодексу «Кутара-Манава», они подразделялись на четыре категории: 1) рабы из военнопленных (двайяхерта); 2) рабы по рождению (грехайя); 3) лица, ставшие рабами «ради пропитания» (бхактадаса); 4) долговые рабы (дандадаса).

Как видно, в основе этой классификации лежали условия порабощения или приобретения рабов. Хотя источник и не содержит этих сведений, но можно предполагать, что рабы различались и по другим признакам, а именно по принадлежности (государству, частным лицам, монастырю) и использованию (слуги, подсобные рабочие и т. д.).

В целом можно говорить, что Индонезия не знала рабовладельческой формации из-за прочности общинных связей, ведущей роли общины в производстве, а также вследствие специфических географических условий, препятствовавших как массовому и постоянному получению рабов, так и возможности эффективно их использовать. Существенную роль играло и то, что в период складывания первых индонезийских государств в Южной и Восточной Азии уже существовали классовые общества, вступившие на путь феодализации.

Поэтому, как нам представляется, труд лиц рабского состояния в Маджапахите использовался лишь в домашнем хозяйстве. Да и сам термин «кавула», обозначающий лично-несвободное лицо, в первую очередь означает «слуга», «подчиненный» и лишь в последнюю очередь «раб».

Как следует из кодекса «Кутара-Манава», все рабы (четырех категорий) должны были жить в доме своего владельца и выполнять порученные им работы. Раб находился в полной собственности хозяина. Его можно было продать, купить, на-

следовать или же подарить другому лицу. Раб мог получить свободу, лишь внеся выкуп или выплатив долг (долговое рабство). Размеры выкупа определялись законом. В случае долгового рабства долг мог быть выплачен родственниками раба или же любым другим лицом. Согласно ст. 46. кодекса раб-военнопленный должен был внести выкуп в размере 8 тыс. монет [1, с. 114].

Бхактадаса — лицо, ставшее рабом «ради пропитания», должно выплатить стоимость предоставленной ему хозяином пищи. Ст. 150 определяет размер стоимости пропитания, которую должен был выплатить своему владельцу сын бхактадаса, переходивший в услужение к другому хозяину. «Ребенок бхактадаса, который еще не в состоянии работать, в случае передачи его другому лицу обязан выплатить сумму пропитания в размере 8 тыс. монет лицу, которое кормило его в детстве, после того как он будет в состоянии работать. Так гласит закон» [1, с. 138].

Раб по рождению — грехайя — мог получить свободу, внеся выкуп хозяину. Это же положение распространялось и на детей грехайя. Так ст. 130 кодекса гласит: «Ребенок раба (мужчины или женщины), родившийся в доме хозяина, в другой деревне или же в любом другом месте, называется „анак беси“ (букв. „железный ребенок“.— *А. Ш.*). Ребенок раба и в дальнейшем продолжает оставаться рабом. Таким образом, он становится рабом сына хозяина и должен внести выкуп за себя и своих родителей. Если у грехайя много детей, то сумма выкупа распределяется между ними равномерно. Так гласит закон» [1, с. 133].

Для своего освобождения долговой раб — дандадаса — обязан был погасить долг хозяину. Однако законом определялся ряд случаев, по которым дандадаса мог бы быть освобожден от выплаты долга:

1. Долговой раб мог получить свободу по желанию хозяина. В этом случае сын или дочь хозяина были не правомочны рассматривать дандадаса своим рабом. Противодействие закону влекло за собой штраф в размере 40 тыс. монет: «Если раб (мужчина или женщина) освободился от долга по желанию хозяина, а затем снова взят в рабство сыном хозяина, освободившего раба, то виновный обязан выплатить штраф в размере 40 тыс. монет» (ст. 42 кодекса) [1, с. 113].

2. Женщина-дандадаса считалась свободной от уплаты долга в случае насилия над ней со стороны хозяина: «[Если] кто-то приблизится к рабыне с дурными намерениями, принудит ее к прелюбодеянию без ее согласия и тем самым вынудит ее совершить побег к родственникам, главным образом к родителям, то такая рабыня считается свободной от всех долгов. Закон не считает такой побег рабыни проступком. Но правитель не налагает штраф на хозяина рабыни» (ст. 45) [1, с. 114].

3. Далее ст. 45 гласит: «Всякий, кто сблизится с рабыней

по обоюдному согласию, не имеет права требовать выплаты долга, так как рабыня считается свободной от долгов, и долг считается выплаченным. Однако если рабыня впоследствии убежит из дома хозяина, с тем чтобы выйти замуж и иметь ребенка, то она должна вернуть долг хозяину в двукратном размере, а ее муж обязан заплатить хозяину 40 тыс. монет» [1, с. 114].

Хозяин раба был не вправе продлевать срок рабства, если раб сам выкупил себе свободу или же погасил долг. Продление срока каралось штрафом в размере 20 тыс. монет и называлось воровством раба. Это положение отражено в ст. 43 кодекса: «Если раб совершил побег, а затем был возвращен хозяину после того, как он женился на богатой лично-свободной женщине, то такой раб может выкупить себя и своих детей. Хозяин не имеет права не взять эти деньги. После погашения долга хозяин не может возвращать в рабство выкупившегося. Такой раб в течение всей своей жизни, а также его внуки и правнуки считаются свободными. Всякий, кто попытается получить власть над выкупившимся рабом и его детьми, считается вором раба и штрафуется в размере 20 тыс.».

Выкуп или уплата долга должны были производиться непосредственно хозяину или же с его ведома. В противном случае это действие считалось незаконным: «Всякий, кто выкупит раба без ведома хозяина, хотя знает, что раб является его собственностью, теряет право на свои деньги, потраченные на выкуп. Раб, за которого вносился выкуп, возвращается к прежнему хозяину» (ст. 37) [1, с. 112].

Как уже отмечалось, раб находился в полной собственности хозяина. В случае, если хозяин посылал раба на работу к другому лицу, то жалованье, получаемое рабом, должно было передаваться хозяину. В случае смерти или убийства раба работодатель должен был выплатить хозяину раба все причитающееся тому жалованье.

Кодекс «Кутара-Манава» определял степень виновности за убийство раба. Так, всякий, убивший раба, был обязан выплатить долг погибшего его хозяину, а также штрафовался в размере 8 тыс. монет [1, с. 71].

Кодекс регламентировал и брачные отношения рабов. Раб мог иметь свою семью и владеть необходимым для жизни имуществом. Статьи кодекса определяли все возможные виды браков между рабами, а также между рабами и лично-свободными.

Так, если рабыня совершала побег из дома хозяина и выходила замуж за свободнорожденного, то сумма ее долгов и стоимость ее имущества делилась на три части. Две трети становились собственностью супруга, а одна треть — собственностью хозяина.

Если же брак заключался в рабском состоянии, то лично-свободный муж или лично-свободная жена становились рабами. Все их дети принадлежали хозяину. В случае смерти мужа-ра-

ба лично-свободная жена имела право только на одного ребенка.

Особое место в кодексе занимали статьи, характеризующие положение детей рабов. Так, дети рабов, родившиеся в доме хозяина, носили название «анак беси» и становились собственностью хозяина. Они наследовали долги своих родителей, но не имели права на их имущество, оно переходило в собственность хозяина: «Если супруги-рабы умирают, то их имущество переходит в собственность хозяина. Ни одно лицо не может претендовать на него. Всякий, кто является должником умершего раба, должен вернуть долг хозяину раба» (ст. 29) [1, с. 110].

Ребенок хозяина и рабыни не наследовал долги матери, но также не имел права на собственность отца. Если в дальнейшем хозяин женился на лично-свободной женщине и у них не было потомства, то ребенок рабыни мог наследовать имущество отца. Несмотря на это, он должен был выплатить долг своей матери.

Таким образом, существование в законодательстве Маджапахита отдельного раздела, посвященного положению рабов в обществе, свидетельствует о том, что рабство как институт гражданского права занимало в праве Маджапахита одно из важнейших мест.

К сожалению, недостаточная изученность средневековых яванских источников не позволяет четко установить границу между юридическим и реальным положением рабов в маджапахитском обществе. Это — тема дальнейшего исследования.

[1] Рамки данной статьи позволяют дать лишь схематичную картину различных аспектов маджапахитского общества, в частности положения рабов. Безусловно, мы признаем, что наши оценки в чем-то неточны, а выводы спорны или же недостаточно аргументированы. В дальнейшей работе над источниками мы попытаемся выявить новые факты, которые позволят глубже проанализировать социальную структуру Маджапахита, систему землепользования, права собственности, налогообложение и другие важные проблемы.

[2] Грамота из селения Бендасари. Обнаружена на Восточной Яве. В ней говорится о решении суда в пользу некого Сараны в его споре с неким Авунгой Харсой по поводу права собственности на землю в районе Манук [4, с. 154—158].

[3] Грамота из Тровулана (Восточная Ява). Издана Хаям Вуруком в 1358 г. Определяет правила перевозки грузов через р. Брантас [7, с. 112].

[4] В Маджапахите также существовала общественная категория лиц, стоящих ниже шудров, которых общество не рассматривало как своих членов. В четвертой строфе 81-й песни «Нагаракертагамы» [6, с. 95] эти лица носят названия чандалов, млечьев и тучьев. Чандалы были заняты презираемыми обществом работами — исполняли обязанности похоронной прислуги, палачей и мусорщиков. Прикосновение к чандалам или же хотя бы отдаленное родство с ними низводило представителя высших варн до положения самого чандала.

Млечьями в Маджапахите назывались инородцы. Так, арабские, китайские и индийские купцы, жившие в портовых городах Явы, рассматривались как млечьи.

Тучьи — лица, совершившие преступления: убийцы, воры и грабители.

1. *Slametmuljana.* Perundang-undangan Madjapahit. Djakarta, 1967.
2. *Slametmuljana.* Nagarakertagama dan tafsir sejarahnya. Djakarta, 1979.
3. *Berg E. J. van den.* De val van Sora.— Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde. Vol. 11. 's Grafenhage, 1913.
4. *Brandes J.* Oud-javaansche Oorkonden. Batavia, 1913.
5. *Kern H.* De Nagarakertagama. Oud-javansche lofdicht of Koning Hayam Wuruk van Majapahit. Door Prapanca. 1287—1365. A. D. 's-Grafenhage, 1919.
6. *Pigeaud T. G. Th.* Java in the 14 Century. A Study in Cultural History. The Hague. 1960—1963. T. 1, 3.
7. Oudheidkundig Verslag. 's-Grafenhage, 1918.

Б. Н. Мельниченко

РАБСТВО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ТАИЛАНДЕ (СИАМЕ)

В статье сделана попытка рассмотреть проблему рабства и близких к нему форм личной несвободы в таиландском феодальном обществе XIV — первой половины XIX в., т. е. в период существования этого общества на современной территории Таиланда в качестве самостоятельной социальной структуры. Тайская миграция в XIII в. в Центральном Индокитае привела к образованию здесь крупных государств Сукотаи (1238—1438) и Аютии (1350—1767). В этих государствах постепенно развивались феодальные социально-экономические отношения; они стали ведущими и господствующими в сиамском обществе. В своем развитии раннефеодальное сиамское общество прошло через несколько этапов и к середине XIX в. вступало в период развитого феодализма. Дальнейшее спонтанное в целом развитие сиамского феодализма в середине XIX в. было прервано и деформировано колониальной экспансией капиталистических держав. Поэтому мы будем рассматривать проблему во времени до середины XIX в.

По мнению автора, многие основные черты сиамского феодального общества эпохи Аютии позволяют говорить именно о раннефеодальном его характере. Среди них можно назвать: 1) незавершенность внутренней колонизации (освоения в масштабах страны всей пригодной для земледелия площади); 2) незавершенность процесса отделения ремесла от земледелия в масштабах всего общества, низкий уровень ремесленного производства, отсутствие рынка орудий труда, отсутствие отделения ремесленного производства от сбыта его продукции в области материального производства; 3) господство феодальных отношений и в деревне, и в городе; продолжающийся процесс их развития, дальнейшая феодализация всего общества, укрепление прав собственности феодального класса на всю землю; 4) укрепление прав феодалов на личность непосредственного производителя, продолжающийся процесс формирования класса закрепощенного крестьянства; 5) отсутствие организаций ремесленников типа цеховых, отсутствие в целом эксплуатации подмастерьев и наемных работников в ремесле, отсутствие города как социально-экономической силы в обществе; 6) структура господствующего класса — принцип вер-

ховной собственности государства в лице короля на землю в сочетании с надельной системой — в области социальных отношений [6, с. 188, 204—217, 243, 255; 5, с. 9, 143; 1, с. 57—67].

Все эти черты сиамского общества XIV—XVIII вв., *взятые в совокупности*, не позволяют нам характеризовать его как общество развитого феодализма.

Бо́льшая часть письменных памятников сиамского средневековья погибла в 1767 г., когда столица Аютии была разрушена и сожжена бирманцами. Основными источниками по проблеме рабства в средневековом Сиаме в настоящее время являются тексты сиамских законов, которые или специально говорят о рабах, или упоминают рабов среди иных групп населения. Так, в кодекс 1805 г. были включены законы о долговых рабах, в которых регулировались вопросы продажи в рабство за долги среди местного (сиамского) населения (продажа за полную и неполную стоимость). Сообщения об условиях продажи и о положении долговых рабов имеются также во многих других статьях кодекса 1805 г. Эти законы о долговых рабах были полностью или частично опубликованы в английском переводе Д. Брэдли, А. Бастианом, С. Смитом и др.

Некоторые сведения о несвободных (кха) в Сукотаи имеются в сохранившихся тайских эпиграфических памятниках конца XIII — середины XIV в. (стела Рама Камхенга и др.).

В официальных отчетах, описаниях Сиама, воспоминаниях европейских дипломатов и миссионеров, купцов и путешественников, посетивших Сиам в XVII—XIX вв., содержится определенный материал и о рабстве в этой стране. В книгах мы можем найти и текст контракта о продаже в рабство, и описание условий жизни рабов-пленных, и сообщения о рынках работорговли, и сведения о количестве рабов и их использовании в производстве, и многие другие материалы. Нами были использованы книги главы́ голландской фактории в Аютии ван Флита, голландского путешественника Яна Якоба Стрейса [8], французских послов аббата Шуази [19] и де ла Лубера [20], французских миссионеров Лё Блана [21], Орлеана [24], Жервёза [17] и др. Все перечисленные выше авторы были в Сиаме в XVII в. Из работ, вышедших в свет в XVIII в., использована книга французского епископа Тюрпена [29], а из работ иностранцев, посетивших Сиам в XIX в.,— книги английских послов Джона Кроуфёрда [14] и Джона Боуринга [11], французского епископа Паллегуа [25], американской миссионерки М. Корт [13], путешественника Х. С. Халлета [18].

Из современной западной литературы особое значение для изучения социального строя средневекового Сиама, в частности проблемы рабства, имеют две работы: книга французского исследователя Р. Линга «Частное рабство в древнем сиамском праве» [22] и работа английского ученого Х. Г. Кэритча Уолэса «Древнее сиамское правительство и администрация» [33].

Р. Линга собрал и перевел сохранившиеся законы средневекового Сиама, касающиеся несвободных. Он подробно разбирает вопросы об источниках рабства, об условиях и форме продажи, правомочности контракта, о положении рабов, о случаях освобождения и, наконец, вопрос об уничтожении рабства в Сиаме во второй половине XIX в. К сожалению, автор подходит к проблеме только с юридической точки зрения, почти полностью игнорируя вопросы использования труда несвободных, характер их *соединения* со средствами производства, разницу в способах этого *соединения*, и в результате не только в анализируемых им сиамских законах, но и в выводах не прослеживается четкого различия между рабами и крепостными. Как отмечала Н. В. Ребрикова, «Р. Линга, справедливо подчеркивая в своей монографии сложные стороны структуры сиамского общества, полностью игнорирует значение экономического фактора в его истории... Социальное состояние несвободных рассматривается только как юридический институт. Спорная проблема крестьянства сведена лишь к „рабству“» [6, с. 9—10].

В книге Уолэса выдвинута наиболее полная в буржуазном таиландоведении концепция структуры средневекового сиамского общества, которое характеризуется Уолэсом как феодальное. Однако феодализм предстает здесь лишь как система юридических отношений, в которых определено место и для рабов-военнопленных как наиболее ущемленной в правовом отношении группы населения.

Другие категории рабов, например рабы частных лиц, по мнению К. Уолэса, находились в значительно лучших условиях. «Мы видим, что рабы имели весьма широкие права, и вообще можно отметить, что положение рабов часто было лучше, чем положение свободных»,— пишет К. Уолэс [33, с. 63].

Использованы работы таиландских авторов. В работах крупнейшего таиландского историка принца Дамронга «Древняя история Сиама» и «Наши войны с бирманцами» сделана попытка воссоздать военно-политическую историю сиамского средневековья [10; 15].

В книге современного историка Акин Рабибхадана «Организация тайского общества в ранний период Бангкока» [26] помимо рассмотрения основной темы, указанной в названии, автор приводит некоторые сведения о социальных отношениях и в более ранние периоды сиамской истории.

В советской историографии проблема рабства в средневековом Таиланде (Сиаме) специально не рассматривалась. В книге Н. В. Ребриковой «Очерки новой истории Таиланда (1768—1917)» [5] в разделе «Категории крестьян. Формы эксплуатации» в составе кха (кабальные должники, прай луанг, рабы) рассматривается и такая социальная категория, как рабы, а также их положение в первой половине и середине XIX в. В работе того же автора «Таиланд. Социально-экономическая история. XIII—XVIII вв.» [6] хронологически последо-

вательно показан процесс развития института *несвободы* в сиамском обществе, становления и массового применения «форм примитивного рабовладения и крепостничества» [6, с. 155]. Трудность четкого разделения последних, вызванная сложностью анализа имеющегося материала (законы, эпиграфика, нарративные источники), сказывается, однако, и в этих двух книгах. Отдельные факты были почерпнуты также из работ Э. О. Берзина «История Таиланда» [1], В. И. Корнева «Тайский буддизм» [2], Л. А. Седова «Ангкорская империя» [7] и из некоторых других работ советских авторов, касающихся сиамского средневековья.

В сиамском феодальном обществе рабство сохранялось на протяжении почти всего времени его существования. Институт рабства официально был отменен лишь в конце XIX — начале XX в. (сведения о существовании рабства у тайцев имеются уже в XIII—XIV вв.). Правда, термин «кха» в тайской эпиграфике этих веков использовался для обозначения несвободных вообще. Затруднительно в каждом отдельном случае четко разграничить рабов и лично-зависимых. Поэтому первоначально мы лишь приведем несколько примеров, показывающих численность и положение кха.

В надписи Рама Камхенга, датируемой 1292 г., кха упоминаются среди жителей Сукотаи [22, с. 5]. В надписи 1357 г. из ва́та Махадат говорится о купле-продаже кха на рынке [12, с. 69]. Военнопленных-кха включали в состав тайской патриархальной большой семьи. «Кха — это предмет собственности, имущество „дома“ (патриархальной большой семьи.— *Б. М.*). Они находятся под властью главы „дома“ вместе со свободными членами „дома“, женами и детьми»,— так определяет положение кха Н. В. Ребрикова [6, с. 96].

В середине XIV в., при Рама Тибоди I (1350—1369), первом короле государства Аютия, широко протекает процесс закрепощения непосредственных производителей. В правление этого короля был опубликован первый сиамский кодекс законов. До нас дошла лишь часть законов Рама Тибоди I, в некоторых из них говорится о рабах. Так, по закону о судебных показаниях (1350 г.) были лишены права выступать свидетелями в суде среди прочих лиц также должники и рабы истца и ответчика. В законе о наказаниях за похищение женщины (1356 г.) говорится о женах, дочерях и рабынях истца. Законом 1359 г. было определено семь категорий несвободных: 1) купленные с имуществом; 2) дети несвободных родителей; 3) полученные по наследству; 4) полученные хозяином от третьих лиц в качестве подарка; 5) преступники, выкупленные и тем самым освобожденные от наказания; 6) голодающие, продавшие свою свободу за пищу; 7) военнопленные [22, с. 41, 294—295].

В законе 1355 г. указывалось, что прай сом (юноши, проходившие военное обучение в усадьбе своего хозяина — ная)

принадлежат наю, так же как его рабы, жены и дети (см. [2, с. 80]).

Анализируя текст закона о похищениях 1356 г., Р. Линга приходит к выводу о широком распространении практики покупки и перепродажи рабов и в Аютии, и в Сукотаи в середине XIV в. [22, с. 4—6]. Рабство в середине XIV в. уже внедрилось в социальную жизнь в Сиаме — таков общий вывод Р. Линга [22, с. 8], с которым, как нам представляется, вполне можно согласиться.

Источники рабства

Существовало несколько основных источников рабства: превращение в рабов пленников; покупка рабов-иноземцев; долговое рабство среди сиамского населения; обращение в рабов преступников; рабство от рождения.

Превращение в рабов пленников. Важнейшей целью военных походов и набегов сиамцев на земли своих соседей, как правило, был захват пленных и угон их на сиамскую территорию. Из множества возможных примеров ограничимся несколькими. В 1393 г. из Кампучии было угнано около 90 тыс. пленных [1, с. 71; 16, с. 58]. Когда в 1584 г. сиамская армия Наресуэна продвигалась к столице Бирмы Пегу, основными задачами Наресуэна были освобождение угнанных ранее в Бирму сиамцев (удалось освободить более 10 тыс. человек), а также захват и угон в Сиам населения с бирманской территории [15, с. 191; 10, с. 18; 9, с. 188]. В успешных сражениях с бирманцами сиамские войска захватили в плен в 1585 г. около Аютии более 10 тыс. человек [15, с. 145—146], в 1593 г. в морском сражении около Тавоя — около 500 человек, одновременно в битве при Тенассериме пленили около 400 человек [15, с. 173]. В 1594 г. из Кампучии было выведено сиамскими войсками 90 тыс. жителей. Пленные кхмеры и освобожденные из кхмерской неволи сиамцы были направлены для поселения в северные провинции Сиама [15, с. 174; 3, с. 215; 9, с. 190]. Множество пленных было угнано сиамскими войсками из Нижней Бирмы в 1595 г. [15, с. 178—179], из Чиангмая в 1662 г. [15, с. 239]; много пленников попало в руки сиамских солдат после победы над бирманскими войсками в долине Меклонга в 1663 г. [15, с. 244].

Увод пленников с целью их эксплуатации был характерен для Сиама и в XVIII в., и даже в первой половине XIX в. Так, например, в провинцию Ратбури было переселено около 7 тыс. пленных кхмеров [25, с. 99]. С территории Вьентьяна было уведено в центральные районы Сиама, а также в Нонкай около 100 тыс. человек (см. [5, с. 90]). Английский посол Кроуферд, побывавший в Бангкоке в 1822 г., писал о рабах-кха из горных племен, которых сиамцы уводили в рабство: «Сиам-

цы бесцеремонно похищают их, когда тому представляется возможность. В результате такой практики рабов-кха можно в большом числе встретить в столице Сиама» [14, с. 272]. Естественно, важнейший вопрос заключается в том, как и какими методами в Сиаме эксплуатировали этих пленников? Их судьбой распоряжался король [22, с. 47—48]. Бóльшую их часть селили на государственных землях, наделяли землей, прикрепляли к земле, превращали в зависимых крестьян категории прай луанг (королевские люди), которых эксплуатировали путем взимания феодальной ренты [1].

Как отметил в своем дневнике 16 декабря 1685 г. член французского посольства де Шуази, после похода в лаосские земли сиамские солдаты вывели оттуда 3 тыс. пленных, «которым дали землю, чтобы... ее обрабатывали» [19, с. 490—491]. «В Сиаме — около 1,2 млн. военнопленных и их потомков, которые выполняют [трудовые] повинности в течение трех месяцев в году»,— писала американская миссионерка М. Л. Корт (жила в Сиаме в 70-х годах XIX в.) [13, с. 19]. Она отмечала, что потомки пленных, уведенных из Лаоса в конце XVIII в., живут в близких к Бангкоку провинциях в деревнях и обрабатывают выделенные им земли; их призывают для выполнения воинской и трудовой повинности [13, с. 355—356].

Лишь меньшая часть пленников становилась в полном смысле этого слова рабами — как юридически, согласно сиамскому праву того времени, так и фактически. Их называли даса луанг (рабы короля). Использовали даса луанг для обслуживания короля, его семьи, гарема, дворца. Король часто дарил пленников буддийским монастырям; тогда они становились кха ват (рабы монастырей) и обрабатывали монастырские земли. Король также дарил многочисленных пленников принцам, военачальникам, губернаторам, чиновникам, некоторым отличившимся в сражениях воинам [20, с. 294—295; 22, с. 48; 33, с. 60—61].

Покупка рабов-иноземцев. «Купленные на борту джонки» (термин сиамского права), рабы-иноземцы не имели права выкупа и являлись рабами в полном смысле этого слова. Рабы поступали на рынки столицы и пограничных городов Сиама из государств Малаккского полуострова, из Лаоса и Кампучии, из горных районов страны [11, с. 191; 14, с. 226—227, 272; 22, с. 45].

Долговое рабство среди сиамцев. Среди категорий долговых рабов, перечисленных в законах кодекса 1805 г., подлинными рабами являлись *проданные окончательно*, проданные за полную цену (тхат тай кáт кха).

В Аютии королевским указом устанавливалась продажная стоимость свободных мужчин, женщин и детей, которая теоретически равнялась рыночной цене раба. Таким образом, продажная стоимость в случае окончательной продажи должна была соответствовать рыночной цене раба [22, с. 51, 61—62].

Окончательной продажей по закону считалась также продажа хозяином своих рабов или зависимых от него людей, которая была совершена во время голода.

Соответствующая статья в законе (19-я) гласит, что если кто-либо продал своих рабов или детей и других младших членов своей семьи во время голода за неполную стоимость, а купивший кормил их во время голода, то выкупить этих лиц продавший мог только за полную стоимость [22, с. 308, 21]. И все же раб-сиамец, даже проданный за полную цену, находился по закону в несколько лучшем положении, чем раб-иноземец. Он сохранял сакди на, равным 5^2 [22, с. 160; 33, с. 60]. Сиамские законы подробно описывают положение сиамца, проданного за полную цену, причем постоянно противопоставляют положение долговых рабов-сиамцев и купленных рабов-иноземцев [22, с. 45].

Обращение в рабов преступников было весьма широко распространено в средневековом Сиаме [19, с. 528; 22, с. 45; 33, с. 61].

Наконец, *рабство от рождения* также было узаконено сиамским правом. Ребенок от матери-рабыни становился рабом хозяина: «Дети, рожденные от брака рабов, принадлежащих разным хозяевам, будут все принадлежать хозяину матери, подобно тому как телята все принадлежат владельцу коровы» [22, с. 354; 97 (ст. 7), 91 (ст. 1)].

Имеются сведения о больших количествах рабов, которыми владели король, принцы, губернаторы, чиновники, а также буддийские монастыри. Так, в начале XVII в. губернатор провинции Кампенгпет имел более 2 тыс. рабов [32, с. 55, 65]. Французский посол Ла Лубер писал, что в 80-х годах XVII в. при королевском дворе в Аютии «было много господ, одетых в богатые одежды с украшениями из драгоценных камней; их обычно сопровождали 100, а то и 200 рабов и значительное число слонов» [20, с. 128].

О рабах, прислуживающих во дворце, упоминал голландский автор Ван Флит [32, с. 62]. Ла Лубер отмечал, что рабами владели король, буддийские монастыри, чиновники и даже торговцы [20, с. 74—75, 90, 125, 294—295].

О рабах — гребцах на лодках упоминают Ла Лубер [20], Лё Блан [21], Жервез [17], но, пожалуй, наиболее впечатляющую картину в отношении количества рабов рисует Ван Флит, описавший паломничество короля к буддийским святыням по реке [30, с. 26]. Впереди процессии следовало 200 лодок чиновников с 50—60 гребцами в каждой, пишет он. За ними — более крупные лодки самого правителя, его семьи, знати; на многих лодках имелось по 60—100 гребцов. Общее число лодок составляло 350—400, и «если мы даже приблизительно подсчитаем число рабов-гребцов, то их окажется многим более 10 тыс.» (!). Жервез упоминает о процессии на реке более 250 лодок, в королевской лодке находилось 120 гребцов. Ла Лубер упоминает

о 100—120 гребцах в лодках короля и о 20 гребцах в лодках знати и чиновников (см. [27, с. 121—122]).

В источниках имеются сведения о рабах-телохранителях, носильщиках, привратниках, сторожах, посыльных, уборщиках, гаремной прислуге, рабынях-наложницах [20, с. 294—295; 24, с. 77]. Много рабов было у буддийских монастырей. Росло и число переданных им королем или представителями знати несвободных — кха, которые в монастырях использовались главным образом в обслуживании, строительстве, для потребностей отправления культа.

В надписи 1488 г., составленной муном Даб-рыаном, говорится об основании им вáта, куда он пригласил десять монахов. Даб-рыан передал вáту земли, а также купил для вáта рабов и пожертвовал драгоценности. В надписи упомянуто, что строительство вáта велось руками членов общины, которую возглавлял мун Даб-рыан. Следовательно, эти две категории населения четко разграничены: свободные общинники строят ват в порядке выполнения трудовой повинности, а рабы куплены без земли и имущества и переданы вáту для его обслуживания [6, с. 131].

Положение рабов

Отличие рабов от закрепощенных. В средневековом сиамском праве для обозначения несвободных использовался термин «кха». Категория «кха», как упоминалось выше, включала в свой состав как рабов в подлинном смысле этого слова, так и закрепощенных прай луанг, кабальных должников, проданных за неполную стоимость и сохранявших право выкупа, и др. Однако и в сиамском праве, и в реальности сиамского средневековья мы можем обнаружить различие в положении подлинных рабов, с одной стороны, и всех различных категорий закрепощенных — с другой. Это различие видно и из официальных документов. Так, в королевском указе 1748 г. говорится о том, что положение крестьян прай луанг ухудшилось и что оно стало тяжелее положения всех других групп податного населения, даже рабов [26, с. 38]. Это ненормальное явление — такой вывод позволительно сделать из текста указа. Рабы и феодально-зависимые (закрепощенные) — это разные группы населения Сиама, отмечали в своих записях европейцы, посещавшие Аютию. Так, Ла Лубер писал, что чиновник получает от правительства жилище, мебель, золотые или серебряные коробочки для бетеля, зонт (знак власти), оружие, лодку, транспортных животных, крестьян прай сом, обязанных работать на чиновника, рабов и участок пахотной земли [20, с. 247].

Европейские авторы писали, что «мягкое рабство» в Сиаме не может быть уподоблено классическому античному рабству,

что судьбу рабов в Сиаме можно сравнить с судьбой слуг в Европе [20, с. 296; 25, с. 233; 11, с. 193]. Р. Линга пришел к выводу, что рабы не составляли в Сиаме отдельного класса населения и что условия жизни рабов почти не отличались от условий жизни податного населения [22, с. 227, 160]. Несколько по иному освещает этот вопрос К. Уолэс. Он пишет, что нельзя выделить в особый класс населения частных рабов, так как эти рабы обладали значительными правами, в том числе правом владеть имуществом и наследовать его, правом создавать семью, правом обращаться в суд через посредство своих хозяев. А вот рабы-военнопленные, продолжает далее К. Уолэс, так сильно отличались по условиям жизни от частных рабов и свободных, что именно рабов-военнопленных следовало бы выделить в отдельный класс населения [33, с. 60]. Таким образом, мы видим, что реальные и юридические отличия в положении различных категорий рабов приводят исследователей к противоречивым выводам о рабстве в средневековом Сиаме.

Сиамское право резко противопоставляет лиц, полностью несвободных (проданных за полную цену и не имеющих права выкупа), и лиц, проданных за часть цены и соответственно сохранивших право выкупа. Конечно, такое различие имеет для нас огромное значение при определении принадлежности конкретного лица к категории рабов или феодально-зависимых. Но главное, принципиальное значение для нас имеют не юридические, не бытовые, а производственные различия.

«Главная линия водораздела между рабством и крепостничеством...— пишет В. П. Илюшечкин,— проходит, по всей видимости, не столько в плоскости различия их как сословно-правовых групп, сколько в плоскости различия в характере связей рабов и крепостных со средствами производства и определяется степенью их действительной хозяйственной самостоятельности» (цит. по [4, с. 53]).

С учетом сказанного выше попытаемся дать описание положения рабов в целом, отметив прежде всего то, что относилось ко всем категориям рабов. Рабов не считали подданными правителя, их не включали в списки податного населения, их не татуировали. Сиамец, продавший себя за долг в рабство (за полную стоимость), должен был быть вычеркнут из списков барщинообязанных (призываемых для выполнения трудовой повинности). Рабов не брали в войско, они не платили налогов [22, с. 85, 160; 33, с. 62]. Закон запрещал убивать раба [22, с. 66, 166]. Во всех других отношениях раб находился в полном распоряжении хозяина. «Раб находится во власти хозяина»,— гласит закон [22, с. 323—324, 298—299]. В законе также указывалось, что хозяин имеет право бить раба. «Проданный окончательно» утрачивал, согласно закону, какие-либо семейные или иные связи с тем, кто его продал. Характерна в этом отношении статья 4, в которой говорится о том, что если глава семьи продал окончательно своего ребенка, а затем

украл его у его нового хозяина, то он присуждается к штрафу как за обычную кражу [22, с. 65—66, 325, 45]. Хозяин мог продать, подарить и передать по наследству раба, мог распродать членов семьи раба по своему усмотрению [22, с. 65, 91, 163—164]. Таким образом, как отмечает Р. Линга, раб был частью имущества хозяина наряду со слонами, лошадьми, буйволами, быками [22, с. 66, 164]. В законах 1805 г. рабы, как было сказано выше, действительно приравнивались к скоту [22, с. 354, 97 (ст. 7)]. Хозяин мог посадить раба в тюрьму, велеть бить палками, заковать в кандалы, надеть шейные колодки и т. п. Хозяин мог послать раба нести любые телесные наказания вместо себя (по приговору суда). Он имел право сдавать раба внаем другому лицу [22, с. 167—168, 170—171, 173, 183, 298—299]. Законы предусматривали суровое наказание за укрывательство беглых рабов [22, с. 324, 43 (ст. 2)].

В Аютии рабы (тхат, кха, тхат тай кат кха) не имели права выкупа. Жены-рабыни не пользовались имущественными правами [23, с. 152]. Рабов не допускали в монашескую общину; раб не мог уйти в монастырь даже временно [33, с. 57]. Для того чтобы раб мог стать членом буддийской монашеской общины, хозяин должен был объявить его свободным. Лишь тогда бывший раб мог стать послушником или монахом, и, даже если он выходил из монашеской общины, он уже имел право не возвращаться к своему бывшему хозяину, не возвращаться в рабское состояние [22, с. 342, 75 (ст. 21)].

Хотя условия существования рабов были достаточно суровы, все же реальное положение рабов было несомненно лучше, чем в античном рабовладельческом обществе. «Мягкость» рабства была отражена и в сиамском законодательстве:

1. Закон запрещал самовольное убийство раба и наказывал убийцу-хозяина так же, как и за убийство свободного [22, с. 66, 166].

2. Законом предусматривались различные условия и обстоятельства, при которых и *полные рабы* (долговые рабы, не имевшие права выкупа) получали определенные возможности улучшения своего положения. Так, например, детей, родившихся от родителей-рабов, но вне дома хозяина, можно было выкупить за $^4/_5$ их стоимости [3] [22, с. 74].

3. Раб мог иметь свое имущество, отличное от имущества хозяина, и имел право распоряжаться им [22, с. 194—195]. Имущество, принадлежавшее рабу до его закабаления, после смерти раба переходило его родственникам, только в случае, если их не было, оставалось у хозяина [22, с. 349—350, 88 (ст. 8—9)].

4. Закон признавал брак рабов и предоставлял защиту брачных прав и контракта, а также предусматривал наказания за их нарушение. Прежде всего, сохранялся брак, заключенный до закабаления. Далее, раб мог вступить в брак с рабыней и со свободной женщиной. Свободная женщина —

жена раба — не находилась под властью хозяина своего мужа. Раб-мужчина не нуждался в согласии своего хозяина для женитьбы [22, с. 189—191, 193—194].

С развитием производительных сил и феодальных отношений в сиамском обществе происходило дальнейшее смягчение положения рабов. Например, в конце периода Аютии закон разрешал рабу, подвергавшемуся жестокому обращению, искать другого хозяина, который был бы согласен его перекупить [22, с. 66]. По кодексу 1805 г., положение большинства категорий рабов во многих отношениях стало одинаковым с положением долговых рабов из местного населения. Постепенно почти на все категории рабов было распространено право выкупа [22, с. 42, 49, 80, 245, 248—249, 263]. С течением времени все более мягкими становятся законы в отношении смешанных браков между свободными и рабами [22, с. 77—78].

Общая направленность такого смягчения положения рабов, а также результат этой проявляющейся в законах тенденции заключались в постепенном уменьшении числа рабов и в увеличении числа податного населения, в чем, естественно, были заинтересованы и само феодальное государство, и крупные феодалы. Эта тенденция хорошо видна на примере законов, регулировавших положение детей от смешанных браков свободного и рабыни. Так, в законах о распределении населения, действовавших в Аютии, говорилось:

«Ст. 11. Если мужчина из *военного класса* взял в жены рабыню из *гражданского класса* и от этого союза родилось четверо детей, они будут принадлежать хозяину рабыни, числящейся в *гражданском классе*. Если родится пять детей, начальник отца выберет из них одного. Если родится шесть, хозяин матери выберет из них четырех. Если родится семь, начальник отца выберет из них двух. Если родится их девять или десять, начальник отца выберет из них троих, хозяин матери получит восемь.

Ст. 12. Если мужчина из *гражданского класса* взял в жены рабыню из *военного класса* и от этого союза родилось семь детей, они будут принадлежать хозяину матери. Если родится восемь детей, хозяин матери выберет из них семь. Если родится их девять или десять, начальник отца выберет из них двух» [22, с. 77, сноска 1].

Итак, в первом случае первые четверо детей — все оставались в рабском состоянии, а из последующих — приписывались к ведомству (крому) отца лишь один из пяти, двое из шести-семи или трое из девяти-десяти. Во втором случае все первые семеро детей оставались рабами, а из последующих становились податными лишь один из восьми или двое из девяти-десяти.

Таким образом, в Аютии лишь меньшая, крайне незначительная часть детей, рожденных от брака свободного мужчины и женщины-рабыни, переходила под власть чиновника — на-

чальника отца и превращалась в феодально-зависимых, податных тружеников [22, с. 78—79, сноска 2]. Бо́льшая часть детей — первые четверо или даже первые семеро — оставалась рабами. Можно довольно смело предположить, что большинство рабынь, принадлежавших хозяевам, приписанным к военному ведомству, имело все-таки менее семи детей. Итак, лишь крайне незначительная часть детей становилась феодально-зависимыми.

Положение меняется к концу эпохи Аютии — началу эпохи Бангкок, что и зафиксировано в законах о рабах, включенных в кодекс 1805 г. Согласно ст. 91 и 94, свободный отец практически получил право выкупить всех своих детей от жены-рабыни у ее хозяина за половинную стоимость, т. е. можно сказать, что теперь уже половина всех детей, рожденных от брака свободного мужчины и жены-рабыни, становятся податными, феодально-зависимыми (другими словами, дети от свободного и рабыни наполовину свободны). Половина детей, а не $^{1}/_{5}$ или $^{1}/_{8}$ их числа (!) [22, с. 78, 192]. Правда, если дети родились в доме хозяина матери, то в этом случае отец должен был заплатить за них выкуп — $^{2}/_{3}$ их стоимости [22, с. 78]. Но тем не менее общая тенденция облегчения выкупа, расширения возможности превращения детей-рабов в податных, постепенного изживания рабства здесь прослеживается.

Анализируя сиамские законы о рабах, Р. Линга пришел к выводу о том, что законодательство о рабстве в Сиаме постепенно унифицировалось и смягчалось и что в конце концов (т. е. к XIX в., кодекс 1805 г.— *Б. М.*) положение всех категорий рабов по закону стали приравнивать к условиям *неполных рабов* (т. е. проданных за неполную стоимость) [22, с. 161—162, 207—209]. Этот вывод, как нам представляется, в целом правилен и подчеркивает существовавшую в сиамском феодальном обществе тенденцию постепенного изживания рабства.

Использование труда рабов

Среди рабов в средневековом Сиаме можно выделить две категории: 1) домашние и монастырские слуги; 2) рабы, используемые в производстве.

Нам представляется несомненным, что подавляющее большинство рабов относилось к первой категории. Об участии рабов в производстве мы располагаем весьма незначительными данными. Так, в уже упоминавшейся надписи 1488 г., обнаруженной в окрестностях Чиангмая, говорится также и о том, что мун Даб-рыан для работы у принадлежащих ему печей для обжига керамики приобрел рабов-ремесленников (см. [6, с. 131]). Имеются сообщения, относящиеся к XVII в., о том, что на полях, принадлежащих королю, чиновникам и буддий-

ским монастырям, работали также и рабы [30, с. 64—65; 20, с. 294—295].

Мы уже приводили слова английского посла Кроуфёрда о рабах-кха из горных племен пограничных районов Сиама. Немецкий ученый и путешественник А. Бастиан, побывавший в Сиаме в начале 60-х годов XIX в. и встречавший здесь похищенных и проданных на рынке Бангкока горцев-кха, рассказывает об их дальнейшей судьбе: «Кха населяют низенькие хижины, расположенные вблизи пашен, принадлежащих сиамскому дворянству. Эти пашни они обрабатывают» (см. [5, с. 93]).

Где есть возможность проверить и уяснить сообщения европейских авторов о конкретном положении этих так называемых рабов, там (в большинстве случаев) они оказываются не рабами в полном смысле этого слова, а закрепощенными непосредственными производителями, которых феодалы наделяли землей, прикрепляли к земле и эксплуатировали феодальными методами.

Так, наблюдения де Шуази в конце XVII в. показывают нам, что «рабы» — гребцы на лодках были отнюдь не рабами, а крестьянами, выполнявшими таким образом принудительные трудовые работы [19, с. 526—527].

«Те хозяйства,— писал о сиамской деревне XVIII в. французский католический епископ Тюрпен,— которые имеют много несвободных, позволяют им работать на соседей. Таким образом, это скорее сервы, чем настоящие рабы, потому что за уплату оброка своему хозяину они пользуются свободой» [29, с. 59].

Французский католический миссионер Паллегуа, проживший в Сиаме несколько десятилетий в первой половине и середине XIX в., писал в 1854 г. об использовании труда долговых рабов: «Хозяева используют своих рабов для домашних услуг, как гребцов, для обработки садов и полей, а иногда дают им заниматься небольшой торговлей, доход от которой идет хозяину» [25, с. 234].

У Паллегуа, однако, по тексту неясно, о каких долговых рабах идет речь в данном случае — имеют ли они право выкупа или уже потеряли его.

В качестве примера описания европейским автором положения монастырских рабов, которые оказываются в конце концов все-таки не рабами, а крепостными крестьянами при монастыре, приведем слова английского инженера X. С. Халлета, посетившего северный Сиам в 80-х годах XIX в.: «Монастырские рабы — кха-ват — стоят вне общества; они — либо потомки монастырских рабов, либо были подарены пагоде своими хозяевами или обречены на эту службу за преступления. Даже король не смеет освобождать монастырского раба. Не только они сами являются монастырскими рабами и стоят вне общества,— их потомки остаются в этом же положении до

пришествия Будды. Монастырских рабов можно использовать только для поддержания чистоты в пагоде» [18, с. 122].

Если мы оборвем слова Халлета на этом месте, то, несомненно, имеем все основания говорить о рабах в полном смысле этого слова: они не имеют права выкупа и возможности освободиться, их используют в качестве слуг при монастыре, они стоят вне общества. Но следующие слова Халлета меняют картину: «В то же время они (монастырские рабы.— *Б. М.*) обязаны отдавать десятину с производимого продукта на содержание монастыря и монахов» [18, с. 122]. Следовательно, кха-ват являются непосредственными производителями; они наделены землей, ведут свое хозяйство и при их эксплуатации используются и феодальные методы. Другими словами, они имеют какую-то, пусть самую минимальную, хозяйственную самостоятельность, т. е. связаны со средствами производства уже не как рабы, а как крепостные, хотя их и продолжают называть кха-ват и они действительно являются потомками подлинных монастырских рабов. «Р. Линга, как и другие европейские авторы, переводит термины „кха“ и „та“ словом „раб“. Таково несомненное происхождение этих терминов. Но в XIX в. кха были преимущественно феодально-зависимыми крестьянами из местного и переселенного в Сиам населения»,— отмечает Н. В. Ребрикова [5, с. 86—87].

В средневековом Сиаме использовался труд рабов-ремесленников [6, с. 105—106, 131, 185, 217]. В то же время, как нам представляется, бóльшая часть ремесленников находилась на положении государственных крепостных, а не рабов. Скажем, сообщение о том, что ремесленники (плотники и золотых дел мастера) стремились в XVII в. откупиться от государственной барщины [33, с. 56], ясно показывает нам, к какой социальной категории мы должны их отнести. По данным, сообщаемым Бастианом, ремесленники в XIX в. подвергались татуировке, т. е. относились к феодально-зависимым (см. [33, с. 55]). Если к этому прибавить неразвитость ремесленного производства, его подчиненность сельскому хозяйству в плане социальной организации, то мы увидим, что труд рабов-ремесленников не играл большой роли во всей экономике феодального Сиама.

Таким образом, рабовладельческие отношения в Сиаме в XIV—XVIII вв., как нам представляется, не сложились в самостоятельный, активно функционирующий социально-экономический организм. Мы не можем говорить (по крайней мере до сих пор это никем и нигде не показано) о существовании крупных рабовладельческих хозяйств, о функционировании такого рабовладельческого хозяйства в деревне или в городе, которое своей экономической деятельностью оказывало бы существенное влияние на экономику района, города, всего общества, которое постепенно расширялось бы, разлагало бы другие хозяйственные структуры и т. п. Мы не можем говорить даже о существовании в эти века в сиамском обществе крупных рабовла-

дельцев. Речь может идти лишь о лицах — владельцах большого количества рабов: короле, принцах, чиновниках, а также буддийских монастырях. Но эти лица получали основные доходы от эксплуатации феодально-зависимых, а не рабов. Труд рабов-ремесленников наряду с трудом крепостных использовался в мастерских, принадлежавших феодальному государству или крупным феодалам.

Таким образом, использование труда рабов, их эксплуатация, как правило, даже для собственников большого числа рабов играли второстепенную роль.

В эпоху формирования сиамского общества, в XIII—XIV вв., в Индокитае в целом рабовладение уже изжило себя. У ведущих (наиболее развитых) народов полуострова, у вьетов, бирманцев, кхмеров, монов, активно развивались феодальные отношения. В наиболее близких к полуострову крупнейших центрах цивилизации, в Индии и Китае, уже длительное время существовало феодальное общество. Все это также оказало влияние на развитие классовых отношений у тай. «В период ранней Аютии (середина XIV в.— вторая половина XVI в.— *Б. М.*) завершается процесс синтеза производительных сил, развивающихся в мон-кхмерском обществе, и той общественной организации, с которой тай пришли с севера. Завершается процесс создания новой общественной формы, нового строя общественных отношений — феодализма» [6, с. 185]. Феодальные социально-экономические отношения неуклонно развивались вширь и вглубь, определяли базис и надстройку сиамского общества в последующих, рассматриваемых нами столетиях вплоть до середины XIX в. Рабовладение как отдельный, самостоятельный уклад в сиамском феодальном обществе этих столетий не сформировалось.

Место рабов и удельный вес их труда в общей системе эксплуатации были в целом весьма незначительны. Численность рабов, их удельный вес в обществе, место в производстве (особенно последнее) были ничтожно малы по сравнению с численностью, удельным весом и местом в общественном производстве различных категорий класса феодально-зависимых производителей, вместе взятых.

Существование в течение столетий тысяч рабов и использование их труда (хотя оно имело место главным образом в непроизводственной сфере), появление новых групп рабов говорит прежде всего о неразвитости в целом производительных сил сиамского общества в XIV—XVIII вв., о медленных темпах его развития, длительности формирования и развития всей структуры феодальных отношений, феодальной формации. Большую роль играла здесь такая характерная черта экономики Сиама в средние века, как «удивительное сочетание высокой земледельческой культуры (поливной рис, сахарный тростник, огородные культуры, разведение тутового шелкопряда) и ремесел (строительных, гончарного, литейного, шелкоткацкого)

в равнинных районах с чрезвычайной примитивностью экономики горных окраин» [6, с. 137]. «Наличие разнообразных естественно-географических зон, вызывавших разделение труда, неравномерность экономического и социального развития обществ в этих зонах сыграли важную роль в формировании экономической основы государства Аютии» [6, с. 137]. Неравномерность экономического и социального развития неизбежно порождала в процессе феодализации этих обществ в горных районах постоянное появление и ростков рабства. В условиях Сиама XIV—XVIII вв. выгодность, рентабельность феодальной эксплуатации не всегда и не во всех сферах хозяйственной деятельности проявлялась достаточно быстро и отчетливо. В важнейшей отрасли производства, сельском хозяйстве, господствовали и развивались феодальные отношения, однако в ремесленном производстве, в строительстве, там, где требовалось применение малоквалифицированного труда в больших масштабах, в обслуживании господствующих классов и в некоторых других сферах оставалась возможность достаточно эффективного использования рабского труда. Он и использовался, но в незначительных размерах, одновременно с использованием труда феодально-зависимых крестьян и ремесленников.

Для нашей темы исключительно важно подчеркнуть, что и в перечисленных выше производственных сферах (ремесло, строительство и т. п.) труд рабов играл крайне незначительную роль. Так, неоднократное восстановление и укрепление столицы Аютии (после войн или захвата ее бирманцами), прорытие судоходных каналов, создание ирригационной сети и прочие строительные работы общегосударственного масштаба осуществлялись за счет выполнения барщиннообязанными трудовой повинности. Руками барщиннообязанных строилась и новая столица (Бангкок) в конце XVIII в. [28, с. 58—59]. В то же время использование труда рабов в рассматриваемые нами столетия не являлось своего рода анахронизмом или диссонансом в общей социально-экономической и общественно-психологической картине сиамского общества (каким оно стало лишь ко второй половине XIX в.). Использование труда рабов не вступало в противоречие с интересами ни одной из влиятельных социальных сил средневекового сиамского общества, не нарушало существовавших государственных законов. Оно не осуждалось ни буддийской монашеской общиной, ни светской властью, ни своего рода общественным мнением того времени, скажем, светской литературой или передовыми для своего времени мыслителями.

Рабы не составляли в средневековом Сиаме отдельного общественного класса. В силу указанных выше причин рабский труд применялся в основном в непроизводственной сфере, рабы являлись низшей социальной прослойкой среди всей массы эксплуатируемых.

Рабство существовало в эти столетия главным образом как правовой институт. Имелись постоянные внешние и внутренние источники потенциальных рабов (привод пленников, долговое рабство и др.), но бо́льшая их часть, даже если они юридически и считались рабами (например, прай луанг входили в категорию кха), фактически были непосредственными производителями, посаженными на землю и эксплуатируемыми уже на основе феодальной ренты. Подавляющее же большинство рабов были домашними рабами. Применение труда рабов в основном в непроизводительной сфере как бы сопутствовало становлению и развитию феодализма и в условиях раннефеодального сиамского общества продолжало существовать в течение нескольких веков, так и не сложившись в уклад.

[1] В противопоставление крестьянам категории прай бан — местному сиамскому населению. Прай луанг считались подданными короля, должны были выполнять трудовые повинности и платить налог, их вносили во все списки податного населения; они имели свое хозяйство, дом, семью [6, с. 156, 237].

[2] Сакди на — ранг, определявший социальное положение в традиционном сиамском обществе [1, с. 61—62].

[3] Если же ребенок был рожден от родителей-рабов в доме хозяина, то он становился рабом без права выкупа.

1. *Берзин Э. О.* История Таиланда (Краткий очерк). М., 1973.
3. *Корнев В. И.* Тайский буддизм. М., 1973.
3. *Миго А.* Кхмеры (История Камбоджи с древнейших времен). М., 1973.
4. *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.
5. *Ребрикова Н. В.* Очерки новой истории Таиланда (1768—1917). М., 1966.
6. *Ребрикова Н. В.* Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII вв.). М., 1977.
7. *Седов Л. А.* Ангкорская империя (Социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX—XIV вв.). М., 1967.
8. *Стрейс Ян. Я.* Три путешествия. М., 1935.
9. *Холл Д. Дж.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
10. *Дамронг.* Древняя история Сиама. Нанкин, 1930.
11. *Bowring J.* The Kingdom and People of Siam. L., 1857. T. 1.
12. *Coedès G.* Recueil des inscriptions du Siam. I. Inscriptions de Sukhodaya. Bangkok, 1924.
13. *Cort M. L.* Siam: or, The heart of Farther India. N. Y., 1886.
14. *Crawfurd J.* Journal of an Embassy from the Governor General of India to the Courts of Siam and Cochinchina; Exhibiting a View of the Actual State of those Kingdom. T. 1. L., 1930.
15. *Damrong.* Our Wars with the Burmese.— Journal of the Burma. Research Society. 1955, vol. 38; 1957, vol. 40.
16. *Dauphin-Meunier.* Histoire du Cambodge. P., 1961.
17. *Gervaise N.* Histoire naturelle et politique de Royaume de Siam. P., 1688.
18. *Hallett H. S.* A Thousand Miles on an Elephant. L., 1890.
19. Journal du voyage de Siam, fait en 1685—1686 par M. l'Abbe de Choisy. P., 1687.
20. *La Loubère.* Description du royaume de Siam. T. 1. Amsterdam, 1700.
21. *Le Blanc.* Histoire de la revolution de Siam arrivée en l'année 1688. T. 1. Lyon, 1692.
22. *Lingat R.* L'esclavage privé dans le vieux droit Siamois (Avec une traduction des anciennes lois Siamoises sur l'esclavage). P., 1931.
23. *Lingat R.* Les régimes matrimoniaux du Sud-Est de l'Asie. t. 1. Les régimes traditionnels. P., 1952.

24. *Orleans P. J.* Histoire de M. Constance, premier ministre du roi de Siam, et de la derniere révolution de cet état. P., 1692.
25. *Pallegoix.* Description du Royaume Thai ou Siam. T. 1. P., 1854.
26. *Rabibhadana A.* The Organization of Thai Society in the Early Bangkok Period. N. Y., 1969.
27. *Schweisguth P.* Etude sur la littérature siamoise. P., 1951.
28. The Dynastic Chronicles Bangkok Era. The First Reign. Thiphakarawong. T. 1. Tokyo, 1978.
29. *Turpin M.* Histoire civile et naturelle du Royaume de Siam et des révolutions qui ont bouleversé cet Empire jusqu'en 1770. T. 1. P., 1771.
30. *Vliet T. van.* Description of the Kingdom of Siam.— Journal of the Siam Society. 1910, vol. 7.
31. *Vliet J. van.* Historical Account of Siam in the 17th century.— Journal of the Siam Society. 1938, vol. 30.
32. *Vliet T. van.* Historical Account of Siam.— The Siam Society Selected Articles. T. 7. Bangkok, 1959.
33. *Wales H. G. Q.* Ancient Siamese Government and Administration. N. Y., 1965.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социально-экономические отношения на средневековом Востоке, несмотря на различие физико-географических условий его отдельных районов, покоились на единой основе: труде свободных крестьян и ремесленников, эксплуатация которых осуществлялась в форме арендной платы или в форме государственных налогов при наиболее высоком уровне эксплуатации в сельском хозяйстве. Исходя из этого, мы априорно можем утверждать, что основные формы социально-экономических отношений для всего Востока должны быть однотипными. Однако разнообразие исторических судеб и культурных традиций стран Востока, прошедших к началу средневековья длительный путь политического, экономического, социального и культурного развития, порождает при первом взгляде на многие социально-экономические явления разных стран впечатление их несхожести, так как общее теряется в массе разнообразных конкретных проявлений из-за различий в терминологии, юридической и административной теории и практики и (не в последней степени) из-за естественной слабости каждого специалиста считать свой материал особенным, неповторимым. В полной мере проявляется это и при изучении рабовладения на средневековом Востоке.

В этих условиях было бы трудно предлагать коллективу авторов настоящей монографии следовать единой концепции — мы ограничились перечнем вопросов, на которые было желательно получить ответ от каждого участника коллективного исследования, полагая, что выявляющиеся таким путем черты единства будут более объективны и убедительны.

И действительно, при всех индивидуальных различиях в подходе к материалу и в самом материале рабовладение на средневековом Востоке обнаруживает несколько кардинальных черт сходства.

Первое, что мы можем констатировать,— рабовладение здесь существовало в условиях достаточного количества рабочих рук во всех сферах производства, и все-таки в некоторых районах число рабов достигало 15% всего населения. Показательно и то, что в течение полутора тысячелетий, с III по XVIII в., ни в одной из стран, затронутых нашим исследованием, не обнаруживается определенной тенденции к сокращению числа рабов: периоды сокращения чередуются с увеличением их численности во время завоевательных войн.

Парадоксальное сочетание большого числа рабов с обеспеченностью ведущих отраслей производства свободными работниками объясняется тем, что всюду, в земледельческих и кочевых обществах, рабы использовались по преимуществу в сфере непосредственного обслуживания господствующего класса (или народа-завоевателя), а не в производстве. По всей видимости, только в раннесредневековой Японии труд рабов достаточно широко применялся в сельском хозяйстве, но не исключено, что это как-то объясняется происшедшим незадолго до этого завоеванием. Такое использование рабов объясняет, почему колебания их численности не оказывали существенного влияния на экономику общества.

Повсюду применение рабского труда в производстве оказывалось нерациональным из-за высоких цен на рабов. Раб был не производительной силой общества, а предметом роскоши, средством обеспечения комфорта господствующему классу.

В этом отношении очень показательно сходство цен на рабов в разных странах в сопоставлении их с ценами на основные продукты питания или рабочий скот. Систематические сведения подобного рода мы находим в противоположных концах Азии — в Японии и на Ближнем Востоке. В Японии в VIII в. раб в среднем стоил 600—750 г серебра, что равнялось цене 3—3,5 т риса или 2 средних коней. На Ближнем Востоке в VIII—XIII вв. средняя цена раба составляла 600—700 г серебра, что равнялось цене 3 т пшеницы или 2—3 рабочих быков.

Разрозненные сведения из других стран Азии не противоречат указанным соотношениям. Так, в Корее цена раба соответствовала цене 2—4 тыс. м холста, в Китае XVII в.— 373—1119 г серебра. В Восточном Туркестане III—V вв. существовали более низкие цены на рабов, но это могло объясняться большим притоком пленных в тот период. Всюду цена неквалифицированного раба была не меньше стоимости продукции, которую он мог произвести примерно за два года. Если учитывать расходы на содержание раба, то окажется, что труд свободного крестьянина или ремесленника обходился несколько дороже, но не требовал от нанимателя первоначального вложения капитала, которого требовала покупка раба.

Отсюда понятно повсеместное стремление применять рабский труд прежде всего в тех сферах хозяйства, где требовалась высокая квалификация, что давало соответственно более высокий доход. Применять рабский труд в сельском хозяйстве имело смысл только при условии получения практически бесплатных рабов-военнопленных.

Единый уровень цен на рабов свидетельствует о существовании глубоких экономических закономерностей, которые пока недостаточно изучены. Проведение целенаправленных исследований в этом направлении поможет понять социально-экономическую сущность феномена рабства в средние века.

Общим для всей Азии (за исключением кочевых степей)

являлось ограничение права хозяина убивать своих рабов. Но здесь мы переходим к области права и административной практики, которые в остальном демонстрируют значительные локальные различия.

Наши исследования показывают существование двух больших регионов, обнаруживающих наибольшую специфику в сфере права и административного регулирования рабовладения: западного, мусульманского и дальневосточного.

В первом из них государство и право ограничивают власть рабовладельца только на убийство раба, а в остальном не вмешиваются в его отношения с рабом (не запрещалось, например, использовать рабынь в качестве наложниц). Не было и ограничения числа рабов у хозяина в зависимости от его социального положения; право лишь ограничивало долю рабов, освобождаемых по завещанию, охраняя интересы наследников.

Здесь существует четко очерченная граница между рабами и свободными; мусульманское право признавало только два состояния: свободы и рабства, хотя фактически существовали различные формы кабальной экономической зависимости, а иногда и контроль за передвижением формально-свободных лиц, что сильно ограничивало личную свободу. Концепция изначальной свободы человека и равенства свободных перед законом не позволяла обращать в рабство за преступления и долги, поэтому важнейшими источниками поступления рабов были войны и ввоз их из других стран.

На Дальнем Востоке, в противоположность этому, существовал всеобъемлющий контроль государства за подданными, простиравшийся до определения количества рабов в зависимости от социального ранга хозяина и предоставления земельных наделов для прокормления рабов. Хозяин был ограничен не только в праве убивать раба, но и в праве, например, сожительствовать с рабыней.

Большая зависимость подданных от государственной администрации и существование различных групп неполноправных свободных размывали четкость социальных различий между рабами и свободными (во всяком случае, об этом говорит уровень изученности этой проблемы). В Китае и Корее положение государственных рабов, получивших надел, практически ничем не отличалось от положения свободных, приписанных к сельскохозяйственному ведомству, точно так же как положение крепостных порой смыкалось с положением частных рабов, наделенных землей. В некоторых случаях только традиция заставляет нас называть одних — рабами, других — крепостными.

Однако при широком территориальном и хронологическом охвате привычные для одной страны определения вступают в противоречие с определениями, привычными для других стран, и это заставляет искать более глубоко обоснованные дефиниции. Для этого требуется различение юридической формы и социально-экономического содержания: строгое и последователь-

ное различение личной зависимости и экономической, государственного рабства в точном смысле этого слова от крайних форм зависимости свободных, труд которых был сопряжен с особо тяжкими повинностями и обязательствами по отношению к государству.

Такое различение трудно провести не только на средневековом Востоке. Даже хорошо известный нам материал эпохи русского крепостничества ставит перед нами трудный вопрос: чем отличается личная зависимость дворового от положения античного раба? Мы имеем лишь абстрактное представление, что крепостные крестьяне суть одно из сословий царских подданных, а не купленные на стороне невольники. Дворовые (как и рабочие крепостных мануфактур) не имели собственных средств производства, могли быть куплены и проданы, наказаны по произволу господина, минуя государственные судебные органы; вступление в брак регулировалось волей хозяина; свободная женщина, вышедшая замуж за крепостного, теряла свободу. Выкуп на свободу, работа по оброку — все это находит полную аналогию в классическом рабстве.

Если сравнить русских крепостных, например, с корейскими ноби, то мы найдем, что различия между ними скорее формальные, чем качественные: первые первоначально были свободными крестьянами и постепенно утратили личную свободу, вторые — рабами, которые в случае, если их сажали на землю, получали некоторую свободу действий. Если же учесть, что ряды ноби-земледельцев пополнялись крестьянами, утратившими экономическую или личную свободу, то следует признать, что отличие значительной их части от крепостных оказывается очень зыбким.

На мусульманском Востоке в связи с четким разделением свободных и рабов подобной проблемы не существовало; хотя в отдельные периоды административный контроль значительно ограничивал свободу передвижения крестьян (особенно в Египте), и это заставляло исследователей говорить об особой форме прикрепления — «прикрепления к поземельному налогу».

Выявленная нами устойчивость рабовладельческого уклада в средневековых обществах Востока, отсутствие бесспорной тенденции к сокращению числа рабов вызывают законный вопрос о соотношении роли рабовладения в социально-экономической структуре древних и средневековых обществ. Сопоставление в отдельных странах пограничных периодов древности и средневековья, укладываемых обычно в пределы первых пяти веков новой эры, не может дать убедительный ответ на этот вопрос, поскольку в течение такого времени число рабов может случайно иметь тенденцию к сокращению под влиянием внешних факторов, как это наблюдалось в некоторые периоды средних веков. Лишь сквозное исследование рабовладения в течение всего доступного изучению периода древности и средневековья может дать убедительный ответ.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИАН — Известия АН СССР. Отделение общественных наук

ПП и ПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока

СТ — Советская тюркология

СЭ — Советская этнография

AOH — Acta Orientalia Huggarica

BZ — Byzantinische Zeitschrift

RO — Rocznik Orientalisticzny

TP — T°oung Pao

СОДЕРЖАНИЕ

РАБСТВО
В СТРАНАХ ВОСТОКА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *И. А. Празаускене*
Младший редактор *Е. В. Степанова*
Художник *Э. С. Зарянский*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Р. Ш. Чемерис* и *И. И. Чернышева*

ИБ № 15424

Сдано в набор 27.02.86. Подписано к печати 17.07.86. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 31,5. Усл. кр.-отт. 31,5. Уч.-изд. л. 35,86. Тираж 1750 экз. Изд. № 5641. Зак. № 255. Цена 5 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

5 р. 20 к.

РАБСТВО В СТРАНАХ ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА